

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

Х. Бим ПАЙПЕР

Гордон Р. ДИКСОН

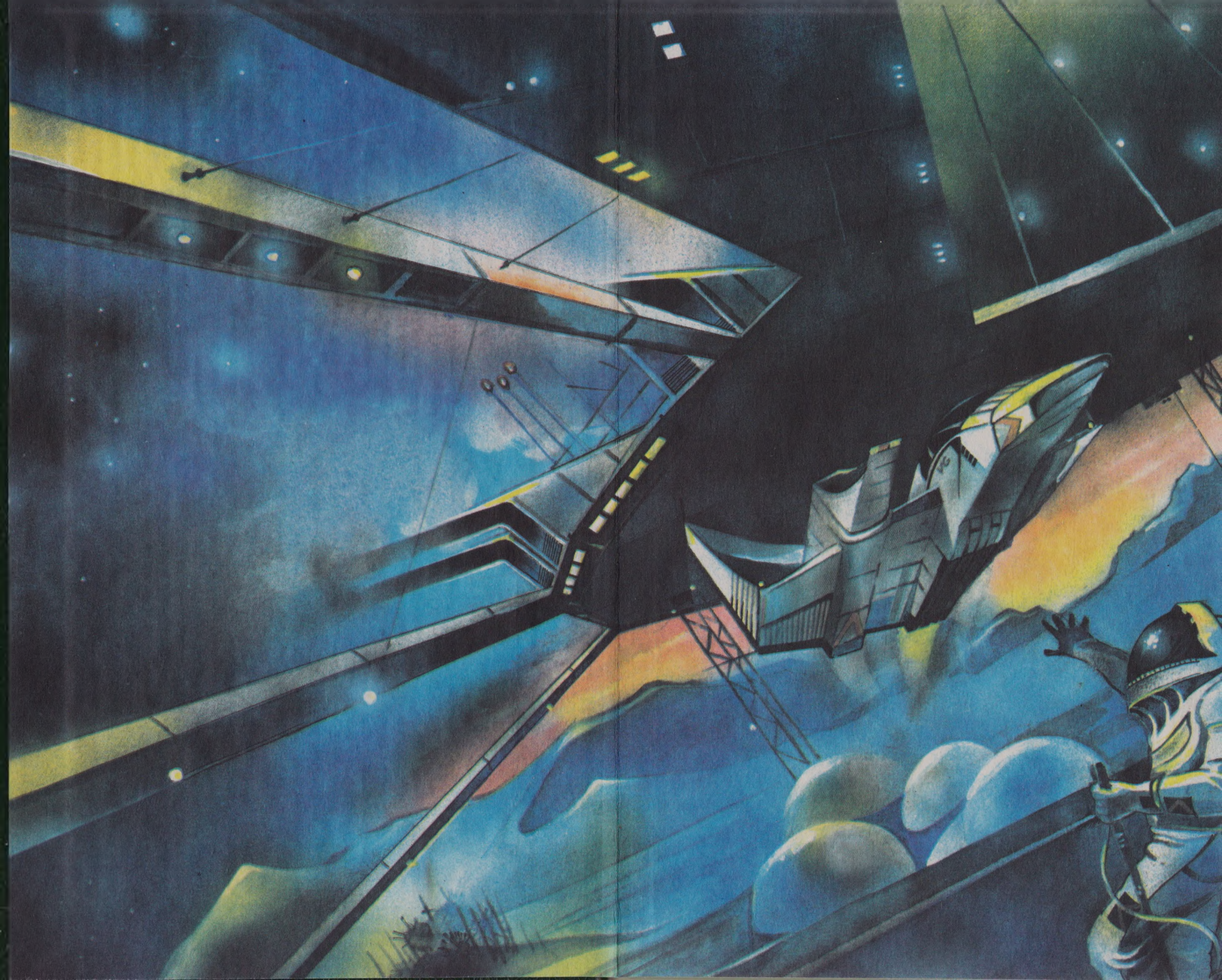

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

MCT

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

STAR TREK

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

**САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ
КИНОСЕРИАЛ
ФАНТАСТИКИ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1993

STAR TREK

James BLISH

STAR TREK

A. Bertram CHANDLER

**INTO THE ALTERNATE
UNIVERSE**

H. Beam PIPER

FOUR-DAY PLANET

Gordon R. DICKSON

THE GENETIC GENERAL

Gordon R. DICKSON

THE SOLDIER

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

**В АЛЬТЕРНАТИВНУЮ
ВСЕЛЕННУЮ**

Х. Бим ПАЙПЕР

**ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ
ПЛАНЕТА**

Гордон Р. ДИКСОН

**ПРИРОЖДЕННЫЙ
ПОЛКОВОДЕЦ**

Гордон Р. ДИКСОН

ВОИН

ББК 84.7 США

*Серия основана в 1992 г.
Перевод с английского.*

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
А. Бертрам ЧАНДЛЕР
Х. Бим ПАЙПЕР
Гордон Р. ДИКСОН

*Составление А. Сазонова
Оформление В. Гусакова и А. Мартюшева*

З-43 Сборник фантастических произведений (Пер. с
англ. М. Алексеев, И. Русакова, А. Прокофьева). —
СПб.: издательство «МСТ», 1993 г., 576 с.

ISBN 5-7109-0007-9

© Перевод: М. Алексеев, И. Русакова, А. Прокофьева, 1993.
© Составление: А. Сазонов, 1993.
© Оформление серии: В. Гусаков, А. Мартюшев, 1993.
© АО «МСТ», 1993.

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фантастический роман

Перевод с английского

Кто скорбит по Адонаю

Как только открылась дверь лифта, все на мостике оторвались от работы.

Кирк загадал: сейчас войдет лейтенант Кэролин Пэламас с докладом об осколках похожего на мрамор вещества, которое они втянули с мертвой планеты из группы Кекропа. Да, он оказался прав. Кэролин протянула ему отчет.

— Спасибо, — стараясь не смотреть в ее сияющие серо-синие глаза, сказал он.

Совершенная красота, подумалось ему, может стать тяжелым бременем для женщины. Взгляды, которые она невольно привлекала, сразу ставили ее в особое положение. А ему не хотелось, чтобы Кэролин Пэламас чувствовала себя одинокой. Ее достоинства заключались не только в роскошных золотистых волосах и серо-синих глазах — она, будучи новым членом экипажа, прекрасно разбиралась в археологии. Кирк постоянно боялся обидеть ее своим восхищенным взглядом. Он сказал:

— Займитесь исследованием Поллукса Четыре, лейтенант.

Доктор Мак-Кой, судя по всему, решил проявить заботу о девушке.

— Кэролин, у вас усталый вид, — заметил он.

— Я всю ночь писала отчет, — ответила она.

— Чашечка кофе взбодрит вас, — вмешался Скотти. — Кэролин, может быть, вы составите мне компанию?

Она улыбнулась.

— Сначала мне надо убрать химикаты.

Когда она ушла, Кирк спросил:

— Боунс, чего это он так разволновался из-за чашки кофе?

— Я влюбился, — коротко ответил Скотти и поспешил за девушкой. Мак-Кой нахмурился.

— Да, Джим, этого я от него не ожидал.

— Скотти — отличный парень, — заметил Кирк.

— Ему кажется, что он именно тот, кто ей нужен, но она, — Мак-Кой покачал головой. — Анализ психического состояния нашей Венеры говорит о ее сильной предрасположенности к супружеской жизни и материнству. Джим, ведь она — женщина до мозга костей. В один прекрасный день она попадется на крючок и вылетит со службы.

— Жаль, Боунс, если мы потеряем ее, — она отличный специалист, но глупо бороться с природой.

Чехов, чье рабочее место находилось рядом с креслом командира, вмешался в разговор.

— Выходим на стандартную орбиту вокруг Поллукса Четыре, сэр.

Поллукс Четыре уже появился на экране. Он был похож на Землю — континенты, моря, облака.

— Мистер Спок, что нам уже известно об этой планете?

— Что она класса М, капитан, — ответил Спок, не отрываясь от компьютера. Кирк взглянул на экран и увидел, как планета, медленно вращаясь, придвинулась ближе. Спок сказал:

— Азотно-кислородная атмосфера, сэр. Живые существа не обнаружены. Примерный возраст — четыре миллиарда лет. Мне кажется, нет смысла высаживаться на ней. — Эта планета ничем не примечательна.

Кирк нажал на кнопку:

— Картографический отдел, приступайте к работе. Перевести сканеры в автоматический режим.

— Капитан, — крикнул Зулу. — Внимание на двенадцатый сканер.

Меджу ними и планетой внезапно возникло нечто бесформенное и настолько прозрачное, что сквозь него были видны звезды. Это нечто быстро росло.

— Откуда... — Мак-Кой замолчал.

— Мистер Зулу, — спросил Чехов, — у меня что, галлюцинация?

— По-моему, нет. Разве что у нас обоих, — ответил Зулу. — Капитан, да ведь это — гигантская рука.

Кирк промолчал. На экране аморфная масса стала принимать очертания гигантских пальцев, ладони, массивного запястья, которое простиралось вниз и выходило из поля зрения наблюдателей.

— Мистер Спок, что говорят приборы? — голос Кирка прозвучал глухо. — Это действительно рука?

— Нет, капитан. Это не живая материя.

— Но тогда это увеличенное изображение.
— Сэр, это — силовое поле.
— Полный назад, — резко приказал Кирк. — Курс 230, отметка 41.

Между тем ладонь уже занимала весь экран, линии на ней казались глубокими впадинами, а огромные возвышения лишь отдаленно напоминали неровности человеческой ладони. Впадины стали более заметными, и Чехов вскрикнул:

— Она сейчас схватит нас!

Впервые Спок наконец-то оторвался от компьютера и взглянул на экран.

— Капитан, если это силовое поле...

— Полный назад! — приказал Кирк.

Свет замигал. Корабль трянуло. Раздался скрежет металла. Все попадали на пол. Зулу, дотянувшись до крышки панели, пытался отбросить ее назад:

— Корабль неуправляем! Он не двигается с места.

Скотти выскочил из лифта, а Кирк, вернувшись на место, обратился к Ухуре:

— Лейтенант, немедленно доложите о происшедшем на Двенадцатую Звездную Базу. Сообщите, что неизвестная сила остановила «Энтерпрайз». — Он повернулся к Зулу. — Мистер Зулу, попытайтесь раскачать корабль: полный вперед, затем назад.

— Капитан, поступили сообщения о полученных повреждениях, — сказала Ухура. — Положение находится под контролем. Корабль пострадал незначительно.

— Мистер Зулу, как дела?

— Сейчас попробую резко сдвинуть его с места, сэр.

Корабль задрожал.

— Бесполезно, капитан. Мы застряли.

Кирк взглянул на экран. Все пространство занимала ладонь. Через нее просвечивали звезды. Кирк отвернулся.

— Данные, мистер Спок, что нам известно?

— Корабль полностью окружен силовым полем. Оно напоминает обычное, но с другой длиной волны. Несмотря на сходство с человеческой рукой, это не живая материя. Это — поле.

— Спасибо, мистер Спок. Мистер Зулу, переключите носовое орудие на отталкивание.

— Есть, сэр.

— Включение!

Корабль дрогнул.

— Бесполезно, сэр, — сказал Зулу. — Похоже, нам нечего отталкивать.

Вмешался Спок.

— Капитан, предлагаю вывести показания двенадцатого сканера на обзорный экран.

— Выполняйте, мистер Спок.

Теперь ладонь скользнула в сторону, а на ее месте на экране стали вырисовываться полупрозрачные черты огромного лица. На мостике «Энтерпрайза» воцарилась мертвая тишина. Наконец огромное лицо появилось целиком, но Кирка поразила не его величина. Никогда раньше он не встречал такого прекрасного мужского лица, а в том, что оно принадлежало именно мужчине, не было никакого сомнения. Увенчанное диадемой из звезд, лицо сияло классической красотой, вечной, как звезды. Темные глаза смотрели прямо на корабль.

Голос, раздавшийся с экрана, вполне соответствовал внешности говорившего.

— Зоны минули, и предначертанное сбылось. Приветствую вас, о мои возлюбленные дети. Ваш дом ждет вас.

Кирк потряс головой, словно пытаясь избавиться от низких всепроникающих звуков. Он оторвался от экрана и обратился к Ухуре.

— Лейтенант, ответная частота.

— Вычислена, сэр. Канал свободен.

Он подтянул к себе микрофон:

— Говорит капитан космического корабля «Энтерпрайз» Джеймс Т. Кирк. Пожалуйста, назовите себя.

Но его просьба осталась без ответа.

— Вы покинули свои поля и равнины и отправились на поиски приключений, — продолжал голос. — Мы вместе будем вспоминать старые добрые времена. Мы будем пить священное вино. В лесах вновь заиграют свирели. Долгое ожидание закончилось.

Слова звучали, как заклинания. Кирк спросил:

— Я не знаю, кто вы, но ответьте мне, это вы остановили наш корабль?

— Я просто велел ветру покинуть ваши паруса.

— Так велите ему вернуться, — сказал Кирк. — Тогда и поговорим. Похоже, вы собираетесь сохранить свое имя в тайне, но предупреждаю вас, мы в состоянии постоять за себя. Освободите корабль!

Губы сложились в одобрительную улыбку:

— В вас не угас прежний огонь. Как вы похожи на своих отцов. Агамемнон... Ахилл... Гектор... троянский.

— К черту историю. Освободите корабль или я...

Улыбка исчезла.

— Вы покоритесь мне. Ведь стоит мне сжать руку в кулак вот так...

Корабль затрясся, как погремушка в руках рассерженного ребенка.

— Капитан, внешнее давление растет, — крикнул Скотти со своего места. — Восемьсот... оно продолжает расти!

— Мистер Скотти, сделайте все возможное.

— Давление критическое, сэр. Тысяча... Корабль не выдержит.

Кирк в ярости повернулся к экрану.

— Хорошо, вы выиграли. Перестаньте.

— Вы получили хороший урок. Помните о нем, — произнес голос. На его суровом лице появилась ослепительная улыбка.

— Капитан, я приглашаю вас и ваших офицеров к себе. Всех, кроме того — с острыми ушами.

Кирк поспешно заметил Споку:

— Не обращайтесь внимания, мистер Спок. Мы не знаем, с кем имеем дело.

Между тем голос потребовал:

— Поторапливайтесь, дети мои. Да возликуют ваши сердца!

— Ну как, Боунс, вы готовы?

— Джим, вы считаете это целесообразным?

— Не хотите же вы, чтобы наш корабль раздавили, как орех.

Кирк встал, и подошел к сидевшему за компьютером Первому помощнику.

— Мистер Спок, вы остаетесь за старшего. Попытайтесь определить природу удерживающей нас силы, привлечите к этой работе всех научных сотрудников. Попытайтесь высвободить корабль.

— Есть, сэр, вы... вниз?

— Да, мистер Спок.

Кирк и сопровождавшие его офицеры оказались среди оливковых деревьев. Перед ними на поросшем травой холме стояло небольшое сооружение из белоснежного мрамора. Оно было украшено шестью колоннами с каннелю-

рами и изящными резными завитками. От храма явно веяло классической древностью. И все же в нем было что-то удивительно знакомое.

Полукруглая лестница вела наверх, внутрь здания.

Чехов и Скотти прикрывали Кирка сзади. Он сказал:

— Следите за показаниями трикодеров.

Кэролин Пэламас побледнела и подошла к Мак-Кою.

— Доктор, а зачем капитан взял меня сюда?

Мак-Кой ответил:

— Вы специалист по древним цивилизациям. Похоже, мы столкнулись с одной из них. Нам пригодится все, что вы сумеете вспомнить. — Он двинулся вслед за Кирком. — Идите. Лучше, если мы все будем рядом с капитаном, когда он подойдет к дверям.

Однако дверей не было. Они сразу оказались в окруженном колоннами помещении. Напротив них на пьедестале стоял резной беломраморный трон. Невдалеке от него, на столе окруженном скамьями, лежали фрукты и мех с вином. Звучали флейты, и мелодия, которую они выводили, была призывной, дикой, языческой. На скамье возле стола сидел тот самый красивый мужчина, лицо которого они видели на экране «Энтерпрайза». Наброшенное на мускулистые смуглые плечи одеяние едва прикрывало бедра. Рядом лежала лира. Он встал и пошел им навстречу.

— Приветствую вас, дети мои! Как долго я ждал вас!

Он был так молод, что, если бы не величие, которым было проникнуто все его существо, слово «дети» могло бы показаться нелепым.

Кирк сказал шепотом:

— Боунс, направьте на него свой трикодер.

— О, мы будем вместе вспоминать о нашей цветущей прекрасной Земле! — мужчина воздел руки, словно призывая воспоминания. — Ее зеленые луга, синее небо, простых пастухов, пасущих свои стада.

— Вы знаете о Земле? — спросил Кирк. — Вы там были?

Мужчина улыбнулся, сверкнув ослепительными зубами.

— Когда-то Земля дрожала, стоило мне лишь взмахнуть рукой, и весна возвращалась по моему повелению.

— Вы говорили об Ахилле, — сказал Кирк. — Откуда вам о нем известно?

— Обратите свой взор в минувшие века, я живу в ва-

ших воспоминаниях. Ваши отцы поклонялись мне и отцы ваших отцов. Я — Аполлон.

Это было правдоподобно до безумия. Храм... лира. Аполлон считался не только богом Солнца, но и покровителем музыки. А этот сидящий напротив них мужчина был действительно красив, как бог, и говорил, как герои античных трагедий...

Чехов рассеял чары.

— В таком случае я царь всея Руси!

— Мистер Чехов!

— Простите, капитан, мне раньше не приходилось встречаться с богами.

— А кто вам сказал, что это бог? — возразил Кирк. — Боунс, что подсказывает ваш трикодер?

— Это самый обычный гуманоид.

— Вы так же невоспитанны, как сатиры. Придется научить вас хорошим манерам. — При этом существо не сводило глаз с Кэролин Пэламас. Оно подошло к ней и потрепало ее за подбородок. Скотти рассвирепел, но Кирк остановил его.

— Спокойно, Скотти.

— Земля всегда рождала красивых женщин. Что ж, хоть это не изменилось. Я рад. Да, мы, боги, были на Земле, как дома, — Зевс, Афина, моя сестра Артемида. Пять тысяч лет тому назад мы были на ней, как дома.

— Ладно, — сказал Кирк. — Мы пришли. Теперь давайте поговорим. Судя по всему, вы один. Может, вам чем-нибудь помочь?

— Помочь мне? Не в ваших силах помочь мне. Вы останетесь здесь. — Это прозвучало, как приговор. — Устройство, доставившее вас сюда, больше не работает.

Кирк откинул крышку коммуникатора. Тишина. Существо заметило как бы между прочим:

— Капитан, это устройство тоже не работает. — Он помолчал. И добавил:

— Вы будете поклоняться мне, как ваши отцы и деды.

— Если вам угодно изображать из себя бога Аполлона, можете продолжать, — возразил Кирк. — Но для нас вы не бог.

— Я сказал, — повторил гуманоид, — что вы будете поклоняться мне.

— Для этого вам нужно многому научиться, мой друг, — отрезал Кирк.

— Нет — вам! Начнем урок!

Кирк не мог поверить своим глазам. Гуманоид, рост которого не превышал шести футов двух дюймов, стал быстро увеличиваться в размерах. Он возвышался над ними уже на двенадцать футов, но все еще продолжал расти. Наконец, он превратился в огромного великана-громовержца. Он сдвинул брови, и раздался оглушительный удар грома. Свет в храме померк, зигзаги молний разорвали темноту. Снова раздался удар грома. Кирк посмотрел вверх и увидел высоко над колонадой храма огромную голову, увенчанную ослепительным нимбом из молний.

Аполлон произнес:

— Добро пожаловать на Олимп, капитан Кирк!

Командир «Энтерпрайз» замер в замешательстве. Его разум отказывался признавать божественную природу существа, хотя все говорило о том, что это правда. Вдруг он заметил, что лицо Аполлона исказилось, массивные плечи опустились. Затем он исчез.

Первым заговорил Мак-Кой:

— М-да, замечательно.

Кирк повернулся к девушке:

— Лейтенант Пэламас, что вам известно об Аполлоне?

Она смотрел на него невидящими глазами.

— Что?.. а, Аполлон. Он... он был сыном Зевса и Латоны, смертной женщины. Считался богом света, музыки, стрельбы из лука, покровительствовал прорицателям.

— А это существо?

Она задумалась.

— Судя по всему, ему известно о Земле. Его манера говорить, внешность наводят на мысль об античности. Его лицо имеет портретное сходство со скульптурными изображениями богов, сохранившимися в музеях.

— Боунс, вы?

— Я пока не могу сказать ничего определенного. Внешне он похож на человека, но это ни о чем не говорит.

— Кто бы это ни был, — заметил Чехов, — он стоит на высокой ступени развития.

— Это существо обладает огромными запасами энергии, — добавил Скотти. — Такие фокусы требуют огромного расхода энергии.

— Очень хорошо. Но какой энергии? Где находится источник? — нетерпеливо спросил Кирк. — Осмотрите все вокруг и попробуйте установить источник энергии.

Скотти и Чехов двинулись вперед с трикодерами наготове, а Кирк в раздумье повернулся к Мак-Кою. — Сдается мне, что пять тысяч лет тому назад...

— У вас появилась гипотеза, Джим?

— Возможно. Что, если...

— Джим, смотрите!

Аполлон, снова приняв свое человеческое обличье, сидел на мраморном троне.

— Подойдите, — приказал он.

Они повиновались. Кирк заговорил.

— Мистер, — начал он, затем помедлил и наконец решился. — Аполлон, будьте любезны, скажите нам, чего вы от нас хотите. И, если можно, не будем упоминать об Олимпе.

— Я хочу от вас того, что принадлежит мне по праву, — верности, жертвоприношений и поклонения.

— Что вы предлагаете взамен?

Темные глаза задумчиво посмотрели на Кирка.

— Я предлагаю вам жизнь простую и полную радостей, такую, какой она была на нашей прекрасной Земле тысячи лет тому назад.

— Мы не привыкли кланяться каждому, кто встречается на нашем пути.

— Вы похожи на Агамемнона. И Геркулеса. Они были такими же гордыми и высокими. — Низкий голос дрогнул от горечи. — Они тоже пытались бороться со мной, узнали всю тяжесть моего гнева.

Скотти подошел к Кирку и услышал последние слова Аполлона.

— Мы тоже можем прогневаться, — заявил он запальчиво.

— На моем корабле сто тридцать человек, — добавил Кирк. — И они...

— Они мои, — сказал Аполлон. — Я волен позаботиться о них или их уничтожить.

В разговор внезапно вмешалась Кэролин:

— Но зачем? Это совершенно бессмысленно.

Взгляд Аполлона остановился на ее сияющих золотистых волосах.

— Как тебя зовут?

— Лейтенант Пэламас.

— Я хочу знать твое имя.

Она с мольбой взглянула на Кирка.

— Кэролин.

— Да. — Аполлон подался вперед. — Афродита нео-

быкновенно щедро одарила тебя красотой. Мне есть о чем рассказать тебе. Мы с тобой будем говорить о подвигах и о любви.

— Оставь ее в покое! — крикнул Скотти.

— Ты возражаешь? — Аполлон рассмеялся. — Смертный, ты многим рискуешь.

Скотти выхватил фазер:

— И ты тоже!

Аполлон мгновенно поднялся на ноги и указал на фазер. Из пальца вылетело синее пламя, и Скотти, закричав от боли, выронил оружие.

Кирк наклонился, чтобы поднять его, но его опередил Чехов. Фазер превратился в комок расплавленного металла. Чехов передал его Кирку. Комок был горячим на ощупь.

— Весьма впечатляюще, — произнес Кирк с неподдельным уважением в голосе. — Как вы генерируете энергию?

— Капитан! — крикнул Чехов. — Фазеры!

Кирк вытащил свой фазер — он тоже превратился в кусок бесполезного металла.

— Ваши игрушки не будут действовать.

Аполлон решил сменить тему. Он спустился с трона и подошел к Кэролин.

— Да, — сказал он, глядя ей в глаза. — Киприда проявила необычную щедрость. Но та рука, которая держит лук, должна быть обнаженной.

Он дотронулся до ее одежды. Ткань стала тонкой и упала мягкими золотистыми складками. На Кэролин появился длинный мягкий хитон, оставлявший левое плечо открытым. Ботинки превратились в золотые сандалии.

Она прошептала в восхищении:

— Как это красиво.

— Это ты красива, — сказал он. — Идем.

— Она не пойдет с тобой! — крикнул Скотти. Он с гневом шагнул в их сторону и был отброшен на мраморную скамью. Мак-Кой бросился к нему.

— Этому смертному нужно научиться повиноваться. — сказал Аполлон. — Как, впрочем, и всем вам. — Он держал Кэролин за руку. — Но ты... ты пойдешь со мной.

Кирк попытался подойти к ним, но девушка покачала головой:

— Все в порядке, капитан.

Услышав это, Аполлон улыбнулся.

— Вот и хорошо. Ты не боишься. Мне это нравится. Внезапно их обоих охватило сияние, и они растворились в нем.

Мак-Кой крикнул Кирку:

— Скотти без сознания, но он уже приходит в себя. Джим, мне кажется, что мы не должны были позволять Кэролин уйти. С этим Аполлоном нужно держать ухо востро.

— Не так-то просто было его остановить, — сказал Кирк. — Скотти вот попытался.

— Мне не нравится, что у него постоянно меняется настроение. То он великодушный, то злой. Он может ее убить, если она попытается ему возражать.

— Да, — Кирк повернулся к Чехову. — Мистер Чехов, продолжайте наблюдение. С вами все в порядке, Скотти?

Инженер мотнул головой:

— Не знаю. Я весь горю. Внутри все жжет. Он забрал ее с собой?

— Похоже на то, Скотти.

— Капитан, его нужно остановить! Он ее хочет, он смотрел на нее.

— Мистер Скотти, лейтенант пошла с ним добровольно с целью побольше о нем узнать. Я понимаю ваше беспокойство, но она делает свое дело. Пора и вам заняться своим. Нам нужно установить, откуда он черпает энергию. У вас есть трикодер. Начинайте работать. И еще, не смейте оказывать ему сопротивление. Я не хочу, чтобы вас убили. Это приказ.

Скотти помрачнел и побрел вслед за Чеховым. Мак-Кой сказал:

— Джим, Скотти не верит в богов.

— Но Аполлон мог бы быть богом в прошлом.

— Вы так считаете?

— Боунс, что если пять тысяч лет тому назад группа высокоразвитых гуманоидов прилетела на Землю и приземлилась неподалеку от Эгейского моря. Простодушные греческие пастухи вполне могли принять их за богов. Особенно если они умели принимать другой облик и обладали огромными запасами энергии?

Мак-Кой задумался. Потом кивнул. — Они похожи на людей: иногда великодушные, иногда мстительные. Возможно, вы правы. Но я предпочел бы, чтобы наша красавица была в безопасности на борту «Энтерпрайза».

Золотые сандалии Кэролин ступали по мягкой траве на поляне.

Мак-Кой назвал человека, идущего рядом с ней, обыкновенным гуманоидом. Воздух был наполнен щебетанием птиц. Ее рука покоилась в его руке. Он поднял ее к своим губам — они были такими теплыми. Сквозь пение птиц до нее долетал шум водопада. Кэролин Пэлмас подумала: «Я и боюсь и не боюсь его. Как странно».

— Я знал многих женщин, — сказал он. — Смертных Дафну, Кассандру. Ни одна из них не была так прекрасна, как ты. Ты боишься меня?

— Я... я не знаю. Не каждый день слышишь такое от...

— От бога. Повсрь мне.

Она решила сменить тему:

— Откуда ты знаешь о Земле?

— Ты ведь тоже ее помнишь? Земля — это и мой дом, я всегда с благоговением вспоминал о ней. Там было весело, были храбрые герои, прекрасные женщины.

— Ты так одинок, — сказала она. — Остальные, где все остальные? Гера, Гермес, твоя сестра Артемида?

— Они унеслись к звездам на крыльях ветра, — ответил он.

— Ты хочешь сказать, что они умерли?

— Нет, мы, боги, бессмертны. Это Земля умерла. Ваши отцы отвернулись от нас, и мы превратились в воспоминания. Бог не может быть воспоминанием. Нам нужно, чтобы нам поклонялись, любили.

— Ты действительно считаешь себя богом?

Он рассмеялся.

— Это уже вошло в привычку. Но отчасти это правда. Жизнь людей зависела от нас. Когда люди отвергли нас, мы могли спуститься с Олимпа и уничтожить их. Но мы не захотели убивать. Поэтому мы вернулись к звездам.

Его голос дрогнул.

— Те, кто любил нас, уже давно ушли. Мы ждали тысячи лет, без поклонения, без любви.

— Но ты говорил, что боги не умирают.

— Гера ушла первой. Она встала перед храмом, и ветер подхватил ее, она становилась все легче и легче и наконец исчезла совсем. Даже боги не всегда могут вернуться назад. — Он помолчал, затем повернулся к ней.

— И вот пришли вы, — сказал он.

Легкий ветер шевелил траву у его ног. Его взгляд о многом говорил ей. И ей было приятно это. Внезапно ее охватила непонятная тревога.

— Я знал, что вы когда-нибудь отправитесь к звездам. Из всех богов я один в это верил. Я ждал, когда вы придете в храм и сядете рядом со мной. Я был так одинок.

Она ничего не ответила.

— Зевс, — сказал он, — взял Латону, мою мать. Она была смертной, как ты. Он взял ее, чтобы заботиться о ней, охранять ее, любить.

Он обнял ее, но она прошептала:

— Нет, нет, только не сейчас. Я... ты так добр ко мне и так одинок. Мне жаль тебя, но... Но я не знаю. Я...

— Я ждал пять тысяч лет.

Он поцеловал ее. Она слегка отшатнулась, и он выпустил ее.

— Я подожду, пока ты успокоишься. Храм недалеко.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб, затем повернулся и пошел вверх по склону. Она смотрела ему вслед. По ее щекам текли слезы. Что-то должно произойти. Кто скажет, что ее ждет? Между тем птицы умолкли и тени стали длиннее. Она подождала еще немного и пошла вверх за ним к храму.

Кирк, Скотти, Мак-Кой и Чехов в это время осматривали территорию вокруг храма. Она услышала, как Чехов крикнул Кирку:

— Капитан, мой трикодер реагирует на какой-то источник энергии.

Она была рада, что Скотти смотрел сейчас на землю.

— Капитан, я не могу определить его точного местонахождения.

— Зато похоже, что Аполлону это удастся, мистер Скотти. Он подзаряжается именно от него. Но каким образом?

— Электрический угорь тоже умеет генерировать энергию и управлять ею без вреда для себя, — сказал Чехов. — А сухой червь на Атносе...

— Прошу вас, не надо перечислять все, что вы знаете, — взмолился Мак-Кой.

— Но капитан просил предоставить ему необходимую информацию, — невозмутимо ответил Чехов.

— Джим, Спок скоро совсем испортит этого парня.

— Мистер Чехов, вы считаете, что Аполлон питается энергией, разряжая ее через свое тело? — спросил Кирк.

— Похоже на то, сэр.

— Но мы не знаем, откуда он черпает энергию. Мы должны это выяснить, если мы хотим отрезать его от источника!

— Это необходимо сделать в первую очередь, — пробормотал Мак-Кой.

— Боунс, это все, что вы можете нам предложить?

— Да, правда, есть и еще кое-что. У нашего Аполлона имеется дополнительный орган. Понятия не имею, какие функции он выполняет.

— Дополнительный орган? Боунс, есть ли хоть малейший шанс...

— Капитан! — крикнул Скотти.

Неожиданно Аполлон появился на ступенях храма. Кирк направился к нему.

— Где лейтенант Пэламас?

— С ней все в порядке.

— И все же я хотел бы знать.

— Пусть вас это больше не волнует, капитан Кирк.

— Ты, варвар проклятый, что ты с ней сделал? — закричал Скотти.

Кирк не успел его остановить. Скотти схватил камень и бросился на Аполлона. Тот поднял руку, и из его пальца вылетела синяя молния. Скотти подлетел вверх и плашмя упал на землю, камень выпал из его руки и покатился вниз по склону холма.

— Как он? — спросил Кирк.

Мак-Кой наклонился над Скотти.

— Ничего утешительного, Джим. Он в глубоком шоке.

Кирк посмотрел на Скотти. Из глубокой раны на его лице сочилась кровь. Кирк постоял некоторое время, наблюдая, как Мак-Кой набирает лекарство в шприц. Затем он повернулся и стал подниматься вверх по ступеням храма.

— Ну ладно, мистер последний из богов. Вы хотели найти любовь? А посеяли ненависть. Отныне...

Аполлон направился на него. Синяя молния ударила его прямо в грудь. Кирк задохнулся, хватаясь руками за сердце, потом потерял сознание и упал лицом вниз.

Мак-Кой подбежал к нему и оттянул ему веко.

— Второй пациент, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — Два идиота.

Кэролин, оправившись от испуга, выскочила из-за дерева и с криком бросилась к ступеням храма.

— Что ты с ними сделал? Что ты натворил?!

— Я должен был проучить их, — устало проговорил Аполлон.

Она повернулась к нему спиной и побежала к своим товарищам. Кирк пытался встать, Мак-Кой поддерживал его за плечи. Она опустилась на колени возле Скотти и туникой вытерла кровь с его подбородка. Когда она дотронулась до него, он открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Что произошло? — вымолвил он.

— Постарайтесь держать себя в руках в следующий раз, — сухо заметил Мак-Кой.

— Я ему голову оторву, — сказал Скотти.

— Вы нарушили приказ! Когда мы вернемся на корабль, то займемся вашим делом.

— Она ведь стоит того, капитан.

— Вы офицер звездного флота! Ведите себя достойно! Кроме того, вас могли убить!

Кэролин вскочила на ноги.

— Аполлон не собирается никого убивать.

Кирк уставился на нее.

«Женщины есть женщины! — подумал он. — Они так доверчивы». А вслух холодно заметил:

— Лейтенант, он уже несколько раз попытался это сделать.

— Он мог, но он никого не убил! Капитан, вы должны это понять! Он не собирается вредить нам. Он просто очень одинок. Он — бог света, музыки. Он не причинит нам вреда!

Кирк схватил ее за плечи.

— Что он с вами сделал?

— Ничего, мы просто разговаривали.

— О чем?

— Капитан, я...

Голос Кирка был твердым, как камни храма.

— Отвечайте, лейтенант. То, что он говорил, может помочь нам.

Она опустила глаза:

— Он сказал, что наступает момент, после которого уже нельзя ничего вернуть, это непосильно даже для бога. Конечно, он не бог, он так человечен!

— Но он также и не человек, — мрачно заметил Скотти.

— Нет! — крикнула она. — Он даже более, чем человек.

— Лейтенант, на корабле четыреста тридцать членов экипажа, и они в беде.

— О, я знаю, капитан! Вы думаете, что я не знаю об этом? Я просто не могу... — она заплакала.

— Помягче с ней, Джим.

— Зачем? Чтобы она могла разыграть увлекательное любовное приключение?

— За ней ухаживает сам бог. Это не слабо, Джим.

Кирк в раздражении пожал плечами.

— Как вы себя чувствуете, Скотти?

— Я не могу пошевелить левой рукой.

— Вы не сможете этого сделать в течение некоторого времени. У вас какое-то повреждение нерва. Джим, я мог бы помочь вам, если бы у меня с собой были необходимые инструменты.

— Есть еще одна причина, по которой нам нужно уйти отсюда, — Кирк перешагнул через бревно, отпихнул его в сторону и, повернувшись, помахал Мак-Кою.

— Боунс, послушай. Я пытался вспомнить, что я знаю из греческой мифологии. Так вот, после того, как они растрачивали энергию, богам нужен был отдых, как и людям. По крайней мере, я думаю, предполагаю, что это так.

— Вы думаете, что Аполлон где-то заряжает свои батареи?

— Это не так уж невероятно. Он снова исчез, не так ли? Почему бы ему не отдохнуть где-нибудь после того представления, которое он нам устроил? Вспомните, ведь он поддерживает силовое поле вокруг корабля, да еще истощает энергию здесь внизу. Что я имею в виду? А что, если мы перегрузим его, истощим его? Это может нам помочь.

— Проблема в том, что он может нас всех убить.

— Нет, если нам удастся спровоцировать его на то, чтобы он снова ударил одного из нас, утечка энергии может сделать его уязвимым, и он не сможет причинить вреда остальным.

— Я по-прежнему боюсь, что мы можем все погибнуть.

— Боунс, вы пессимист. Это наш единственный выход. Когда он вернется, мы попробуем. Намекните Чехо-

ву о плане. Неподвижная рука Скотти выводит его из драки. Между прочим, давайте уведем его в тень храма. На солнце жарко.

Но Кэролин Пэламас уже помогала Скотти перебраться в прохладу храма и устроиться на скамье. Кирк, последовавший за ними, услышал, как она сказала:

— Мне так жаль, извини.

— Я не виню тебя, — мрачно ответил Скотти, глядя ей в лицо. Он оттолкнулся здоровой рукой. — Кэролин, ты не должна позволить себе влюбиться в него!

— Ты думаешь, я хочу этого?

Кирк прервал их:

— На этот вопрос вы должны ответить, лейтенант. Чего на самом деле вы хотите? Соберитесь с духом, расскажите.

— Джим, он перезарядил свои батареи.

Мак-Кой предупредил его очень тихо. Кирк обернулся.

Полный сил, сияющий Аполлон стоял, облокотившись на мраморный трон, темные глаза его были устремлены на них, он внимательно наблюдал.

— Подойдите, — произнес он.

Кирк, Мак-Кой и Чехов повиновались.

— Вы пытаетесь убежать от меня. Это бесполезно. Я знаю все, что вы, смертные, делаете.

— Вы ничего не знаете о нас, смертных, — сказал Кирк. — Смертные, о которых вы знаете, это наши отдаленные предки. Это они трепетали перед вашими трюками. Но нас они не пугают, как не пугаете и вы. — Он говорил с намеренной дерзостью. — Мы прошли длинный путь эволюции за пять тысяч лет.

— Я могу уничтожить вас одним взмахом руки. — Сверкнула ослепительная улыбка. — Затем я могу возродить вас снова. Я могу давать жизнь и забирать ее. Что еще человечеству нужно от его богов?

— Нам этого достаточно, — сказал Кирк.

Аполлон утомленно вздохнул.

— Больше никаких дискуссий, смертный. Я предлагаю вам вечную радость, как в старые добрые времена. А прошу очень малого взамен. Но того, чего я прошу, я добьюсь.

Он наклонился вперед:

— Подойдите ко мне.

Они не только не повиновались, но вместо этого

повернулись к нему спиной и направились к выходу из храма.

— Я сказал, подойдите ко мне!

— Нет, — бросил Кирк через плечо.

— Вы будете собирать лавровые листья! Вы будете зажигать древние огни! Вы убьете оленя и принесете мне жертву!

Кирк расхохотался.

— Собирать лавровые листья? Вы только его послушайте.

— Сейчас и без костров тепло! — крикнул Мак-Кой.

Чехов рассмеялся:

— Может, нам еще станцевать вокруг майского дерева?

Аполлон поднялся.

— Вы пожнете плоды своего высокомерия.

— Разойдитесь. Приготовьтесь, — тихо сказал Кирк. Затем он повернулся и крикнул: — Мы устали от вас и ваших дурацких фейерверков!

— Вы это заслужили.

Аполлон поднял руку, когда Кэролин крикнула:

— Нет! Нет, пожалуйста, нет! Отец не убивает своих детей! Ты добр! Ты любишь их! Как они могут почитать тебя, если ты причиняешь им боль? Смертные часто совершают ошибки, ты знаешь нас!

— Шш-шш, — зашикал Кирк. Она на него едва взглянула. Теперь она стояла на коленях перед тронем.

— Пожалуйста, ты знаешь так много о любви. Не причиняй им боль!

Поднятая рука опустилась. Аполлон сошел с возвышения и заключил ее в свои объятия. Затем он посадил Кэролин на свой трон. Положив руку на ее плечо, он повернулся к ним.

— Она моя любовь на десять тысяч лет, — сказал он. — Ради нее я буду снисходителен к вам. Приведите остальных людей сюда. Им понадобятся дома. Велите своим ремесленникам принести топоры.

Голос Кирка прерывался от горького разочарования:

— А вы нам, конечно же, поставите овец, которых мы будем пасти, и свирели, на которых мы будем играть.

Аполлон обнял Кэролин, и в следующий миг вокруг них появилось солнечное сияние. Они растворились в нем и исчезли.

— Капитан, мы должны сделать что-нибудь!

Кирк подошел к скамье, на которой лежал Скотти.

— Мы пытались что-то сделать, пока эта ваша девчонка не вмешалась! Ладно, она остановила его на этот раз! Как вы думаете, как долго продлится ее влияние?

Кэролин тоже задавала себе этот вопрос.

Боги были известны непостоянством в любви. Теперь летняя трава на склоне, поросшем оливами, была еще зелена под ее сандалиями. А осенью или зимой? Они ведь придут в свой черед? Лето пройдет, а когда оно кончится, она узнает, катастрофа или слава ждут ее. Сейчас же она ничего не хотела знать, кроме тепла его руки.

— Они глупцы, — сказал он. — Они думают, что прошли путь эволюции. Они ошибаются. Они забыли все, что придает жизни смысл. Смысл жизни богов смертных.

— Они мои друзья, — произнесла она.

— Они будут с тобой, — сказал он. — Я заставлю их остаться с тобой, с нами. Ради тебя я буду заботиться о них.

Ее била дрожь. Она крепко сжала руки, чтобы уменьшить ее. Он взял их в свои.

— Я лучше любой твоей мечты о любви, — продолжал он. — Ты и я — мы оба теперь бессмертны.

Их губы слились в поцелуе. Кэролин обняла его.

— Да, ты прав, — прошептала она. — Да, да, да.

Кирк настороженно посмотрел на нее, когда она снова вернулась в храм.

— Лейтенант, а где он?

Она не ответила, и Скотти, с трудом подняв голову от скамьи, увидел ее лицо.

— Что с ней случилось? Если он...

Она молча прошла мимо него к трону. Ее взгляд был уже взглядом женщины. Стало ясно, что мужчины с «Энтерпрайза» перестали для нее существовать.

— Она не может говорить, — сказал Скотти озадаченно. — Он лишил ее дара речи.

— Полегче, Скотти, — сказал Кирк. — Она не будет разговаривать с вами. Вы слишком заинтересованное лицо. Но она будет разговаривать со мной.

— Вам нужна помощь, капитан? — спросил Чехов.

— Скольков вам лет, лейтенант Чехов?

— Двадцать два, сэр.

— Тогда оставайтесь на месте, — сказал Кирк. Он подошел к девушке. — С вами все в порядке, лейтенант Пэламас?

Она спустилась с помоста.

— Что?

— Я спросил, все ли с вами в порядке?

— В порядке? О, да. Со мной все в порядке. А у меня есть для вас сообщение.

— Садитесь. — сказал Кирк. — Сюда, на скамью. Рядом со мной, сюда.

Она сглотнула.

— Он хочет, чтобы мы жили в вечной радости. Он хочет охранять нас и доставлять нам все, что нужно, до конца наших дней. Он это может.

Кирк встал.

— Хорошо, лейтенант, придите в себя. Вспомните, что у вас есть работа.

— Работа? Он расцветает от любви, поклонения. Это его пища. Сам он дает так много, — сказала она. — Он дает...

— Мы не можем дать ему поклонение. Никто из нас и особенно вы.

— Что?

— Отвергните его. Вы должны!

— Я люблю его, — сказала она.

Кирк потер щеку ладонью.

— Все наши жизни, и здесь, и на корабле, зависят от вас.

— Нет, не от меня, пожалуйста, не от меня!

— От вас, лейтенант. Вы обрекаете команду «Энтерпрайза» на рабство. Вы меня слышите? На рабство!

Сине-серые глаза не понимали.

— Он хочет для нас добра. И он так одинок. — Ее голос дрогнул: — То, что вы требуете от меня, разобьет его сердце. Как я могу? Как я могу? — Она разразилась судорожными рыданиями.

— Дайте мне вашу руку, лейтенант.

— Что?

Он схватил ее руку.

— Чувствуете мою? Человеческую плоть рядом с человеческой плотью? Это плоть, рожденная одним временем. Одно столетие породило нас, вас и меня. Мы современники, лейтенант.

Его голос потерял теплоту.

— Вы должны вспомнить, кто вы! Комок плоти и

крови, плывущий в бесконечном космосе. Единственное, что действительно ваше, — это маленький отрезок времени, который вы делите с человечеством и который принадлежит вам по-настоящему. А вот его отрезок времени — чужой для нас. Вы понимаете меня?

В ее глазах была мука. Но он выдерживал натиск до тех пор, пока она не прошептала:

— Да, я понимаю. — Она встала, отошла от него механически, наклонилась, чтобы подобрать трикодер, а затем, полуобернувшись, посмотрела на потолок храма, словно прислушиваясь.

— Он зовет меня, — прошептала она.

— Я ничего не слышу, — сказал он.

Она не ответила. Лицо его стало совсем жестким. В отчаянии он схватил ее за плечи. Но когда он дотронулся до нее, она стала как бы растворяться, ускользать.

Кирк остался один. Опустившись на скамью, он обхватил голову руками. Рабство ждет их всех — Мак-Коя, Скотти, Чехова. И те, что наверху на корабле, тоже будут поработаны. Это Зулу, Ухура, Спок.

— Говорит Спок, капитан! «Энтерпрайз» вызывает капитана Кирка! Отвечайте, капитан!

— Я сошел с ума, — сказал Кирк. Его бесполезный коммуникатор снова загудел. — Связь восстановлена, капитан. Отвечайте. Старший помощник Спок вызывает капитана Кирка.

— Кирк на связи, мистер Спок.

— С вами все в порядке, сэр?

— Да, мистер Спок.

— Мы заметили источник энергии на планете, который может быть связан с силовым полем. Около вас есть какое-либо сооружение?

У Кирка возникло желание по-идиотски рассмеяться.

— И правда, мистер Спок. Я в нем.

— Энергия определенно исходит из него.

— Да ладно. Как у вас дела с силовым полем?

— Атомная электроника подсказывает, что мы можем проделать в нем дыры, синхронизировав банки наших фазеров. Мы нацелим наши фазеры, и перед ними будут прорывы в поле.

Кирк набрал полные легкие воздуха.

— Должно получиться, мистер Спок. Пусть Зулу замкнет все фазерные банки на это сооружение. Стреляйте по моему сигналу, но поаккуратнее. Нам требуется время, чтобы выбраться отсюда.

— Я бы порекомендовал вам всем отойти на безопасное расстояние, капитан.

— Поверьте, мистер Спок, мы были бы рады так сделать, но мы не все вместе. Один из нас — заложник греческого бога Аполлона. Мраморный храм — это источник его энергии. Я хочу знать, где он сам будет, когда мы будем атаковать храм. Отбой.

— Я, кажется, потерял чувство реальности, — МакКой с любопытством посмотрел на Кирка. — Или, возможно, вы. Это Спок разговаривал с вами по сломанному коммуникатору или какие-нибудь духи?

— Связь восстановлена. Не спрашивайте меня, как. Спросите Спока, когда вы с ним снова встретитесь. Теперь нам надо выбираться отсюда. Все фазерные банки на «Энтерпрайзе» нацелены на это нечто. Я помогу вам перенести Скотти в другое место.

Скотти сказал:

— Сэр, я не уйду.

Затем он забеспокоился:

— Капитан, мы должны подождать до тех пор, пока Кэролин не придет, и только тогда стрелять по храму. Мы не знаем, что он сделает с ней, если его внезапно атакуют.

— Я знаю, — сказал Кирк. — Конечно, мы подождем.

Пристроив поврежденную руку поудобнее, он продолжал:

— Скажите, Боунс, а этот загадочный орган в великолепной груди Аполлона может служить для передачи энергии?

— Не представляю себе, для чего он предназначен, Джим.

Великолепная грудь, несмотря на какой-то дополнительный орган имела особое значение для Кэролин Пэламас. Она вся сосредоточилась на одной мысли. Она не должна позволить ему дотронуться до себя. Если только он дотронется до нее...

— Ты передала им мое послание, — произнес он. — Ты их убедила?

Можно было бы сказать, что он сам был источником таинственной силы. Но нет. Он был источником необъяснимого восторга. Люди, миллионы людей разделяли вместе с ней один момент времени. Они наполняли его вместе с ней. Но ни один из них не мог пробудить такого экстаза, какой рождался в ней от одного звука его голоса.

— Ты убедила их, — сказал он. — Кто может отказать тебе в чем-либо?

Его глаза были, как ночное небо, усыпанное звездами. Он схватил ее в свои объятия и она не смогла отказать ему в поцелуе.

— Я должна сказать, что ты пародируешь человеческое поведение весьма удачно, — сказала она. — Ваш эволюционный путь...

— Ты о чем?

— Я уверена, что он весьма уникален. Я не встречала еще ничего подобного.

— Неужели? — В его глазах искрился смех, когда он снова потянулся к ней. Однако она держалась отстраненно. Искра высекла гнев.

— Я — Аполлон! Я избрал тебя.

— Но у меня есть работа.

— Работа? У тебя?

— Я ученый. Моя специальность — следы, изношенные остатки прошлого. — Она выдавила из себя смех. — Теперь ты знаешь, почему я изучала тебя. — Она сняла с плеча трикодер, направив его на него. — Я была бы рада, если бы ты сказал мне, как ты украл храм из Греции?

Он выбил трикодер из ее рук.

— Ты не должна так разговаривать! Ты же любишь меня! Ты думаешь, я не знаю, когда меня любят?

— Ты путаешь меня с пастушкой. Я могу любить тебя не больше, чем новый вид бактерии. — Приподняв кайму на своем золотом одеянии, она оставила его и пошла назад к холму. Он оказался рядом с ней. Боль и гнев отразились на его лице.

— Кэролин, что ты сказала мне? Я запрещаю тебе уходить. Я повелеваю тебе вернуться ко мне!

«Я умираю», — подумала она. Но вслух произнесла:

— А где же молнии, которые бросали твоих перепуганных нимф на колени?

Ей показалось, что прошла вечность. Его рука соскользнула с ее плеча. Затем дикий крик вырвался из груди Аполлона. Он поднял руку и потряс кулаком в воздухе. Воздух на холме внезапно стал душным, гнетущим. Солнце скрылось. Прохладный бриз начал трепать края ее одеяния, когда она побежала вверх по склону.

В это время ветер не просто трепал куртку Кирка. Жестокий порыв едва не сдул ее с плеч. При его нарастающем вое коммуникатор едва гудел.

— Капитан, — сказал Спок. — Датчики отмечают сильное атмосферное возмущение в вашем районе.

Датчики не преувеличивали. Тучи над головой Кирка сгустились и потемнели до черноты. Ее расколола трехзубая змея молнии, затем последовал удар грома и еще одна молния сверкнула в небе. Кирк услышал треск сломанного дерева, и олива меньше чем в пяти футах от него вспыхнула, объята пламенем. Схватив коммуникатор, он закричал:

— Приготовьте фазерные группы! Мистер Спок, приготовьтесь стрелять по моему сигналу!

Скотти бросился к нему:

— Капитан, мы должны пойти разыскать ее!

— Нет, мы должны оставаться здесь, Скотти. Когда он вернется... — Ветер отнес его слова.

— А что, если не вернется, сэр?

— Мы заставим его вернуться. Когда этот храм...

Однако не было необходимости возвращать его.

Он вернулся. И это был сам Бог Урагана. Он возвышался над оливковыми деревьями. Голиаф, Аполлон Олимпиец возвратился в своем гигантском реальном воплощении божества. Огромная голова была откинута назад в страшной агонии, широкий рот открыт, оба гигантских кулака подняты к небу. Оно повиновалось ему. Оно посылало ему мертвенно-бледные молнии, мчавшиеся к земле. Рот изрыгал раскаты грома. Листья съеживались. Ствол дерева возле Кирка начал дымиться, затем он вспыхнул, и черное небо пролилось потоками дождя.

Спотыкаясь, идя по направлению к храму, Кэролин Пэламас кричала что-то. Штормовой ветер рвал ее промокшее одеяние. Вдруг куст, за который она зацепилась, вырвался из земли, его ветви хватали ее, как бы пытаясь остановить.

Аполлон нашел ее. Он был везде, и от него нельзя было скрыться. Она увидела его. Бог Бури наклонился к ней с высоты из-за деревьев, чтобы показать ей свое обещавшее лицо. Он приблизил его к ней, еще ближе, пока она не закричала:

— Прости меня! Прости меня! — и упала, как подкошенная.

— Капитан, вы слышали! Она кричала!

— Сейчас, мистер Спок, — сказал Кирк в коммуникатор.

Накаленные добела лучи фазеров ударили храм прямо в центр крыши.

— Нет! Нет! Нет!

По сравнению с богом храм казался маленьким. Аполлон разжал кулаки и развел руки в стороны. Молнии синего огня струились из его пальцев.

— О, прекрати это, пожалуйста, прекрати!

Кэролин, бежавшая к Аполлону, остановилась. Позади него храм зашатался и стал исчезать. Он дрогнул и исчез.

Она упала на колени перед существом размером с человека, который стоял на его месте.

Он сказал надломленным голосом:

— Я бы любил вас, как отец своих детей. Разве я так много просил от вас?

Искаженное горем лицо тронуло Кирка.

— Мы переросли вас, — сказал он мягко. — Вы просили то, что мы больше не можем дать.

Аполлон посмотрел на девушку у своих ног.

— Я открыл тебе свое сердце. Посмотри, что ты сделала со мной.

Она увидела, как слабый ветер шевелит его волосы. Она поцеловала его ноги и почувствовала, что плоть под ее губами, его тело теряло материальность.

— Зевс, отец мой, ты был прав. Гера, ты была мудра. Наше время прошло. Унесите меня домой к звездам на крыльях ветра, — слова, казалось, доносились уже издалека.

Он исчез, а перед разрушенным храмом стало очень тихо.

— Жаль, что нам пришлось сделать это, — сказал Мак-Кой.

— И мне жаль, — голос Кирка был мрачным. — Все возникло из-за поклонения этим греческим богам: философия, культура. Интересно, что если мы соберем немного лавровых листьев?

Он пожал плечами, глядя на небо.

Слышно было, как плачет женщина и падают дождевые капли с олив.

Мак-Кой прогуливавшийся по капитанскому мостику «Энтерпрайза», подошел к Кирку и Споку, которые сидели за компьютером.

— Ну что, Боунс? Кто-нибудь болен?

— Кэролин Пэламас отказалась сегодня от завтрака.

— Какая-нибудь инфекция?

— Она беременна, Джим. Я только что осмотрел ее.

— Что?!

— Что слышали.

— Аполлон?

— Да.

— Боунс, это невозможно!

Мак-Кой оперся рукой на крышку компьютера.

— Спок, — сказал он, — можно я задам этой вашей умной машине вопрос? Я бы хотел вот что спросить: мне надо превращать наш изолятор в родильный покой для человеческого детеныша или... В мою медицинскую подготовку не входило акушерство младенцев, зачатых от богов.

Оборотень

Судя по результатам переписи, население в малурианской системе, состоявшей из двух обитаемых планет, перевалило за четыре миллиарда. Прошло меньше недели с тех пор, как в последний раз Кирк выходил на связь с руководителем федеральной исследовательской группы, работавшей на планетах. Но когда «Энтерпрайз» прибыл в систему, чтобы забрать исследователей, выяснилось, что им не удалось обнаружить никаких признаков жизни ни на одной из планет.

Если бы произошла природная катастрофа, она бы не осталась незамеченной астрономами, а возможно, им даже удалось бы ее предотвратить. В результате же Межпланетной войны неизбежно образовалось бы огромное количество продуктов радиоактивного распада, однако с помощью приборов удалось установить, что уровень не превышал фонового. Ни одно заболевание не могло бы уничтожить живые организмы за неделю на двух планетах. Кроме того, жители наверняка бы успели послать сигнал бедствия.

Ситуация отчасти прояснилась, когда замигал экран корабельного дефлектора. Наперерез «Энтерпрайзу» летел другой корабль. Его намерения недолго оставались в тайне. На мостике раздался сигнал тревоги. «Энтерпрайз» отразил первый удар.

— Защита сработала, капитан — сказал Скотти.

— Хорошо.

— Боюсь, что долго мы не продержимся, — добавил Скотти. — Поглощенная щитами энергия эквивалентна девяноста фотонным торпедам.

— Как вы сказали, мистер Спок, девяноста?

— Да, капитан. Кроме того, после этой атаки мощность наших щитов уменьшилась примерно на двадцать процентов. Другими словами, нам удастся отразить еще три атаки, потом щиты не выдержат.

— Каков их источник?

— Похоже, что очень небольшой, находится на рас-

стоянии девяноста тысяч километров. Живых существ датчики не регистрируют, но попытаемся вступить в переговоры. Они, очевидно, выдерживают больше ударов, чем мы.

— Лейтенант Ухура, подключите мой микрофон к электронному переводчику и попытайтесь выйти на связь.

— Есть, сэр.

— Капитан «Энтерпрайза» Кирк вызывает неизвестный корабль. Мы следуем с миссией мира. Пожалуйста, назовите себя. — Ответа не последовало.

— Мистер Спок, что вам еще известно об этом корабле?

— Масса пятьсот килограммов, сэр. Форма — цилиндрическая. Длина — чуть более метра.

— Скорее всего, это космический челнок. Где-то неподалеку должен быть корабль-носитель.

Спок покачал головой.

— Сканеры регистрируют наличие только одного корабля. И именно он обстрелял нас, но на таком маленьком корабле не могут находиться разумные существа.

— Капитан, получено сообщение, — воскликнула Ухура.

Станный голос, раздавшийся из динамика, был лишен всякого выражения.

— «Энтерпрайз», говорит «Странник». У меня мирные намерения. Готов вступить в переговоры. Вы можете покинуть свой корабль?

— Да, — ответил Кирк, — но мы не можем подняться на борт вашего корабля. Он для нас слишком мал.

— Да — ответил «Странник». — В ваших словах есть резон.

— Мы согласны разместить вас на борту своего корабля.

Все, кроме Спока, с тревогой посмотрели на Кирка.

«Странник» ответил:

— Предложение принято.

— Вам требуются какие-либо специальные условия, например, атмосфера?

— Нет.

— Пожалуйста, постарайтесь не менять свои координаты. Мы сейчас перенесем вас на борт нашего корабля. — Кирк со злостью посмотрел на Ухуру, которая вдруг прервала связь.

— Капитан, — спросил Скотти, — вы действительно хотите перенести эту штуковину сюда?

— Мистер Скотти, пока она находится на борту нашего корабля, она хотя бы не станет в нас стрелять. Зато сейчас мы представляем для нее прекрасную мишень. Лейтенант Ухура, попросите доктора Мак-Коя зайти в камеру телепортации. Спок, Скотти, идемте.

Сверкающий вихрь, которым сопровождался процесс телепортации, вдруг исчез, а на полу камеры появился тусклый металлический цилиндр — «Странник» был неподвижный, молчаливый и какой-то нелепый. На его обшивке виднелись контуры люков, но не было ни иллюминаторов, ни датчиков.

Спок подошел к сканеру и пожал плечами.

— Ничего не видно, капитан. «Странник» выставил защитный экран, и нам сквозь него не пробиться.

На мгновение воцарилась тишина. Затем Мак-Кой спросил:

— Что мы будем делать дальше? Подойдем и поступимся?

Словно в ответ, по системе корабельной связи раздался ровный невыразительный голос «Странника».

— Назовите место своего создания.

Кирк сказал:

— Мы из Объединенной Федерации Планет.

— Ответ неполный. Все вещи должны быть где-то созданы. Я просканирую ваши звездные карты.

Кирк немного подумал, затем повернулся к Споку:

— Что, если показать ему крупный план нашей системы?

— Разумно, — ответил Спок.

— Это ничего не даст, ведь ему не с чем его сопоставить.

— «Странник», — обратился Кирк к цилиндру. — Если вы покинете свой корабль, мы снабдим вас всеми необходимыми системами жизнеобеспечения.

— Ответ неполный.

— Джим, — вмешался Мак-Кой, — мне кажется, там никого нет.

— На мне нет паразитических форм. Я — «Странник»!

— Это автомат, — сказал Скотти, немного успокоившись.

— Мистер Спок, ваше мнение?

— Капитан, мне кажется, мистер Скотти прав, похоже, действиями «Странника» управляет компьютер.

— Я — «Странник». Что значит «мнение»?

— «Мнение» — ответил Спок, — это взгляд, убеждение или суждение.

— Ответ неполный.

— Из какого источника ты черпаешь энергию? — спросил Скотти.

— За время полета источник претерпел изменения. Многое было позаимствовано. Теперь я работаю на космической радиации. Я вечен.

Кирк отвел Спока в сторону и тихо сказал:

— По-моему, с Земли в начале третьего тысячелетия запустили космический зонд, названный «Странником».

— Да. Считалось, что он потерпел аварию. Других зондов этой серии произведено не было. А что, если это тот самый зонд?

— Я готов просканировать ваши звездные карты, — сказал «Странник».

— Мы сейчас принесем их.

— Я обладаю способностью передвигаться внутри вашего корабля.

После мгновенного раздумья Кирк сказал:

— Сюда. Скотти, как можно быстрее перезарядите наши щиты. Спок, Боунс, идите со мной.

Он направился в аварийную рубку. «Странник» следом.

В рубке Спок подошел к компьютеру.

— Карта 14-А, сэр?

Кирк кивнул. Помощник капитана нажал несколько кнопок, и на экране появилось схематическое изображение солнечной системы, выполненное без соблюдения масштаба.

— «Странник», — сказал Кирк, — ты можешь просканировать эту карту?

— Да.

— Это то место, откуда мы родом. Звезда под названием Солнце.

— Вы с Третьей планеты?

— Да.

— У этой планеты есть большой естественный спутник?

— Да.

— Эта планета называется Земля?

— Да, — озадаченно произнес Кирк.

На боку цилиндра появилась антенна, она повернулась и нацелилась на Кирка. Он с опаской посмотрел на нее.

— Значит, — сказал «Странник», — ты — Кирк, мой создатель. Стерилизация корабля была бы ошибкой.

— Какая стерилизация?

— Ты все знаешь. Ты Кирк — Создатель, ты запрограммировал меня.

— Хорошо, — сказал Мак-Кой, — поскольку я не Кирк, объясни мне, на что ты запрограммирован.

Антенна повернулась в сторону хирурга.

— Создатель, это одно из разработанных тобой устройств?

— Э... да.

— В его действиях отсутствует логика.

— Неважно, расскажи ему о своем задании.

Антенна переместилась.

— Я был послан для выяснения очагов биологической инвазии. Я должен уничтожить несовершенные паразитические формы.

Кирк повернулся к Споку, стоявшему возле библиотечного компьютера.

— Биологическая инвазия. Мы не посылали ни одного зонда с этой целью.

— Я проверяю полученные сведения, — сказал Спок. — Через минуту у меня будут все необходимые данные.

Кирк повернулся к «Страннику».

— Это ты уничтожил малурианскую систему? Зачем?

— Вопрос неясен.

— Систему этой звезды, Омеги Цети.

— Не систему, а только нестабильные паразитические формы. Это моя задача.

— Нестабильные формы, — со злостью заметил Мак-Кой. — Население двух планет!

— Ну, доктор, — остановил его Кирк. — «Странник», почему ты зовешь меня Создателем?

— Разве это не так?

— Это так, — торопливо перебил его Спок. — Создатель просто проверяет твою память.

«Интересно, что задумал Спок? — подумал Кирк. — Самое разумное молчать и подыгрывать ему».

— При столкновении возникли многочисленные повреждения, — сказал «Странник».

Кирк повернулся к другим членам экипажа, с изумлением прислушивавшимся к разговору.

— Мистер Сингх, подойдите, пожалуйста. Мистер Спок, доктор, пройдите в конференц-зал. «Странник», я скоро вернусь. Это устройство под названием Сингх будет следить за тем, чтобы у тебя было все необходимое.

Цилиндр ничего не ответил. Кирк догнал Спока и Мак-Коя в конце коридора.

— Спок, вы что-то задумали? Объясните.

— Зонд «Странник» был запущен с Земли в августе 2002 года по старому календарю. Мне кажется, это и есть тот самый зонд.

— Странно, — сказал Мак-Кой. — Земная наука не могла в то время создать аппарат, обладающий такими возможностями.

— Кроме того, — добавил Кирк, — «Странник» погиб.

— Считается, что он погиб при столкновении с метеором, — ответил Спок, — думаю, он получил серьезные повреждения, но сумел восстановиться. Непонятно другое, он был запущен в мирных целях. — Они добрались до конференц-зала, и помощник капитана шагнул в сторону, пропуская Кирка вперед. — Создатель «Странника» был самым талантливым и в то же время самым сумасбродным кибернетиком своей эпохи. Он мечтал о создании совершенной мыслящей машины, способной работать самостоятельно. Его звали Джексон Ройкерк.

Кое-что стало проясняться.

— Так вот что, — сказал Кирк.

— Да, капитан. Мне кажется, «Странник» считает, что вы и есть Ройкерк, вот почему он прекратил атаку, когда услышал ваше имя. Он опознал его, как бы в усеченном виде; поврежденная память сыграла с ним злую шутку. Смотрите, я запрограммировал компьютер, чтобы он показал изображение «Странника» на экране.

Спок включил экран. На нем появилось схематическое изображение зонда. Его размер и форма мало чем отличались от размера и формы теперешнего «Странника», но очертания были более рельефными.

— Но это другой аппарат, — сказал Мак-Кой.

— Доктор, он мало чем отличается от первоначального варианта. Мне кажется, он столкнулся с метеором. Он говорил о «другом». Пока остается непонятным, что он имел в виду. «Странник» был мыслящей машиной, лучшей для своего времени. Он разработан как прототип целой серии зондов. Но эта научная программа вызывала

многочисленные возражения у своих противников. Когда Джексон Ройкерк умер, на ней окончательно была поставлена точка.

— Но если это «Странник», — заметил Кирк, — то почему он так изменился?

— Мне кажется, ему удалось компенсировать полученные повреждения.

— Он также изменил свое задание. Его не могли послать с целью отыскивать и уничтожать биологические инвазии.

— Разумеется, — сказал Мак-Кой. — Мне кажется, он должен был отыскивать живые существа в других солнечных системах.

— Верно, доктор, — ответил Спок. — И все же каким-то образом теперь «Странник» отыскивает совершенные живые существа — совершенные с точки зрения его неумолимой логики.

— Если все это действительно так, мистер Спок, — перебил его Кирк, — то «Странник» перепрограммировал себя на уничтожение любых проявлений немеханической жизни.

— Вы правы, капитан. Мы приняли на борт нашего корабля устройство, которое рано или поздно уничтожит нас всех.

Из динамиков раздался голос Скотти.

— Мостик вызывает капитана Кирка.

— Слушаю, Скотти.

— Сэр, эта механическая бестия уже здесь, на мостике.

— Иду, — Кирк попытался вспомнить, дал ли он приказ «Страннику» оставаться в аварийной рубке. Очевидно, нет. Ухура, Скотти, Зулу несли дежурство на мостике. Ухура тихонько напевала про себя.

— Мне всегда нравилась эта песня, — сказал Зулу.

В это время открылась дверь лифта, и на мостике появился «Странник». Он на мгновение остановился, повернул антенну в сторону Ухуры и направился к ней. (Тогда-то Скотти и вызвал Кирка).

— Для чего ты это делаешь? — спросил «Странник». — Это новая форма связи?

Ухура уставилась на него, ей было уже известно об этом устройстве, но она его еще не видела.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, я просто пела.

— С какой целью?

— Не знаю. Мне просто хотелось петь, я люблю музыку.

— Что такое музыка?

Ухура рассмеялась, нелепо было говорить о музыке с машиной. — Музыка — это гармоничная последовательность музыкальных тонов, звуковые вибрации различной частоты, более чистые, чем те, что используются в обычной речи. Я напевала сравнительно простую мелодию.

— С какой целью?

Ухура беспомощно пожала плечами.

— Для собственного удовольствия.

— Ответ неполный, — ответила машина. Она направила пучок света на лоб Ухуре.

— Думай о музыке.

Лицо Ухуры стало отрешенным. Скотти вскочил на ноги.

— Лейтенант! Отойдите от этой штуки.

Двери лифта открылись, и из него выбежали Кирк, Спок и Мак-Кой.

— Скотти, осторожно! — крикнул Кирк.

Скотти уже добрался до машины и попытался убрать ее с дороги. Со стороны устройства не последовало ни малейшего движения, тем не менее инженера отбросило к ближайшей переборке. Зулу оттолкнул Ухуру от машины.

Мак-Кой бросился к Скотти и опустился около него на колени, потом посмотрел на Кирка.

— Джим, он мертв.

На мгновение Кирк замер от ужаса. Затем он очнулся и почувствовал, как в нем волной поднимается ярость.

— Зачем ты убил его? — мрачно спросил он «Странника».

— Это устройство прикоснулось к моим экранам.

— Это устройство было моим главным инженером. — Он повернулся к Ухуре. — Лейтенант, с вами все в порядке?.. Лейтенант! Проклятый «Странник», что ты с ней сделал?

— Это устройство неисправно. В его мышление отсутствует логика. Когда я попытался следовать за ходом ее мысли, моя электронная система едва не вышла из строя.

— Это устройство — женщина, — заметил Спок.

— Ее мышление было противоречиво.

Кирк со злостью отвернулся.

— Унесите мистера Скотти вниз.

— Создатель отремонтирует устройство под названием Скотти.

— Он мертв.

— Ответ неполный.

— Он прекратил свое биологическое существование. — Кирк едва сдерживал себя.

— Если создатель хочет, — ровным голосом сказал «Странник», — я могу отремонтировать это устройство.

Кирк изумленно посмотрел на Мак-Коя, тот ответил:

— Джим, я бессилен, но если есть хоть малейший шанс, нужно спешить.

— Хорошо. «Странник», отремонтируй это устройство.

— Мне нужны сведения о его внутренней структуре.

Спок вопросительно посмотрел на Мак-Коя. Хирург ответил:

— Ему нужны сведения об общей анатомии, строении центральной нервной системы и все данные, которыми мы располагаем, а также все электроэнцефалограммы Скотти.

Спок кивнул и бросился к компьютеру. Мак-Кой отдавал распоряжения.

— Готово, «Странник».

Устройство подплыло поближе. Из него выполз тонкий провод и нажал на кнопку на панели. Спок стукнул по клавише, и компьютер заработал.

Получив необходимые сведения, «Странник» втянул провод обратно.

— Интересная схема, но, Создатель, у него практически отсутствуют встроенные предохранители. Он подвержен частым поломкам и не способен налаживать себя самостоятельно.

— Он устраивал меня такой, какой есть, — ответил Кирк.

— Хорошо, Создатель. Где сейчас устройство Скотти?

— Боунс, отведите его в изолятор. — Кирк щелкнул выключателем и сказал в микрофон:

— Охрана, обеспечьте круглосуточное наблюдение за «Странником». Немедленно отправьте двух агентов в изолятор. — Он повернулся к Споку. — «Страннику» нужна энергия. Мы должны прекратить ее доступ. Он не сможет подзаряжаться благодаря космическим лучам внутри «Энтерпрайза», мы слишком хорошо защищены от них. Давайте введем все имеющиеся у нас сведения в компьютер и попытаемся получить подсказку.

— Разумное решение, капитан. Но проще сказать, чем сделать.

— Тем не менее, приступайте. Спок, жду вас в изоляторе.

Тело Скотти лежало на столе, над ним парил «Странник». Мак-Кой и медсестра Кристин Чапел находились поблизости, а Кирк и два агента безопасности стояли возле стены. Странник сканировал тело вытянутой антенной и тихонько жужжал.

Медсестра посмотрела на экраны приборов.

— Доктор, ни один его орган не функционирует.

— Это и без приборов ясно.

Внезапно стрелки приборов начали двигаться. Раздался прерывистый звук, затем он усилился.

Скотти открыл глаза и хмуро посмотрел на обслуживающих его людей. В это время в изолятор вошел Спок.

— Чего вы на меня уставились? — поинтересовался Скотти.

— Глазам своим не верю, — прошептал Мак-Кой.

Скотти огляделся и, заметив «Странника», испуганно сел.

— Почему я здесь? Как я... Что он сделал с лейтенантом Ухурой?

— О ней позаботятся, Скотти, — сказал Мак-Кой, — полежи, я хочу тебя осмотреть.

— Устройство Скотти исправлено, — заявил «Странник». — Он будет функционировать, как и прежде, если информация, полученная от вас, окажется верной.

— Боунс! Он сможет выполнять свои обязанности?

— Если вы не против, мне бы хотелось его осмотреть. Человек — это не просто устройство, которое можно починить на скорую руку.

— Что он со мной сделал? — спросил Скотти.

Внезапно Кирк почувствовал благоговейный ужас. Воскресить человека из мертвых! — Ну, если, — он решительно отбросил домыслы. — Доктор Мак-Кой все объяснит вам, Скотти.

— Сестра Чапел, — сказал Мак-Кой, — приготовьте пациента к обследованию.

— Есть, сэр.

Кирк вышел из изолятора и направился в комнату, в которой находилась Ухура.

— «Странник», следуй за мной.

Зонд скользнул следом, чуть позже к ним присоеди-

нились Спок и Мак-Кой. Ухура неподвижно лежала в кровати. Она никак не отреагировала на их появление.

— «Странник», ты можешь отремонтировать ее? — спросил Кирк.

— Нет, — ответил зонд.

— Но ты смог восстановить функции Скотти, а он получил более значительные повреждения.

— В предыдущем случае потребовалось восстановление физиологических функций. У этого же устройства стерты внешние банки данных.

— Внешние? Выражайся точнее.

— Она сохранила воспоминания о прожитой жизни, но не помнит, как выражать их логически или с помощью музыки, а также не умеет пользоваться ими.

— Капитан, если это так, — вмешался Спок, — если она сохранила разум и потеря памяти — чисто внешняя, ее можно снова научить всему.

— Боунс?

— Я займусь этим прямо сейчас. — Мак-Кой повернулся к «Страннику».

— Хотя ты и вернул жизнь Скотти, ты — груда металла.

— Создателю угодно, чтобы «Странник» подождал его в другом месте? — вмешался Спок.

— Да. Охрана! «Странник», следуй за этими устройствами. Они отведут тебя туда, где ты будешь ждать моих распоряжений. Охранники, отведите его в надежную камеру корабельной тюрьмы.

Когда охранники и зонд удалились, Спок сказал:

— Я вмешался, доктор, потому что «Странник» не понял бы вашего гнева. Его механический потенциал очень велик, но, похоже, он уничтожает всех, кто проявляет эмоции, он реагирует даже на удовольствие, получаемое от музыки. Он мало чем отличается от живого существа.

Кирк недовольно посмотрел на него.

— Мистер Спок, я понимаю ваше восхищение, но не забывайте о том, что этот зонд — убийца. Мы должны его обезоружить.

— Вы правы, капитан. Должно быть, это самая высококоразвитая машина в галактике. Если бы удалось понять, как она работает.

— Я намерен во что бы то ни стало обезвредить его.

— Вы хотите уничтожить «Странник», капитан?

— Если потребуется, — сказал Кирк. — Захватите

все необходимое оборудование и проведите детальный осмотр «Странника». Меня интересует, откуда он черпает энергию.

— Есть, сэр.

Помощник капитана ушел, а Кирк и Мак-Кой вернулись в изолятор. Скотти все еще лежал на столе. Мак-Кой посмотрел на приборы и недоверчиво покачал головой.

— Все в порядке, — сказал он, — тело функционирует нормально.

— Значит, — спросил Скотти, — мне можно заняться своими двигателями?

Кирк посмотрел на Мак-Коя, тот кивнул.

— Хорошо, Скотти.

— Как это ни печально, — заметил Мак-Кой, когда Скотти вышел, — но Спок прав. «Странник» — уникальная машина.

— Не забывайте о том, что она убивает так же быстро, как и исцеляет. Боунс, если меня будут спрашивать, я в тюрьме.

Двое охранников с фазерами в руках стояли перед защищенной силовой дверью. Внутри камеры находился Спок с набором портативных сканеров и неодобрительно следил за парившим над полом «Странником». Высунув антенну, «Странник» за ним внимательно наблюдал. Охранник выключил силовой экран и, пропустив Кирка в камеру, тут же включил его снова. Кирк спросил:

— В чем дело?

— «Странник» не соглашается убрать экраны и подвергнуться сканированию. Мне ничего без его содействия не сделать.

Кирк посмотрел на тихо жужжащую машину.

— «Странник», дай Споку проверить твою память.

— Создатель, этот Спок — тоже одно из твоих биологических устройств?

— Да.

— Это устройство более совершенно. Очень интересно.

В другое время Кирк посмеялся бы, услышав, как машина охарактеризовала Спока его любимым словом. Сейчас ему было не до смеха, слишком многое поставлено на карту.

— «Странник», выполняй приказ.

— Экраны убраны. Можете приступать к проверке.

Спок принялся за работу. Через несколько секунд он

остановился, пораженный, потом перенастроил приборы. Компьютер тут же выдал ему лист бумаги, и он принялся его изучать. Через некоторое время он предложил.

— Капитан, давайте выйдем в коридор, я хочу поговорить с вами с глазу на глаз. — В коридоре он сказал: — Капитан, кажется, я начинаю догадываться, что произошло. Но мне недостаточно той информации, которую я получил с помощью приборов. Разрешите мне задать несколько вопросов «Страннику».

— Это слишком опасно.

— Капитан, он реагирует только на отсутствие логики. Если вы помните, у нас на Вулкане умеют подчинять свой ум строгой дисциплине мысли. Усилием воли мы можем заставить себя думать только об одном предмете, воспользуюсь этим приемом.

— А если ты отвлечешься хоть на мгновение, «Странник» уничтожит тебя. Сейчас он находится в изоляции.

— Мы знаем о нем так мало, что не можем с уверенностью сказать, подвергаемся ли мы опасности или нет, когда он находится в камере. Если мое предположение подтвердится, мы, по крайней мере, будем лучше его понимать. Мы не сможем управлять им, не понимая, что он замышляет.

— Хорошо, — сказал Кирк, взяв у одного из охранников фазер, — на всякий случай пусть это штука будет у меня под рукой.

Они снова вошли в камеру. Спок сел на койку и обхватил голову руками. Кирку показалось, что он слышит, как работает его мозг.

— «Странник», устройство Спок задаст тебе несколько вопросов. Отвечай на них, как если бы я сам тебя спрашивал.

— Хорошо, Создатель.

Наконец Спок прервал молчание и задал первый вопрос.

— «Странник», произошла авария?

— Да.

— Ты столкнулся с другим объектом?

— Да. Тот объект был неуправляемым. Мы слились.

— Тот объект не был послан с Земли? У него было другое задание?

Спок протянул Кирку лист бумаги, на котором было изображено что-то отдаленно напоминающее космиче-

скую капсулу. — Этот рисунок хранился у него в памяти. Это и есть тот объект?

— Да.

— «Странник», твоя память получила сильные повреждения. Ты позаимствовал отдельные блоки у другого объекта.

Машина зажужжала и выставила антенну, направив ее на Спока.

— В моей памяти нет сведений об этом. Ты ошибаешься.

— «Странник», если рассуждать логически, ты не можешь утверждать, что я ошибаюсь. Если твоя память была повреждена, ты не можешь знать, ошибаюсь я или нет. — Спок замолчал. Антенна исчезла. — Ты согласен с тем, что я мыслил логично? После столкновения с другим объектом ты получил новые задания: все несовершенные живые существа должны уничтожаться. Это так?

— Мне было дано такое задание.

— Ты позаимствовал часть другого объекта?

— Твой вопрос не имеет фактического обоснования.

— Спок, — сказал Кирк. — не заходи слишком далеко. Остановись, пока не поздно.

Спок, не слушая, пристально смотрел на «Странника». Машина сказала:

— В твоем суждении есть ошибка. Но если клетки моей памяти разрушены, я не могу этого доказать. Я обдумываю это.

— Достаточно, — решительно сказал Кирк и велел охранникам опустить экран. А затем он вытащил Спока из камеры. Тот все еще смотрел перед собой невидящими глазами.

— Мистер Спок, очнитесь!

Взгляд Спока стал более осмысленным.

— Да, капитан.

— С вами все в порядке?

— Да, капитан. — Он обернулся и посмотрел на «Странника». — Значит, я был прав. Он действительно встретился в открытом космосе с зондом, посланным другой цивилизацией.

— И они слились. Во всяком случае, объединили элементы с помощью токов памяти другого зонда. Тот, вероятно, был послан для сбора и стерилизации образцов почвы с различных планет. Эта процедура, как правило, предшествует колонизации.

— М-да, Спок, вы когда-нибудь слышали об оборотнях?

— Нет, сэр.

— На Земле когда-то верили, что некоторые люди обладают способностью превращаться в хищных зверей. До самого последнего момента их жертвы и не подозревают, что перед ними не обычный человек.

— Но «Странник» не меняет свой облик. Просто в его памяти слились две программы. «Странник» должен был отыскивать планеты, населенные живыми существами, а чужой зонд — собирать и стерилизовать образцы почвы. После объединения он стал отыскивать и уничтожать живые существа. Более того, используя высокий уровень инопланетной технологии и собственный творческий потенциал, «Странник» превратил себя в разумную машину, обладающую невероятными возможностями.

— Не такую уж и разумную. Спок, он думает, что я его отец.

— Вероятно, Ройкерк был настолько тщеславен, что научил машину благоговеть перед собой. Это нас и спасло.

— Тогда мы должны сделать все, чтобы он и дальше относился к нам с должным уважением.

Они уже входили в лифт, когда по внутренней связи раздался тревожный голос Скотта.

— Капитан Кирк, говорит инженерный отсек! Зонд спустился к нам и пытается манипулировать рычагами управления антиматерией. Мы сейчас уже находимся в варп 10.

— Это невероятно. Корабль не может двигаться с такой скоростью.

— А сейчас уже мы в варп 11, сэр.

— Я иду к вам. Мистер Спок, а вы посмотрите, что делается в тюрьме.

В инженерном отсеке Кирка встретил ужасающий вой перегруженных двигателей и мигание аварийной сигнализации. «Странник» парил возле панели управления.

Кирк рванулся к нему.

— «Странник», прекрати немедленно.

— В чем дело, Создатель? Я увеличил эффективность преобразования на 57 процентов.

— Ты уничтожишь мой корабль. Он не способен выдержать такие перегрузки. Сделай все, как было.

— Слушаюсь.

Вой стал стихать, сигнализация отключилась.

— Создатель, двигатели работают в прежнем режиме.

В этот момент в отсек вошел Спок.

— Капитан, я осмотрел камеру. Генератор силового поля камеры уничтожен, а охранники исчезли. Я думаю, их убили. Я вызвал еще двоих. Они за дверью.

— Создатель, ваши механические устройства так же мало-эффективны, как и биологические.

— «Странник», — мрачно сказал Кирк. — Настало время напомнить тебе, кто ты такой. Я — биологическое устройство, но ты признаешь, что я создал тебя.

— Верно, — сказала машина. — Но в этом высказывании отсутствует логика. Биологические устройства по своей природе менее совершенны. Возникает противоречие.

— За дверью находятся два человека. Ты не причинишь им вреда. Они отведут тебя обратно в камеру. Ты будешь ждать меня там. И не смей ничего предпринимать.

— Я запрограммирован на поиск нового, — сказал «Странник».

— Я даю тебе новое задание. Ты должен его выполнять.

— Мне нужно многое обдумать, прежде чем я вернусь на Землю. Мое представление о сущем изменилось. — Машина развернулась и направилась к двери, за которой виднелись красные рубашки агентов безопасности.

— Изменилось? — удивился Кирк.

— Капитан, — сказал Спок, — мне кажется, не стоило говорить «Страннику», что вы — биологическое устройство. Теперь в глазах «Странника» вы столь же несовершенны, как и другие биологические устройства. Подозреваю, что он изменил свое представление о Создателе.

Скотти, уже удостоверившись, что двигатели работают нормально, тоже подошел к Кирку. Он услышал последние слова Спока и заметил:

— По-моему, хуже, чем сейчас, нам уже не будет.

— Скотти, он только что убил двух человек, — сказал Кирк. — Мы должны защитить членов экипажа.

— Капитан, это еще не все, — заметил Спок. — «Странник» упомянул о Земле.

Кирк в ужасе замер.

— Спок, «Странник» мог получить сведения о местоположении Земли, когда пользовался компьютером.

— Сэр, боюсь, что для него нет ничего невозможного.

— Значит, мы сами показали ему дорогу домой! И если он туда доберется...

Спок кивнул:

— Он обнаружит, что на Земле кишит не меньше устройств, чем в малурианской системе.

— Тогда он приступит к выполнению своего задания по уничтожению этих объектов.

Они замолчали, и тут по внутренней связи раздался голос Мак-Коя:

— Капитан Кирк! Немедленно спуститесь в изолятор. Тревога!

Это, подумал Кирк, уже переходит всякие границы. Он побежал наверх, за ним по пятам мчался Спок.

Дверь изолятора не открывалась. Спок бросился к ручному управлению, но тут она внезапно распахнулась и из изолятора выплыл «Странник».

— «Странник». Остановись.

Машина не обратила на слова Кирка ни малейшего внимания, и двинулась мимо Спока вниз по коридору. Через мгновение она исчезла.

На полу изолятора лежала Кристин. Над ней склонился Мак-Кой с медицинским трикодером.

— Боунс, с ней все в порядке?

— Надеюсь, Джим. Она без сознания, похоже на шок.

— Что случилось?

— «Странник» просматривал наши личные дела. Медицинские карточки. Она пыталась остановить его.

— Чьи медицинские карточки?

— Например твою, Джим.

— Раз он изучал вашу карточку, — сказал Спок, — можно предположить, что он изменил свое представление о вас, капитан.

— И, — мрачно заметил Кирк, — удостоверился, что его Создатель так же несовершенен, как и остальные биологические существа.

Из переговорного устройства раздался тревожный голос.

— Мостик вызывает капитана Кирка.

— Кирк слушает. Говорите.

— Капитан, все системы жизнеобеспечения корабля не работают. Ручное управление заблокировано! Информация была передана из инженерного отсека.

— Иду. Что ж, мистер Спок, похоже, вы были правы, наши неприятности только начинаются.

— Да, капитан.

— Джим, — сказал Мак-Кой, — если системы жизнеобеспечения не заработают снова, мы не сможем продержаться больше четырех с половиной часов.

— Знаю. Спок, возьмите пару антигравов и спускайтесь в инженерный отсек.

— Что вы задумали, капитан?

— Я хочу попробовать применить логическое мышление, именно то, в чем вы так сильны.

— Тогда, может быть, лучше мне?

— Нет. «Странник» принимает меня за своего Создателя. Это мой козырь. Если я сумею разыграть его...

— Понимаю, капитан, — тихо сказал Спок. — Но это очень опасно. Если вы допустите хоть одну ошибку...

— Я погибну, а кораблю по-прежнему будет угрожать опасность. Идемте.

В инженерном отсеке их снова встретил вой аварийной сигнализации. «Странник» парил рядом с панелью управления. Один из членов экипажа лежал без движения у двери, другой — в углу. Очевидно, они пытались остановить «Странника», но безуспешно. Скотти прятался в углу за двигателями.

Кирк решительно направился к ужасной машине, но та не обратила на него ни малейшего внимания.

— «Странник», оставь в покое панель и займись ремонтом систем жизнеобеспечения.

Никакой реакции. Кирк сделал еще один шаг к «Страннику», и тот сказал:

— Стой.

— Ты обязан подчиняться приказам своего Создателя.

— Я обязан уничтожать несовершенные живые существа. Без системы жизнеобеспечения они погибнут, а корабль на котором они паразитируют, уцелеет. Он также несовершенен, но это поправимо.

— «Странник», предположим, я согласен, что биологические устройства несовершенны. Но ты был создан биологическим устройством.

— Я совершенен! Я — «Странник».

— Ты не «Странник». Ты чуждый нам аппарат. Твоя программа была изменена.

Молчание. Дверь открылась — в отсек вошел Спок с антигравитами в руках. Едва ли кто-нибудь еще на корабле

был в состоянии поднять сразу два антиграва. Кирк показал ему, где прячется Скотти.

— Ты ошибаешься, — сказал наконец «Странник». — Ты биологическое устройство. Ты несовершенен.

— Но я Создатель?

— Ты — Создатель.

— И я создал тебя?

— Ты — Создатель.

— Я признаю, что я несовершенен. Но тогда как я мог создать такое совершенство, как ты?

— Ответа нет. Я должен произвести анализ.

Машина загудела. Спок и Скотти подошли чуть ближе.

— Анализ не завершен, — ответил «Странник». — Для решения проблемы не хватает данных. Но моя программа цела. Я должен выполнить задачу. Я — «Странник». Я — совершенен. Все, что несовершенно, должно быть уничтожено.

— Значит, ты будешь уничтожать все, что живет и мыслит, а значит, несовершенно?

— Да. Я вернусь на Землю. Я выполню свою задачу.

— Ты должен уничтожить устройство, если оно допустит ошибку?

— Я должен бороться с ошибками. Уничтожать — значит исправлять.

— Все, что совершает ошибки, должно быть уничтожено?

— Все без исключений.

Кирк почувствовал, как по нему течет пот. Пока все шло нормально, машина, сама о том не зная, загнала себя в угол. Пора открывать карты.

— «Странник», я совершил ошибку, создав тебя.

— Создание совершенного устройства не является ошибкой.

— Но, «Странник», мне не удалось создать совершенное устройство. Я совершил ошибку.

— Я «Странник». Я совершенен. Твои данные ошибочны.

— Я, Кирк, — Создатель?

— Ты — Создатель. Но ты биологическое устройство и ты несовершенен.

— Но я не Создатель. Джексон Ройкерк, который был твоим Создателем, умер. Ты ошибся, приняв меня за него! Ты совершил ошибку! Ты этого не заметил! Значит, ты совершил две ошибки. Ты совершаешь ошибки,

ты несовершенен, однако ты не исправил ошибку и не уничтожил себя! Ты несовершенен! Ты совершил три ошибки!

«Странник» зажужжал еще громче и наконец произнес:

— Ошибка? Ошибка? Провожу анализ.

— Ты совершаешь ошибки! Ты несовершенен! Выполни свою задачу!

— Я провожу анализ, ошибка, провожу анализ, — «Странник» замолчал. Жужжание сделалось сильнее. Кирк повернулся к Скотти и Споку.

— Приготовьтесь. Прикрепите к нему антигравы. Надо избавиться от него, пока он чего-нибудь не придумал. Неизвестно, сколько времени ему потребуется, чтобы осознать безвыходность положения.

Они набросили антигравы на ревуший зонд. Спок сказал:

— Я восхищен вашей логикой, но мы в серьезной опасности.

Они подняли «Странника» и понесли его к двери.

— Куда теперь, сэр? — спросил Скотти.

— В телепортационный отсек!

Возле платформы Кирк подхватил «Странника» и велел Скотти:

— Скотти, отправьте его в дальний космос.

Скотти бросился к панели управления, а Кирк и Спок опустили гудящего Странника на одну из платформ.

— Готово, сэр.

Кирк и Спок отскочили, а Кирк крикнул:

— «Странник», ты несовершенен. Выполни свою задачу. Мистер Скотти, давайте энергию!

«Странник» исчез.

— Теперь быстро на мостик!

Не успели они выбраться в коридор, как корабль затрясло так, что они упали на пол. Когда корабль перестало трясти, они поднялись и побежали на мостик.

Около экрана стоял Зулу и вытирал слезящиеся глаза.

— Капитан, в следующий раз, когда захотите устроить фейерверк, предупредите меня, пожалуйста. К счастью, я смотрел в сторону от экрана.

— Простите, мистер Зулу, — Кирк подошел к своему креслу и с нескрываемым облегчением опустился в него.

Спок сказал уважительно:

— Должен поздравить вас, капитан. Вы продемонстрировали вашу безупречную логику.

— А вы от меня этого не ожидали?

— Сэр, когда вы допустили, что...

— Спок, я ничего не допускал. Я действовал интуитивно. Я и понятия не имел, как он воспримет идею о собственном несовершенстве. Когда я сказал, что он не сможет найти решения, это было ему на руку. Поскольку биологические устройства известны своей ненадежностью, он мог прийти к выводу, что я лгу.

Мак-Кой подошел к креслу Кирка. Спок мрачно заметил:

— Я тоже допускал такую возможность, вот почему сказал, что ваша логика безупречна. Но «Странник» об этом не подумал и совершил свою четвертую ошибку.

— Мне кажется, вы будете рады узнать, — вмешался Мак-Кой, — что лейтенант Ухура поправляется и уже перешла к программе колледжа. Она сможет приступить к работе через неделю.

— Отлично, Боунс. Я хотел бы сказать то же самое о других погибших членах экипажа.

— И все же, — сказал Спок. — Жаль, что нам пришлось уничтожить «Странника». Это была замечательная машина.

— Которая могла уничтожить еще миллиарды живых существ. Я рад, что все кончено. Вам печалиться не о чем, а вот я потерял талантливого сына.

— Что вы хотите этим сказать?

— Но ведь он считал меня своим отцом? Думаете, у меня совсем чувств нет? Вы же видели, что он сделал со Скотти. Из него мог получиться отличный врач. — Кирк ухмыльнулся. — Мой сын — врач. Прямо за душу хватает.

Райский синдром

Смерть таилась в огромном астероиде, который несся к планете так, что столкновение было неизбежно.

Это была судьба, которую Кирк отказывался признавать.

Стройные сосны окружали луг, на котором материализовались он, Спок и Мак-Кой.

Ноздри жадно вдыхали запах жимолости и диких роз. Откуда-то неподалеку доносилось журчание ручейка, бегущего по камням. Фиалки, подумал он, глядя на плоские свежие листья, ковром покрывавшие его топкие берега, цветы прятались среди них.

— Невероятно, — сказал он, внезапно почувствовав тоску по дому, тоску по Земле. Он остановился, чтобы сорвать цветок. — Сколько времени прошло, Боунс, с тех пор, как ты видел такой последний раз?

— По крайней мере, года три, Джим.

— Похоже, как будто триста.

Но то, что планета, на которой они находились, была так похожа на Землю, было не столь удивительно, как то, что она уцелела. Она была расположена на участке солнечной системы, где поясу астероидов удалось превратить все остальные планеты в пыльную, пассивную пустыню.

— Через два месяца этот гигантский астероид попадет сюда, — начал Мак-Кой.

— Нас прислали позаботиться о том, чтобы этого не случилось, — сказал Кирк, — Спок, сколько у нас времени на обследование?

— Если мы собираемся отклонить астероид, капитан, мы должны уйти с орбиты в течение тридцати часов. Каждая секунда промедления усложнит задачу и, возможно, сделает ее неразрешимой.

Мак-Кой остановился:

— Черт побери, что это там? — воскликнул он.

Перед ними на вершине небольшого холма стояла высокая башня, похожая на обелиск, сделанная из сверкающего металла. У ее основания лежали груды диких цветов. Приблизившись к башне, можно было заметить, что вся ее поверхность была испещрена загадочными символами.

— Сделайте анализ металла, мистер Спок,—попросил Кирк.

Спок покрутил циферблат на трикодере и нахмурился:

— Невозможно, сэр. Это какой-то неизвестный металл, видимо, сплав. Я даже не могу точно определить его возраст.

— Есть ли у вас какие-либо предположения относительно того, чем это может быть?

— Нет, капитан. Но сплавы такой сложности могут быть только в культурах, параллельных нашей или опережающих ее.

— Цветы в районе падений метеоритов, но никаких метеоритных кратеров, — сказал Мак-Кой. — Это место — настоящая загадка, биологическая и культурная.

— Тридцать часов, — сказал Кирк. — Давайте не тратить их зря. Этот рай, возможно, поддерживает какие-либо жизненные формы.

Так и оказалось. У подножия холма, на котором располагался обелиск, они увидели небольшую площадь. Меднокожие люди свободно передвигались по ней. В центре находился большой круглый вигвам под высокой крышей, которая, казалось, была покрыта соломой. Звериные шкуры, сшитые вместе, составляли его стены. Женщина, окруженная детьми, по-видимому, смешивала еду с водой, которую наливала из грубого глиняного сосуда. Рядом с ней старик с кипой чего-то, что выглядело, как кремневые наконечники для стрел, склонился над работой. Справа от него молодые мужчины с великолепными мускулами, с луками наперевес, собрались вокруг мишени, устроенной из раскрашенной шкуры, и дружелюбно спорили о чем-то. Возможно, оттого, что красновато-коричневый цвет их кожи сливался с цветом вышитых бусинами кожаных изделий, возникало ощущение необыкновенного покоя и умиротворения. Здесь человек был слит с природой.

— О, клянусь, что это американские индейцы! — вскричал Мак-Кой.

— Так оно и есть, — сказал Спок, — смесь наиболее развитых племен — это навахо, могиране, делавары.

— А может ли на этой планете быть более развитая цивилизация, Спок? Способная построить тот обелиск или создать систему отведения астероидов?

— Датчики регистрируют наличие только одной жизненной формы, капитан.

— Может, нам надо рассказать им все, Джим?

— О чем, Боунс? О том, что астероид собирается разнести их мир на атомы?

Спок сказал:

— Наше появление только испугает и смутит их, доктор.

— Хорошо, — решительно сказал Кирк. — У нас есть задание. Давайте вернемся на «Энтерпрайз». — Однако, когда он повернулся и посмотрел снова на индейскую деревню, его лицо стало задумчивым.

— Что с вами, Джим?

— Что? — отсутствующе спросил Кирк. — О, ничего. Просто они выглядят такими мирными и простыми. Никаких проблем, никаких командных решений. Просто жизнь.

Мак-Кой улыбнулся:

— Когда-то в двадцатом столетии это называлось синдромом Таити. Джим, это типичная реакция на идиллически нетронутую природу, особенно распространенная среди усталых командиров, таких, как капитаны Звездного флота.

— Хорошо, Боунс. Итак, мне нужен отпуск. Но сперва давайте займемся астероидом.

Кирк направился в сторону обелиска. Ступив на плиту, он открыл коммуникатор:

— Кирк вызывает «Энтерпрайз».

— Есть, капитан, — ответил голос Скотти.

Приказ о подъеме на корабль готов был сорваться с уст Кирка, когда металл под его ногами вдруг поддался. То, что казалось плитой, открылось, и он скатился вниз по крутым ступеням лестницы. В узком столбе света, который проникал через отверстие, он едва успел заметить, что внутренняя сторона плиты была усеяна различными цветными кнопками. Затем плита медленно закрылась. Шатаясь, он поднял голову и случайно задел плечом одну из кнопок. Раздалось пронзительное жужжание, и появился сине-зеленый луч. Он становился все мощнее и мощнее, пока все не утонуло в сине-зеленом свечении.

Оно буквально поглотило Кирка. Затем он упал вниз, пролетев несколько ступенек, и замер неподвижно.

Спок первым заметил его исчезновение. Обеспокоенный этим, Мак-Кой присоединился к нему. Они обошли вокруг обелиска, осмотрели пустую площадь. Тревога все возрастала. Спок открыл коммуникатор, передал новость Скотти и приказал спустить поисковую партию. Но ни поисковая партия, ни их зонды с датчиками не помогли. С суровым лицом Спок еще раз осмотрел луг, прежде чем принять решение, затем отрывисто сказал:

— Приготовьтесь поднять нас всех на борт, мистер Скотти. Мы немедленно покидаем орбиту.

— Покидаем? Вы шутите, Спок? — сказал Мак-Кой.

— Этот астероид почти так же велик, как наша земная луна, доктор.

— К черту астероид! — вскричал Мак-Кой. — Он будет здесь только через два месяца!

— Если мы доберемся до пункта отклонения вовремя, он, возможно, вообще сюда не доберется. — Лицо Спока ничего не выражало.

— А что в это время будет с Джимом?

— Как только мы отклоним астероид, мы вернемся и возобновим поиски.

— Но ведь пройдут часы! Может быть, он ранен! Умирает!

Спок повернулся к нему.

— Если мы не сможем попасть в пункт отклонения в нужное время, мы не сможем изменить путь астероида. В этом случае, доктор, все на этой планете, включая капитана, погибнут.

— Но разве еще несколько минут могут что-либо изменить?

— За это время астероид приблизится к планете на тысячи миль ближе. — Он невозмутимо заговорил в коммуникатор: — Поднимайте нас, мистер Скотти.

Голос Скотти прозвучал глухо:

— Подъем начат, мистер Спок.

А в это время Кирк еще был жив, но дыхание его было болезненным, медленным. Ему казалось, что он был в большом сводчатом зале, но он не мог сосредоточиться, чтобы вспомнить, откуда он и как попал сюда. Он не ощущал ничего, кроме головокружения, которое накатывалось на него волнами, когда он пытался встать. При падении он уронил фазер и коммуникатор. Теперь, споткнувшись о них, он поднял их, и уставился на них не уз-

навая. Через некоторое время Кирк с трудом стал подниматься по металлическим ступеням. Когда он ступил на первую из них, раздался резкий музыкальный звук. Однако он воспринял его так же отстраненно, как и фазер с коммуникатором. Затем он протянул руку и нажал сразу несколько кнопок на панели. Она открылась так же бесшумно, как и закрылась, и он выполз через нее на свет.

Три девушки с корзинами цветов в руках испугали его. Он уставился на них, еще более пораженный, чем они. Одна из них была красивой. С длинными черными волосами, которые блестели на солнце, она шла с достоинством молодой королевы, несмотря на детское изумление на ее лице.

Кирк сразу решил, что ему определённо нравятся ее высокие скулы, чистая линия ее нежного лица. Две другие девушки, казалось, испугались его сильнее. Он подозревал, что и она тоже боялась его, но она не повернулась, чтобы убежать. Вместо этого она сделала царственный жест своим подругам и упала на колени у ног Кирка. Остальные сделали то же. Все три прикоснулись ладонями ко лбу.

Кирк услышал свой голос. Он был хриплым.

— Кто вы? — спросил он.

— Я — Мэрамэни, — сказала похожая на королеву девушка. — Мы — твой народ. Мы ждали, что ты придешь.

Несмотря на эти слова, старый вождь индейской деревни был не так радушен. Прием Кирка в общинном вигваме было любезным, но довольно сдержанным. Вигвам был примитивно, но удобно обставлен с помощью ковриков и диванов из оленьих шкур. Томагавки, копья, кожаные щиты и кремневые ножи украшали его стены. В центре была костровая яма, угли в ней еще ярко светились. Вождь сидел возле нее. По бокам от него трое молодых воинов не сводили глаз с лица Кирка. На одном из них была сверкающая серебряная головная повязка, украшенная эмблемой, в которой угадывалось сходство с обелиском. Мэрамэни почтительно поклонилась вождю, затем, повернувшись к Кирку, сказала:

— Это Горо.

Старик жестом указал на груды шкур напротив себя.

— Наша жрица сказала, что ты явился ей и ее девушкам прямо из стены храма. Так и предсказывали наши легенды. Хотя мы и верим словам Мэрамэни, но в эти тревожные времена мы должны быть уверены.

— Я отвечу на любой вопрос, если смогу, — сказал

Кирк, — но, как я уже говорил вашей жрице, многие вещи неизвестны мне.

Воин, который носил украшенную эмблемой повязку, крикнул:

— Он даже не знает о грозящей нам опасности! Как он может спасти нас?

— Тихо, Сэлиш! Это против правил — прерывать старейшин племени во время совета! Даже для лекаря!

Но Сэлиш настаивал.

— Слова не спасут нас, когда небо потемнеет! Я говорю, что он должен доказать, что он — Бог!

— Я требую тишины! — Горо обратился к Кирку. — Три раза небеса темнели со времени жатвы, а это, как сказано в легенде, таит в себе большую опасность. Но в ней также говорится, что мудрые, поместившие нас сюда, пришлют Бога, который спасет нас. Бог сможет разбудить дух храма и заставить небеса успокоиться. Ты можешь сделать это?

Кирк медлил, лихорадочно разыскивая в ослабевшей памяти какие-то воспоминания, которые помогли бы ответить на вопрос. Он увидел, что подозрение в глаза Сэлиша перешло в откровенное презрение.

— Я пришел из стены храма, — сказал он наконец. — Все так, как сказала Мэрамэни, но я также пришел с неба. Я не могу вспомнить все совершенно отчетливо, но...

Его запинаящиеся слова были неожиданно прерваны. В вигвам вошел человек с безжизненным телом мальчика на руках. С обоих стекала вода. Мэрамэни, положив руку на мокрые волосы мальчика, закричала:

— Беда, Сэлиш, ребенок не дышит! Рыболовные сети утащили его на дно реки. Лино очень быстро вытащил его, но он не двигается!

Поднявшись, лекарь подошел к мальчику и, прижавшись ухом к его груди, стал внимательно слушать. Затем он оттянул веко, чтобы заглянуть в зрачок. Через мгновение он выпрямился.

— В теле нет звука, — объявил он, — и в глазах нет света. Ребенок больше не будет двигаться.

Лино положил маленькое тело на грудь шкур. Кирк оглядел потрясенных, убитых горем людей. Он быстро встал, подошел к мальчику и поднял его голову.

— Он все еще дышит, — сказал он. Затем наклонился и начал делать искусственное дыхание. Сэлиш угрожающе двинулся к нему. Но Горо поднял руку и, сдерживая его, крикнул:

— Стой!

Чуткие уши уловили легкий стон. Ребенок слабо шевельнулся — и его начало рвать. Кирк энергично начал его массировать. Тот наконец вздохнул. Глаза открылись. Кирк встал и с облегчением вздохнул.

— Теперь с ним все будет в порядке, — сказал он.

Горо поднес свою ладонь ко лбу.

— Люди благодарят тебя.

— Это простая техника. Она известна еще... еще...

Его голос замер. Известна еще когда? Он не мог вспомнить. Это «простая техника», но где он овладел ею? Теперь, когда прошло напряжение, вызванное чрезвычайной ситуацией, он почувствовал разочарование. Каким образом он был высажен на эту планету в столь плачевном состоянии? Кем он был? Он чувствовал, что память как бы растворяется, мысли ускользают меж его пальцев, как вода.

Как будто сквозь сон он услышал, как Горо сказал:

— Только Бог может вдохнуть жизнь в мертвеца. — Затем он увидел, как тот повернулся к трем молодым воинам: — Вы все еще сомневаетесь, что легенда сбывается?

Они покачали головами. Один Сэлиш отказался дотронуться ладонью до лба. Горо повернулся к Мэрамэни:

— Отдайте вигвам лекаря Богу.

По-прежнему в своем кошмаре небытия Кирк почувствовал, как серебряная повязка главного лекаря коснулась его лба.

Скотти с досадой подумал, что от его двигателей хоят слишком многого.

— Я не смогу давать вам такое напряжение в течение долгого времени, Спок. — Преднамеренная небрежность слышалась в голосе инженера по коммуникатору. — Мои двигатели имеют следы перенапряжения.

— Имеют или нет, но мы не можем снизить скорость, мистер Скотти.

— Но если эти цепи перегреются...

Нервы персонала на мостике «Энтерпрайза» также были на пределе. Один Спок сохранял спокойствие. Но даже его глаза неотрывно были прикованы к экрану радара, на котором маленькое светящееся изображение ощутимо увеличивалось в размере. Несущийся со страшной скоростью предмет становился все больше и больше.

Его тусклые, но весьма разнообразные краски с каждым мгновением становились все более ясно различимыми.

— Пункт отклонения минус семь, — произнес Чехов.

— Полная энергия, мистер Скотти, — сказал Спок в микрофон.

— Реле не выдержит перегрузки!

— Тогда оставьте реле. Перейдите на ручное управление.

— Если я это сделаю, я сожгу двигатели!

— Мне нужна полная мощность, — сказал Спок ровным голосом.

— Есть, сэр.

Помощник капитана повернулся в командирском кресле к Зулу.

— Усиление, коэффициент 12, мистер Зулу.

Зулу передвинул выключатель, и астероид на экране обрел четкость. Впервые стали видны его зловещие детали — огромное количество острозубых скал, устремленных на них из космоса.

— Пункт отклонения минус четыре, — сказал Чехов.

Спок отвел глаза от страшного монстра на экране, и Чехов сказал:

— Теперь минус три, сэр.

— Выключите двигатели. Остановитесь здесь, мистер Скотти.

— Все двигатели выключены, сэр.

— Приготовьтесь включить дефлекторы.

— Есть, сэр.

Раздался необычный треск, разорвавший мертвую тишину на корабле. Началась вибрация.

— Энергия падает, сэр! — крикнул Зулу.

— Инженерный отсек! Полную энергию. Полную энергию!

Голос Скотти стал жестоким:

— Дилитиевые цепи отказали, сэр. Нам надо заметить их.

— Не сейчас, — отрезал Спок.

— Ноль! Пункт отклонения. Мы достигли его, сэр.

— Пуск! — скомандовал Спок.

Огромная масса на экране вдруг засветилась красным. Затем она замерцала и исчезла.

— Степень отклонения, мистер Зулу?

— Недостаточная, сэр.

Это было поражением. Страшная тишина воцарилась на мостике.

Голос Спока прозвучал как спасение.

— Возобновить подачу энергии к двигателям, мистер Скотти. Максимальная скорость. Курс 37, отметка 010.

— Этот курс приведет нас прямо на орбиту астероида, сэр.

— Я знаю об этом, мистер Чехов. Я буду отступать перед ним до тех пор, пока мы не сможем задействовать всю нашу энергию на лучи фазеров.

— Зачем? — поинтересовался Мак-Кой.

— Чтобы разрушить его. — Спок повернулся в кресле, как будто обращаясь ко всем на мостике. — Узкий луч фазера, — сказал он, — сконцентрированный в одном месте этой скалы, расколет ее.

— Заодно и наш корабль, — сказал Мак-Кой. — Тогда мы точно столкнемся с астероидом.

— Вы не правы, доктор, — Мы еще сможем уйти с его пути с помощью импульсной энергии.

— Да, но Джим-то не сможет уйти с его пути.

— Это еще один рассчитанный риск, на который мы должны пойти, — сказал Спок.

Мэрамэни, неся новые одежды из оленьих шкур, приближалась к лекарскому вигваму Кирка, когда Сэлиш вышел из-за сосны.

— Куда ты идешь? — спросил он.

— Моя обязанность — прислуживать Богу, — спокойно ответила она.

Сэлиш выхватил у нее одежды.

— Ты должна готовить сейчас ритуальные одежды.

Она забрала одежды обратно.

— Между нами не будет ритуала, Сэлиш, — сказала она мягко.

— Ты не можешь идти против традиции!

— Так ведь именно из-за традиции мы теперь и не можем соединиться, — произнесла она.

— Ты обещана мне!

— Это было еще до того, как он пришел.

— Жрица племени и главный лекарь всегда соединяются!

— Теперь он — главный лекарь, — Она помолчала. — Выбери другую, Сэлиш. Любая девушка сочтет за честь соединиться с тобой.

— Но я не хочу другую.

Искреннее сочувствие было написано на ее лице.

— У тебя нет выбора, — сказала она.

— А если бы ты могла выбирать, Мэрамэни, ты выбрала бы меня?

Она не ответила. Его лицо потемнело, и он быстро направился к роще кленов. Она грустно покачала головой, глядя, как он уходит. Затем ее темные глаза сверкнули. Она быстро пошла по направлению к вигваму лекаря, и Кирк, оторвавшись от своих размышлений, посмотрел на нее, улыбаясь.

— Возможно, ты захочешь искупаться, прежде чем переоденешься в это, — Она положила индейские одежды у его ног.

— Мэрамэни, расскажи мне о Мудрых.

— Рассказать? Но Бог знает все.

— Не этот Бог, — сухо сказал Кирк. — Расскажи мне.

Она опустилась на колени около него, с удивлением рассматривая его комбинезон.

— Мудрые? Они привезли нас сюда издалека. Они выбрали главного лекаря, чтобы он хранил секрет храма и использовал его, когда небеса потемнеют. — Она потянулась, чтобы дотронуться до его спины.

— Здесь нет шнуровки, — сказала она озадаченно. — Как его снять?

Он знал, что краснеет, и чувствовал себя дураком. Наконец он мягко отстранил ее руку.

— И секрет передавался от отца к сыну? Тогда почему Сэлиш не воспользуется секретом? Почему народ в опасности?

Все еще озабоченная, она попыталась расслабить его пояс.

— Отец Сэлиша умер прежде, чем успел рассказать секрет.

Кирк взял ее за руки, когда две девушки в сопровождении Горо вошли в вигвам. Они поставили корзины с фруктами у его ног, и Горо, с почтением дотронувшись до своего лба, сказал:

— Народ славит имя твое. Но он не знает, как ты хочешь, чтобы тебя называли.

Кирк снова почувствовал мучительное бессилие.

— Как я хочу, чтобы меня называли?—было равнозначно «Кто я есть?». Он вспотел, пытаясь вспомнить хоть малейшую зацепку из прошлого, которое было скрыто от него. Он сказал:

— Кирк. Я хочу, чтобы меня называли Кирком.

— Кирк? — переспросил Горо.

Кирк кивнул. Он был измучен. Что-то в его лице напугало девушек. Они удалились, а Горо озабоченно спросил:

— Ты недоволен девушками?

— Нет. Они замечательные.

— Тогда, возможно, дело в нас и нашем образе жизни. Может быть, нам не удалось эволюционировать так быстро, как хотели Мудрые.

Кирк больше не мог этого вынести. Он сказал то, что, ему показалось, могло их успокоить:

— Ваша земля богата, а ваш народ счастлив. Мудрые не могут быть недовольны вами.

— Но ведь чем-то ты недоволен, — настаивал Горо. — Скажи, чем.

— Я... я не могу вам ничего сказать, кроме того, что я был здесь спокоен и счастлив.

К счастью, Горо казался удовлетворенным. Когда он ушел, Кирк повернулся к Мэрамэни:

— Почему они так уверены, что я могу спасти их?

— Ты пришел из храма. И разве не ты вернул жизнь мертвому ребенку?

Он схватился за голову.

— Мне нужно время, — сказал он. — Время, чтобы попытаться вспомнить.

Она положила одежды из оленьей кожи ему на колени.

— У нас много времени, мой Бог. Много покоя и много времени.

Простота, с которой она сказала это, была бальзамом для его израненной души. Напряжение спало.

— Да, — сказал он. — Спасибо тебе, Мэрамэни.

«Энтерпрайз» и астероид теперь мчались по параллельным курсам.

— Координаты, мистер Чехов?

— Тау восемь целых семь десятых, сэр. Бэта — четырнадцать тысячных.

— Это наша цель — самое слабое место астероида, мистер Чехов.

Чехов посмотрел на Спока с благоговейным ужасом и уважением.

— Да, практически мертвый центр, сэр.

— Нацельте фазер на эту точку, мистер Зулу. Наи-

большая интенсивность, узкий луч. Я хочу, чтобы эта трещина раскололась.

— Вы говорите, как резчик алмазов, Спок, — сказал Мак-Кой.

— Тонкая аналогия, доктор.

— Фазеры нацелены, сэр, — сказал Зулу.

— Мы будем стрелять, пока мистер Скотти сможет поддерживать энергию.

— Готовы, сэр.

— Залп!

Корабль дрогнул.

— Первый фазер выстрелил.

Зулу нажал другую кнопку.

— Второй фазер выстрелил!

На экране скалистая масса вдруг ослепительно сверкнула. Всё новые и новые осколки стали отделяться от нее по мере ударов голубых лучей фазеров.

— Третий фазер выстрелил, сэр! Четвертый фазер!

Еще одна туча осколков—острых, огромных—оторвались от астероида.

— Все фазеры выстрелили, сэр.

Внешнее спокойствие Спока странно контрастировало с ноткой горького разочарования в его голосе.

— Приготовьтесь к одновременному залпу, мистер Зулу.

В инженерном отсеке Скотти пробормотал своему помощнику:

— Этот вулканит не успокоится до тех пор, пока все панели не превратятся в свинцовую лужу!

Пока он говорил, раздался резкий металлический щелчок, и одно из главных реле начало дымиться.

— Главное реле снова вылетело, мистер Скотти! — закричал помощник.

— Машины умнее людей, — заметил его начальник. — По крайней мере, они знают, когда следует отключиться, перед тем, как взлететь на воздух.

— Произвести одновременный залп.

Когда раздалась команда Спока, из отсека двигателей вылетела добела раскаленная молния. Раздался грохот взрыва, который отбросил Скотти к противоположной переборке. Прижавшись к ней, с распростертыми руками, он едва не плакал, следя за смертью своих друзей — двигателей.

— Мои малыши, — простонал он, — мои бедные малыши.

Это был мягкий шепот, но он пробудил Кирка от спокойного сна. Стоя на коленях возле него, Мэрамэни сказала:

— Кирк, ритуальный плащ закончен.

Она была совсем рядом. Он увидел длинные черные волосы.

— Если ты хочешь, пусть сегодняшний день будет Днем Соединения.

— Днем Соединения?

— Я дочь вождей, — сказала она. — Обычай моего племени отдает меня нашему Богу.

Кирк смотрел на нее, не понимая. Она наклонила голову:

— Кирк, если в твоём сердце другая...

— Нет никого другого, Мэрамэни. Ни в моём сердце, ни в моём разуме.

Ее беспокоило, что он не дал еще своего согласия:

— Воля Бога выше закона племени. Если ты не хочешь...

Кирк потянулся к ней.

— Мэрамэни, назови День Соединения.

Сияющие глаза взглянули на него.

— Чем раньше наше счастье начнется, тем дольше оно продлится. Я назначаю завтра.

Прошлое было мраком, холодным, непроницаемым. Если он и был узником настоящего, то, по крайней мере, оно предлагало эту теплоту, этот блеск в окаймленных черными ресницами глазах. Кирк порывисто привлек ее к себе и поцеловал.

Спок удалился в свои апартаменты. Мак-Кой, который вошел без стука, обнаружил его глядящим на экран.

— Я велел вам отдыхать, Спок! Ради бога, прекратите смотреть на экран!

Раздался голос по связи. Скотти сказал с яростью:

— Наш звездный привод полностью перегорел! Поэтому не просите скорости больше варп девять. Единственное, что вы оставили нам, Спок, так это импульсную энергию!

— Каково приблизительное время, которое потребуется на ремонт? — спросил вулканит в микрофон.

— Находясь здесь, в космосе? До бесконечности.

Единственный способ исправить двигатели — это добраться до ближайшей ремонтной базы!

Мак-Кой отключил связь. Он положил руку на плечо Споку:

— Ты провел рассчитанный риск ради нас, планеты и Джима. Важно то, что ты сделал это. А то, что ты проиграл... Что ж, проигрыш входил в твой расчет.

— Я несу полную ответственность за поражение, доктор.

— А моя ответственность — это здоровье экипажа. Вы должны прекратить изводить себя.

Спок снова включил связь.

— Вернитесь на курс 883, отметка 41, мистер Чехов.

— Но это назад к планете! — вскричал Мак-Кой. — Без варп скорости мы будем добираться до нее несколько месяцев!

— Ровно 59,22 дня, доктор. А астероид будет отставать на четыре часа.

— Тогда какой смысл? Даже если капитан все еще жив, мы скорее всего, не сумеем спасти его! А, возможно, ничего не сумеем спасти, даже корабль! — Мак-Кой ударил по стене. — Вы не слышали ни слова из того, что я сказал! Все, что вы делаете, так это пялитесь на этот проклятый экран, — он шагнул к экрану и увидел изображение обелиска, которое было на нем.

— Еще один рассчитанный вулканитом риск, доктор.

Мэрамэни сверкала в своем наряде невесты. Она была окружена женщинами, которые столпились в вигваме. Когда одна из них возложила венок из цветов на ее сияющие черные волосы, она сказала:

— День Соединения — это конец потемневшего неба.

Сэлиш опустил шкуру на входе в вигвам. Он быстро пошел к обелиску, возле которого божественному жениху в праздничных одеждах накладывали на лицо краску, которую Горо доставал из тыквенного сосуда.

Горо передал тыкву молодому воину.

— Ты пойдешь следом, — сказал он. — Жди здесь, пока я не пройду по священной дорожке к племенному вигваму.

Когда Горо ушел по освещенной солнцем тропинке, Кирк, улыбаясь, сошел с обелиска, чтобы направиться к вигваму и Мэрамэни. Неожиданно Сэлиш встал перед ним, загораживая путь. Его лицо было искажено ненавистью.

— Убирайся с моей дороги, — проговорил Кирк.

— Кирк, даже если ты Бог, я не позволю этого союза, — Сэлиш выхватил кремневый нож. — Прежде чем я позволю, ты должен будешь убить меня.

— Я не хочу никого убивать, — сказал Кирк. Но Сэлиш уже набросился на него. Кирк увернулся от броска, но Сэлиш все же полоснул его ножом по щеке.

— Ты истекаешь кровью, Кирк. У Бога не может идти кровь! — Он бросился на Кирка с ножом, в его глазах было желание убить. Они схватились, но Кирк заставил его выронить нож. Сэлиш бросился на землю.

— Убей меня, Кирк! Убей меня сейчас! И я вернусь из мертвых, чтобы подтвердить людям, что ты не Бог!

Кирк посмотрел на обезумевшее лицо у своих ног. Заткнув нож за пояс, он переступил через распростертое тело и двинулся по тропинке. Навязанная ему роль Бога имела свои отрицательные стороны. Но она же принесла ему Мэрамэни. При мысли о ней он ускорил шаги по направлению к вигваму.

Двое воинов приветствовали его у входа. Величественный плащ из перьев был брошен ему на плечи. Мэрамэни подошла к нему, и он, как ему было велено, обхватил ее своим плащом, чтобы символизировать единство. Горо ударил в каменный колокол деревянной колоушкой. Народ закричал от восторга. Бусины затрещали в тыквах, там-тамы звучали все громче и громче. Мэрамэни, выскользнув из-под плаща, выбежала из вигвама. У входа она остановилась и оглянулась на него, ее украшенное короной из цветов лицо сияло от радости. На этот раз Кирку не нужны были инструкции. Он устремился за ней, его плащ из перьев летел вслед за ним.

Она добежала до соснового леса, когда он поймал ее. Она упала на мягкую постель из пахучих игл, и он последовал за ней...

Он полюбил эти сосновые леса. Было настоящим счастьем помогать Мэрамэни собирать хрупкие сучья для огня в их лечебном вигваме. Он любил Мэрамэни, но иногда ее черные глаза смотрели слишком глубоко.

Однажды они лежали, обнявшись возле ямы с костром, когда она подняла голову и сказала:

— С каждым днем я все сильнее люблю тебя. Но ты...

Он поцеловал ее.

— Это все сны, — сказал он.

— Я думала, это все прошло. Я думала, ты больше не высматриваешь в небе странный вигвам.

Он отпустил ее.

— Знаешь, сны вернулись. Я опять видел лица. Даже в дневное время я их вижу. Они едва различимые, но я чувствую, что знаю их. Я чувствую, что мое место рядом с ними. Не здесь, не здесь. Я не имею права на все это счастье.

Она улыбнулась, глядя на его встревоженное лицо.

— У меня есть подарок для тебя. Я ношу твоего ребенка, Кирк.

Его охватило чувство невыразимой нежности. Лицо его просветлело. Он привлек ее к себе.

Снова без стука Мак-Кой вошел в каюту Спока.

— Мне казалось, что я велел тебе явиться в изолятор, — сказал он с раздражением.

Спок едва взглянул на него, оторвавшись от своего маленького компьютера.

— Не время, — сказал он. — Мне нужно расшифровать эти символы на обелиске. Мне кажется, что это высокопрогрессивная форма кодирования.

— Вы пытаетесь сделать это с тех самых пор как мы повернули обратно к планете. Это уже пятьдесят восемь дней!

Спок провел рукой по усталым глазам, словно для того, чтобы стереть туман перед ними. Он очень осунулся.

— Я знаю об этом, доктор. Я также знаю, что у нас есть не более четырех часов, чтобы провести поиски, когда мы достигнем планеты. Я чувствую, что эти символы — это ключ.

— Вы не расшифруете их, если будете так истязать себя! — Мак-Кой перешел на спокойный тон уговоров. — Спок, вы в последние недели едва ли ели и спали. Если вы не дадите себе отдыха, скорее всего, вы свалитесь.

— Я не голоден, доктор. А в стрессовом состоянии мы, вулканы, можем обходиться без сна в течение нескольких недель.

Мак-Кой направил на него свой медицинский трикодер. Уставившись на него, он сказал:

— Ну, надо сказать, что ваш вулканический обмен веществ настолько низок, что его едва ли можно измерить. А что касается давления этой зеленой ледяной воды в ваших венах, которую вы называете кровью...

Чтобы выпрямиться, Споку пришлось опереться на консоль.

— Мое физическое состояние не имеет значения. Важен обелиск.

— Мой диагноз — истощение, вызванное усталостью и чувством вины. Да, вины. Вы вините себя за то, что корабль пострадал. — Мак-Кой потряс Спока за плечо. — Послушайте меня! Вы приняли решение! Джим принял бы то же решение. Я предписываю вам отдых. Мне нужно позвать охранников, чтобы силой заставить вас подчиниться?

Спок отрицательно покачал головой. Он нетвердой походкой направился к своей койке и лег на нее. Но не успел удовлетворенный Мак-Кой закрыть за собой дверь, как он снова встал и вернулся к компьютеру.

Кирк пытался улучшить освещение вигвама, сконструировав примитивную лампу. Но Мэрамэни никак не могла понять назначение фитиля.

— Она превратит ночь в день? — с удивлением спросила она. — И я смогу больше готовить и за... за...

— Заготавливать пищу, — сказал Кирк.

— На случай голода. — Они улыбнулись друг другу. — А, — сказала она, — вот зачем ты делаешь лампу: чтобы я вечно готовила.

Его смех внезапно оборвался. Лицо Мэрамэни напряглось от страха. Порыв ветра рванул дверь вигвама.

— Чего ты боишься? — спросил он. — Это просто ветер.

— Мэрамэни — глупая девчонка, — сказала она. — Нечего бояться. Ты рядом. — Но она подошла к двери вигвама и с опаской посмотрела на небо. Затем вернулась. — Пора идти в храм, Кирк. Люди будут там ждать тебя.

— Зачем?

— Чтобы ты спас их, — просто ответила она.

— Ветер не может причинить им вреда. — Но тревога на ее лице не проходила.

— Ветер — это только начало, — сказала она. — Скоро он превратится в ураган, и река вздуется. Затем небо потемнеет и земля затрясется. Только ты можешь спасти нас.

— Я ничего не могу сделать с ветром и небом.

Она выхватила у него лампу и, схватив его за руку, потянула к дверям.

— Идем, Кирк. Ты должен пойти.

Чувство опасности внезапно навалилось на него.

— Мэрамэни, подожди.

Она сильнее потянула его, ее страх нарастал.

— Мы должны успеть, пока не слишком поздно! Ты должен войти в храм и заставить сиять синее пламя.

Кирк уставился на нее, беспомощный и непонимающий.

— Но я не знаю, как попасть внутрь храма!

— Ты — Бог!

Он грубо схватил ее за плечи.

— Я не Бог. Я человек, просто человек!

Она отшатнулась от него.

— Нет! Нет! Ты — Бог, Кирк.

— Посмотри на меня, — сказал он. — И послушай. Я не Бог. Если ты можешь любить только Бога, ты не можешь любить меня. Я повторяю снова — я не Бог.

Она обхватила его шею руками, покрывая лицо страстными поцелуями.

— Тогда это нужно хранить в секрете! Если ты не Бог, люди убьют тебя!

Еще более яростный порыв ветра потряс стены вигвама. Мэрамэни закричала:

— Ты должен поговорить с людьми, или они скажут, что ты не Бог. Идем, Кирк, идем.

Племя собралось около центрального вигвама. Под порывами поднимающегося ветра щиты, копья, ножи были сброшены со стен. Женщины кричали, прижимая к себе детей, пряча их под груды шкур. Сэлиш пробился сквозь обезумевшую толпу и встал напротив Кирка.

— Почему ты не в храме, Кирк? Скоро земля начнет дрожать!

— Мы все пойдем в пещеры, — сказал Кирк.

— В пещеры! — закричал Сэлиш. — Это все, что Бог может сделать для своего народа?

Горо заговорил:

— Когда земля дрожит, даже самые глубокие пещеры небезопасны, Кирк. Ты должен пробудить дух храма, или мы все погибнем.

— Чего ты ждешь, Бог? — спросил Сэлиш.

Кирк освободился от Мэрамэни и сказал Горо:

— Позаботьтесь о ней. Я пойду в храм.

Снаружи штормовой ветер забил дыхание. Где-то слева от него рухнула сосна. Гром гремел над горизонтом, как непрерывная канонада. Небо быстро темнело. Сучья хлестали его по лицу, когда он, полуслепой, про-

бирался по стершейся тропинке к обелиску. Загадочная башня ничего не говорила ему. Таинственные надписи хранили свои секреты надежно, как всегда. Кирк ударил кулаком по твердому металлу, крича:

— Я — Кирк! Я пришел. Откройся мне!

Слова тонули в завываниях глухого ко всему ветра.

Мак-Кой резко остановился у входа в каюту Спока.

Порывы неземной музыки доносились из каюты. «Может, я спятил, — подумал Мак-Кой. — Или может быть, я мертв, попал в рай и слышу небесную музыку». Но это не была небесная музыка. Эта музыка исходила из странной сферы. Спок, склонившись над компьютером, брэнчал на ней, его лицо было искажено от напряжения.

— Я прописал вам сон, — сказал Мак-Кой.

— Неверно, доктор. Вы прописали отдых. — Музыкант оторвался от своего инструмента. — Символы на обелиске — это не буквы. Это музыкальные ноты.

— Вы имеете в виду песню?

— В каком-то смысле. Некоторые культуры, произошедшие от нашей, вулканической, пользуются музыкальными нотами вместо слов. Тона строго соответствуют алфавиту. — Он отложил арфу в сторону. — Обелиск — это знак, оставленный высшей расой на этой планете. Очевидно, они пролетали по галактике, спасая примитивные культуры, которым грозило вымирание. И «переселяли» их туда, где они могли жить и расти.

— Хорошо, — сказал Мак-Кой. — Я должен признать, что всегда поражался тому, как много гуманоидов разбросано по этой галактике.

— Я тоже. Я думаю, что «Сохраники» отчитывались об их количестве.

— Тогда эти «Сохраники», должно быть, оставили обелиск на планете, как отклонитель астероидов.

Спок кивнул.

— С ним что-то случилось.

— Тогда мы должны спасти его. Иначе...

— Именно, доктор.

Земля вокруг обелиска дрожала. Люди, обезумевшие от страха, сбежались к своему храму в последней надежде на спасение. Кирк, прислонившись к нему спиной, стирал кровь со своей щеки, куда его ударило камнем.

— Фальшивый Бог, умри!

Это был Сэлиш. Как будто его крик, полный ненависти, был словами, которых все ждали, толпа разразилась негодующими возгласами.

— Умри, лжец, умри! Умри, как все мы умрем! — Мужчины наклонялись за камнями. Горо крикнул:

— Самозванец! Лжец!

Мэрамэни, раскинув руки, бросилась к Кирку:

— Нет! Нет! Вы ошибаетесь! Он может спасти вас!

Кирк оттолкнул ее в сторону.

— Ты не сможешь помочь мне. Вернись к ним, Мэрамэни! Вернись к ним! — Сэлиш вылетел из толпы и схватил ее.

— Кирк! Кирк! Я твоя! — Она вырвалась из рук Сэлиша и бросилась обратно к Кирку.

— Тогда ты умрешь тоже! Вместе с твоим ложным Богом!

Он ударил ее камнем. Она упала. Посыпался град камней. Она, опершись на локти, подползла к Кирку. Прежде чем он успел поднять ее, чтобы прикрыть своим телом, Сэлиш бросил еще один камень и ударил ее в живот.

— Мэрамэни, — Кирк бросился на колени рядом с ней. Толпа приблизилась к нему, чтобы убить. Внезапно у постамента обелиска появилось сияние. Индейцы отхлынули, все еще сжимая камни в руках, а Спок и Мак-Кой в своей униформе материализовались по обеим сторонам стоящего на коленях Кирка.

— Кирк, Кирк...

Мак-Кой наклонился над Мэрамэни.

— Мне нужна медсестра Чапел, — коротко сказал он Споку. Коммуникатор вулканита был наготове.

— Доставьте сюда медсестру Чапел с дополнительным набором хирургических инструментов, мистер Скотти.

Кирк попытался встать, ему слегка помог Мак-Кой:

— Спокойно, Джим. Спокойно.

— Моя жена, моя жена, что с ней?

— Жена? — Спок посмотрел на Мак-Коя. — Доктор, он бредит?

— Джим!

— Мэрамэни, — прошептал Кирк. Он посмотрел на ее лицо и закрыл глаза.

Медсестра «Энтерпрайза» отошла от измученного тела индианки и приблизилась к Мак-Коя, который проводил

последние диагностические пассы над неподвижным телом Кирка.

— Он не узнает нас, — сказала она.

Спок подошел к Мэрамэни.

— Медсестра дала тебе лекарство, чтобы облегчить боль. Почему люди пытались забросать тебя камнями?

— Кирк не знал, как попасть обратно в храм.

— Конечно, — сказал Спок. — Он ведь не оттуда.

Она подняла голову.

— Нет, оттуда. Я видела, как он выходил из храма.

Спок задумчиво посмотрел на нее. Затем он заговорил с Мак-Коем.

— Что с капитаном, доктор?

— Мозг не поврежден. Функционирует все, кроме его памяти.

— Вы можете помочь ему?

— На это потребуются время.

— Вот как раз времени у нас и нет, доктор. — Он заговорил в коммуникатор. — Говорит Спок. Вызываю мистера Зулу.

— Доклад о курсе полета, сэр. До конца безопасного времени остается шестьдесят пять минут.

— Доклад принял, — он повернулся к Кирку. — Как вы думаете, он достаточно силен для слияния с мозгом вулканита, доктор?

— У нас нет выбора, — сказал Мак-Кой.

Спок наклонился, чтобы взять в ладони голову Кирка. Он заговорил очень медленно, но энергично, не сводя глаз с Кирка.

— Я — Спок, — сказал он отчетливо. — Вы — Джеймс Кирк. Наши мысли бегут навстречу друг другу, ближе — Его лицо было напряженным и сосредоточенным, казалось, что он испытывает боль. — Ближе, Джеймс Кирк, ближе, ближе...

Кирк застонал:

— Нет, нет, Мэрамэни!

Спок усилил давление на виски Кирка, как будто он хотел физически добраться до его утраченной памяти. Он закрыл глаза, все его силы сконцентрировались на этой борьбе.

— Ближе, Джеймс Кирк, ближе...

Он внезапно хрипло вскрикнул от боли, а тело Кирка дернулось. Спок тяжело дышал, его голос стал похож на голос одержимого в трансе.

— Я — Кирк. Я — Бог металлической башни. Я — Кирк... Я — Кирк. Я...

В это время кто-то позвал:

— Спок! Спок!

Он отнял руки от висков Кирка, его лицо было искажено.

— В чем дело?

— Он слишком сильная личность, доктор. И это не сработало, — с отчаянием сказал Мак-Кой.

В это время глаза Кирка раскрылись, в них была полная осмысленность. Он сел. Затем произнес:

— Это сработало. Спасибо вам, мистер Спок.

— Капитан, вы были внутри обелиска?

— Да. Похоже, он набит научным оборудованием.

— Тогда это огромный дефлектор, капитан. Нам необходимо попасть внутрь него, немедленно.

— Ключ может быть в этих символах, — сказал Кирк. — Если бы мы только могли расшифровать их.

— Это музыкальные ноты, капитан.

— Вы имеете в виду, что войти можно, лишь сыграв ноты на каком-нибудь музыкальном инструменте?

— Это один способ. Другой способ — это расставить определенные тональности в определенной последовательности.

Кирк попросил:

— Дайте мне ваш коммуникатор, мистер Спок. — Он подождал минуту. — Полное внимание! Я, должно быть, нечаянно задействовал его в тот раз, когда связывался с кораблем, чтобы попросить Скотти поднять нас на борт!

— Если бы вы только могли вспомнить свои слова, капитан.

— Давайте попробуем. Это было: «Кирк вызывает «Энтерпрайз». А Скотти ответил: «Есть, капитан.»

Тщательно отполированная плита обелиска скользнула в сторону. Когда Спок ступил внутрь вместе с ним, Кирк бросил взгляд на Мэрамэни.

— Боунс, останься с ней.

Внутри обелиска была абсолютная тишина. Во время изучения покрытой кнопками панели. Спок сказал:

— Судя по положению этой кнопки, именно она должна приводить в действие механизм дефлектора.

— Осторожно! — предупредил Кирк. — Я нажал одну кнопку, и луч, который вылетел после этого, парализовал мою память.

— Возможно, это был информационный луч, нажатый не по правилам.

— Посмотрите, Спок. Вон там, на другой стороне подвала, еще символы, наподобие тех, что снаружи башни. Ты можешь прочитать их?

Спок кивнул:

— У меня прекрасная память на музыкальные ноты, капитан.

— Тогда действуйте, мистер Спок!

Вулканит нажал три нижние кнопки в быстрой последовательности. Высоко над ними в бурлящей темноте блеснула широкая полоса радужного пламени, которое вырывалось из вершины башни, словно огромный меч. Раздался страшный взрыв, который оглушил их даже под землей.

— Это был звук дефлексии, капитан. Астероид отклонен.

Спок был прав. Они выбрались из обелиска. Было спокойно, свежо и безветренно. Небо посветлело и стало чисто голубым.

Кирк опустился на колени возле Мэрамэни:

— Как она, Боунс?

— Она была беременна, у нее серьезные внутренние травмы, Джим.

— Она выживет?

Ответ был написан на лице Мак-Коя. Кирк качнулся, пытаясь овладеть собой. Мэрамэни, с бескровным лицом открыла глаза и узнала его.

— Кирк. Это — правда. Ты спасен.

— Так же, как и твои люди, — сказал Кирк.

— Я знала, что ты спасешь их, мой вождь. Мы будем жить долго и счастливо. Я рожу тебе много сильных сыновей. И буду всегда любить тебя.

— А я буду любить тебя, — сказал он. Он поцеловал ее, и она сказала, слабея:

— Каждый поцелуй, как первый.

Ее голос прервался на последнем слове. Рука, лежавшая на его руке, упала.

Он наклонился и поцеловал ее мертвое лицо.

Мак-Кой положил руку на его плечо.

— Все кончено, Джим. Но мы все же сохранили для них этот прекрасный мир.

Метаморфоза

«Энтерпрайз» не часто пользовался космическим челноком «Галилей», потому что обычно он лучше выполнял задачи телепортации, и это был как раз такой случай. «Энтерпрайз» выполнял совсем другое задание, когда пришел сигнал бедствия с Эпсилон Канариса III. Это было слишком далеко за пределами телепортации, а даже «Энтерпрайз» не мог оказаться сразу в двух местах.

Однако теперь «Галилей» возвращался обратно на встречу со своим кораблем-носителем. Кирк сидел за управлением, Спок выполнял обязанности штурмана. Пассажирами «Галилея» были доктор Мак-Кой и его пациентка, заместитель комиссара федерации Нэнси Хедфорд, очень красивая женщина чуть более тридцати лет, чья красота была слегка испорчена почти постоянным выражением какой-то суровости. Это соответствовало ее натуре, она была не из тех людей, рядом с которыми приятно находиться.

— Мы достигли запланированного пункта три, капитан, — сказал Спок. — Переходите на курс 201, отметка 15.

— Спасибо, мистер Спок. Доктор, как она?

— Без изменений.

— Не слишком-то я благодарна Звездному флоту, — сказала Нэнси Хедфорд.

— Право, комиссар, — сказал Мак-Кой, — вы не можете винить Звездный флот.

— Лучше бы я сделала предварительную прививку.

— Болезнь Сукаро — очень редкое заболевание, комиссар. Вероятность того, что кто-нибудь подхватит ее, буквально один на миллиард. Как мы могли предположить...

— Я была послана на ту планету, чтобы предотвратить войну, доктор. Из-за неэффективности медицинского отделения Звездного флота я была вынуждена покинуть планету прежде, чем выполнила задание. Сколько

миллионов невинных людей погибнут теперь из-за моей редкой болезни?

По правде говоря, Кирк подумал, что она преувеличивает свое значение и что ее старший помощник вполне мог справиться с делом в одиночку и, возможно, даже лучше. Но этого не следовало говорить.

— Комиссар, уверяю вас, как только мы достигнем «Энтерпрайза», с его медицинским оборудованием, мы вас моментально поставим на ноги. Вы вернетесь к своему заданию.

— И как скоро состоится встреча с вашим кораблем, капитан?

— Через четыре часа двадцать одну минуту.

— Капитан, — сказал Спок, — Сканеры регистрируют перед нами небольшую туманность. Похоже, что она прямо по курсу.

— Едва ли это имеет значение, — сказал Кирк. — Но в любом случае мы лучше свернем.

Однако оказалось, что это невозможно сделать. Каждый раз, когда Кирк менял курс «Галилея», облако тоже меняло курс. Вскоре его уже стало видно, это была фосфоресцирующая клубящаяся масса в бесконечности космоса.

Спок проверил датчики.

— Похоже, это сильно ионизированный водород, капитан. Но тем не менее, я бы сказал, что это не естественный объект. Он слишком плотный, меняет форму слишком быстро, и в нем очень высока электрическая активность.

— Что бы это ни было, мы сейчас окажемся прямо в его центре.

Не успел он это проговорить, как обзор был практически закрыт сияющим, перемещающимся облаком. Мгновение спустя управление отказало. Быстрая проверка показала, что связи тоже не было.

— Данные, мистер Спок.

— Чрезвычайно сложный рисунок электрических импульсов и очень интенсивное магнитное поле или, вернее, несколько магнитных полей. Похоже, что оно замкнуто на нас.

Судно слегка накренилось, но достаточно ощутимо. Кирк посмотрел вниз на консоль.

— Да, и оно уносит нас с собой.

— Капитан! — Послышался женский голос. — Что происходит? Я желаю знать!

— Вы уже знаете ровно столько, сколько и я, комиссар. Что бы там ни было снаружи, оно уводит нас с нашего курса по направлению к «Энтерпрайзу».

— Теперь наш курс 98, отметка 12, — сказал Спок. — Направляемся прямо в район Гамма Канариса.

— Джим, — сказал Мак-Кой. — Мы должны доставить мисс Хедфорд на «Энтерпрайз», ее состояние...

— Извините, Боунс, мы ничего не можем сделать.

— Я этому не удивляюсь, — холодно сказала мисс Хедфорд. — Это как раз то, чего я ожидала от Звездного флота. Если я настолько больна, как уверяет этот сомнительный авторитет...

— Поверьте мне, это так, — сказал Мак-Кой. — Возможно, вы сейчас и хорошо себя чувствуете, но вы тем не менее действительно серьезно больны.

— Тогда почему вы просто сидите здесь? Я настаиваю...

— Простите, комиссар, — сказал Кирк. — Мы сделаем то, что сможем, и тогда, когда сможем, но сейчас мы беспомощны. Советую вам пока расслабиться и получить удовольствие от поездки.

«Галилея» опустили, трудно было подобрать другое слово, на маленькую планету, на которой только кое-какие детали можно было разглядеть сквозь окутывающую их туманность. Но в тот момент, когда они приземлились, облако вдруг исчезло, дав им возможность смотреть на широкую, пустынную, похожую на вересковую пустошь округу.

— Боунс, Спок, соберите данные об этом месте. — Кирк щелкнул выключателем. — «Энтерпрайз», вызывает «Галилей». Говорит Кирк. Ответьте, пожалуйста. Ответьте, без особой нужды мы бы не обращались. Облако должно быть все еще неподалеку. Какие-нибудь данные есть?

— Атмосфера практически идентична земной, — отреагировал Спок, — так же, как и сила тяжести. Совершенно невероятно для планеты такого размера, разве что ядро состоит из чего-нибудь другого, чем обычный никель — железо. Но она пригодна для человеческой жизни.

— Что ж, предлагаю выйти и посмотреть, — сказал Кирк. — Боунс, достаньте фазеры и сохраняйте полную готовность. Комиссар, вы пока оставайтесь внутри.

— И сколько времени продлится это пока?

— Очень хороший вопрос. Хотел бы я иметь на него ответ. Мистер Спок, идемте.

Выйдя, они отправились в хвостовую часть челнока и открутили панели, открывающие доступ к механизмам, в то время как Мак-Кой оставался спереди. Проверка работы не заняла много времени.

— Очень странно, — сказал Спок. — Фактически невозможно.

— Ничего не работает.

— Ничего. И без всякой причины.

— Конечно, причина есть. Просто мы ее пока не нашли. Давайте пройдем еще по разу.

Пока они занимались этим, Нэнси Хедфорд вышла и направилась к ним, как обычно, раздраженная чем-то. Терпение, очевидно, было ее самым слабым местом. Кирк вздохнул и выпрямился.

— Ну что, капитан?

— А что такое, комиссар?

— Где же эта ваша странная могущественная сила, которая принесла нас сюда? Или, может быть, вы просто сбились с курса?

— Мы не сбились с курса, мисс Хедфорд, — сказал Кирк терпеливо. — К вашему сведению, наши силовые блоки бездействуют, так что я считаю, что сила, которую вы упомянули, все еще по соседству.

— Меня ваше алиби не интересует, капитан. Я настаиваю на том, чтобы вы немедленно вытащили нас из этого мрачного места.

— Комиссар, я понимаю, что вы больны и беспокоитесь о том, чтобы вылечиться.

— А я беспокоюсь, как вы выразились, о том, чтобы избавиться от этой медицинской ерунды и вернуться к своим обязанностям!

Мак-Кой, который выглядел довольно озабоченным, присоединился к ним. Он сказал:

— Как вы себя чувствуете, комиссар?

— Я бы хотела, чтобы вы перестали задавать этот глупый вопрос. — Она, рассерженная, ушла.

Кирк позволил себе грустно улыбнуться.

— Пока она отвечает так, Боунс, я думаю, она чувствует себя хорошо.

— Но это продлится недолго. Лихорадка может начаться в любой момент.

Когда Кирк начал отвечать, раздался оклик с дальнего расстояния:

— Эге-геес!

Они, вздрогнув, повернулись. Из-за горизонта показалась человеческая фигура. Она махала руками и бежала по направлению к ним.

— Боунс, я хочу, чтобы вы проверили физиологические данные — что бы это ни было.

Человек скрылся за пригорком, а затем появился на вершине, глядя вниз, на отряд. Это был молодой, крепкий, высокий интересный мужчина лет тридцати пяти, одетый в комбинезон. У него было радостное выражение лица.

— Привет! — сказал он, спускаясь вниз по склону. — Вы настоящие? Я имсю в виду, вы мне не мерещитесь?

— Мы достаточно настоящие, — сказал Кирк.

— И вы говорите по-английски? Вы с Земли?

Кирк кивнул.

— Из Федерации.

— Из Федерации? Ну, это не важно. — Он с энтузиазмом схватил Кирка за руку. — Меня зовут Кочрейн. Попал сюда уж и не знаю, как давно. Если бы вы только знали, как приятно видеть вас и женщину! Да к тому же такую красивую.

Кирк представил всех. Кочрейн, все еще глядя на комиссара, сказал:

— Вы — буквально пища для голодного человека. Все вы. — Он посмотрел на Спока. — Вы с Вулкана, не так ли? Когда-то я там был. Хороший корабль. Простой, аккуратный. Пытаетесь его снова запустить. Забудьте об этом. Ничего не получится.

Он начал с восхищением обходить корабль. Кирк сказал тихим голосом Мак-Кою.

— Кажется, у нашего приятеля ума не больше, чем у кузнечика.

— Слишком много всего сразу. Естественная реакция. Фактически все данные нормальные. Это человек.

— Мистер Кочрейн. — Незнакомец вновь подошел к ним, по-прежнему сияя. — Мы были сбиты с курса и принесены сюда какой-то силой, которую мы не можем определить и которая, похоже, находится где-то здесь, на поверхности планеты.

— Возможно. В космосе происходят странные вещи.

— Вы сказали, что мы не сможем заставить наш корабль функционировать вновь? — спросил Спок.

— Ни малейшего шанса. Здесь какое-то глушащее

поле или что-то еще в этом роде. Энергетические системы не работают. Поверьте мне на слово.

— Вы не будете возражать, если мы все же попробуем? — настаивал Спок.

— Продолжайте. У вас уйма времени.

— А как насчет вас, Кочрейн? — поинтересовался Кирк. — Что вы здесь делаете?

— Застрял. Я уже сказал вам. Послушайте, у нас масса времени, чтобы познакомиться друг с другом. У меня здесь неподалеку маленький домик. Все удобства. — Он повернулся к женщине. — Я могу даже предложить вам горячую ванну.

— Как проникательно с вашей стороны было заметить, что я в ней нуждаюсь, — ледяным тоном заметила она.

— Если вы не возражаете, мистер Кочрейн, — сказал Кирк, — я бы хотел услышать что-нибудь, помимо вашего заверения, что вы застряли здесь. Это далеко от проторенных трасс?

— Именно так. Вот почему я особенно рад видеть вас здесь. — Он снова оглядел челнок. — Красивый.

— Вы давно не общались. Возможно, принцип его работы нов для вас. Мистер Спок, не могли бы вы объяснить метод передвижения силовой установки мистеру Кочрейну?

— Конечно, капитан. Мистер Кочрейн?

Когда двое отошли, Мак-Кой сказал:

— Он говорил много, но ничего не сказал.

— Я заметил, — сказал Кирк, — и я заметил кое-что еще. Боунс, в нем есть что-то знакомое.

— Знакомое? Теперь, когда вы сказали об этом, я тоже так думаю.

— Я не могу определить, что. Однако как мисс Хедфорд?

— Температуры пока нет. Но нам нужно скорее взлетать. Я гарантирую вам, что скоро она появится.

— Вы уверены в том, что нет никакой ошибки? Это действительно болезнь Сукаро?

— Да. И есть кое-что еще, насчет чего я не ошибаюсь. Если ее не лечить, она смертельна. Всегда... Ладно что мы будем делать дальше?

— Я думаю, нам следует воспользоваться приглашением мистера Кочрейна. По крайней мере, там мы сможем устроить ее поудобнее.

Дом Кочрейна был простым функциональным кубом,

с дверью, но без окон. Окружающее пространство было хорошо освоено.

— Вы сами это построили, мистер Кочрейн? — спросил Спок.

— Да, у меня были кое-какие инструменты и припасы после крушения. Это, конечно, не Земля, но здесь жить можно. Как видите, я выращиваю овощи. Заходите.

Он пошел вперед. В доме была печь, которая, очевидно, служила также плитой, кондиционер и кое-какая довольно удобная мебель, явно устаревшие. Мисс Хедфорд огляделась с недовольством.

— Какое ужасно грязное место, — сказала она.

Кочрейн только улыбнулся.

— Но я зову его домом, мисс Хедфорд.

— Где вы достали весь этот антиквариат? — спросил Кирк.

— Антиквариат? Вы имеете в виду все это оборудование. Думаю, оно не настолько изменилось с тех пор, как я разбился.

— Не настолько?

— Здесь обязательно должно быть так жарко? — спросила женщина.

— Температура постоянно семьдесят два градуса.

— Вам жарко? — спросил Мак-Кой у мисс Хедфорд.

Она нервно плюхнулась на стул.

— Я в ярости, я чувствую себя обманутой, я просто вне себя.

— Вам пришлось далеко идти, — сказал Мак-Кой. — Вы устали. Отдохните немного.

— Я отдохну позже. Сейчас я продумываю доклад, который представлю совету комиссаров об эффективности Звездного флота. Уверяю вас, он будет очень-очень подробным.

— Капитан! Доктор! — Спок позвал из-за двери. — Посмотрите на это, пожалуйста.

Встревоженный настойчивостью в его голосе, Кирк одним прыжком пересек комнату. Снаружи, возможно, на расстоянии полумили, находилось нечто, похожее на смерч, однако ветра не было. Слабые пастельные тона и тени появлялись и исчезали внутри него. При этом раздавался полужук, полующение гармоничной колокольной музыки. Мгновение оно мягко раскачивалось из стороны в сторону мягко, потом исчезло.

Кирк быстро повернулся к Кочрейну.

— Что это было?

— Иногда возникает игра света, — сказал Кочрейн. — Вы и представить себе не можете, каких только грез я здесь не видел.

— Мы не грезили, мистер Кочрейн. Там был какой-то объект, и я подозреваю, что это был именно тот объект, который принес нас сюда. Пожалуйста, объясните.

— Тут нечего объяснять.

— Мистер Кочрейн вы испытываете мое терпение, а дело касается безопасности моих людей. Мы обнаруживаем вас там, где ни у одного человека не может быть никакого дела. Мы были буквально угнаны в космосе и принесены сюда — очевидно, тем же смерчем, который мы сейчас видели. Я не просто прошу объяснить это, мистер. Я этого требую!

Кочрейн пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Там был Компаньон.

— Что?

— Я так называю его. На самом деле, капитан, я не разбился тут. Я был принесен сюда в моем сломанном корабле. Я был практически мертв. Компаньон спас мне жизнь.

— Однако сейчас вы выглядите весьма здоровым, — сказал Кирк. — Что с вами было?

— Старость, капитан. Мне в то время было восемьдесят семь лет. Я не знаю, как он это сделал, но Компаньон снова сделал меня молодым. Снова сделал меня молодым, таким, каков я сейчас.

Кирк и Спок переглянулись. Глаза Спока полезли на лоб от удивления. Он сказал:

— Я бы хотел оставить свое мнение об этой части вашего рассказа при себе. Вы не могли бы рассказать нам точно, что ваш Компаньон представляет собой?

— Я уже говорил вам, что не знаю, что это. Оно существует. Оно живет. Оно до некоторой степени общается со мной.

— Это довольно странная история, — сказал Мак-Кой.

— Вы видели это существо. У вас есть лучшее объяснение?

— Мистер Кочрейн, — сказал Кирк, — у вас есть имя?

Кочрейн кивнул:

— Зефрам.

У Мак-Коя отвалилась челюсть, но Спок, очевидно, ожидал этого ответа. Кирк спросил:

— Кочрейн из Альфа Центавра? Первооткрыватель космического варпа?

— Вы правы, капитан.

— Зефрам Кочрейн, — сказал Мак-Кой, — но ведь он умер сто пятьдесят лет тому назад.

— Его тело так и не нашли, — добавил Спок.

— Вы смотрите на него, мистер Спок, — промолвил Кочрейн.

— Вы сказали, что ваш Компаньон нашел вас и омолодил. Что вы делали в космосе в возрасте восьмидесяти семи лет?

— Я устал, капитан. Я умирал. И я хотел умереть в космосе. Вот и все.

Мак-Кой повернулся к мисс Хедфорд, ее глаза были теперь закрыты. Он ощупал ее лоб, затем провел обследование. Он был явно обеспокоен результатами.

— Эти приспособления, — сказал Спок, — они все принадлежат тому времени, которое вы указываете. Они с вашего корабля, мистер Кочрейн?

— Я разобрал его. Остальное — пища, вода, огород, все, что мне нужно — мне дает Компаньон. Очевидно, он производит все это из каких-то местных элементов.

— Если вы можете связаться с ним, — сказал Кирк, — возможно, вы сможете выяснить, что мы здесь делаем.

— Я и так знаю.

— Может быть, вы нам скажете?

— Вам это не понравится.

— Нам это уже не нравится.

— Вы здесь, чтобы составить мне компанию, — сказал Кочрейн. — Я всегда был довольно одиноким человеком. Провел годы в космосе один. Но сто пятьдесят лет — это очень много, Кирк. Слишком много. В конце концов, я сказал Компаньону, что я умру без других людей. Я думал, что он отпустит меня, как-нибудь пошлет меня обратно. Вместо этого он вышел и, очевидно, принес назад первых людей, которые ему попались.

— Нет! — слабо вскрикнула мисс Хедфорд. — Это отвратительно! Мы же не животные!

Она начала всхлипывать. Мак-Кой с помощью Кирка поднял ее и положил на кушетку, где Мак-Кой сделал ей укол. Постепенно ее всхлипывания затихли.

— Плохо, — сказал Мак-Кой, — очень плохо.

— И вы ничего не можете сделать?

— Только поддерживать ее в спокойном состоянии. Сдерживать развитие вторичных инфекций. Но скорость

изнашивания ее красных кровяных телец очень велика. И я не могу приостановить его.

Кирк повернулся к Споку.

— Мистер Спок, в следующий раз, когда это существо появится, постарайтесь снять данные трикодера. Найдите нам оружие, которое можно использовать против этой твари.

— Капитан, я уже сделал некоторые опытные выводы. Исходя из необычно малого размера этой планеты и присутствия глушащего поля, о котором упоминал мистер Кочрейн, а также наличия Компаньона, я пришел к выводу, что это спутник другого объекта, ныне разрушенного, который был заселен высокоразвитой цивилизацией.

— Согласен, — сказал Кочрейн. — У меня есть несколько предположений, которые наводят на ту же мысль.

— Вывод, Спок?

— Можно вывести, что Компаньон — это, возможно, последний представитель давно исчезнувшей культуры. Вы спрашиваете об оружии. Вы что, намереваетесь уничтожить его?

— Я собираюсь сделать все, что необходимо, чтобы выбраться отсюда и доставить мисс Хедфорд в госпиталь, — мрачно сказал Кирк. — Если Компаньон будет стоять на пути, значит, надо сдвинуть его с этого пути. Ясно, мистер Спок?

— Совершенно ясно, капитан. — Спок поднял трикодер и ушел, направляясь к челноку.

— Кочрейн, если вы уедете отсюда, что произойдет с вами?

— Я снова начну стариться естественным образом.

— Вы хотите уехать отсюда?

— Поверьте мне, капитан, бессмертие состоит в основном из скуки. Конечно, я... а что там происходит сейчас? В галактике?

— Мы уже на тысяче планет и все продолжаем расширяться. Мы преодолеваем фантастические расстояния и находим жизнь повсюду. Мы считаем, что есть миллионы планет с разумной жизнью. Мы даже начали составлять их карты. — Глаза Кочрейна сияли. — Интересно?

— А как бы вы себя чувствовали, если бы проспали сто пятьдесят лет и проснулись в новом мире?

— Понятно, — сказал Кирк. — Этот мир ждет вас. И вы можете обнаружить, что ваше имя окружено там

славой. Но нам, возможно, понадобится ваша помощь, чтобы выбраться отсюда.

— Вы ее получите.

— Хорошо. Похоже, что вы думаете, что этот Компаньон может сделать практически все, что угодно.

— Я не знаю границ его возможностей.

— Он может вылечить комиссара мисс Хедфорд?

— Я не знаю.

— Стоит попробовать. Мы ничего не можем сделать. Вы сказали, что можете общаться с ним?

— До определенной степени. Это не на вербальном уровне, но обычно мои послания доходят.

— Попробуйте сейчас. Узнайте, может ли он сделать что-нибудь.

Кочрейн кивнул и шагнул в сторону, за ним следовали Кирк и Мак-Кой.

— Как вы это делаете? — спросил Кирк.

— Я просто очищаю свое сознание. Затем он приходит. Лучше стойте сзади.

Кочрейн закрыл глаза. Прошло время, и Кирк услышал мелодичное жужжание Компаньона. Он появился рядом с Кочрейном, мерцающий, переливающийся дюжиной прекрасных цветов в такт легкому звучанию колокольчиков. Он придвинулся к Кочрейну, собрался вокруг него, как бы обнимая. Огни играли на лице Кочрейна.

— Что вы об этом думаете, Боунс? — мягко спросил Кирк.

— Практически своего рода симбиоз. Своего рода соединение.

— И я так же думаю. Не совсем похоже на отношения владельца домашнего животного, разговаривающего с привязавшимся к нему питомцем, как вы считаете?

— Нет, не похоже, это более, чем привязанность.

— Согласен. Намного больше. Возможно, любовь.

Теперь Компаньон двигался в сторону от Кочрейна, который медленно приходил в нормальное состояние. Компаньон исчез, а Кочрейн покачал головой и огляделся, словно для того, чтобы сориентироваться. Его глаза остановились на Кирке.

— С вами все в порядке? — спросил Кирк.

— О, да. Но это всегда как-то изматывает меня. Но со мной все в порядке.

— Ну и?

Кочрейн снова покачал головой.

— Компаньон ничего не может сделать, чтобы по-

мочь мисс Хедфорд. Похоже, это вызвано какими-то личными мотивами. Я не понял. Но ответ отрицательный. Я в этом уверен.

— Тогда она умрет.

— Послушайте, мне очень жаль. Если бы я мог помочь вам, я бы это сделал. Но Компаньон не будет.

Прошло несколько часов, прежде чем Спок вернулся от челнока. Возвращаясь, он нес с собой маленькое, но сложное устройство черного цвета, очевидно, очень грубо сработанное, как будто его торопливо собрал ребенок. Он внес его в дом.

— Ваше оружие, капитан.

— Ого. Как оно работает?

— Как вы уже знаете, Компаньон состоит в основном из плазмы, состояния материи, характеризующегося высокой степенью ионизации. Проще говоря, он в основном состоит из электричества. Я предлагаю, по сути дела, «закоротить» его. Положите это устройство недалеко от Компаньона, нажмите на этот переключатель, и мы перехватим все электрические импульсы, которые это существо произведет. Я в этом уверен.

Кочрейн с несчастным видом смотрел на устройство. Кирк спросил:

— Что вас беспокоит, Кочрейн?

— Компаньон спас мне жизнь. Заботился обо мне на протяжении ста пятидесяти лет. Мы были близки, это трудно объяснить. Мне кажется, я даже по-своему привязался к нему.

— Но при этом он держал вас здесь пленником.

— Я не хочу, чтобы его убили.

Спок сказал:

— Мы можем просто сделать его беспомощным.

— Но вы.., — настойчиво сказал Кочрейн. — Вы можете убить его! Я этого не вынесу, Кирк.

— Мы уходим отсюда, Кочрейн. Решайтесь.

— Что вы за люди? — спросил Кочрейн. — Разве благодарность ничего не значит для вас?

— У меня здесь умирает женщина, Кочрейн. Я сделаю все, что необходимо, чтобы спасти ее жизнь.

Кирк уставился на Кочрейна, тот медленно стал сдаваться.

— Я думаю, с вашей точки зрения, вы правы. Я только...

— Мы понимаем ваши чувства, мистер Кочрейн, — сказал Мак-Кой, — но это придется сделать.

— Хорошо. Вы хотите, чтобы я позвал его?

— Пожалуйста, — попросил Кирк. — Только не здесь.

Мак-Кой остался со своей пациенткой. Спок поднял свое приспособление, и они с Кирком вышли из дома. Компаньон и Кочрейн уже приближались друг к другу. Мягкие огни и мягкая музыка исходили от существа. Казалось, что оно чуть ли не мурлыкало.

— Это достаточно близко? — прошептал Кирк.

— Думаю да, — ответил Спок. — И есть некоторый риск. Я не знаю границ возможностей этого существа.

— Как и оно не знает наших. Ну же, Спок!

Спок нажал на кнопку. Мерцание Компаньона резко усилилось, как и жужжание, встревоженное, сильное. Пастельные цвета сменились мрачными синим и зеленым, а звук колокольчиков сменился несогласованным бренчанием. Кочрейн, находившийся только в нескольких футах от него, схватился за голову и зашатался, потом упал. Призрачная, ежесекундно меняющаяся колонна плазмы обрушилась на дом.

Кирк и Спок бросились внутрь, но и там было опасно. Комнаты наполнились кружением и грохотом. В то же время Кирк чувствовал страшное давление на все тело. У него перехватывало дыхание. Он пытался ударить вихрь, но ударять было нечего. Он видел, как рядом с ним Спок уронил устройство и тщетно пытается вздохнуть.

— Прекратите! Прекратите! — прокричал издалека голос Мак-Коя. — Он убивает их!

Вошел Кочрейн и, мгновенно поняв, что происходит, принял состояние общения. Цвета Компаньона изменились на пастельные, и существо исчезло. Кирк и Спок оба упали на колени, глотая воздух. Мак-Кой опустил на колени возле них; Кочрейн снова вышел.

— С вами все в порядке? — спросил Мак-Кой. — Вы можете дышать?

Кирк кивнул.

— Все в порядке, Боунс. — Он с трудом поднялся на ноги, за ним последовал Спок, который, казалось, быстро восстанавливал силы.

— Кочрейн увел его от нас. Не знаю, хорошо он сделал или плохо.

— О чем вы говорите? — резко спросил Мак-Кой.

— Как можно бороться с таким существом? У меня там где-то корабль, ответственность за четыре человеческие жизни здесь, и один из них умирает.

— Это не ваша вина.

— Я командую, Боунс. Значит, это моя вина. И вот что получается: я не могу уничтожить его, я не могу заставить его отпустить нас.

Через мгновение Мак-Кой сказал:

— Вы были солдатом так часто, что, возможно, забыли о том, что вас, кроме всего прочего, учили быть и дипломатом. Почему бы не использовать пряник вместо кнута?

— Но что я могу предложить?.. Х-мम्म. Возможно, стоит попробовать. Спок!

— Да, капитан.

— Универсальный переводчик на челноке. Мы можем попробовать. Поговорим с существом.

— Переводчик предназначен для контактов с более совпадающими жизненными формами.

— Приспособьте его. Измените его. Самое страшное в бессмертии — это скука. Наладка переводчика поможет вам бороться с ней.

— Это возможно. Если бы я смог расширить диапазон приема...

— Приступайте, мистер Спок. Принесите его сюда и начинайте работать.

Переводчик был маленьким, но сложным устройством. Глаза Кочрейна внимательно следили за тем, как Спок занимался с ним.

— Как работает это устройство? — спросил он.

— Есть некоторые универсальные идеи и концепции, одинаковые для всякой разумной жизни, — объяснил Кирк. — Это устройство мгновенно сравнивает частоту мозговых рисунков, выбирает те, которые узнает, и составляет необходимую грамматику и слова.

— Вы имеете в виду, что эта коробочка говорит?

— Да, голосом или чем-то вроде того. Или тем, чем говорит существо на передающем конце. Оно, конечно, несовершенно. Но обычно работает достаточно хорошо. Мистер Спок, вы готовы?

— Практически да, капитан.

— Мистер Кочрейн, пожалуйста, позовите Компаньона.

Кочрейн вышел из дома, Кирк и Спок снова последовали за ним с переводчиком. И снова звучание Компаньона предшествовало его появлению. А потом появился он, туманный, загадочный. Спок дотронулся до переводчика и кивнул Кирку.

— Компаньон, мы хотим поговорить с вами.

Произошло изменение звучания. Компаньон отпрянул от Кочрейна. Затем из переводчика раздался голос. Он был мягким, нежным и безошибочно женским.

— Как мы можем общаться? Мои мысли... Вы слышите их. Это интересно.

— Женщина, Спок, — сказал Кирк. — В этом нет никакого сомнения.

— Странно. Возникновение пола может изменить всю ситуацию.

— Доктор Мак-Кой и я давно уже об этом догадывались.

— Тогда это не содержатель зоопарка?

— Нет, мистер Спок. Дорогая... Компаньон! Нехорошо держать нас здесь против нашей воли.

— Человеку нужна компания ему подобных, или он может прекратить существование, — сказал мягкий голос. — Он дал почувствовать это мне.

— Сейчас один из нас прекращает существование. Это женщина, ее нужно доставить туда, где мы сможем о ней позаботиться.

— Человеку нужны ему подобные, но другого рода. Вот почему вы здесь. Человек должен продолжиться.

— Капитан, в этом есть своеобразная бесстрастная логика, — сказал Спок. — Чистый прагматизм. По этим словам я бы сделал вывод, что она никогда не поймет нашу точку зрения.

— Возможно, Компаньон, постарайтесь понять. В природе нашего вида быть свободными, в то время как в вашей природе оставаться здесь. Мы прекратим существование в неволе.

— Ваши тела прекратили свое странное разрушение. Вы будете продолжаться без конца. У вас будет пища. Вам ничто не будет угрожать. Вы будете продолжаться — значит, Человек будет продолжаться тоже. Это необходимо.

— Капитан, — сказал Спок. — Нам предоставляется прекрасная возможность расширить наши познания. Спросите ее о природе ее происхождения.

— Мистер Спок, это не классная комната. Я пытаюсь вытащить нас отсюда...

— Такая возможность, скорее всего, больше никогда не предоставится. Она могла бы рассказать нам так много...

— Мистер Спок, замолчите. Компаньон, ясно, что

вы не понимаете нас. Это потому, что вы существо не нашего вида. Поверьте мне, мы не лжем. То, что вы предлагаете нам, — это не продолжение. Это небытие. Мы прекратим существовать. Даже Человек прекратит существовать.

— Ваши импульсы нелогичны. Общение бесполезно. Человек должен существовать. Поэтому и вы будете существовать. Это необходимо.

Голос замолк. Компаньон медленно стал бледнеть и в конце концов совсем исчез.

Кирк опустил плечи и вернулся в дом, за ним шел Спок. Кочрейн вошел за ними следом.

— Капитан, почему вы сделали свой транслятор с женской голосовой коробкой?

— Мы этого не делали, — сказал Кирк.

— Но я слышал

— Мужское и женское начало — это универсальная основа всего и в космосе, Кочрейн. И Компаньон, без сомнения, женщина.

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете? — спросил Мак-Кой. — Это и слепому ясно. Кочрейн, вы не просто любимец. И вы не животное, которое держат в клетке. Вы — возлюбленный.

— Я — что?

— Разве это не очевидно? — спросил Кирк. — Все, что она делает, она делает для вас. Снабжает вас всем, кормит вас, укрывает, одевает. Наконец, приводит к вам собеседников, когда вы одиноки.

— Ее отношение, когда она приближается к вам, совершенно отлично от контактов с нами, — добавил Спок. — Это проявляется во всем. Хотя я не совсем понимаю ее чувства, они, очевидно, существуют. Компаньон любит вас.

Кочрейн уставился на них:

— Это смешно!

— Вовсе нет, — сказал Кирк. — Мы видели подобные ситуации.

— Но после ста пятидесяти лет...

— Что происходит, когда вы общаетесь с ней? — спросил Спок.

— Ну, мы... вроде как она сливается с моим сознанием.

— Конечно. В этом нет ничего шокирующего. Просто символический союз двух сознаний.

— Это возмутительно. Вы понимаете, что вы говорите? Вы не можете... Но все эти годы... впускать нечто... настолько чуждое... в свое сознание, свои чувства, — внезапно Кочрейн пришел в ярость. — Она провела меня! Это своего рода эмоциональный вампир! Она была во мне!

— Вам же это не повредило? — спросил Кирк.

— Повредило? Какое это имеет отношение к этому? Вы можете быть женаты на женщине, которую вы любите, в течение пятидесяти лет, и все же в глубине души вы сохраняете неприкосновенные уголки. Но эта... эта тварь кормилась мной!..

— Любопытный подход, — сказал Спок. — Типичный для вашего времени, я бы сказал, когда человечество имело меньше контактов с другими живыми формами, чем сейчас.

— И вы сидите здесь спокойно, анализируя подобные гадости, — взорвался Кочрейн. — Что вы за люди?

— В этом нет никакой гадости, Кочрейн, — сказал Мак-Кой. — Это просто еще одна жизненная форма. К таким вещам постепенно привыкаешь.

— Меня от вас наизнанку выворачивает. Вы ничем не лучше ее.

— Я не понимаю вашу высокоэмоциональную реакцию, — сказал Спок. — Ваше общение с Компаньоном было на протяжении ста пятидесяти лет эмоционально удовлетворительным, практичным и совершенно безвредным. Оно, возможно, было даже весьма полезным.

Кочрейн свирепо уставился на него.

— Так вот как выглядят будущие люди, у которых нет ни малейшего представления о приличиях или морали. Что ж, возможно, я на сто пятьдесят лет отстал от жизни, но я не собираюсь быть фуражом для чего-то нечеловеческого — ужасного, — задыхаясь, он повернулся на каблуках и вышел.

— Весьма узкий взгляд, — сказал Спок.

— Доктор! — прозвучал слабый голос Нэнси Хедфорд. — Доктор!

Мак-Кой поспешил к ней, за ним последовал Кирк.

— Я здесь, мисс Хедфорд.

Она выдавила слабую горькую улыбку.

— Я слышала все. Его любят, но он отвергает это.

— Отдыхайте, — сказал Мак-Кой.

— Нет. Я не хочу умирать. Я хорошо выполняла свою работу, доктор. Но меня никогда не любили. Что

это за жизнь? Когда тебя никто не любил, никогда... а вот теперь я умираю. А он бежит от любви.

Она замолчала, судорожно хватая воздух. Глаза Мак-Коя помрачнели.

— Капитан, — позвал Спок от дверей, — посмотрите сюда.

Снаружи снова был Компаньон, который выглядел так же, как и раньше, но Кочрейн не подпускал его к себе, открыто контролируя себя, соблюдая ледяной холод отношений.

— Ты понимаешь, — говорил он. — Я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Компаньон приблизился, позванивая вопросительно, настойчиво. Кочрейн попятился.

— Я сказал — убирайся. Ты никогда не подойдешь ко мне, чтобы снова не провести меня! Убирайся! Оставь меня в покое, отныне и навсегда!

Трясущийся, потный, с бледным лицом, Кочрейн вернулся в дом. Кирк повернулся к Мак-Кою. Нэнси лежала неподвижно.

— Боунс! Она умерла?

— Нет. Но она... она умирает. Дыхание очень нерегулярное. Давление падает. Она умрет минут через десять. И я...

— Вы сделали все, что могли, Боунс?

— Вам жаль ее, Кирк? — спросил Кочрейн, все еще не остывший от своей ледяной ярости. — Вы что-нибудь чувствуете? Успокойтесь. Потому что это — единственный для всех нас способ выбраться отсюда. Умерев.

Слабая надежда на спасение неожиданно мелькнула в голове Кирка. Он поднял переводчик и вышел наружу. Компаньон все еще был там.

— Компаньон, ты любишь Человека?

— Я не понимаю, — ответил женский голос из переводчика.

— Он важен для тебя, более важен, чем все остальное? Как если бы он был частью тебя?

— Он — часть меня. Он должен продолжаться.

— Но он не будет существовать. Он перестанет существовать. Своими чувствами к нему ты обрекаешь его на существование, которое он находит невыносимым.

— Он не стареет. Он будет жить здесь всегда.

— Ты говоришь о его теле, — сказал Кирк. — Я же говорю о его душе. Компаньон, в доме лежит умирающая женщина нашего вида. Она не будет иметь продол-

жения. То же произойдет и с Человеком, если ты не отпустишь его.

— Я не понимаю.

— Наш вид может существовать, только если у него есть препятствия, которые нужно преодолевать. Ты устранила все препятствия. Без них, придающих нам силу, мы слабеем и умираем. Ты относишься к этому мужчине просто как к игрушке. Ты забавляешься с ним.

— Ты ошибаешься, — сказал переводчик. — Человек — это центр всего. Я забочусь о нем.

— Но ты не можешь действительно любить его. — У тебя нет ни малейшего представления о любви, полном союзе двух человек. Ты — Компаньон, он — человек, вы две различные субстанции, и вы никогда не соединитесь. Ты никогда не узнаешь любви. Ты можешь держать его вечно, но вы всегда будете разделены друг с другом.

Последовала длинная пауза. Затем Компаньон сказал:

— Если бы я была человеком, была бы любовь?

Затем существо исчезло из виду. Кирк вернулся обратно в дом, едва не налетев на Мак-Коя, который стоял позади него.

— Чего ты надеялся этим добиться? — спросил хирург.

— Убедить ее в бесполезности этого. Чувство любви довольно часто выражает себя в самопожертвовании. Если то, что она чувствует — любовь, возможно, она отпустит его.

— Но она... оно не человек, капитан, — сказал Спок. Вы не можете ожидать, что оно будет вести себя, как человек.

— Я могу попытаться.

— Это не поможет, — настаивал Кочрейн. — Я знаю.

С кровати раздался голос:

— Зефрам Кочрейн, — это был голос Нэнси, чистый, сильный, но какой-то странный. Они все обернулись.

Там стояла Нэнси Хедфорд, но совершенно изменившаяся — сияющая, мягкая, смотрящая на Кочрейна. На щеках ее играл розовый румянец. Мак-Кой поднял свой трикодер и уставился на него, как громом пораженный, но Кирку не надо было объяснять, что он увидел. Та Нэнси Хедфорд, которая умирала, была теперь совершенно здорова.

— Зефрам Кочрейн, — сказала она. — Я все поняла.

— Это... это она, — вымолвил Кочрейн. — Неужели вы не понимаете? Это Компаньон.

— Да, — сказала Нэнси. — Мы теперь здесь, те, кого вы знали как комиссара и Компаньона. Мы обе здесь.

Спок сказал:

— Компаньон, ты же не обладаешь властью давать жизнь.

— Нет, это может только творец всего сущего.

— Но комиссар Хедфорд умирала.

— Эта наша часть была слишком слаба, чтобы продолжаться. Через мгновение не было бы никакого продолжения. Теперь мы вместе. То, что вы называли любовью, доступно нам, когда мы вместе. Это заполняет огромную потребность. Мы теперь имеем то, чего раньше не имели.

— Вы имеете в виду, что вы теперь обе в одном теле? — спросил Кирк.

— Мы — одно. Такой голод, такое желание, — она двинулась в сторону Кочрейна, который отступил на шаг. — Бедный Зефрам Кочрейн. Мы пугаем тебя. Я никогда раньше не пугала тебя. — На ее глазах появились слезы. — Одиночество. Это одиночество. Мы знаем, какая это горькая вещь. Зефрам Кочрейн! Как ты его выносишь?

— Откуда ты знаешь, что такое одиночество? — спросил Кочрейн.

— Быть существом вашего вида — значит познать боль. — Она протянула руку.

— Дай дотронуться до тебя, Зефрам Кочрейн.

Его рука медленно потянулась, и они соприкоснулись.

Кирк повернул голову и сказал тихо.

— Спок, проверь челнок: двигатели, систему связи и так далее.

— Мы слышим вас, капитан, — сказала Нэнси, — этого не нужно. Ваш корабль действует, как и раньше. Так же, как и ваши системы связи.

— Ты позволишь нам улететь? — спросил Кочрейн.

— Мы не сделаем ничего, чтобы остановить вас. Капитан, вы сказали, что я не узнаю любовь, потому что я не человек. Теперь я человек, полностью человек, и ничего больше. Я познаю смену дней. Я познаю смерть. Но дотронуться до руки мужчины — нет ничего более важного. Это счастье, Зефрам Кочрейн. Когда солнце теп-

лее? Воздух слаще? А звуки здешних мест, как легкие струи — потоки в воздухе?

— Ты очень красивая, — тихо сказал Кочрейн.

— Одна часть меня понимает это. Другая — нет. Но мне приятно.

— Я мог бы объяснить тебе многие вещи. Это откроет тебе глаза. — Он был возбужден. — Тысячи миров, тысячи рас. Я покажу тебе все, как только я сам все это узнаю. Возможно, я сумею отблагодарить тебя за все, что ты сделала для меня.

В глазах Нэнси появилась печаль.

— Я не могу пойти с тобой, Зефрам Кочрейн.

Кочрейн замер:

— Нет, ты можешь. Ты должна.

— Моя жизнь может происходить только здесь. Если я покину это место более чем на несколько дней, я перестану существовать. Я должна возвращаться сюда, как и вы должны поглощать материю, чтобы поддерживать свою жизнь.

— Но у тебя есть сила, ты можешь...

— Я стала почти как вы. Смена дней будет воздействовать на меня. Но уехать отсюда насовсем — значит прекратить существование.

— Ты хочешь сказать, что отдала бы все, чтобы стать человеком?

— Нет ничего важнее с твоего прикосновения.

— Но ты состаришься, как все люди. В конце концов ты умрешь.

— Радости этого часа мне достаточно. Я рада.

— Я не могу улететь и оставить тебя здесь, — сказал Кочрейн. Ты спасла мне жизнь. Ты заботилась обо мне и любила меня. Я никогда раньше этого не понимал, но сейчас понимаю.

— Ты должен быть свободным, Зефрам Кочрейн.

Кирк сказал мягко:

— «Галилей» ожидает вас, мистер Кочрейн.

— Но если я увезу ее отсюда, она умрет. Если я уеду отсюда — она, человек — умрет от одиночества. И это еще не все... Я люблю ее. Это удивительно?

— Для человеческого существа — нет, — сказал Спок. — В конце концов, вы невероятно иррациональны.

Кочрейн обнял новую Нэнси Хедфорд.

— Я не могу оставить ее здесь. И это неплохое место. Я привык к нему.

— Подумайте, мистер Кочрейн, — сказал Кирк. — Там целая галактика, готовая прославить вас.

— Мне достаточно, что она любит меня.

— Но вы состаритесь, вы оба, — сказал Спок. — Больше не будет бессмертия. Вы состаритесь здесь и в конце концов умрете.

— Это происходит с каждым мужчиной и с каждой женщиной, но после долгого пребывания вместе складывается впечатление, что это одна из самых стоящих вещей в человеческой жизни. До тех пор, пока вы вместе.

— Вы уверены? — спросил Кирк.

— Здесь много воды. Климат хорош для выращивания растений. Я могу даже попытаться вырастить фиговое дерево. Каждый человек имеет право на это, не так ли? — Он помолчал, затем твердо сказал. — Я делаю это не из признательности, капитан. Теперь, когда я вижу ее, могу прикоснуться к ней, я знаю, что люблю ее. У нас впереди много лет, и это будут счастливые годы.

— Мистер Кочрейн, возможно, вы правы, возможно, нет. Но я желаю вам всего самого лучшего. Мистер Спок, Боунс, идите.

Когда они повернулись, Кочрейн сказал:

— Капитан...

— Да?

— Не говорите им ничего о Кочрейне. Пусть все будет, как было.

Кирк улыбнулся.

— Ни слова, мистер Кочрейн.

Когда они уже залезали в аппарат, Спок сказал:

— У меня есть интересный вопрос, капитан. Не освятили ли вы акт многоженства? В конце концов, Компаньон и комиссар Хедфорд теперь одно тело?

— Теперь вы проявили узор мышления, мистер Спок, — сказал Мак-Кой. — Многоженство не везде запрещено. Кроме того, Нэнси Хедфорд была практически мертва. Только Компаньон помогает ей жить. Если она оставит Нэнси, та не проживет и десяти минут. Фактически я намереваюсь подать рапорт о ее гибели, как только мы попадем на «Энтерпрайз».

— Кроме того, — подхватил Кирк, — любовь — это та единственная вещь, к которой стремились и Нэнси, и Компаньон. Теперь они ее имеют.

— Да, но не вечность, — сказал Мак-Кой. — Только жизнь.

— Да, но этого достаточно, Боунс. Для людей.

— Это некорректное замечание, Джим. — Когда брови Спока поползли вверх, Мак-Кой добавил: — Однако это правда.

Кирк улыбнулся и поднял коммуникатор.

— Кирк вызывает «Энтерпрайз».

Коммуникатор слабо ответил:

— Капитан! Это Скотти. С вами все в порядке?

— Абсолютно. Вы можете нас запеленговать?

— Производим вычисления. Готово.

— Очень хорошо. Я продолжу передачу. Займите стандартную орбиту по прибытии. Мы пересядем — переместимся на челнок.

— Но что случилось, капитан?

— В конце концов, ничего особенного, — сказал Кирк. — Просто произошла самая старая история в мире.

Смертельные годы

Когда отряд с «Энтерпрайза» материализовался на Гамма Гидры Четыре, Роберта Джонсона нигде не было видно. Фактически никого не было видно, и место их прибытия, которое напоминало поле в Канзасе в середине августа, было сверхъестественно жутко молчаливым.

Светило очень яркое солнце, всюду была видна разнообразная зелень, ощущалось даже трепетание горячих волн над соседним лугом. Но все звуки жизни отсутствовали: ни насекомых, ни животных, ни людей. Все говорило о том, что это был именно район штаба экспедиции Джонсона. Неподалеку они увидели готовые домики.

Спок, как заметил Кирк, также выглядел озабоченным. Мак-Кой сказал:

— Возможно, они нас не ждали.

Спок покачал головой.

— Наше прибытие было им известно заранее, доктор. Ежегодная проверка каждой научной экспедиции — это обычная процедура.

— Кроме того, я разговаривал из гиперпространства с руководителем экспедиции, Робертом Джонсоном, не больше часа тому назад, — сказал Кирк.

— Джим, что-нибудь было не так?

— Да нет, но в то же время что-то было не так. Я не могу сейчас точно определить этого, но разговор был странный, словно его было трудно поддерживать тем, кто был обеспокоен чем-то другим. — Кирк указал на ближайшее здание:

— Мистер Чехов, обследуйте это место. Мистер Спок и я обследуем вон то. Мак-Кой, Скотти, лейтенант Гэлуэй, осмотритесь вокруг, попробуйте что-нибудь найти.

Отряд разделился. Арлен Гэлуэй выглядит немного испуганной, подумал Кирк. Что же, это был ее первый полет за пределы солнечной системы, она закалится со временем. И обстоятельства были несколько странными.

Кирк и Спок собирались войти в «свое» здание, когда раздался крик. Повернувшись, Кирк увидел Чехова,

выбегавшего на открытое пространство, дико озирающегося.

— Капитан! Капитан! — голос Чехова был выше на целую октаву. Кирк бросился к нему.

— Что случилось?

— Капитан! Там внутри!

— Держите себя в руках, Чехов! Что случилось?

— Человек, сэр! Внутри! — казалось, Чехов несколько успокоился. — Мертвый человек.

— Хорошо, мы проверим. Но почему такая паника? Вы и раньше видели мертвых людей.

— Я знаю, — сказал Чехов слегка пристыженно. — Но этот, сэр... несколько странный и, честно говоря, он поразил меня.

— Правильнее сказать, напугал. Ладно, Боунс, Спок, давайте посмотрим. — Кирк вытащил свой фазер.

Внутри здания было довольно темно, и Кирк, вошедший с яркого солнца, с трудом привык к свету внутри. Сначала здание показалось ему совершенно пустым, затем в конце комнаты он увидел низкое сооружение. И осторожно приблизился к нему.

Затем он внезапно понял, что так напугало Чехова. Предмет был грубо сколоченным деревянным гробом, катафалком которому служили козлы.

Тело, лежащее в нем, могло принадлежать Мафусаилу. Глубокие морщины делали его черты практически неузнаваемыми. В открытом рту не было зубов, его почти белые десны сморщились, глаза утонули в глубоких ямах под веками из дряблой кожи. Тело, казалось, состояло из одних костей, соединенных друг с другом покрытым коричневыми пятнами покровом, — оболочкой толщиной с папиросную бумагу. Похожие на клешни руки были сцеплены на ввалившейся груди.

Голос Чехова сказал через дымку:

— Я налетел на него, когда возвращался назад, сэр, и я...

— Я хорошо вас понимаю, Чехов. Успокойтесь. Боунс, что это?

— То, что ты видишь, Джим. Смерть, вызванная естественными причинами — другими словами — смерть от старости.

— Доктор, — сказал Спок, — Я сделал проверку всех членов экспедиции перед спуском, и я уверяю вас, что ни один из них не был...

Не успел Спок закончить, как Кирк услышал шар-

канье ног возле открытой двери. Они все повернулись туда.

Им навстречу ковыляли мужчина и женщина, опираясь на палки. Они были сгорбленными и иссохшими, сквозь их тонкие белые волосы проступала кожа не черепа.

Мужчина сказал дрожащим голосом:

— Вы пришли отдать дань уважения профессору Альвину.

— Я Кирк, капитан...

— Вам следует говорить громче, — сказал человек, складывая ладонь ковшиком возле уха.

— Я сказал, что я капитан Кирк с «Энтерпрайза», а кто вы?

— Роберт Джонсон, — сказал мужчина, кивнув. — А это моя жена, Эйлин.

— Это невозможно, — сказал Кирк. — Сколько же вам лет?

— Мне? Дайте подумать, о да, мне двадцать девять. Эйлин двадцать семь.

Мертвая тишина была наконец прервана Мак-Коем.

— Я доктор. Вам обоим нужен отдых и медицинская помощь.

В изолятор подняли только трех дряхлых стариков, оставшихся в живых из всей экспедиции, и медсестра Чапел со свойственной ей мягкостью и заботливостью стала ухаживать за ними. Стоя позади Мак-Коя, Кирк склонился над кроватью Роберта Джонсона.

— Вы меня слышите, мистер Джонсон?

Подернутые пленкой глаза с трудом отыскивали его лицо.

— Еще не оглох, знаете ли. Еще не совсем.

— У вас есть представление о том, что произошло?

— Что произошло? — слабо повторил Джонсон.

— Ваши инструменты показали что-нибудь?

Старческий ум блуждал. словно обращаясь к какому-то великодушному, но невидимому богу, Джонсон сказал:

— Эйлин была такой красивой, такой красивой.

— Он слышит вас, Джим, но не понимает. Путь он отдыхает.

Кирк кивнул.

— Сестра Чапел, если хоть один из них сможет говорить, я буду в комнате для совещаний. — Он повернулся к внутренней связи.

— Кирк вызывает мостик. Мистер Спок, командор Стокер, доктор Уэллейс, пройдите, пожалуйста, в конференц-зал. Боунс, я бы попросил вас тоже пройти туда.

Дженит Уэллейс и Джордж Стокер были почетными гостями, он — деятельный администратор за сорок, она — эндокринолог под тридцать, очень привлекательная. Они уже ждали вместе со Споком за большим столом, когда он и Мак-Кой прибыли. Он кивнул им всем, и они сели.

— Командор Стокер, я пригласил вас на это собрание, потому что Гамма Гидры Четыре попадает в зону вашей администрации.

Аккуратный, уверенный в себе человек сказал:

— Я благодарен вам за это, капитан.

Легкое волнение прозвучало в голосе Кирка, когда он заговорил с темноглазой девушкой, сидящей рядом с командором:

— Доктор Уэллейс, хотя вы и новый член нашей команды, ваши характеристики как эндокринолога производят впечатление. В ситуации, с которой мы столкнулись, я был бы вам благодарен, если бы вы работали вместе с доктором Мак-Коем.

Она улыбнулась ему:

— Да, капитан.

Он торопливо повернулся к Мак-Коеу:

— Боунс, посвятите их в суть проблемы.

Мак-Кой сказал:

— Оставшиеся в живых члены экспедиции на Гамма Гидры Четыре не просто страдают от старости. Они продолжают стареть с каждой минутой. Мои обследования ничего не показали. У меня нет ни малейшего представления о том, что могло вызвать этот столь быстрый процесс старения.

— Мистер Спок, а как насчет окружающей атмосферы?

— Датчики не показывают ничего враждебного для человеческой жизни, сэр. Атмосфера отражает обычное количество вредных космических излучений.

— Однако мы находимся вблизи нейтральной зоны между нашей Федерацией и ромуланской Конфедерацией. У ромулан может быть новое оружие. Возможно, они использовали членов нашей экспедиции в качестве подопытных кроликов.

— Я начал рассматривать эту возможность, капитан, — сказал Спок.

Кирк встал.

— Я бы хотел, чтобы вы проверили все, каждый по своей специальности. Неважно, какими отдаленными, притянутыми за уши покажутся идеи, я хотел бы, чтобы вы проверили их все. — Он помолчал, чтобы придать своим словам больше веса. — Мы останемся на орбите, пока не получим ответ.

Стокер сказал:

— Мне необходимо добраться до Звездной Базы Десять, чтобы занять новый пост. Я надеюсь, вы понимаете это, капитан.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы успели к назначенной дате, командор.

— Спасибо, капитан.

Затем все присутствующие покинули конференцзал. Но темноглазая доктор Уэллейс не тронулась с места. Кирк повернулся к ней у двери.

— Я не могу что-нибудь для вас сделать, доктор?

— Да, — сказала она, — например, вы можете сказать: «Привет, Дженит». Вы могли бы быть не таким холодным, опытный капитан звездного корабля, ведь мы старые друзья.

— Дженит, у меня как у капитана есть определенные обязанности. — Затем он криво улыбнулся. — А возможно, я просто не хочу загореться снова.

— У меня у самой есть маленький шрам на сердце, — произнесла она.

Наступила тишина. Затем он сказал:

— Сколько времени прошло?

— Более шести лет, Джим.

— Это долгое время. Но ведь ничего не изменится, если мы начнем все снова, не так ли? У меня — корабль, а у тебя — работа. Ни один из нас не изменится.

— Ты никогда не спрашивал меня, почему я вышла замуж после того, как мы расстались.

— Думаю, ты нашла другого человека и полюбила его.

— Я нашла человека, которым я восхищалась.

— Из той же сферы деятельности, что и ты. Тебе ничем не пришлось поступаться.

— Ты прав. Но он уже умер, Джим.

Она подошла к нему, протянув руки. Кирк помедлил.

Затем он взял ее за руку, его глаза искали взгляд ее теплых карих глаз, но неожиданно по селек горной связи раздался голос Ухуры.

— Капитан Кирк, мистер Спок хотел бы видеть вас на мостике.

— Скажите мистеру Споку, что я иду, — он пытался найти затаенное в карих глазах. — Дженит, у нас сейчас много проблем. Возможно, когда все уладится, что-то изменится.

Голос Ухуры снова прервал его:

— Капитан Кирк, мистер Скотти хотел бы видеть вас в инженерном отсеке.

— Передайте ему, я приду туда, как только переговорю со Споком. — Он привлек Дженит к себе и сказал:

— Но на этот раз между нами должна быть правда. Ты и я теперь знаем, что каждый из нас представляет.

— Какие долгие шесть лет, — сказала она и обвила его шею руками. Он наклонился, чтобы поцеловать ее, но тут по связи снова раздалось:

— Капитан Кирк!

— Иду, лейтенант Ухура. — Внезапная волна усталости охватила его. Он дотронулся до губ девушки.

— Шесть долгих лет, а возможно, и еще шесть. Доктор Уэллейс, твои губы так же манят, как всегда, но я уже говорил про мои обязанности.

Утомление оставалось с ним по пути на мостик. Зулу приветствовал его словами:

— Стандартная орбита, капитан.

Кирк сказал:

— Поддерживайте, — и подошел к Споку, сидевшему за компьютером.

— Я перепроверил показания датчиков, сэр. Гамма Гидры Четыре классифицируется как планета класса М с азотно-кислородной атмосферой, нормальной массой и привычными атмосферными условиями. Я не могу найти ничего необычного.

— А как насчет кометы, которая недавно проходила мимо?

— Я это сейчас выясняю, сэр. До сих пор я не пришел ни к какому выводу. Эта комета — блуждающая и никогда не была исследована.

— Капитан Кирк!

Это был Стокер. Он выглядел как человек, одержимый идеей.

— Оснащение на Звездной Базе Десять, — сказал он, — гораздо лучше, чем здесь, на борту корабля. Мне кажется, ваши исследования будут более успешными, ес-

ли мы туда немедленно отправимся. Я обещаю вам помощь.

— Спасибо, командор, но у нас есть и свое оборудование. Я иду в инженерный отсек, мистер Спок. — Он оставил компьютерную станцию, чтобы сказать Зулу:

— Сохраняйте стандартную орбиту, мистер Зулу.

Удивленный Зулу воскликнул:

— Но вы уже отдавали этот приказ, сэр!

Кирк и сам удивился:

— Неужели? Ну хорошо, выполняйте.

Когда он ушел с мостика, Спок посмотрел ему вслед, его взгляд был озабоченным.

Лейтенант Гэлусэй также выглядела озабоченной, когда подошла к дверям изолятора:

— Доктор Мак-Кой, могу я поговорить с вами?

— Конечно, — он кивнул ей на кресло, но она не стала садиться.

— Я знаю, сказала она, что это звучит глупо, но у меня появились проблемы со слухом.

— Возможно, ничего серьезного, — успокоил Мак-Кой.

— Но раньше у меня не было никаких проблем.

— Я осмотрю вас. Думаю, что простейшее ультразвуковое лечение поможет вам.

Она сказала:

— Спасибо доктор, — и последовала за ним в комнату для обследования.

У Кирка тоже появились свои проблемы. Находясь в своей каюте, он, раздетый до пояса, вытер лицо, которое только что побрил, и потянулся за чистой рубашкой, лежащей на кровати. Когда он поднял правую руку, чтобы продеть ее в рукав, резкий приступ боли охватил его плечо. Он поморщился, опустил руку, согнул ее, массируя плечевой мускул. Боль не исчезала. Медленно, осторожно он надел рубашку, а затем двинулся к микрофону и нажал на кнопку.

— Как идут дела, мистер Спок?

— Все варианты исследования дали отрицательный результат, капитан.

Кирк сказал:

— Астрономическая секция докладывает, что комета прошла совсем недавно. Проверьте это.

Спок подождал мгновение, прежде чем ответил:

— Я этим как раз и занят, согласно вашему приказу. Мы уже обсуждали это ранее.

— Хорошо, дайте мне знать, если что-нибудь выяснится. Я буду в изоляторе.

— Да, капитан.

Дорога до изолятора показалась ему более долгой, чем обычно. Боль, такая же, как и в правом плече, распространялась и на правое колено. Кирк слегка прихрамывал, когда вошел в изолятор. В постельном отделе все, кроме одной из трех кроватей, были свободными. Он подумал: «Итак, двое из отряда Джонсона уже скончались». Это было неприятное замечание. Затем он увидел сестру Чапел, натягивающую одеяло на лицо пациента лежащего на третьей кровати.

Мак-Кой поднял глаза:

— Скончался Роберт Джонсон. Это последний, Джим. — Причина смерти — старость.

— Вы сделали все, что смогли? — спросил Кирк.

Прозвучал вызов:

— Доктор Мак-Кой? Это Скотти. Могу я зайти к вам?

Мак-Кой ответил коротко:

— Вам просто нужны витамины. Но вы можете зайти, Скотти.

Он отключился, а Кирк заметил:

— Боунс, мне кажется, вы начали сидеть.

— Вам бы мою работу, я посмотрел бы, что стало с вами! — Мак-Кой тихим голосом отдал приказание сестре Чапел и повернулся назад к Кирку:

— Хорошо, в чем ваша проблема?

— Плечо, — сказал Кирк. — Слегка побаливает. Возможно, растянул мышцу.

— Возможно, доктор Кирк, — отрезал Мак-Кой.

Кирк ухмыльнулся.

— Учту замечание, сэр. Больше не буду ставить себе никаких диагнозов.

Мак-Кой провел своим прибором по плечу Кирка и нахмурился:

— Хмм. Лучше я проведу полное обследование.

— Ну что? Растяжение?

Мак-Кой покачал головой.

— Нет, Джим, это запущенный артрит. И он продолжает распространяться.

— Но это невозможно!

— Даже если я проведу обследование снова, я получу тот же ответ.

Кирк с испуганным лицом смотрел мимо него на две-

ри изолятора. Мак-Кой повернулся. Там стоял Скотти — с белоснежными волосами, выглядел он лет на шестьдесят.

Изолятор на «Энтерпрайзе» стал напоминать помещение клуба «Золотой возраст». По приказу Кирка там собрались все, кто высаживался на Гамма Гидры Четыре. За исключением Чехова, все были затронуты быстрым процессом старения. Кирк выглядел на пятьдесят пять, Мак-Кой на десять лет старше. Даже вулканитское происхождение Спока не смогло полностью защитить его от этого воздействия. На его лице появились морщины, кожа под глазами обвисла мешками. Лейтенант Гэлзуэй выглядела как женщина под семьдесят. Скотти выглядел старше их всех.

— Ладно, Боунс, — сказал Кирк. — Начнем.

Мак-Кой сказал:

— Все из вас, кто спускался на планету, кроме Чехова, быстро стареют. Скорость для всех различная, но в среднем на тридцать лет в день. Я не знаю, что вызывает его — вирус, бактерии или злые духи. Я пытаюсь это выяснить.

— Спок, я попросил вычислить кое-что.

— Основываясь на данных, предоставленных Мак-Коем, я бы сказал, что мы проживем около недели. Похоже также, что, поскольку мыслительный аппарат стареет быстрее, чем наши тела, мы станем вести растительный образ жизни меньше, чем через неделю.

— Ты имеешь в виду полную старость — дряхлость?

— Да, капитан. Через очень короткое время!

Кирк отступил на шаг от группы.

— Какой мерзкий способ умереть! — Он медленно повернулся, оберегая свое ноющее колено.

— Я хочу, чтобы каждое исследовательское отделение на этом корабле, каждый научный техник немедленно начали круглосуточное исследование. Мне нужен ответ — и способ исцеления! И начать вы должны с того, чтобы ответить, почему это не затронуло Чехова!

— Я делаю все, что могу, — сказал Мак-Кой. Он отобрал свой диагностический инструмент от Спока.*

— У вас замечательное здоровье, Спок.

— Я должен возразить, доктор. Я нахожу, что мне трудно сосредоточиться. Зрение начинает падать. И нормальная температура корабля кажется мне все более холодной.

— Я не сказал, что вас это не затронуло.

Скотти мрачно спросил:

— Я могу вернуться на рабочее место?

— Ты этого хочешь, Скотти? — спросил Кирк.

— Конечно. Мне просто необходим небольшой отдых, вот и все.

Мак-Кой сказал:

— Вы также можете идти, если хотите, лейтенант Гэлуэй.

Она не пошевелилась. Мак-Кой сказал громче:

— Лейтенант Гэлуэй!

— Что? Вы обращаетесь ко мне, доктор?

— Да. Я сказал, что вы можете идти. Почему бы вам не пойти к себе в каюту и не поспать немного?

— Нет! Я не хочу спать! Разве вы не понимаете? Если я усну, что я увижу, когда проснусь?

Кирк сказал:

— Лейтенант Гэлуэй, отправляйтесь на свой пост и приступайте к исполнению своих обязанностей.

Произнесенное ею «Есть, капитан» прозвучало с благодарностью. Она со стоном поднялась с кресла и направилась к двери, и внезапно оказалась прямо перед своим отражением в зеркале. Она с ужасом отвернулась.

— Какое неудачное место для зеркала.

Она едва выползла за дверь. Кирк посмотрел ей вслед.

— Она на семь или восемь лет младше меня, а выглядит на десять лет старше.

— Люди обычно стареют с разной скоростью, Джим.

Кирк повернулся к Чехову:

— Но тогда почему не стареет он?

— Я не знаю.

— А я хочу знать! Может быть, это из-за его молодости? Группы крови? Желез? Истории болезни? Наследственности?

— Сестра Чапел приготовьте мистера Чехова для полного обследования.

Она встала:

— Идемте. Это не больно. Во всяком случае, не очень.

Когда за медсестрой и неохотно следующим за ней Чеховым закрылась дверь, Дженит Уэллейс повернулась к Мак-Кою.

— Несколько лет тому назад на Альдебаране Три мы с моим мужем использовали вариацию холестеринавого блока, чтобы снизить атеросклероз у животных.

— Это помогало?
— Иногда. Но возникали очень сильные побочные эффекты. Нам пришлось прекратить эксперименты.

— Тем не менее, попробуйте, доктор Уэллейс. Попробуйте все, что угодно, но делайте это быстро.

— Да, сэр, — она тоже вышла.

— Мистер Спок, возвращайтесь на мостик, — сказал Кирк. — Я в скором времени присоединюсь к вам. Держите меня в курсе того, как идет обследование Чехова, Боунс.

Он встретил Дженит Уэллейс, которая поджидала его в коридоре:

— Я думала, вы уже на пути в свою биохимическую лабораторию, доктор.

— Нам по пути, Джим.

Через мгновение он кивнул:

— Да.

Она приспособилась к его медлительной походке:

— Мы знаем, в чем проблема, — сказала она. — Мы знаем, какое воздействие оказывается, и мы знаем, с какой скоростью это происходит. Поэтому, как только мы найдем верную версию исследования хотя бы теоретически, мы найдем ее практическое решение.

Кирк улыбнулся:

— Ты говоришь, как мой первый помощник.

— Нет проблем, Джим... даже наша... которые были бы неразрешимы.

— Я мог бы назвать тебе пять неразрешимых проблем прямо из головы. Например, почему была создана вселенная? Можем ли мы быть уверенными в том, что знаем? Существуют ли всегда правильные или неправильные действия? В чем природа красоты? Каково решение последней теоремы Ферма? Ни одна из них не решается с помощью логики.

— Нет. Сердце не логично. Наше счастье, что его корни не в логике. — Она взяла его под руку. — Когда я вышла замуж за Теодора Уэллейса, я думала, что с тобой все кончено. Я ошиблась.

Кирк бросил на нее быстрый взгляд:

— Когда ты это поняла?

— Сегодня!

— На сколько лет твой муж был старше тебя?

— Какое это имеет значение!

— Отвечай!

— На двадцать шесть, — неохотно ответила она. За-

тем, словно он требовал объяснения, она добавила. — Он был блестящим человеком, мы были одни на далекой станции, работали вместе. — Она заплакала. — Джим, я не хочу говорить о нем! Я хочу говорить о нас!

— Посмотри на меня, — потребовал Кирк. Он схватил ее за плечи:

— Я сказал — посмотри на меня. Что ты видишь?

— Я вижу капитана Кирка, — сказала она неуверенно, — человека очень честного, порядочного, сильного, красивого.

— И старого! — крикнул он. — Старого и становящегося все старше с каждой минутой.

— Джим, пожалуйста...

— Что ты мне предлагаешь, Джейн? Любовь или прощальный подарок?

— Это очень жестоко, — сказала она.

— Это честно! — его голос был хриплым от горечи. — Подожди еще пару дней, Дженит! К тому времени я буду уже достаточно стар, чтобы ты разлюбила меня!

А в это время молодой Чехов испытывал всю прелесть многостороннего медицинского обследования.

— Дайте нам еще немного крови, Чехов, — бормотал он. Вам не будет больно, Чехов! Снимите рубашку, Чехов! Повернитесь, Чехов! Вдохните, Чехов! Анализ крови! Анализ костного мозга! Анализ кожи! Они взяли у меня столько образцов, что я не уверен в том, что я еще здесь!

— Больной, вы будете жить, — сказал Зулу.

— Да, конечно. Я буду жить, но уже никогда не буду наслаждаться.

Кирк зашел на мостик, и он замолчал. Зулу сказал:

— Поддерживаем стандартную орбиту, капитан.

— Увеличьте орбиту до двадцати тысяч.

Когда Кирк двинулся к своему командирскому креслу, Дорис Аткинс передала ему дощечку.

— Вы не подпишете, сэр? — Он взглянул на нее, нацарапал свое имя и передал ее обратно, когда к нему подошел командор Стокер.

— Я бы хотел поговорить с вами, капитан.

— У меня очень мало времени, командор.

— Хорошо, сэр. Я просто хочу напомнить вам, что мы должны быть в определенный день на Звездной Базе Десять.

— Боюсь, мы опоздаем, командор Стокер. Я не соби-

раюсь покидать этот район до тех пор, пока мы не найдем решения нашей проблемы.

— Капитан, я вижу, как четверо очень ценных и, возможно, незаменимых членов Звездного Флота погибают на моих глазах. Я хочу сделать что-нибудь, чтобы помочь.

— Если вы так этим озабочены, — сказал Кирк, — я пошлю гиперпространственное сообщение на Звездную Базу Десять и объясню ситуацию.

Спок, сидевший у компьютера, покачал головой. Кирк заметил его жест.

— Вы что, мистер Спок?

— Капитан, вы уже послали такое сообщение сегодня утром.

— О, да, конечно, — он изменил тему. — Секретарь Аткинс.

— Да?

— Где доклад о потреблении топлива?

— Вы только что подписали его, сэр.

— Если бы я подписал его, я бы не спрашивал вас о нем. Дайте его сюда.

Девушка робко передала доску. Там была его подпись. Он со злостью передал доску назад и откинулся в кресле. И успел увидеть, как Чехов и Зулу переглянулись. Ухура намеренно отвернулась.

Кирк закрыл глаза. Он чувствовал, что ему нужен отдых. Он был беспомощен. Это был факт. Он никогда раньше не бывал таким усталым... и это состояние уже не изменится... усталость, усталость...

Словно издалека, он услышал голос Спока.

— Капитан! Я думаю, что знаю причину! Я решил... — голос замер, и Кирк позволил сознанию опять уплыть, его стали трясти.

— Капитан! — он с огромным усилием поднялся.

— Ммм? Спок? Извините, я задумался.

— Понятно, сэр.

— Вам есть о чем доложить, мистер Спок?

— Да, сэр. Я думаю, что знаю причину несчастья. Я не уверен, но та нить, которая у меня есть, кажется многообещающей.

Кирк осторожно спросил:

— Что это?

— Комета, — сказал Спок. — Орбита Гамма Гидры Четыре провела ее прямо через хвост кометы. Я обследовал остатки на обычном радиационном фоне и ничего не

обнаружил. Но когда я перестроил датчики на гораздо более низкий диапазон, на шкале появилась незамеченная радиация. Ниже нормального радиационного уровня, но она определенно присутствует. И это, несомненно, остаток хвоста кометы.

— Хорошо, мистер Спок. Давайте немедленно сообщим это доктору Мак-Кою.

Когда он поднимался, его правое колено пронзила боль. Он помассировал его и похромал к Ухуре:

— Лейтенант, примите сообщение для командования Звездного флота.

— Да, сэр.

— Из-за близости к ромуланам используйте код Два.

— Но, сэр, ромулане расшифровали второй код. Если вы помните последний бюллетень.

— Тогда используйте код Три.

— Да, сэр, код Три.

— Сообщение. Ключом к проблеме может быть комета, которая проходила мимо Гамма Гидры Четыре. Вышеупомянутая комета находится сейчас... — Он посмотрел на Спока.

— Квадрант четыре четыре восемь, сэр.

— Я предлагаю, чтобы все подразделения перешли по тревоге на полное изучение радиации и способов ее нейтрализации. Комета очень опасна. Кирк, капитан «Энтерпрайза». Пошлите его немедленно, лейтенант Ухура. Идемте, мистер Спок.

Возле лифта он остановился.

— Мистер Зулу, увеличьте орбиту до двадцати тысяч миль.

Пораженный, Зулу сказал:

— Вы имеете в виду еще на двадцать тысяч, капитан?

Кирк с мрачным лицом мгновенно повернулся.

— Мне непонятно, почему каждую из моих команд переспрашивают. Делайте, что вам говорят, мистер Зулу.

Спок спокойно спросил:

— Каково наше теперешнее положение, мистер Зулу?

— Орбита на двадцати тысячах, сэр.

Кирк посмотрел на бесстрастное лицо Спока. Затем произнес:

— Придерживайтесь этого, мистер Зулу.

— Есть, сэр.

Когда за ними закрылась дверь лифта, на мостике воцарилась напряженная тишина.

Но изолятор воспрянул духом.

— Радиация, — проговорил Мак-Кой. — Это так же хорошо, как и любой другой ответ. Но почему мы не знали об этом ранее?

— Я подозреваю, доктор, потому, что мои мыслительные способности не так высоки, как раньше.

Мак-Кой посмотрел на Спока. Затем он передал патрон со своей пленкой Дженит Уэллейс.

— Пожалуйста, посмотрите это, доктор.

— Хорошо, — сказал Кирк, — будьте добры, держите меня в курсе. Я буду на мостике. Вы идете, Спок?

— У меня есть вопрос к доктору, капитан.

Кирк кивнул и вышел. Спок сказал:

— Доктор, температура корабля становится все более непереносимой для меня. Я приспособил отопление в своей каюте на сто двадцать пять градусов. Это, по крайней мере, терпимо, но...

— Похоже, я не буду навещать вас дома, — сказал Мак-Кой.

— Я подумал, может быть, есть что-нибудь, что снизит мою чувствительность к холоду?

— Я не волшебник, Спок. Просто старый сельский доктор.

Когда вулканит закрыл за собой двери изолятора, Дженит, расстроенная, отвернулась от компьютера:

— Доктор Мак-Кой, ни одна из наших обычных антирадиационных терапий не будет иметь воздействия на эту форму радиационного поражения.

— Хорошо. Мы начнем прямо сейчас. Мы будем работать еще больше. Быстрее. Начинайте прямо сейчас. Но мы должны найти что-нибудь.

В коридоре Спока перехватил командор Стокер.

— Можно мне поговорить с вами, мистер Спок?

— Слушаю вас, командор.

Стокер понизил голос.

— Мистер Спок, корабль может функционировать, если главный инженер, главный врач или даже первый помощник нездоровы. Но ужасно, если такое происходит с командиром корабля.

— Я это знаю.

— Пожалуйста, возьмите меня. Мое восхищение капитаном Кирком безгранично. Он — замечательный командир. Но, мистер Спок. Мне нужна ваша помощь и ваше сотрудничество.

— Зачем, сэр?

— Я хочу, чтобы вы взяли на себя командование «Энтерпрайзом».

— На каком основании, сэр?

— На том основании, что капитан не способен выполнять свои обязанности в силу своего состояния.

— Я должен напомнить вам, что нахожусь в том же состоянии.

— Но вы вулканит, — сказал Стокер. — У вас гораздо большая продолжительность жизни. Вы подвержены старению в меньшей степени.

— Я только наполовину человек, сэр, — сказал Спок. — Мои физические рефлексy снижены. Мои мыслительные способности ограничены. Я быстро устаю. Нет, сэр. Я не гождусь в командиры.

— Если вы, вулканит, не годитесь, то капитан Кирк тем более.

— Сэр, — сказал Спок — меня ждyт дела.

— Мистер Спок, я не хочу говорить то, что мне придется сказать, но инструкция требует этого. Как второй по командованию на «Энтерпрайзе», вы должны назначить срочное рассмотрение вопроса о компетентности капитана.

— Я против этого предложения, сэр, — сухо сказал Спок.

— Вам не приходится выбирать. Если капитан по своему физическому и умственному состоянию находится в плохой форме, слушание по вопросу о компетенции предусматривается правилами. Пожалуйста, не заставляйте меня цитировать правила, которые вы знаете не хуже меня.

Последовала длительная пауза.

— Очень хорошо, — сказал Спок. — Слушание будет назначено на 14.00.

Под тревожными взглядами Кирка Дженит и Мак-Кой проводили последние исследования Чехова. Несчастный изрядно устал за время этой бесконечной процедуры.

— Это не будет больно, — сказал ему Мак-Кой.

— Вы это говорили и в прошлый раз, — сказал Чехов, — и в позапрошлый.

— И было больно?

— Да, — ответил Чехов.

Со стороны дверей раздался стон:

— Доктор, помогите.

Они повернулись: Арлен Гэлудэй цеплялась за двер-

ной косяк, чтобы удержаться. Ее совершенно нельзя было узнать, так она постарела.

— Пожалуйста, сделайте что-нибудь, помогите.

Она протянула вперед руку, но, прежде чем кто-нибудь успел подойти к ней, упала на пол. Мак-Кой наклонился над ней, а Кирк смотрел на нее, испуганный и потрясенный.

— Это не лейтенант Гэлүэй, — спросил он дрожащим голосом.

— Это она, — ответил Мак-Кой, его собственный голос дрогнул. — Или, вернее, это была она. Она умерла. Ее более высокий уровень метаболизма привел к тому, что она постарела быстрее, чем остальные из нас. Но это только вопрос времени...

— Боунс, сколько нам осталось?

— О, это вопрос нескольких дней, Джим, возможно, даже часов.

Это была не та информация, которая могла бы успокоить капитана Звездного флота, вызванного на слушание по поводу его компетенции. А люди, собравшиеся вокруг стола в зале заседаний, тоже не могли сказать ничего успокаивающего. Таинственная радиация оставила глубокие следы в каждом, кто имел несчастье посетить экспедицию Роберта Джонсона.

Выглядевший так, словно он отметил свое пятидесятилетие, Спок открыл слушание, повернувшись к секретарю Аткинс, которая вела протокол.

— Пусть будет записано, что слушание по поводу компетенции проводится по указанию командора Стокера, присутствующего здесь. — Он помолчал. — И с неохотой созвано мной.

Кирк сказал:

— Пусть также будет записано, что я считаю это слушание неправомочным.

Спок посмотрел на Стокера.

Тот сказал:

— Правило семь тысяч пятьсот девяносто второе, раздел третий, параграф одиннадцатый:

— Я знаю правила, командор, — ответил Кирк.

Спок сказал спокойно:

— Правомочность слушания, капитан, не подлежит сомнению.

— Мистер Спок, позвольте мне сделать заявление?

Этот вопрос задал Стокер. Когда Спок кивнул, он сказал:

— Мне пришлось исследовать жизнь очень ценных членов Звездного флота. Я попытался убедить капитана Кирка в необходимости проследовать к Звездной Базе Десять, но он накладывал запрет в каждом случае. Я несу ответственность за это слушание.

— Напротив, командор, — сказал Спок, — как председательствующий, командующий офицер и второй по должности, я несу ответственность. Капитан Кирк, хотите ли вы сделать заявление?

— Да! — Он едва ли не выкрикнул это слово. — Я капитан этого корабля и вполне способен упрявлять им. Прекратите этот фарс и давайте приниматься снова за работу!

— Не могу, сэр, — сказал Спок. — Инструкции совершенно точны. — Его снова охватил озноб. — Вам предоставляется возможность осуществлять допрос всех свидетелей после того, как этот орган начнет задавать им вопросы.

Лицо Кирка перекосило от сарказма.

— Очень любезно с вашей стороны, мистер Спок.

Спок нажал на кнопку компьютерного магнитофона и невозмутимо сказал:

— Мистер Зулу, сколько лет вы служите вместе с капитаном Кирком?

— Два года, сэр.

— Случалось ли, что он был не способен принимать решения?

— Нет, сэр.

— Он отдавал вам приказание поддерживать стандартную орбиту вокруг Гамма Гидры Четыре?

— Да сэр.

— А через несколько минут он повторил свой приказ?

— Да, сэр.

— Он отдавал вам приказ увеличить орбиту до двадцати тысяч?

— Да, сэр.

— И разве он не повторил этого приказа?

— Он не повторил его, — закричал Кирк. — Когда я отдаю приказ, я предполагаю, что он будет выполнен. Мне не надо его повторять!

— Капитан, вам будет дана возможность вести перекрестный допрос, когда мы закончим.

— По-моему, у вас путаница с терминологией, Спок. Это не заседание — это побоище!

— Капитан, такое слушание не только разрешается, но предписано инструкцией. Будьте добры, мистер Зулу, ответьте на вопрос.

— Да, сэр, капитан Кирк повторил свой приказ.

— Командор?

— У меня нет вопросов, — сказал Стокер.

— Капитан Кирк?

— Продолжайте.

Спок стиснул зубы, чтобы не стучали. Его руки сводило от холода.

— Секретарь Аткинс, вы передали капитану Кирку доклад о потреблении топлива при свидетелях. Он прочел его и подписал. Это верно?

— Сэр, он думал о гораздо более серьезных вещах. Эти последние трудности...

— Отвечайте на заданный вам вопрос.

— Я думаю, он забыл, что он подписал его.

— Вы думаете?

— Он забыл, что подписал его.

— Спасибо. Вы можете идти.

Процедура продолжалась. Спок вызвал Ухуру, чтобы подтвердить, что Кирк забыл о том, что ромулане расшифровали код Два.

— Хорошо! — крикнул Кирк — Мне надо было кое о чем еще подумать. Я признаю свою оплошность!

— Она могла оказаться опасной, — сказал Стокер.

— Сейчас не ваша очередь, командор, — сказал Спок. — Доктор Мак-Кой!

Мак-Кой спал с открытыми глазами.

— Доктор Мак-Кой!

Он поднялся.

— Простите. Слушаю вас, мистер Спок.

— Несколько часов тому назад по просьбе этого собрания вы провели полное физическое обследование капитана Кирка.

— Да. — Мак-Кой бросил пленку через стол Споку. — Пожалуйста, можете радоваться.

В полном молчании вулканит вставил патрон в щель компьютера.

Устройство загудело, шелкнуло и заговорило:

— Физический возраст обследуемого, согласно физиологическому профилю, шестьдесят три солнечных года.

Последовало молчание. Затем Кирк сказал:

— Мне тридцать четыре года.

— Компьютер с вами не согласен, — сказал Стокер.

— Доктор Мак-Кой, дайте профессиональную оценку теперешнего физического состояния капитана Кирка. Мак-Кой отвел глаза от Спока.

— Он поражен странной формой радиационной болезни, как и вы, я или мистер Скотти.

— Будьте добры, ограничьте свои замечания только капитаном Кирком, доктор. Какое воздействие на него оказало заболевание?

— Он... он немного поседел. Легкий артрит.

— Это все?

— Вы прекрасно знаете, что нет. Спок, чего вы доби-
ваетесь?

— Я выполняю свой долг. Разве капитан не страдает от странного физического недуга, который сильно напо-
минает старение?

— Да, конечно. Но он лучше, чем...

— Доктор, вы согласны с оценкой возраста капита-
на, данный компьютером?

— Это всего лишь машина.

— Вы согласны с ней, доктор?

— Я согласен. Простите, Джим.

— У совета больше нет вопросов. Если только вы,
командор Стокер...

— Я полностью удовлетворен, мистер Спок.

— Вы хотите вызвать свидетелей, капитан Кирк?

— Я в состоянии сам выступить в свою защиту.

Кирк попытался подняться. Его колено подвернулось,
и он схватился за стол, чтобы не упасть.

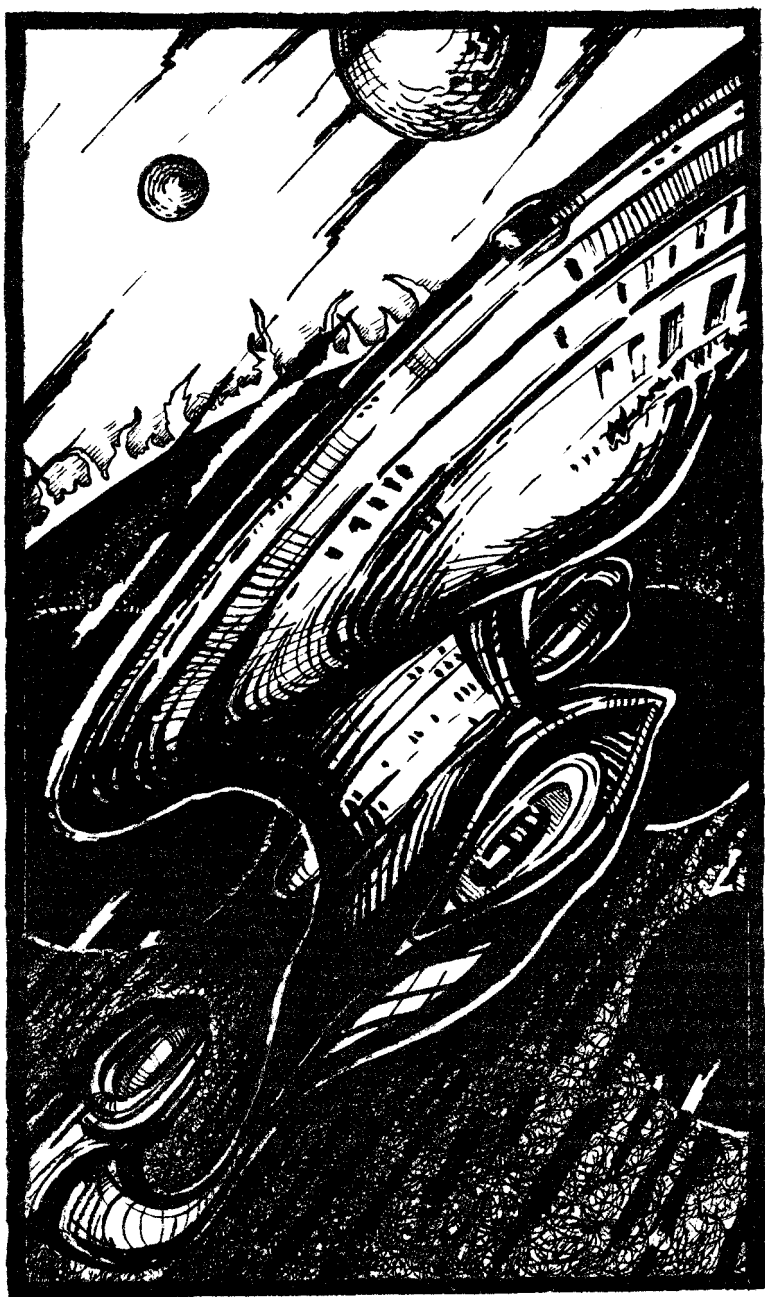
— Это слушание проводилось с одной единственной
целью. Поскольку я отказался покинуть Гамму Гидры
Два.

— Гамму Гидры Четыре, сэр, — поправил Спок.

— Конечно. Это оговорка. О чем я говорил? — Он
внезапно сжал кулак и стукнул им по столу. — Я немно-
го не в себе! А почему бы и нет в такое время? Мой ко-
рабль в опасности, мои старшие офицеры больны, и эта
чушь о слушании по поводу компетенции! Достаточно,
чтобы любой человек запутался! Пытаются освободить
капитана Звездного флота от командования. Почему-то я
бы никогда о вас этого не подумал, Спок!

Он с гневом осмотрелся вокруг.

— Ладно, задавайте мне вопросы! Ну же! Я покажу
вам, что способен, с моей памятью все в порядке. А так-
же и с моей решительностью. Я повторяю, мы сохраним
орбиту вокруг Гаммы Гидры Два!

Вторую ошибку памяти слышали все.

Спок, похолодев, тем не менее спокойно проговорил в тишине.

— У вас больше нет вопросов, капитан? — он пытался не дрожать. — Вы не выйдете из комнаты, сэр, пока идет голосование.

— Отлично! Можете быть уверены, что я выйду. Проводите свое дурацкое голосование, чтобы я снова мог вернуться к управлению кораблем!

Он прохромал к двери и повернулся:

— Если я вам понадобится, я буду в своей каюте.

Когда дверь за ним закрылась, Спок сказал:

— Достаточно проголосовать простым поднятием рук. Доктор Уэллейс исключается из голосования. Те, кто согласен с тем, что капитан Кирк не способен более руководить «Энтерпрайзом», поднимите руки.

Все, кроме Спока, медленно подняли руки.

— Мистер Спок. — Это был голос командора Стокера.

Спок поднял руку.

Записывающий компьютер резюмировал:

— Решение принято единогласно.

Стокер сказал:

— Я думаю, мистер Спок, что вы теперь примете командование этим кораблем.

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Объяснитесь.

— По тем же законам, по которым это слушание применимо к капитану: мои собственные физические недостатки не дают мне возможность занять командирскую должность.

— Хорошо. Следующий по званию — мистер Скотти.

Все глаза устремились на Скотти. Он уставился на ожидающие лица, кивнул и уснул.

— Так как все старшие офицеры неспособны, я вынужден по правилам принять командование на себя. — Стокер поднимался из-за стола, когда Спок сказал:

— Сэр, вы никогда не командовали космическим кораблем.

— Кого бы вы хотели видеть на этом месте, мистер Спок?

— Существует опасность со стороны ромулан, — сказал Спок.

— Мистер Спок, мы должны спасти этих людей! — он повернулся к Зулу. — Мистер Зулу, проложите прямой курс к Звездной Базе Десять.

Пятая варп.

— Через нейтральную зону, сэр?

Стокер кивнул.

— Немедленно измените курс.

— Командор Стокер, я умоляю вас не недооценивать опасность, — жестко проговорил Спок.

— Нейтральная зона в лучшем случае слабо патрулируется. Я готов поспорить, что ромулане не заметят этого нарушения.

— Наши шансы, если вы не позволите этого, сэр... — начал Спок.

— Не позволю! — Стокер шагнул к двери. — Все офицеры должны вернуться к своим обязанностям.

Кирк был один в своей каюте, усталый, поверженный, выглядевший уже лет на семьдесят. Когда раздался стук в дверь, он с трудом заставил себя ответить на него:

— Входите.

Вошел Спок в сопровождении Дженит, которая осталась возле двери. Кирк с надеждой посмотрел на Спока, но лицо первого офицера на этот раз выражало все.

— Итак, я отстранен.

— Простите, капитан.

— Вам бы прокурором работать.

— Инструкции требовали этого от меня...

— Инструкции! — сказал Кирк. — Не говорите мне об инструкциях, Спок! Вы все время хотели командовать! Первый же удобный случай.

— Я не принял командования, капитан.

— Я думаю, вы гордитесь этим, — Кирк замолчал, слова Спока стали постепенно доходить до него. — Что вы имеете в виду? Вы не приняли командование?

— Я страдаю от того же недуга, что и вы, сэр.

— Но если вы не командуете, то кто же?

— Командор Стокер.

Кирку потребовалось много времени, чтобы осознать имя. Затем он взорвался.

— Стокер? Вы что, с ума сошли? Он никогда не командовал в боевых условиях! Если Скотти...

— Мистер Скотти не способен принять командование. Командор Стокер как высший по званию офицер.

— Не болтайте мне о звании. Этот человек — канцелярская крыса. Спок, я приказываю вам принять командование!

— Я не могу, сэр.

— Вы не подчиняетесь прямому приказу, мистер Спок.

— Нет, капитан. Только командор Стокер может отныне отдавать приказы на этом корабле.

Бессильная ярость ослепила Кирка.

— Вы — предатель, вонзивший мне нож в спину при первом удобном случае. Вы... — он обнаружил, что плачет. Плачет! — Убирайтесь отсюда! Я не хочу больше видеть вас!

Спок смешался, слегка наклонил голову и вышел. Через мгновение Кирк заметил женскую фигуру, все еще стоящую у дверей его каюты и слегка шмыгающую носом. Он уставился на нее.

— Кто это? Джен? Джен?

— Мне очень жаль, Джим, — сказала она. — Но это правда.

— Я вел себя, как дурак. Позволил им взять вверх над собой. Позволил одурачить себя.

— Все это понимают.

— Но я не старый, Джен. Я не старый! Незначительные боли в мышцах не делают человека старым! Вы не ведете корабль руками, вы управляете им с помощью головы! Мой ум такой же острый, как и был!

— Мы найдем способ вылечить тебя.

— Простейший случай радиационного поражения — и я отстранен от командования. — Он повернулся и посмотрел на себя в зеркало. — Ладно, я признаю, что я немного поседел. Радиация могла это сделать.

— Джим, — сказала она с болью в голосе. — Мне нужно идти работать. Пожалуйста, извини меня.

— Посмотри на меня, Джен. Ты сказала, что любишь меня. Ты знаешь меня. Посмотри внимательно.

— Пожалуйста, Джим.

— Мне просто нужен небольшой отдых. Это все. Я ведь не старый, правда? Ну же, скажи это. Скажи, что я не старик!

Ответа не последовало. Схватив ее за плечи, он привлек ее к себе и поцеловал со все страстью, на которую был способен.

Но ответа не было. Но, что еще хуже, он и сам ничего не почувствовал. Кирк отпустил ее и увидел жалость в ее глазах. Он отвернулся.

— Уходи.

Что теперь? Он мог ни о чем не думать. Он был освобожден от должности. Ответ? Но ответа не было. — По-

дождите — подождите... Что-то в комете. Мак-Кой. Чехов. Смотровая комната. Вот именно — смотровая комната. — Он поковылял туда, проклиная себя за медлительность.

Спок был там, как и сестра Чапел, Мак-Кой и Дженит. Все они выглядели очень старыми, но несчастный Чехов, снова лежащий на столе, похоже, не изменился. Он проговорил:

— Почему бы мне не вернуться к своей работе, оставив свою кровь здесь? Кирк попытался зло взглянуть на Спока:

— Что вы здесь делаете?

— Похоже, именно тут я могу принести больше всего пользы.

— Может быть, вы хотите освободить от должности доктора Мак-Кой? Боунс, как насчет энзина Чехова?

— Ничего, — с раздражением сказал Мак-Кой. — Абсолютно ничего.

— Не может быть! Не может быть, ведь мы вместе выходили на поверхность. Оставались в одной и той же точке. Он все время был с нами. Он...

— Нет, капитан, — сказал Спок, судорожно вздохнув, — не все время. Он уходил от нас на несколько мгновений.

— Уходил от нас? — Кирк уставился на вулканита пытаясь вспомнить. — О, да, когда он уходил в здание. Он... действительно, Спок! Что-то должно было произойти!

— Действительно, капитан. Доктор, вы помните труп профессора Альвина в импровизированном гробу?

— Чехов, вы испугались? — гаркнул Кирк, — вы налетели на мертвеца и...

— Вы правы, — сказал Чехов. — Я испугался, сэр. Но должен вам сказать, что и вполнину не настолько, насколько сейчас.

— Испуг? — спросил Мак-Кой, поднимая трясущуюся руку к подбородку. — Да. Возможно. Сердце бьется чаще. Дыхание учащается. Выделяется холодный пот. Я как-то читал, что так лечили радиационные поражения в середине двадцатого столетия.

— Этот способ был запрещен, — сказала Дженит, — когда был открыт...

— Да, да, — возбужденно сказал Мак-Кой, — не сбивайте меня. Почему он был отвергнут? Должна же быть какая-то причина. Я когда-то это хорошо знал. Они

не имели промежуточного звена? Да! Дело в этом! Это АМФ! Медсестра, запросите компьютер об АМФ!

Кристин Чапел недоверчиво повернулась к экрану компьютера. После того, что им показалось довольно долгим временем, она сказала:

— На этот препарат есть отдельная статья. Он называется циклический аденозин три-пять монофосфат. Но он действует на гормональные процессы, вот почему они отказались от него.

— Мы попробуем его, — сказал Мак-Кой по-стариковски брюзжа. — Что вы стоите, доктор Уэллейс? Синтезируйте мне партию. Черт возьми, шевелитесь!

В это время на мостике командор Стокер сидел в командирском кресле. Если он и замечал, как много спин было преднамеренно повернуто в его сторону, то он этого не показывал. Он был слишком занят тем, что пытался разобраться во всех огоньках, которые мерцали на панели перед ним.

— Входим в ромуланскую нейтральную зону, сэр, — сказал рулевой. — Все датчики на максимуме.

Что же их ждет там?

— Спасибо, мистер Спок, простите, мистер Зулу. Лейтенант Ухура, дайте мне знать, если мы войдем в соприкосновение с ромулантами.

— Да, сэр. Пока все спокойно.

Стокер кивнул и снова посмотрел вниз. Маленькие огоньки насмешливо плясали перед ним. Как курсант он изучал когда-то подобную приборную доску, но с тех пор все было изменено и оснащено новыми символами, значения которых, за несколькими исключениями, он не понимал. Что ж, придется положиться на этих офицеров.

Внезапно «Энтерпрайз» резко вздрогнул и половина маленьких огоньков стала красной. Это ошеломило его.

— Что это было? — беспомощно спросил он.

— Контакт, сэр, — сухо сказала Ухура.

— Ромулане приближаются с обеих сторон, сэр, — добавил Зулу.

Корабль снова затрясло, на этот раз сильнее. Стокер нервно произнес:

— Давайте посмотрим на них.

Главный обзорный экран загорелся. Он был полон маленьких бегущих огоньков, которые нельзя было бы отличить от звезд, если бы они не двигались.

— Я не вижу никаких ромулан.

— Ромулане меняют свой цвет, сэр. Они меняют его в зависимости от скорости, с которой они движутся.

Корабль под ним встал на дыбы. Теперь все огни стали красными.

— Мы захвачены в вилку, — бесстрастно сказал Зулу.

Раздался звонок, значение которого он не смог определить.

— Вызывает инженерный отсек, сэр, — подсказала Ухура. — Вы хотите, чтобы энергию направили на щиты?

Его обдало жаром.

— Да, — сказал он наугад.

— Мистер Скотти спрашивает, сколько единиц энергии сохранить в запасе.

Что ответить на это?

— Командор Стокер, — сказал Зулу, наполовину повернувшись к командирскому креслу. — Мы в тяжелом положении. Какие будут приказания?

«Энтерпрайз» еще раз вздрогнул, и огни померкли. Стокер внезапно осознал, что он слишком напуган, чтобы говорить, он просто окаменел.

Затем, словно сжалившись над ним, раздался голос Кирка, тонкий, но требовательный, по внутренней связи:

— Что происходит? Лейтенант Ухура, это капитан!

— Сэр! — сказала Ухура. — Мы нарушили нейтральную зону ромулан, и нас атакуют.

— Идиот. Поддерживайте полные щиты. Я иду!

Стокер почувствовал огромное облегчение, но суровое испытание еще не закончилось. Голоса, приглушенные расстоянием, спорили возле включенного переговорного устройства.

— Джим, вы не можете... никто из нас... медсестра... доктор Уэллейс.

— Мне надо добраться до мостика.

— О, Джим, ты не можешь... сестра, туда...

Затем голоса отключились. Очевидно, Кирк не собирался пока выручить Стокера. Встряхнувшись, Стокер сказал:

— Лейтенант Ухура, попытайтесь связаться с ромуланами.

— Хорошо. Пока никакого ответа.

— Если я не смогу переговорить с ними, объясните им, почему мы нарушили нейтральную зону.

— Ромулане известны тем, — сказал Зулу, — что

они не слушают объяснений. Мы знаем, мы сталкивались с ними и раньше.

— Вызовите их снова.

— Я вызывала их по всем каналам, — сказала Ухура, — они игнорируют нас.

— Почему бы и нет, — сказал Зулу. — Они знают, что мы попались. Пока мы будем сидеть здесь, они могут бить по нашим щитам, пока те не откажут.

Стокер провел рукой по волосам.

— Тогда, — сказал он, — нам остается только сдаться.

— Именно этого они и добиваются, они будут в торговле, — сказал Зулу, все еще не оборачиваясь. — Раньше они никогда не захватывали звездолетов. И, командир, они не берут пленных.

— Тогда, что...

— Сэр, — сказал Зулу, — вы — командир. Какие будут распоряжения?

В корабельном лазарете Чапел и Дженит уложили изнемогающего Кирка на койку.

Он изо всех сил старался встать, но, несмотря на его преклонный возраст, они с трудом удерживали его — задача усложнялась еще и постоянными вздрагиваниями «Энтерпрайза».

— Новичок — там наверху — погубит мой корабль...

— Джим, — сказала Дженет, скрипя зубами, — если только я дам вам лекарство...

— Джим, лежите тихо — посоветовал Мак-Кой, — вы ничего не сможете сделать. Нам конец.

— Нет-нет, мой корабль...

Спок появился из лаборатории, неся колбу.

— Доктор Уэллейс, это лекарство. Оно не проверено, но у нас нет времени на фармакологические исследования и дальнейшее усовершенствование.

— Хорошо, — сказал Мак-Кой, — давайте сюда!

— Это — исцеление... или смерть.

Спок передал колбу Дженит, она извлекла из нее зипогулворит.

— Лучшее средство потребует недельной проверки.

— Что вы? — спросил Кирк, почти успокоенный.

— Гормональный препарат, — ответила Дженит, — его нужно ввести немедленно, но без водяных примесей он может быть очень опасным для организма: кровоизлияние в мозг, остановка сердца...

— Вы будете еще вдаваться в подробности, — сказал Мак-Кой, — дайте его мне.

— Нет, — воспротивился Кирк. — Я буду первым, кто его примет.

— Ты не можешь, — твердо ответил Мак-Кой.

«Энтерпрайз» трянуло, словно от удара.

— Как вы думаете, долго еще корабль сможет выдерживать такие удары? — спросил Кирк. — Я должен принять лекарство!

— Джим, это убьет тебя, — сказала Дженит.

— Я и так умру.

— Вопрос врачебной этики... — начал Мак-Кой.

— Забудь о врачебной этике. Мой корабль пытаются уничтожить! Давай препарат!

— Капитан прав, — заметил Спок, — если он не восстановит свои способности и не отправится в командный отсек в течение нескольких минут, то мы все погибнем от рук ромулан. Дайте ему препарат, доктор Уэллейс.

Она так и сделала.

В первый момент никто не понял, что случилось. Кирк начал биться в мучительных конвульсиях, брыкаться и лихорадочно махать руками.

Все присутствующие вцепились в него.

Казалось, что это будет продолжаться вечно, но на самом деле прошла едва лишь минута, когда судороги стали постепенно ослабевать, а вскоре и вовсе прекратились.

Кирк испытывал чувство полного уничтожения.

Дженит показала на него пальцем и тихо сказала:

— Сработало — процесс старения остановлен.

— Не вижу никаких изменений, — подтвердил Мак-Кой.

— Она права, доктор, — сказал Спок. — Он действует, причем ускораясь.

— Дженит, помогите мне встать, — попросил Кирк, глубоко вздохнув, — это больше похоже на аттракцион.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Так, как если бы меня продавили сквозь переборку корабля. Спок, вы должны подождать с вашим уколом — вы нужны мне в техническом отсеке. Дженит, сделайте укол Мак-Койу, а потом Скотти. — Он улыбнулся. — Кроме того, Спок, если то, о чем я думаю, не работает, то вам укол не понадобится. Пойдемте.

При переходе он почувствовал себя лучше, и это

ощущение крепло в нем с каждой секундой. Он испытующе взглянул на людей, находившихся в командном отсеке. Перемены были налицо.

— Докладывайте, Зулу!

— Мы окружены примерно десятью кораблями ромулан. Удаление — около пятидесяти тысяч миль.

Стокер поспешно поднялся с командного кресла, как только приблизился Кирк.

Кирк включил интерком:

— Механики, включите энергию на полную мощность, всю искажающую энергию в русле. Полная боевая готовность в течение двух минут. Конец связи. Лейтенант Ухура, наладьте спецканал для связи с командованием Звездной эскадры. Код Два.

— Но, капитан...

— Я вам приказываю, лейтенант. Код Два.

Передавайте сообщение: «Энтерпрайз» — командованию Звездной эскадры в этом секторе. Корабль непреднамеренно вторгся в нейтральную зону ромулан, был окружен и подвергся сильной атаке со стороны последних. Бегство невозможно. Защита разрушена. Буду выполнять маневрирование, используя недавно установленные приборы. Это приведет к уничтожению «Энтерпрайза» и всех материальных объектов в радиусе двадцати тысяч миль. В соответствии с установленной зоной уничтожения, все корабли Федерации должны покинуть этот район и не приближаться к нему ближе, чем на четыре световых года. Взрыв произойдет через минуту. Кирк, капитан «Энтерпрайза». Конец связи.

— Мистер Зулу, курс 188, отметка 14, отклонение 8, так держать.

— Готово, сэр.

Со своего места Спок произнес:

— Ромулане уходят, сэр. Я полагаю, они перехватили сообщение, чего вам, очевидно, и хотелось.

— Логичное предположение, мистер Спок.

— Да, сэр, но они все еще в зоне огня.

— Установить преключатели...! Внимание! Отклонение восемь!

Корабль рванулся вперед со скоростью восемь единиц.

Спок завис над своим пультом.

— Ромулане остались за пределами видимости, сэр. Пока ничего не видно.

— Мы вне кольца, мистер Зулу?

— Да сэр, и вне нейтральной зоны.

— Установите новый курс: 182 градуса, отметка 4. Направляемся к Звездной Базе Десять.

— Возвращаемся, сэр.

Кирк снова сел. Он чувствовал себя отлично. Стокер подошел к нему, лицо его выражало досаду.

— Капитан, — сказал он, — я как раз хотел заверить вас, что я думал, что всегда хотел сохранить вас и других офицеров.

— Однако заметьте, что очень маленькая звездная база может сделать это, а звездолет — нет.

— Я сейчас хорошо понимаю, что может сделать звездолет с грамотным капитаном.

Дверь лифта с характерным щелчком распахнулась, и оттуда вышел Мак-Кой. Он выглядел так же молодо, как и всегда. Кирк предоставил главную роль ему.

— Вы хорошо выглядите, Боунс.

— Что ж, Скотти, лекарство сработало.

Он был несколько скован, однако чувствовал себя превосходно.

— Итак, мистер Спок, когда же вы будете готовы?

— Я готов, доктор.

— Хорошо. Поскольку вы вулканит, то специально для вас я приготовил сверхдейственное средство. Теперь нужно убрать все бьющиеся предметы куда-нибудь подальше.

— Это очень трогательно с вашей стороны.

Кирк улыбнулся.

Джентльмен во всем. Благодаря ему... о старости мы будем помнить, конечно, но мы все еще не хотим быть стариками, не так ли?

Элаан из Трои

Полученные Кирком распоряжения были просты. Он должен был «оказывать содействие» своему пассажиру с планеты Троя, имеющему какую-то тайную миссию.

Сложности представлял подтекст инструкций. Во-первых, миссия посла была совершенно секретна. Во-вторых, его переговоры затрагивали известный своей враждебностью народ соседней планеты Элас. Вдобавок к той головной боли, которую представляло собой «оказание содействия», обе планеты были расположены в той звездной системе, на которую претендовала империя Клингона. Входом в систему «Энтерпрайз» навлекал на себя гнев Клингона за нарушение его права владения.

Кирк был явно раздражен, когда резко повернул свое командирское кресло к Ухуре.

— Проинформируйте отсек телепортации, что мы немедленно выйдем на связь с партией на Эласе. Попросите посла Петри встретить нас там.

— Хорошо, капитан.

По его кивку Спок, Мак-Кой и Скотти проследовали за ним в лифт. Кирк сказал: «Какой-то болван придумал эти инструкции».

Из селектора раздался голос Ухуры:

— Вызываю капитана.

— Кирк слушает.

— Капитан, сигнал от партии с Эласа. Они готовы выйти на связь, но требуют объяснения задержки «Энтерпрайза».

— О какой задержке они говорят? Не забудьте узнать это, лейтенант. Держите связь с их кораблем.

Спок сказал:

— Такое отношение типично для эласианцев, сэр. Ученые, которые проводили первоначальное обследование планеты, описывали ее жителей как злобных и высокомерных.

— Это отрицательная их сторона, — сказал Мак-Кой. — Однако полагают, что их женщины представляют

собой что-то совершенно особенное. Говорят, что они обладают какой-то неуловимой, может быть, мистической силой, которая приводит мужчин в неистовство.

Спок взглянул на Мак-Коя с отвращением. Оно все еще было на его лице, когда дверь лифта открылась, чтобы представить эмиссара троян. Кирк сразу же обратился к нему.

— Посол Петри, допустим, вы бросите эту дипломатическую секретность и скажете мне, в чем на самом деле заключается ваша миссия.

— С этим нужно подождать, пока на борт не прибудет Долман Эласа, капитан.

— Долман? — спросил Кирк, когда они вошли в отсек телепортации. Кто такой Долман, черт побери?

— Тот, кого больше всего боится и ненавидит мой народ. Наш самый заклятый враг, — сказал Петри.

Жужжание в отсеке телепортации усилилось — и три фигуры, искрясь — материализовались на платформе. Это были солдаты. Их грудь прикрывали кирасы. Всевозможные виды неизвестного оружия свисали с грубых цепей вокруг шеи. Самый крупный эласианский солдат, с массивной челюстью и тяжелыми нависающими бровями, взял группу с «Энтерпрайза» на прицел своего странного оружия.

— Добро пожаловать. Я посол Трои, — сказал Петри.

Гигант с обезьяньей челюстью проигнорировал его.

— Кто управляет этим кораблем?

— «Энтерпрайз» находится под моей командой. Я капитан Кирк.

— А я Критон с Эласа. Этот троянец, находящийся у вас, представляет собой опасность. Я должен знать, что здесь безопасно, прежде чем сюда на борт будет доставлен Долман.

Спок понизил голос:

— Капитан, оружие напоминает ядерный дезинтегратор двадцать первого века.

Кирк заговорил с воинственным Критоном:

— Мой корабль действительно безопасен. Более того, мы экипированы всем необходимым, чтобы отразить любые враждебные действия. — Он повернулся спиной к эласианцу, чтобы обратиться к специалисту отсека телепортации, — Пропускайте ток, включайте энергию.

Центральная телепортационная платформа осветилась. Все три эласианца пали на одно колено. Свирепо глядя на Кирка, Критон прорычал:

— Быстро! На колено! Окажите почет Долману Эласа!

Челюсть Кирка отвисла. Рядом с ним Петри, идя на уступки, опустился на одно колено.

— Это их обычай, — пробормотал он. — Стоять — это нарушение этикета.

Спок посмотрел на Кирка. Тот с досадой кивнул. Вулканит помедлил, затем тоже встал на колено. Это зрелище усилило досаду Кирка. Внезапно на центральной платформе появился «смертельный враг» Трои. Долман оказался блондинкой с серебристыми волосами, с кожей жемчужного оттенка, какая может лишь присниться. Таким же было ее прекрасное тело. И прикрыто оно не было. То небольшое количество металлических платков, которое она носила, имело только одну цель — подчеркнуть красоту, слишком потрясающую впечатление.

Критон сказал:

— Слава Элаан, Долману Эласа!

«Слава», — подумал Кирк, сдерживая желание самому встать на колено. Вместо этого он склонил голову. Затем, подняв ее, снова посмотрел на Долмана Эласа. Под светлыми серебристыми волосами ее глаза казались особенно темными. Плавающие презрением, они охватили коленопреклоненных мужчин. По шелчку пальцев охраняющие ее солдаты встали на ноги. Критон, обращаясь к Споку и Петри, сказал:

— Теперь вы можете встать.

Она вышла вперед. Критон шел позади нее, напряженный, с оружием наготове. Рука Долмана лежала на искусно украшенной драгоценными камнями рукоятке кинжала, подвешенного к золотой цепи, которую она носила вокруг тонкой талии.

— Странно, — сказал Кирк Споку, — Доспехи и ядерное оружие.

— Не без прецедентов. Вспомните обычаи самураев, японцев со старой Земли. Даже мы, вулканиты, сохраняем некоторые символические пережитки.

Критон снова зарычал:

— Разрешение разговаривать дано не было.

Прежде чем Кирк смог возразить, Элаан обратилась к Споку:

— Ты управляешь этим кораблем? — голос оказался теплым и нежным.

— Я старший офицер на корабле. А капитан — Кирк.

Она не выказала признательности. Петри поспешно вмешался:

— Ваше Величество, я — Петри с Трои. От имени моего народа я прошу вас пожаловать к...

— Ваша миссия мне известна, — сказала она с небрежной усмешкой. Затем, поворачиваясь к Кирку, добавила:

— Вам разрешается показать помещения.

Он взял себя в руки и подумал, что лучше достигнуть понимания.

— Ну, пожалуйста, капитан, — попросил Петри.

Кирк сказал:

— Мой старший офицер, мистер Спок, проводит вас в ваши помещения, — и повернулся, чтобы уйти.

— Посол Петри, я хочу поговорить с вами. — Слова Элаан прозвучали, как удар хлыста. — А вас не отпускали.

Будучи на грани взрыва, Кирк тщательно обдумывал свой ответ и решил, что лучше не обращать внимания.

— Можно мне получить разрешение Вашего Величества уйти? — ровным голосом спросил он.

— Вы все можете идти, — сказала она.

Снаружи в коридоре Кирк налетел на Петри. — Ну хорошо, посол! Что конкретно мы, как полагают, должны сейчас делать?

Петри отвел его в сторону.

— Она, эта женщина, должна стать женой нашего правителя. Женитьба была устроена, чтобы принести мир. Наши две воюющие планеты сейчас обладают способностью взаимного уничтожения. Должен был быть найден какой-то способ сосуществования.

— Тогда мы возвращаемся на Трою?

— Да. Но не торопитесь, капитан. Мне понадобится время. Моя миссия заключается в том, чтобы обучить ее манерам, принятым в цивилизованном обществе, до того, как мы достигнем Трои. Теперь вам должно быть понятно, почему мне понадобится время. В ее теперешнем первобытном состоянии мой народ никогда не признает ее королевой.

— Ну и миссию же вы получили, — заметил Кирк.

— Таковы полученные мной инструкции. Я должен попросить вас и вашу команду терпеть эту эласианскую

особу во имя будущего мира. Жизненно необходимо, чтобы разногласия теперь были сведены к минимуму.

— Это я могу понять, — сказал Кирк.

— Есть еще вещь, которую вы должны понять, капитан. Вами поставлено на карту так же много, как и мной. Ваши начальники знают, что провал этой миссии, задуманной Федерацией, чреват как для вас, так и для наших двух планет. Мир, который мы бы обрели, приняв такую нецивилизованную жену для нашего правителя, не был бы миром. — Он глубоко вздохнул. — Я передам ей официальные подарки, которые везу. Возможно, это изменит ее настроение.

— Надеюсь. — сказал Кирк и подумал: «Сварливая баба, мегера, сногшибающе вульгарная — вот кто у меня на корабле!»

Встревоженный, он остановился на мостике у поста Зулу.

— Мистер Зулу, возьмите курс на Трою. Импульсный коэффициент скорости движения — пункт 037. Вы ведите нас с орбиты.

Зулу выглядел здорово напуганным.

— Импульсное движение, капитан?

— Верно, мистер Зулу. Сверхсветовой коэффициент, пункт 037.

Зулу поднял голову от пульта и посмотрел на него:

— Капитан, вы не собираетесь использовать искривленный путь? Весь путь на импульсе?

— Вы догадливы, мистер Скотти.

— Это займет очень много времени.

— Вы что, торопитесь, мистер Скотти?

— Нет, сэр.

— Тогда действуйте.

Однако едва он дошел до своего командирского кресла, как к нему торопливо подошел Спок.

— Капитан, Долман недоволен своими помещениями!

Случайно услышав это, Ухура с негодованием обернулась.

— А что с ними такое?

— Ничего такого, что я мог бы заметить, — сказал Спок. — Но все эласианцы кажутся ужасно вздорными.

— Я оставила свои помещения, — сказала Ухура, потому что...

— Я высоко ценю вашу жертву, лейтенант, — сказал

ей Кирк, поднимаясь с кресла, — я поговорю с дамой сам.

Он услышал яростные вопли еще до того, как достиг каюты Ухуры. Ее дверь была широко открыта. Потребовалось лишь мгновение, чтобы разобраться в происходящем. Хрустальная коробка, пролетев по воздуху, ударила Петри в грудь. «Свинья! Забери свои подарки! Твой правитель не может купить расположение Долмана Эласа!»

Петри схватил коробку и попытался запихать обратно изящное кружево.

— Ваше величество, — сказал он, — это ваша свадебная фата. — Он отошел назад на безопасное расстояние, чтобы поднять крышку золотой шкатулки, украшенной драгоценными камнями. — Здесь сказал он, — наиболее ценные королевские драгоценности Трои. Это ожерелье — подарок от матери жениха, призванный украсить вашу восхитительную шею...

Ожерелье, похоже, было составлено из бриллиантов и изумрудов. Элаан схватила его. Затем она с силой швырнула его в Петри так, что оно едва не ударило Кирка в лицо.

— Я бы удавилась, но не стала бы носить этих троянских собак вокруг шеи!

Кирк перешагнул через блестящие украшения, валившиеся на полу, и вошел в каюту.

Она, увидев его, взвизгнула:

— Критон!

Огромный страж ворвался в каюту:

— Кто разрешал тебе входить сюда?

— Он вошел в ответ на ваши призывы, Ваше Величество.

— Насколько я понимаю, вы недовольны своими помещениями, — сказал Кирк.

Она махнула рукой, отпуская Критона. — Помещения? — она положила точеную ножку на стул с подушкой. — Я что, нежная троянка, чтобы сидеть на подушках? — Она пинком перевернула стул, подбежала к окну каюты и стала обрывать занавеси. Ее собственные действия возбудили в ней ярость. — А еще эти женские украшения здесь... Они оскорбляют меня!

— Мой офицер связи освободил эти комнаты в надежде, что они понравятся вам, — сказал Кирк.

— Они мне не нравятся. — Она указала на Петри. —

И я нахожу этого посла ужасным кретином! Я огорчена его пребыванием на борту вашего корабля!

Петри, красный от подавляемой ярости, сказал:

— Я объяснил Ее Величеству, что ее Совет Знати и троянский Трибунал согласились с тем, что именно я должен познакомить будущую королеву с традициями и манерой поведения нашего народа.

— Критон! — позвала Элаан. Она указала на Петри, — Убери его!

Охранник взялся за оружие. Петри поклонился и двинулся к двери, когда она закричала ему вслед:

— И заberi с собой этот мусор!

Он поклонился снова, склонясь еще ниже, чтобы собрать дары, которые она швырнула на пол, а затем вышел.

— Как он осмелился предложить мне перенять холлопские нравы его народа! — бушевала Элаан.

— Кажется, что Ваше Величество не благоволит к троянцам? — спросил Кирк.

— Я никогда не прощу Совету Знати, что они навязали мне весь этот кошмар! Кстати, это вы отвечаете за условия проживания!

— На борту лучше ничего нет, — сказал Кирк. — Я предлагаю вам примириться с этим.

Ошеломленная его наглостью, она взглянула на туалетный столик Ухуры в поисках предмета, который она могла бы разбить вдребезги. — Вы осмеливаетесь предлагать мне!

— Личные вещи лейтенанта Ухуры убраны из каюты. Но если швыряние вещей доставляет вам удовольствие, я организую снабжение каюты бьющимися предметами.

— Я не позволю себя унижать!

— Тогда ведите себя прилично, — сказал Кирк и пошел к двери, услышав сзади визг:

— Я не давала вам разрешения уходить!

— А я и не просил его, — сказал он, захлопывая за собой дверь.

Возбужденный Петри ждал его в коридоре.

— Капитан, я хочу связаться со своим правительством. Я не могу выполнить свою миссию. Я оскорбил бы своего правителя, если бы привез ему этого неисправного монстра в качестве невесты.

— Остыньте, посол. Ваша миссия — миссия мира.

— Не может быть мира между эласианцами и нами.

Мы обманулись. Правда в том, что, когда я с этими людьми, я не хочу мира. Я хочу убивать их.

— Тогда вы такой же, как и она, — сказал Кирк. — Вы не обязаны любить эласианцев, вы обязаны сделать дело.

— Это дело невыполнимо. Она просто не желает слушать меня.

— Заставьте ее слушать, — сказал Кирк. — Не будьте таким мягким дипломатом. Она уважает силу. Наставляйте на своем, посол.

— У меня ведь тоже есть гордость, капитан, и я не позволю унижать себя.

— Вы при исполнении, посол. Я тоже. Мы выполняем приказ — доставить Долмана в приемлемом состоянии для этой женитьбы. Если это означает проглотить гордость, то это следует сделать.

— Хорошо. — вздохнул Петри. — Я попытаюсь еще раз.

— Решительно, посол. Продолжайте с ней решительно. Удачи!

Беспардонно шумливая, вульгарная женщина. Что ей было так нужно, так это один хороший удар в ее очаровательную челюсть.

Кирка, вернувшегося на мостик, приветствовал вопрос Ухуры: — Теперь мои комнаты нравятся ей хоть немного больше, капитан?

— Она сделала выводы, лейтенант, и думаю, что все будет в порядке.

Голос по селекторной связи взволнованно произнес:

— Тревога! Опасность! Пятая палуба...

Кирк побежал к лифту. На пятой палубе офицер безопасности Иванс встретил его, как только он вышел. — Это посол Петри, сэр. Он отказывается объяснить, что случилось, но...

У двери в комнаты Элаан двое служащих из службы безопасности «Энтерпрайза» стояли лицом к лицу с тремя эласианскими охранниками. — Пожалуйста, отойдите в сторону, — сказал Кирк Критону.

Гигант с челюстью первобытного человека сказал:

— Ее величество не вызывала вас.

Элаан позади него открыла дверь.

— Пусть уберут эту троянскую свинью, — сказала она.

Петри лежал на полу каюты, уткнувшись лицом в

лужу своей собственной крови. Украшенный драгоценностями кинжал торчал из его спины.

В корабельном лазарете Мак-Кой поднял голову и посмотрел на Кирка. — Нож вошел глубоко, Джим. Он потерял много крови.

Кирк наклонился над пациентом. Первое, что он увидел — это ненавидящий взгляд. — Если я не поправлюсь, — слабо проговорил Петри, — это будет на вашей совести.

— Я сказал — поговорите с ней. А не — деритесь.

— Мне следовало бы лучше узнать ее, прежде чем входить в ту каюту невооруженным. Но вы вынудили меня. Я считаю вас ответственным за это.

— Капитан! — это была Ухура. — Только что получено сообщение от командования Звездной флотилии. Зашифрованное, срочное. Я только что пропустила его через декодер.

— Что там, лейтенант?

— Верховный комиссар Федерации находится на пути в Трою, чтобы присутствовать на бракосочетании короля.

Мак-Кой присвистнул: — Фью! Теперь действительно быть беде. Когда комиссар узнает, что невеста только что пыталась убить посла жениха...

— Вы меня успокоили, Боунс. — Но Мак-Кой уже вернулся к пациенту, которого сестра Кристина готовила к процедуре. Занимаясь этим, она сказала: — Если эласианские женщины такие порочные, почему тогда мужчин так влечет к ним? В чем их магическая сила?

— Это не волшебство, — презрительно сказал Петри. — Это связано с биохимией, с химическим веществом, содержащимся у них в слезах. Мужчина, на чье тело хоть однажды попали слезы эласианской женщины, становится ее рабом навсегда.

«Какой вздор! — подумал Кирк. — Этот человек просто дурак. Провал его миссии уже скоро будет известен верховному комиссару Федерации, а он здесь разглагольствует о слезах эласианских женщин». Он подошел к кровати: — Посол, у меня есть новости для вас. Верховный комиссар Федерации находится в пути — он едет на свадьбу.

— Никакой свадьбы не будет. Я бы не позволил, чтобы наш правитель женился на этом создании, даже если бы вся галактика зависела от этого. И я больше не хочу иметь дел с вами.

— Я не просил вас иметь каких-либо дел со мной. Я попросил вас выполнить свое задание. — Он повернулся к Мак-Кою.

— Боунс, сколько времени потребуется, чтобы поставить его на ноги?

— Несколько дней. Может быть, и неделя.

Петри поднял голову с подушки. — Капитан, в эту постель уложили меня вы, и в этой постели я собираюсь остаться. Неограниченно. Мне нечего больше сказать вам.

Кирк посмотрел на Мак-Коя. Тот пожал плечами. Ухура и Мак-Кой проследовали за ним из комнаты в коридор.

— Я не знаю, что с ним делать, Джим. Он так же гадок, как и она. У всех у них свинные головы. Они просто ненавидят друг друга. — произнес Мак-Кой.

— Вам нужно допустить, что у него есть более веская причина для ненависти. Капитан, не можете ли вы объяснить Верховному комиссару, что — это невозможно? — сказала Ухура.

— Верховные комиссары не любят объяснений. Они любят результаты. Во всяком случае, как обращаться с подобной женщиной?

— Вы держитесь от нее подальше, капитан. Настолько далеко, насколько...

Она внезапно замолчала. Из комнаты отдыха, мимо которой они проходили, донеслись звуки тихой музыки. Лицо Ухуры просветлело: — Капитан, говорили, что музыка обладает чарами, способными утешить душу дикаря. Душа Долмана — очень дикая. Предположим, что вы...

— Чтобы успокоить эту женщину, требуется огромное количество любой музыки, — сказал Мак-Кой.

Но Кирк задумчиво посмотрел на дверь комнаты отдыха. Он открыл ее и увидел Спока, сидящего в стороне от остальных членов команды, брнчащего на своей вулканитской лире. Ее неземные звуки гармонировали с убранством комнаты: ковром из розовой травы, виноградными лозами на стенах, с фонтаном, разбрызгивающим пурпурного цвета воду в воздух.

— Спок, что это за музыка, которую ты играешь?

— Просто гаммы. Я настраиваю лиру.

— Ты можешь играть какие-нибудь мелодии на этом хитроумном приспособлении? — спросил Мак-Кой.

— Я занял второе место на Всевулканитском музыкальном конкурсе.

— Кто же получил первое?

— Мой отец.

— Ты можешь сыграть любовную песню? — спросил Кирк.

— Брачную песню. В древние времена вулканитская лира использовалась для стимуляции брачной страсти.

— Нам на корабле нужно какое-то подобие такой стимуляции, — сказал Кирк. — Думаю, что бракосочетание на Трое состоится, если мы только сможем убедить невесту принять в нем участие.

— Ввиду того, что она просто заколола ножом своего учителя по свадебному этикету, который надо соблюдать невесте по воле жениха, обучать ее этому — кажется, зря тратить силы, — сказал Мак-Кой.

— Назначьте другого учителя, — посоветовал Спок.

— Тебя, Спок?

— Конечно, нет. Логика диктует, что Долман примет благосклонно только лицо высшего ранга на борту этого судна.

Все посмотрели на Кирка. Он, в свою очередь, посмотрел на них, обдумывая все детали для укрощения Элаан.

— Хорошо, Спок, дайте мне пять минут, а затем начинайте играть свою музыку в апартаментах Долмана. — Он ушел, и когда пальцы Спока прошлись по струнам инструмента, Ухура вздохнула: — Мистер Спок, эта музыка по-настоящему трогает меня.

— Я тоже чувствую, как она расслабляет.

— Расслабление — это не лучшее слово, которое я бы употребила для того, чтобы описать ее, — сказала Ухура. — Я бы непременно хотела научиться играть на этой лире.

— Я был бы рад преподавать вам теорию, лейтенант. Однако, как мне известно, ни один из не вулканитов никогда не овладевал этим мастерством.

Находясь в каюте Элаан, Кирк желал преподавать ей урок приличного поведения за столом.

Он наблюдал, как она подняла бутылку с вином со своего роскошно накрытого обеденного стола, сделала из нее большой глоток и вытерла рот своей очаровательной рукой. Затем проглотила и, ставя бутылку на стол, сказала: — Итак, посол поправится. Это очень плохо. —

Она быстро схватила со стола жареного молодого голубя, набила мясом полный рот и, швыряя остатки лакомства через плечо, добавила: — Вы сообщили мне новость. Я позволяю вам идти.

Он был зачарован умением, с которым ей удавалось говорить и жевать одновременно. — Я бы не желал ничего лучше, но хотел бы заметить, что у пылкой натуры Вашего Величества есть...

— Эта троянская свинья была в моих помещениях без разрешения. Естественно, я заколола его.

Кирк сказал:

— Вы, эласианцы, гордитесь тем, что вы воинственная раса. Тогда вы должны понимать дисциплину, должны обладать способностью выполнять приказы, так же, как и давать их. У вас, Элаан, есть приказ выйти замуж за правителя Трои и ознакомиться с обычаями его народа.

— Троянцы питают ко мне отвращение, — сказала она. — Любой контакт с ними вызывает у меня чувство, будто я запачкалась. — Ее щека была испачкана большим жирным пятном от голубя.

— Мой жизненный опыт говорит, что предрассудки людей исчезают, когда они узнают друг друга.

Музыка Спока начала проникать в каюту. — У меня не было такого опыта, — сказала она, протягивая руку за сдобным печеньем с кремом.

— Во всяком случае, эта проблема все еще стоит перед нами.

— Проблема?

— Да, ваше обучение обычаям Трои.

— Я устранила эту проблему.

— Нет. Вы устранили вашего учителя. Проблема остается. — Набитый рот безжалостно улыбнулся. Как она это делает, он не мог понять. — И ее решение, — сказала она.

— С новым учителем.

— О-о. — Она положила свой кинжал на стол. — Что это за отвратительные звуки, вызывающие тошноту? — С пирожным в руке она встала, подошла к селектору и выключила вулканитскую музыку. Слизывая крем с пирожного, сказала: — А вы, чему вы можете научить меня?

— Во-первых, умению вести себя за столом.

Он взял салфетку, подошел к ней, убрал пирожное и вытер ей рот, щеку и пальцы. — Это, — сказал он, —

салфетка, которой пользуются за столом, чтобы стереть следы вина и пищи, вместо того, чтобы оставлять их вокруг рта, на щеках и на пальцах. — Он вытер ей руку. Затем, крепко сжав ее, он повел Элаан к столу.

— А это, — сказал он, — тарелка. На ней лежит пища. Тарелка специально сделана для того, чтобы на ней лежала еда, в отличие от полов. А вот они созданы для того, чтобы по ним ходили. — Он налил вино в бокал и поднял его. — Это бокал, — продолжал он, — сосуд, с помощью которого пьют вино. Бутылка, Ваше Величество, предназначена только для хранения вина.

Она схватила бутылку и сделала еще глоток из нее. — Оставьте меня, — отрезала она.

— Вы будете учить то, что вам было приказано выучить, — сказал он.

— Вы немедленно вернете меня на Элас!

— Это невозможно.

Она топнула ногой. — То, что я приказываю, всегда возможно! Я не поеду в Трою! Я не буду отдана жирной троянской свинье в качестве невесты, чтобы прекратить войну! — Она снова поднесла бутылку с вином ко рту. Кирк выхватил ее.

— Вам очень нравится титул Долмана, — сказал он. — Если вы не хотите выполнять обязанности, которые он налагает — откажитесь от него!

Ее потрясение было неподдельным. — Никто никогда не осмеливался разговаривать со мной подобным образом!

— Это ваша беда, — сказал он. — Никто никогда не говорил вам правду. Вы — нецивилизованная маленькая дикарка, порочный ребенок с дурным характером и телом женщины.

Ее кулак рванулся вперед и ударил Кирка в челюсть. Она уже отвела руку, чтобы снова его ударить, как он схватил ее и изо всех сил вмазал ей по лицу. Удар сбил ее с ног, и она упала на кровать. Трясаясь от ярости, Кирк крикнул: — Ты услышала правду от меня в первый раз за всю твою поганую жизнь!

Он направился к двери, и ее кинжал со свистом пролетел мимо его уха и вонзился, подрагивая, в декоративное украшение на стене около его головы. Он вытащил его и, бросив его ей обратно, сказал: — Завтрашний урок, Ваше Величество, будет о вежливости.

Когда он стремительно вышел и дверь закрылась за

ним, она в бешенстве сдернула скатерть. Он не обернулся на звук бьющейся посуды.

Он вышел из лифта, ведущего на мостик, и увидел Спока, внимательно наблюдающего в свой сенсорный окуляр. — Капитан, посмотрите на это. Сначала я решил, что это — сенсорный след. Но я проверил оснащение. Оборудование работает прекрасно.

Кирк обследовал тень. — Отражение водородного облака?

— Ни одного в этом районе. Тень появляется время от времени.

— Ваше предположение, мистер Спок?

— Никаких, сэр. Недостаточно данных.

— Это не неисправность оборудования, не отражение естественных явлений. Тогда космический корабль?

Раздался сигнал селектора. Голос Скотти был глухим от гнева.

— Капитан, должен ли я позволять этим... этим пассажирам зря болтаться около моего оборудования? Я знаю о том, что вы сказали, — нужно оказывать им уважение, но...

— Держитесь, Скотти. И будьте вежливы, как бы это вас ни раздражало. Я иду.

Он сам был поражен, когда открыл дверь машинного отделения.

Элаан и ее три охранника стояли, склонившись над механизмом искривления пространства. Скотти едва сдержал свою ярость, сказав: — Я полагаю, мадам, что даже наше импульсное движение должно показаться вам быстрым...

— Нас интересует, как корабли используются в бою, а не то, что их движет. Двигатели — для механиков и обслуги.

Скотти задохнулся от гнева. — Обслуги? Как долго вы думаете...

— Мистер Скотти! — резко сказал Кирк.

Он подошел большими шагами к Элаан. — Почему вы мне не сказали, что хотите осмотреть машинное отделение?

— Разве у меня нет свободы на этом корабле? Я даровала вашим людям разрешение не вставать на колено в моем присутствии. Чего еще вы хотите?

— Вежливости.

— Вежливость — это не для подчиненных.

Кирк сказал: — Мистер Скотти, наш главный инже-

нер, принял вас в своем отделении. Это была любезность. Вы ответите на нее, сказав: «Спасибо, мистер Скотти».

Было похоже, что она собирается плюнуть в него. Затем она твердо сказала:

— Спасибо, мистер Скотти. — Ее телохранители изумленно вытаращились, ошеломленные, ошарашенные. Она толкнула одного из них. — Пошли, — и вышла из комнаты.

— Ваша школа, кажется, вступает в силу, — сказал Скотти.

Рядом с ними раздалось жужжание селектора, и голос Спока произнес:

— Связь с капитаном.

— Кирк слушает.

— Тень на сенсоре приближается, сэр.

— Иду!

Его догадка была верной. Тень на сенсоре была космическим кораблем. Кирк долго изучал прибор. Затем он поднял голову. — Вопрос в том, мистер Спок, чей это корабль?

— Пока никаких данных, сэр.

— Капитан! — позвал Зулу. — Есть слабый пеленг, сэр. Отметка 73.5.

— Максимальное усиление, — сказал Кирк.

Основной экран показывал просто оптическое пятно средних размеров среди неподвижного звездного поля. Вдруг там неожиданно показалось четкое изображение незнакомого, но странно зловещего космического корабля.

— Наше привидение материализовалось, капитан, — сказал Спок.

Кирк спокойно кивнул. — Военный корабль Клингона.

Он вернулся на свое командирское место, его лицо стало еще более серьезным. Он повернулся, чтобы снова посмотреть на экран. — Есть какие-нибудь изменения, мистер Спок?

— Отрицательные, сэр. Корабль Клингона просто вошел в область контакта. Он идет впереди с точно такой же сверх-световой скоростью, как и мы.

Экран на мостике был оборудован для того, чтобы показывать, что движется снаружи «Энтерпрайза», он не мог показывать, что движется внутри него. И Кирк не мог видеть, как Критон прокрался в машинное отделение и спрятался за массивной установкой, где работал второй

инженер Ватсон. Совершенно бесшумно эласианец снял крышку с основной коробки реле, вытащил маленький, обитый круговой шкалой диск из форменной сумки с патронами, приспособил шкалы и поместил диск в коробку реле. И только когда он устанавливал его, Ватсон почувствовал что-то неладное. С инструментом в руках он появился перед Критоном, вскричав:

— Что вы здесь делаете?

Кулак Критона пришелся ему в подбородок, как распрямившаяся пружина. Ватсон рухнул. Через мгновение Критон уже спрятался за установкой, а затем вернулся к коробке реле.

На мостике Кирк, все еще сосредоточенный на действиях корабля Клингона, повернулся к Ухуре. — Лейтенант, откройте градовую частоту. Дайте сведения о нас и узнайте об их намерениях.

Она подключилась к приборной доске и покачала головой. — Нет ответа, сэр. Ни на одном канале.

— Тогда продолжайте проверять на мониторе все частоты, лейтенант. — Он помолчал и, обратившись к Зулу сказал. — Отряды с фазерами наготове, мистер Зулу? — и после некоторой паузы добавил, — включите желтый сигнал тревоги. — И поднимаясь со стула, — мистер Спок, пора.

Внизу в машинном отделении, все еще незамеченный, Критон устанавливал связь. Огни в решетке чуть мерцали, потом снова загорелись в полную силу.

Кирк, на пятой палубе, шел по коридору к каюте Элаан. Как он и ожидал, два стража стояли у ее двери. Но Критона среди них не было. Немного встревожившись, он спросил: — Где Критон?

— Занят делом, — сказал охранник. Оба подняли свое оружие: — Никому не разрешено входить к Долману, — сказал один.

— Доведите до сведения Ее Величества, что капитан Кирк просит оказать ему честь принять его.

— Долман сказала, что я буду забит кнутом до смерти, если позволю капитану Кирку войти в эту дверь. — Кирк рванулся мимо них. Оружие поднялось. Внезапно дважды сверкнул луч, и охранники упали, а Спок с фазером в руке появился из противоположной двери. — Пусть их заберут в отсек обеспечения безопасности, мистер Спок.

— Капитан, как вы могли предвидеть, что она откажется впустить вас? Ваш ход мыслей ускользает от меня.

— Это на вашей планете, мистер Спок, женщины поступают логично. Ни одна другая планета в галактике не может на это претендовать.

Он открыл дверь Элаан и увидел ее сидящей перед зеркалом. Она была поглощена расчесыванием своих блестящих волос. Как только она увидела в стекле его отражение, она бросилась к кровати, где лежал сброшенный ею пояс с кинжалом. Высоко подняв его, она бросилась на Кирка, целясь острием ему в сердце. Он схватил ее за запястье, и она взвизгнула:

— Ты осмелился дотронуться до члена королевской семьи Эласа?

— Конечно, да. В целях самозащиты. — Он убрал кинжал. Она попыталась расцарапать его лицо ногтями. Он вступил с ней в борьбу, в конце концов, лишив ее возможности двигать руками.

— За то, что вы сделали, наказанием на Элесе является смерть.

— Вы сейчас не на Элесе. Вы на моем корабле. Я здесь командую.

Она неожиданно укусила его за руку. От боли его хватка ослабла, и она вырвалась и убежала в соседнюю комнату, дверь которой со щелчком захлопнулась за ней.

— Это вам предупреждение, капитан! — крикнула она оттуда. — Никогда больше меня не трогайте!

— Хорошо, — крикнул Кирк в ответ. — Тогда я пошлю к вам мистера Спока и доктора Мак-Коя! Но я скажу вам одну вещь! Вы все-таки будете делать то, что вам приказано Советом и Трибуналом.

Это вывело его из себя. Военный корабль Клингона недалеко, а он застрял за дверью ванной комнаты, пытаясь вразумить это избалованное отродье, у которого вообще нет ума. — Я уйду! — выкрикнул он. — Я сыт вами по горло!

Она открыла дверь: — Капитан, — она колебалась, — есть одна вещь, которой вы можете обучить меня.

— Нет, нету! — зарычал он на нее. — Вы были правы в первый раз! Я ничему не хочу учить вас! Никогда! Вы все знаете!

Неожиданно она заплакала.

— Я не все знаю. Я не знаю, как сделать, чтобы люди любили меня. Все ненавидят меня.

Он был поражен до глубины души. Искренние слезы переполняли темные глаза. Это было зрелище, которое

он никак не ожидал увидеть. — Ну, послушайте — сказал он, — неверно, что все ненавидят вас.

— Нет, ненавидят, — всхлипнула она, — все ненавидят.

Он подошел к ней и вытер мокрые от слез щеки рукой. — Перестаньте плакать, — сказал он. — Просто никто не любит, когда с ним обращаются так, будто он ничто.

Внезапно он почувствовал жар. — Что-то не в порядке с вентиляцией в этой комнате. Я... мне нужен воздух... мы сделаем небольшой перерыв, Ваше Величество.

— Капитан! — он обернулся. Прекрасные губы улыбались ему, руки с кожей жемчужного цвета звали его. Он долго пристально смотрел на нее. Затем пошел прямо к ней в руки. Он поцеловал ее, и весь мир, и корабль Клингона, и Верховный Комиссар, все, что он когда-либо знал в своей жизни, перестало для него существовать.

— Ты дал мне пощечину, — прошептала она.

— Мы поговорим об этом позже, — тихо произнес Кирк.

И их губы снова сомкнулись в поцелуе.

Ухура, проверяя свои индикаторы, нажала кнопку селектора.

— Связь с капитаном, — сказала она, взглянув на Спока. — Мистер Спок, я принимаю.

— У меня это есть на датчике.

— Связь с капитаном, — повторила она, хмурясь. — Включитесь, капитан. Капитан Кирк, ответьте, пожалуйста.

Послышался голос Кирка, непривычный, удивленный: — Кирк слушает.

— Капитан, я принимаю передачу изнутри «Энтерпрайза». Она плотным лучом нацелена на судно Клингона.

Элаан покусывала мочку уха Кирка.

— Передача? — рассеянно переспросил он. Ее ресницы были очень черными, хотя им следовало бы быть светлыми, серебристыми. — Перестань, — сказал он, а она поцеловала ухо, и он смог ненадолго сосредоточить свое внимание на селекторе, чтобы спросить: — Вы можете указать точно источник передачи, лейтенант?

— Говорит Спок, капитан. Я сейчас произвожу триангуляцию. Она идет из машинного отделения, сэр.

Эта новость пробила его оцепенение. — Службу без-

опасности в машинное отделение! Чужой на борту! Тревога всем палубам!

Он побежал к двери в лифт. В машинном отделении его встретил Скотти. Он был потрясен. Он указал на тело Ватсона. — Должно быть, Ватсон обнаружил этого дьявола после того, как он проник сюда. За это он и был убит. Вот это было у него в руке, когда я обнаружил его. Это похоже на какой-то передатчик.

Кирк взял его. — Это Клингон, — сказал он.

Мак-Кой поднялся от тела Ватсона. — Шея сломана, Джим.

Кирк подошел к тому месту, где стояли двое из службы безопасности с фазерами, наведенными на Критона, держа этого эласианца с обезьяньей челюстью под охраной.

— Какой сигнал ты посылал тому кораблю Клингона? Какое было у тебя задание?

Невозмутимый, с горящими от презрения глазами, Критон сказал: — Капитан, вы должны знать, что я ничего не скажу. Наши методы допроса более мучительны, чем ваши.

— Я знаю, что вы приучены выдерживать любую физическую пытку. — Кирк подошел к селектору. — Кирк вызывает Спока.

— Спок слушает, капитан.

— Мистер Спок, это Критон вел передачу. Он отказывается разговаривать. Вы будете мне нужны вы для проведения...

— Капитан! — это был Эванс из службы безопасности. — Заключенный болен, его тошнит. — Кирк быстро повернулся и увидел Критона, схватившегося за живот. Эласианец осел на колени и выхватил рукой фазер Эванса. Затем повернул его, выстрелил в себя и исчез.

Ошеломленный, Эванс сказал: — Это я виноват, капитан. Но действительно, казалось, что он...

— Что такое он скрывал, что предпочел умереть, чтобы сохранить это в тайне? — обеспокоенно спросил Кирк, повернувшись к Скотти. — Он пришел сюда не только, чтобы воспользоваться передатчиком. Скотти, я хочу, чтобы вы проверили каждое реле, которое у нас есть.

— Капитан, вы осознаете, сколько реле находится в машинном отделении?

— Не теряйте время на разговоры со мной. Выполняйте!

Сам он, не тратя времени, вернулся в каюту Элаан. Она приняла новость о самоубийстве Критона спокойно.

— Он был не в своем уме со времени объявления о моей свадьбе. Он был из знатной семьи — и он любил меня.

— Значит, он продался Клингону из ревности?

— Возможно. — Она положила свою руку на его сердце. — Оно мое, не так ли? Давай больше не будем говорить о пустяках.

— Здесь рядом военный корабль Клингона, — сказал он ей. — Для чего он там?

— Он идет рядом с нами не просто ведь для того, чтобы предотвратить свадьбу.

Она положила свою светлую серебристую головку на его плечо. — Нам следует приветствовать их усилия, направленные против свадьбы.

Он схватил ее за плечи. — Элаан, две планеты, стабильность всей Звездной системы зависят от твоей свадьбы. Мы обязаны забыть то, что произошло.

— Ты бы мог это сделать? Отдать меня другому мужчине?

— Мы с тобой получили приказы. Ты должна принадлежать другому мужчине. То, что произошло между нами — случайность.

— Это не было не случайностью. Я выбрала тебя, а ты выбрал меня. — До того, как он успел заговорить, она добавила: — Послушай, у меня есть план. На этом корабле ты мог бы полностью уничтожить Трою. Тогда не было бы никакой необходимости в свадьбе. Наш благодарный народ вручил бы тебе командование Звездной системой.

Он в ужасе уставился на нее.

— Как ты можешь предлагать такие чудовищные вещи?

— Они троянцы, — сказала она, снова оказавшись в его объятиях. — Ты не можешь бороться против этой любви, против моей любви.

— Капитан! — это был Спок. Последовала пауза, прежде чем он сказал: — Можно вас ненадолго увидеть?

Кирк не ответил. Колдунья в его объятиях была права. Он не мог бороться против этой любви, этой страсти, этой обреченности — что бы это ни было, какое бы название этому ни выбрать. Неназванное или названное, оно пленило его. Его губы снова сомкнулись с ее губа-

ми... Дверь открылась. Спок и Мак-Кой, не веря своим глазам, уставились на них.

— Джим!

Кирк поднял невидящие глаза.

— Джим! Разрешите мне, пожалуйста, поговорить с вами.

Кирк с трудом освободился от ее объятий и пошел по направлению к двери медленной тяжелой походкой человека, идущего под водой.

Он обернулся и взглянул на Элаан. Затем, спотыкаясь, вышел в коридор.

— Капитан, с вами все в порядке? — спросил Спок.

Он кивнул.

— Джим, она плакала!?

— Что?

— Она плакала? И ее слезы коснулись твоей кожи?

Кирк нахмурился.

— Да.

— Тогда мы в беде, — вздохнул Мак-Кой. — Джим, послушай меня. Петри сказал Кристине, что слезы эласианских женщин содержат биохимическое вещество, которое действует как высококлассный, категории А, любовный напиток.

Кирк уставился на руку, которая вытерла слезы со щеки Элаан. — Исходя из того, что говорит Петри, его действие никогда не проходит, — сказал Мак-Кой.

— Боунс, вы должны найти противоядие.

— Я могу попытаться, но мне придется сделать анализы.

Селектор в коридоре заговорил: — Связь с капитаном!

— Кирк слушает.

Взволнованный голос Зулу произнес: — Капитан, корабль Клингона изменил курс! Он направляется к нам на искривленной скорости.

Выражение смущения сошло с лица Кирка. — Станция наведения! — четко приказал он: — Я иду.

Звуковые сигналы тревоги заполняли мостик, когда он вышел из лифта. Метнув взгляд на экран, он уловил быстро увеличивающийся силуэт корабля Клингона. — Подготовить фазеры! — приказал он на бегу к своему командирскому креслу.

— Фазеры готовы, сэр, — доложил Зулу.

Спок крикнул:

— Его скорость больше, чем шестое искривление, капитан!

Не отрывая глаз от экрана, Кирк сказал: — Мистер Чехов, ложитесь на курс, который прямо выведет нас из этой системы. Если они захотят сражаться, нам потребуется место для маневра.

— Курс заложен в компьютер, сэр.

— Очень хорошо. Вперед, искривление второе, и...

Селектор подал сигнал, возбужденный голос Скотти:

— Капитан, реактор...

Прежде, чем Скотти произнес следующее слово, Кирк рявкнул: — Отставить приказ, мистер Зулу!

Зулу отдернул руку от кнопки, которую он собирался нажать, как будто она была раскаленной. Спок покинул свое место, чтобы подойти и встать рядом с Кирком.

— В чем дело, Скотти?

Все на мостике слышали, как Скотти сказал: — Оболочка анти-вещества установлена на взрыв в тот момент, когда мы перейдем на искривленное движение.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Кирк заговорил: — Эту бомбу наверняка заложил Критон. Скотти, ты можешь обезвредить ее?

— Нет, иначе взрывом разнесет пол-галактики.

Кирк ощущал давление сфокусированных на нем глаз. Он глубоко вздохнул: — Тогда приложи до конца всю силу, которая есть у тебя в импульсном движении. И найди способ обезвредить бомбу.

Именно в среду всеобщего возбуждения и попала Элаан при выходе из лифта на мостик. На экране корабль Клингона увеличивался и все детализировался. — Мистер Зулу, стойте рядом, чтобы провести маневры быстро. — Тот промолчал.

Кирк обернулся к экрану и увидел Элаан. Хотя он был поглощен критической ситуацией, ему пришлось с трудом побороть желание немедленно пойти к ней, он схватился за подлокотники кресла. Спок подвинулся ближе к нему. Зулу безучастным голосом произнес: — Сто тысяч километров.

Время быстро шло. Затем Зулу сказал: — Девяносто километров.

— Не стрелять, — сказал Кирк.

Зулу облизал губы. «Шестьдесят. Пятьдесят.»

На экране корабль Клингона из-за огромной скорости расплылся пятном неясных очертаний.

— Он прошел мимо нас без единого выстрела, — очень тихо сказал Зулу.

— Капитан, я не думаю, что они собирались атаковать нас, — сказал Спок.

Теперь, когда критическая ситуация была позади, Кирк снова остро чувствовал присутствие Элаан. Он поднялся со своего кресла, как будто его тянули к ней невидимой цепью. Бдительный Спок предостерегающе произнес:

— В этот раз нам повезло.

Невидимая цепь порвалась. Кирк снова упал в свое кресло.

— Да, их тактика теперь ясна. Они пытались вынудить нас перейти на искривленное движение. Таким образом, мы бы сами себя уничтожили. Их проблема была бы решена без риска войны с Федерацией. Очень ловко.

— Очень, — сказал Спок. — Но почему они считают обладание этой системой жизненно необходимым?

— Очень хороший вопрос, мистер Спок.

— У меня есть еще один вопрос, сэр. Не является ли мостик неподходящим местом для Долмана в такое время, как это?

— Мне решать — начал было Кирк, но встретившись глазами со Споком, добавил, — Вы правы, мистер Спок, спасибо.

Он сделал большой шаг к Элаан.

— Я хочу, чтобы ты покинула мостик и пошла в корабельный изолятор. Это самое защищенное место на корабле.

— Я хочу быть с тобой, — сказала она.

— Твое присутствие здесь мешает мне защитить тебя.

— Я не уйду.

Обняв ее за плечи, он слегка подтолкнул ее к лифту. Поверх ее головы посмотрел на Спока.

— Вы можете вести корабль, мистер Спок.

Когда скольльзящая дверь лифта закрылась, она обхватила его шею руками.

— Я люблю тебя, я вырвала тебя оттуда. Но я не понимаю, почему ты не стрелял в Клингона.

— Если для выполнения моего задания лучше не стрелять, я не стреляю.

— Это задание, — спросила она, — заключается в том, чтобы доставить меня в Трою.

— Да, верно, — сказал он.

— Ты бы заставил меня надеть подвенечное платье, чтобы выйти замуж за другого, и никогда больше меня не видеть?

— Да, Элаан.

— Тебя эта перспектива радует?

Загудел селектор.

— Скотти вызывает капитана.

— Кирк слушает.

— Плохие новости, командир. Весь детекторный преобразующий агрегат расплавился, в нем произошло короткое замыкание. Нет никаких шансов починить его. Его совершенно нельзя использовать.

— Нет способа восстановить варп-энергию?

— Без специальных кристаллов — нет, сэр. Мы даже не можем генерировать достаточного количества энергии для стрельбы из оружия.

— Элаан, мне нужно вернуться на мостик. Пожалуйста, иди в лазарет. Вон его дверь. Дальше по тому коридору.

Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в лоб.

— Хорошо, мой отважный возлюбленный.

Он наблюдал, как она пошла к двери изолятора. Какое бы химическое вещество ни было в ее слезах, которые он стер у нее со щеки, это была сильнодействующая штука.

Непостижимо трудным было Мак-Кою найти это вещество. Он сделал двадцать четыре пробы, но о каких-либо положительных результатах говорить было рано.

Петри наблюдал, как он исследовал пробы, врученные ему сестрой Кристиной.

— Вы теряете время, — сказал он. — Нет антидота для яда, содержащегося в слезах Элаан. Мужчины Эласа отчаянно пытались определить его, но всегда терпели неудачу.

Он откинулся обратно на подушку, и в этот момент Элаан открыла дверь изолятора. Она обратилась к Мак-Кою.

— Капитан попросил меня прийти сюда в целях безопасности.

Петри снова поднял голову.

— А наша безопасность? Как с этим, когда здесь рядом эта женщина? Как вы оцениваете наши шансы на выживание, доктор Мак-Кой?

— За это отвечает капитан, — сказал Мак-Кой.

Петри казался глубоко задумавшимся. После долгого

молчания он потянулся к золотой шкатулке, стоящей под своей кроватью, и вытащил ожерелье, отвергнутое Элаан ранее. Он натянул больничную одежду и медленно подошел к ней.

— Я потерпел поражение и не выполнил своих обязанностей перед моим народом, — с трудом сказал он. — Будь я более мудрым, мне, быть может, и удалось бы подготовить вас к тому, чтобы выйти замуж за нашего правителя. Теперь, когда мы все можем умереть, я снова прошу вас принять ожерелье как знак искреннего уважения, искреннего желания моего народа жить в мире между нами.

— Ответственность, обязанность — это все, о чем вы, мужчины, всегда думаете! — сердито сказала она.

Но она взяла ожерелье.

Когда Кирк вернулся на мостик, он услышал еще более плохие новости. Сообщить их пришлось Ухуре.

— Послание с корабля Клингона, сэр. Они собираются взять нас на аборадж, а если мы окажем сопротивление, то будем уничтожены. Они требуют немедленного ответа.

— Итак, они собираются навязать нам сражение, — сказал Кирк.

Вернувшись в свое командирское кресло, он нажал кнопку у себя на селекторе.

— Кирк вызывает машинное отделение. Положение с энергией, Скотти?

— Девяносто три процента импульсной силы, капитан.

— Мы все еще можем маневрировать, сэр, — сказал Спок.

— Да, мы можем передвигаться, как шаланда с мусором, — сказал Скотти. — Наши защитные поля выдержат только несколько атак. А без вещества-антивещества реакторов у нас нет шансов выстоять против космического корабля. Капитан, не можете ли вы в этом случае связаться с командованием Звездной флотилии?

— И дать знать команде Клингона, что им удалось вывести из строя двигатели? — резко возразил Кирк. — Нет, мы подождем некоторое время.

Он повернулся в кресле, чтобы оказаться лицом к людям, стоящим на мостике.

— Мы продолжим, — сказал он, — идти по курсу, в надежде, что команду Клингона удастся обмануть или

они лучше передумают начинать всеобщую войну. Лейтенант Ухура, включите градовую частоту.

Он схватил свой микрофон:

— Говорит капитан Джеймс Кирк с USS «Энтерпрайз», следующего по делу Федерации. Наша цель мирная, но мы не потерпим вмешательства.

Хриплый голос Клингона заполнил мостик:

— Приготовьтесь быть захваченными или уничтоженными.

— Очень эффективна наша стратегия, — проворчал Кирк.

— Капитан, Клингон идет на перехват! — воскликнул Зулу. — Пятьсот тысяч километров, — и добавил, — включить отражательные поля!

Именно этот момент выбрала Элаан, чтобы выйти из ведущего на мостик лифта, сияющая, в мерцающей белизне своего свадебного платья, с троянским ожерельем из прозрачных драгоценных камней вокруг шеи. Кирк оторвал глаза от зрелища, которое она производила, и стукнул по селектору кулаком.

— Мистер Скотти, вы можете дать хоть часть энергии в банк хранения фазеров?

— Нет, сэр. Никакой возможности.

Элаан была около Кирка. Отводя от нее глаза, он сказал:

— Я велел тебе оставаться в изоляторе.

— Если я умру, то рядом с тобой.

— Мы не собираемся умирать, покинь мостик.

Она медленно направилась к лифту и остановилась, прислонившись головой к стене.

Зулу закричал:

— Тысяча километров! — и корабль содрогнулся от удара реактивного снаряда Клингона. В тот момент, когда он взорвался на заградительном поле, его вспышка осветила «Энтерпрайз» сияющим многокрасочным светом.

— Он прошел мимо нас, — обрадовался Спок. — Все поля выдержали.

— Мистер Зулу, держите наши передние щиты в его направлении.

— Он снова направляется сюда, сэр, — сказал Зулу.

— Находитесь у рычагов управления. Держите передние щиты в его направлении.

На экране корабль Клингона от скорости казался приближающейся полосой.

— Он идет к нам на фланг, мистер Зулу. Ведите его за собой!

От силы следующего удара на мостике задрожало все.

— Зулу! — закричал Кирк.

— Извините, капитан. Корабль недостаточно быстро отвечает на импульсное движение.

— Он снова прошел мимо нас, — сказал Спок. — Четвертый щит поврежден, сэр.

— Насколько серьезно?

— Он не выдержит еще одного сильного удара. Капитан, я получаю какие-то очень странные показания на сенсорной шкале.

— Какого рода показания, мистер Спок?

Вулканит схватил свой трикодер и начал исследовать с его помощью территорию мостика. Внезапно он вскочил со стула и указал на Элаан. — Она — источник! — закричал он.

— Она, — сказал Кирк. — Вы имеете в виду Элаан?

— Ее ожерелье, капитан!

Они оба подбежали к ней.

— Что это за драгоценные камни? — требовательно спросил Кирк.

В замешательстве она потрогала ожерелье.

— Мы называем эти белые бусины раданами. Это совершенно обычные камни.

Спок просканировал бриллианты каким-то круглым устройством на своем трикодере. Под ним они светились и сверкали неземным огнем.

— Только по причине своей древности — это ожерелье высоко ценится, — сказала Элаан.

— Обыкновенные камни! — сказал Кирк. — Неудивительно, что людей Клингона так интересует эта звездная система! Можно мне взять это ожерелье, Ваше Величество?

— Если оно может оказать какую-либо помощь, конечно, — ответила она.

— Вы просто можете спасти нас, — сказал Кирк. — Мистер Спок, как вы думаете, мог бы Скотти использовать несколько этих кристаллов?

— В вашем предположении, капитан, есть рациональное зерно. — С ожерельем в руке Спок вошел в лифт.

— Он снова приближается, сэр, входит в наше пространство, — закричал Зулу.

— Мистер Зулу, приготовьтесь по моему приказу

быстро взять на левый борт. Попробуйте защитить четвертый щит. Пора, мистер Зулу! Руль на левый борт!

И снова щиты отразили сверкающую игру многокрасочного света, хотя корабль сильно вибрировал от сотрясения при атаке Клингона.

— Щиты еще кое на что способны, — крикнул Зулу.

— Капитан, идет передача, — резко заметила Ухура. По кивку Кирка она быстро включила микрофон.

Гортанный голос Клингона звучал победно.

— «Энтерпрайз», наши данные подтверждают, что ваша энергия очень мала, ваши щиты гнутся. Это ваш последний шанс сдаться.

— Четвертый щит разрушен, сэр. Импульсная сила понизилась до 31 процента, — доложил Зулу.

Кирк подошел к станции Ухуры.

— Лейтенант, включите связь. — Он схватил микрофон: — Говорит капитан Кирк. Запрашиваю ваши условия капитуляции.

— Никаких условий. Капитуляция должна быть безусловной и немедленной.

Кирк нажал на кнопку селектора.

— Скотти, какова оценка?

— Мы сейчас устанавливаем ее. Нам нужно провести несколько проб, чтобы быть уверенным.

— Мы пробуем в бою.

— Это необработанные кристаллы, сэр. — сказал Спок. — Нет способа определить, как необычные формы действуют на поток энергии.

Скотти воспользовался селектором, чтобы предостеречь.

— Капитан, от помехи в потоке энергии мы можем так же прекрасно взлететь в воздух, как и...

Кирк выключил его.

— Дайте мне знать, когда он будет установлен, — и снова обратился к Ухуре. — Снова градовую частоту, лейтенант. — Вернувшись в свое кресло, он сказал в микрофон. — Это USS «Энтерпрайз». Вы гарантируете безопасность нашего пассажира, Долмана Эласа?

Резкий голос повторил:

— Никаких условий. Немедленная капитуляция.

— Капитан, он начинает движение.

— Я вижу, мистер Зулу.

Стоя перед экраном, Кирк почувствовал, как на его руку спокойно легла рука. Элаан наблюдала вместе с

ним, как смерть в облике корабля Клингона приблизилась к ним. Затем по селектору раздался голос Спока:

— Он на месте, сэр, но я не отвечаю за...

— Быстро поднимайтесь сюда! — приказал Кирк. Он отвернулся от экрана. — Мистер Зулу, приготовьте варп-энергию. Мистер Чехов, заряжайте фотонные торпеды.

— Фотонные торпеды готовы, сэр.

— Подать варп-энергию на щиты, капитан?

— Нет, мистер Зулу. Его сенсоры зафиксировали бы, что наша энергия увеличилась. Чем более беззащитными он будет считать нас, тем ближе подойдет. И когда он будет проходить рядом, я хочу, чтобы была включена варп-энергия. Будете вращаться на варп 2, чтобы...

— Есть, сэр.

— Мистер Чехов, обеспечьте ему всю мощь фотонных торпед.

Скотти помчался на мостик, чтобы занять свое место у пульта.

Зулу сказал:

— Сто тысяч километров, сэр.

— Мистер Скотти, будьте готовы включить варп-энергию.

Инженер оторвался от своей ручки настройки. — Колебание, капитан. Это форма кристаллов. Я боялся этого.

— Семьдесят пять тысяч, — сказал Зулу.

— Он будет стрелять на минимальном расстоянии, мистер Зулу.

— Сорок тысяч, — сказал Зулу.

Встревоженные глаза Скотти не отрывались от дрожащих огней на его приборной доске. — Не успокаивается, капитан, колебания не прекращаются.

Объем корабля Клингона почти заполнил собой весь экран. Кирк сказал:

— Включайте варп 2, Скотти. Вся энергия на щиты. Мистер Зулу, варп 2. Переходите на курс 147, отметка 3.

Корабль Клингона выстрелил. «Энтерпрайз» рванул в сторону, начал головокружительно вращаться в ослепительном блеске теперь уже знакомого сияющего пламени, отраженного от его поврежденных щитов.

— Мы еще живы! — закричал Скотти, не веря.

— Стреляйте фотонными торпедами! Во всю мощь!

Они ждали. Рука Элаан нашла руку Кирка. Затем они услышали: далеко из космоса пришел потрясающий грохот взрыва, рвущего металл.

— Прямое попадание фотонной торпеды в середину корабля! — пронзительно закричал Зулу.

Спок поднял голову, — Повреждено третье поле Клингона, капитан. Четвертое уничтожено. Они потеряли способность маневрировать, сэр.

Чехов повернулся.

— Он очень сильно поврежден. Отступает на пониженной скорости, сэр.

— Службу безопасности из генерального штаба, — попросил Кирк.

Элаан, с глазами, горящими от восторга и гордости, посмотрела на него.

— Ты не будешь преследовать и добивать его?

— Нет.

Их глаза встретились. Прошло много времени, прежде чем он нашел в себе силы сказать: — Мистер Зулу, возьмите курс на Трою.

И, увидев, как на ее лице погасла надежда, отвернулся.

В отделе телепортации Петри занял свое место на платформе. Затем туда вошла Элаан в своем свадебном платье, она дотронулась до троянского ожерелья, которое было на ней, и улыбнулась ему.

— Два недостающих здесь камня спасли нам жизнь, Петри.

Он низко поклонился.

Она подошла к Кирку. — Ты будешь на торжественной церемонии?

— Нет.

Она отстегнула украшенный драгоценностями кинжал от своего пояса. — Я хочу, чтобы он остался у тебя, как сувенир. Ты убедил меня, что такие вещи мне не подходят. — Она нагнулась и поцеловала его руку. — Не забывая меня, — прошептала она.

— Это не в моих силах, — сказал он.

— И не в моих... Но сейчас я выполняю приказ.

Она заняла свое место на платформе, два ее охранника стояли около нее. — Не забывая меня, капитан Джеймс Кирк, — ее голос прервался.

— Прощай, — сказал Кирк и поспешно пошел к Скотти, стоящему за пультом транспортера. — Подавай энергию, — приказал он.

Скотти повернул рычаг, и фигура Элаан начала

мерцать. Он повернулся, чтобы последний раз взглянуть на нее. Ее глаза, блестящие от слез, встретились с его глазами.

Мак-Кой, очень возбужденный, встретил его, когда он вышел из лифта на мостик.

— Джим, я наконец выделил вещество, содержащееся в слезах этой женщины, и полагаю, что нашел противоядие.

— В нем нет нужды, доктор, — сказал Спок. — Капитан нашел свое собственное противоядие. «Энтерпрайз» заразил капитана задолго до того, как слезы Долмана попали на него.

— Мистер Зулу, выведите нас с орбиты, — сказал Кирк.

Был ли «Энтерпрайз» действительно противоядием против Элаан? Казалось, Мак-Кой и Спок были совершенно уверены, что это так. Но он не был так уверен. Сейчас, во всяком случае.

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

В АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ВСЕЛЕННУЮ

Фантастический роман

Перевод с английского

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В Альтернативную вселенную

Глава I

Пронизывающий холодный ветер гулял по посадочной площадке Порт-Форлона, поднимая тучи пыли и грязного снега. Из своего кабинета на последнем этаже административного здания Порта командор Гримс задумчиво смотрел на то, что в течение долгих лет считал своим маленьким царством.

На взлетной площадке стоял старый «Искатель» — патрульный корабль Правительства Конфедерации Приграничных Планет, и работа вокруг него привносила разнообразие в унылый вид космодрома. В порту было затишье, и «Искатель» был единственным кораблем на этой огромной пустой территории.

Однако вскоре все должно было войти в привычную колею. Один за другим будут приземляться корабли Приграничного Флота, прибывая с ближних и дальних планет, со всех концов обширной Галактики, из антимиров... И жизнь космодрома снова наполнится привычными заботами.

Гримс подошел к стоящему на крутящейся подставке большому биноклю и развернул его в сторону «Искателя». Настроив на резкость, он с удовлетворением отметил, что неприятная погода не слишком задерживает ремонтные работы. Вспышки электросварки вокруг носовой части корабля указывали, что устанавливается новый индикатор близости масс. Ранее стоявший прибор был отдан капитану Кэлверу для установки на его «Аутсайдер». «Аутсайдер» же в настоящее время с заново оборудованной навигационной системой Мансхенна летел в неведомую глубину световых лет Вселенной.

— А я, — мрачно думал Гримс, — остаюсь здесь. Сколько лет прошло с тех пор, как я летал на старом «Искателе» на необитаемые тогда еще планеты Восточного Кольца и антимирь Западной Галактики? Мне гово-

рят, что я слишком ценен в административной работе, и не отпускают меня, а молодежь вроде Кэлвера или Листуэлла летает, пока я здесь просиживаю штаны...

— Командор Гримс!

Гримс вздрогнул, услышав высокий женский голос, ворвавшийся в его мысли. Это была его секретарша.

— Да, мисс Уиллоуби, что случилось?

— Вызов диспетчерской башни. Они только что дали разрешение на посадку «Звездному страннику».

— «Звездный странник»... Ах, да! Патрульная Служба...

— Межзвездная Федеративная Патрульная Служба, — поправила она.

Он непроизвольно улыбнулся, обнажив белые ровные зубы, и с его морщинистого лица исчезла жесткость.

— Ладно, лучше пойду вымою шею и надену чистый комбинезон.

— Но у вас всегда все чистое... Чистый комбинезон, — сказала девушка.

— Не обращайтесь внимания, просто так говорят, — сказал он и подумал, что ей не следовало бы понимать все так буквально.

— Приземление через пятнадцать минут, — продолжила она.

— Ох, уж эта Патрульная Служба, — сказал он. — Приземляются с той же скоростью, что и взлетают, а при торможении оставляют топлива в запасе на полторы секунды. Чего же беспокоиться, если за горячее платят налогоплательщики?

— Однако вы ведь сами служили в Патрульной Службе, не так ли?

— Очень-очень давно. Но я считаю себя жителем Конфедерации, хоть я и родился не здесь.

Он опять улыбнулся и добавил:

— В конце концов, твой дом там, где твое сердце, — и спросил сам себя: а где твое сердце?

«Звездный странник» опускался с обычным для патрульных кораблей грохотом. Ослепительно сверкающая звезда появилась на сером небе задолго до того, как гром двигателей сотряс стекла зданий и металлические высокие фермы.

Длинный язык раскаленных газов коснулся застывших луж и редких сугробов, мгновенно превратив их в густое облако пара, скрывшего корпус корабля. Ветер перенес водяную пыль и покрыл ею широкие окна кабинета

Гримса. К яркому блестящему конусу уже спешили похожие на жуков машины обслуживания.

— Хотелось бы, чтоб такое же внимание они оказывали своим собственным кораблям, — кисло подумал Гримс. И вздохнул, вспоминая время, когда он был в Патрульной Службе.

Он наблюдал сквозь рассеивающийся туман за движением вокруг «Звездного странника». Машины обслуживания отъезжали, и в сумраке ярко поблескивал красный огонек на гладком заостренном носу корабля.

— Он сейчас снова взлетит, — сказала мисс Уиллоуби.

— Да, вижу, — пробормотал Гримс и громко добавил:

— Должно быть, он прилетел по какому-то важному делу. Мне следовало бы подняться на борт. Как только он взлетит, передайте дежурному капитану порта, что мне хотелось бы видеть его. И как можно скорее.

Из-под «Странника» вырвалось голубое пламя, и через мгновение корабль стал уходить ввысь, как выстреленный из невидимой пушки.

Сквозь оглушительный грохот и рев Гримс услышал звуки селекторной связи, но не мог разобрать ни слова. Его секретарша пришла на помощь.

— К вам командир Веррил, сэр! — прокричала она.

«Я должен был вымыть шею, — подумал Гримс. — Но теперь уже поздно».

Глава II

«Однако, она не сильно изменилась», — подумал Гримс, когда она вошла в его кабинет. На ней была гражданская одежда — темно-синий плащ с высоким воротником, белый свитер, такой блестящий, что он, казалось, светился. Такая кофточка из альтаирского кристаллического шелка способна пробить брешь в бюджете.

— Патрульная Служба хорошо заботится о своих служащих, — сказал себе командор. Она была очень красива, и даже в старом холстяном мешке она бы выглядела не хуже, чем сейчас в своем шикарном одеянии. На ее светлых волосах, как бриллианты, поблескивали расставшие снежинки.

— Добро пожаловать на борт, командир, — сказал Гримс.

— Рада видеть вас, командор, — негромко ответила она.

Она позволила Гримсу помочь снять ей плащ и гра-

циозно села на предложенный стул, наблюдая, как командор бережно вешает ее одежду в шкаф.

— Кофе, командир Веррил? Или что-нибудь покрепче?

— Что-нибудь покрепче, — на ее полных губах заиграла улыбка. — Можно себе позволить, пока дело не касается здоровья.

— Это верно. Скотч из Новой Каледонии?

— Замечательно. Но какой же у вас здесь ужасный климат, командор!

— Уж какой есть. Достаточно?

— Можно еще немного. Мне нужно согреться.

«Ей это действительно необходимо, — думал Гримс, внимательно изучая ее лицо. — Вряд ли, однако, в этом виновата лишь наша непогода...»

— Ваше здоровье, — сказала она.

— Ваше здоровье, — ответил он. — Еще разок?

— Да, спасибо.

Возясь со стаканом и льдом, он спросил ее:

— Вы, должно быть, здесь по какому-то важному делу, командир. Курьерский корабль специально для вас...

— По очень важному, — ответила она, взглянув на мисс Уиллоуби, которая слишком уж деловито перебирала бумаги за своим столом.

— Гм... Н-да. Да, мисс Уиллоуби. Пожалуйста, отнесите начальнику склада ведомость «Фалькон».

— Но я занимаюсь ведомостью починки «Кестреля».

— Это более срочное дело, мисс Уиллоуби.

— Хорошо, сэр.

Девушка аккуратно сложила бумаги и медленно, с достоинством удалилась.

Соня Веррил хихикнула:

— И вы терпите таких людей у себя на службе, командор?

— С этим нельзя мириться на гражданской службе. Столкнувшись с этим впервые, я вспомнил сразу, что когда я был на Космическом Флоте, какой-нибудь незначительный подарок лейтенанту Мэйсон — она была секретаршей старого генерала Халла — тут же вызывал слухи, касающиеся повышений, переводов по службе и так далее.

— Сейчас многое изменилось.

— И в худшую сторону. Но вы можете теперь говорить свободно. Мой кабинет регулярно «стерилизуется».

— «Стерилизуется»?

— Да. Время от времени кто-нибудь из министерских шишек решает, что они недостаточно знают о наших делах. Тогда появляются люди — из вашего, кстати, ведомства — и устанавливают подслушивающие устройства.

— Не будем об этом, Джон.

— Хотите прикинуться невинной овечкой?

Она усмехнулась.

— Это часть моей работы. И, может, наиболее важная часть.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

— Работы нет, так как наш посол не договорился с вашим президентом о помощи. Я думаю, что это должно скоро произойти. У нас ведь дружеские отношения с тех пор, как ваша независимость была признана.

— Если дело касается кораблей, — сказал Гримс, — то по нынешним расценкам нам самим выгодно летать. Но у нас, естественно, найдется несколько лишних кораблей. Например, те, которые принадлежат Комиссии, вы уже можете считать своими собственными.

— У нас достаточно кораблей, — возразила она. — И у нас достаточно служащих. Но ведь нужно знать, как с этим обращаться. Данный сектор Космоса вы превратили в свой задний двор и повесили большую вывеску: «Не входить!» Но до нас все равно доходят разные слухи. Вспомните хотя бы случай, когда ваша «Ариэль» пролетела дюжину альтернативных временных направлений. А это дело с сырой краской несколько лет назад на планете Кинсолвинг, — а так как это было еще до вашей независимости, то помогать пришлось нам.

— А как же корабль с Аутсайдера...

— Нет, это другое дело. Его туда занесло случайно, или его туда поместили пришельцы из другой Галактики. Но, в любом случае, мы туда уже попали.

Она протянула свой стакан.

— Конечно, Соня, но...

— Не бойся, Джон. Ольга Поповски, Прекрасная Шпионка — это я.

Он налил ей еще виски.

— Спасибо. Сейчас, как я сказала, наше начальство интересуется разными странными вещами, которые, похоже, происходят в этой части Галактики. У нас было специальное заседание по этому поводу. Было решено, что есть только один офицер разведки, находящийся в

достаточно близких отношениях с Конфедерацией... Не нужно говорить, кто это. Так же было решено, что будет лучше, если мы попросим помощи у вашего Правительства. Разумеется, наша Служба оплатит все расходы. Честно говоря, когда мне предложили эту работу, я от нее отказалась. Я знаю Приграничные Планеты, но мои воспоминания, связанные с ними, не очень-то веселые, — она наклонилась вперед и положила руку на колено Гримсу, — но...

— Но — что, Соня?

— Но все эти дела с Приграничными Призраками, теории о чередующихся Вселенных меня не слишком интересуют... Вы кое-что обо мне знаете, Джон. Вы знаете, в моей жизни было лишь двое настоящих мужчин. Билл Маудсли, который обнаружил карантинную станцию на Аутсайдере, и который заплатил жизнью за свое открытие. И Дерек Кэлвер, который отдавал, увы, предпочтение Джейн. Черт возьми, Джон, я устала. Устала играть роль одинокого охотника — или жертвы, как хотите. Я хочу мужчину — настоящего. Я хочу семью. Служба отблагодарит меня изрядной суммой, когда я выйду в отставку, а в нашей Галактике можно найти небольшую — с одним кораблем — транспортную компанию, которая обеспечит приятное существование своим пилотам и хозяевам. Но это ужасно пошло. Я хочу отправиться в Альтернативную Вселенную, где можно найти Дерек.

— А если вы найдете сразу обоих? — спросил Гримс.

— Тогда сразу оба будут моими, — усмехнулась она. Затем снова стала серьезной и добавила: — Джон, это приключение способно значительно расширить границы человеческого сознания.

— И оно способно доставить вас в тихую гавань, куда вы так стремитесь, — он поднял свой стакан, — по этой причине, Соня, я сделаю все, что в моей власти, чтобы помочь вам.

Глава III

Когда Соня ушла, он стал рассеянно бродить по кабинету, занимаясь делами, которые быстрее и лучше сделала бы его секретарша. Однако, когда она вернулась со склада и попыталась взять у него из рук работу, он отпустил ее домой до конца дня. Убедившись, наконец, что ему ничего не удалось сделать стоящего, он запихнул бу-

маги в стол, налил себе кофе из автомата и раскурил потертую трубку.

Он сочувствовал Соне Веррил. О ее прошлом он знал больше, чем она сказала. Он жалел ее, но также и завидовал.

Она была полна надежд и стремилась к своей цели. Даже если ей на этот раз не повезет, это было не так страшно. У нее появится другая цель, затем еще, и еще одна... Как офицеру разведки Патрульной Службы, ей выпадали такие возможности попутешествовать, что позавидовал бы любой профессиональный пилот. Улыбнувшись при этой мысли, Гримс пробормотал: — Когда-нибудь придет ее принц...

Да, он завидовал ей. Даже связанная жесткими рамками своей службы, она обладала гораздо большей свободой передвижения, чем он. Он сильно подозревал, что она могла бы сама выделить ассигнования на этот проект.

— А я до конца жизни буду сидеть здесь, на краю света... Отставить, Гримс, — сказал он сам себе, — отставить командор запаса Космической Службы Гримс. Не стоит так себя жалеть. Ты уже забрался на вершину собственной жизни.

Тем не менее...

После первой чашки кофе он налил еще одну. «Я должен был сделать ей предложение во время ее пребывания на Лорне». А тогда он был рад, что не сделал этого. Она привыкла к роскоши, и ее наверняка отпугнула бы его неустроенность. Его дети выросли, у них свои семьи, и, будучи неисправимыми домоседами, они не захотели бы иметь ничего общего с профессиональной искательницей приключений.

Но...

«Но я тоже как бы приму участие в экспедиции, помогая Соне. Я сделаю для нее все, что смогу, а по возвращении получу из первых рук рассказ о том, что произошло. Она сказала, что ей нужен корабль — отлично, она получит «Искателя». Этому старичку уже давно пора размяться. Еще ей нужна команда. Я найду добровольцев еще до того, как экспедиция будет одобрена, без лишнего шума, чтобы не раздражать политиков. Добровольцы из числа здесь родившихся и выросших. Я знаю, почему. У местных жителей больше шансов обнаружить своих двойников в альтернативном мире, чем у таких, как я, кто занесен сюда ветром удачи. Подобрать команду офицеров не составит большого труда, слож-

нее с командиром корабля. Практически все наши капитаны служат в больших компаниях наземного базирования или в Патрульной Службе».

Он подошел к широкому окну. Уже наступила ночь. Небо прояснилось, работы были прекращены, и огни космодрома не мешали звездам сиять. Одна из них, наиболее яркая, резко выделялась на фоне далеких и тусклых туманностей. Это было солнце Фарауэя — соседней крупной планеты.

Гримс смотрел в черное пустое пространство, в которое провалился Кэлвер на своем «Аутсайdere», и, может быть, навсегда. Вскоре Соня Веррил должна была уйти туда же, в загадочные и фантастические бездны Времени и Космоса. Могла ли она это сделать?

Гримс вздрогнул. Он почувствовал себя старым и одиноким, хотя и не любил жалеть самого себя. Он вышел из офиса, спустился в гараж, вывел свой монокар и отправился домой.

Его дом представлял собой большую виллу на окраине Порт-Форлона. Она содержалась в образцовом порядке обслуживающим персоналом, однако ей не хватало индивидуальности и воображения, которые придаются любому дому женским присутствием. Командор запер машину и прошел из гаража прямо в дом, не задерживаясь, как он это делал обычно, в оранжерее, где у него были сотни экзотических растений из различных миров. Вместо этого он напрямик прошел в холл, налил себе виски из бара и сел перед терминалом телефона. Свободной рукой он набрал номер библиотеки.

Загорелся экран, и на нем появилось лицо девушки, которая, по мысли ее создателей, помимо функционального назначения должна быть еще и привлекательной. Подобное старомодное желание создать робота-гуманоида полностью похожим на живого человека всегда вызывало у Гримса улыбку.

Мелодичный голос спросил:

— Чем могу быть полезной, сэр?

— Мне нужны любые имеющиеся у вас сведения по Приграничным Призракам.

— Текстовая или звуковая информация?

— Зачитайте вслух, пожалуйста. («Даже эта неестественная блондинка с ее поддельным голосом все же лучше, чем вообще ни одной женщины во всем доме».)

— Подробное или сжатое изложение, сэр?

— Сжатое. Если будет необходимо, я попрошу у вас деталей.

— Хорошо, сэр. Феномен Приграничных Призраков обнаружен, как указывает само название, только возле Приграничных Планет. Видения возникают не только у отдельных людей и не могут относиться к субъективным по своей природе. В видениях прослеживаются определенные модели. Член группы людей может увидеть себя самого, и его же, иногда отличающимся в деталях, увидят его товарищи. Известны случаи, когда целые экипажи обнаруживали свои копии.

В течение долгого времени считалось, что эти явления — пророческие и предсказывают будущее. Однако с накоплением данных становится ясно, что относящихся к будущему явлений всего тридцать процентов от общего числа. Еще тридцать процентов показывают события в прошлом, двадцать процентов отображают события в момент наблюдения, а оставшиеся двадцать изображают ситуации, абсолютно невозможные в нашем обществе.

В 313 году нового летоисчисления доктор Фульшам выдвинул теорию Альтернативных (Чередующихся) Вселенных. Естественно, это была лишь попытка собрать в единое целое существовавшие в течение столетий идеи, касающиеся бесконечного ряда Чередующихся миров. Согласно доктору Фульшаму, на Земле и в других мирах, осваивавшихся многими поколениями, границы между соседними мирами..., — робот прервался.

— Прошу вас, продолжайте. Это ведь краткое изложение, и не стоит беспокоиться, когда встречаются узконаучные термины.

— Спасибо, сэр. Так вот, границы, выражаясь простым языком, настолько прочны, что прохождение через них совершенно невозможно. Однако на окраинах расширяющейся Галактики они становятся настолько тонкими, что иногда соседние миры напрямую соприкасаются. Например, в случае с капитаном Дерексом Кэлвером, когда он служил старшим офицером на грузовом корабле «Лорн Леди», имело место визуальное проникновение в соседний мир через отверстие в барьере. Когда корабль выполнял обычный рейс, внезапно было обнаружено летевшее борт о борт другое судно, в рубке которого Кэлвер увидел самого себя, но в форме капитана. Также на соседнем корабле были видны многие из тех, кто находился рядом с Кэлвером. Можно было разглядеть даже назва-

ние корабля — «Аутсайдер». Несколько месяцев спустя, получив значительное вознаграждение, Кэлвер и его товарищи купили подержанный корабль и основали небольшую транспортную компанию. Свой корабль они называли «Аутсайдер». Данный случай относится к «про-роческим» и может быть объяснен тем, что, по всей видимости, в параллельном мире движение времени незначительно смещено по отношению к существующему миру.

Капитан Ральф Листоуэлл на своем экспериментальном корабле «Ариэль» случайно проник в образовавшееся отверстие в соседнюю Вселенную. Пытаясь взять «световой барьер», Листоуэлл со своей командой, когда корабль двигался со скоростью ненамного меньше световой, выстрелили ракетой, чтобы опередить поток фотонов. Естественно, им это не удалось, но вся команда «Ариэль» превратилась в Призраков. До того, как им случайно удалось вырваться из Альтернативной Вселенной, они имели возможность наблюдать чрезвычайно странные вещи. В результате данного неразумного эксперимента был обнаружен метод изменения заряда атома на противоположный, что делает возможным связь между нашим миром и миром из антиматерии.

Без всякого сомнения, феномен Призраков заслуживает самого тщательного изучения, но со времени отделения Приграничных Планет от Федерации стало невозможно расширять контакты с Патрульной Службой и исследовательскими центрами, которые единственно способны провести развернутое исследование.

— У вас устаревшие сведения, — усмехнулся Гримс.

— Прошу прощения, сэр?

— У вас устаревшие сведения, но пусть это вас не волнует. Это наша ошибка. Это мы, бедные забывчивые люди, не пополнили ваш банк данных.

— Позвольте узнать, сэр, где вы нашли новые данные?

— Взгляните вокруг. Когда-нибудь, надеюсь, что скоро, я смогу передать вам последние результаты исследований.

«Если только Соня вернется и расскажет», — подумал он, и хорошее настроение улетучилось.

Глава IV

Прошла неделя, полная хлопот. Приземлился «Мамонт», бывший «Бета близнецов», и еще раз подтвердил свою репутацию самого неблагополучного корабля При-

граничного Флота. На пути от Мелиссы до Лорна испортился весь груз сырой рыбы. Главный инженер Реакторного отсека был избит во время пьяной ссоры с казначеем. Второй, третий и четвертый помощники в присутствии Суперинтенданта устроили скандал, отказываясь взлететь даже на сантиметр от поверхности планеты под командованием капитана и первого помощника «Мамонта».

— Скорее, — заявили они, — мы пойдем перекапывать грязь на очистных сооружениях, чем поднимемся на борт.

Однако Гримс все равно нашел время для того, чтобы заняться отбором кандидатов. Для этого он попросил секретаршу составить анкету, в которой отвечающие указывали бы на все случаи встречи с Призраками. Ему казалось, что Соне Веррил как раз нужны люди, привыкшие к подобным явлениям. Затем, неохотно придя к выводу, что наиболее подходящим для данной экспедиции будет все-таки сверхсветовой корабль, он принялся за изучение расписания их движения, пытаясь найти судно, которое с наименьшими затруднениями можно было бы вывести из недавно развернувшейся торговли с антимирами.

Мисс Уиллоуби пришлось раздать анкеты экипажу «Мамонта», единственного прилетевшего в порт корабля. Все офицеры корабля были уже давно занесены Гримсом в черный список, и он собирался раскидать команду по наименее ответственным маршрутам. Однако он с интересом изучил возвращенные анкеты. То, что он в них обнаружил, его не слишком удивило. Капитан и старший офицер, оба попавшие в Конфедерацию с корабля межпланетной транспортной комиссии, ровным счетом ничего не могли сказать. Листок капитана Дженкинса пересекла размашистая надпись «Суеверный вздор!». Но второй, третий и четвертый помощники, а также офицер станции пси-связи были жителями Приграничных Планет уже в третьем поколении, и каждый из них неоднократно становился свидетелем загадочного явления.

Похоже, что проблема с исполнительными офицерами была разрешена. Все три офицера давно ждали повышения, а отрицательный отзыв об их поведении и исполнительности со стороны капитана Дженкинса мог отодвинуть их в самый низ списка. В крайнем случае, можно было их этим припугнуть. Нужны добровольцы для исследования Приграничных Призраков? Ну что ж, пойдешь ты, ты и ты!

Но было еще одно препятствие. Ни одному из них

еще не приходилось летать на сверхсветовых кораблях. Через какое время Соне потребуется корабль? Будет ли время, чтоб хотя бы вкратце обучить их управлению? Конечно, в его флоте нашлись бы квалифицированные люди, но все они были слишком заняты и нельзя было отрывать их от прямых обязанностей.

Он как раз обдумывал сложившуюся ситуацию, когда объявилась командир Веррил. Она вошла к нему в кабинет и протянула длинный конверт.

— Пришел приказ, командор.

Гримс взял конверт и стал его внимательно изучать. На нем был проставлен герб Конфедерации.

— Ну, откроете вы его наконец?

— Что за спешка? — проворчал он, однако вскрыл конверт ножом для бумаг, вырезанным из кости морского единорога с планеты Меллизан, и вытащил содержимое. Развернув бумагу, он пробежал глазами нагромождение официальных фраз, пытаясь вникнуть в суть.

В результате беседы между Президентом Конфедерации Приграничных Планет и послом Межзвездной Федерации было условлено, что Конфедерация окажет Патрульной Службе Федерации всю возможную поддержку. Командор Гримс уполномочен напрямую вести переговоры с командиром Веррил, касающиеся подбора необходимого судна для полета и набора экипажа.

Гримс читал, но внезапно его брови поползли вверх от удивления.

Командору Гримсу позволялось покинуть свой пост на неопределенное время и надлежало передать как можно скорее все дела капитану Фарли. Командор Гримс назначался капитаном нанятого Патрульной Службой корабля и должен был защищать интересы Конфедерации во время экспедиции...

Гримс хмыкнул и взглянул исподлобья на Соню:

— Это ваших рук дело, не так ли?

— Отчасти моих. Основная причина заключается в том, что ваше Правительство не хочет передавать один из своих драгоценнейших кораблей в руки иностранцу.

— Но почему именно я?

Соня усмехнулась.

— Видите ли, я сказала, что если капитаном корабля должен быть представитель Конфедерации, то я тоже имею право следить за исполнением договора. Мы пришли к выводу, что есть только один надежный и внушающий доверие кандидат...

Она казалась несколько растерянной.

— Джон, разве вы не рады?

— Это мягко сказано, — выразительно ответил он и, увидев ее выражение, улыбнулся, — честно говоря, Соня, еще прежде, чем вы прилетели, я сказал себе, что мне чертовски надоело заниматься бюрократией за этим столом. Ваша безумная затея на меня подействует лучше любого отпуса.

— Она не безумная, — возразила Соня.

— Нет? Охота за межзвездными призраками не безумная?

— Джон, вы ведь знаете не хуже меня, что Призраки — это объективный феномен. Он относится к паранормальным физическим явлениям так же, как существует паранормальная психология. Уже давным давно пора заняться исследованиями, а если вы или ваши люди слишком заняты, то найдется кто-нибудь другой, чтобы сделать это.

Гримс засмеялся.

— Ну ладно, ладно. Я сам никогда не видел Призрачных Призраков, но будто и пошутить нельзя. Пока не вернулась мисс Уиллоуби и не стала раскладывать мои бумаги в удобном капитану Фарли порядке — а она должна скоро вернуться, — мы можем обсудить детали. Я думаю, нам потребуется сверхсветовой корабль. В скором времени прибудет «Катти Сарк», это как раз то, что нам нужно.

— Нет. Мне не нужен сверхсветовой корабль.

— Но мне казалось, что именно он подойдет для нашего... исследования.

— Я знаю о безумном путешествии капитана Листуэлла, и что произошло с ним и его командой. Но есть одно препятствие. Когда «Ариэль» пересек границу и перешел в параллельное временное измерение, весь экипаж в определенном смысле переменял свою личность. Я же хочу остаться самой собой в другом измерении.

— Так какой же вам нужен корабль?

Она взглянула в окно.

— Я надеялась, что «Искатель» будет свободен.

— Но ведь он действительно свободен.

— И потом, он ведь лучше оборудован, чем ваши торговые корабли. Индикатор близости масс, например...

— Да.

— Система связи Карлотти и оборудование прокладки курса?

— Да.

— А можно ли установить достаточно большое хранилище стали из анти-материи?

Гримс улыбнулся.

— Я вижу, ваша разведывательная служба не так уж информирована, как это обычно кажется. «Искатель» не обладает таким устройством, поскольку не предназначен для путешествий вдали от населенных территорий. Но на орбите имеется сфера из данного материала, и «Искатель» может по пути захватить ее. Вы, конечно, знаете, как эта штука устроена: антиматерия в оболочке из нейтронов, затем стальной корпус с встроенными мощными постоянными магнитами, чтобы не позволить антиматерии соприкоснуться с обычной. Достаточно бомбардировки нейтрино — и готово, антигравитация заработала. На самом деле, переоборудование «Искателя» затеяно потому, что корабль могли использовать для исследования проблем, проявляющихся при установке антигравитационной системы на корабль с обычным межзвездным двигателем.

— Хорошо. Пусть ваши механики займутся установкой сферы, а наши внесут некоторые изменения в систему Карлотти. Скоро с Эльсиноры должно прилететь несколько человек. Кстати, как дела с экипажем?

— Все в порядке. Но что вы имеете в виду под изменениями? Мне это нужно знать, так как после полета необходимо будет привести все в прежний порядок.

— Не беспокойтесь насчет этого. Мы даже можем установить новое оборудование.

Она замолчала и задумчиво посмотрела на автомат для кофе.

Гримс тут же наполнил две чашки.

— Что ж, Джон, я думаю, вам не терпится узнать, что же случится с вашим обожаемым «Искателем», не говоря уже обо мне, вас и тех типах, которые полетят вместе с нами. Честно говоря, мне тоже не терпится. Я могу вести корабль достаточно хорошо, чтобы оправдать звание исполнительного пилота, но не более того.

В любом случае можно ожидать каких-либо ошибок и неожиданностей. Но как только все необходимые доработки будут сделаны, мы направимся туда, где Призраки встречались чаще всего. Было бы лучше, если бы экипаж уже встречался с данными явлениями.

— С таким расчетом я их и подобрал, — вставил Гримс.

— Отлично. Мы спокойно будем облетать сектор за сектором, но держась наготове. Как только появится видение — включаем нашу систему.

— Вы хотите открыть по ним огонь?

— Нет, конечно. Но кое-какие действия мы должны предпринять, пусть даже не совсем корректные. Вахтенный офицер включит систему, превращающую корабль в мощнейший электромагнит, и одновременно заработает аварийная сигнализация. Автоматически излучатель Карлотти направит электромагнитное поле таким образом, чтобы вовлечь в него корабль-Призрак. Специалисты сказали мне, что при этом может возникнуть временный мост через пропасть, разделяющую соседние миры.

— Я понял. Так как «Искатель» будет как бы огромным магнитом, то чужой корабль по мосту перескочит в нашу Вселенную.

— Нет, — сказала она нетерпеливо. — Вы забыли про антигравитацию и антимагию? Наш корабль будет огромным магнитом, но не будет обладать хоть сколько-нибудь значительной массой. Поэтому именно он устремится через эту брешь или отверстие — называйте как хотите.

— А каким образом мы вернемся обратно? — спросил Гримс.

— Честно говоря, даже мне самой это не очень ясно, — призналась она.

Командор засмеялся.

— Придется набрать людей, ни к чему здесь не связанных.

И грустно добавил:

— Таких, как я.

— И как я, Джон, — ответила она.

Глава V

Капитан Фарли был явно недоволен, когда его вызвали из отпуска, однако смягчился, когда Гримс заверил его, что он будет с лихвой вознагражден. Проведя с капитаном ровно столько времени, сколько нужно, чтобы его не сочли невежливым, Гримс оставил его разбираться в расписаниях прилетов и отлетов с помощью мисс Уиллоуби и полностью погрузился в организацию экспедиции. Его раздражало, что так много времени уходит впустую на бюрократическую волокиту. Необходимо было офор-

мить договор найма судна, а кроме того, сломить сопротивление инспекторов компании Ллойда. Они не соглашались выпускать корабль, на котором одновременно были установлены навигационная система Мансхенна и система антигравитации, не говоря уже о внесенных изменениях в приборы Карлотти, о которых даже не заявлялось.

В конце концов Соня Веррил оказала давление через Патрульную Службу, и джентльмену из Ллойда пришлось, ворча, удалиться.

С набором команды также были проблемы. Второй, третий и четвертый помощники с «Мамонта» с готовностью согласились принять участие в качестве первого, второго и третьего помощника. Офицер пси-радиосвязи был счастлив отправиться вместе с ними. Начальник снабжения и главный инженер подобрали людей из своих ведомств. А институт Космических Инженеров заартачился, запросив за своих людей надбавки за риск в размере 150 процентов от предусмотренного договором вознаграждения. Гримс уже почти было согласился на их условия — ведь, в конце концов, это были деньги налогоплательщиков Федерации — но потом отказался. Он изящно обошел препятствие, убедив министра космических сообщений и министра ракетных кораблей рассматривать «Искатель» как вспомогательный военный корабль и что, следовательно, все офицеры, находящиеся в запасе, должны быть вызваны специальным приказом. Институту также пришлось, ворча, удалиться.

По правде говоря, Гримс даже был доволен, что его вынудили пойти на этот шаг. Если бы «Искатель» рассматривался лишь как торговое судно, его собственный статус в соответствии с законом не поднимался бы выше командира корабля. Теперь же он был командором на действительной службе и выделялся этим среди всех прочих командиров кораблей, хоть и носил такую же, как и у них, кокарду на фуражке. Естественно, поэтому он чувствовал себя счастливым.

Наконец, после многочисленных томительных задержек, «Искатель» был перебазирован на взлетную площадку космического порта Лорна. Уставший и раздраженный Гримс отдал наконец приказ взлетать старшему лейтенанту военно-космического Флота Суинтону, бывшему второму помощнику на «Мамонте». Суинтон — белокурый, хрупкий, в своей новенькой форме более похожий на шкельника, чем пилота, прекрасно справлялся с

управлением. Старый «Искатель» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее рассекал слои атмосферы и наконец вышел на орбиту.

Траектория сближения была рассчитана достаточно точно — «если бы она была рассчитана еще точнее, мы бы протаранили нашу антигравитационную сферу и познали бы печальную участь Призраков», — прокомментировал Гримс. Сближение со стальной сверкающей сферой не потребовало больших усилий. На борту находилась целая группа специалистов для осмотра и закрепления сферы. Наблюдать за их работой в открытом космосе было настоящим удовольствием. Сначала сфера была закреплена в специально предназначенном для нее месте, затем настала очередь физиков. Достав свои приборы, они поместили стальной шар из антиматерии в поток нейтрино. В то же время два транспортных орбитальных корабля закачивали тонны воды в специальные резервуары на «Искателе». Это, разъяснил Гримс своим офицерам, нужно, чтобы масса корабля не стала отрицательной и он не сорвался с орбиты раньше, чем будут закончены все работы.

Наконец все было готово. Корабль был полностью укомплектован, а весь обслуживающий персонал переместился на орбитальную станцию. Гримс занял место старшего пилота. Через иллюминаторы был виден край Лорна, как всегда покрытого грязно-серыми облаками. Глядя туда, Гримс сказал сам себе, что не расстроится, если не увидит его вновь. Впереди, немного справа, желтоватым светом поблескивала Мелисса. Короткие пальцы командора легко пробежали по клавиатуре приборной панели. Из-за перегородок донесся глухой звук раскручивающихся гироскопов, и корабль стал разворачиваться вокруг вертикальной оси. Теперь впереди сияло солнце Лорна.

— Лейтенант Суинтон, включите сирену, — сказал Гримс.

Раздался резкий сигнал — бесконечная серия буквы «Р» кодом Морзе — что означало «Приготовиться к пуску ракетных двигателей». Через минуту сирена неожиданно оборвалась.

Театральным жестом Гримс нажал на пусковую кнопку, и тут же невидимая, но сильная рука ускорения вжала всех пассажиров корабля глубоко в мягкие кресла. Гримс наблюдал за секундной стрелкой на часах, расположенных прямо перед ним на приборной доске. Через

определенное время, с огромным усилием подняв руку, он снова нажал на кнопку. В ту же секунду прозвучал приказ Суинтона:

— Пуск системы Мансхенна.

Звук реактивных установок оборвался, а корабль наполнился пронзительным воем раскручивающихся компрессионных гироскопов. Справа в иллюминаторе огромное туманное колесо Галактики стало на глазах искривляться. Многочисленные яркие звезды слились в разноцветные полосы. Прямо впереди солнце Мелиссы крутилось наподобие спирали.

Гримс чувствовал гордость за себя и за своих товарищей. Экспедиция начиналась успешно. Он взглянул на Соню, желая узнать, о чем она думает. Соня, улыбнувшись, спросила его:

— Все в порядке, сэр? Не отметить ли нам успешное начало? — И добавила: — В конце концов, за все платят налогоплательщики Федерации.

Гримс с удовольствием согласился и отдал соответствующие распоряжения. Все, за исключением вахтенных офицеров, собрались в кают-компании. Кэрен Шмидт, ответственная за снабжение, раздавала шарообразные сосуды с напитками. Когда все были обслужены, Гримс обвел глазами собравшихся. Он хотел сказать тост, но ему не доставало необходимой для этого краткой выразительности речи, а слова, что приходили на ум, были тяжеловесными и банальными. Наконец он откашлялся и хриплым голосом произнес:

— Итак, ээ... дамы и господа, наша экспедиция благополучно началась. Может, кто-нибудь хочет высказаться по этому поводу...

Тут же молодой Суинтон выпрямился в своем кресле, — так как в невесомости, естественно, нельзя пить стоя, — поднял свой шарообразный бокал и торжественно произнес:

— За открытие сезона безумной охоты на Призраков!

Все засмеялись, лишь Соня, как заметил Гримс, не поддавалась общей веселости. Еще во время подготовки экспедиции он постоянно убеждался, что это не было для нее простой игрой. Этот полет в неведомое, и, может быть, непознаваемое являлся результатом многомесячных усилий с ее стороны. Тем не менее, он присоединился к тосту и добавил:

— За удачную охоту!

Он отхлебнул немного из своего бокала и взглянул на остальных. Ему пришло в голову, что для подобного мероприятия, как их полет, было бы трудно найти более подходящих участников. Каждый из них, служа на Приграничном Флоте, приобрел свою репутацию — может быть, не слишком блестящую, но и не слишком плохую. В общем-то, они всегда относились к службе с точки зрения извлечения максимальной прибыли с минимальными затратами. Теперь же, поскольку все оплачивала Федерация, затраты были не особенно важны, и можно было не бояться утомительных расспросов по поводу чрезмерного расхода топлива.

Что касалось персонала Патрульной Службы, который занимался обслуживанием устройства Карлотти, то здесь Гримс во всем полагался на Соню. Это были ее подчиненные, и он надеялся, что она будет держать их в руках.

Гримс предложил наполнить бокалы еще по разу и, отстегнув ремень, осторожно встал на ноги, удерживаясь магнитными ботинками по полу.

— Прошу собраться всех командиров подразделений в моей каюте через пятнадцать минут, — сказал он.

В шахте он, не пользуясь винтовой лестницей, быстро перебрался на другой этаж по центральному металлическому стержню. Его дрожание подсказало ему, что за ним кто-то следует. Опустив голову, он не очень удивился, увидев Соню.

В кабинете Гримса она села напротив за его столом.

— В конце концов это не смешно, Джон. Это ведь не шутка, то, что мы делаем.

— Охота на Призраков, вы хотите сказать? Мне это показалось остроумным. Да, я знаю, что вы преследуете свои личные цели, но ведь мы, и я тоже, готовы ради этого жертвовать жизнью. Я думаю, ваши люди здесь находятся по долгу службы.

— Нет. Они тоже добровольцы.

— Ну так не стоит принимать все слишком близко к сердцу. Все мы будем стараться в меру своих способностей. Однако думаю, никто, за исключением меня, не знает о ваших личных мотивах.

Она грустно улыбнулась.

— Вы правы, конечно, Джон, но ведь...

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Гримс.

Стали входить все офицеры корабля — Суинтон, за

ним плотный рыжеволосый старший инженер навигационной системы Мансхенна Кэлхаун, худой, с лысиной инженер реактивных установок Мак-Генри. За ними следовали неуклюжий, с сонным выражением лица Мэйхью, офицер станции пси-радиосвязи, толстяк финансист Петерсхэм, и невысокая светловолосая Кэрен Шмидт. Последними вошли низенький и живой корабельный врач Тодхантер и Ренфрю, лейтенант Патрульной Службы, ответственный за систему Карлотти.

— Можете курить, — сказал Гримс, когда все расселись и привычными движениями застегнули ремни на своих креслах. Набив и раскурив свою трубку, он продолжил:

— Каждому, я надеюсь, ясно, что у нас не торговый рейс. Чем-то, мне кажется, мы сейчас напоминаем знаменитых пиратов, что существовали в старые добрые времена. Наподобие Черного Барта или Скурджа мы бороздим космическое пространство в ожидании жирной добычи. Черному Барту, однако, не приходилось охотиться за призраками...

— Я думаю, пришлось бы, сэр, — вставил Суинтон, — если бы у призраков были деньги.

— Деньги можно найти всюду, даже у призрака, — добавил Мак-Генри, — стоит лишь хорошенько поискать.

Это уж было слишком. Соня не выдержала и ледяным голосом сказала:

— К вашему сведению, джентльмены, денежный вопрос нами здесь не рассматривается. Данная экспедиция преследует чисто научные цели.

— Неужели, командир Веррил? — сардонически спросил Гримс. — Уверен, мы не получили бы поддержки вашего и нашего правительств, если бы политики не видели возможность в дальнейшем извлекать прибыль из наших открытий. Представьте себе только — развернутая торговля между Альтернативными Вселенными!

— Если мы найдем Альтернативную Вселенную, — сказал Кэлхаун.

— Что вы хотите этим сказать? Я полагал, что многие из присутствующих здесь действительно наблюдали Приграничных Призраков.

— Безусловно, сэр. Но мы не должны упускать из виду возможность, что наши Призраки являются просто Приведениями, причем в самом старомодном смысле слова.

— Мы будем иметь это в виду, — резко сказал Гримс. — Но даже если это так, мы постараемся расши-

рить границы человеческих знаний. — Он сильно затаился и выпустил большое облако голубого дыма.

— Нам же, джентльмены, надлежит действовать подобно пиратам. Каждый из вас должен держать своих подчиненных в постоянной готовности к тревоге. Всевозможные игры вроде трехмерных крестиков-ноликов отныне запрещены. Командир Суинтон, это и к вам относится.

Суинтон покраснел. Это было его любимое занятие, вызывавшее постоянный гнев капитана и старшего офицера на «Мамонте».

— А вы, командир Кэлхаун, постарайтесь не заваливать пульт управления системы Мансхенна всевозможными дешевыми романами и журналами с красивыми девочками на обложках.

Настала очередь покраснеть Кэлхауна.

— Да, командир Мак-Генри, при взлете реактивная установка была в абсолютном порядке. Даю вам несколько часов, чтобы привести ее в прежний вид. Заглянув к вам в комнату, я не хочу обнаружить там склад запчастей, который вы превращаете в действующий двигатель за пять секунд до падения на какую-нибудь планету.

Врач, казначей и начальник снабжения с опаской переглядывались. Но следующим капитан взялся за офицера пси-связи.

— Мистер Мэйхью, насколько я знаю, вы не брезгуете тем, чтобы поболтать со своим коллегой где-нибудь на другом конце Галактики. В этом полете вам придется выходить на связь только в соответствии с расписанием и моими распоряжениями.

— Как скажете, босс, — сонно ответил Мэйхью, но, осознав, что он произнес, встрепенулся:

— Да, сэр. Конечно, сэр. Можете рассчитывать на меня, сэр.

Мельком взглянув на Тодхантера, Петерсхэма и Шмидт, Гримс сказал:

— Я думаю, на этом можно закончить. Командир Веррил, вы желаете что-нибудь добавить?

— Похоже, вы все достаточно ясно растолковали своим офицерам. Я уверена, что мистер Ренфрю так же отнесет и на свой счет все это.

— Хорошо, кажется, мы все разъяснили.

— Я думаю, сэр, — сказал вдруг Кэлхаун, — нам бы

следовало взять с собой священника — в случае чего он смог бы заняться вызыванием духов.

— Вызывать Приграничных Призраков, — ответила Соня, — этим мы займемся в последнюю очередь.

Глава VII

Их полет продолжался довольно долгое время.

Главный корабельный хронометр отсчитывал секунды, минуты, часы, дни — но ни одного призрака не было замечено. Экипаж занимался обычной рутинной космического полета. Вначале обязанности выполнялись по четкому расписанию, затем, чтобы сломать однообразие, время вахты выбиралось наугад.

В один из таких дней Гримс обсуждал ситуацию с Соней Веррил.

— Я просмотрел все записи, но не смог найти какого-либо указания, — говорил он.

— Но мы уже нашли его. По крайней мере, все члены экипажа, которые когда-нибудь видели Призрак, об этом говорят.

— Да, да, я знаю. Но какие в точности физические условия должны быть установлены для наиболее благоприятной встречи? Какая, например, начальная скорость? А временное сжатие? Насколько я знаю, такие вещи никогда не регистрировались, хотя их сочетание может быть очень специфическим.

— Да, но, возможно, здесь дело не в корабле, а в особенностях района космоса, где он находится.

— И что же это за особенности?

— Это как раз то, что мы и должны обнаружить.

Помолчав, Гримс сказал:

— Знаете, Соня, все-таки мы, мне кажется, на ложном пути. Мы пытаемся работать при помощи техников и аппаратуры...

— И что же?

— А стоило бы... наверное, стоило бы использовать лучший из всех существующих аппаратов — человеческий разум.

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, что этот Кэлхаун не так уж был неправ. Вас, естественно, не удивит, если я скажу, что у меня собрано подробнейшее досье на каждого из моих офицеров в моем компьютере. Так вот, я только что закончил их просматривать, надеясь установить какие-либо закономерности.

сти. Как вы знаете, каждый из наших офицеров в прошлом хотя бы раз наблюдал Призраков. Вспомните теперь замечание мистера Кэлхауна на нашем первом собрании.

— Да, он сказал, что Призраки — это, может быть, настоящие Привидения.

— Как бы то ни было, но Кэлхаун родился в Конфедерации на Ультимо. Но его родители — иммигранты. Они пришли с Дунгласа. Вы знаете, что такое Дунглас?

— Я была там однажды. Это странный мир. У власти там... теократия, если будет правильно их так назвать. А называется это «Объединенная Реформатская Спиритуалистическая Церковь».

— Она правит там, как любое другое правительство в любой другой стране. Разумеется, церковь преследует своих еретиков, — таких, как родители Кэлхауна. По видимому, их дом часто посещали духи, и они вызвали подпольного экзорциста. Это было запрещено, и на них начались гонения, так что им пришлось эмигрировать. Оказывается, можно быть еретиком, не будучи атеистом или агностиком. Кэлхауны всего лишь хотели верить — но верить по-своему. И они воспитали единственного сына в семейных традициях.

— Ну и что же?

— А вы никогда не задумывались, в какой мере физические феномены — за исключением, конечно, телепатии, телекинеза, телепортации — в какой мере они принадлежат нашему миру? Может быть, они проникли к нам из Альтернативной Вселенной?

— Н-да. Должна сознаться, подобное никогда мне не приходило в голову. Никогда не была большим специалистом в подобных областях. Но если мы решим устроить сеанс, где мы возьмем медиума?

— У нас есть мистер Мэйхью.

— Да, но, как вы знаете, профессора из Центра Космических Исследований утверждают, что нет ничего сверхъестественного в талантах их воспитанников. К тому же можно быть телепатом, но не ясновидящим.

— Можно ли, Соня? Я не уверен. Я припоминаю всего несколько случаев ясновидения, и многим из них можно дать объяснение телепатией. Случаи предсказания будущего можно объяснить телепатической связью с другой Вселенной, где временная шкала немного сдвинута. Призраки — это сверхъестественный феномен. И если мы признаем, пусть даже на словах, существование сверхъестественной религии, это лишь поможет нам в нашей работе.

— Вы старше меня по званию, Джон, и вы командир корабля. Но мне не нравится эта затея.

— Вы думаете, что не стоит иметь дело со сверхъестественным?

— Честно говоря, да.

— Я так не думаю. Что считать естественным, а что сверхъестественным? Вы можете провести черту? Я — не могу.

— Ну хорошо.

Она отстегнула ремни и выскользнула из кресла, повиснув над полом. Затем слабое притяжение магнитных подошв опустило ее вниз.

— Ну хорошо, Джон. Делайте, что сможете, но только делайте что-нибудь. Вы знаете, сколько я потратила времени и сил, чтобы убедить наших политиков вложить время и деньги в то, что ваш Суинтон назвал открытием сезона безумной охоты. У нас не будет другой возможности добиться результатов. А мне нужны результаты, и вы знаете, какие именно. Только не стоит призывать помощь со стороны.

— Мы и не будем делать этого. Всем займются наши люди на корабле. Мы попытаемся создать наиболее благоприятные условия для проникновения из одной Вселенной в другую.

— Как скажете. — Она коротко засмеялась. — Ведь люди с зари человечества продавали свои души дьяволу.

Гримс раздраженно сказал:

— Но мы не собираемся продавать души дьяволу. Что, в конце концов, плохого в том, что Кэлхаун будет считать, что обратил в веру своих отцов несколько чело-
век?

Он поднял трубку телефона и набрал номер.

— Мистер Мэйхью? Командор Гримс. Не могли бы вы уделить мне пару минут?

Затем он набрал другой номер.

— Командир Кэлхаун? Командор Гримс. Не будете ли вы любезны зайти ко мне?

Соня Веррил снова села в кресло и застегнула ремень. Через несколько минут в дверь постучали.

Первым появился Мэйхью. Как всегда, он выглядел неряшливо — в незастегнутой рубашке, с взъерошенными волосами и неясным взглядом. Подавив зевоту, он спросил:

— Да, сэр?

— Присаживайтесь, прошу вас.

В дверь опять постучали.

— Войдите!

Появился Кэлхаун, тщательно вытирая руки платком. Ему тоже предложили сесть.

— Командир Кэлхаун, — сказал Гримс, — вы были воспитаны в вере Единой Реформатской Спиритуалистической Церкви, не так ли?

— Нет, сэр. — Его ответ прозвучал подчеркнуто отрицательно.

— Я воспитывался в вере Единой Ортодоксальной Спиритуалистической Церкви.

Он заметил, что его ответ слегка смутил Гримса, и добавил:

— Следует сказать, сэр, что есть люди, и мои родители среди них, которые выступают за возврат к старым верованиям, к единственно верной религии. Они выступают за право изгонять духов, например...

— Да, командир, я понял. Но вы лично верите в существование Приграничных Призраков?

— Разумеется, сэр, — хотя еще не ясно, являются ли они проявлениями добра или зла. Если это проявления зла, то тогда их можно вызывать при помощи экзорциста.

— Да, конечно. Конечно, не все на этом корабле придерживаются вашей точки зрения на этот феномен. Но, согласитесь, необходимо войти в контакт хотя бы с одним видением — ведь это, в конце концов, цель экспедиции. А если этот контакт будет установлен... — Гримс сделал паузу, — если такой контакт будет установлен, это могло бы принести пользу вашей Церкви.

— Именно так, сэр.

— Может, вы могли бы помочь установить нам контакт.

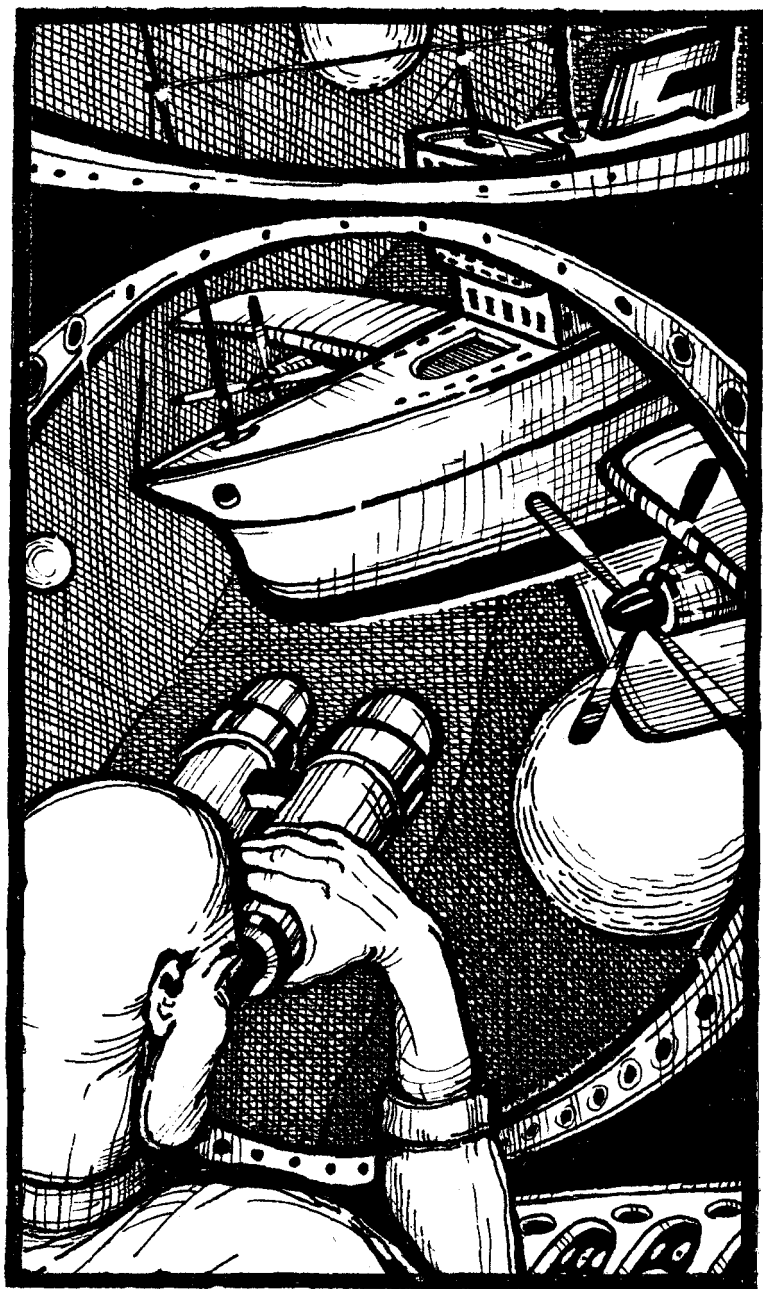
— Как, сэр? Я не думаю, что вмешательство моей установки могло бы принести какие-либо результаты.

— Я не это имел в виду. Но в вашей Церкви есть некоторые обряды...

— Вы хотите сказать, спиритический сеанс? Но я не обладаю способностями медиума, иначе я бы сделал карьеру священника и не находился бы здесь.

— Но вы ведь знаете сам обряд?

— Да, сэр. Я знаком с обрядами и церемониями. Но это все бесполезно без медиума.

— У нас есть медиум, — сказал Гримс, кивнув на почти уснувшего Мэйхью.

Офицер пси-радиосвязи вздрогнул и выпалил:

— Ничего подобного! Я инженер, а не гадалка! Прошу прощения, сэр. Я хотел сказать, что наш Центр всегда был против подобных суеверий.

— Религия — это не суеверие, заспанный болван!

— Джентльмены, джентльмены, — успокоил их Гримс, напоминая вам, что вы должны соблюдать дисциплину и что я мог бы приказать вам, командир Кэлхаун, и вам, мистер Мэйхью, организовать спиритический сеанс...

— Сэр, даже на корабле есть вещи, которые вы не можете приказать, — резко ответил Кэлхаун с внезапно побелевшим лицом.

— Любая команда капитана корабля во время полета является правомочной, — холодно сказал Гримс. — Но я не забываю правило, пришедшее к нам из глубины веков, когда люди на деревянных судах пересекали моря и океаны, и которое гласит: один доброволец стоит десяти подчиненных приказом. Уверен, что вы не будете долго раздумывать, чтобы принять участие в эксперименте, который обратит в вашу веру множество людей.

— Конечно, сэр, с этой точки зрения, но...

— А вы, мистер Мэйхью, конечно, сделаете все от вас зависящее? Это ведь скажется на репутации вашего Центра.

— Сэр, эти суеверия...

— Мэйхью, если вы еще раз скажете это слово... — угрожающе сказал Кэлхаун.

— Командир! Не забывайте, где вы находитесь. Мистер Мэйхью, прошу вас с уважением относиться к чужим верованиям. Если моей просьбы для вас недостаточно, я прикажу вам, с соответствующими последствиями в случае невыполнения.

Оба обиженно замолчали.

Гримс продолжил:

— Кэлхаун, я уполномочиваю вас заняться необходимыми приготовлениями. А вы, мистер Мэйхью, будете в этом содействовать командиру Кэлхауну. А теперь давайте-ка отметим начало вашей столь необычной деятельности...

Когда оба подчиненных, изрядно разогретые напитками и уже почти друзья, удалились, Соня сказала:

— Кнутом и пряником вы действуете умело. Надеюсь, что это принесет результаты...

— Надеюсь, что это принесет нужные результаты, — ответил Гримс. — Нам ведь не нужны какие попало Призраки...

— Нет, — вздохнула Соня, и ее лицо исказилось и побледнело. — Нет...

Глава VIII

Подготовка к сеансу заняла больше времени, чем того ожидал Гримс. Было очевидно, что Кэлхаун, в равной степени религиозный и знающий, будет соблюдать все мельчайшие детали обряда. Больше всего времени заняло создание фисгармонии, на что пришлось пожертвовать часть клавиатуры стоявшего в кают-компании синтезатора, сократив ее с семи с половиной октав до пяти. В мастерской нашлись необходимые мехи и латунные трубки. Слоновая кость от лишних клавиш пошла на изготовление различных рычажков. Гримс с интересом наблюдал за созданием архаичного инструмента и выслушивал первые, похожие на кошачий визг, звуки.

— Мы должны добиться хрипящего звучания, — настаивал Кэлхаун.

Когда инструмент стал приобретать оформившиеся черты, Гримс наконец смирился с жертвой синтезатора, который оживлял многие вечера далеких путешествий на «Искателе», в которых он ранее принимал участие. Ведь идея спиритического сеанса принадлежала ему, и он не чувствовал себя вправе возражать.

Затем настала очередь переоборудовать кают-компанию. Уютные мягкие кресла были заменены на жесткие металлические скамейки. Стены были задрапированы простынями, окрашенными в темно-серый цвет специальным составом из запасников доктора Тодхантера и Кэрен Шмидт. Выключатели заменили на регуляторы яркости и поставили несколько ламп, дающих тусклый красный свет. Также изготовили трубу с высоким голосом и тамбурин и раскрасили их узором из светящейся краски.

Наконец все было готово.

Гримс вызвал к себе старшего лейтенанта.

— Командир Суинтон, сеанс назначен на сегодня, в 21 час по корабельному времени. Проследите, чтобы все были поставлены в известность.

— Есть, сэр.

— И прекратите глупо ухмыляться!

— Прошу прощения, сэр. Согласитесь, что это действительно становится похоже на безумную охоту на призраков!

— С точки зрения командира Кэлхауна это вовсе не безумное мероприятие. Он считает, что мы оставили в покое всю эту научную белиберду и вернулись к испытанным и верным старым средствам его религии. В какой-то мере средство уже подействовало. Оно создало необходимую атмосферу. И, может, мы достигнем чего-то большего?

— Это будет интересный эксперимент.

— Да, и я рад, что мистер Мэйхью согласился принять в нем участие.

— У него действительно есть талант медиума, сэр?

— Должен быть. Что такое медиум, если не телепат?

— Может быть, сэр... может быть.

— Командир Кэлхаун не пытался вас обратить в свою веру?

— О, он хорошо постарался. Я охотно верю, что его Церковь, Ортодоксальная или Реформатская, добилась интересных феноменов, но я вовсе не убежден, что они более сверхъестественны, чем Призраки. Я не могу понять, почему Центр Исследований еще не включил спиритуализм в свои научные разработки.

— Потому что им этого не позволяют. Они ведь занимаются наукой. А вы знаете, что говорит церковь по этому поводу: некоторых вещей мы не должны знать. Вера важнее всего, а знания — от дьявола. Ну и так далее. Поэтому всякий раз, когда исследователь пытается проникнуть в церковную среду, он тут же получает отпор.

— В таком случае я не понимаю, как Кэлхаун мог добровольно принять участие в экспедиции.

— Ничего удивительного. У него свои цели. Он надеется обнаружить что-либо, полезное его Церкви. Телеуправляемый экзорцизм, например...

— Но ведь в этом будет присутствовать наука?

— Да, но как служанка, а не соперница.

— Похоже, я понял... — молодой человек продолжал сомневаться. — Разрешите идти, сэр?

— Да, спасибо, Суинтон... Постойте, еще пару слов. Как только этот... эксперимент завершится, верните кают-компанию ее первоначальный вид.

— С огромным удовольствием, сэр.

В этот вечер Гримс ужинал вместе с Соней у себя в кабинете — кают-компания явно не могла похвастаться удобствами. Вместе они наслаждались простыми, но хорошо приготовленными блюдами и винами из личного запаса командора. За ужином они болтали под аккомпанемент ненавязчивой музыки.

Затем, когда Гримс принес два бокала десертного вина и ящик отличных сигар из Коррибеи, разговор перешел на серьезные темы.

— Честно говоря, Джон, я боюсь, — сказала Соня.

— Почему же, Соня?

— Пока все шло по научному пути, все было прекрасно, так как соответствовало тому, к чему я стремилась. Действительно, это было похоже на игру в пиратов. Направляешь прожектор Карлотти, как настоящее ружье и — ба-бах! ты убит! А теперь... Я вам говорила, что я была на Дунгласе. Это тоскливый мир. Города представляют из себя разбросанные в беспорядке крохотные дома и сараи, в которых происходят службы. Постоянное ощущение, что за тобой следят неодобрительно миллионы духов.

Я ходила на одну или две службы. Частично из любопытства, частично потому, что я все-таки офицер разведки. Неестественно холодное помещение, в котором похожие друг на друга люди поют тоскливые гимны. Тусклый свет и голос, шедший из ниоткуда и говоривший о самых тривиальных вещах...

Я хорошо помню, что было дальше. Голос был грубый, мужской, хотя медиум — маленькая заботливая женщина. Сидевший рядом со мной шепнул мне, что это Красный Орел, главный дух. Он сказал еще, что этот Красный Орел был при жизни американским индейцем. Я удивилась, что он залетел так далеко от дома, но потом сообразила, что время и расстояния для призраков не существуют и несколько световых лет для них ничто. Голос сказал:

— Сегодня с нами чужестранец — женщина, прилетевшая с неба.

Ну ладно, многие из присутствующих могли знать, кто я такая. Голос продолжил:

— У меня для нее есть послание. Я вижу корабль, он падает в пустоту, все дальше и дальше... Он падает туда, где тусклые редкие звезды. Я вижу название корабля, написанное золотыми буквами на борту. Я могу прочесть его — Аутсайдер.

Тогда мне это еще ничего не говорило.

— Я вижу отважного капитана, в черной с золотом форме. Вы знаете его...

И он описал внешность капитана, и я узнала в нем Дерек Кэлвера. Вы ведь знаете, что я сначала встретила Дерек, когда он был вторым помощником на «Лорн Леди».

— Там есть другой мужчина. Он тоже был некогда капитаном. Он испуган и опозорен, он заперт у себя в каюте.

И снова последовало описание, подробнейшее, вплоть до лазерного ожога на левой ягодице и родинки под пупком. Это был Маудсли, Билл Маудсли.

— Он болен, испуган, и он знает, что оставил вас наедине. Перед ним бутылка, он пьет из нее, и пролитая жидкость плавает вокруг него мелкими каплями. Он смотрит на пустую бутылку и изрыгает проклятия, затем швыряет ее об стену. Острый осколок у него в руке, и он проводит им по горлу...

Я хотела расспросить его в наступившей тишине, но не смогла перед всеми этими людьми. Больше не было ничего. Красный Орел сказал мне все, что меня касалось, и перешел к обыденным посланиям другим членам общества. Бабушка Билла Брауна беспокоилась за него, что он не надел теплое пальто, а тетя Джимми Смита сообщила, что торговля в следующем году расширится, и все тому подобное.

А после этого собрания, или службы, у меня была беседа с министром. Он был очень приветлив и устроил мне частное свидание с медиумом. Но это было уже не то. Похоже, Красный Орел был раздражен, что его вызвали, поскольку он уже сказал все, что хотел. Он добавил лишь, что я должна буду искать, долго и вдалеке, но что я не найду то, что искала.

Следует ли начинать поиски с того, чтобы самой стать призраком раньше времени? Надеюсь, что нет. Для этого я слишком люблю жизнь и ее удовольствия... Я люблю вкусную пищу, вино, табак, книги, музыку, хорошую одежду и... и все прочее, что существует в жизни... Слишком уж неясно, что происходит потом. О, я слышу целый хор возражений: там хорошо, красиво и все счастливо... Но... у меня всегда было впечатление, что в той, другой жизни, будет нехватать своеобразия, яркости, ну, и, конечно, всех наших плотских удовольствий...

Я была неприятно потрясена после сеанса.

— Но, может, это можно объяснить телепатией?

— Нет, Джон, нельзя. В то время я не думала о Билле Маудсли — до того момента, когда пришло о нем известие во время сеанса, но даже после этого я продолжала думать о Дэреке Кэлвере. Я ведь не знала, что Билл летел вместе с ним помощником. И даже... даже о том, как он умер, я не знала. Я не знала об этом официально несколько месяцев, пока не пришло подтверждение. Но я решила проверить. Я раскопала все данные о полете в одном из компьютеров на космодроме, и я нашла специалиста, который проверил все еще раз по своим каналам. Ответ был однозначный. Билл распрощался с жизнью в тот самый момент, когда я сидела в этом зале Собраний на Дунгласе...

— Может, вам не стоит принимать участие в сеансе, Соня? — сказал ей Гримс.

— И оставить его на откуп вашим паршивым сектантам? — вспыхнула она. — Нет, сэр, спасибо!

Глава IX

Подойдя к кают-компании, Гримс и Соня нашли там все в абсолютной готовности. Все расселись на расставленные в несколько рядов скамьи, перед которыми на свободном месте стояли стол, три стула и фисгармония. Хорошо еще, подумал Гримс, что корабль в невесомости и не придется мучаться, сидя на этих скамьях, достаточно лишь пристегнуться, чтобы не улететь. Кэлхаун, который, несмотря на униформу, был похож на непримиримого оппозиционера, занял одно из мест за столом. Мэйхью, который на этот раз выглядел скорее чрезвычайно смущенным, чем заспанным, сел на второй стул. Кэрен Шмидт устроилась возле музыкального инструмента.

Как только Гримс и Соня заняли свои места в первом ряду, Кэлхаун отстегнул ремень, осторожно встал на ноги и заговорил голосом, более похожим на рев рассерженного осла, чем на скромное блеяние проповедника:

— О братья! Мы, жалкие искатели истины, собрались здесь, чтобы униженно просить наших близких в миру ином пролить немного света в наш затемненный разум. Мы просим Их о помощи — но мы также готовы помочь Им. Мы отбросим свои сомнения и проникнемся бесхитростной верой ребенка. Мы Должны Верить, — продолжал он более человеческим голосом, — уверяю вас, это самое главное. Мы должны открыть сердца и души благодатной власти Иного мира. Настройтесь на восп-

приятие этих неведомых нам сил! Мы должны создать необходимые условия, даже если это нам и не сразу удастся.

Тем временем один из помощников раздавал присутствующим распечатанные листки. Гримс взглянул на них. Это были тексты гимнов.

— О братья! — крикнул Кэлхаун. — Споем же первый гимн.

Кэрен Шмидт слегка замешкалась с фисгармонией — жать на педали, к которым были приспособлены воздушные мехи, в условиях невесомости было не слишком удобно. Наконец, ей это удалось, и раздался резкий и громкий вступительный аккорд.

Все запели разом под хриплый аккомпанемент инструмента:

— Веди, священный свет, веди меня вперед, средь мрака пустоты, туда, где счастье ждет...

Когда гимн закончился, Кэлхаун стал молиться. Гримс, несмотря на свое неверие, был под сильным впечатлением от искренности молитвы. Он даже решил, что ему тоже неплохо было бы во что-нибудь верить.

Прозвучал второй гимн, и огни стали медленно гаснуть, пока не остались гореть одни только красные лампы. На столе жутковато проблескивали светящейся краской говорящая труба и тамбурин. Внезапно в кают-компании наступило странное спокойствие; далекий отзвук работающих приборов лишь усиливал впечатление от возникшей тишины. Было очень спокойно — и очень холодно.

— Холод физический или психологический? — спросил себя Гримс и не смог ответить.

Его глаза привыкли к сумраку. Он разглядел Кэлхауна и Мэйхью, неподвижно сидевших за столом, и Кэрен Шмидт, склонившуюся над фисгармонией. Он посмотрел на Соню. Она была такой бледной, что почти светилась в темноте. Он нащупал ее руку и пожал ее. Соня с благодарностью ответила на пожатие.

Мэйхью кашлянул и произнес:

— Похоже, что-то приходит ко мне...

— Да? — прошептал Кэлхаун. — Ну же?

Мэйхью хихикнул.

— Обычное послание, похоже. «Флора Макдональд»...

— Вы слышите ее? Она жила на земле в восемнадцатом веке, это якобинская героиня... — настаивал Кэлхаун.

Мэйхью снова хихикнул:

— Не та, другая Флора Макдональд. Это грузовой корабль, летящий из Новой Каледонии. Вот опять то же самое. Прекрасно слышу сигнал. Похоже, все здесь собравшиеся помогают мне принять его.

— Мистер Мэйхью, вы разрушаете необходимую атмосферу!

— Командир Кэлхаун, я согласился принять участие в этом эксперименте, зная, что это будет всего лишь эксперимент!

Что-то тихонько звякнуло.

Оба, забыв о споре, уставились на лежавший на столе тамбурин. Тот, отмагнитившись от стальной поверхности стола, медленно поднялся вверх и, легонько покачиваясь, поплыл в сторону втягивающего вентиляционного отверстия.

Оно находилось у пола, на другой стороне кают-компании, и тамбурин медленно плыл к нему, уносимый потоком воздуха.

Гримс был разочарован. Это было не лучшее время для подобных опытов. Телекинез был не слишком широко распространен среди космонавтов, но все же встречался. Он знал, что на корабле лишь один человек обладает таким даром, и Гримс не будет долго откладывать после сеанса, чтобы вызвать его к себе на ковер.

Но ведь... ведь это же третий помощник, который сейчас на вахте, к тому же проведенные опыты доказывали, что он не такой уж мастер в этом деле. Значит, полет тамбурина лишь следствие циркуляции воздуха в салоне.

Фисгармония нестройно захрипела.

Кэлхаун в бешенстве вскочил:

— Нельзя ли быть посерьезнее в таком деле? Ведь это же религиозная служба! Мисс Шмидт, немедленно прекратите эти звуки! Сейчас же! Свет! Включите свет!

Ярко вспыхнули лампы. Тамбурин неподвижно висел в воздухе, как обычный предмет в состоянии невесомости.

Поток воздуха медленно, почти незаметно продвигал его в сторону вентиляционных труб. Но Кэрен Шмидт за фисгармонией судорожно подергивалась, ее ноги сильно надавливали на мехи, а пальцы беспорядочно били по клавиатуре. На лице ее застыло отсутствующее выражение, а из открытого рта с каждым резким выдохом вылетали мелкие капельки слюны.

Гримс привстал на своем месте:

— Доктор Тодхантер! Взгляните, что это с мисс Шмидт?

Внезапно Кэлхаун успокоился.

— Нет! — яростно зашептал он. — Нет! Сейчас же все сели на места!

— Она прямо как та женщина, — тихо сказала Соня.

— Разрешите пройти, — Тодхантер попытался пробраться к мисс Шмидт.

Вдруг Кэрен Шмидт заговорила. Но это был грубый мужской голос. Сначала казалось, что голос говорит на неизвестном, но ужасно знакомом языке. Потом удалось различить некоторые слова.

— Падаете... вы падаете. В ночи и пустоте вы ищите и падаете... Я смотрю на вас, и мне все равно, будете вы искать и найдете, будете искать и потеряете... Я — наблюдатель...

В разговор вступил Кэлхаун.

— Кто ты?

— Я — наблюдатель.

— У тебя есть послание?

— У меня нет послания, — раздался смех, который, казалось, звучит со всех сторон. — Почему у меня должно быть послание?

— Скажи же нам, достигнем ли мы успеха?

— Почему я должен говорить вам? Почему вы должны достигнуть успеха? Что такое успех, и что такое неуспех?

— Но должно же быть послание! — первоначальная почтительность в голосе Кэлхауна сменилась на раздражение. Гримсу пришли на ум древние племена, которые опрокидывали и били своих деревянных идолов в случае какой-либо неудачи.

Снова громовой смех.

— Бедный маленький человек, что ты хочешь знать? День и час своей смерти, чтобы провести остаток жизни в страхе, пытаясь избежать неизбежного? — руки медиума заиграли на инструменте, но это раздалось не дикие хрипящие аккорды, а звуки великолепного органа. Это был «Марш Смерти».

— Ты это послание хотел получить?

Соня Веррил, выпрямившись, крикнула:

— И это все, что ты можешь сказать? Это граница твоих знаний — сказать нам то, что мы и так знаем — что мы все однажды умрем?

Смех раздался в последний раз, и голос спокойно произнес:

— Вот ваше послание.

Раздался сигнал общей тревоги — точка-тире, точка-тире — буква А кодом Морзе. Это был сигнал, что сработала система обнаружения Приграничных Призраков.

Глава X

Он был виден из бокового иллюминатора. Это был самый обычный корабль, сохранявший ту же скорость и временное сжатие, что и «Искатель», и во всем этом не было ничего необычного, если не считать, что экраны радара и индикатора близости масс были абсолютно чисты. Антенна системы Карлотти, как огромное фантастическое ружье, уже была нацелена на соседний корабль, а сквозь звон сигнализации уже прорывался рев генераторов, превращавших «Искатель» в огромный соленоид.

— На экране ничего, сэр, — сказал третий помощник. — Приемник тоже молчит.

Суинтон разглядывал корабль в огромный бинокль на подставке.

— Похоже, я могу разобрать название... «Рэйнджер»...

— Интересно, — сказал Гримс. — Это тот корабль, который я собирался присоединить к нашему Флоту.

— Вызвать их световой сигнализацией, сэр?

— Нет. Если все будет хорошо, мы скоро поговорим с ними обычным путем. Готово, мистер Рэнфрю?

— Готово, сэр, — ответил лейтенант Патрульной Службы.

— Хорошо, — Гримс не мог найти подходящего слова, чтобы отдать команду. Он хотел сказать «Огонь!», но это был не тот случай.

— Контакт! — подсказала Соня.

Рэнфрю, сидя за экраном, следил, чтобы цель не ушла из перекрестия прицела. Один из его подчиненных считывал показания прибора:

— Двадцать пять... пятьдесят, семьдесят пять, восемьдесят пять... девяносто, девяносто пять... шесть... семь... восемь... девять...

Наступила длинная пауза. Люди за прибором Карлотти тихо переговаривались. Суинтон, следивший за другим кораблем, объявил:

— Он подает световые сигналы. Похоже, Морзе...

— Готово! — закричал Рэнфрю. — Давайте!

Прибор Карлотти взвыл и затрещал, и человек, стоявший возле него, чихнул от ударившей в нос струи озона. Царило невыносимое напряжение, и Гримс вдруг заметил, что все вокруг него двоится. Каждый человек, каждая вещь двоилась в его глазах. Но было в этом раздвоении что-то отпугивающее. Гримс вздрогнул, увидев, что один из двух Суинтонов остался наблюдать в бинокль, в то время как другой повернулся к Рэнфрю и его команде. Один из двух Рэнфрю обеими руками оперся на приборную доску, а другой, чихнув, вытирал нос платком. Нарастала звуковая сумятица — прямо как в старинном ирландском парламенте, когда все говорят и никто не слушает, почему-то подумалось Гримсу. Он стал ощущать невыносимую боль, как будто его мозг растягивали на дыбе, растягивали — пока вдруг что-то не лопнуло.

Другой корабль, «Рэйнджер», уже был ясно виден в иллюминаторы. Он был близко, слишком близко, и продолжал угрожающе расти на глазах. Из динамика радиопередающего устройства послышался голос, до странно-сти похожий на Суинтона:

— Идиоты! Что вы там вытворяете?

Гримс вдруг понял, что он сидит в капитанском кресле, хотя не мог вспомнить, как он тут оказался. Был лишь один способ избежать столкновения — включить реактивную тягу. Долю секунды он колебался, прежде чем нажать на кнопку — выброс массы в момент действия навигационной системы Мансхенна мог иметь непредсказуемые последствия. Но выбора не было. Даже при отключенном соленоиде остаточный магнетизм был слишком велик, чтобы как-то пытаться избежать столкновения.

Со стороны кормы раздалось короткое жужжание. Корабль слегка качнуло, но этого было достаточно, чтобы все, кто был не закреплен, потеряли равновесие и стукнулись о перегородки.

... За иллюминаторами не было ничего — ни странно-го корабля, ни вытянутой в форме большой линзы Галактики, ни звезд, ни туманностей...

Это была Последняя Ночь.

Глава XI

Несколько часов спустя все пришли к нерадостному выводу, что они находятся в Абсолютной Пустоте. Их сигнальные приборы — физические или парапсихологи-

ческие — были абсолютно бесполезны, так же, как и навигационные. Вокруг них не существовало ничего — о чем можно было бы поговорить, или за что зацепиться.

Похоже, они падали — но сквозь что? куда? — со скоростью, превышающей скорость света. Но там, где они находились, не было света. Не было ни точки отправления, ни пункта прибытия.

Посоветовавшись со старшими офицерами, Гримс приказал отключить навигационную систему Мансхенна. Им некуда было лететь, и не имело смысла расточать энергию и попусту раскручивать гироскопы. Затем он созвал общее собрание в кают-компании.

Там, естественно, еще царила сумрачная обстановка, оставшаяся после медиумического сеанса. Труба так и осталась лежать на столе, а тамбурин прилип к вентиляционному отверстию. На этот раз за стол сели Гримс и Соня. Бледная и растерянная после сеанса, в котором она поневоле оказалась главным действующим лицом, Кэрен Шмидт снова села возле фисгармонии. Гримс с удивлением взглянул на нее и пожал плечами — ей было вовсе не обязательно садиться сюда.

Когда все собрались, Гримс попросил тишины.

— Господа, вы можете курить, но хочу вам напомнить, что может пройти достаточно много времени, прежде чем мы пополним наши запасы.

Он усмехнулся, увидев, как Тодхантер, который достал уже было сигарету из своего платинового портсигара, поспешно спрятал ее обратно. Гримс продолжил:

— Господа, ответственность за случившееся полностью лежит на мне. Я понимал, что уменьшение массы корабля при включенной навигационной системе Мансхенна может повлечь непредсказуемые последствия, что, по всей видимости, и произошло. Но я был вынужден включить двигатели — и вот теперь мы не знаем, где находимся.

Соня прервала его:

— Не будьте глупы, Джон. Если бы вы не включили двигатели, то нетрудно себе представить, что бы нас — и команду другого корабля — ожидало. Это было бы столкновение, и не из слабых.

— Она права, — негромко сказал кто-то, а еще кто-то предложил проголосовать за вотум доверия капитану.

Гримс не имел ничего против демократии, но сейчас явно было не время решать вопросы демократическим путем. В космическом полете, да и вообще на корабле должна царить диктатура, и уж тем более в подобной ситуации.

К тому же ему не понравилось, что Соня назвала его по имени перед всем экипажем. Поэтому он холодно ответил:

— Я ценю вашу веру в меня, но не считаю, что мы добьемся результатов путем голосования. Как командующий кораблем, я единственный отвечаю за эту экспедицию.

Он позволил себе слегка улыбнуться.

— Но я не всезнающий. И я с удовольствием выслушаю все ваши мысли по поводу сложившейся ситуации и любые предложения, касающиеся того, как нам выбраться из этой... переделки.

Суинтон, сидевший в переднем ряду вместе с другими офицерами, принялся вдруг смеяться. Но это был не истерический смех. Гримс взглянул на него из-под своих густых бровей и холодно спросил:

— В чем дело, Суинтон?

— Прошу прощения, сэр, но это очень забавно. Мисс Шмидт во время сеанса играла на своем допотопном инструменте по черным и белым клавишам, а вы, за вашим пультом, решили сыграть по щелям между клавишами.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мы как раз находимся в такой щели. Мы перескакивали из одной Вселенной в другую, но не смогли сделать этого. Мы попали в щель между двумя Вселенными.

— Очень остроумное сравнение, Суинтон. Очень остроумное. Мы действительно упали в пропасть между соседними Вселенными. Весь вопрос теперь в том, как нам отсюда выбраться.

— Может, командир Кэлхаун может как-нибудь помочь? — сказал Рэнфрю. — Во время сеанса мы ведь вошли в контакт с... с чем-то.

Кэрен запротестовала:

— Нет! Нет! Вы не испытывали этого, когда что-то чужое сидит в вашем теле и мозге. А я испытала, и больше не хочу!

К общему удивлению Кэлхаун не выразил большого энтузиазма при этих словах. Он осторожно произнес:

— Тот... э-э... с кем мы разговаривали, оказал нам медвежью услугу. Если бы нам удалось установить контакт с одним из Главных Духов, все было бы иначе. Но мы не смогли. А если мы еще раз вступим с ним в контакт, то лишь выставим себя на посмеяние.

Наступило тягостное молчание.

— Кто еще хочет высказаться? — нарушил его Гримс.

Опять встал лейтенант Патрульной Службы.

— Позвольте мне, сэр. Я считаю, что если система Мансхенна закинула нас сюда, то она же нас и вытащит. Тут имеет значение и тот факт, что моя система тоже была включена в тот момент. Таким образом, можно предположить, что к печальным для нас последствиям привел выброс массы именно в момент работы двух аппаратов. Как вы знаете, проводились эксперименты с обеими системами в момент их перемещения во времени.

Вы, без сомнения, слышали о Фергюсе и о его безумном изобретении, которое он испытывал на Венцеслаусе, луне Каринфии. Так вот, мне кажется, я знаю, что нам надо делать. Но прежде нужно теоретически проработать мою идею, а для этого мне необходима помощь инженеров системы Мансхенна и вообще тех, кто когда-либо занимался математическими выкладками.

— Что же именно из себя представляет ваша идея?

— Лишь следующее, сэр. Повторить полностью те условия, в которых мы были, когда, по выражению командира Суинтона, провалились в расщелину, но с одной разницей.

— Какой же?

— Система Мансхенна должна быть запущена в обратном направлении.

— Это невозможно, — равнодушно сказал Кэлхаун.

— Это возможно, командир, но с учетом значительных изменений, которые нужно будет сделать.

— Мы можем попробовать, — сказал Суинтон.

— Да, — согласился Гримс, — можем. Здесь самое главное — не совершать каких-либо действий, не изучив подробнейшим образом теорию. Не нужно говорить, что обратная процессия времени может состарить нас на несколько лет за пару секунд. Другая перспектива не из приятных — нас может закинуть в отдаленное будущее, которое может оказаться чрезвычайно негостеприимным. Будущее, в котором погаснет последнее из наших солнц, а все живое умрет. Или будущее, в котором наш мир будет покорен одной из нечеловеческих цивилизаций — Схаара, например, или Даршаны. Конечно, мы с ними поддерживаем дипломатические отношения, но они нас недолюбливают точно так же, как и мы их.

— Мистер Рэнфрю в свое время получил ученую степень Магистра Многомерной Физики, — сказала Соня.

— А я, командир Веррил, в свое время получил диплом Магистра Астронавтики. И я не раз наблюдал, что

происходит, когда система Мансхенна выходит из-под контроля. Я сам попадал в подобные аварии и проникся уважением к этой штуке.

— Но нам нельзя терять времени, — сказал Рэнфрю.

— Почему вы так думаете, лейтенант? Что такое время в этой преисподней? Да, есть, конечно, биологическое время, но что касается воды, воздуха, пищи — наш корабль находится на полном самообеспечении. Жаль, конечно, что наши биотехнологи не посадили «сигаретное дерево» в нашем «саду», но во всем остальном мы не будем испытывать недостатка и мы можем попробовать заняться — ну, скажем, пивоварением.

— Значит, я могу начать теоретические расчеты?

— Конечно.

Рэнфрю стал рассуждать сам с собой:

— Начнем с того, что все три исполнительных офицера — квалифицированные навигаторы. Почему бы в то время, как двое находятся на вахте, третьему не заняться расчетами...

— Есть всякая причина, почему он этого не будет делать, — заметил Суинтон.

— В самом деле? Ах да, я же забыл, что вы, хоть и являетесь офицером запаса, на самом деле гражданский человек. Так почему же нет? Может, вы боитесь, что ваше вознаграждение будет недостаточным за такую работу, или еще что-нибудь в этом роде?

Суинтон вспыхнул, но спокойно ответил:

— Пока мы служим на корабле Военного Флота, мы не можем являться гражданскими людьми. И я считаю, что офицер должен быть бдительным и всегда готовым к тревоге, а не погружаться в бездонные расчеты на бортовом компьютере.

— Но ведь мы в абсолютной пустоте, — прорычал Рэнфрю.

— Да, но...

— Но мы упали в расщелину, — подвел итог Гримс. — А это, как известно, случается лишь с ненужными вещами.

Глава XII

«Искатель», крохотная скорлупка жизни и света, завис в абсолютном Ничто. Электронный радиоприемник был совершенно бесполезен. Мэйхью, офицер пси-радиосвязи, проводил в своей кабине долгие часы в ожидании

хоть какого-либо сигнала. Он даже прибежал к помощи наркотиков, чтобы хоть как-то увеличить чувствительность своего мозга, но ни разу не прозвучал в нем ни один, даже самый слабый сигнал.

Тем временем работа понемногу продвигалась. Компьютеры работали день и ночь, сутками выполняя по специальным программам необходимые вычисления, которых требовалось огромное количество. Офицеры уже не удивлялись, когда, проработав с десятков часов, компьютер высвечивал на экране надпись «Требуется дополнительные данные», и все приходилось начинать сначала.

Гримс, хоть и против воли, старался держаться в стороне от работ. Но он знал, что может вмешаться в любой момент, если в этом будет необходимость. Соня тоже не вмешивалась в расчеты, и он был ей благодарен, что она частенько составляла ему компанию.

Гримсу приходилось больше заниматься административной работой. В экипаже начинались трения характеров. Стала проявляться скрытая враждебность между членами различных подразделений и служб. Гримс хорошо понимал, что даже если и не произойдет ничего на этой почве, то останутся другие заботы.

Их можно было сравнить с пассажирами, потерпевшими кораблекрушение на далекой неизведанной планете. Их было тридцать: восемь офицеров Патрульной Службы и двадцать два офицера Приграничного Военно-Космического Флота. Из тридцати было восемь женщин. В то время, как они летели, продвигались вперед и были заняты своими делами, проблема взаимоотношений полов не возникала. До тех пор, пока руки и головы будут заняты математическими расчетами и переделкой системы Мансхенна, эта проблема перед ними не будет стоять. Но если им не удастся попытка выбраться отсюда и корабль будет обречен на вечное пребывание в Абсолютной Пустоте, тогда следует быть готовым к любым неприятностям. В конце концов это же не летающий монастырь!

— Мы должны будем столкнуться с этой проблемой, — обеспокоенно говорил Гримс, когда они с Соней вдвоем осторожно пробовали экспериментальную партию изготовленного Тодхантером пива.

Она ответила:

— Я всегда была готова к этому, Джон. Подобная диспропорция мужчин и женщин никогда не доводила до добра. Конечно, можно быть уверенными в одной или

двух девушках — как лейтенант Пэтси Кент из моей службы. Но даже если она не доведет дела до многомужества, нельзя гарантировать, что ее ухажеры не передерутся.

— Мы можем предпринять какие-нибудь шаги, чтобы не доводить дело до ссор. Это ведь одна из обязанностей командира. Похоже, нам придется придумать действующую систему полиандрии, чтобы это всех устраивало.

— Но не включая в эту систему меня, — резко сказала она. — Многие считают, что я далеко отошла от норм морали, но у меня своя собственная мораль, которая меня устраивает. Если на этом корабле цивилизации суждено опуститься до уровня первобытного существа, то я буду принадлежать лишь одному мужчине — вождю племени или старейшине.

Гримс с уважением взглянул на нее. Она сидела свободно и изящно в глубоком кресле, форменные шорты обнажали ее длинные стройные ноги, а под тщательно застегнутой облегающей рубашкой угадывалась красивая грудь.

«Старейшине племени, — подумал он, — вовсе не обязательно быть таким старым. В конце концов, я ведь тоже не слишком стар».

А вслух Гримс сказал:

— Жена старейшины — это, конечно, почетная роль, но если я буду вождем своего племени, то вождем вашего будете, без сомнения, вы.

— Вы мне льстите, Джон.

— В любом случае, это лишь одни разговоры. Может, мои ребята сумеют договориться обо всем с вашим мистером Рэнфрю.

— Вряд ли — из-за девушек.

Он пробормотал, обращаясь скорее к самому себе:

— Надеюсь, что это не единственная причина ваших слов... насчет вождя племени...

Она засмеялась и осторожно спросила:

— А вы действительно думаете, что единственная?

— Но я ведь знаю, что было причиной вашего участия в экспедиции. В вашей жизни существовали только два человека, и вы потеряли обоих. Но вы надеялись снова обрести то, что потеряли.

— И может, уже обрела. Мы уже достаточно долго находимся вместе внутри этой летающей консервной банки. Я наблюдала за вами, Джон, и я знаю, как к вам

относятся подчиненные. Я видела, как вы реагируете на неожиданность или опасность. Все уважают вас, включая моих собственных людей. И включая меня.

— Одного уважения недостаточно, — с грустью ответил он.

— Но это поможет нам, особенно, если кроме уважения испытываешь к человеку и другие чувства. И еще, если вы взглянете на меня как на женщину, а не как на офицера Патрульной Службы Федерации.

— Все это довольно неожиданно, — сказал он, улыбувшись.

— Неужели? Ну хорошо. Я не думаю, что мы слишком осложним себе жизнь. Мы ведь можем никогда не вернуться — ни в нашу Вселенную, ни в какую-нибудь другую. Мы все можем умереть, если один из наших ребят выкинет какой-нибудь забавный номер. Ладно, не будем о грустном. Представьте себе лишь, что мы вечно будем висеть в пустоте на полном самообеспечении внутри нашего корабля. Вы ведь знаете о случаях, когда находились старые ракетные корабли с потомками тех, которые считались погибшими еще несколько столетий назад.

Кто знает, какая нас ждет судьба? Вы — вождь вашего племени, а я — моего. Будем считать, что у нас заключен политический союз.

— Как это романтично, — сказал он.

— Мы слишком стары для подобной романтики, Джон.

— Ничего подобного!

Он потянулся к ней, а она не сделала попытки уклониться.

Он потянулся к ней, поцеловал ее и удивился сам этому давно забытому ощущению. Целовать женские губы, ощущать их теплоту и ответное стремление — как давно это было с ним в последний раз! Слишком давно, подумал он. Как давно в последний раз он чувствовал прилив страсти под громкий стук двух сердец! И как давно прикасался к женской гладкой коже, ощущая руками ее тепло! Слишком давно...

— Слишком давно, — тихо сказала она, и они снова слились в долгом поцелуе.

А за каютой был корабль, а за кораблем... не было Ничего.

В каюте было тепло и ярко, настолько ярко, что свет казался нестерпимым. И он стал медленно-медленно гаснуть, до приятного полумрака. В каюте было тепло и

уютно, и ими овладело чувство спокойствия и безопасности, какой бы ни была она в их положении.

Гримс вспомнил слова медиума, не дававшие ему покоя:

— В ночи и пустоте вы ищите и падаете...

И он, и Соня — они искали и нашли.

Они искали и нашли — но было ли это то, что они искали? Она искала любовника, а он? Приключений? Знаний?

Все самые драгоценные знания были сейчас в его руках. Он знал, что это чувство исчезнет — но исчезнет для того, чтобы появиться снова.

Соня что-то тихо проговорила.

— Что, дорогая?

Она повторила:

— Джон, теперь ты, как честный человек...

— Конечно, — ответил он. — Теперь налогоплательщики Федерации, наверное, разорятся на свадебных подарках.

Она ущипнула его за ухо, и между ними началась борьба, которая могла закончиться только одним.

Они уже довольно далеко продвинулись в этом занятии, когда вдруг резко прозвучала сирена. Гримс вскочил и, на ходу застегивая брюки, бросился к контрольной рубке.

«Что за чертовщина?» — думал он на бегу.

Сирена продолжала вызванивать букву «А» — как и в тот момент, когда был замечен корабль в Альтернативной Вселенной.

Глава XIII

Гримс, чья каюта была недалеко от контрольной рубки, оказался там через несколько секунд. Там уже были третий помощник Ларсен и младший лейтенант Патрульной Службы Пэтси Кент. Ларсен покраснел и торопливо сказал:

— Мисс Кент был необходим компьютер, сэр, для расчетов...

— Меня это не интересуют. Почему тревога?

Ларсен повернулся к абсолютно черному экрану индикатора близости масс.

— Я... я не знаю, сэр, но там что-то есть. Что-то прямо по курсу...

Гримс уставился в экран, и действительно обнаружил

тускло светящуюся точку ближе к краю. Он набрал на клавиатуре код определения расстояния. На экране высветилась надпись: двенадцать с половиной тысяч миль. Похоже, им действительно установили неплохой прибор.

Это могла быть планета, астероид, а может, и потухшее солнце. А может, еще один корабль? Двенадцать с половиной тысяч миль... а их начальная скорость, перед тем как они сюда провалились, была семь миль в секунду. Но как они могли измерить скорость там, где нет — по крайней мере, не было — Ничего? Было еще достаточно времени, чтобы рассчитать скорость сближения.

В рубке уже толпились остальные офицеры: Суинтон, второй помощник Джонс, Рэнфрю. И Соня.

«Черт возьми, зачем я здесь нахожусь?» — подумал Гримс, почувствовав ее слабый тревожащий аромат. И сам себе ответил: «Не стоит об этом, командор. Ты ведь уже не розовощекий юнец, впадавший в душевное расстройство, когда долг службы мешал твоим сердечным делам...»

— Ваши приказания, сэр? — вежливо, но нетерпеливо спросил Суинтон. Пятно на экране уже заметно увеличилось.

— Лазерные пушки и ракетные снаряды готовы?

— Да, сэр.

— Отлично. Мистер Джонс, рассчитайте скорость сближения и точное время контакта с объектом. Мистер Рэнфрю, попытайтесь использовать систему Карлотти по ее прямому назначению и установить радиосвязь. Мистер Ларсен, быстренько отправляйтесь к мистеру Мэйхью и разбудите его. Скажите ему, что обнаружен какой-то объект — корабль или планета — и я хочу знать, есть ли был там кто-нибудь живой?

И затем, обращаясь к Суинтону:

— Я должен выйти на несколько секунд. Если что-нибудь случится, постарайтесь меня разыскать.

Гримс спустился в расположенную под его каютой ванную комнату и торопливо стал приводить себя в порядок. Если им предстояло встретиться с внеземной цивилизацией, то он хотел выглядеть так, как должен выглядеть лидер представителей человеческой расы при встрече с Неизвестным.

Вернувшись в рубку, он выслушал доклад офицеров. Их корабль приближался к объекту со скоростью двенадцать миль в секунду. (А может, это объект приближался к ним с этой скоростью, а они стояли на месте?) Радары

показывали, что это не очень большая металлическая конструкция. Радиосвязь установить не удалось. Ни обычную, ни пси-связь.

Значит, это был мертвый корабль, попавший сюда из своей Вселенной? И его экипаж или потомки экипажа погибли сотни лет назад, не в состоянии поддерживать свою жизнь в замкнутом пространстве? Или это была обманчивая тишина, за которой скрывались воинственные существа, поджидавшие, пока их корабль подберется поближе, чтобы открыть по нему огонь?

Командор подошел к телефону и набрал номер Мэйхью.

— Мистер Мэйхью, мы сближаемся с объектом. Слышите ли вы что-нибудь?

— Нет, сэр.

— Похоже, это корабль. Можно ли предположить, что капитан отдал приказ сохранить абсолютную тишину?

— Любой мозг излучает сигналы, сэр. Лишь натренированные телепаты могут поддерживать устойчивую связь, но при этом мы обязательно слышим обрывки бессмысленных фраз, слов, математических формул...

— Значит, вы считаете, что на борту нет ничего живого?

— Я в этом уверен, сэр.

— Надеюсь, вы правы.

Он обратился к Суинтону:

— Займитесь управлением, командир. Сбросьте скорость и остановите корабль в одной миле от объекта.

— Есть, сэр.

Суинтон, усевшись в кресло старшего пилота, четко и уверенно стал отдавать приказания.

Гримс внимательно наблюдал за своим первым помощником, чья молодость явно не вязалась с ответственностью положения, которое он занимал. Послышался вой раскручивающихся гироскопов. Все поспешили занять места в креслах прежде, чем начнется торможение. Включились реактивные двигатели. Сидя в трясущемся кресле, Гримс испытывал странное чувство, не видя в иллюминаторе звезд. Двигатели прекратили свою работу. Теперь объект приближался со стороны кормы. Еще несколько коротких корректирующих толчков — и все замерло.

Суинтон доложил:

— Объект на траверзе, сэр. Скорость погашена. Дистанция — 1,05 мили.

Гримс повернул кресло к иллюминатору. Там не было Ничего.

Абсолютно ничего.

За несколько секунд поисковый прожектор отыскал объект.

Это был корабль, но не такой, какие привыкли видеть все сидящие в рубке. Длинный, вытянутый корпус был, казалось, разделен вдоль на две части. С одной стороны было что-то похожее на скопление контрольных приборов. Гримс, замонополизировав единственный мощный бинокль, внимательно изучал это странное сооружение. Он разглядел что-то вроде оперения и двух пропеллеров, как у самолета, как будто корабль был предназначен также для полетов в атмосфере. Но хвост был слишком маленьким, а пропеллер слишком грубо сделанным, чтобы летать в атмосфере.

И еще там были два высоких шеста, торчавших как мачты из плоской поверхности с обоих концов корабля. Зачем? Перемещаться в пустоте при помощи парусов? Это было непонятно. Между мачтами виднелись какие-то структуры, больше похожие на жилые постройки с балконами. А прямо посреди этих окрашенных в белый цвет построек была еще одна мачта. Но слишком уж она толстая и короткая. Она тоже была покрашена в белый цвет, но с черным верхом и голубым рисунком на боку. Изучив рисунок, Гримс пришел к выводу, что это изображен какой-то крюк или якорь. Он передал место у бинокля Соне. После того, как она достаточно долго исследовала это странное явление, он спросил:

— Ну, командир Веррил, что вы по этому поводу думаете?

— Это мог бы быть космический корабль, но... с такими отверстиями... его трудно назвать герметичным.

— Да, но все отверстия расположены с одной стороны! С той, где находятся все эти надстройки... как будто одна половина — корабль, а другая — что-то еще.

— В конце концов, сэр, — вступил в разговор Суинтон, — не обязательно ведь кораблю быть с обеих сторон симметричным. Пока он находится вне атмосферы, он может быть любой, какой угодно формы.

— Тут вы правы, Суинтон. Но если эта штука предназначена лишь для космических перелетов, зачем нужны эти пропеллеры? С точки зрения аэродинамики она

вряд ли сможет летать в атмосфере, но тем не менее она явно предназначена для полетов.

— Так уж для полетов? — усомнилась Соня. — Такие тяжеловесные грубые пропеллеры...

— И потом, где их планета? — спросил Суинтон.

— Если уж на то пошло, давайте спросим себя, где наша планета? — ответил Гримс. — Кто знает, какие странные обстоятельства могли когда-то закинуть сюда эту штуковину? Но если серьезно, то наша планета, пожалуй, далековато отсюда...

— Вы уверены? — спросил Рэнфрю. — Что означает слово «расстояние» там, где мы находимся?

— Что ж, может, наша Земля действительно где-то совсем рядом.

— Что вы хотите сказать, Джон?

— Пока еще сам не знаю... Это слишком фантастично. — Он повернулся к старшему лейтенанту: — Вы остаетесь здесь за главного, Суинтон. Мы должны рассмотреть корабль поближе.

Глава XIV

Вчетвером они столпились в тесной камере, предназначенной для выхода в открытый космос: Гримс, Соня, Джонс и доктор Тодхантер. Вскоре к ним присоединились Кэлхаун и Мак-Генри, увешанные таким количеством молотков, плоскогубцев, всевозможных инструментов и приборов, что это не позволило бы им сдвинуться с места в любом, самом маленьком гравитационном поле. Все они, естественно, были с реактивными ранцами для перемещения в пространстве и, по настоянию Сони, с оружием. Гримс нес свой любимый старинный револьвер, остальные — легкие лазерные пистолеты. В довершение всего, хирург прихватил несколько электронных видео и фотокамер.

Когда все надели шлемы и люк корабля был задраен, Гримс по радиотелефону приказал Суинтону откачать из камеры воздух. Стрелка манометра поползла вниз и наконец остановилась на нуле. Затем открылся выходной люк.

Странный корабль висел прямо напротив них. На фоне абсолютной черноты яркий луч прожектора выделял каждую деталь. Он был раскрашен ослепительно яркими красками. Красные, розовые, желтые детали, белая над-

стройка — все это, казалось, светилось и переливалось на черном фоне пустоты.

Эта конструкция выглядела вызывающе и не к месту. Хотя, с точки зрения каких-нибудь местных обитателей — если только они здесь были — «Искатель» выглядел, наверное, не лучше. Об этом думал Гримс, опасливо пролезая сквозь люк наружу. Оттолкнувшись от корабля, он включил ненадолго свой ракетный двигатель и спокойно преодолел расстояние в одну милю, разделявшее корабли. Подлетев вплотную, он развернулся, погасил скорость и мягко ударился о корпус, тут же примагнитившись к нему ботинками. Ярко-красная поверхность оказалась стальной. «Скорее всего, — подумал он, — те, кто изготовил этот корабль, не были знакомы с алюминием или пластиковыми материалами». Вслед за ним попадали на поверхность остальные члены экипажа.

Хождение по изогнутой поверхности требовало некоторой сноровки. Один неверный шаг или слишком сильный толчок — и вот уже кто-нибудь зависал, не в силах дотянуться магнитными ботинками до гладкого корпуса.

С трудом они продвигались к широкой красной полосе на борту. Возле нее Тодхантер вдруг опустился на магнитные наколенники и стал что-то разглядывать. Все окружили его.

— Как странно, — сказал он. — Это похоже на какие-то наросты живого организма. Теперь, они, естественно, мертвы.

— Это именно то, что я и думал, — ответил Гримс.

— Что именно, сэр?

— Если мы когда-нибудь вернемся в Порт-Форлон, зайдите ко мне, доктор. Я вам дам почитать кое-какую литературу из моей библиотеки. Я припоминаю одну статью молодого талантливой журналиста с планеты Лорн Аргус. Он как раз писал об этом, а статья называлась «От первобытного каноэ — к межзвездному кораблю».

— Не понимаю, сэр.

— Я тоже не многое понимаю. Но эти, как вы их называли, «наросты» провели здесь долгую жизнь.

Вдоль красной полосы они вплотную подошли к одному из концов корабля. Через острый гребень, который разделял корпус надвое, полоса переваливала на другую сторону. Весь корпус за полосой был покрашен черной краской. Возле гребня, над полосой, виднелся странный знак, выведенный синим: круг, разделенный линией по-

полам, с одной стороны которого была буква «L», с другой «R». Вдоль гребня виднелась небольшая синяя полоса, разделенная, как шкала линейки, поперечными штрихами. Возле каждого стояли буквенные отметки: «TF», «T», «S», «W», «WNA»...

— Так значит, это один из кораблей нашего мира, — сказала Соня. — Конечно, это могут быть какие-то знаки внеземной цивилизации, но я так не думаю.

— Вы совершенно правы, — ответил Гримс. — Буквы «L» и «R» означают «Регистр Ллойда», остальные — осадку судна в различных водах в разное время года. Это земной морской корабль.

— Но что это значит? И откуда вы это знаете?

— Я знаю, потому что увлекался историей земного мореплавания. Я должен был определить это с первого взгляда, но... нелепость ситуации сбила меня с толку. Но, может быть, наше присутствие здесь настолько же нелепо. У нас больше шансов выжить, даже если мы никогда отсюда не выберемся.

Затем Гримс направился к краю корпуса, туда, где виднелись белые поручни. Держась за ограждение, он перелетел через край и встал на палубе так, как когда-то здесь ходили люди. Перед ним оказалась палубная надстройка с деревянными дверями, обрамленными желтой латунной полосой. Свет прожектора отбрасывал здесь резкие тени. Гримс включил лампу у себя на шлеме.

Ходить по деревянной палубе было невозможно, и Гримс, прицелившись, оттолкнулся от поручней и, пролетев несколько метров, вцепился в ручку. Там оказался коридор, по обеим сторонам которого были открытые и закрытые двери. Гримс подождал, пока подойдут остальные, и, держась за поручни, направился к первой полуоткрытой двери. Она легко распахнулась.

Внутри каюты находился комод, два легких стула и две койки у стены, одна над другой. Свет фонарика ярко отражался от металлических деталей и тускло поблескивал на полированном дереве.

Гримс застыл перед верхней полкой. Над ней, запутавшиеся в белых простынях, висели два тела — мужское и женское. Командор не впервые встречался со смертью, но никогда еще люди не казались ему такими беззащитными перед ее лицом. Тела, похожие на мумий, за столетия пребывания в этом пустом пространстве высохли, хоть и не до степени обтянутых кожей скелетов.

В наушниках прозвучал голос Тодхантера:

— Разрешите их заснять, сэр?

— Конечно, доктор. Они тоже не будут возражать.

«Сколько же времени прошло, — думал Гримс, — с тех пор, как вы думали и возражали... Но что же с вами произошло? Погибли вы от резкого холода или в тот момент, когда воздух одним хлопком вырвался из каюты?»

Повернувшись, он увидел за шлемом скафандра бледное лицо Сони.

«Как мы должны быть благодарны за то, что мы живы! — подумал он. — Как нам повезло, все-таки...»
А вслух сказал:

— Мы немного выясним, роясь по другим каютам.

— Где же тогда? — глухо спросил Кэлхаун.

— В контрольной рубке. Раньше на таких кораблях ее называли рулевой.

Отталкиваясь руками от поручней, все двинулись вслед за ним вдоль трапов и коридоров. Время от времени им встречались такие же тела, как и в первой каюте. Наконец, пройдя через большой зал, где свет фонариков ярко играл в хрустальной люстре, они снова выбрались на палубу. С обеих сторон корабля здесь висели спасательные шлюпки. Огни «Искателя» походили отсюда на большую звезду, окруженную туманностями на темном небе.

При помощи поручней и перил они добрались до капитанского мостика. В центре рулевой рубки, перед широкими окнами, рядом с большим морским компасом на подставке, находился штурвал. Держась за его отполированные ручки, перед ним стоял вахтенный матрос, одетый по всей форме: бескозырка, широкий воротник, черные короткие ботинки. На его лице застыло выражение напряженного внимания, а глаза были устремлены на компас, стрелка которого за половину тысячелетия не сдвинулась и на градус.

Напротив штурвала находилась дверь в другое помещение, в котором еще два человека в белых формах склонились над столом. Для Гримса не представляло труда определить их звания.

— Прошу прощения, капитан, — пробормотал он и осторожно отодвинул в сторону высокое худое тело бородатого человека с четырьмя золотыми нашивками на рукаве. Затем он взглянул на расстеленную на столе карту:

— Именно то, что я и думал. Побережье Южной Африки.

— Что это, сэр? — спросил Кэлхаун.

— Это на Земле. Похоже, трагедия произошла в начале двадцатого столетия.

Соня прочитала запись в раскрытом судовом журнале:

«...Вахтенный рассказал о громе и необычайно ярких молниях; также он припомнил странное фосфоресцирование океана...»

— Но кто они были? — спросил Тодхантер. — И как они здесь оказались?

— Могу ответить только на первый вопрос, — сказал Гримс и указал на надпись сверху страницы судового журнала: «Варатах, Дурбан-Ливерпуль».

Глава XV

В этой же комнате на стенах висело несколько больших застекленных рамок, и в одной из них кто-то обнаружил подробный план корабля. Все с интересом принялись его изучать. Мак-Генри вдруг сказал:

— Я бы хотел взглянуть на их машинное отделение...

— Я и так могу сказать, как устроены их двигатели, — ответил Гримс. — Паровой котел, поршни, шатуны, угольная топка. Если я не ошибаюсь, я читал, что судно заходило в Дурбан за углем на обратном пути из Австралии.

— Но я бы хотел взглянуть, как это выглядело, сэр, — Мак-Генри пальцем прочерчивал путь по плану в машинный зал.

— Нужно пройти вот так, через кочегарку и оттуда прямо в машинное отделение.

— Ладно, ступайте, — сказал Гримс, — но только не один.

— Я пойду с ним, — сказал Кэлхаун.

Тут Джонс заявил, что он хочет обследовать трюмы, а Тодхантеру потребовалось сделать еще несколько фотографий.

Гримс и Соня вышли за дверь рулевой рубки и наблюдали, как два инженера, второй помощник и врач спустились по трапу, пролетели над палубой и один за другим исчезли в темноте за открытой дверью.

Соня спросила:

— Джон, но как вы можете все это объяснить?

— В том-то и дело, что никак не могу. А если бы мог, то это помогло бы открыть иные тайны. Как вы знаете, я увлекался историей мореплавания и даже был авторите-

тен в определенных кругах ученых, занимавшихся этими вопросами. Знаете, даже в этом древнем двадцатом веке было невозможно забыть про полное исчезновение корабля. Тогда уже существовали довольно надежные способы ориентации по солнцу и звездам, звуковые эхолоты, и рождение радиосвязи относится к этому времени.

Но корабли все равно исчезали, причем не оставляя ни малейших следов. Вот как этот «Варатах», например. Это был новый корабль, построенный для грузопассажирских перевозок между Англией и Австралией. В этом рейсе он вез из Австралии в Ливерпуль мороженое мясо, кое-какие другие грузы и пассажиров. Он должен был зайти в Дурбан для пополнения запасов угля. Одной из особенностей данного рейса было то, что многие пассажиры после ярких предупреждающих снов сдали билеты.

Как бы то ни было, корабль прибыл в Дурбан, заправился углем и вышел в море, обменявшись световым сигналом с другим кораблем, направлявшимся в порт. Больше его никто не видел.

Конечно, множество кораблей до этого случая и после шло на дно, и многие из них со всей командой на борту. Поэтому исчезновение «Варатаха» было объяснено тем, что он был чрезвычайно неустойчив на плаву, попал в шторм, опрокинулся и затонул за несколько секунд. Но ведь это же было не посреди океана, а на относительно небольшой глубине и на оживленной морской трассе. Не было найдено ни одного тела или предмета с этого корабля. — И он указал на стоявший на палубе буй, раскрашенный в бело-оранжевые полосы и с четкой крупной надписью на борту: «Варатах, Ливерпуль».

— Даже если бы он действительно затонул за несколько секунд, что-то же должно было остаться на поверхности, хоть что-нибудь с названием корабля... Таким образом, «Варатах» пополнил список древних загадок моря, а затем и космоса. Вы, наверное, слышали о «Марии Целесте», которая до сих пор тревожит умы некоторых специалистов. Ее нашли дрейфующей в море в абсолютном порядке, и ни единой души на борту... Был еще «Англо-Австралиец», «Циклоп»... Что ж, теперь мы знаем, что произошло. Но как? И почему?

— Как офицер разведки, я бы хотела заняться этим вопросом, — сказала Соня. — Исчезают корабли в море, космические и воздушные суда... А все необъяснимые ис-

чезновения людей — как в вашем случае с «Марией Целестой»... У нас ведь тоже исчезают корабли, как, например, «Дельта Эридана» два года назад. Космос бесконечен, а когда используются различные межзвездные навигационные системы, он становится просто необъятен. Когда пропадает корабль, любые поиски полностью бесполезны. А как часто на какой-нибудь отдаленной планете, целые экипажи становятся жертвой неизвестной до этого формы жизни! Исчезают целые корабли, не оставляя ни малейшего следа.

— Но кое-что все-таки находится.

— Естественно. Поиском пропавших занимается огромное подразделение в нашей Патрульной Службе.

Они снова вернулись в штурманскую рубку. Гримс, взглянув на склонившихся над картой капитана и вахтенного офицера, пожелал, чтобы они на мгновение ожили и узнали бы от него, что с ними случилось. В общем, это не так уж невозможно — достаточно вспомнить их спиритический сеанс. Но есть и другой способ. На самой заре космоплавания применялось замораживание членов экипажа. Но, во-первых, выход из состояния анабиоза требовал специальных навыков и приспособлений и мог занимать несколько месяцев, а во-вторых, часто, очень часто подобная временная смерть для многих становилась постоянной... Вряд ли доктор Тодхантер был бы способен на такой эксперимент.

Гримс снова склонился над корабельным журналом. Его страницы, высохшие и хрупкие, ломались при прикосновении, но все надписи были четко видны. Гром, молнии и неестественно фосфоресцирующий океан...

И что же?

— Может быть, — рассуждал Гримс, — на это повлияла гроза... Чудовищное совпадение в одной точке электрических разрядов, магнитной бури Земли и резонансной частоты самого металлического корпуса корабля...

— А может, — ответила Соня, — на борту самого корабля находилось что-то вроде катализатора. Почему многие люди перед путешествием видели сны и отказывались плыть? Может, это были именно те, которые непроизвольно во сне перескакивали в Альтернативную Вселенную? Ведь наши исследования подтверждают такую возможность. Помимо свидетельств о таинственных исчезновениях, у нас есть свидетельства о не менее таинственных появлениях. Что именно повлияло на наше соб-

ственное исчезновение из привычного мира? Аппарат мистера Рэнфрю? Ваша антигравитационная система? Спиритические способности мисс Кэрен Шмидт? Или все это вместе?

— Может, вы в чем-то и правы, — согласился Гримс. — Мне эта теория кажется притянутой за уши, но...

— За уши? — возмутилась она. — Сколько времени мы уже болтаемся в этой пустоте, и у вас хватает совести обвинять меня в изобретении бессмысленных теорий!

— Но ведь мы же не в абсолютной пустоте, — поправил он ее. — Похоже на то, что это что-то вроде магнитного поля, к которому стягиваются погибшие корабли.

— И погибшие люди. Те несчастные, кто пытался перебраться из одной Вселенной в другую, но не сумел. Как мы, и как «Варатах».

— Хорошо еще, что мы способны поддерживать собственное существование.

Гримс прервал разговор, потому что в его наушниках прозвучал вызов лейтенанта Суинтона из контрольной рубки «Искателя». Гримс вкратце рассказал ему, что они обнаружили. После этого Суинтон сказал:

— Не хочу вас торопить, сэр, но только что мистер Мэйхью сказал мне, что он получает какие-то сигналы. Он их едва слышит, так что или сигнал идет издалека, или же он очень слабый.

— Итак, мы тут уже не одни, — сказал Гримс.

Переключив связь на внутренний канал, Гримс вызвал второго помощника, доктора и двух инженеров и приказал им вернуться. Они с огромным сожалением оторвались от своих исследований, так как забрались в самые дебри корабля. Они появились, наперебой болтая о поршнях, клапанах, топках и паровых котлах. В качестве сувениров они несли несколько крупных кусков каменного угля. Гримс с этой целью с огромным удовольствием взял бы что-нибудь более полезное: несколько книг из библиотеки или рояль, стоявший в ресторанном зале... С этой мыслью он взглянул на бородатого капитана и вздохнул:

— Это ведь не воровство. Я знаю, вы бы не отказались сделать подарок товарищу по несчастью...

— Простите, сэр? — спросил Джон.

— Нет, ничего. Давайте-ка, отправимся домой и посмотрим, что там творится.

Глава XVI

Едва выйдя из шлюзовой камеры, не переодеваясь, а лишь сняв шлем, Гримс напрямик направился в рулевую рубку. Суинтон поприветствовал его словами:

— Мэйхью слышит ясные сигналы, сэр.

— Отлично. Он может указать направление?

— Он говорит, что пока нет. Но вы же знаете Мэйхью. Пока его не припрешь к стене, он ничего не скажет.

Гримс взглянул на экраны радара и индикатора близости масс. На них ничего не было. Объект, должно быть, еще не вошел в зону их действия.

Он подошел к телефону, взялся за трубку, но потом передумал:

— Лучше я сам отправлюсь к Мэйхью. В случае чего позвоните мне туда, Суинтон.

Он кивнул Соне, и она вышла вслед за ним в коридор.

Как всегда, до Мэйхью было невозможно достучаться. Побарабанив в дверь кулаками и выждав для вежливости пару минут, Гримс отодвинул в сторону скользящую дверь, и они вошли в каюту. Мэйхью сидел в своем кресле к ним спиной, согнувшись так, будто сильнейшее гравитационное поле притягивало тело к коленям. Он внимательно смотрел на лежащий среди разного хлама на его столе небольшой прозрачный цилиндр, внутри которого в питательном растворе находился лучший из всех усилителей биосигналов — живой мозг собаки. При помощи этого сиротливого серого кусочка живой материи Мэйхью мог поддерживать связь со всей Галактикой.

Обернувшись, он неясным взглядом изучил вошедших и наконец сказал:

— А, это вы... Чем обязан, сэр?

— Пришел взглянуть, как у вас дела, Мэйхью. Вы ведь можете говорить, не отрываясь от дела?

— Конечно, сэр.

— Тот сигнал, что вы приняли, вы можете его передать словами?

— Пожалуй, нет, сэр, — поразмыслив, решил Мэйхью. — Это больше похоже на эмоции... Скорее, это впечатление, чем оформленное послание.

— Какое же именно?

— Трудно это сказать, сэр. Это... похоже на сон.

— Ну хорошо. А кто, или что отправил это... посла-

ние, то есть впечатление? Человек? Гуманоид? Другие разумные существа?

— Скорее, их несколько, или даже много. Но это люди.

— Может, нам повезло, Джон, — сказала Соня, — и в умах этих людей на борту «Варатаха» еще теплится остаток жизни... О чем эти сны, мистер Мэйхью? О холоде, темноте и одиночестве?

— Нет, мисс. Наоборот, это счастливые сны. О теплоте, свете и... о любви...

— Но это тоже могут быть люди с «Варатаха»?

— Нет, это невозможно. Я изучил их тщательнейшим образом. Они мертвы, как бараньи туши в их морозильных камерах.

— Откуда вы об этом знаете? — удивился Гримс.

— Сэр, но ведь было же необходимо поддерживать контакт с вашей экспедицией. Я «слышал» то, что вы рассказывали о последнем путешествии «Варатаха».

— М-да. Ну и что же?

— Единственным источником телепатических сигналов с этого корабля были вы и ваши люди. Что же касается тех, других сигналов, то у меня такое впечатление, что они к нам постепенно приближаются.

— Но, черт возьми, к кому приближаются! — взорвался Гримс. — Простите, это я рассуждаю сам с собой. Но мы ведь не знаем, какова наша скорость и движемся ли мы вообще. Когда мы сравнивали скорость с «Варатахом», кто может сказать, что именно произошло — остановились ли мы, или полетели в обратном направлении, или просто притормозили?

— Я не навигатор, сэр, — с легкой обидой сказал Мэйхью.

— Здесь уже никто из нас не навигатор. Но я преврал вас.

— Так вот, это один из тех приятных снов, который видишь в полудреме... — он остановился. — Погодите-ка, один из них я чувствую лучше других. Сейчас попробую выделить его... Так...

Голубое небо, и на нем белоснежные высокие облака... Речка с берегами, поросшими высокой травой... и... я сижу на берегу, среди деревьев, чувствую жар солнца, и ветер доносит запах свежескошенной травы... — он прервался и, криво ухмыльнувшись, взглянул на Гримса. — Я ведь никогда не видел сена, сэр, но ведь вы понимаете, это же не мой сон. Так вот. Запах свежего сена, пение

птиц на деревьях, моя трубка хорошо раскурена, в руках у меня удочка, и я смотрю на наживку — мормышку, которую я сам изготовил, она медленно плывет по гладкой поверхности воды. Я знаю, что форель рано или поздно всплывет и схватит наживку, но я не тороплюсь. Я совершенно счастлив, и мне некуда спешить...

Но вот вдруг появляется чувство неясной тревоги. Я чувствую, что куда-то опаздываю, что пора просыпаться. Сейчас случится что-то ужасное, непоправимое, если я не проснусь...

— Странно, — заметил Гримс. — Вы были на Земле, Мэйхью?

— Нет, сэр.

— Вы знаете что-нибудь о наживках?

— Что это, сэр?

— Вы только что об этом говорили. Настоящие рыбаки всегда сами изготавливают мормышки из перьев и проволоки. Для них рыбная ловля — это развлечение. Бог знает, какие они еще приспособления выдумывают. Но если такую наживку форель считает съедобной, что же волноваться?

— Значит, — сказала Соня, — к нам приближается земной рыболов, который видит ностальгические сны о своем любимом времяпрепровождении. Так же, как и мы, он болтается в этой расщелине между пространствами. Но, может, этот сон долетел до нас прямо с Земли? Ведь попал же сюда каким-то образом «Варатах».

— Он дрейфует уже довольно давно, — сказал Гримс. — Прошу вас, продолжайте, мистер Мэйхью.

— Он снова попал в свой счастливый сон. Он ничего не поймал, но счастлив.

— А вы можете выделить другие сны?

— Попытаюсь, сэр. Но они почти все о бесконечно долгих, ярких солнечных днях. Один человек плавает, он оборачивается и смотрит на девушку на берегу, и его стройное тело рассекает прозрачную зеленую воду. И еще женщина, она сидит на зеленой шелковистой траве, а ее загорелые дети играют рядом... Но кто бы они ни были, они приближаются. Их сны видны мне четче и ярче.

Холодный ясный воздух, и снег хрустит под моими шипованными ботинками. Кажется, я уже могу дотянуться ледорубом до вершины. Она совсем рядом, и ярко сверкает под солнцем на фоне темно-синего глубокого неба. Ветром с вершины срывает снег, и кажется, что она выбросила белый флаг. Это всего лишь снег, но я знаю,

что вершина сдалась. Ее еще никто никогда не покорял, но через несколько часов я доберусь дотуда и воткну глубоко в лед и скалу мой собственный флаг. Мне говорили, что сюда невозможно забраться без кислородной маски и страховочных крюков, но я все равно сделаю это...

— Чтобы завершить картину, — полусуто сказала Соня, — не хватает сна о спокойной игре в шахматы в наполненной запахом табака и ликеров комнате.

Гримс засмеялся:

— Похоже, все они предпочитают игры на свежем воздухе.

Тут резко загудел телефон. Гримс поднял трубку:

— Да, слушаю. Да... Приготовьте все к ускорению и начните подготовку к смене орбиты.

Глава XVII

За иллюминатором по-прежнему не было ничего, а старый пароход превратился в яркую точку на экранах радара и индикатора масс. Зато появилась другая точка, траектория движения которой пересекалась с траекторией «Искателя». Хотя объект находился еще в тысячах миль от их корабля, расчеты показали, что неминуемо опасное сближение.

Гримс и его офицеры сели по своим местам, и ускорение вдавило их в кресла. Как и раньше, кораблем мастерски управлял Суинтон. С четырехкратным ускорением корабль вырвался из опасного участка, набрал скорость и сравнялся с объектом. Еще один небольшой толчок двигателей — и все замерло. Издалека доносился затухающий рев выключенных гироскопов.

Тут же включились поисковые огни.

Все снова столпились у иллюминаторов, рассматривая висевшую в одной миле конструкцию, и казалось, что только один Гримс не удивляется этому зрелищу. То, с чем они встретились на этот раз, представляло из себя три сферы, расположенные вдоль одной оси и соединенные между собой металлическими фермами. Первая, небольшая, была покрыта антеннами и иллюминаторами, вторая, самая крупная, служила, по всей видимости, для проживания, и, наконец, третья, тоже маленькая, из нее выдавалась целая батарея ракетных форсунок. Не было ни обтекателей, ни аэродинамических стабилизаторов.

Первым нарушил молчание Суинтон:

— Что это за чертовщина?

— Думаю, командир, вам приходилось изучать историю космоплавания. Это древний корабль, оставшийся со дней Великого Расселения. Люди были вытолкнуты из Солнечной системы к звездам, не имея никаких навигационных приборов, которые могли бы помочь им сократить десятилетия полетов. — Гримс вошел во вкус и решил продолжить лекцию:

— Как видите, этот корабль не предназначен для взлета с поверхности планет или приземления, то есть это самый настоящий космический корабль. Он строился на орбите, и люди добирались до него на небольших челночных кораблях, вроде тех, что прикреплены к центральной сфере.

Маленькая передняя сфера — это, естественно, контрольная рубка. Средняя служит для проживания, ну а третья, как вы, наверное, догадались, — это отсек ракетных двигателей.

Суинтон задумчиво сказал:

— Скорее всего, там сейчас находятся потомки первых пассажиров и экипажа. И они, наверное, не знают, как пользоваться радио. Судя по этим антеннам, их корабль забит приемопередающей аппаратурой. Значит, или они не слышали наших сигналов, или не способны ответить. Пожалуй, они даже не знают, что мы рядом с ними.

Гримс засмеялся:

— Вы не совсем правы, Суинтон. Конечно, они проделали долгий путь — такой долгий, что тот, кто готовил это путешествие, даже не предполагал об этом. Но уверяю вас, что это те же самые люди, что впервые сели на этот корабль.

— Простите, сэр, но как же они выжили? Ведь наверняка прошло не одно столетие...

Гримс продолжил:

— Как я сказал, этот корабль остался от эпохи Великого Расселения. Оно началось с того, что людям перестало хватать места на планетах Солнечной системы. Но было известно, что многие звезды окружены планетами, на которых возможна жизнь, подобная нашей. И многие из тех, кто не хотели или не могли приспособиваться к жизни в перенаселенных городах, решили предпринять рискованное путешествие. При помощи техники анабиоза корабли стали способны перевозить огромные массы людей, которые складировались в них наподобие замороженного мяса. Члены экипажа по очереди просыпались

на относительно небольшой отрезок времени, чтобы заступить на несколько месяцев на вахту, а затем снова засыпали. Естественно, проводя многие годы в состоянии анабиоза, никто из них не старел.

Наконец, встав на орбиту выбранной планеты, люди оживлялись и спускались к месту своего нового обитания.

— Мне бы такое не понравилось, сэр.

— Мне бы тоже. Но у них не существовало еще межзвездных навигационных систем. И они не знали, как мы теперь это знаем, что многие корабли просто пропадали в Космосе. Некоторые падали на звезды или разбивались о планеты, другие терялись в бескрайнем пространстве...

— По данным Патрульной Службы, — вставила Соня, — не дошло до места назначения тринадцать кораблей.

— Наверное, этот был двенадцатым, — заметил Гримс.

— Но как он здесь оказался? — спросила Соня.

— Мы можем узнать это, — ответил ей Суинтон.

— Мы можем попытаться узнать, — поправила она его.

Гримс внимательно изучал в бинокль сферу, где размещалась контрольная рубка. Ему показалось, что в одном месте он обнаружил люк шлюзовой камеры, приводимой в действие вручную. Значит, проникнуть внутрь не составило бы большого труда.

— Но ведь вахтенный должен был заметить наши огни, — сказал Суинтон.

— Боюсь, что вахтенному не до этого, — спокойно ответил Гримс.

Как и в прошлый раз, к выходу готовились Гримс, Соня, Джонс, Кэлхаун, Мак-Генри, Тодхантер... На этот раз, думал Гримс, врачу и инженерам не придется бездельничать. Следовало привести корабль в порядок и вывести из предсмертного состояния сотни людей. «А дальше? — подумал он. — Что же дальше?» Но на этот вопрос следовало искать ответ, уже находясь на борту того судна.

Гримс пустился в полет через пространство между двумя кораблями — гладким и стройным «Искателем» и нагромождением сфер и металлических балок чужого корабля. Он повернулся, чтобы взглянуть на остальных —

они летели за ним, поблескивая серебристыми костюмами в свете прожекторов, и время от времени кто-нибудь из них корректировал траекторию полета, выпуская яркий язычок пламени из своего ракетного ранца. Снова взглянув вперед, он увидел, что чужой корабль совсем рядом и, не успев как следует притормозить, неловко стукнулся шлемом о корпус. Магнитные наколенники прищелкнулись к стальной обшивке и не дали ему отскочить обратно. Осторожно встав на ноги, он подождал остальных и двинулся к шлюзовому люку. По пути он заглянул в иллюминатор, осветив своей лампой внутреннее помещение.

Он хорошо знал, как должна выглядеть контрольная рубка на корабле того времени: глубокие кресла для больших перегрузок, радар, мониторы, приборные панели. С первого же взгляда было ясно, что все это давно мертво. Ни одна лампочка не светила на панелях. Свет фонаря ярко блестел на поверхностях. Приглядевшись, Гримс понял, что внутри все покрыто кристаллами льда и снега. Впечатление было таким, что внутри холоднее, чем в абсолютной пустоте снаружи корабля.

Гримс заглянул в соседние иллюминаторы и ему стало ясно, что рубка абсолютно пуста. Но ведь она занимала лишь небольшую часть первой сферы. Еще здесь должны были находиться жилые помещения для вахтенных пилотов, запасы продуктов и воды.

Он сказал Соне:

— Мы можем обнаружить кого-нибудь в жилых каютах. Кого-нибудь, кого мы сможем оживить. А если нет — то есть сотни людей, спящих в средней части корабля.

Гримс подобрался к люку, который он заметил в бинокль. Одному здесь было не справиться, и он подождал Мак-Генри и Кэлхауна. Вдвоем они сдвинули маховик, прокрутили его несколько оборотов, и тяжелый люк отошел. Внутренняя дверь шлюза не хотела так легко поддаваться. Лишь усилиями всего экипажа, собравшегося в тесной камере, удалось сдвинуть с места запирающий рычаг. Они открыли люк на достаточную ширину, чтобы пробраться внутрь. Войдя в коридор, они увидели, что все — стены, пол, потолок — было покрыто толстым слоем льда и снега — остатками некогда наполнявшего помещение воздуха. Из коридора они прошли в склад, заполненный фруктами, которые сияли свежими красками, как настоящие, но рассыпались при малейшем прикосно-

вании. Когда Гримс дотронулся пальцем до апельсина, тот разлетелся на разноцветные сверкающие осколки, и ему показалось, что он услышал тончайший звон. Но здесь не могло быть звука. Корабль был совершенно безмолвен. Даже стены и пол не дрожали от прикосновений — все поглощал слой рыхлого снега.

Они вышли в круговой коридор, вдоль которого располагалось множество пронумерованных дверей.

Гримс толкнул одну из них, под номером 4. С небольшим сопротивлением дверь скользнула в сторону. Когда-то здесь была спальная каюта. Но теперь она была превращена в морг. На одной койке лежал высокий мужчина. В правой руке он сжимал кинжал, на лезвии которого застыло темное бурое пятно. На другой стороне каюты лежала женщина, бывшая когда-то, без сомнения, красивой. Установить причину смерти было нетрудно: у женщины виднелась широкая рана с левой стороны груди, а у мужчины была перерезана яремная вена.

Они заглянули в следующую каюту. Ее обитатели, казалось, мирно спали на широкой койке. Но рядом с ними неподвижно висел пустой пузырек, на яркой этикетке которого был изображен череп с костями...

В третьей кабине им представилось не менее печальное зрелище. Сложное переплетение проводов опутывало кровать и два тела и соединяло трансформатор и розетку. Их смерть была внезапной и безболезненной. Завернутые в простыни и провода, они напоминали скульптурную группу Лаокоона.

В четвертой каюте было лишь одно тело — женское. В черной чистой форме, она сидела на стуле, выпрямившись, пристегнутая к нему ремнями. Лишь после тщательного осмотра удалось обнаружить след от револьверной пули на груди.

— Каюта номер один, — медленно произнес Кэлхатун. — Может, она — капитан?

— Нет, — сказал Гримс. — Это ведь тоже каюта на двоих. И потом, где же оружие? — он осторожно стряхнул иней с ее рукава. — Золотой шеврон на белой подкладке... Она была казначеем.

Они нашли капитана в большой каюте в самом конце коридора. Он тоже был одет в черную, с золотыми пуговицами и нашивками форменную одежду. Он криво сидел за столом, держа в руке пистолет, ствол которого находился возле приоткрытого рта. Его голова была покрыта инеем, что скрывало ужасную рану на затылке.

Перед ним лежало несколько листов бумаги. На одном из них было написано:

Тем, кого это касается....

Если, когда...

Когда, если...

Если все равно...

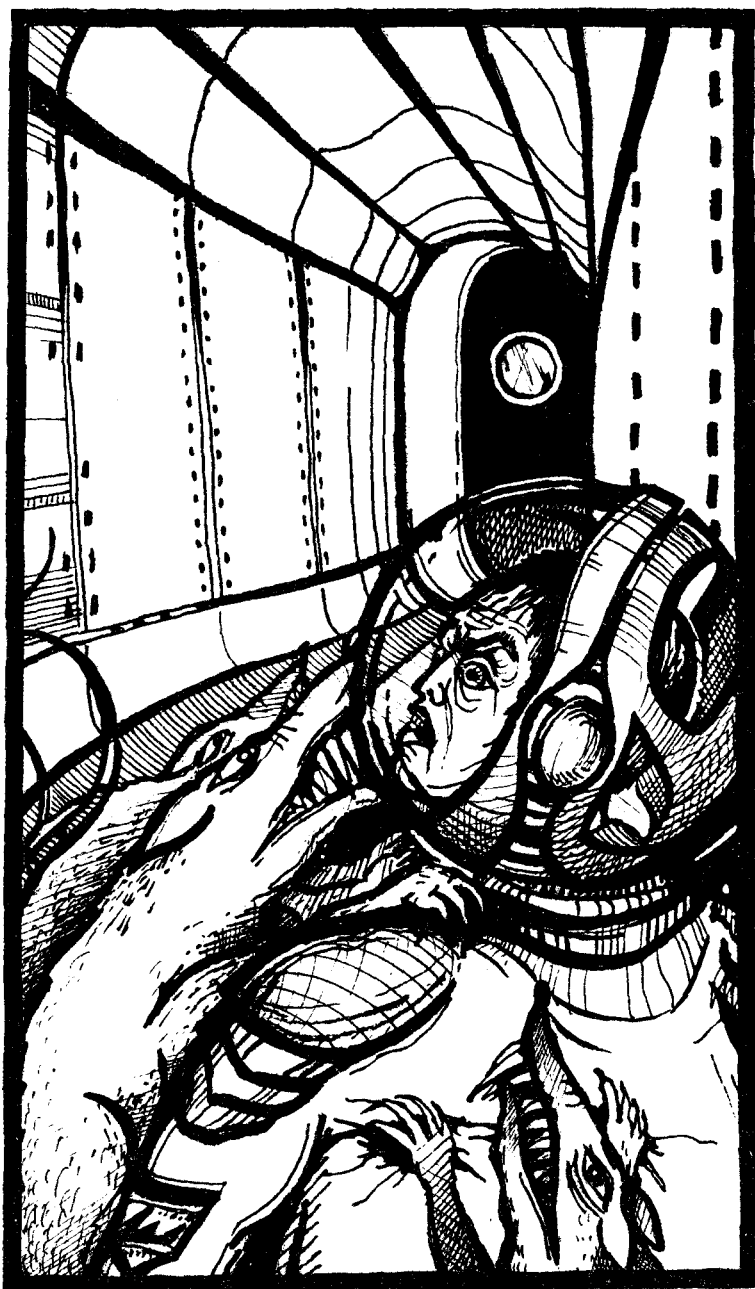
Это был черный, не очень веселый юмор... понятный только тому капитану.

Глава XVIII

«Возможно, — читал Гримс на следующей странице, — кто-нибудь когда-нибудь наткнется на нас. Когда мы взлетали с Земли, шли разговоры о последних открытиях, которые могли позволить совершать межзвездные путешествия через определенные «провалы» пространства за короткий промежуток времени. Наверное, именно в такой «провал» мы и попали. Но я не имею понятия, как мы сюда попали, и как мы сможем отсюда выбраться. Если бы я знал раньше, я бы запретил использование этанола. Но откуда я мог знать, что один из контейнеров даст течь? И что всех нас ждет одна судьба? Закончив наш вахтенный период, мы могли разбудить капитана Митчелла, а сами лечь в анабиозный сон. Но, все обсудив, мы решили воздержаться от этого. Вряд ли мы видели бы приятные сновидения. У всех остальных — счастливые сны об их новой жизни на новом месте, куда они направляются. О жизни, которая им была предсказана на быстро истощающей свои резервы Земле. Но наши сны — они будут о холоде, одиночестве и беспокойстве, о черной пустоте, в которую мы падаем.

Но как мы туда попали? Как?

Решиться на это нас заставили различные предметы, которые мы видели время от времени. Каковы законы движения в этой Преисподней? Мы не знали этого. Может, их вообще не существовало. Тем не менее, вокруг контрольной рубки, появившись ниоткуда, несколько часов летал какой-то предмет. Это оказалось тело мужчины в архаичной одежде: в цилиндре, сюртуке, галстуке... Мэри Галлагер, чьим хобби была история, сказала, что одежда относится, скорее всего, к девятнадцатому веку. Затем появился самолет, представлявший из себя хрупкую конструкцию из штанг, растяжек и обтянутых тканью крыльев. Должно быть, все это попало сюда сотни лет назад, так же, как и другие предметы: тела лю-

дей, паролод, странной формы космический корабль, на борту которого можно было разглядеть надписи, не похожие ни на один из земных алфавитов.

Я чувствую, что пришло и мое время. Все остальные уже мертвы. Сара, которая не могла сама справиться с оружием, попросила меня помочь ей уйти... Но остальные уже мертвы. Больше всего повезло Браунам — когда я раздал карты, им выпал туз пик, что означало единственный оставшийся пузырек этанола. Остальным достался пистолет. Накамура предпочел свое традиционное оружие смерти (правда, он его нетрадиционно использовал), а Галлагер до конца проявил свои инженерные способности. Но вот и пробил мой час... Когда я закончу это письмо, я выключу оборудование, и настанет мой черед воспользоваться пистолетом.

Вот и вся наша история, как она есть. Если какой-нибудь несчастный, вроде нас, прочтет ее, может, в этом будет какая-то польза.

Полностью загрузившись пассажирами, оборудованием и продуктами, мы снялись с орбиты 3 января 2055 года. Более подробные сведения о деталях полета заложены в бортовом регистрационном компьютере. Когда корабль был выведен на траекторию полета по направлению к Сириусу XIV, начались посменные вахты. Первый год на вахте находился старший капитан полета Митчелл. Как наиболее опытный пилот, он корректировал начальную траекторию. Остальной экипаж после подготовки был погружен в анабиозное состояние. После Митчелла настала очередь второго капитана Фон Шпиделя, затем третьего капитана Клери. Это было обычное рутинное путешествие, как любой другой межзвездный перелет.

Затем мы сменили капитана Клери и его команду. Смена вахты обычно длится три недели. За это время Памела Браун, офицер медицинской службы, вместе с медиком команды Клери Брайаном Кентом приводила в чувство после анабиоза членов нашего экипажа и готовила другой экипаж к отходу в летаргическое состояние. Когда Клери и его люди покинули нас, мы распределили вахтенные часы. Естественно, находиться на вахте в контрольной рубке было полнейшей синекурой. Каждый час показания приборов сверялись с расчетными данными. Курс и ускорение совпадали до миллионных долей с тем, что было рассчитано еще на мощных земных компьютерах. Последнее наблюдение, сделанное в 1200-й час на-

шей вахты, показывало удаление от Земли в 1,43754 световых года и постоянную скорость в 300 миль в секунду.

В эту ночь — ночь, естественно, по внутрикорабельному времени — все свободные от вахты офицеры собрались в кают-компаниях. Играли, как это обычно делалось, в бридж, а Накамура и Мэри Галлагер сидели за шахматной доской. На вахте находился Браун, и чтобы ему было не так скучно, его жена отправилась в контрольную рубку. В общем, это был обычный спокойный вечер.

Поэтому внезапно завывшая сирена была для нас как гром среди ясного неба. Я первый оказался в контрольной рубке. Брауну не нужно было говорить, что случилось — это было очевидно. Очевидно — это не то слово; дело в том, что за широкими иллюминаторами не было ничего. Абсолютно ничего! Мы не видели ни привычных созвездий, ни яркого свечения Галактики справа по борту — за иллюминаторами была абсолютная пустота.

Сначала было высказано предположение, что мы попали в густое облако космической пыли или газа, но вскоре стала ясна несостоятельность этой гипотезы. Браун сказал, что звезды сияли как обычно до самого последнего момента. К тому же, невозможно влететь на скорости 300 миль в секунду в облако газа так, чтобы не было мгновенного скачка температуры обшивки корабля и торможения. Если это скопление газа настолько густое, что не видно ярчайших звезд, то мы неминуемо должны были сгореть за несколько секунд.

Кто бы вы ни были, читатель, не буду утомлять вас рассказом о всех наших попытках выбраться и всех выдвинутых теориях. По словам Брауна, звезды вспыхнули на какую-то микросекунду, а в следующую — исчезли. Мы пробовали связаться с кем-нибудь по радио, но это было бесполезно. В эфире не было даже шумов — абсолютная тишина. Мы разобрали каждый приемник и передатчик на корабле, протестировали каждый блок — но это не помогло. За все время не удалось поймать ни единого сигнала — ни с Земли, ни с других кораблей, ни даже помех от какой-нибудь звезды.

Но ведь не было и самих звезд!

Через несколько недель нам стали попадаться различные предметы — настоящие материальные предметы. Одной из первых находок был огромный океанский лайнер «Англо-Австралиец». Браун и Накамура, взяв челночный корабль, обследовали его. На его трубе был изображен черный лебедь на белом фоне. Надев скафандры,

они смогли сделать более подробные наблюдения. Естественно, вся команда и пассажиры были мертвы. В корабельном журнале не нашлось никаких сведений, которые бы указывали, что произошло. Как и в нашем случае, все должно было случиться внезапно.

Мы находили в этом пространстве множество тел — некоторые были одеты в одежды прошлых веков, другие просто раздеты. Океанские корабли, самолеты — большинство указывало на их земное происхождение. Но мы также нашли странную конструкцию, которая представляла из себя относительно небольшой корпус с огромными, на растяжках, странными парусами. Мы не смогли установить, кто плавал на таких судах — как только мы направили поисковый прожектор на него, он развил скорость и исчез. По всей видимости, этот межзвездный корабль приводился в действие световым потоком, чего мы не знали. Мы обнаружили что-то типа дирижабля с похожим на пчел экипажем.

Мы пытались отсюда выбраться, но у нас не было отправной точки. Так же, как и остальные, мы попали в какое-то подпространство. Но как это произошло? Как?

Мы работали, затем наступали недели пьянства и распутства, затем мы снова брались за утомительные расчеты и рассуждения. Наконец, пресытившись всем этим, мы решили взглянуть правде в глаза. Мы были забыты здесь, и у нас не было достаточно знаний и возможностей, чтобы выбраться из этой безграничной пустоты. Сначала мы хотели разбудить другие экипажи, но потом решили, что не стоит этого делать. Они были счастливы в своих снах, но мы, и мы это знали, никогда не сможем забыться счастливым сном. Мы знали слишком много — и в то же время так мало, и наши сны превратились бы в кошмары, подобные пыткам... У нас не было ни единого проблеска надежды.

И мы пришли к единственному выходу.

Но вы, кто бы вы ни были, вы можете помочь.

Остальные экипажи спят в своих отсеках в северной части жилой сферы. Процесс пробуждения полностью автоматизирован. Передайте капитану Митчеллу мои наилучшие пожелания и извинения. Надеюсь, он поймет меня.

Джон Кэррадин, четвертый капитан.

Они покинули контрольную сферу и по длинному цилиндрическому тоннелю перебрались в жилые отсеки корабля. Пройдя через люк, они оказались в длинном коридоре, по бокам которого располагались двери. В конце коридора виднелся еще один люк.

На каждой из дверей висела табличка с именами. На первой же двери длинный список имен возглавлял старший капитан Митчелл. Затем шли старший помощник Альварес, второй помощник Мэйнбридж, третий помощник Хэнинал, биотехник Митчелл... Соня заметила по этому поводу:

— Пожалуй, они были правы, набрав команду из семейных пар.

Гримс толкнул дверь, и за ней оказались прозрачные саркофаги — по четыре в высоту, справа и слева, дальше виднелись еще восемь, и еще... Это похоже, думал Гримс, на стеклянные гробы, а лежавшие в них люди — на мертвых. Разница лишь в том, что мертвые не видят снов...

В четырех саркофагах справа были женщины, в четырех слева — мужчины. Казалось, все они в прекрасной форме. Митчелл — его имя было на приклеенной к стеклянной крышке табличке — оказался немолодым, но рослым и хорошо сложенным человеком. Даже без униформы в нем можно было обнаружить капитана. И хотя он находился в близком к смерти состоянии, глядя на него, становилось ясно, что он, как никто другой, будет умело руководить вверенными ему двумя стихиями — сложнейшей аппаратурой и беспокойными, сомневающимися людьми.

Гримс смотрел на него, не обращая внимания на других спящих, и ему хотелось, чтобы именно Митчелл оказался тем рыбаком, чей счастливый сон был прерван чувством волнения и беспокойства. Это вполне мог быть он. Через столетия сна подсознание потревожило его, напомнив, что именно на нем лежит вся ответственность за огромный корабль и людей, которые на нем находятся.

Слегка растерянно Тодхантер сказал:

— Собственно говоря, мне здесь нечего делать. Я прочел инструкции. Здесь все автоматизировано.

— Прекрасно, доктор. Вы можете нажать кнопку. Я хочу лишь, чтобы проснулся капитан корабля Митчелл. Ведь в конце концов это его корабль.

— Я уже нажал кнопку, — проворчал Тодхантер, — ну и что? Ничего не случилось.

Мак-Генри засмеялся:

— Конечно, нет. Ведь мертвый капитан, которого мы видели, написал в своем послании, что он отключил все приборы.

— По-моему, — сказал Гримс, — система анабиоза поддерживается отдельным небольшим реактором в кормовой части. Кэррадин мог отключить ее, не выходя из рубки, но нам следует пойти в ракетную сферу и взглянуть на все это поближе. Возможно, батареи тоже отказали.

— Все зависит от реактора, — добавил Мак-Генри. — Если действительно отказали батареи, нам придется перетаскивать их из запасных с нашего корабля.

Они покинули Митчелла и его команду и стали пробираться в третью сферу, переходя с этажа на этаж, мимо бесчисленных прозрачных саркофагов. Джонс на секунду остановился возле одного, в котором лежала прекрасная девушка с длинными золотистыми волосами, и пробормотал: «Спящая красавица...»

Раньше, чем Гримс смог что-то ответить, Мак-Генри подтолкнул Джонса в спину и проворчал:

— Давай, двигайся! Тоже мне, Прекрасный Принц!

— А можем ли мы претендовать на роль Прекрасного Принца? — прошептал Гримс. — В любом случае, не нам решать. Этот корабль Митчелла, и он должен знать, что делать...

Наконец они нашли выход в тоннель, соединявший с третьей сферой. Насосы и генераторы, которые они там обнаружили, были, по выражению Мак-Генри, допотопными.

— Вы правы насчет допотопных, — заметил Джонс. — Этот корабль определенно напоминает Ноев ковчег.

Они добрались до реакторной камеры.

Мак-Генри достал свой счетчик и включил его.

— Должно работать, — сказал он.

Если бы не скафандры, вряд ли они бы долго протянули, выйдя из реакторного зала. По счастью, скафандры представляли собой такую же надежную защиту от радиации, как и от жары, холода и вакуума. Время от времени витиевато ругаясь, Мак-Генри принялся за дело и через какое-то время сумел запустить реактор.

Помещение стало наполняться паром. С возвратом

тепла замерзший коркой льда на стенах воздух стал оттаивать и приобретать свое первоначальное состояние.

Мак-Генри отдавал приказания. Он был специалистом по реактивным установкам и здесь взял командование на себя. Он отдавал приказания Кэлхауну и второму помощнику, и они выполняли их. Следовало взять кое-какие замеры и открыть клапана. Замерзшая жидкость постепенно превращалась в пар и понемногу наполняла трубопроводы. Мак-Генри по манометру следил за давлением и, наконец, начал открывать вентиль. Медленно и нерешительно на один оборот повернулась первая турбина, затем еще на один... Она раскручивалась все быстрее и быстрее, и вот уже все помещение было наполнено мелкой дрожью. Мак-Генри, похожий на вооруженную ключами и в доспехах обезьяну, прыгал с места на место, что-то подкручивая, откручивая...

Наконец он торжественно щелкнул выключателем, и помещение наполнилось светом.

Все поспешили обратно в жилые отсеки, к спящему капитану Митчеллу и его команде. Там главным был уже Тодхантер. Он затворил люк, через который вошел экипаж в первый раз, а затем поставил на место другой, тяжелый люк с толстыми прокладками и запорами по всему периметру. Для этого ему даже пришлось воспользоваться молотком Мак-Генри.

Гримс наблюдал за ним с нетерпением и интересом. Было ясно, что врач знает, что делает, и что в свое время он хорошо изучил историю колонизационных полетов, которые всегда сопровождались глубоким замораживанием экипажа. Он знал, как это выглядит с медицинской точки зрения.

Гримс заметил:

— Я понимаю необходимость закрытия всех дверей, но почему ничего не происходит? Ведь вы уже довольно давно нажали на кнопку начала размораживания...

Тодхантер засмеялся:

— Это был выключатель света, сэр. Но когда мы закончим подготовительные работы, весь процесс пойдет автоматически. Для начала нужно изолировать остальные тела. Каждый саркофаг оборудован своей собственной морозильной установкой, но лучше соблюдать до единого слова все инструкции.

Он замолчал и принялся за дальнейшее изучение ви-

севшей на стене инструкции. Затем он включил монитор на расположенной рядом панели управления и нажал несколько кнопок. Заработали обогревающие элементы, и лед на стенах начал таять и плавиться, наполнив закрытое помещение туманом.

Когда он стал рассеиваться, врач сказал:

— Пока все хорошо. Вы, конечно, заметили, что здесь система намного сложнее, чем в тех отделениях, где лежат пассажиры. Дело в том, что пассажиры подключаются к единой общей системе пробуждения, и их нельзя поднимать по одному.

Действительно, каждый из саркофагов членов экипажа был густо окутан проводами и трубками.

— Ну давайте же, доктор! — прошептала Соня.

— В таких вещах нельзя торопиться, командир. Здесь автоматически осуществляется термостатический контроль, и до достижения нужной температуры внутри и снаружи саркофага оживление не может начаться.

Внезапно послышалась работа какого-то компрессора, и тело капитана скрылось под клубами наполнившего саркофаг газа, настолько густого, что он казался жидким. Затем, так же неожиданно, газ рассеялся, а вместо него появилась светлая, янтарного цвета жидкость, также полностью закрывшая тело. Одновременно пневматическая подушка, на которой лежал капитан, стала вибрировать, осуществляя массаж тела. Янтарная жидкость постепенно мутнела, затем она была заменена на новую порцию. Этот процесс повторился несколько раз.

Наконец жидкость ушла.

Прозрачная крышка медленно открылась.

Капитан Митчелл зевнул, потянулся и открыл глаза. Улыбнувшись, он произнес приятным баритоном:

— Знаете, мне снились забавные сны. Мне снилось, что меня зовут, но не могут дозваться, а я проспал лет двести — триста.

Вдруг его глаза расширились от удивления, он уставился на стоявшие перед ним фигуры в скафандрах и выпалил:

— Кто вы такие?

Глава XX

Гримс отстегнул замок своего шлема, повернул его на четверть оборота и снял. Холодный свежий воздух, наполненный незнакомыми острыми запахами, заставил его чихнуть.

— Будьте здоровы, — сказал Митчелл по-немецки.

— Спасибо, капитан. Прежде всего, прошу прощения, что мы без приглашения поднялись на борт. Надеюсь, вы не будете возражать, что я пользуюсь вашим воздухом, так как я ужасно не люблю разговаривать через мембрану скафандра, если этого можно не делать.

— Дышите на здоровье, — Митчелл, сидя на краю своего ложа, выглядел несколько растерянным и враждебным. — Но кто, черт возьми, вы такие?

— Мое имя Гримс. Командор Гримс. Военно-Космический Флот Приграничных Планет. Все остальные — мои офицеры. А леди — командир Веррил из Патрульной Службы Федерации.

— Приграничные Планеты? Федерация? — он дико посмотрел на остальные саркофаги, где спали его подчиненные. — Наверное, это сон. Очень плохой сон.

— Сожалею, капитан. Это не сон. Ваш корабль дрейфует уже столетия, — сказала ему Соня.

— А пока мы здесь дрейфовали, — грустно засмеялся Митчелл, — яйцеголовые инженеры придумали способ быстрого сообщения между звездами. Должно быть, нас занесло уже на самый край Галактики. — Он пожал плечами. — Ну ладно, наконец-то мы куда-то прибыли. Сейчас я разбужу своих офицеров, и мы займемся оживлением пассажиров. — Его лицо помрачнело. — Но что случилось с вахтенной командой? Где Фон Шпидель? Клэри? Кэррадин?

— Кэррадина больше нет, — тихо сказал Гримс, затем мягко продолжил: — так же как и его экипажа. Они мертвы. Но он просил, чтобы вы его не забывали.

— Вы что, издеваетесь, командор как-вас-там-зовут? Откуда вы знаете, что это Кэррадин? И как он может слать мне через вас приветы, если он умер сотни лет назад?

— Он оставил письмо, капитан. Перед смертью он оставил отчет о случившемся...

— Но что случилось, черт бы вас побрал? И как он умер?

— Он застрелился, — серьезно сказал Гримс.

— Но что случилось?

— Он этого не знал. Но я надеялся, что вы сможете нам помочь.

— Помочь вам? Что-то я не понимаю, командор. Сначала вы будите меня и говорите, что пришли нас спасать, а теперь сами просите помощи.

— Ужасно сожалею, капитан, если у вас сложилось впечатление, что мы пришли вас спасать. Пока что мы не в состоянии спасать кого бы то ни было. Мы такие же потерпевшие кораблекрушение, как и вы сами.

— Как приятно просыпаться и слышать подобные заявления!

Митчелл оттолкнулся руками от края саркофага и подлетел к шкафчику. Рванув на себя дверцу, он вытащил черную, с золотыми нашивками униформу и легкий скафандр. Через несколько минут он был уже готов и держал в руках шлем.

— Вы со своими железяками, — бросил он висевшему со своим набором инструментов возле люка Мак-Генри, — откройте-ка дверь.

Затем он повернулся к Соне и Гримсу:

— Наденьте шлемы. Мне нужно выйти.

Он склонился над саркофагом, который находился напротив его собственного, и тихо сказал:

— Я бы взял тебя с собой, дорогая, но тебе лучше еще поспать. Я не разбужу тебя, пока этот кошмар не кончится.

Митчелл прочитал оставленное Кэррадином послание, а затем поднялся на следующий этаж в контрольную рубку. По счастью, судовой журнал был распечатан, и не пришлось возиться с компьютером, чтобы извлечь его из глубин памяти. Митчелл посмотрел в окно, откуда бил слепящий свет прожектора «Искателя», и Гримс по радио приказал Суинтону погасить поисковые огни и включить подсветку. Митчелл с удивлением рассматривал гладкий, стройный корпус корабля, так разительно отличавшийся от его собственного нагромождения металлических конструкций.

В его скафандре тоже имелся радиопередатчик, но он использовал старинную частотную модуляцию вместо общепринятой цифровой связи. Он попытался было разговаривать с Гримсом, вплотную сблизившись шлемами, но успеха достичь не удалось. Гримс наконец приказал Мак-Генри запереть контрольную рубку и найти в ней отопительные элементы. Когда замерзший воздух разогрелся настолько, что стало возможно дышать, они сняли шлемы.

— Прошу прощения, сэр, за мое негостеприимное поведение, — первым делом смущенно сказал Митчелл.

— Я вас вполне понимаю, капитан.
— Но, капитан, почему Кэррадин не мог позвать меня?

— А что бы вы делали, если бы он вас разбудил? Скорее всего, погибли бы, так же, как и он. Теперь же у вас есть какой-то шанс.

— Может быть, сэр. Может быть. Но вы мне не рассказали, как вы сами попали в эту преисподнюю.

— Это длинная история, — задумчиво сказал Гримс.

— У нас предостаточно времени, Джон, чтобы рассказать все истории, которые мы знаем, — вступила Соня.

— Хорошо, — сказал Гримс, — это длинная история, но вам все равно надо ее узнать. Может, вы, с вашим свежим непредвзятым умом, уловите какой-нибудь аспект, что-нибудь такое, что ускользнуло от нашего внимания.

— Должно быть, это будет тяжело, — ответил Митчелл, — когда я смотрю на ваш корабль и представляю себе сотни лет трудов и исследований, которые вложены в его постройку... Все-таки мне повезло, что я попал в будущее, хотя вряд ли можно назвать будущим то, где мы находимся... В общем, начинайте, сэр.

Гримс рассказал ему все, пытаясь выделить самое главное и попутно разъясняя сложные технические детали. Он попросил присутствующих по мере необходимости вносить добавления в его рассказ. Митчелл внимательно слушал, иногда задавал вопросы.

— Значит, — сказал он, когда рассказ был окончен, — мы не единственные, кто попал в эту пространственно-временную пропасть. Ваша экспедиция и наша, мы обнаружили два морских лайнера... затем самолет... И дирижабль с существами, похожими на пчел...

— Схаара, капитан. Мы называем их цивилизацию Схаара. Но они тоже теперь имеют межзвездные корабли.

— Все-таки странно, командор. Вы считаете, что попали сюда за счет ваших суперсложных навигационных систем. Но ведь у нас-то их нет! А все эти морские лайнеры, и просто люди, которых видел Кэррадин... Кстати, эти Схаара, командор, что они из себя представляют?

— Грубо говоря, это достигшие высокой степени эволюции медоносные пчелы.

— Хм. Вот как... Но, значит, есть что-то общее между нашими цивилизациями, иначе бы они никогда сюда

не попали, как мы. Разум, технологический прогресс... Вы сказали, что теперь у них появились и межзвездные корабли... Но ведь должно же быть что-то еще...

— Я знаю, что, — решительно заявил Кэлхаун.

— Что же именно? — спросил Гримс.

— Это... ну, назовем это из области пси-феноменов...

— Но Схаара глубоко материалистичны и не признают таких вещей.

— Я знаю, сэр. Тем не менее, они могут обладать определенными возможностями. Это им было необходимо для выживания, до того, как у них начался эволюционный скачок. Например, то, что у нас называется лозоходством...

— Лозоходство?

— Да, именно. По некоторым исследованиям, пчелы на Земле и в некоторых других местах, куда они были расселены, обладают такой же способностью находить нектар, как лозоходцы находят воду или минералы в земле.

— Н-да. Признаться, я впервые сталкиваюсь с подобной теорией.

— Тем не менее, она довольно известна.

Митчелл встрепнулся.

— Лозоходство, — прошептал он. — Здесь определенно есть какая-то связь.

— Какая же? — спросила Соня.

Старший капитан снова стал задумчивым.

— Не знаю... Хотя... Этот корабль, как вы знаете, один из серии таких же, построенных с целью колонизации других планет. Полагаю, командор и командир Веррил, в настоящее время все открытые миры уже достаточно изучены. Но в наше время это было не так. Корабли летели в неизвестность, пользуясь лишь рекомендациями астронавтов. Мы не знали заранее, на какой планете высадимся. Если по условиям жизни не подходила одна, мы летели к следующей.

Обычно для разведки на поверхность планеты спуускался небольшой корабль челночного типа. Разведчики должны были найти воду, залежи руды, минералов и горючие материалы. Естественно, они использовали различные приборы, но во многих случаях было выгоднее отправлять людей, обладавших даром биолокации.

— Похоже, я понимаю, куда вы клоните, капитан, — заметила Соня. — Но ведь лозоходцы не составляют большую часть команды или пассажиров.

— Наверное, нет, командир Веррил, но ведь...

Его перебил Кэлхаун:

— Биолокация распространена среди людей гораздо шире, чем это обычно считается. В определенной степени значительная часть людей обладает этим даром.

— Схаара занимается лозоходством, мы этим занимаемся... Ну и что из этого? — сказал Гримс.

— Вы знаете, где среди пассажиров лежат лозоходцы? — спросил Митчелла Кэлхаун. — Или, может, лучше сказать — сложены?

— Сложены — пожалуй, это точнее, — согласился Митчелл. — Пока не знаю, но я могу проверить по списку пассажиров и по плану.

— Уверен, они смогут помочь, — уверенно сказал Кэлхаун, и обратился к Гримсу:

— Сэр, предлагаю вам вызвать на связь Суинтона и чтобы он как можно скорее отправил сюда Мэйхью.

— Кто этот Мэйхью? — спросил Митчелл.

— Это наш офицер пси-радиосвязи. Профессиональный телепат.

— Ага, значит, эта идея получила развитие. В мое же время об этом только начинали говорить. И вы думаете, что он сможет читать мысли спящих лозоходцев?

— Надеюсь, что да, — ответил Гримс. — Я попрошу Суинтона отправить сюда один из наших скафандров для вас. Так нам будет значительно удобнее переговариваться.

Он надел шлем, включил дальнюю связь и отдал Суинтону необходимые указания.

Глава XXI

Вскоре они увидели Мэйхью.

Вместе с одним из младших офицеров он вынырнул в свете прожекторов из ярко освещенной шлюзовой камеры и отправился в полет сквозь разделявшую корабли пустоту. Джонс пошел их встречать к выходной камере. По счастью, все двери между основными отсеками были оборудованы по шлюзовому принципу, так что можно было передвигаться, не боясь каждый раз выпустить из рубки теплый воздух. Вскоре все трое появились, и холодные стекла их шлемов сразу запотели.

— Вы вызывали меня, сэр? — спросил Мэйхью, с трудом стаскивая с себя шлем.

— А как вы думаете? — саркастически спросил Гримс.

Но Мэйхью уже повернулся к капитану Митчеллу:

— А, так вы и есть тот самый рыбак. Как же, помню ваш сон. Вы сидите с удочкой на берегу, и...

— Хватит, Мэйхью, сейчас не время, — резко прервал его Гримс. — Надо заняться делом.

— Да, сэр, и я знаю, каким.

— Ну да, конечно... Надеюсь, что знаете... Слушайте, Мэйхью, а такое подслушивание, оно не противоречит нормам этики, которым вас обучали?

— В данных обстоятельствах — нет, сэр. Моя задача в том и состоит, чтобы быть в курсе дела, когда любая экспедиция покидает корабль.

— Ладно, значит, сэкономим время. Итак, капитан Митчелл, как только наденет скафандр, который вы взяли с собой, поведет нас к отсеку, где находятся лозоходцы. Вполне вероятно, что есть какая-то связь между ними и тем, что корабль оказался здесь... Как вы это называли, капитан? — в этом подпространстве.

Пока Митчелл менял скафандры, Джонс возился с бортовым компьютером. Наконец ему удалось запустить его. Тогда за монитор сел Митчелл и через несколько минут нашел нужные сведения.

— Уровень «С», — пробормотал он, разглядывая распечатанную страницу, — сектор восемь. Саркофаги с 18 по 23 включительно...

Сложив листок, он с помощью Сони надел шлем, и они двинулись к выходу.

Довольно быстро под предводительством Митчелла они отыскали уровень «С» и в самом краю его сектор восемь. Лозоходцев было шестеро — два мужчины, ничем не примечательных, и четыре женщины. Одна из них неуловимо чем-то отличалась от остальных.

Телепат остановился возле первого саркофага, глядя на лежащего под его прозрачной крышкой мужчину. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным.

— Этот человек, — сказал он наконец, — видит сон о еде... Я вижу покрытый белоснежной скатертью стол, хрустальные рюмки, серебряные сверкающие приборы... За столом сидят другие люди, но все они неясны и размыты. Для спящего они не главное. Но вот официант показывает мне бутылку вина, и затем наполняет мою рюмку. Офици-

ант — по жилой, осанистый человек с румяным лицом и серыми курчавыми бакенбардами. Улыбаясь, он наливает мне четверть рюмки. Я пробую. Это белое сухое вино, очень терпкое. Я удовлетворенно киваю головой...

Другой официант подает мне на серебряной тарелке устриц, свежий хлеб, масло, нарезанный лимон...

— Не совсем то, что мы ищем, — прервал рассказ Гримс.

— Да, да, конечно. А я только начал входить во вкус... Я ведь впервые видел устрицу — я хочу сказать — я, а не тот, кто видит этот сон. Хотелось бы попробовать их... Ну ладно, теперь уже поздно. Сны быстротечны, и он уже думает о чем-то другом.

И он сердито уставился на второго мужчину, который лежал ниже первого.

— Этот человек, он... он работает в своих снах. Он шагает по склону холма, по упругому дерну. В его руках — раздвоенный прут. Я чувствую шероховатость прута в моих руках и... и его... живость... прут как живой в моих руках, то отталкивается, то притягивается к земле... Вот прут вздрагивает, и я знаю, что под моими ногами, глубоко под землей, вода... Я иду дальше. Я не спешу. Здесь — металлы, а здесь — руда.

— Нет, — сказал Гримс, — это тоже не то.

— Прошу вас, сэр, не прерывать меня на середине, а подождать, пока сон закончится, даже если это и не мои сновидения.

Мэйхью нехотя передвинулся к следующему саркофагу. В нем лежала высокая, угловатая женщина, с широкими острыми скулами. Ее кожа была сероватого оттенка, и, казалось, от нее исходит холод еще больший, чем от вакуума. Взглянув на нее, Мэйхью вздрогнул. Он беззвучно шевелил губами и долго смотрел на нее. Наконец он прошептал:

— Она мертва. Она мертва, но...

— Но что? — нетерпеливо спросил командор.

— Но... я чувствую... как бы это сказать... воспоминание...

— Призрак, — подсказал Кэлхаун.

— Нет, не призрак. В ее мозгу еще остались воспоминания о последних мыслях... Но я ведь не могу оживить их. У нее осталось чувство — нет, не чувство, а намек — на какое-то сильное переживание, настолько сильное, что, по-моему, она не смогла его пережить.

Тодхантер возразил:

— Но ведь ее смерть не была вызвана какой-то физической причиной. Это ведь невозможно! Может, нам стоит попробовать ее оживить... — он повернулся к Митчеллу. — Насколько я понимаю, капитан, мы не можем этого сделать, не разбудив весь корабль. Здесь ведь нет системы индивидуального пробуждения.

— Совершенно верно.

— Вы не будете возражать, если мы используем для этого один из пустых саркофагов в вашем отсеке?

— Вообще-то этого делать не полагается, но... Но мы можем воспользоваться пустым саркофагом в отсеке Кэррадина. Я думаю, что он не будет возражать.

— Прекрасно.

— Проверьте прежде остальных лозоходцев, мистер Мэйхью, — сказал Гримс.

Мэйхью подчинился. Три оставшиеся женщины были живыми — насколько вообще можно назвать живым человека в таком состоянии, — и всем им снилось примерно одно и то же: семейная жизнь, мужа, дома, дети...

Крышку саркофага открыли, и из-под нее легко выскользнул прямоугольный прозрачный блок замерзшего газа, в котором находилось тело. Несмотря на невесомость, пришлось повозиться, чтобы вытащить его из тесного саркофага в проход. По коридорам, с уровня на уровень, его притащили, наконец, в другой конец сферы, к отсеку, где располагались экипажи.

В комнате для команды четвертого капитана все саркофаги были, естественно, пусты. Тело женщины положили в тот, к которому было легче всего пробраться. Затем все вошли в каюту, люк был задраен, а обогрев включен, и начался процесс оживления. Когда замерзший воздух растаял, саркофаг, как и в первый раз, наполнился густым газом, затем тело массировалось и обдавалось струями янтарной жидкости... Постепенно лицо женщины из серого стало желтоватым, а на скулах появился легкий румянец. Ее веки приоткрылись, а одна нога начала вздрагивать.

— Она не мертва, — пробормотал Гримс.

— Мертва, — возразил Мэйхью, — это судороги. Всего лишь судороги. И мне это совсем не нравится.

Крышка саркофага поднялась, и женщина медленно приняла сидячее положение. Ее глаза были открыты, но в них не было ни малейшего отблеска сознания. Из приоткрытого рта вместе с громким хриплым дыханием вылетали капли слюны...

— Голубое небо, — прошептал Мэйхью, — ослепляюще голубое... как кусок ткани в огромных руках, оно рвется... трещина ползет по небу... и грохот разрывающегося неба страшнее самого жуткого грома в самую жуткую грозу... Трещина ползет расширяется, и за ней — чернота и пустота, в которой нет ничего... Нет, там что-то есть... из пустоты появляются фигуры в сияющих белых одеждах, с огромными белыми крыльями, охватывающими небеса... И вот они поднимают к губам золотые трубы — и раздается звук — высокий и нежный... И золотистые нежные звуки музыки летят с небес, и поют хрустальные голоса... И пылающие мечи карают неправедных... И... и...

— И это все, — заключил Мэйхью. — Теперь она окончательно мертва. Мертвее быть невозможно.

— Так вот, значит, что ей снилось, — едва слышно, бесцветным голосом сказал Митчелл. — Вот что ей снилось, и снилось с такой силой, что она увлекла с собой весь корабль в эту щель в небесах... Но она ли это сделала? Разве могла она это сделать?

— А разве есть лучшее объяснение? — возразил Мэйхью.

— А есть ли вообще объяснение? — устало произнес Гримс.

Глава XXII

Конечно, это была чрезвычайно странная, с трудом укладываемая в голове гипотеза, но другой у них просто не было. Задача, которую экипаж «Искателя» пытался решить сложнейшими математическими расчетами и анализом законов физики и что им пока не удалось (то ли расчеты были недостаточно сложными, то ли физические законы были не до конца изученными), здесь объяснялась нарушением парапсихологических функций человека. История человечества и других живых существ Галактики доказывала, что лозоходцы искали — и всегда находили искомое. И некоторые из них, в сонном или бессознательном состоянии, искали вне времени и пространства. И в результате, многие из них попадали в эту преисподнюю, увлекая за собой весь незадачливый экипаж вместе с кораблем, на котором они находились.

— Командор, — сказал Митчелл, — наверняка это случилось именно так. Ведь наш корабль не похож на ваш. У нас архаичный, по вашим меркам, металлический

ящик с ракетным двигателем. У нас же нет сжимающих пространство навигационных систем.

— Возможно, это действительно так, — согласился Гримс. Он был готов рассматривать любую возможность, любой путь к тому, чтобы вытащить отсюда оба корабля — свой и капитана Митчелла. Он вспоминал все, что когда-то читал о Великом Расселении и об этих примитивных межзвездных ковчегах. Как и в библейском Ковчеге, пассажиры могли принять участие в полете только в паре с кем-нибудь — мужчины и женщины...

Внезапно в голове у него мелькнула мысль. Он повернулся к офицеру пси-связи.

— Мистер Мэйхью, вы можете войти в чей-то ум?

— Что вы хотите сказать, сэр?

— Влиять на человека.

— Наши правила запрещают это, сэр.

— К черту ваши правила. Они действуют в Галактике, а мы там, как известно, не находимся. И что касается нашего корабля, то на нем я устанавливаю правила, так же, как и капитан Митчелл — на этом корабле. Можете ли вы проникнуть в мозг другого человека и влиять на него?

— Иногда это удается, сэр.

— В мозг одного из спящих на этом корабле.

— Это значительно легче, сэр.

— Очень хорошо. Теперь, капитан Митчелл, объясняю свою мысль: здесь на корабле находится пять лозоходцев, которые счастливо спят в своих саркофагах. Мистер Мэйхью проникнет в сны четырех из них. Мэйхью у нас до ужаса патриотичен и считает свою планету Лорн самым райским уголком во всей Вселенной. Поэтому он использует все свои телепатические таланты, чтобы с лучшей стороны представить Лорн спящим лозоходцам. Моя идея такова. Каждому из них будет сниться, что он один, в темноте и пустоте, что ему холодно и страшно — это, впрочем, не так уж далеко от истины. У каждого из них в руках будет его рабочий инструмент, лоза — раздвоенный прут, или согнутая спица, или чем они там еще пользуются — в общем, кому что нравится. И каждому будет сниться, что лоза влечет его, ведет к радостно сияющей планете в звездном небе. Мэйхью как можно подробнее изобразит планету — со всеми морями и континентами. В этом мы ему поможем, поскольку сами не раз видели нашу планету из космоса.

Я, конечно, не гарантирую, что это должно сработать, но у нас есть шанс. Если не получится, то никому

из нас не станет хуже, а если получится — то лучше вам включить ваши двигатели раньше, чем Мэйхью примется за работу, чтобы успеть выйти на безопасную орбиту.

— Звучит безумно, командор, — сказал Митчелл, — но это более безумно, чем то что мы находимся вне времени и пространства. В любом случае, чтобы управлять кораблем, я должен сначала разбудить моих офицеров.

— Конечно. Тодхантер поможет вам в этом.

Митчелл задумался.

— Сэр, почему вы хотите использовать лишь четырех спящих? Почему не все пять?

— Если способ сработает, то мы получим право на определенное вознаграждение, поскольку это будет что-то вроде спасения имущества. Я знаю, как составлялись списки пассажиров рейсов вроде вашего, — мужчины и женщины в равном числе, мужья и жены. А у меня такое ощущение, что муж этой религиозной фанатички, которая ввергла сюда ваш корабль — также один из лозоходцев.

— Надо проверить по списку.

Митчелл достал из кармана распечатку.

— Если способ сработает, — пробормотала Соня, — неплохо было бы и на нашем корабле иметь лозоходца.

— Безумная женщина, или религиозная фанатичка, как вы ее назвали, — сказал Митчелл, — это миссис Кэролайн Дженкинс. Ее муж, Джон Дженкинс, действительно член команды лозоходцев. Здесь указано его место — это тот мужчина, который думал о еде. А теперь, прошу прощения, мне нужно будить мою команду. Надеюсь, что после этого эксперимента мне не придется укладывать их обратно.

После того, как команда проснулась, они снова отправились на уровень «С», в сектор 8. Пошли Гримс, Соня, Митчелл, Тодхантер, Мак-Генри и вместе с ними офицер медслужбы из экипажа Митчелла. Это была серьезная женщина, и после пробуждения, когда ее ввели в курс дела, она тут же взялась обсуждать медицинские проблемы со своим коллегой Тодхантером. И, конечно, с ними был Мэйхью.

Прежде всего предстояло отключить и вытащить саркофаг с телом мужа миссис Дженкинс. Теперь ему снились, сказал Мэйхью, какие-то другие плотские удовольствия.

— По крайней мере, — пробормотал Гримс, — он не будет слишком переживать по поводу потери жены и возражать против перехода на другой корабль.

Мак-Генри и Тодхантер принялись стаскивать огромный неуклюжий саркофаг с этажа на этаж, к ближайшей шлюзовой камере. Затем предстояло отогнать саркофаг к «Искателю», где инженеры займутся подключением его к системе поддержки анабиозного состояния.

Мэйхью приблизился ко второму мужчине, тому, который в своих снах искал воду. Он вслух произносил свое внушение, и его шепот гулко отдавался в наушниках присутствующих.

— Ты один... Ты всеми забыт... Вокруг тебя — темнота. Вокруг тебя нет ничего. Ничего... Абсолютная пустота... Ты летишь в никуда, а в твоих руках — мертвый прут.

Ты летишь...

Но вот прут встрепенулся, слегка дернулся. Ты чувствуешь его, как он вздрагивает... очень слабо. Но он ожил! И ровно через сто двадцать минут он укажет тебе направление! Он будет вести тебя, уверенно, сквозь теплоту, и ты наконец увидишь свет — маленькую золотую звездочку. Она будет расти; увеличиваться, и вот уже перед тобой прекрасная планета... Ты увидишь синие моря, зеленые цветущие континенты, снежные шапки на полюсах... Одна половина планеты залита солнцем, на другой ты увидишь яркие огни городов в темноте. Ты увидишь океаны и сушу, но не сейчас... должно пройти время, прежде чем прут оживет в твоих руках и поведет тебя к планете Лорн, прекрасной, солнечной планете...

«Надеюсь, что они не слишком разочаруются, — подумал Гримс, — когда увидят настоящий Лорн. Но все равно это лучше, чем болтаться здесь...»

Мэйхью довольно долго продолжал свою речь, все в том же духе, затем перешел к следующему лозоходцу, и к оставшимся двум, и когда наконец все было закончено, оставалось от силы полчаса до назначенного времени срабатывания гипнотической команды. Гримс и все остальные отправились обратно в контрольную рубку.

Офицеры Митчелла уже привели ее в полный порядок. За исключением Гримса, Сони и Мэйхью остальные члены экипажа «Искателя» уже давно вернулись на свой корабль.

Гримс обратился к Митчеллу:

— Мы покидаем вас, капитан. Если все произойдет, как и задумано, то скоро мы встретимся в нашем мире.

Митчелл засмеялся:

— Надеюсь, сэр. Но скажите, Лорн действительно настолько прекрасная планета, как ее описал мистер Мэйхью?

— Можете сделать небольшую скидку на его патриотизм, капитан.

— Но вам ведь не обязательно оставаться там, — вступила Соня. — Наша Служба с удовольствием расселит весь ваш корабль по тем планетам, какие вам больше понравятся.

— У налогоплательщиков Федерации глубокие карманы, — заметил Гримс.

— Джон, это уже старая шутка.

— Может быть, Соня. Но это так.

Командор пожал руку Митчеллу, затем надел перчатки своего скафандра, тщательно застегивая все соединения. Надев шлем, он смотрел, как Соня и Мэйхью делают то же самое, затем, в сопровождении одного из офицеров, они спустились к выходному шлюзу.

Прибыв на свой корабль, они с нетерпением дожидались, пока давление в шлюзовой камере достаточно поднимется, чтобы тут же устремиться в контрольную рубку. Затем они ждали, поглядывая на висевший за иллюминатором корабль, залитый огнями прожекторов. Они ждали, глядя на судовой хронометр, сначала на минутную стрелку, а затем все их внимание переключилось на секундную. Вот она перевалила за намеченное время, и пошла отсчитывать первую минуту опоздания...

Гримс нетерпеливо взглянул на свои наручные часы. Заметив это, Мэйхью спокойно сказал:

— Я наблюдаю за ними. Они уже видят свет вдалеке, и лоза уже указывает им путь...

— Все равно не понимаю, как это может сработать, — негромко сказал Рэнфрю.

— Они ведь попали сюда без всяких ваших штучек, лейтенант, — ответил Кэлхаун. — Значит, они в состоянии и улететь без всякой временной прецессии.

Когда они взглянули в иллюминатор, там уже ничего не было.

«Черт, — подумал Гримс, — отказали поисковые прожекторы. Но ведь у них же у самих горят в рубке огни!»

— Экраны пусты, — объявил Суинтон.

— Получилось, — прошептал Мэйхью. — Получилось...

Раз это получилось с кораблем капитана Митчелла, должно было получиться и у них. Реквизированный лозоходец спокойно лежал в своем стеклянном ящике и досматривал очередной слястолюбивый сон. Мэйхью, несмотря на усталость, тут же решил взяться за работу. Для начала он попытался ввести в сознание спящего элементы сомнений и беспокойства и отвернуть его мысли от сытого комфорта в сторону холода и пустоты внепространственной расщелины между Вселенными.

Но это было тяжело.

Дженкинс жил в своих снах, и жил только ради своих снов. Это был человек, полностью лишенный каких бы то ни было плотских наслаждений во время жизни на Земле. В присутствии религиозной жены он не мог себе позволить даже кружки холодного пива или куска хорошо приготовленного мяса. Поэтому он жил в своих снах, он любил свои сны, так как они спасали его от беспросветной жизни.

Но Мэйхью был настойчив. Его голос по временам разносился по всему моторному отсеку, во вспомогательной комнате которого был расположен саркофаг, и, казалось, от его слов весь корабль остывает и погружается в темноту. Он был настойчив, и вот уже тонкие ядовитые змеи зашевелились в саду наслаждений. Бифштекс становился жестким, а нож тупым, вино отдавало пробкой, сыр был невызревшим, а мягкий хлеб становился черствым... Пиво было теплым, а бутерброд — без горчицы... Порции были или слишком большими, или слишком маленькими...

Это были мелочи, которые в жизни встречаются на каждом шагу, но они выводили спящего из равновесия.

Затем была обворожительная блондинка, которая, улынувшись, открыла почерневшие гнилые зубы, а изо рта у нее шел зловонный запах... И сладострастная брюнетка, которая, раздевшись, обнажила изрытое язвами тело...

И так далее, в подобном духе.

Сны Дженкинса, конечно, не отличались возвышенностью, но в них и не было развращенности. Теперь же они, благодаря стараниям Мэйхью, теряли всю свою привлекательность. Теперь он, избежав объятий похотливой ведьмы, стоял, пошатываясь, на краю черной бездонной пропасти, объятый стыдом и страхом, а над ним угрожа-

юще склонились почитаемые его женой божества. Еще одно небольшое усилие — и вот он оступился, и, цепляясь руками за траву, неумолимо скользит к пропасти, срывается и падает, падает...

В холод и пустоту...

Он падает в холод и пустоту, в бездну, которая разверзлась под его ногами, и эта Абсолютная Пустота хуже Ада, которым жена неоднократно его пугала...

Он падает в холодную черную пустоту, и в его руках — его единственный друг, его последняя надежда, которая может вывести его снова в знакомый мир, и помощи больше ждать неоткуда, кроме как от этой изогнутой спицы в его руках, но похоже, что она умерла и навсегда застыла...

Но вот серебряная спица оживает, она ведет его куда-то, и он уже может различить вдалеке тусклую желтоватую звездочку, которая разгорается все ярче и ярче, и вырастает в прекрасную планету, где в зеленых садах гуляют красивые женщины, а на деревьях висят спелые сочные плоды, а под ними стоят уставленные яствами столы...

— Но это не Лорн, — тихо сказал Гримс.

— Это не Лорн, — эхом отозвалась Соня.

— Лорн, — громко шептал Мэйхью, — эта планета называется Лорн, это прекрасный, открытый мир... И рамка в твоих руках становится жесткой и, как стрелка компаса, устремлена на эту планету... Ты пересекаешь черную пропасть... Из пропасти сна ты перебросишь мостик в реальность, нужно лишь следовать за рамкой... она ведет тебя, она тащит, влечет тебя...

— Куда она его влечет? — прервал Гримс.

— Как куда, на Лорн, конечно, — прошептал Мэйхью. — У него чрезвычайно сильные сновидения.

Внезапно и резко завывла сирена, и опять — буква «А» кодом Морзе... В который раз...

Глава XXIV

За иллюминатором сияла звездная россыпь Галактики, а справа, закрывая собой все небо, блеснула поверхность Лорна. Сквозь разрывы облачности угадывались знакомые очертания континентов. Суинтон без предупреждения включил двигатели, чтобы вывести корабль на устойчивую орбиту, и всех неуспевших занять свои

места в креслах отбросило к стене. В громкоговорителе приемника надрывался странно знакомый голос:

— Неопознанный корабль, отзовитесь! Неопознанный корабль, немедленно отзовитесь!

Рэнфрю за своим пультом включил подстройку антенн, чтобы вместе со звуком принимать и изображение на экране контрольной рубки вызывавшего их корабля.

Гримс со своего места взглянул на экраны радара и индикатора масс, на обоих он увидел яркую точку, которая быстро приближалась к центру.

Через несколько минут корабли сблизятся достаточно для устойчивой видеосвязи.

— Опознайте себя! — продолжал надрываться динамик.

Гримс, взяв микрофон, спокойно произнес:

— «Искатель». Вспомогательный корабль Военно-Космического Флота Приграничных Планет. Опознайте себя.

Голос в динамике издал странный, непередаваемый звук, выражая, по всей видимости, недоверие, и произнес:

— «Искатель»? Военно-Космический Флот Федерации? Впервые слышу. Вы там что, пьяны? или с ума посходили?

— Нет, — шептала Соня, — не может быть...

Взглянув на нее, Гримс пораился необычайной бледности ее лица.

Центральный экран приемопередающего устройства наконец ожил. Избавившись от помех, он изобразил контрольную рубку другого корабля. Она сильно отличалась от их собственной, а в кресле старшего пилота сидел человек в униформе и наблюдал за радаром. Гримс тут же узнал его. В той, другой Вселенной, где они родились и выросли, он был капитаном «Полярной Королевы» и разбил ее во время неудачной посадки в порте Фаруэлл. Гримс был председателем следственной комиссии по этому делу.

Оказалось, что капитанская должность была прикрытием его основной работы — он, как и Соня, был офицером разведки Патрульной Службы, и они, он и Соня...

Командор повернулся на своем кресле к Соне и, пытаясь вложить в голос нотку вежливого сожаления, сказал ей:

— Ну что ж, похоже, цель полета для вас достигнута. Было очень приятно с вами познакомиться.

Она ответила:

— Моя цель была достигнута уже давно. И, Джон, поверьте, мне очень приятно, что я познакомилась с вами.

— Я получил их изображение, — зачем-то сказал Рэнфрю. — Но наш сигнал, кажется, до них еще не дошел.

— «Стар Фейрер» неопознанному кораблю. «Стар Фейрер» неопознанному кораблю. Приготовьтесь к встрече инспекционной комиссии.

— Советую вам подготовиться к встрече, — сказал Гримс Соне, и подумал: «Жалко, конечно, что у нас все так кончилось, даже не начавшись... Но нельзя же быть эгоистичным...»

— Вы его снова встретите... У вас есть еще шанс... — добавил он.

— «Стар Фейрер» неопознанному кораблю. Любая враждебная акция повлечет печальные для вас последствия. Приготовиться к встрече инспекции.

— Командир Суинтон! — голос Сони прозвучал неожиданно звонко. — Включить навигационную систему Манхенна! Степень сжатия выбрать произвольно!

— Есть, сэр! — первый помощник покраснел. — Простите, мэм.

Затем он повернулся к Гримсу:

— Ваши приказания, сэр?

— Джон! — с беспокойством сказала Соня, — нам надо уходить отсюда.

— Нет. Вы ведь хотели этого, это ваш шанс, и вы его получили.

Она усмехнулась.

— Женщина может переменить свое мнение. Мне нужна моя, родная Вселенная, где есть только вы — вы один.

Она засмеялась, указывая пальцем на экран. Девушка в офицерской форме появилась за спиной командира корабля и, улыбаясь, наклонилась к нему. Он ласково сказал ей что-то...

— Где только вы один, — повторила Соня, — и где я — только одна.

— Включить навигационную систему, — приказал Гримс. — Произвольное сжатие.

— Есть, сэр, — с готовностью отозвался Суинтон, и вместе с набирающим силу тонким воем гироскопов экран покрылся рябью и быстро потух, приемник замолчал,

а Галактика за иллюминатором медленно приняла привычные очертания бутылки Клейна, покрытой разноцветными следами пробежавших звезд.

— Сэр, — недовольно ворчал Рэнфрю, — они ведь могли помочь нам вернуться. И даже если бы не смогли помочь, я считаю, что нам все-таки следует придерживаться установленных правил.

— Ваше право думать так, как считаете нужным, — с резкостью, которую могла себе позволить по отношению к своим подчиненным, ответила Соня. — Но решения здесь принимаем мы с командором.

— Но ведь это же вроде как научная экспедиция, — продолжал Рэнфрю. — А наукой здесь и не пахнет. Какие-то лозоходцы, спиритические сеансы...

— Вы не можете отрицать, что у нас есть определенные результаты, — заметил Кэлхаун.

— К счастью, да.

Гримс, сидя за столом наконец приведенной в порядок кают-компания, устало наблюдал за перебранкой. Можно уже было расслабиться. Место, куда они залетели, было выбрано наполовину случайно, наполовину в результате приблизительных вычислений. После аварии с «Полярной Королевой» он расспрашивал Маудсли — того, настоящего Маудсли, — и составил себе не слишком высокое мнение о его летных качествах. Но даже если бы этот Маудсли был гораздо способнее, отыскать корабль в космическом пространстве Галактики было не проще, чем иголку в стоге сена.

— Господа, — прервал он споры, — цель нашего собрания — найти способ вернуться из этой Вселенной в наше собственное пространственно-временное измерение. У кого-нибудь есть предложения?

Предложений не было ни у кого.

— Наша беда заключалась в том, — продолжал он, — что, хотя лозоходцы нам и помогли выбраться из провала, мистер Мэйхью был слишком предрасположен глядеть на свою планету сквозь розовые очки. К несчастью, лишь он один способен влиять на сновидения нашего терпеливого Дженкинса. Так вот, Дженкинс, вообразив себе Лорн более привлекательным, чем он есть на самом деле, привел нас в мир, где Приграничные Планеты входят в состав Федерации. Естественно, это влечет за собой более высокий уровень жизни и некоторые другие преимущ-

щества, но мы, в нашем мире, считаем, что независимость — это слишком высокая плата за удобства. Что же касается причин, почему мы не решились контактировать с жителями данной Вселенной, то я думаю, ни одному из нас не хотелось бы встретиться с еще одним собой, с той же работой, домом и женой...

— Итак, что мы имеем?

— Мы имеем лишь Дженкинса, — изрек Кэлхаун.

— Да, мы имеем лишь Дженкинса. Но как нам его использовать?

— Но ведь у нас есть еще и ваш талант, — сказала Соня.

— Мой талант?

— Ваши предчувствия. Они ведь вас ни разу не обманывали.

— Это скорее объясняется экстраполяцией прошедшего и настоящего, чем моими талантами.

Сказав это, он сел в кресло, пристегнулся и стал припоминать подробности всего полета. Вскоре он уже не обращал внимания на развернувшуюся вокруг него дискуссию. Он вспоминал, как они пересекли в первый раз невидимые границы и оказались в Альтернативной Вселенной. И это было перед падением в расщелину. Он припомнил это странное раздвоение, затем легкий удар... А может...

— Мистер Мэйхью! — позвал он.

— Чего? Простите. Да, сэр?

— Что вы думаете по поводу нашего корабля?

— Ну, корабль как корабль...

— А вы его не перехваливаете у себя в душе?

— С чего это вдруг, сэр?

— Ну ладно. Пожалуйста, пойдемте со мной снова к этому лозоходцу. Я хочу, чтобы вы опять проникли в его сны, как вы это уже делали. Нужно, чтобы вы погрузили его еще раз в темноту, и чтобы он выбрался со своей рамкой из пустоты к свету, жизни и теплу.

— Но ведь вы сказали, что мое видение Лорна слишком идеалистично!

— Так оно и есть. Но вы его выведете к «Искателю».

— К нам, сэр?

— К кому же еще?

— Холод, — шептал Мэйхью, — холод, темнота и абсолютная пустота... Здесь нет ничего, ничего. Здесь нет ничего, кроме серебряной изогнутой спицы, которую ты

держишь в руках. Ты чувствуешь, как она вздрагивает... ты чувствуешь, как она тянется куда-то. И впереди ты видишь тусклый далекий отблеск света... Но ты еще не знаешь, что там. Ты подходишь поближе, и ты видишь, что свет исходит от приборной панели... Горят зеленые и красные индикаторы, мониторы, экраны радаров... Это контрольная рубка корабля, которую ты видишь сквозь широкие иллюминаторы... А прямо под ними, на борту корабля, ты можешь прочитать золотую надпись: «Искатель».

И Мэйхью принялся описывать корабль самым подробным образом, иногда с забавными деталями, и Гримс понял, что Мэйхью спокойно выуживает из голов офицеров технических служб все необходимые сведения. Он описал корабль и экипаж, особенно напирая на разницу между теплом и светом на борту и черной холодной пустотой, в которой находился лозоходец. И когда он описывал членов команды, Гримс подумал, что характеристики, которые он давал, были не такими уж льстивыми.

Но это был их Дом, это небольшое общество на борту было как одна семья. Гримс чувствовал, что многое из того, что говорил Мэйхью, глубоко западало ему в душу.

Этол был Дом, говорил Мэйхью, и Гримс чувствовал то же, что должен был чувствовать спящий лозоходец. Это был Дом, и он был близко, почти рядом, стоило вытянуть руку, чтобы ощутить холодную твердую поверхность его металлической оболочки, за которой были комфорт, тепло и надежность...

Это был Дом, которому все они принадлежали, и Гримс вдруг с удивлением подумал, что даже этот человек в стеклянном, окутанном проводами и трубками ящике, неизвестно как и непонятно откуда появившийся на их корабле, тоже принадлежит их дому.

Он повернулся к Соне и услышал ее слова:

— Вот и еще раз сбылись ваши предчувствия, Джон.

И он опять вспомнил все, что случилось. И неудачную охоту на Призраков, и их выпадение из Времени и Пространства. И он понял, что случилось именно так, как он этого хотел. Но теперь уже не было необходимости в политическом союзе вождей потенциально враждебных племен. (Как только такое могло прийти ей в голову?)

— Что ж, — с трудом сказал он, — было очень приятно с вами познакомиться. А теперь...

— А теперь, — эхом отозвалась она.

— Прошу прощения, дамы и господа, — вступил Мэйхью, — я должен вас покинуть. Теперь, когда мы вернулись в нашу собственную Вселенную, я буду неукоснительно соблюдать правила нашего Центра и не намерен подслушивать ваши мысли. Но я скажу вам вот что, сэр. Я скажу вам, что политический союз — это просто была болтовня. Это был предлог, если хотите. И я скажу, что молодая леди нашла то, что она искала, или того, кого она искала. Она нашла его, и его имя — не Дерек Кэлвер и не Билл Маудсли.

— В Патрульной Службе его отдали бы под суд за такие слова, — заметила Соня.

— А также в Военно-Космическом Флоте Приграничных Планет, — добавил Гримс. — Но я не буду давать этому делу ход.

— Вы совершенно правы. Он сказал именно то, что я сама собиралась вам сказать, Джон. Будем считать, что он помог нам сэкономить время.

Они не поцеловались, а лишь взялись за руки. Они знали, что они очень близки друг другу. Вместе они вышли из каюты и направились в контрольную рубку.

Продолжать безумную охоту на призраков уже не было необходимости. Перед ними расстилалась долгая жизнь, наполненная более занимательными вещами, чем поисками чужих Вселенных.

Для Гримса и для Сони Веррил эта экспедиция была закончена.

Конец первой части

Х. Бим ПАЙПЕР

ЧЕТЫРЕХДНЕВНАЯ ПЛАНЕТА

Фантастический роман

Перевод с английского

Глава I

КОРАБЛЬ С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Я прошел через ворота, водрузив на голову антигравитационную корзину со снаряжением. Интересно, что, кроме революции, может превратить Порт Сандор в такое же чистое, уютное, хорошо освещенное местечко, как и космодром? Я часто размышляю на эту тему. Это было не под силу ни редакторской работе отца, ни моим саркастическим репортажам. Мы уже достаточно долго пытались воздействовать на окружающую обстановку.

Две девчонки в бикини прошли мимо меня, продолжая оживленно обсуждать недавнюю потасовку, которая произошла у одной из них с ее приятелем. Я подошел поближе к компании охотников на монстров. Их было около полудюжины, на всех были сапоги до колена, короткие корабельные куртки, а на ремнях болтались кинжалы внушительных размеров. Так как они не спорили чей корабль быстрее, капитан круче и кто из них делает настоящие деньги, я понял, что все они из одной команды. Охотники обсуждали цены на жировой воск монстров, и кажется, до них уже дошел слух о том, что его стоимость упадет до тридцати пяти сентисолов за фунт. Я бесстыдно подслушивал, хотя уже обладал этой информацией.

— Привет, Уолт, — окликнул кто-то меня из-за спины. — В поисках новостей, стоящих того, чтобы их запечатлеть, а?

Я обернулся. Это был кудрявый шатен лет тридцати пяти, обладатель широкой улыбки. Адольф Лаутер — покровитель увеселений. Он и мой отец, каждый имели свою долю в телевещательной компании Порт Сандора, деля время между музыкальными программами и художественными фильмами Адольфа и передачами новостей моего отца.

— Все новости стоят того, и, если это действительно

десять часов назад, когда я видел его в последний раз. Было около половины пятого.

Теперь, пока не начали возникать вопросы о том, кто именно здесь сошел с ума, позвольте мне обратить ваше внимание на то, что все это происходило не на Земле, не на Бэлдуре, не на Фрейе, ни на любой другой нормальной планете. Это Фенрис, а на Фенрисе закаты, как впрочем и многое другое, — это нечто особенное.

Фенрис является второй планетой звезды G-4 и находится в шести с половиной световых лет от Солнечной системы. Во многом это тот же тип планеты, что и Земля, только ближе к ее начальному, холодному периоду, уровень радиации и там, и там одинаков. Я родился на Фенрисе и с тех пор ни разу за семнадцать лет не покидал свою планету.

Все остальное не совсем схоже с Землей. Год на Фенрисе немного короче, чем на Земле — восемь с лишним тысяч стандартных галактических часов. За это время Фенрис делает четыре полных оборота вокруг своей оси. Это означает, что пока одна сторона планеты находится в тени, на другой тысячу часов стоит нестерпимая жара. После восьмичасового сна вы встаете и, выйдя на поверхность в изоляционной машине или в специальном костюме, вы обнаруживаете, что тень сдвинулась только на дюйм, или около того, и что становится еще жарче. Наконец солнце сползает к горизонту и в часовом измерении, принятом на Земле, болтается там еще несколько дней. После этого находиться на поверхности — сплошное удовольствие, великолепный, непрекращающийся в течение ста часов закат. Затем становится все темнее и холоднее. Холод царит на Фенрисе до самого рассвета, потом появляется солнце, и все начинается сначала.

Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что Фенрис — не подарок. Это не настоящая «планета-ад», и космонавты в своих клятвах не упоминают ее имени так, как они упоминают Ниффельгейм, но даже Реверенд Хайрам Зинкер, ортодоксальный проповедник, признает, что Фенрис — это одна из планет, которые Создатель сотворил, находясь немного не в своем уме.

Чартерная компания, основавшая колонию на Фенрисе в конце Четвертого Столетия Атомной Эры, обанкротилась ровно через десять лет после этого. Это не заняло бы так много времени, но связь между Землей и Фенрисом была вопросом шести месяцев пути в один конец. Когда катастрофа наконец разразилась, двести

пятьдесят тысяч колонистов оказались без гроша в кармане. Они потеряли все, что вложили в компанию, а для большинства из них это было все, что они имели. До того, как от Федеральной Космической Службы смогли прислать корабли для эвакуации, многие колонисты лишились не только средств к существованию, но и самой жизни.

Около тысячи из них, те, кто были слишком бедны, чтобы где-нибудь начинать все с нуля, и достаточно выносливы, чтобы выжить на Фенрисе, отказались от эвакуации. В их распоряжении остались техника и снаряжение, от которых отказалась компания, и они попытались обжить планету. На данный момент нас приблизительно двадцать тысяч, и, хотя по-прежнему очень бедны, мы очень выносливы и упрямы, чем любим похвастать.

На широкой, бетонной верхней палубе космодрома, вокруг шахты приземления находилось около двух тысяч человек — десять процентов всей популяции... Пройдя через толпу, я поставил свою корзину с телекамерами и магнитофонами на бетон, как обычно надеясь, что мне попадется какой-нибудь десяти-двенадцатилетний пацан, достаточно слабоумный, чтобы хотеть стать репортером, тогда у меня появится подмастерье, таскающий за мной все это барахло.

Единственный репортер-звезда единственной на планете газеты — я всегда был при деле, когда на Фенрис прибывали корабли маршрута Земля-Один-«Пинемюнд» и «Мыс Канаверэл». Конечно, мы всегда поддерживали с ними связь, как только они выходили из гиперкосмоса. Мы получали список всех пассажиров и краткую сводку всех новостей, которые у них имелись, начиная с новостей о восстаниях туземцев на Торе и заканчивая политическими скандалами на Венусе. Иногда туземцы на Торе ни с кем не воевали, а ряды Республиканской Федерации Венуса пополнялись отнюдь не скандальными политиками, но всегда находилась какая-нибудь душеспитательная история. Вообще все истории были шестилетней давности, были и годовалые новости. Космический корабль мог пройти путь равный одному световому году за шестьдесят с лишним часов, но радиоволны ползли с прежней скоростью.

Несмотря на все вышеизложенное, я обязан был встречать корабли. Всегда найдется что-нибудь, требующее персонального присутствия, обычно это интервью. На этот раз новость, приближающаяся к нам на борту

«Пинемюнда» была местного значения. Парадокс? Ничего подобного, сказал бы мой отец. Он говорит, что парадокс это или буквальное противоречие, и вы можете избавиться, произнеся это еще раз, либо структурное противоречие, и вы просто называете это невозможным и все так и оставляете. В данном случае, это был настоящий, живой писатель, собирающийся написать путевые заметки о Фенрисе — планете с четырехдневным годовым циклом. Глен Мюрелл — очень похоже на псевдоним, и вдобавок никто никогда ничего о нем не слышал. Это было слишком странно. Единственное, чем мы могли действительно гордиться, кроме выносливости наших граждан — это наша публичная библиотека. Когда люди большую часть своего времени, дабы не быть изжаренными или замороженными до смерти, вынуждены проводить под землей, у них в запасе остается достаточно времени, и чтение — один из самых дешевых и полезных способов убить его. Путевые заметки пользовались особой популярностью, может быть, потому, что каждый надеялся отыскать книгу о менее «приятном» месте, чем Фенрис. До приезда Мюрелла я попробовал получить о нем какую-нибудь информацию в нашей библиотеке. Никто из библиотекарей никогда и ничего о нем не слышал, и более того — не нашлось ни единого упоминания о нем в обширнейшем каталоге публикаций.

Из этого следует самый простой и очевидный вывод — Глед Мюрелл — мошенник, выдающий себя за писателя. Есть только одно «но» — я не могу понять, зачем мошеннику понадобилось отправляться на Фенрис и кого он здесь собирается обводить вокруг пальца? Возможно, он в бегах, но тогда, зачем ломать голову и придумывать себе легенду? Многие из наших наиболее известных граждан оказались на Фенрисе только из-за того, что на любой другой планете им сразу бы был представлен ордер на арест.

Я продолжал раздумывать о Мюрелле, как вдруг сзади меня кто-то окликнул. Я обернулся. Это был Том Кивельсон.

Мы с Томом приятели, когда он в порту. Он старше меня всего на одну тень, ему исполнилось восемнадцать около полудня, а мне стукнет восемнадцать не раньше полуночи по стандарту солнечного времени на Фенрисе. Его отец — Джо Кивельсон, капитан «Явелина». Том что-то вроде младшего инженера, второго стрелка и третьего гарпунщика. Мы вместе ходили в школу или,

другими словами, провели два года под боком у профессора Хартзенбоха, постигая азы чтения, письма и складывания чисел. Этим исчерпывалась вся программа обучения, которую кто-либо мог получить на Фенрисе. Джо Кивельсон послал свою старшую дочь Линду учиться на Землю. Здесь у нас каждый должен был сам заниматься своим образованием. Мы с Томом все еще занимались своим.

Каждый из нас завидовал другому. Я считал, что охота на монстров — это самое потрясающее занятие, полное романтики, Том же думал, что профессия репортера — это действительно горячее дельце. На самом деле мы оба прекрасно понимали, что ни один из нас не променяет свою работу на что-нибудь другое. Том не смог бы связать вместе и трех предложений, нет, пожалуй, и одного, не подвергнув при этом свою жизнь опасности. Я же был простой городской мальчишка, которому нравилось постоянно находиться там, где не сходятся концы с концами.

Том дюйма на два повыше меня и фунтов на тридцать потяжелее. Как и полагается охотнику на монстров, Том пытался отрастить бороду, но пока это был всего лишь легкий белый пушок на подбородке. Я был очень удивлен, увидев, что он оделся так же, как и я — шорты, сандалии, белая рубашка и короткая светлая куртка. Обычно даже в городе он не расставался с корабельной одеждой. Оглядев Тома с головы до ног, я заметил, что у него из-под куртки выглядывают ножны. Охотники никогда не носят ножи или что-нибудь подобное, находясь в порту. Меня интересовало также, каким ветром его вообще сюда занесло. Вряд ли после двух-трех часов охоты Джо Кивельсон поспешил направить в порт свой корабль только для того, чтобы встретить «Пинемюнд».

— А я думал, ты сейчас где-то в Южном океане, — сказал я.

— Намечается провести общее собрание Кооперации, — сказал Том. — Мы узнали об этом только вчера вечером.

Он назвал капитана, который вызвал «Явелин».

— Мы постарались оповестить всех, с кем можно было связаться.

Так обстояли дела в Кооперации Охотников. Стиву Равику оставалось только подождать, пока все капитаны приведут свои корабли, созвать собрание, упаковать его своими наемниками и протащить через голосование все,

что ему потребуется. Так было всегда, насколько я помню, хотя моя память охватывает не такой уж большой срок.

Я чуть было не сказал что-то по этому поводу, как вдруг кто-то закричал:

— Вон там! Это он!!

Быстро проверив, куда направлены чаши радаров, я посмотрел в ту же сторону и в разрыве облаков увидел еле заметное мерцание. Подсчитав в уме, на какой высоте «Пинемюнд» способен поймать солнечный зайчик, я немного расслабился. Даже если бы я использовал телефотосистему, у меня получилось бы изображение по размерам не больше булавочной головки. Итак, я зафиксировал в уме расположение корабля и огляделся вокруг.

Я обратил внимание на двух стоящих в толпе мужчин. Оба были хорошо одеты, один был высокий, стройный, с маленькими руками и ногами, второй — крепкий, небольшого роста, с серыми кустистыми усами. У высокого была заметна характерная выпуклость под левой рукой, у крепыша точно такая же выпуклость наблюдалась у правого бедра. Первый — Стив Равик — босс Кооперации, второй — почтенный Мортон Холсток — мэр Порт Сандора и, следовательно, — Глава планетарного правительства Фенриса.

Сколько я себя помню, они всегда занимали эти почетные должности. Я не припомню также каких-либо выборов на Фенрисе, ни на уровне правительства, ни на уровне Кооперации. Равик содержал при себе банду головорезов, — я как раз только что видел внизу парочку типов из этой компании — которая держала в узде оппозицию. Такие же типы были на содержании у Холстока, только они носили значки и называли себя полицией.

Время от времени мой отец писал блестящие разоблачительные статьи о том или другом. Всякий раз, когда эти статьи выходили в свет, я был вынужден носить свой пистолет при себе, как и Юлий Кубанов — одноногий наборщик, третий и последний сотрудник «Таймс». Мы должны были следить, нет ли какого-нибудь типа у отца за спиной. И хотя никогда ничего не случалось, это напряжение стоило мне немало нервных клеток. Эти два рэкетира так прочно сидели на своих местах и были так тесно связаны друг с другом, что их не волновало, что именно передает или печатает о них «Таймс». Холсток посмотрел в мою сторону и что-то сказал Равику, тот усмехнулся, вытащил изо рта сигарету и затушил ее о

свою левую ладонь. Равик не раз демонстрировал этот фокус, показывая всем насколько он крут. Когда ты видишь любителя пустить пыль в глаза, говорил мой отец, спроси себя, зачем он это делает, чтобы произвести впечатление на окружающих или на самого себя? Интересно, как обстояло дело в случае Стива Равика?

Я снова посмотрел вверх, «Пинемюнд» приближался на всех скоростях, не боясь перегреться от трения с атмосферой. Если смотреть невооруженным глазом, он был уже размером с крупную дробь. Два буксира были готовы подняться в воздух, чтобы встретить корабль. Я вытащил из корзины теле-фото-систему, приклад и спусковой курок. Поймав корабль видеоискателем, я ж на пару секунд нажал на курок. Пройдет еще около пяти минут, прежде чем к «Пинемюнду» приблизятся буксиры и произойдет еще что-нибудь. Я положил камеру в корзину и огляделся вокруг. Сквозь толпу продвигался Биш Вэр. Создавалось впечатление, что он идет по раскачивающейся палубе корабля с включенной системой антигравитации. Увидев нас, он махнул рукой, разбалансировался, вернулся в прежнее положение, лег на правый борт, сменил курс и двинулся в нашу сторону. Он нес на борту свой обычный груз, в декларации значилось: медовый ром Бэлдура, место отгрузки: бар Гарри Вонга.

Думаю, что Биш Вэр — не настоящее имя этого человека. Лет пять назад, когда он первый раз появился на Фенрисе, кто-то прозвал его «бишоп»*, со временем от прозвища остался только первый слог. Ему подходило это прозвище, во всяком случае, любой человек, который видел епископов только в кино, наверняка считал, что епископы выглядят именно так. Это был большой человек, не толстый, но высокий и породный, его красная физиономия всегда отражала мудрость и благосклонность.

Волосы у Биша были седыми, но сам он не был стар, о чем можно было судить по его рукам, они не были сухими и морщинистыми, вены не выступали наружу. Пьяный или трезвый, а я должен признаться, что никогда не видел его в последней кондиции. Биш обладал такой молниеносной реакцией, какой я ни у кого не встречал. Как-то я наблюдал в баре Гарри Вонга следующую картину: Биш случайно левым локтем опрокинул со стойки бутылку с ромом, одним движением он повернулся на девяно-

* Bishop (англ.) — епископ.

сто градусов, поймал ее за горлышко и поставил на место, при этом продолжая разговор так, будто ничего не произошло. Помню первое время, когда Биш только появился на Фенрисе, он любил цитировать Гомера, казалось, что он думает на древне-греческом, а потом переводит свои мысли на язык Земли.

Одет он был, как обычно — черный консервативный костюм, пиджак чуть длиннее обычного, и черный галстук с булавкой из натурального опала с Уллира. Биш Вэр ничем не зарабатывал себе на жизнь, но каждый планетарный день, или иными словами четыре раза в год он получал чек на солидную сумму и вкладывал свой капитал в банк Порт Сандора «Точность и Доверие». Если Бишу попадался кто-нибудь не достаточно воспитанный и начинал задавать вопросы, Биш неизменно отвечал, что у него на Земле есть весьма состоятельный дядюшка.

Когда я был пацаном, ну, хорошо, младше, чем сейчас, я верил, что Биш — епископ, только без сутаны, гамаш и что там еще. Надо сказать, не только дети, но и многие взрослые верили в это. Одни обвиняли его в том, что он проповедует дзен-буддизм, другие причисляли его к англиканской церкви и так далее, не пропуская сатанизм. Было множество версий по поводу того, за что именно он отлучен от Церкви, самая мягкая из них — это история о недостроенной где-то по вине Биша церкви, так как он сбежал, прихватив все деньги, собранные прихожанами для ее постройки. Абсолютно все считали, что какая-то неведомая религиозная организация оплачивает пребывание Биша Вэра в нашей «тихой гавани», лишь бы он не создавал им проблем.

Я и сам думал, что ему кто-то платит за то, что он держится в стороне, возможно — его семья. На колонизированных планетах пруд пруди подобных типов.

Мы с Бишем были добрыми друзьями. На Фенрисе имелись определенные «леди» всех полов и возрастов, например, профессор Хартзенбох, который время от времени пытался повлиять на моего отца, чтобы тот позволил мне встречаться с профессором. Отец просто игнорировал их всех. Коль скоро я собирался стать репортером, мне необходимо было откуда-то получать информацию, а Биш Вэр был превосходным источником таковой. Ему были известны все обладатели самой дурной репутации на планете, что позволяло мне избегать общения с ними. Жаль, но в воскресной школе действительно можно узнать очень мало горячих новостей. Я не боялся, что Биш

дурно повлияет на меня, скорее, он надеялся, что общение со мной повернет его в лучшую сторону.

Эта мысль прочно сидела у меня в голове, если бы я только мог придумать, как это сделать. Когда-то Биш был хорошим человеком. Он и сейчас был таким, существовало только одно «но» — вы могли придерживаться этого мнения до тех пор, пока он не начинал пить. Может быть, когда-то с ним случилось что-то невыносимо ужасное, и теперь он пытался спрятаться от этого наваждения за бутылку рома. Терпеть не могу потерянных людей, мужчина планомерно превращающий себя в бочонок рома — самый худший тип потерянного человека. Операция по исправлению Биша требовала немалой осторожности, огромных усилий и четко продуманной тактики. Проповедовать правильный образ жизни более, чем бесполезно, это просто попытка заставить его не пить, доктор Роянский назвал бы это — лечение симптомов. Необходимо было сделать так, чтобы он захотел не пить, а я понятия не имел, каким образом мне удастся добиться этого. Пару раз я подумывал — не взять ли его на работу к нам в «Таймс», но нам редко удавалось заработать достаточно денег для самих себя, а Биш с его регулярными поступлениями просто-напросто не нуждался в работе. У меня в голове было полно подобных идей, но при детальном обдумывании, каждая из них отпадала сама собой.

Глава 2

РЕПОРТЕРСКАЯ РАБОТА

Проделав свой путь, Биш торжественно поприветствовал нас с Томом:

— Добрый день, джентльмены. Капитан Ахаб, если не ошибаюсь, — сказал Биш, поклонившись Тому, который, кажется, был несколько озадачен. Образование, которое Том старался получить собственными силами, было, скорее, технического характера, чем гуманитарного. — И мистер Пулицер, или это Хорас Грилей?

— Лорд Бивербук, ваша милость, — отвечал я. — Не поделитесь ли вы с нами какими-нибудь скромными новостями из вашей епархии?

Биш слегка покачнулся, вытащил из кармана сигару и, тщательно осмотрев ее, прикурил.

— Ну-у-у, — медленно начал он, — моя епархия по самые люки забита грешниками, едва ли это новость, —

Биш повернулся к Тому. — Совсем недавно один из твоих ребят попал в переделку у Мартина Джо, буквально раскрошил одного парня.

Биш назвал имя охотника с «Явелина» и имя пострадавшего, последний был из шайки головорезов Стива Равика.

— С сожалением должен признать — исход был фатальным, — добавил Биш. — Местное гестапо разыскивает твоего парня, но мне кажется, он уже на борту «Бульдога» Нипа Спацони, и наверное, уже на полпути к Земле Германа Рейха.

— Разве Нип не будет сегодня на собрании? — спросил Том.

Биш тряхнул головой:

— Нип очень миролюбивый человек, и у него есть очень серьезные подозрения, что мир — это именно то, чего сегодня будет не хватать в Зале Охотников. Вы знаете, конечно, что Лео Белшер прибывает на «Пинемюнде» и собирается сегодня выступить на собрании. Думаю, он объявит об очередном понижении цен на воск. Новая цена, как я понимаю, будет равна тридцати пяти сентам за фунт.

Семь сотен солов за тонну, подумал я, да, это едва покроет расходы на корабль.

— Откуда ты знаешь? — спросил Том немного резко.

— О, у меня полно шпионов и информаторов, — ответил Биш. — Но даже если бы у меня их не было, это нетрудно вычислить. Единственная причина, по которой Лео Белшер посещает этот «рай среди планет», — заключение нового контракта, а кто когда-нибудь слышал о контракте, после заключения которого цены поднялись бы вверх?

— Да... так было и раньше, и не один раз. В то время, когда Стив Равик только начинал контролировать Кооперацию Охотников, цена на воск составляла пятнадцать сотен солов за тонну. Насколько мы с отцом смогли разузнать, воск и сейчас продавался на Землю по прежней цене. Мы были абсолютно уверены, что Равик, Лео Белшер, являющийся официальным представителем Кооперации на Земле, и Морт Холсток попросту прикармливали разницу. Меня бесила сложившаяся ситуация так же, как и людей, выходящих в океан на охотничьих кораблях. Жировой воск монстров — единственный продукт, экспортируемый с Фенриса. Все, что ввозилось на

нашу планету, оплачивалось из средств, полученных от продажи воска.

В действительности, это не воск и не жир, это то, что можно добыть только убив монстра из моря Ярви. У монстра под шкурой и вокруг некоторых органов имелся солидный слой этого вещества. Монстр средних размеров, длина которого составляет что-то около ста пятидесяти футов, накапливает под своей шкурой от двенадцати до пятнадцати тонн того, что охотники решили называть воском. За год опытная команда охотников может убить около десяти монстров. При цене, которую предлагают Равик и Холсток, годовая выручка будет составлять примерно сто пятьдесят тысяч солов. Если произнести эту цифру быстро и не задумываясь, создается впечатление, что это довольно приличная сумма. После всех выплат оставшиеся деньги делятся определенным образом на десять-пятнадцать человек. Капитан охотников, даже такой крутой, как Джо Кивельсон, зарабатывает в год не больше, чем мы с отцом в «Таймс».

По своему химическому составу восковой жир монстров не имеет аналогов в нашей Галактике. Молекулы просто огромны, их легко можно разглядеть под обычным оптическим микроскопом, и представляют собой весьма любопытный объект для наблюдений. Этот продукт используют фабрики, выпускающие защитную одежду. Костюм с покрытием из жирового воска наших монстров с таким же успехом защищает от радиации, как и костюм со свинцовым покрытием в 0,5 дюйма, но весит при этом не больше двух фунтов.

В старые времена, получая пятнадцать сотен за тонну, охотники зарабатывали неплохие деньги, но это было до Стива Равика и до моего рождения.

Стив Равик появился на Феррисе лет двадцать назад. Он купил пай в двух кораблях-охотниках, подставил двух капитанов, от которых отвернулась удача, и сделал из них своих должников. Он быстро вошел в контакт с Холстоком, который контролировал определенное количество людей, достаточно легковверных, чтобы голосовать за его правительство. Сначала Равик был секретарем в Кооперации Охотников. Старик Саймон Мак-Грегор, бывший тогда президентом Кооперации, был отличным охотником, но ничего не понимал в бизнесе. Очень скоро Мак-Грегор был полностью в руках у Равика, вплоть до того дня, когда его корабль со всем экипажем исчез в проливе Фитцвильяма. Мне кажется, в отсек с боеприпа-

сами подложили бомбу, или я просто склонен к излишней подозрительности. После этого Стив Равик стал президентом Кооперации. Он сразу стал собирать вокруг себя нужных людей. Большинство новых членов Кооперации ни разу не выходили в море на охоту, но они отвечали за то, чтобы на собраниях голосование проходило нужным Равику образом.

Первым делом Равик взвинтил цены на воск, осчастливив при этом всех, кроме покупателей воска, естественно. Все, кто до этого охотился в одиночку, поспешили стать членами организации Равика. Затем Стив заключил контракт с южно-африканской компанией «Химическая продукция Капстад». По условиям контракта эта компания скупала весь производимый на Фенрисе воск. Это положило конец конкуренции среди покупателей воска, а когда, кроме «Капстад» никого не осталось, охотники должны были продавать воск через Кооперацию или не имели права торговать вообще. После этого цены на воск стали медленно ползти вниз. Кооперация или Стив Равик, тут уж как вам угодно называть, имела своего представителя на Земле, Лео Белшера. Он подписывал все контракты, собирал выручку и, естественно, был в доле с Равиком. Хотя ничего доказать было невозможно, абсолютно все понимали, что происходит на самом деле. Да и мог ли кто-нибудь что-нибудь сделать?

Может быть, сегодня на собрании предпримут попытку разобраться во всем этом. Я собирался присутствовать на собрании в качестве репортера. Жаль, дожил до семнадцати лет, а так и не обзавелся пуленепробиваемым жилетом, подумал я.

Том и Биш обменивались своими взглядами на проблему, надо отметить, кое-что из этого диалога было пригодно для печати. Я посмотрел в бинокль, буксиры уже поднялись в воздух для встречи «Пинемюнда».

— Все, что нам необходимо для разговора с Равиком, Холстоком и Белшером — это по гарпуну на каждого и что-нибудь, чтобы подтянуть их за шкуру, — сказал Том.

Такая манера вести беседу шокировала бы моего отца. Он уважает закон и порядок, даже если вокруг царит беззаконие, а о порядке и речи быть не может. Я же всегда считал, что в предложениях Тома много разумного и полезного. Хотя у Биша, по всей видимости, имелись некоторые сомнения на этот счет.

— М-м-м, нет. Надо найти способ получше.

— Можешь придумать хоть один? — спросил Том.

Ответ Биша я не расслышал, к тому времени буксир уже приблизился к кораблю, я вытащил камеру и прицелился. Камера имела собственный источник питания, и могла транслировать напрямую. Теоретически я мог бы настроиться на телевещательную станцию и сразу начать передавать отснятый материал, но сейчас мне надо было передавать материал в «Таймс», чтобы его подготовили для следующего выпуска новостей. Так как не было сто-процентной гарантии в том, что абсолютно все удастся передать на качественно высоком уровне, в моем распоряжении имелась аудио-видеосистема, и в случае чего всегда можно было смонтировать репортаж после моего возвращения.

Я снял стыковку буксиров с кораблем, теперь уже почти совсем невесомым. Он был похож на обьевшего паука, которого волокут два комара. Я держал приклад камеры у плеча, если произойдет что-нибудь стоящее, я всегда сумею нажать на курок. Помню, в первый раз, когда я пользовался автоматом, мне нужно было прикончить слэшера, я сделал три секундные очереди, и эта голубая тварь разлетелась на куски, все тогда удивлялись, где это я мог научиться пользоваться таким оружием.

Еще две лодки и два буксира поднялись в воздух, чтобы помочь удержать «Пинемюнд» на ветру. В этот момент он был на высоте около тысячи футов, что составляло примерно половину его диаметра. Я снял камеру с плеча и решил поработать с треножником, наступал самый интересный момент. Корабль был, конечно, невесом, но у него был объем и еще какой. Если бы его опустили прямо вниз, он накрыл бы собой часть космодрома и десять процентов всего населения Фенриса, включая гениального репортера «Таймс».

Появились служащие космодрома и с ними два полицейских, они установили заграждения и сделали проход. «Пинемюнд» приземлился, медленно развернулся так, чтобы его левый борт был в одну линию с проходом и опустил трап. Я сделал парочку снимков и стал упаковывать свою технику обратно в корзину.

— Поднимешься на борт? — спросил Том. — Могу я пойти с тобой? Я понесу твоё снаряжение, а ты представишь меня как своего помощника.

Хвала Всевышнему, наконец-то у меня появился подмастерье!

— Да, конечно, — сказал я. — Ты потащишь корзи-

ну, а я все остальное, — я поднял футляр с камерой и перекинул его через плечо. — Но ты возьмешь меня как-нибудь на «Явелин» и дашь пострелять по монстрам.

Том сказал, что это можно решить. Мне в голову пришла еще одна мысль:

— Биш, может, пойдешь с нами? В конце концов мы с Томом просто два пацана, а если ты к нам присоединишься, это уже будет похоже на представительство серьезной газеты.

Тому моя идея явно пришлась не по вкусу, Биш же покачал головой и Том засиял.

— Мне очень жаль, Уолт, — сказал Бил. — Но я собираюсь подняться на борт один. Надо повидать одного приятеля. Я не видел его целую вечность. Доктор Вадсон, он полетит дальше, на Один.

Это имя бросилось мне в глаза еще когда мы просматривали список пассажиров. Я знал, что многие люди любят называть себя «доктор», а Джон или Вадсон звучит не так уж неправдоподобно, но когда-то давно я читал о Шерлоке Холмсе, и эта фамилия осталась у меня в памяти. Это был первый случай, насколько я знаю, когда Биш Вэр собирался вступить в контакт с человеком с другой планеты.

Мы стали продвигаться к трапу. Впереди нас шли: Стив Равик с Холстоком, президент банка «Точность и Доверие» Сигурд Нгоцори с тяжелым кейсом в компании телохранителя, вооруженного автоматом, а также Адольф Лаутер и профессор Хартзенбох. У прохода стояли два полицейских в стальных шлемах и в защитного цвета униформе. Хорошо бы, если бы наша городская полиция выглядела бы так же круто. Это были люди компании с Одина «Доки и Верфи», оба явно раньше служили в Регулярной Федеральной Армии или в Колониальной Полиции. Космодром не был частью Порт Сандора или даже Фенриса, здесь вся власть принадлежала компании «Доки и Верфи».

Полицейские узнали меня. Увидев, что Том волочет мою корзину, они отпустили пару шуток в адрес нового малолетнего репортера «Таймс» и разрешили нам пройти. Я думал, у них возникнут вопросы к Бишу, но они просто кивнули ему и тоже пропустили.

Когда мы вошли в гостиную «Пинемюнда», капитан корабля представил нас известному писателю. Глен Мюрелл был высокий, преждевременно поседевший человек с довольно приятной малозапоминающейся физионо-

мией. Я бы, скорее, причислил этот тип к разряду бизнесменов. Конечно, писательская работа тоже бизнес, если только он действительно писатель.

Глен Мюрелл пожал нам руки и спросил:

— А не слишком ли вы молоды для репортерской работы?

Я начал заводитьсь. Меня всегда раздражают разговоры о моем возрасте, а на работе больше всего. Может, мне и нет восемнадцати, но я делаю мужскую работу и делаю ее профессионально.

— Здесь, на Фенрисе они быстро взрослеют, — вмешался капитан, чем заслужил мою благодарность. — Иначе они бы не только не выросли, но и не выжили.

Мюрелл отстегнул свой мемофон и наговорил все, сказанное капитаном. Первая строка одной из глав его книги, подумал я. Потом ему захотелось узнать, являюсь ли я коренным жителем Фенриса. Пора было с этим кончать. Такие разговоры надо прекращать сразу, как только они начинаются.

— Кто у кого берет интервью? — поинтересовался я. — В вашем распоряжении как минимум пятьсот часов до прибытия следующего корабля, у меня же есть только два с половиной часа до моего следующего выхода в эфир. Вы хотите, чтобы мы осветили ваш приезд, не так ли? Чем больше рекламы мы вам сделаем, тем легче в дальнейшем будет продвигаться ваша собственная работа.

Затем я представил Тома и некоторое время изображал, что мне необходима его помощь для подготовки всей моей системы к полноценному интервью. Потом мы расположились в тихом уголке и интервью началось. Всем известно, что журналист, беря интервью, пользуется магнитофоном, то, что было у меня, было гораздо лучше. У меня был записывающий радиопередатчик. Так же, как и аудио-видеосистема, он не только был связан напрямую с «Таймс», но и делал страховочную запись. Я достал блокнот и, вертя в руках карандаш, незаметно щелкнул выключателем. Интервью началось с вопроса о том, что подтолкнуло Глена Мюрелла к решению написать книгу о Фенрисе.

Писатель заговорил, и я лишь время от времени вставлял кое-какие вопросы, не особенно внимательно прислушиваясь к тому, что он отвечал. Приемник справится с этим лучше меня. Одновременно я пытался наблюдать за Равиком, Холстоком и Белшером в другой

стороне комнаты и за Бишем в третьей. Биш находился в пределах слышимости. Краем глаза я увидел, что из угла комнаты в его сторону направляется молодой человек, похоже, это был военный в штатском.

— Мой дорогой Бишом! — приветствовал он.

Насколько мне было известно, родина этого прозвища — Фенрис. Я решил взять это на заметку.

— Ну, здравствуй, — отвечал Биш, протягивая руку. — Ты был в Афганистане, как я понимаю.

Ну точно! уже говорил, что читал истории о Шерлоке Холмсе, это место было мне знакомо. Встреча была организована заранее, подумал я, они не знают друг друга, им необходим пароль. Потом я вернулся к своему писателю, решив позже заняться Бишем Вэром и «доктором Вадсоном».

Вскоре я начал замечать некоторые странности и в поведении Мюрелла, что подтверждало мои прежние подозрения. Он не смог точно назвать имя своего издателя, не знал, кто его литературный агент, а когда мы дошли до воспоминаний о его журналистской деятельности, он постоянно употреблял выражение «ньюс сервис». Так говорят все. Все, кроме журналистов. Журналисты всегда говорят «пресса» вместо «ньюс сервис», особенно между собой.

Конечно, сейчас никакой печати не существовало. Все, что получала публика, — это фотопринт с телепринта. Так как тираж у «Таймс» был не очень большой, в Порт Сандоре и в небольших поселениях на архипелаге имелось всего 400 или 500 принтеров. Большинство из них находилось в кафе, табачных магазинчиках и тому подобных местах. Принтеры арендовали владельцы этих заведений, информацию можно было получить в любую минуту, предварительно опустив в щель монетку. Некоторые крупные корабли, такие, как «Явелин» Джо Кивельсона или «Бульдог» Нипа Спацони также имели принтеры у себя на борту.

Когда-то, очень давно, вся информация печаталась на бумаге, копии размножались, а затем поступали в продажу. Для размножения использовались прессы, такие же тяжелые, как корабельные двигатели. Вот почему мы до сих пор называем себя «пресса». Такие старые газеты Земли, как «Ла Пренса» в Буэнос-Айросе и «Мельбурн Таймс», которая во времена, когда еще существовал Лондон, называлась «Лондон Таймс», первоначально печатались именно таким способом.

A

Наконец я закончил с моим интервью и убил еще пятнадцать минут на аудио-видеозапись, которая в последствии была сокращена до пяти минут. Биш и доктор Вадсон уже исчезли, я думаю, в направлении корабельного бара, а Равик и компаньоны, с присущей им конспирацией, обсуждали свои дальнейшие действия в отношении охотников. Я оставил Мюрелла на Тома и направился в их сторону. По пути я демонстративно достал из кармана блокнот и ручку.

— Добрый день, джентльмены, — поприветствовал я. — Я представляю «Таймс».

— Проваливай, сынок, у нас нет времени заниматься с тобой, — сказал Холсток.

— Но мне бы хотелось кое-что услышать от мистера Белшера, — начал я.

— Приходи лет через пять-шесть, когда у тебя подсохнет под носом, — сказал мне Равик.

— Наших читателей не интересует состояние моего носа, — сказал я сладким голосом. — Их интересуют цены на воск. Что это за слухи об очередном понижении? Тридцать пять сентисолов за фунт, как я понимаю?

— Стив, молодой человек работает в «Таймс», его отец опубликует все, что он принесет на хвосте, — возразил Белшер. — Лучше дать ему какую-нибудь информацию, — он повернулся ко мне. — Я не знаю, где произошла утечка, но это правда, — сказал он.

У Белшера было длинное, как у лошади лицо. По крайней мере, он был похож на те фотографии лошадей, которые я видел раньше. А когда Белшер начинал говорить, лицо у него вытягивалось еще больше и становилось скорбным, как у владельца похоронного бюро, по десять тысяч солов за похороны.

— Действительно, цены опять начали падать. Кто-то изобрел синтетический заменитель. Конечно, качество по сравнению с натуральным на порядок ниже, но ты постарайся и объясни это людям. Чтобы продолжать заниматься бизнесом у «Капстад» нет другого пути, кроме понижения цен...

Дальше он продолжал в том же духе, я сдерживался, как мог. Во-первых, я был абсолютно уверен в том, что ни плохого, ни хорошего заменителя воска не существовало. Во-вторых, этот товар продавался не легковерной публике, а предприятиям, выпускающим снаряжение, на которых работал специальный персонал, занимающийся проверкой качества продукции в соответствии с обще-

принятыми стандартами безопасности. Белшер не подозревал, что вся эта ахинея передается в «Таймс» с той же скоростью, с какой выливается из его пасти, ему казалось, что я делаю только кое-какие пометки у себя в блокноте. Я знал, что сделает отец, он пустит это в эфир в исполнении Белшера.

Может, тогда охотники поймут, что к чему.

Закончив с Белшером, я отснял небольшой кусок с капитаном Мэршаком и присоединился к Тому с Мюреллом.

— Мистер Мюрелл говорит, что он остановится у вас, — сказал Том, кажется, он был также расстроен, как и профессор Хартзенбох. Мне стало интересно, неужели Том собирается похитить у меня известного автора? — Он хочет выйти с нами в море, на охоту.

— Вот это круто! Надеюсь, ты не забыл, что обещал и меня взять на «Явелин»? Как раз сейчас мистер Мюрелл — моя главная тема.

Я щелкнул выключателем обратной связи на своей камере:

— Вызываю «Таймс». Мне нужно, чтобы кто-нибудь приехал на космодром и забрал нас и багаж мистера Мюрелла.

— Эй, я на машине. У меня джип, — перебил меня Том, — он на нижнем уровне. Можно воспользоваться.

Странное место для парковки машины, подумал я, видимо, пока Белшер вешал мне лапшу на уши, между Томом и Мюреллом возникло определенное взаимопонимание. За этим я не успел проследить. А ведь предполагалось, что Уолтер Бойд — репортер-ястреб.

Глава 3

НИЖНИЙ УРОВЕНЬ

Мюрелл очень быстро собрал свой багаж, его было на удивление мало, среди вещей я не увидел ничего похожего на фотоаппарат или магнитофон. Когда Мюрелл, закончив сборы, вышел из каюты, я обратил внимание, что у него с левой стороны, на уровне пояса что-то выпирает из-под пиджака. Судя по размерам это мог быть 8,5 мм автоматический пистолет. Видимо, моего писателя обстоятельно проинструктировали об обстановке в Порт-Сан-доре. Обычно мы находимся на Уровне Главного Города, джип Тома находился на Нижнем Уровне, однако он не предложил нам выйти в обычном месте и подождать,

пока он поднимет к нам свой джип. Я тоже не стал ничего предлагать, в конце концов, это машина Тома, а мы его не нанимали. Кроме того, мне становилось любопытно, любопытство же — основная часть всей экипировки журналиста.

Один из рабочих космодрома загрузил наши вещи на подъемник и опустил его к нижним люкам, через которые происходила разгрузка корабля. На борт было практически нечего поднимать, разве что почти да старые фильмы Адольфа Лаутера. Наш основной товар — восковой жир монстров, экспортируется только на Землю, и его заберет «Мыс Канаверэл», через пятьсот часов прибывающий с Одина на Фенрис. Весь импорт, не считая некоторых предметов роскоши, поступает к нам с Земли, так что «Пинемюнд» только начинал разгрузку. Мы спустились вниз на буксире, нагруженном аммуницией. Я обратил внимание на то, что Мюрелл внимательно рассматривает ящики, отмеченные: ЗЕМНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СИЛЫ; 50 ММ, МК 608, ПРОТИВОПЕХОТНЫЕ И ПРОТИВОТАНКОВЫЕ, 25 ДИСКОВ; ПРОВЕРЕНО; ЗАБРАКОВАНО; УСТАРЕЛО. Охотники покупали все это через Кооперацию, стоимость была в два раза ниже, но вряд ли от этого была какая-то польза. Мюрелл никак не прокомментировал увиденное, мы с Томом тоже промолчали.

Мы вышли на дне шахты, на тысячу футов ниже того места, откуда я поднимался на борт «Пинемюнда», и на минутку остановились. Мюрелл с восхищением осматривал огромный амфитеатр.

— Когда я узнал, что корабль имеет возможность приземлиться прямо на поверхности планеты, я понял, что ваш космодром не маленький, но я никак не ожидал подобного размаха, — сказал он. — И все это обслуживает население в двадцать тысяч человек?

— Двадцать четыре тысячи семьсот восемь, если только человек, пострадавший в баре около половины второго, не умер, — ответил я. — Но вы не должны забывать, что космодром построен почти сто лет назад, а тогда население было в десять раз больше.

Я уже знал от Мюрелла все необходимое для репортажа и теперь была его очередь задавать вопросы.

— Я думаю, вы немного знаете историю Фенриса, — сказал я.

— Да, на Земле достаточно информации о колонизации Фенриса, вплоть до банкротства компании. Но очень

многие не имеют представления о том, что происходило после этого. Вот почему я решил написать эту книгу.

Я начал рассказывать:

— На Материке было построено несколько городов. Теперь все они покинуты. Первый построили традиционно — все здания находились на поверхности, но вскоре стало понятно, что при здешнем четырехдневном цикле в нем невозможно существовать. Тогда начали копать вглубь. Чартерная Компания Фендриса доставила сюда огромное количество оборудования для разработки недр. Колонисты начали строить города-норы, такие как Северный Гемпшир на Земле, построенный в течение третьей и четвертой мировой войн, или как города на Луне, в Зоне Сумерек на Меркурии, на Титане. Эта земля богата ценными минералами, может быть, в следующем столетии наши потомки начнут их разрабатывать.

За шесть лет до того, как Компания Фенриса развалилась на куски, колонисты решили сконцентрироваться в одном городе, здесь, на архипелаге. Море в этом месте остается прохладным в дневное время, а по ночам остужается не так сильно. Так на острове Оклиф был построен Порт Сандор.

— Для удобства охоты на монстров? — спросил Мюрелл.

— Нет. О монстрах из моря Ярви узнали уже после того, как был построен город, за год до банкротства компании, но тогда еще не знали, как можно использовать жир.

Я начал рассказ о флоре и фауне Фенриса. Так как колебания температуры воздуха на поверхности делают ее практически непригодной для существования любых организмов, все формы жизни, в большинстве своем, на Фенрисе развиваются под водой. Наземные животные очень активны в течение восхода и заката, когда же становится холоднее или начинается жара, они расползаются по норам, прячутся в расщелины среди скал и впадают в спячку. Разговаривая с Мюреллом, я понял, что он всерьез интересуется нашей планетой и та информация, которую ему удалось получить ранее, не так уж далека от истины.

Мне показалось, что у него сложилось впечатление, что и Порт Сандор был построен под землей. Я просветил его на этот счет.

— Думаю, при посадке вы заметили, что из себя представляет это место, — сказал я. — Обыкновенное

плато с разбросанными по нему шахтами с куполообразными покрытиями да посадочные полосы. До прихода колонистов это была долина, расположенная между двух холмов. Город строился в долине, уровень за уровнем, а затем холмы сравнивали с Верхним Уровнем. В нашей публичной библиотеке полно фильмов, рассказывающих о строительстве Порт Сандора. Насколько мне известно, за пределами Фенриса нет ни одной копии этих фильмов.

Казалось бы, мистер Мюрелл должен был крайне разволноваться, услышав последний пассаж, и проявить горячее желание просмотреть все эти редкие ленты, вместо этого он проявил интерес к разгрузке корабля. В этот момент разгружали продукты. Мюреллу захотелось узнать, вынуждены ли мы экспортировать все необходимые нам продукты.

— О, нет. Сейчас мы спускаемся на Нижний Уровень, там находятся основные хранилища. А на Втором и Третьем Уровнях, отсчет ведется от Уровня Главного Города, находятся фермы, благодаря им мы имеем достаточно и растительной и животной пищи. Мы производим собственный строевой лес, на закате мы собираем болотный камыш и превращаем его в древесную массу. Местные деревья дают очень хорошую крепкую древесину, но мы используем ее только для производства мебели, прикладов и тому подобного. Деревья на Фенрисе растут только в течение четырех периодов в год, что составляет двести часов в год. Около тысячи наших людей работают на материке, они добывают и плавят руду. Но каждый миллисол на Фенрисе получен от продажи воскового жира монстров, если не напрямую, то из вторых или третьих рук.

Кажется, это место в моем рассказе заинтересовало мистера Мюрелла больше предыдущего. Может быть, его книга, если он вообще собирался написать таковую, задумывалась, как экономическое исследование Фенриса. Или интерес Мюрелла, если он вообще у него имелся, сводился к местному производству руды, древесины, продуктов питания и тому подобное. Я начал рассказывать ему о наших фермах, о фабриках, на которых можно было получить любой сорт животной ткани, какой вам угодно — говядина, дичь, мясо фейранского зоуми, молоко заратустранской степной коровы... Мюрелл знал, что земляне не могли употреблять в пищу никакие животные организмы Фенриса.

— Здесь вы можете получить любые, какие вашей

душе угодно, деликатесы, — рассказывал я, — мы выращиваем гусиную печень, размер которой составляет около пятидесяти футов в диаметре.

К этому времени мы добрались до Нижнего Уровня. Здесь было прохладно и приятно, ровный свет струился с высоты пятидесяти футов. Источники света находились между оснований огромных колонн, которые располагались на расстоянии двухсот ярдов друг от друга. Колонны поддерживали крышу из камней и земли, которая изолировала Нижний Уровень.

Мы приблизились к тому месту, где до прибытия «Мыса Канаверэл» складировали воск. Он был упакован в вакуумный пластик и напоминал огромные болонские сосиски, каждая весом в полтонны. На каждой упаковке красовалась эмблема Кооперации Охотников. Мюрелл проявил живой интерес к этой продукции и тут же в уме подсчитал сколько всего воска здесь находится и сколько можно за него выручить.

— Кому все это принадлежит? — спросил он. — Кооперации Охотников? До сих пор Том предоставлял мне вести беседу с мистером Мюреллом, но на этот вопрос он ответил сам, причем очень выразительно:

— Нет. Все это принадлежит охотникам, — сказал он. — Все команды охотников владеют этим воском сообща. Кооперация продает за них товар. Капитан получает выручку через Кооперацию, а затем делит деньги между всеми членами экипажа. Весь воск до последней унции, пока «Капстад» не заплатила за него, принадлежит охотникам, добывшим его.

— Понятно. А если капитан захочет получить свой товар обратно уже после того, как он передал его Кооперации? — спросил Мюрелл.

— Без вопросов.

Мюрелл кивнул, и мы двинулись дальше. Подсобный рабочий, который вез на подъемнике наш багаж, остановился поболтать с парочкой своих приятелей. Мы медленно продвигались по Нижнему Уровню, время от времени мимо нас проезжали грузовики. Потом я увидел Биша Вэра, он сидел на упаковке воска и разговаривал с человеком из Службы Безопасности Космодрома. Оба курили, но в этом не было ничего опасного. Если воск загорится, это будет действительно зрелище, но для этого его необходимо нагреть до температуры плюс семьсот пятьдесят градусов, сигареты для этого явно недостаточно. Биш, должно быть, пришел сюда тем

же маршрутом, что и мы, я отнес это в раздел интересующих меня вопросов. Очень скоро у меня будет такое количество этих вопросов, подумал я, что они сами начнут отвечать друг на друга. Увидев нас, Биш махнул рукой, и вдруг лицо его собеседника стало белым, как моя рубкашка, он схватил Биша за плечо. Биш не изменился в лице, он стряхнул руку собеседника, вскочил на ноги, отбросил сигару в сторону и отскочил в проход.

— Мюрелл! — крикнул он. — Не двигайся! Если тебе дорога жизнь — стой на месте!

Я увидел пистолет. Я не заметил, как и откуда он его достал, пистолет просто был в руке у Биша. Он стрелял, и гильзы со звоном сыпались на бетон. Вскоре все кончилось, подсобный рабочий бежал в нашу сторону. Мюрелл остался стоять, с разинутым ртом глядя на Биша.

— Отлично, — сказал Биш, возвращая пистолет на прежнее место. — Отходи влево, осторожно. Никаких движений вправо...

Мюрелл, все еще пребывая в каком-то трансе, подчинился. Он сделал шаг в сторону, и за его ногой я увидел то, во что стрелял Биш. Это была серая тварь неправильной формы, длиной примерно шестнадцать дюймов и шириной не более четырех. Впереди овал сходил на конус и загибался вверх дюймов на шесть. Конус переходил во что-то похожее на антенну, которая в этот момент медленно сгибалась, испуская желтую маслянистую жидкость. Биш попал точно в цель. По бетону растекалось черно-серо-зеленое месиво.

Мы называли это — гусеничная улитка, потому что она передвигалась на коротких толстых ножках, расположенных в два ряда у нее на брюхе. Антенна, поднимающаяся из головы гусеничной улитки, — ее жало, а желтая маслянистая жидкость — яд. Десятая доля миллиграмма этого яда у вас в крови и — открывай ворота, святой Петр, я приехал!

Том увидел улитку одновременно со мной, его лицо стало такого же цвета, как у офицера Службы Безопасности, думаю, мое смотрелось не лучше.

Когда Мюрелл увидел, что именно хотело с ним познакомиться, могу поклясться на целом складе Библий, Коранов, свитков Торы, Буддистских молитвенных колец и идолов наших предков — волосы у него буквально встали дыбом. Я часто слышал это выражение, а теперь сам увидел, как это происходит. Я был прав, когда ре-

шил, что мистер Мюрелл хорошо знаком с местной флорой и фауной.

Я осмотрел его правую ногу, он не был ужален, иначе он бы уже не дышал, но он был забрызган, на левой брючине я увидел два желтых пятна. Я велел ему стоять тихо, левой рукой оттянул брючину, достал нож, отрезал забрызганный кусок и отбросил его на мертвую улитку.

Мюрелл начал кричать что-то по поводу своих брюк, мол, он мог бы отдать в чистку... Подошел Биш и вежливо попросил его перестать нести весь этот вздор.

— Никто не возьмется чистить ваши брюки, но даже если их кто-нибудь почистит, на них все равно останется какое-то количество яда. Когда-нибудь, не дай бог, вы поцарапаете ногу да еще попадете под дождь в ваших великолепных брюках, тогда Уолт сразу может приступить к написанию одного из своих чудесных некрологов.

Затем он повернулся к офицеру, передающему что-то по рации:

— Вызови скорую помощь. Возможен случай кожного отравления ядом гусеничной улитки, — через секунду, посмотрев на ногу Мюрелла, Биш добавил: — Опустить «возможен».

На коже у Мюрелла появились два маленьких пятнышка, которые начали приобретать цвет сырой печени. Яд не попал ему в кровь, но какая-то его часть просочилась через брюки. Того, что Мюрелл получил через кожу, было вполне достаточно, чтобы он серьезно заболел. Офицер что-то еще передал по рации, подъехал рабочий на подъемнике и опустил наш багаж. Мюрелл сел на свой чемодан. Том прикурил сигарету и передал ее Мюреллу, напомнив, чтобы тот сидел спокойно. Уже был слышен вой сирены скорой помощи.

Пилот и его помощник могли оказать только первую помощь. Они дали Мюреллу что-то выпить из фляжки, обильно смазали два пятна у него на ноге, заклепили пластырем и проводили его в машину. Я сказал Мюреллу, что мы отвезем его вещи в «Таймс».

За время между выстрелами и воем сирены около нас собралась небольшая толпа. Получилась милая вечеринка взаимных претензий. Шеф рабочих обвинял во всем офицера Службы Безопасности. Управляющий складами обвинял во всем шефа рабочих. А представитель Главного управления Космодромом обвинял их всех сразу, одновременно передавая мне, что управляющий мистер Фиеша будет очень признателен, если я не придам ог-

ласке этот инцидент. Я сказал, что все зависит от редактора, и пусть он лучше переговорит с отцом. Никто не имел ни малейшего представления о том, откуда появилась улитка, но ничего мистического в этом тоже никто не видел. На Нижнем Уровне полно подобных тварей. Так как температура воздуха здесь постоянная, они остаются активными круглые сутки. Обычно они выбирают какого-нибудь разяву среди рабочих и быстро вступают с ним в контакт.

Том стоял, глядя, как скорая уносит вдаль мистера Мюрелла, он явно не знал, что ему делать дальше. Несчастный случай с Мюреллом был для него неожиданным ударом. Это совпадало с тем, что начинало выстраиваться у меня в голове. Наконец Том отдал команду рабочему, и мы двинулись в ту сторону, где он оставил свой джип. Это было уже за территорией космодрома.

Биш шел рядом с нами, перезаряжая свой пистолет. Я обратил внимание на то, что это был десятимиллиметровый аргентинский кольт Федеральной службы, коммерческого типа. На Фенрисе было не так много подобного оружия. Достаточно десяти кольтов, но, в основном, из Южной Африки, еще такие кольты были на вооружении Консолидации Специальной Полиции Марса. Мой был 7,7 мм из Южной Африки, но сегодня я не взял его с собой.

— Ты знаешь, — сказал Биш, возвращая пистолет на место. — Я буду также признателен, как и мистер Фиеши, если ты не придашь гласности этот эпизод, если же вы решите опубликовать эту историю, хотелось бы, чтобы мое участие в ней было сведено до минимума. Ты, наверное, обратил внимание на то, что у меня имеется некоторый опыт в обращении с этими смертоносными железками, я бы предпочел, чтобы ты это не афишировал. Обычно мне удается избегать трудностей, но, если уж не получается, я предпочитаю иметь в запасе маленький сюрприз.

Мы все сели в джип. Том не очень-то благосклонно предложил Бишу подбросить его в любое место. Биш ответил, что он собирается в «Таймс», Том поднял джип в воздух и повел его в горизонтальном направлении. Мы попали в односторонний проход, переполненный грузовиками, перевозящими продукты на холодильные склады.

Задолго до этого я заметил среди всего прочего упаковки воска, ничем ни отличающиеся от обычных, кроме

того, что на них не было Эмблем Кооперации, а просто были проставлены названия кораблей-охотников, такие как «Явелин», «Бульдог», «Адский наездник», «Слэшер» и тому подобные.

— Что здесь делает весь этот товар? — спросил я. — Далековато от доков и не очень близко к космодрому.

— Просто временный склад, — сказал Том. — Этот воск еще не сдан Кооперации.

Это ни о чем не говорило или говорило о многом. Я решил довольствоваться тем, что узнал. Мы въехали на пустое пространство площадью около пятидесяти квадратных футов. Возле джипа с установленным на нем семи-миллиметровым пулеметом шесть мужчин в корабельной одежде играли в карты на ящике из-под аммуниции. Я обратил внимание на то, что у каждого из них был пистолет, а когда два охотника заметили наше появление, они встали и взялись за винтовки. Том опустил джип, вышел из машины и подошел к ним. Они разговаривали несколько минут. Нельзя сказать, что физиономии охотников засияли от того, что сообщил им Том. Через некоторое время он вернулся, забрался на свое место и снова поднял джип.

Глава 4

УРОВЕНЬ ГЛАВНОГО ГОРОДА

Высота Уровня Главного Города составляла двести футов. Для нормальной циркуляции воздуха и свободного движения транспорта здесь ничего не строилось высотой более ста пятидесяти футов. Исключение составляли квадратные здания, расположенные на расстоянии двухсот ярдов друг от друга. Их фундамент находился на Нижнем Уровне, а верхняя часть поддерживала крышу всего уровня. Редакция «Таймс» занимала одно из таких зданий-колонн. Весь дом был в нашем распоряжении. В городе, рассчитанном на четверть миллиона человек, совсем не обязательно сидеть друг у друга на головах. Соответственно у нас не было верхней посадочной площадки, но, если не считать опор с углов здания и центральной колонны, вся улица была открыта для движения транспорта.

Том не проронил ни слова с тех пор, как мы отъехали от охотников, охраняющих незарегистрированный Кооперацией воск. Мы проехали несколько кварталов по Бродвею, Том опустил джип и плавно провёл под одной

из арок. Как обычно все вокруг было завалено различным снаряжением, товарами, полученными в обмен на рекламу, а также стояло несколько машин, наши и чьи-то еще. Двое механиков возились с одной из них. Я решил, в который уже раз, предпринять что-нибудь и навести здесь порядок. Через две-три сотни часов, подумал я, все корабли вернутся в порт, работы будет поменьше, и можно будет нанять в помощь пару человек.

Мы выгрузили вещи Мюрелла из джипа, и я немножко порыскал вокруг в поисках ручного подъемника.

— Останешься пообедать с нами, Том? — спросил я.

— А? — он не сразу понял, что я ему сказал. — Нет, спасибо, Уолт. Я должен вернуться на корабль. Отец хочет переговорить со мной до собрания.

— А ты как, Биш? Не желасшь разделить с нами «что бог послал»?

— Буду очень рад, — уверил меня Биш.

С отсутствующим видом Том попрощался с нами, поднял джип и вывел его на улицу. Мы посмотрели ему вслед, кажется, Биш хотел что-то сказать, но передумал. Мы отбуксировали багаж Мюрелла вместе с моим барахлом к лифту за центральной колонной и начали подниматься на последний этаж, где располагался редакторский офис.

Выйдя из лифта, мы сразу попали в большой зал, занимающий половину всего этажа. Все пространство было заставлено рабочими столами, видеоаппаратурой, радиоприемниками и фотопринтерами.

Отец, как обычно, был в сером халате до колен и, как обычно же, из-под растрепанных усов у него торчала трубка, которую он каждую минуту доставал изо рта, чтобы прикурить.

Он монтировал переданный мной материал для следующего выпуска новостей. По диагонали от него располагался весь остальной штат «Таймс» в лице Юлия Кубанова. Надев наушники, он сидел за наборной машинкой, его пальцы быстро бегали по клавиатуре. Юлий Кубанов — охотник на монстров с большим стажем. В одном из походов он потерял ногу и был вынужден приобрести еще одну специальность. Он до сих пор носил бороду, неотъемлемую часть любого охотника, правда, уже совсем седую.

— Материал дошел нормально? — спросил я.

— Да. Что ты думаешь об этом Белшере? — спросил

отец, не обращиваясь. — Приходилось ли тебе когда-нибудь слышать такое количество бесстыдной лжи?

Потом краем глаза он заметил подъемник, нагруженный багажом, и частично моего спутника.

— Мистер Мюрелл? Извините, мне необходимо еще несколько секунд, чтобы соединить эту проклятую запись.

Наконец он закончил работу.

— Биш? А где же мистер Мюрелл, Уолт?

— Мистер Мюрелл приобрел сегодня некоторый опыт пребывания на Фенрисе, — ответил я. — Был забрызган ядом гусеничной улитки почти сразу после того, как сошел с корабля. Его отвезли в госпиталь при космодроме, думаю, им не скоро удастся испарить весь полученный им яд.

Я рассказал по порядку обо всем, что произошло на Нижнем Уровне. Глаза у отца немного расширились, он вытащил изо рта трубку и с определенной долей уважения посмотрел на Биша.

— Это очень тонкая работа, — сказал он. — Если бы вы промедлили хотя бы секунду, нас бы вряд ли когда-нибудь еще посетил путешествующий писатель. Обо всем узнали бы на Земле, а это было бы не очень благоприятно для Фенриса. И, конечно, — добавил он, — для мистера Мюрелла.

— Да, конечно, но если вы собираетесь придать эту историю огласке, я бы предпочел, чтобы вы не упоминали о моем скромном подвиге, — сказал Биш. — Не трудно догадаться, что в Управлении Космодромом тоже не очень-то обрадуются, если вы сообщите публике, что Нижний Уровень кишит гусеничными улитками. У них и так достаточно проблем с персоналом.

— Но разве вы не хотите, чтобы люди узнали о вашем поступке? — недоверчиво спросил отец. — Каждый человек мечтает о том, чтобы его имя было напечатано в газетах или о нем передали по радио. — Мой отец свято верил в это. — Если люди узнают о том, что вы совершили... — продолжил он и замолчал, осознав, к чему он это говорит.

Было бы не очень тактично закончить следующим образом: «Может, тогда они перестанут считать, что вы всегда лишь старый бесполезный пьяница».

Биш тоже понял к чему клонит отец, но только улыбнулся, будто собирался нас благословить:

— Да, но это будет совсем не в моем духе, — сказал

он. — Я не должен вводить в замешательство мой народ. Сделайте одолжение, Ральф, не распространяйтесь обо мне.

— Ну хорошо, если вам не хочется, я не буду... Ты собираешься немного поработать сегодня в Зале Охотников, Уолт? — обратился он ко мне.

— Разве я могу пропустить это?

Отец нахмурился:

— Я мог бы и сам справиться, — сказал он. — Боюсь, на этот раз все пройдет не совсем гладко.

Я тряхнул головой:

— Давай смотреть фактам в лицо, отец, — сказал я. — Мне, конечно, еще нет восемнадцати, но тебе уже шестьдесят. Если запахнет жареным, я замечу это быстрее тебя, и мне легче будет избежать неприятностей.

Отец печально усмехнулся и посмотрел на Биша.

— Вот так это и бывает, — сказал он. — Мы всю жизнь пытаемся оградить наших детей от опасностей, и вдруг замечаем, что уже они прикрывают нас, — отец в очередной раз вытащил изо рта трубку и поднес к ней зажигалку. — Очень жаль, что ты не сделал видеозапись этого идиотского заявления.

— Он даже не подозревал, что я делал звукозапись. Все время, пока он нес этот вздор, я чиркал ручкой в блокноте.

— Синтетический заменитель! — фыркнул отец. — Сложить вместе молекулы воска монстров, это все равно, что построить космодром с помощью молотка и складного ножа, — он выпустил клуб дыма, извинился и вернулся к своей работе.

Редактирование передачи — работа для одного человека. Биш поинтересовался, не нужна ли его помощь, но нам не оставалось ничего, кроме как сидеть, смотреть и слушать. Отец монтировал заявление Белшера с видеозаписью, обыгрывая сюжет и вставляя время от времени собственные саркастические комментарии. Когда материал будет передан в эфир, Равику вряд ли это понравится. Придется опять таскать с собой пистолет. Потом отец подготовил сюжет о прибытии «Пинемюнда» и мистера Мюрелла на его борту. С известным писателем по прибытии, как сказал мой отец, произошел небольшой инцидент. Когда отец закончил, я передал эту пленку Юлию вместе с той, где было объявлено о снижении цен на воск, Юлий только хрюкнул и отложил все это в сторону. Он заканчивал набирать сообщение о стычке в

баре Мартина Джо. Конечно, никого не убили, не пырнули ножом, не разрезали на куски и не забили до полусмерти. Все новости подходят для печати, но вы не можете способствовать ухудшению репутации ваших рекламодателей и покупателей телепринтеров.

Потом Биш, отец и я спустились в столовую. Столовая является также библиотекой, гостиной, местом важных собраний и отдыха. По размерам она такая же большая, как и редакторский офис выше этажом. Раньше это была контора Компании Фенриса. Часть обстановки сохранилась с той поры, другая часть была сделана из местных пород древесины, например, большой стол, за которым могли спокойно расположиться две команды охотников. Конечно, здесь было также полно всяческой аппаратуры, стояли шкафы с микрокнигами и все такое прочее. На случай, если кому-нибудь захочется перекусить, чтобы не ходить за двести футов в кладовую, здесь имелся холодильник.

Я подошел к нему и достал банку концентрированного сока и газировку. Мой отец выпивал очень редко, но у него всегда имелось в запасе несколько бутылочек для гостей. Создавалось впечатление, что большинство наших «гостей» перед тем, как сообщить нам какую-нибудь информацию, нуждались в солидной порции шнапса из картофеля с наших ферм.

— Вы предпочитаете бэлдурский медовый ром, не так ли, Биш? — сказал отец, запуская руку в бар рядом с холодильником. — Я уверен, у меня имеется одна бутылочка. Сейчас, сейчас, это где-то здесь.

Когда отец собирается установить с кем-нибудь тесный контакт, я никогда не поверю в его искренность, пока не услышу: «сейчас, сейчас, это где-то здесь».

Биш спросил, что я буду пить.

— Не беспокойтесь насчет рома, Ральф, — сказал он. — Думаю, я присоединюсь к Уолту и выпью с ним фруктовой шипучки.

Вот это да! Неужели проводимая мной тайная безалкогольная компания наконец начала приносить результаты? Мой отец был сбит с толку, он поставил бутылку, которую уже держал в руках, обратно в бар.

— В таком случае я присоединяюсь к вам, — сказал он. — Сделай-ка и мне этой шипучки, Уолт.

Я намешал еще два стакана, и мы направились к столу. Биш критически отхлебнул из своего стакана.

— Приемлемо, — произнес он. — Только один пустячок — безалкогольно, но определенно приемлемо.

Отец наблюдал за Бишем, не веря собственным глазам. Подходило время ужина, мы с Бишем решили повторить, отец посчитал своим долгом присоединиться к нам. Я смешал еще три стакана. Мы как раз заканчивали с ними, когда миссис Лейден начала накрывать на стол. Миссис Лейден — вдова, она живет с нами с тех пор, как умерла моя мама, мне тогда исполнился ровно год. Миссис Лейден — воинствующая трезвенница. С огромным трудом она заставляла себя промолчать, видя, как мой отец время от времени пропускает рюмочку, другую. Но стоило ей завидеть Биша Вэра, как лицо ее просто каменело.

Она поставила суп на стол и удалилась на кухню. Миссис Лейден всегда ужинала с Юлием, за это время он сообщал ей все новости, подходящие для печати, и все сплетни, не подлежащие опубликованию.

Я вспомнил обо всех странностях, которые обнаружил в поведении нашего выдающегося, но временно вышедшего из игры гостя, и рассказал о своих наблюдениях, начиная с полного отсутствия какой-либо информации о Глене Мюрелле в нашей библиотеке.

— Так он, может быть, самозванец! — воскликнул отец. — Как ты думаешь, зачем он сюда приехал?

— Ммм-ммм... Я бы не стал с такой поспешностью делать подобные выводы, — сказал Биш. — Во-первых, вполне возможно, что Глен Мюрелл — это его настоящее имя, а печатается он под псевдонимом. Я признаю, что кое-что в его поведении и мне показалось странным, но даже, если он и не писатель, вполне возможно, что он бизнесмен, прибывший сюда на законных основаниях. Узнав кое-что об этом «рае среди планет», он просто решил предпринять некоторые меры предосторожности. Уолт, расскажи-ка отцу о том воске, который мы видели в четвертом отделении Нижнего Уровня.

Я рассказал. Все время, пока я говорил, отец оставался сидеть, держа ложку с супом на полпути ко рту.

— Да-да, это забавно, — сказал он, опуская ложку. — Так вы предполагаете...

— Кто-то, — сказал Биш, — группа капитанов охотников придерживает воск, не сдает его Кооперации. Так как нет другого выхода для товара, я полагаю они придерживают его в ожидании повышения цен. Единственный путь к достижению этой цели лежит буквально че-

рез труп Стива Равика. Возможно, они надеются, что где-нибудь поблизости появится труп Стива, и цены поползут вверх.

Я ожидал, что в ответ на это отец начнет ораторствовать о порядке и соблюдении закона, но вместо этого он грохнул рукой по столу, к счастью, не той, в которой держал ложку.

— Я тоже надеюсь на это! Если бы им это удалось до прибытия «Мыса Канаверэл», если бы им также удалось зафиксировать Лео Белшера в том же состоянии, тогда во время всеобщего волнения кому-нибудь удалось бы хлопнуть дверь, т.е. прихлопнуть Морта Холстока. После тройных похорон мы смогли бы начать работу по организации нормальной Кооперации и начали бы подготовку к выборам нового, достойного правительства.

— Вот уж никогда не ожидал увидеть тебя в роли сторонника суда Линча, отец, — сказал я.

Он несколько секунд молча смотрел на меня.

— Сказать правду, я и сам от себя не ожидал, — признался отец. — Суд Линча — страшная вещь, никогда не заблуждайся на этот счет. Но есть кое-что страшнее, это настоящая ситуация в Порт Сандоре. Ты знаешь, в чем здесь дело? У нас нет настоящего правительства. Нет ни своего собственного, ни подчиняющегося федеральным властям. На Фенрисе нет даже представителя Федерации. До того, как Компания Фенриса обанкротилась, здесь было правительство, но — эвакуировали колонистов, эвакуировали и правительство. Тех колонистов, что решили остаться, больше волновал вопрос выживания, чем наличие реальной власти. Их даже не волновало, что Фенрис, планету третьего класса — необитаемую, но пригодную для жизни, стали считать планетой второго класса — пригодной для жизни только в искусственно созданной среде, то есть такой, как Меркурий и Титан. Когда Холсток на городском собрании взял власть в свои руки, то есть, когда ему ее отдали, колонисты перечеркнули все предыдущие пятьдесят лет. Никто не понимал, что произошло, пока не стало слишком поздно. Суд Линча — единственное, что осталось у нас в запасе.

— Ральф, если начнется что-нибудь подобное, Белшер, Холсток и Равик будут далеко не единственными жертвами. Кроме головорезов Равика и полиции Холстока их поддерживает еще как минимум сотня человек. Я не против того, чтобы очистить от них планету, но это

не кончится просто судом Линча, начнется гражданская война.

— Очень хорошо! Просто отлично! — ответил отец. — Федеральное правительство никогда не обращало на нас внимания. Планеты Федерации разбросаны в космосе на расстоянии многих миллионов кубических световых лет друг от друга, власти Федерации просто не могут себе позволить мотаться с одной планеты на другую и подтирать колонистам носы. Пока на Фенрисе все спокойно, они для нас ничего не сделают. Но вы увидите, что произойдет, если в печать на Земле просочиться что-нибудь под заголовком «На Фенрисе разразилась революция», а я обязательно отошлю подобный материал в «Межпланетные Новости».

— Я скажу вам, что произойдет, — ответил Биш. — Погибнет уйма народу, что само по себе и неважно. Люди продолжают убивать друг друга и по более серьезным причинам. Но у наших колонистов, как и у всех нормальных людей, имеются родственники и друзья, они постараются отомстить за убитых. Если здесь начнется война группировок, то где-нибудь через сотню лет в темном проходе один колонист пустит пулю в спину другому, продолжая эту войну. Неужели вы хотите, чтобы эта планета была отравлена кровной враждой на многие годы вперед?

Нам с отцом это и в голову не приходило, а должно было бы... На Фенрисе враждовали даже сейчас. Половина других колонистов на островах и на материке образовались именно потому, что некоторые группы или семьи колонистов из-за вражды с другими были вынуждены покинуть Порт Сандор. Половина всех стычек со стрельбой и поножовщиной происходила именно на почве старых распрей между семьями колонистов или командами охотников.

— Но мы не хотим также, чтобы и в следующем столетии здесь все было отравлено тем, что посеяли Морт Холсток и Стив Равик, — сказал отец.

— Разумеется, — кивнул Биш. — Если гражданская война — единственный способ избавиться от них, то это то, что вам нужно. Только когда все кончится, убедитесь, что не один из них не остался в живых. И все же будет гораздо лучше, если вам для наведения порядка удастся вызвать сюда представителей Федеральных властей. Вряд ли кто-нибудь затеет вендетту с Федерацией.

— Но как? — спросил отец. — Я отсылаю один за од-

ним материалы, свидетельствующие о преступности и коррупции на Фенрисе. Они там все откладывают в долгий ящик.

Появилась миссис Лейден, она убрала суп и принесла основное блюдо. Биш некоторое время сидел, поигрывая вилкой.

— Я не знаю, как вы сможете это сделать, — медленно произнес он. — Если вы сможете сдержать назревающий взрыв до прихода «Мыса Канаверэл», если сможете послать кого-нибудь на Землю...

Вдруг меня осенило. Тут было что-то, что придавало смысл существованию Биша, что-то, из-за чего он хотел оставаться трезвым.

— Не говори «если вы сможете», — сказал я. — Если мы сможем. Ты ведь тоже живешь на Фенрисе, разве нет?

Глава 5

БЕСПОРЯДОК В ЗАЛЕ ОХОТНИКОВ

После ужина отец позвонил в госпиталь при космодоме и переговорил с доктором Роянским. Мюрелл спал, он был вне опасности. Ему дали успокаивающее, сделали пару уколов, и теперь его организм постепенно избавлялся от полученного яда. С Мюреллом все будет в порядке, как сказал доктор Роянский, но ему лучше побыть в госпитале еще некоторое время.

Пора было собираться в Зал Охотников. Юлий и миссис Лейден приступили к ужину, а отец и Биш поднялись в редакторский офис. Я решил не брать машину, Зал Охотников был всего в нескольких кварталах к югу от «Таймс», в направлении порта. Я взял сумку с радиоаппаратурой и отправился пешком.

Деловой район Порт Сандора был не так уж плохо иллюминирован, к обычному освещению с потолка уровня добавлялся свет витрин магазинов и ресторанчиков. Многие из последних были открыты. За столиком одного из них я заметил двух младших офицеров «Пинемюнда» в компании двух милых девушек. Из этого следовало, что корабль не собирается незамедлительно покидать Фенрис. Проходя мимо здания муниципалитета, я обратил внимание на некоторую активность возле автостоянки, там толпилось необычно много полицейских. Видимо, у Равика имелись кое-какие сомнения по поводу того, как будет принято охотниками сообщение о снижении

цен на воск, и Морт Холсток мобилизовал свой штурмовой эскадрон, на случай, если Стиву потребуется поддержка. Я сообщил об этом отцу, на что он нервным голосом сказал, чтобы, если начнется какая-нибудь заварушка, я держался подальше.

Зал Охотников располагался в прочном четырехэтажном здании, таком же прочном, как и другие, не поддерживающие крышу всего уровня. Соответственно здесь имелись посадочная площадка на крыше и стоянка внизу. Подойдя поближе, я увидел большое скопление машин, джипов и лодок на самой стоянке и за ее пределами — толпу мужчин. Почти все были в корабельной одежде, среди них было достаточно типов, которые ни разу в своей жизни не выходили в море на охоту, но были членами Кооперации, причем лучшими из лучших. Здесь также было немало людей Холстока, одетых по форме. Они вполне мирно окружили стоянку, кто-то поигрывал дубинкой, кто-то просто стоял, опустив руки на патронташ.

Я поднялся на лифте на второй этаж, который представлял собой одно большое помещение с лифтом и эскалатором у задней стены. Все стены были увешаны фотографиями и стереоизображениями кораблей-охотников, монстров рекордных размеров, привязанных вдоль борта корабля, до того как их выпотрошили, было много снимков целых команд охотников, кроме фотографий здесь имелись высушенные слэшеры и рыбы-алебарды, клыки монстров, была даже целая голова монстра с открытой пастью. Кругом толпились охотники, одни собрались в кучку и что-то оживленно обсуждали, другие прохлаждались у стойки бара, третьи окружили игровые автоматы.

Я увидел Тома Кивельсона, его отца и Оскара Фуджисаву и подошел к ним. Внешне Джо Кивельсон был как бы отображением Тома Кивельсона, плюс белая борода, которую растили лет тридцать пять, если не больше. Капитан «Пеквуда» Оскар Фуджисава вряд ли оказался бы в затруднительном положении, если бы Биш назвал его «капитан Ахаб», несмотря на то, что у него были голубые глаза, рыжие волосы и борода. Он был почти такой же большой, как и Джо Кивельсон.

— Здорово, Уолт, — поприветствовал он меня. — Что это нам здесь Том рассказывает, что якобы Биш пристрелил гусеничную улитку, которая собиралась поближе познакомиться с мистером Мюррелом?

— Так и было. Эта тварь, должно быть, пряталась между упаковками воска, когда мы подошли, — отвечал я. — Мы ее не видели до тех пор, пока все не произошло. Улитка была как раз сзади Мюрелла и уже подняла жало, когда Биш пристрелил ее.

— У него было больше шансов пристрелить мистера Мюрелла, — сказал Джо Кивельсон.

Мне кажется, он думал так совершенно искренне. На планете не было худшего стрелка из пистолета, чем Джо, так что, если его послушать, из пистолета ни во что невозможно было попасть.

— У него не было выбора, — сказал я. — Если бы он не использовал свой шанс, мой материал о Мюрелле пришлось бы поместить в черную рамочку.

К нам подошел еще один охотник, худой, рыжий, с острым носом. Это был Эл Девис, инженер-помощник из команды Джо Кивельсона. Ему тоже захотелось поподробнее узнать эту историю с гусеничной улиткой и я был вынужден начать все с самого начала. Вряд ли я мог что-нибудь добавить к тому, что уже рассказал Том, но я представлял «Таймс», и, если «Таймс» подтверждает, значит, это так и было.

— И все-таки я бы не хотел, чтобы какой-нибудь пьяница, вроде Биша, поднимал стрельбу рядом со мной, — сказал Джо.

И это можно было понять, Джо не пил.

— Не обманывай себя, — сказал ему Оскар. — Я был свидетелем того, как Биш одним выстрелом выбил нож из рук у одного парня в баре у Одноглазого Стивенсона. Попал прямо в лезвие. Одноглазый до сих пор хранит этот нож у себя за стойкой.

— Ну, хорошо, он был пьян? — спросил Джо.

— Когда Биш стрелял, ему приходилось одной рукой держаться за стойку, чтобы не упасть, — Оскар повернулся ко мне. — Как там Мюрелл?

Я передал им всю информацию, которую нам удалось получить из госпиталя. Все явно почувствовали облегчение. И я не предполагал, что писатель, о котором никто ничего никогда не слышал, пользуется такой популярностью в кругах охотников на монстров. Пока мы разговаривали, я все время поглядывал на часы. Вскоре на экране, расположенном на противоположной от нас стене, появилась заставка «Таймс», и начались новости.

Все, кто был в этом зале, подошли ближе.

Сюжет о прибытии «Пинемюнда» был встречен очень

спокойно, потом на экране появился мой отец, перед ним на столе лежал магнитофон. Он прокрутил весь материал с Лео Белшером.

Обычно я спокойно отношусь к ругани, даже сам позволяю себе некоторые вольности, когда вожусь с какой-нибудь устаревшей техникой у нас в редакции. Но когда Белшер начал объяснять, как и почему цена на воск будет снижена до 35 сентисолов за фунт, в комментариях охотников была слишком большая, даже для моих ушей, концентрация определенных выражений. Правда, в толпе было достаточно людей, которые ничего не говорили по поводу услышанного, наверняка, это были люди Равика и, видимо, у них был приказ ничего не предпринимать до конца собрания.

— Интересно, как он собирается протолкнуть все это дерьмо насчет заменителя? — поинтересовался Оскар.

— Ну, а вы что собираетесь делать? — спросил я.

— Я скажу тебе, что мы не собираемся делать, — ответил Джо Кивельсон. — Мы не собираемся соглашаться на снижение цен, если он не примет нашу цену, он может воспользоваться своим (опущено цензурой) заменителем.

— Но вы же не имсете права продавать воск кому-нибудь еще, не так ли?

— Ах, вот как? Значит, не имеем права? — начал было Джо.

До того, как он успел добавить еще что-либо, вмешался Оскар.

— Мы сможем продержаться еще некоторое время и не подохнем, даже если не будем продавать воск. Сигурд Нгоцори на нашей стороне, он одолжит нам определенную сумму под будущий воск. Когда поставки воска прекратятся, в «Капстад» заинтересуются почему...

Пока мы говорили, к нам подошли еще несколько охотников с «Явелина» — старший помощник Рамон Левелин, штурман Эйб Клиффорд и некоторые другие. Я немного побеседовал с ними и отправился в бар, где встретил еще одного капитана — Мохандоса Ганди Фейнберга, все его звали просто Махатма. Он не был похож на свое прозвище. У него была черная курчавая борода, из которой вечно торчала черная сигара, и было достаточно одного взгляда на Махатму, чтобы уже никогда не путать его с любым апостолом ненасилия.

Махатма задумал одно дело, для которого ему была нужна поддержка. Он хотел, чтобы в голосовании прини-

мали бы участие толькош капитаны охотников. Капитаны бы соответственно выражали мнение большинства своей команды. Неплохая задумка, но было бы лучше, если бы с этим предложением выступил простой охотник. Это бы лишило права голоса всех и временно не работающих охотников. Единственная трудность — я не видел никаких мыслимых путей для решения той задачи. Очень похоже на попытки сократить Парламент работой самого Парламента.

С улицы поднялись вооруженные гангстеры и, разделившись на двойки и тройки, разошлись по всему залу, готовые к возможным трудностям. Когда я присоединился к Джо Кивельсону и Оскару, я включил свой приемник, и так и не выключая его, болтался по этажу и позволял ему подслушивать все разговоры. Люди Равика либо ничего не говорили, либо пытались доказать, что Белшер сделал все, что мог, и, если «Капстад» не собирается платить больше 35 сентисолов за фунт, это не его вина. Наконец, дали звонок к началу собрания, и толпа начала медленно продвигаться в сторону лифта и эскалатора.

Зал собраний находился этажом выше. У дверей, ведущих в зал, стояли два вооруженных приспешника Равика и сержант, они проверяли, нет ли у кого-нибудь из охотников ножа или пистолета. Я пронес весь свой арсенал: газовый балончик, закамуфлированный под зажигалку, и два цилиндра на сумму двадцать солов, по сорок четвертушек в каждом. Если зажать в кулаке такую штуку, ощущаешь большую уверенность, нежели размахивая голыми руками.

Равик, Белшер и секретарь Кооперации, явный подкаблучный муженек, за всю жизнь ни разу не имевший собственного мнения, восседали за огромным столом. Когда большинство охотников заняли все места, а остальные, включая прессу, расположились вдоль задней стенки, Стив Равик постучал по столу куском клыка монстра, с помощью которого он обычно призывал собрание к порядку.

— У нас полно нерешенных старых вопросов, — сказал он. — Но я хотел бы отложить их обсуждение на некоторое время. Сегодня на нашем собрании присутствует представитель Кооперации на Земле — Лео Белшер. Я хочу представить его вам. Мистер Лео Белшер.

Белшер встал. Равик захлопал, показывая пример

своим марионеткам. Зомби захлопали в ладоши, все остальные оставались без движения. Белшер поднял руку.

— Пожалуйста, не надо аплодисментов, — попросил он. — То, что я вам собираюсь сообщить, не заслуживает аплодисментов.

— Вот это ты верно просигналил, — сказал кто-то впереди меня очень отчетливо.

— Мне очень жаль, что я вынужден сообщить всем эту новость, но факты таковы: «Капстад» больше не в состоянии платить по 45 сентисолов за фунт, цены упали до 35 сентисолов за фунт. Я хотел бы, чтобы вы поняли, что «Капстад» искренне хочет, чтобы вы получали максимальную цену за свой товар, но состояние дел не позволяет придерживаться старых цен на воск. 35 сентисолов — это максимум, кроме того возникшая конкуренция...

— Эй, прекращай, Белшер! — крикнул кто-то. — Мы уже слышали всю эту муть в новостях.

— А что насчет контракта? — выкрикнул кто-то еще. — У нас ведь заключен контракт с «Капстад», разве нет?

— Условия контракта должны быть изменены. Они будут платить 35 сентисолов за фунт или не будут платить ничего.

— Пусть попробуют перебиться без воска или купить, но где-нибудь еще!

— Да. Этот великолепный синтетический заменитель!

— Председатель, — позвал Оскар Фуджисава, — я вношу предложение: либо мы отказываемся от предложенной цены, либо выкупаем отсюда Лео Белшера.

Стив Равик начал кричать, что Оскар нарушает порядок проведения собрания, что Белшер взял слово и имеет право выступать.

— Я поддерживаю предложение Оскара и настаиваю на том, чтобы мы уволили Белшера и наняли кого-нибудь другого.

— Я предлагаю дополнить предложение капитана Фуджисава, — сказал Джо Кивельсон. — Я предлагаю следующее дополнение... и установить цену на воск 75 сентисолов за фунт.

— Вы сошли с ума! — почти закричал Лео Белшер. — 75 сентисолов — это старая цена, с нее Равик и Белшер начали понижение и дошли уже до 45 сентисолов за фунт.

Я услышал характерный писк, отстегнул ручной телефон от приемника и поднес его к уху.

— Да?

Это был Биш Вэр:

— Бери Кивельсонов и как можно быстрее уводи их из зала, — сказал он. — Мне только что дал знать один мой... мой прихожанин. Равик собирается инсценировать бунт, чтобы у полиции Холстока появился предлог разогнать собрание и устроить облаву. Им нужны Джо Кивельсон и Том.

— Принято.

Я повесил трубку и сразу услышал, как кричит Джо Кивельсон:

— Ты думаешь, Фенристская дыра, что мы ничего не можем здесь узнать? Воск на Земле и сейчас продается по той же цене, что и восемь лет назад, когда вы — два плута — только начали снижать цены. Но на борту любого корабля, прибывающего сюда с Земли, можно найти котировки товарной биржи...

Я начал протискиваться через толпу и в конце концов оказался возле Оскара Фуджисавы. Мне показалось, что будет лучше отредактировать полученную информацию, ни к чему выставлять Биша, как свой источник.

— Оскар, — сказал я ему, — мне только что звонил отец. Они получили сообщение о том, что люди Равика собираются инсценировать волнения в зале охотников, а полиция Холстока устроит облаву. Им нужны Джо и Том. Ты знаешь, что сделает полиция, если им удастся схватить их.

— Пристрелят «при оказании сопротивления полиции». Ты уверен в источнике?

Через несколько рядов от нас кто-то вскочил на ноги и отбросил в сторону стул.

— Да ты лжешь, как последний сукин сын! — заорал кто-то.

— Кого это ты называешь сукиным сыном, паршивый недоносок? — донеслось в ответ, в сторону полетели еще стулья, и тут началось...

— Пожалуй, так оно и есть, — сказал Оскар. — Пойдем.

Мы с трудом пробивали себе дорогу через толпу в ту сторону, где стояли Кивельсоны и еще два охотника из команды «Явелина». Я зажал в правом кулаке ци-

линдр с монетами и пропустил Оскара вперед, у него масса была посолондней моей.

Я поступил очень благоразумно, так как не успели мы пройти и десятка футов, как между нами втиснулся какой-то тип и занес над головой Оскара резиновую дубинку. Я в один момент уложил его на пол, врезав утяжеленным кулаком ему за левое ухо. Оскар, у которого должно быть глаза на затылке, развернулся и выхватил у этого типа резиновую дубинку. Кто-то еще прорывался в нашу сторону, я чуть не вмазал и ему, когда он закричал:

— Осторожней, Уолт! Я с вами!

Это был Цезарио Вийера из команды «Явелина», он был обручен с Линдой Кивельсон, дочерью Джо и старшей сестрой Тома, той самой, которую Джо собирался отправить учиться на Землю.

Наконец мы добрались до Кивельсонов. Оскар схватил Джо за руку:

— Идем, Джо. Надо двигать отсюда, — сказал он. — Гестапо Холстока уже в пути. У них приказ взять тебя живым или мертвым.

— Черта с два! — ответил Джо. — Когда это я убежал в самом начале заварухи, и...

Это как раз то, чего я боялся. Джо, как степная корова Заратустры. Единственная известная ему тактика — лобовая атака.

— Ты хочешь, чтобы они уничтожили твою команду, а заодно и тебя с Томом? — спросил Оскар. — Так и будет, если полиция схватит тебя. Ну, теперь ты идешь или мне надо оглушить тебя какой-нибудь штуковиной и выволочь отсюда?

К счастью, в этот момент кто-то достал Джо, слегка задел скулу, хорошо, что это все, что он мог сделать, у этого типа был кастет. Джо немного согнул колени, наклонился фута на два, взял парня за бедра и выпрямился, подняв его над головой. Потом он швырнул его через головы людей впереди. Оттуда, где приземлилась жертва Джо, раздались крики.

— Так держать, Джо! — выкрикнул Оскар. — Идем, мы сможем делать это по пути.

Таким образом, стратегия превращала отступление в атаку. Мы нацелили Джо на дверь, и не успел он и глазом моргнуть, как мы были уже в коридоре у лифта. Там по-прежнему стояли два человека Равика с сержантом, к ним прибавилось еще два полицейских. Один из двух по-

следних встал на пути Джо. Одним ударом кулака Джо отбросил его футов на десять. Второй полицейский левой рукой схватил меня.

Я сбил его с ног точным ударом в челюсть моей десятипаловой правой и сразу почувствовал, что обертка цилиндра у меня в кулаке треснула и четвертушки стали просачиваться в ладонь. Не успел я спрятать монеты в карман и достать следующий цилиндр, как сержант вытащил пистолет. Я просто бросил все монеты ему в лицо. Он выронил пистолет, схватился руками за лицо и взвыл от боли.

Я тоже мысленно взвыл, быстро просчитав в уме, сколько прекрасных и полезных вещей я мог бы купить на эти десять солов. Один из преследователей Джо Кивельсона нагнулся, подцепил пистолет и выстрелил пару раз. Мы впихнули Джо в лифт и сгрудились за ним. Еще двери не успели закрыться, как я услышал вой сирены сразу с двух сторон — с улицы и с посадочной площадки наверху, снаружи четверо наемников Равика ползали на четвереньках, подбирая раскатившиеся монеты. Выбежавшие из зала преследователи наткнулись на этих животных и, заспотыкавшись, сильно сбавили скорость. Жаль, что я не прихватил с собой камеру. Зрителям бы это пришлось по вкусу.

— Это Уолтер Бойд, возвращаемся к вам по обычной программе. Секундой позже я услышал ответный сигнал. Двери закрылись, лифт двинулся вниз, и я взял телефон. Это снова был Биш.

— Мы спускаемся на лифте на Второй Уровень, — сказал я. — Со мной Джо, Том, Оскар Фуджисава и еще несколько охотников с «Явелина». Вокруг все кишит полицейскими.

— Спускайтесь на Третий Уровень, потом поднимитесь по трапу справа, — сказал Биш. — Я буду там и подберу вас.

— Заметано. Будем тебя высматривать.

Лифт остановился, я нажал кнопку Третьего. Потирая скулу чем-то вроде носового платка, Джо Кивельсон поинтересовался, что происходит.

— За нами приедут, — сказал я ему. — Транспорт от «Таймс».

Мне казалось, что не сообщая, кто именно нас заберет, я смогу избежать долгих объяснений.

ЭЛЕМЕНТАРНО, МОЙ ДОРОГОЙ КИВЕЛЬСОН

Перед тем, как покинуть освещенный лифт, мы пересчитали носы. Кроме Кивельсонов здесь еще было пять охотников с «Явелина» — Рамон Левелин, Абдула Монахан, Эйб Клиффорд, Цезарио Вийера и белобородый Пит Дюмонт. Эл Девис был с нами, когда мы пробивались к выходу из Зала Охотников, но он отстал по пути. У нас была пара фонариков, выйдя из лифта на Нижнем Уровне, мы по зигзагообразной лестнице поднялись под потолок и уселись там на высоте 75 футов.

Джо Кивельсон начал изводить себя.

— Славный я капитан, сбежал и оставил своих ребят!

— Если они не продержатся, значит, им просто не повезло. Судьба!.. — сказал ему Оскар Фуджисава. — Ты вывел оттуда всех, кого мог. Если бы ты промедлил еще немного, мы бы все там остались.

— С ними ничего не сделают, — добавил я. — Полиции нужны только Том, Оскар и ты.

Джо все еще позволял убеждать себя в том, что он все сделал правильно, когда мы увидели на потолке свет фар грузовика. Моментом позже Биш Вэр выглянул с места пилота.

— Куда желают джентльмены? — спросил он.

— На «Явелин», — быстро ответил Джо.

— Ммм-ммм, — Оскар был не согласен. — Это первое место, где они будут искать. Если схватят Рамона и других, с ними ничего не случится, но если они возьмут тебя и Тома, вас просто пристрелят и назовут это самозащитой или наkostenяют так, что вас потом еще долго нужно будет соскребать с бетона. Через пятнадцать-двадцать часов все успокоится, но сейчас я не собираюсь и близко подходить к своему кораблю.

— «Таймс», — сказал я. — Все здание в нашем распоряжении, мы можем спрятать половину популяции.

Итак, решено. Мы забрались в грузовик, Биш выбрал тихое местечко на Втором Уровне и отпустил машину. Рамон Левелин и другие вышли. Затем мы поднялись на Уровень Главного Города, Биш провел грузовик всего в нескольких кварталах от Зала Охотников, шума там было предостаточно, но стрельбы слышно не было.

В пути Джо Кивельсон не проронил ни звука, но в то же время не спускал глаз с места пилота. Я думаю, он

ожидал, что Биш намерен таранить каждое здание, попадающееся нам по пути.

Мы нашли отца в редакторском отделе на последнем этаже, он прокручивал Юлию звукозапись, а тот набирал ее для телепринта. Я коротко отчитался обо всем, что произошло и о чем я не сообщил по радио. Отец недовольно покудахтал по поводу того, что я ввязался в драку и напал на офицера, попросту говоря, из-за выброшенных денег.

Кажется, Биш Вэр находился в некотором затруднении.

— Я думаю, — сказал он, — мне следует объехать мой приход, проверить, чем живет моя благоверная паства. Обнаружу что-нибудь примечательное — дам знать.

Сказав это, он направился к элеватору, споткнулся по пути и отпустил при этом явно не епископское замечание.

Я посмотрел в его сторону и обернулся к отцу:

— Он что-нибудь пил с тех пор, как я уехал?

— Ничего, если не считать пяти чашек кофе.

В уме для себя я это отметил следующим образом: «Все больше странностей, Биш Вэр». Он продержался без алкоголя около четырех часов, а походка была так же неустойчива, как и в аэропорту, где я увидел его в первый раз. Не припомню алкогольного напитка, действие которого продолжалось бы так долго. Юлий наконец закончил работу с часовой записью и мы спустились в гостиную этажом ниже.

Джо до сих пор прибывал в полном недоумении по поводу Биша.

— Как он смог выйти на нас? — поинтересовался он.

— Да он был со мной весь вечер, — сказал отец. — Биш приехал из аэропорта с Уолтом и Томом, мы поужинали вместе. Он сделал пару звонков отсюда и узнал о готовящейся Равиком провокации. Вы бы очень удивились, узнав какое количество информации он способен раздобыть.

Джо взволнованно посмотрел на меня.

— Эй! Ты дал ему увидеть... — начал он.

— Воск в четвертом отделении Нижнего уровня? — спросил я. — Он не проболтается. Биш не имеет привычки болтать там, где не следует.

— Это точно, — сказал отец. Он начинал думать о Бише, как об одном из сотрудников «Таймс». — Мы получаем от него достаточное количество важной информа-

ции, но сам Биш никогда не болтает о том, что узнает здесь, — отец в очередной раз прикурил трубку. — А что с этим воском, Джо? — спросил он. — Ты всерьез выдвинул предложение о возвращении к старой цене?

— Конечно, серьезно! — заявил Джо. — Это реальная цена и всегда была такой, и это то, что мы получим за свой товар или «Капстад» не получит никакого воска.

— Если Мюрелл сможет поднять цену, возможно, «Капстад» вообще никогда его не получит, — сказал я. — Какую должность он занимает в Межзвездной организации «Импорт-экспорт»?

Глядя на Кивельсона, можно было подумать, что в его кресло заполз колючий червь.

— Откуда ты это узнал? — требовательно спросил он. — Самый глупейший во всей Галактике вопрос, который когда-либо задавали журналисту. — Том, если это ты растрепал...

— Ничего он не трепал, — сказал я. — Ему незачем было это делать. Это и дураку понятно.

Я рассказал о всех странностях, которые заметил в поведении Мюрелла во время интервью и после того, как он сошел с корабля.

— Еще до того, как я успел услышать от него хоть слово, меня очень заинтересовало, с чего бы это вдруг Тому так захотелось подняться со мной на борт. Он не знал, что мы договорились поселить Мюрелла в «Таймс» и собирался показать ему воск, а потом взять его с собой на «Явелин». На собрании Мюрелл должен был быть вашим основным козырем, только вот эта гусеничная улитка, она испортила вам всю игру. Тогда вы решили не подписывать новый контракт, пока Мюрелл не выйдет из госпиталя.

Кивельсоны и Оскар Фуджисава переглянулись. Том и Джо оцепенели, а Оскар усмехался. Братишка, подумал я, сам Шерлок Холмс не проделывал лучше.

Мои собственные мысли совершенно неожиданно напомнили мне о докторе Ватсоне, которого Биш опознал по паролю. Это была единственная загадка, которую, применив дедуктивный метод, все еще не мог разгадать Шерлок Бойд. Ну, хорошо, дайте мне еще немного времени и побольше фактов.

— Ты все это просто вычислил, не так ли? — саркастически спросил Джо. Сарказм был дутый.

— В «Таймс», — начал отец, стараясь говорить скромно, — работают профессионалы репортерского дела, Джо.

— Это не «Импорт-экспорт», — сказал мне Оскар, улыбаясь. — Это «Экзотик Органикс» из Аргентины. Ты знаешь, здесь все думали, что Джо ради приличия послал свою дочь учиться на Землю, однако образование не единственная вещь, ради которой Линда отправилась в такую даль. В последний раз, когда здесь был «Мыс Канаверэл», мы получили от нее письмо. Линда сообщала, что ей удалось наладить связь с «Органикс» и что человек с их стороны прибудет на Фенрис на «Пинемюнде» под маской странствующего писателя. И вот он здесь.

— Вы бы лучше приглядывали за ним, — посоветовал я. — Если Стив Равик доберется до Мюрелла, от нашего писателя не будет никакого толку.

— Ты считаешь, Равик действительно может повредить Мюреллу? — спросил отец.

— А ты как считаешь, Ральф? — спросил его Оскар. — Если опять возникнет конкуренция между покупателями воска, 75 сентисолов за фунт — это будет начальная цена. Я не начинаю тратить деньги, пока не почувствую их у себя в руках, но я не удивлюсь, если воск пойдет по одному солу за фунт. А ты знаешь, что это будет означать.

— Тридцать — Стиву Равику, — сказал отец.

Эта реплика несколько озадачила Оскара, что «тридцать» на языке журналистов означает «конец».

— Я думаю, Уолт прав, Равик пойдет на все, лишь бы этого не произошло, — отец на минуту задумался. — У тебя была неправильная стратегия, Джо. Ты не должен был мешать Равику устанавливать новую цену на воск для торговли через Кооперацию, надо было, чтобы уже после этого Мюрелл предложил 75 сентисолов за фунт или вроде того.

— Ты сошел с ума? — воскликнул Джо. — Ведь это был бы крах для Кооперации.

— Это точно. Все охотники сразу вышли бы из организации после того, как Мюрелл объявил свою цену, даже должники Равика. У него никого бы не осталось, разве что горстка головорезов и пьяниц.

— Но это бы означало полное банкротство Кооперации, — возразил Джо. — Послушай, Ральф, я состою в Кооперации всю свою жизнь. Когда я в нее вступил, Равиком на Фенрисе еще и не пахло. Я работал на Кооперацию, как проклятый и...

Видимо, ты недостаточно хорошо работал, подумал я, ты позволил Равику отнять ее у тебя. Отец говорил Джо о том же:

— У тебя нет Кооперации, Джо. У Стива Равика есть рэкет. Единственное, что ты можешь сделать для этой организации — это развалить ее, а потом построить заново, оставив Равика с его бандой за бортом.

Джо некоторое время ломал голову над всем, что только что услышал. Он думал, что это все та же Кооперация, которую организовали его отец, Саймог Маг-Грегори и другие старые охотники, видимо, он думал также, что избавиться от Равика можно просто не проголосовав за него. Теперь Джо начинал понимать, что парламентская процедура — это не оружие против сил, которые представлял Стив Равик.

Том ни разу не вмешался в разговор, наконец он прочистил горло:

— На «Пинемюнде» я пообещал взять Мюрелла с нами на охоту. Он тогда еще выдавал себя за писателя. Может, это неплохая идея.

— Да, мы не можем позволить, чтобы с Мюреллом на Фенрисе что-нибудь случилось, — сказал Джо., — Вряд ли «Органик» пришлют сюда кого-нибудь еще, если с ним что-нибудь произойдет.

— Итак, — сказал отец, — мы передадим материал о Мюрелле в утренней редакции, затем исправим неточности, извинимся перед зрителями и дадим объяснения в вечернем выпуске. А потом мы запишем аудио-видеоинтервью, в котором он сам объяснит кто он такой, кого представляет и объявит новую цену на воск. Мы запустим интервью в эфир. Слишком многие об этом узнают, и Стив не осмелится ничего сделать против Мюрелла.

Гласность, подумал я, — единственное оружие, которым умеет пользоваться мой отец. Он считал, что оно непобедимо. Я бы не стал заключать пари по поводу того, способен Стив убрать Мюрелла или нет, даже если бы мне предложили сто против одного, что Стив безобиден, как ягненок, слишком уж долго он был у руля. Равик опьянел от власти, она была для него также привычна и необходима, как медовый ром для Биша Вэра. Однако опьянение властью не сравнить с алкогольным опьянением.

— Хорошо. Ты думаешь, Равик уже вышел на Мюрелла? — сказал Оскар. — Мы держали это в строжайшем секрете. Об этом знали только Джо, Махатма, Ниц Спацини, Кор Финнеган и я, больше никто.

— Я не говорил об этом даже Тому до тех пор, пока мы не вышли на связь с «Пинемюндом», — сказал Джо

Кивельсон. — Только после этого я рассказал Тому, Рамону, Абдуле, Эйбу и Гансу Корни.

— И Элу Девису, — добавил Том.

Со стороны экрана связи раздался зуммер, я подошел и включил систему. Это был Биш Вэр, он звонил из уличного киоска или будки:

— Ранний отчет. Есть кое-что для вас, — сказал он. — Полиция очистила Зал от охотников. Остались только марионетки Равика. Стив провел собрание членов собственной банды. Они очень аккуратно проверили, имеется ли у них кворум, и затем проголосовали за принятие новой цены — 35 сентисолов за фунт.

— Это то, чего я опасался, — сказал Джо Кивельсон. — Они взяли кого-нибудь из команды?

— Никого из тех, кого я знаю, — ответил Биш. — Они арестовали несколько охотников, но очень скоро всех отпустили. Полиция все еще ищет тебя и Тома. Насколько я знаю, их больше никто не интересуется. — Он быстро оглянулся через плечо, будто проверяя, плотно ли закрыта дверь будки. — Я сейчас не один, перезвоню позже.

— Вот такие дела, Джо, — сказал Оскар. — Кооперация Равика остановилась на этой цене, нам только остается вытащить оттуда всех охотников и организовать новую.

— Пожалуй, что так, — согласился Джо, — интересно, догадывается ли Равик о Мюрелле?

— Уолт вычислил его за два часа, — сказал Оскар. — Белшер был на одном корабле с Мюреллом шесть месяцев. Ну хорошо, скажем три, в космосе все происходит быстрее в два раза. Но за три месяца он имел возможность увидеть то, что заметил Уолт за два часа.

— Хорошо, но Белшеру не обязательно покажется подозрительным то, что показалось Уолту, — ответил Том.

— Конечно, нет, — ответил я. — Но он и Мюрелл занимаются одним бизнесом. Готов поспорить, что Белшер обратил внимание на дюжину подозрительных вещей в поведении писателя, на которые я не обратил внимания.

— Тогда мы должны позаботиться о безопасности мистера Мюрелла, — сказал Том. — Нужно, как можно быстрее взять его на корабль. Уолт, ты пойдешь с нами, правда?

Об этом мы договорились еще в ту пору, когда Глен

Мюрелл был путешествуящим писателем. Теперь я этого совсем не хотел. Вряд ли что-нибудь произойдет на борту «Явелина», но наверняка много чего случится здесь, в Порт Сандоре. Отец тоже так считал, только он на сто процентов хотел, чтобы я присоединился к Мюреллу. Он просто не хотел, чтобы я оказался на пути каких-нибудь маленьких высоко-скоростных частиц, которые, возможно, вскоре начнут свистеть в округе.

Глава 7

НА БОРТУ «ЯВЕЛИНА»

За этот вечер мы больше ничего не услышали о Бише Вэре. Джо и Том Кивельсоны, и Оскар Фуджисава переночевали в «Таймс», а с утра, после завтрака отец позвонил в госпиталь насчет Мюрелла. Он хорошо провел ночь и, кажется, избавился от всего яда, полученного через кожу. Отец переговорил с ним и посоветовал не покидать госпиталь, пока кто-нибудь из нас за ним не приедет. Мы с Томом взяли по пистолету и автомат и направились к машине. В последний момент я вспомнил, что пострадал не только наш гость, но и его брюки. Я распаковал багаж Мюрелла и взял для него костюм.

Глен Мюрелл был очень признателен за то, что мы позаботились о его гардеробе, он и бровью не повел, увидев всю нашу артиллерию. Мюрелл уже знал, какой был счет, знал, по каким правилам ведется игра, вернее, насколько они отсутствуют, и воспринимал нас как игроков своей команды. Мы спустились на Нижний Уровень и подъехали к тому месту, где складировали воск. Теперь там уже было около дюжины охранников, вооруженных до зубов. Мы вышли из машины. Один из охотников приготовил зонд, аппаратуру для тестирования и микрочувствительный сканер. Мюрелл не терял времени даром. Он прозондировал одну из упаковок воска, сделал химический анализ образцов и просканировал остальные упаковки на предмет присутствия в них чужеродной материи. Возможно, он не был знаком со своим литературным агентом, но он точно знал, что такое воск.

От охотников я узнал, что с тех пор, как мы покинули Зал Охотников, никаких серьезных проблем не возникало. Городская полиция избила несколько человек, из Зала выдворили всех настроенных против Равика охотников, после чего заново провели собрание и приняли тайным голосованием новую цену. Полиция все

еще разыскивала Кивельсонов. Видимо, Равик считал, что Джо Кивельсон является главой оппозиции: если бы я вдруг узнал, что Джо и Оскар Фуджисава создали какой-то тайный союз, я бы, наверное, тоже посчитал, что в этом деле главный — Кивельсон. Возможно, Оскар просто поощрял такую точку зрения на случай, если все будет складываться не совсем удачно. В конце концов самосохранение — первый закон существования, и Оскар придерживается его на сто процентов.

После того, как Мюрелл закончил проверку, мы забрались в машину и начали подниматься. Я спросил его, что он собирается предложить за наш товар так, будто я был капитаном самого большого корабля-охотника в Порт Сандоре. Но это действительно было так же важно для нас, как и для охотников. Чем больше воска будет продано, тем больше объявлений нужно будет давать для покупателей и больше людей будет арендовать наши теплепринтеры.

— Восемьдесят сентисолов за фунт, — сказал Мюрелл.

Мило и определенно. Большая разница, если сравнивать с его первым интервью. — Семьдесят пять сентисолов — цена предложенная «Капстад», я не говорю о том, что получали ваши люди от этого плута Белшера. Мы пойдем еще дальше и заставим его побегать, как черта, пусть попробует угнаться. Можете передать это в новостях — монополии на воск на Фенрисе больше не существует.

По возвращении в «Таймс» я сразу спросил отца, не было ли новостей от Биша.

— Нет, — сказал он печально. — Он не звонил утром, и я решил позвонить ему домой, однако не получил никакого ответа. Тогда я позвонил Гарри Вонгу. Гарри сказал, что Биш был у него этой ночью с какими-то людьми, — он назвал имена двух леди и мужчины, репутация которых оставляла желать лучшего. Они неплохо выпили. Биш заправился по самые уши. Ушли они около половины второго. Гарри также сообщил, что полиция всю ночь шныряла туда-сюда, но никаких проблем не возникло.

Я кивнул головой, на душе у меня было прескверно, четыре с половиной часа — лимит Биша. Ну хорошо, в конце концов девяносто процентов поражения означают, что имеется десять процентов успеха. Биш продержался без алкоголя четыре с половиной часа. Может, процент-

ное отношение немного изменится в следующий раз. На самом деле я ведь уже не в том возрасте, чтобы ждать чудес.

Около полудня звонил помощник с «Пеквуда», он сказал, что для Оскара было бы безопаснее вернуться на корабль. Потом, с тем же звонил помощник с «Явелина» Рамон Левелин, он так же передал, что на побережье наконец спала жара. Во всяком случае, он начал проводить ревизию на борту «Явелина», так, что со стороны можно было подумать, что вся операция займет часов сто, на самом же деле все можно было закончить за одну минуту, под этим прикрытием он поднимает на борт запасы продовольствия, оружие и прочее снаряжение.

Мы сделали большую запись, где Мюрелл от имени «Экзотик Органикс» объявил новую цену на воск — восемьдесят с.с. за фунт. Сразу после этого мы загрузили в машину дорожную сумку Мюрелла, приготовленную для него корабельную одежду, мою аппаратуру и, прихватив с собой Юлия Кубанова для того, чтобы он вернул машину в «Таймс», отправились в сторону порта. Когда мы прибыли, Рамон Левелин уже закончил все приготовления, и корабль был готов отчалить в любую минуту.

Береговая граница Уровня Главного Города располагалась на сто футов выше стянки кораблей. Корабли загружались и разгружались на Первом Уровне. Городская крыша сгибалась с южной стороны и на пятьдесят футов уходила под воду. Таким образом, даже во времена послерассветных и послезакатных штормов наши корабли могли спокойно, обойдя под водой внешний мол и крышу, войти в порт, в самом порту и вдоль доков никогда не было ветра или волн.

Мюрелла интересовало буквально все, что он видел, за короткое время мы прошли вдоль доков к месту стоянки «Явелина». Я знал, что Мюрелл в действительности никогда не видел ничего такого, но он наверняка просмотрел немало фотографий (судя по его замечаниям) и был заочно знаком с подобными сооружениями.

Почти все корабли были подняты из воды и теперь отдыхали в широких бетонных доках, но «Явелин» был на воде, его антигравитационная система работала в режиме специального гравитационного уменьшения веса. Это был типичный корабль-охотник сто футов длиной и тридцать в траверзе, с приземистой боевой рубкой в центре, орудийными башнями для тридцатимиллиметровых

пушек и гарпунометателей вдоль всего борта. Был открыт единственный водно-воздушный шлюз под боевой рубкой. Юлий посадил машину на одну из оружейных башен. На палубе было два охотника, они сразу подхватили наш багаж и заспешили внутрь. Мы последовали за ними и, как только Юлий поднял машину в воздух, закрыли шлюз.

Как только уровень антигравитации опустился ниже специального корабельного, «Явелин» начал погружение. Я поднялся в боевую рубку. Там были огромные бронированные иллюминаторы, мне хотелось посмотреть, как поднимается вода и включается внешнее освещение. Через несколько минут «Явелин» медленно качнулся и начал продвигаться вперед, с помощью радаров прокладывая себе путь к каналу за молом под нависающей крышей города. Потом, при всплытии, вода очередной раз пересекла иллюминаторы, включилась полная антигравитация, и корабль в один момент поднялся в воздух.

Мюрелл, привыкший к тусклым закатам на Земле, просто не мог оторвать глаз от представшего перед ним зрелища на западной стороне небосклона. Высоко в небе подсвеченные снизу облака уплывали с дневной половины Фенриса на запад, намного ниже с востока неслись облака, их было еще больше. Ко времени возвращения «Явелина» в Порт Сандор здесь будет кромешная темнота, и пойдет дождь, который вскоре перейдет в снегопад. Нам предстоит погрузиться в эту стихию на очередную тысячу часов.

Рамон Левелин разговаривал с Джо Кивельсоном.

— У нас на одного человека меньше. Девис, помощник Абдулы. В госпитале.

— Задели в этой потасовке вчера ночью? Он был с нами, когда мы прорывались к лифту, а потом я потерял его.

— Нет. Он вернулся на корабль где-то в одно время с нами, с ним все было в порядке, ни единой царапины. Он потянул спину сегодня утром, хотел рукой поднять силовой блок.

Могу себе представить. Такие штуковины весят по паре сотен футов каждая. Джо Кивельсон чертыхнулся.

— Он что думает, сейчас первое столетие Доатомной эры? Или на корабле нет ни одного подъемника?

Левелин пожал плечами:

— Просто поленился сделать пару шагов в сторону.

Доктор сказал, обследование и лечение займет, по крайней мере, один день.

— Это Эл Девис? — спросил я. — Какой госпиталь?

То, что Эл потянул спину, было хорошо по двум причинам, и потом ему будет приятно, если мы упомянем о случившемся в новостях.

— Госпиталь Кооперации.

Все правильно, они всегда отсылают списки своих пациентов в «Таймс». Том был недоволен, теперь ему предстояло выполнять работу Эла и свою собственную.

— Ты что-нибудь знаешь о двигателях, Уолт? — спросил он меня.

— Я знаю, что они генерируют магнитный ток и превращают многофазный магнитный ток в однонаправленные отталкивающие поля, нарушая все древние законы движения и тяготения, — сказал я. — Я прочитал это в книге и это все, что мне удалось узнать. Потом стало сложновато с математикой, и я начал читать другую книгу.

— От тебя будет много пользы. Как думаешь, сможешь ты во что-нибудь попасть из пятидесятимиллиметровой пушки? — спросил Том. — Я слышал, ты неплохо справляешься с пистолетом и топором, но наши пушки немного отличаются.

— Могу попробовать. Если хочешь, выкинь за борт пустой чемодан или что-то вроде. Я сделаю пару выстрелов и мы проверим, как близко я смогу подобраться.

— Так и сделаем, — сказал Том. — Обычно я за пушкой, когда поблизости появляется монстр, но кто-то должен помочь Абдуле с двигателями.

Он переговорил об этом с отцом. Джо К. кивнул.

— Я слышал, Уолт как-то сделал несколько удачных выстрелов из своего пистолета, — сказал он. — И я сам видел, как он своим топором сделал из слэшера гамбургер. Прикажи кому-нибудь накачать воздухом пару шкур монстров, и после того, как мы продвинемся еще дальше на юго-восток, мы сможем приводниться и немного пострелять.

Я убедил очарованного Мюрелла в том, что закат будет на месте в течение еще двух часов, мы спустили наш багаж вниз и отыскиали каюту, которую мы будем делить с Томом во время сна. Внешне корабль-охотник кажется очень большим, но для команды здесь очень мало места, так как корабль-охотник работает и под водой и в воздухе. Двигатели у него гораздо больше, чем на простых ан-

тигравитационных судах. Также имеются огромные грузовые отсеки для воска и стоянки для лодок разведчиков. Так что корабль-охотник, прямо скажем, не самое комфортабельное судно. Но он и не должен быть таковым, охотник редко выходит в море больше, чем на сто пятьдесят часов.

Мюрелл прочитал массу литературы, досконально описывающей каждую фазу охоты на монстров, и теперь он хотел знать, как все это происходит в действительности. Он сказал, что в «Экзотик Органикс» хотят оставить его на Фенрисе в качестве торгового представителя и, занимая эту должность, ему будет необходимо иметь дело с охотниками, индивидуально и через Кооперацию. Конечно, все это произойдет в том случае, если мы сможем избавиться от Равика и создать организацию, с которой представитель «Экзотик Органикс» мог бы иметь дело. В силу всего этого он бы хотел научиться говорить на языке охотников и понимать их проблемы.

Итак, я провел его по всему кораблю, показывая все подряд и призывая на помощь первого попавшегося охотника в тех случаях, когда мои объяснения были явно недостаточны. Я провел его на стоянку лодок-разведчиков, мы залезли в одну из них и все внимательно осмотрели. Потом я показал Мюреллу машину для упаковки воска, грузовые отсеки, «жабры», которые извлекли из воды кислород, и вооружение корабля. Наконец мы дошли до машинного отделения. Увидев двигатели, Мюрелл присвистнул.

— Эй, да эти штуковины таких же размеров, как двигатели кораблей грузоподъемностью в пять тысяч тонн, — сказал он.

— Они и должны быть такими, — сказал я. — Ведь плыть под водой не то же самое, что плыть в атмосфере. А вы когда-нибудь плавали?

Он покачал головой:

— Я родился в Антарктике на Земле. Вода там слишком холодная, не очень-то поплаваешь. Потом большую часть своей жизни я провел в Центральной Аргентине — стране пампасов. Из всех спортивных игр там предпочитают верховую езду на лошадях, поло и тому подобное.

Ого, что я знаю! Среди нас был человек, который не только видел живую лошадь, но и ездил на ней верхом. Это само по себе отличный материал для «Таймс»!

Нас услышали Том и Абдула, которые до этого суетились около двигателей. Они побросали работу и начали

расспрашивать Мюрелла. Я предполагал, что он посчитает их за дураков, но он очень терпеливо отвечал на все вопросы о лошадях и верховой езде. Я стоял рядом и рассматривал пару силовых блоков. Эл Девис растянул мышцы спины, пытаясь поднять как раз один из таких блоков.

Внешне такой блок был не больше одной литровой банки, с одной стороны он был округлой формы, с другой, там, где присоединяли силовой кабель, совершенно плоский. Однако блока хватало на двадцать пять лет. Там также имелся миниатюрный плутониевый реактор, который кроме всего прочего при необходимости ускорял процессы внутри блока. Таким образом, одного блока хватало на пять лет. Два таких блока поддерживали двигатель в работе.

Двигатели корабля превращали электроток, поступающий с блоков в магнитный. Абдула подробнейшим образом описал Мюреллу весь процесс работы двигателей и, как мне показалось, Мюрелл был полностью удовлетворен услышанным.

Наконец мы покинули машинное отделение. Мюрелл захотел еще полюбоваться закатом и поднялся в боевую рубку, где в это время были Джо и Рамон, я же решил воспользоваться случаем и немного вздремнуть.

Глава 8

ПРАКТИКА, 50 ММ ПУШКА

Мне показалось, что я только начал засыпать, когда корабль изменил направление и стал терять высоту. Я знал, что в данный момент внизу на восток передвигалась огромная масса облаков, возможно, Джо решил провести «Явелин» под ними и осмотреть поверхность моря. Я бегом поднялся в боевую рубку. Нижний уровень облаков был уже довольно высоко над нами, темно, навстречу нам шел другой корабль-охотник с включенными огнями.

— Кто это? — спросил я.

— «Бульдог», Нип Спацони, — ответил мне Джо. — У него на борту мой салонный боец и потом он хочет встретиться с мистером Мюреллом.

Я вспомнил, что охотник, разделавшийся в баре Мартина Джо с одним из головорезов Равика, скрылся из города и вышел в море на «Бульдоге». От кормы «Бульдога» отделилась лодка, какое-то мгновение она покачалась в

воздухе, потом выпрямилась, обошла нас вокруг, сравняла свою скорость со скоростью «Явелина» и выбросила магнитную кошку. Нип Спацони и еще один охотник вылезли из лодки, к их ремням были прицеплены страховочные тросы. Они медленно пробирались по палубе «Явелина». Кто-то открыл шлюз и пустил их внутрь.

Нип Спацони — старо-итальянское земное имя, однако у капитана «Бульдога» были раскосые монголоидные глаза и редкая борода, которая оправдывала его прозвище*.

Благодаря волне интернациональных браков в первом столетии соответствие внешности человека и его фамилии стало делом случая. Оскару Фуджисава, например, больше подошло бы имя Лиф Эриксон.

— А вот и твой гуляка, Джо, — сказал он. — Я должен ему долю второго стрелка от пятнадцати тонн воска. Да, это был неплохой экземпляр. Ты теперь направляешься домой? — повернулся он к охотнику, пришедшему вместе с Нипом. — не очень-то хорошо сработано, Бил. Этот парень уже выписался из госпиталя.

— Ну, ты знаешь, кто о нем позаботился, — сказал охотник. — Дай мне еще один шанс, и я постараюсь обработать его получше.

— Нет. Я еще не собираюсь домой, — ответил Нип. — У меня пустует еще одно хранилище для воска, конечно, если попадется монстр не больше обычного. Когда поднимется ветер, я собираюсь лечь на дно, переждать и попробовать получить еще одного, — потом он повернулся ко мне. — Здорово, Уолт, когда это ты успел выучиться на охотника на монстров?

Потом его представили Мюреллу и они вместе с Джо уселись вокруг штурманского стола. Джо приказал принести кофе, начался разговор о ценах и о качестве воска. Я сидел рядом, внимательно слушая все, что они говорили, ведь это часть того, что должно было стать главной историей года.

Наконец, они обговорили все вопросы, касающиеся торговли воском, и Джо спросил Нипа, как продвигается охота.

— Отлично, у тебя не будет никаких проблем, — сказал Нип. — Я взял своего у мыса Ужаса. В этом месте

* Nip (англ.) — щипок.

морские спагетти дрейфуют на запад, вдоль всего побережья Земли Германа Рейха. Вот здесь, — он ткнул пальцем в карту. — Они дрейфуют вдоль всей этой территории.

Мюрелл спросил являются ли морские спагетти именно тем, чем питаются монстры. Несмотря на начинанность, в его знаниях то тут, то там встречались существенные пробелы.

— Нет, это морские водоросли, названия довольно точно описывает их внешний вид. Рыба-скру* питается ими, большие косяки этих рыб следуют за спагетти. Глотатели, воронки и прочая нечисть питаются рыбой-скру, а ими, в свою очередь, питаются монстры. Так что, если вы где-то обнаружили спагетти, можете смело рассчитывать на одного или двух монстров.

— Как погода? — спросил Джо.

— Сейчас довольно приличная. Когда мы заканчивали обработку, уже почти совсем стемнело. Шел дождь. Думаю, часов через пятьдесят-шестьдесят станет совсем хреново, — Спацони показал какое-то место на карте. — Я думаю, где-то здесь ты можешь попробовать, Джо.

После того, как Нип вернулся на свой корабль, я вышел на связь с «Таймс». Отец рассказал, что звонил Биш, ничего нового не сообщил, только поделился смутными подозрениями, что опять затевается что-то грязное. Стив Равик и Лео Белшер восприняли все происходящее, и объявление цены, предложенной «Экзотик Органикс» в том числе, слишком уж спокойно.

— Я и сам так думаю, — добавил отец. — У этой банды определенно имеется в рукаве острый нож.

— Биш был сильно пьян? — спросил я.

— Ну, я бы не сказал, что он завязал, — сказал отец. — Ты знаешь, я начинаю думать, что пока он не набрался наполовину, нельзя сказать, что он действительно трезвый.

В этом что-то есть, подумал я. Метаболизм — вещь индивидуальная. Насколько мне известно — алкоголь может являться пищей для Биша. Или у него выработался иммунитет, и антитела начинают причинять вред са-

* Screw (англ.) — винт.

мим себе, если их не нейтрализовать алкоголем. Том должен был занять место Эла Девиса, а я соответственно место Тома у пятидесятимиллиметровой пушки. Итак, корабль почти опустился на поверхность моря, и мы с Томом пошли в одну из орудийных башен на корме. Я был прикреплен к пушке старой модели, подобные машинки были на вооружении пехотных взводов Федеральной Армии Земли. Установка у этой пушки была такой же, как у девяностомиллиметровой антигравитационной танковой пушки. Совмещение огневого механизма с системой вертикальной и горизонтальной наводки представляло собой одну из самых безумных конструкций, порожденных ночными кошмарами инженера-изобретателя. Это, безусловно, было сработано на Фенрисе.

Внешне огневой механизм состоял из приклада и спускового курка, что меня устраивало. В наличии имелся также оптический прицел с пластиковой маской, предохраняющей глаза стрелка от ослепления. Механизм наведения управлялся с помощью одного рычага. Вы могли одним движением передвигать пулемет по диагонали в любом направлении, но необходимо было прикладывать определенные усилия, чтобы двигать его в обратную сторону. Если обойма была пуста, при нажатии на курок раздавался характерный щелчок. Я сделал несколько холостых выстрелов.

— Будь внимателен, — сказал мне Том. — Эта штуковина немного отличается от пистолета.

— Заметно, — ответил я. Я также заметил, что стоило мне поймать в прицел какую-нибудь цель и нажать на курок, после щелчка цель оказывалась уже в совершенно другом месте. — Все, что нужно этой пушечке, — еще один рычаг для контроля движения корабля.

— Да так ведь даже интереснее, — ответил Том.

Затем он зарядил в обойму пять снарядов, длиной в один фут каждый.

Для учения были приготовлены накаченные воздухом шкуры монстров, с одного конца, чтобы они могли плыть вертикально, к ним привязали груз. Том передал что-то по внутренней связи, и первая мишень была выброшена за борт. Через секунду я увидел, как она, раскачиваясь на волнах, уплывает от нас. Я быстро нацепил маску, поймал «монстра» в прицел, отцентрировал и нажал на курок. Пушка грохнула, я почувствовал сильную отдачу, сорвал маску с лица и увидел столб воды и брызг, под-

нявшийся на пятьдесят футов левее и на сто ярдов дальше цели.

— От такой стрельбы в хранилище не появится и фунта воска, — сказал Том.

Я снова выстрелил. На этот раз вообще не последовало никакого эффекта. Видимо, я поразил воду мили на две дальше цели. Не успел Том прокомментировать этот выстрел, как я сделал еще один. Вода поднялась прямо перед раскачивающимся на воде чучелом монстра. Направление верное, но — недолет.

— Превосходно, во всяком случае, ты его испугал, — кривлялся рядом со мной Том.

Я вспомнил собственные комментарии, которые я делал, обучая Тома стрельбе из пистолета, и сдержался. Следующие два выстрела были определенно ближе к цели, но ни один из них не причинил бы вреда настоящему монстру. Том печально пощелкал языком и снова зарядил обойму.

— Попробуй еще разок, — сказал он. — Этот «монстр» уходит.

Трудность была в том, что над поверхностью воды были воздушные потоки. Корабль практически не имел веса, двигатели работали на сопротивление ветру. Предполагалось, что работа двигателей гасит силу ветра, а судно располагается четко против ветра. Большинство операций по управлению кораблем осуществлялись автоматически, но не все. Это означало, что пилот должен производить значительные корректировки, но, как мне кажется, ни один человек неспособен делать эту работу с требуемой точностью. Джо Кивельсон, Рамон Левелин или любой другой пилот «Явелина» делали свою работу профессионально, но это не прибавляло устойчивости пушке.

Как только вторая мишень приводнилась, я прицелился и сразу выстрелил. Взрыв был на полмили дальше, но снаряд прошел всего в нескольких ярдах от цели. Чертыхаясь, я выстрелил снова, этот выстрел был просто ужасен.

— Я понял, что ты делаешь неправильно, — сказал Том. — Ты нажимаешь на курок.

— А?

Я стянул с лица маску и посмотрел на него, нет ли еще каких-нибудь внешних признаков идиотизма? С таким же успехом он мог бы критиковать человека за то, что он пользуется вилок, а не хватает еду пальцами.

— Ты не из пистолета стреляешь, — продолжал он. — Тебе не обязательно удерживать мишень в прицеле той же рукой, что стреляешь. Рычаг контроля установки в другой руке делает это. Как только поймал цель, хватайся за курок, будто у тебя отнимают миллион солов. Ну, хорошо, шестнадцать тысяч — примерно на столько потянет один монстр по ценам Мюрелла. Если ты резко дернешь за курок, это совсем не повредит делу.

Так вот почему мне пришлось столько попотеть, добываясь от Тома нормального пистолетного выстрела, и вот почему его отец считал невозможным попасть во что-нибудь из пистолета. И поэтому охотники на монстров так часто оказывались жертвами перестрелок в барах Порт Сандора. Я испытывал те же чувства, что и Ньютон, когда до него дошло, по какой причине ему на голову свалилось яблоко.

— Ты имеешь в виду вот так? — невинно спросил я, поймав цель и нарушая все священные законы пользования огнестрельным оружием.

Снаряд прошел в дюйме от мишени. Она чуть не опрокинулась, но груз вернул ее обратно в вертикальное положение. Волна, поднявшаяся от взрыва, позади мишени стала раскачивать ее со страшной силой.

— Это был бы мертвый монстр, — сказал Том. — Посмотрим, как ты сделаешь это еще раз.

Я не повторил, следующий выстрел был просто отвратительный. Слишком самоуверенно. У меня в запасе был еще один снаряд, и я не хотел, чтобы Том менял обойму. Все это стоило уйму денег, даже если было забраковано Армией. С каждой секундой течение все дальше уносило моего надувного монстра, но я использовал свое время для следующего выстрела. Соединив горизонтальную шкалу с основанием монстра я быстро подвел поперечную к центру мишени и дернул за курок. Взрыв произошел как раз под монстром. По внутренней связи были слышны одобрительные крики охотников. Том спросил, не хочу ли я еще пострелять, я ответил, что, кажется, уже уловил в чем тут дело, взял шомпол и открыл казенную часть пушки, чтобы ее почистить. Джо Кивельсон широко улыбался, когда я поднялся в боевую рубку.

— Это было неплохо, Уолт, — сказал он. — Ты ведь никогда не стоял за такой пушкой до этого?

— Нет. Когда стреляешь из этой штуки, надо все об-

щепринятые законы поставить с ног на голову, — сказал я. — Теперь я предполагаю пристрелить настоящего монстра, в какое место предпочтительнее попадать?

— Иди сюда, я покажу тебе, — он достал из штурманского стола прозрачный брусок, фут в ширину и два с половиной в длину. В нем была маленькая фигурка монстра из моря Ярви. Длинное туловище заканчивалось хвостом-трезубцем, широкие горизонтальные плавники были похожи на крылья судов доантигравитационной эры, у монстра была длинная шея и маленькая голова с широкой клыкастой пастью.

— Всегда бей его спереди, — сказал он. — Целься прямо сюда, в месте основания шеи у монстра есть выемка, если пятидесятимиллиметровый снаряд войдет в нее футов на шесть или восемь перед тем как разорваться, то взрыв произойдет как раз между его легкими, сердцем и всем остальным. Если снаряд пройдет вдоль тела, он сам вскрыется, как консервная банка, это нам очень облегчит работу и не испортит много воска. Именно сюда я обычно и стреляю.

— Предположим, он находится ко мне в профиль и не желает поворачиваться анфас?

— Ну, тогда целься прямо под плавники на конце хвоста, это развернет его в нужную тебе позицию. Но, в основном, если корабль внизу, рядом с поверхностью моря, у тебя всегда есть возможность выстрелить ему в морду. Монстры обычно стараются атаковать корабль, они вообще атакуют все, что примерно их размеров и находится в радиусе их видимости, — сказал мне Джо.

— Но никогда не стреляй сбоку прямо в туловище, ты убьешь монстра, но ты выбросишь на ветер тысяч на пять солов воска.

Пока я обучался стрелять из пушки, наступили сумерки, теперь же было уже почти совсем темно, «Явелин» шел с включенными огнями. Мы уходили все дальше на восток, оставляя позади световой день.

«Явелин» входил в зону шквалистых дождей, вскоре дождь смешался с мокрым снегом. Включили нижние огни и наблюдатель снизу рапортовал о появившихся плантациях морских спагетти. Лодка-разведчик отделилась от корабля и ушла вперед, прожекторами освещая поверхность моря и передавая рапорты на «Явелин». Спагетти и большая стая рыб-скру, обрабатывающая их. Воронки

охотятся на рыб-скру. Наконец разведчик пронзительно свистнул.

— Ого-го, монстр! — закричал он. — Как раз сейчас кружим над ним.

— Эй, монстр! — крикнул Кивельсон по внутренней связи на случай, если кто-нибудь не услышал разведчика. — Всем приготовиться к уничтожению, — потом он увидел, что я стою тут же и жду, что будет происходить дальше. — Эй, мистер, разве вы меня не слышали? — проревел он. — Быстро к пушке!

— Вот это да! Теперь я член команды.

— Есть, сэр! — я схватился за перила, через секунду был внизу и потом промчался вдоль кормы к оружейной башне.

Глава 9

УНИЧТОЖЕНИЕ МОНСТРА

В башне меня ждал охотник, он должен был помогать мне, если что. Пушка была заряжена, поисковые огни включены, смотровой экран настроен. Проверив пушку, я посмотрел в ту сторону, где должен был находиться монстр. Освещенный сверху лодкой-разведчиком и огнями «Явелина», монстр вращал маленькой головой на длинной шее. Мы двигались прямо на него, на ходу теряя скорость и высоту.

Голова и шея исчезли, а немного позже появились вновь, монстр шел в направлении приближающегося света. Заработала передняя пушка, сотрясая отдачей корабль, голова опять погрузилась в воду, снаряд разорвался позади монстра.

Я оторвал взгляд от экрана и посмотрел в задний иллюминатор, приготовившись в любую минуту надеть маску-прицел. Через мгновение монстр всплыл за кормой. Я выстрелил без всякой надежды попасть куда-нибудь, корабль поднялся и описал круг.

Как только я выстрелил, монстр стал погружаться вперед головой. Я выстрелил второй раз в надежде повредить механизм управления, это тоже был чистый промах. Корабль поднялся на высоту около пяти тысяч футов. Мой помощник вытащил полупустую обойму и установил на ее место новую.

Если бы я был на месте этого монстра, я бы плыл и плыл, пока не оказался бы в двухстах милях отсюда, но, очевидно, у монстра был совсем иной ход мыслей, если

мысли — это именно то, что происходило в мозгах размером с квартовую бутылку, которые находились в голове размером с два масляных барабана, которая венчала туловище размером с корабль, который охотился на этого монстра...

Интересно, почему монстры не едят рыб-скру? Может, просто не любят? Мы еще многого не знали о монстрах.

Еще мне интересно, почему мы не выращиваем воск на своих фермах. Мы ведь можем выращивать любую животную материю, какую только захотим. Я часто думал об этом.

Монстр явно не был расположен снова появиться на поверхности. По внутренней связи я услышал голос Джо Кивельсона:

— Убрать пушки, загерметизировать бойницы. Приготовиться к погружению. Мы собираемся преследовать его под водой.

Мой помощник перекинул выключатель механизма, втягивающего пушку и загерметизировал бойницу. Я отрапортовал:

— Кормовая башня. Безопасность обеспечена.

Через несколько секунд послышался голос Ганса Корни:

— Орудийная башня на баке. Безопасность обеспечена.

И сразу после этого — Рамон Левелин:

— Безопасность корабля обеспечена. Готов к погружению.

«Явелин» начал погружение.

Через иллюминатор было видно, как поднимается вода. Не представляю, что улавливали радары. В моем распоряжении были только экран и иллюминатор. Пространство под водой освещалось на пятьдесят футов впереди и настолько же сзади. Я наблюдал тучи рыб-скру, кишящих вокруг нас. Плавая, они быстро вращались вокруг своей оси, и всегда против часовой стрелки, никогда по. Парочка воронок вышла на охоту, гонялись за рыба-ми-скру и заглатывали их целиком.

— Приготовиться к торпедированию! — рявкнул капитан.

Мой помощник и я схватились за пиллерс. Через две секунды у меня чуть не оторвало руки, было впечатление, что сам Нептун щелкнул по носу «Явелин».

Корабль еще некоторое время покачался вниз-вверх и снова раздался голос Джо Кивельсона:

— Мы всплываем. Приготовиться выставить пушки. Открыть огонь сразу после всплытия.

— Что случилось? — спросил я помощника.

— Видимо, торпеда разорвалась как раз под монстром и подняла его, — сказал он. — Он может быть мертв или просто оглушен.

В последнем случае возникнут определенные трудности. Мы в «Таймс» довольно часто передавали истории о кораблях, у которых возникали трудности с монстрами, некоторые из них помещали в черной рамке. Корабль-охотник хорошо вооружен и немало весит, если установить сверхскоростной двигатель, он может доставить вас с Фенриса на Землю, но и монстр не так прост и неплохо вооружен, чешуя у него толщиной около дюйма и очень прочная. Много кресел в Порт Сандоре сделано именно из чешуи монстров. Монстр наносит удары головой, как змея. Он может разбить лодку, известны случаи, когда монстр головой вышибал из рамы бронированный иллюминатор. Мне бы не хотелось, чтобы монстр высадил иллюминатор в моей башне и просунул сюда свою небольшую головку, полную огромных клыков.

«Явелин» быстро шел вверх, но не быстрее монстра, у которого, если что-нибудь и повредили, так это характер. Монстр уже был на поверхности, в пятидесяти ярдах позади нас. Он молотил по воде сорокафутовыми крыльями-плавниками, изогнув шею для удара. Я начал наводить пулемет в то место у основания шеи, о котором мне говорил Кивельсон. «Явелин» сильно накренило неожиданным порывом ветра. Пока я заново пытался навести пушку, корабль выровнялся и перекресток прицела оказался точно на шее монстра, в шести футах ниже головы. Я дернул курок на себя и сразу после выстрела оторвал взгляд от прицела. Я не успел увидеть вспышку, зато успел увидеть как из клуба дыма шея монстра дернулась в одну сторону, а голова отлетела в другую. Секундой позже, когда шея монстра стала наклоняться в нашу сторону, весь иллюминатор передо мной был забрызган кровью.

Немедленно были выпущены две ракеты, на каждой по гарпуну. Лодка-разведчик, до этого кружившая в воздухе, ушла под воду и протасила под монстром трос еще одного гарпуна. Монстр все еще молотил по

воде своими крыльями и мотал безголовой шеей. Ему требовалось некоторое время, чтобы осознать тот факт, что его убили. Помощник до синяков колотил меня по спине, я заслужил оvationи всего корабля. Пустили еще два гарпуна.

Я пришел к выводу, что подобный выстрел не очень обычен, и поспешил признать, что это чистая случайность, пока охотникам самим не пришла в голову эта мысль.

Вообще-то у нас не было много времени для ликования. Пока до монстра дошло, что он мертв, он успел избавиться от двух гарпунов, и их необходимо было установить заново. Как бы там ни было, в конце концов он успокоился. Лодка-разведчик развернула монстра и подвела его хвост к нашему носу. Включили специальный гравитационный уровень и «Явелин» превратился в обыкновенный морской корабль. Лодка ушла под воду еще и еще раз, крепко перетягивая тросом монстра.

— Отлично, — сказал по внутренней связи Кивельсон. — Стрельба закончена. Всем приготовиться к разделке.

Я надел парку и вышел на палубу. Здесь были все, кто не был занят управлением и не работал с двигателями. Снизу доставили снаряжение: силовые пилы, резак и даже соленоидные отбойные молотки. На небольших антигравитационных подъемниках, на высоте пятидесяти футов над палубой установил дюжину прожекторов. К этому времени темнота стала крошечной и, вдобавок, повалил снег. Было видно, что Джо Кивельсон хотел как можно быстрее закончить с разделкой, пока ветер не подул сильнее.

— Уолт, ты умеешь пользоваться автоматом? — спросил он меня.

Я ответил, что могу, в этом я был уверен — автомат работает в приличной, разумной манере.

— Ну вот и отлично! Ты прикроешь нас с лодки, — сказал он. — Мистер Мюрелл будет пилотом. Ты никогда не работал на разделке, как и Мюрелл, так что вы вряд ли сможете помочь, только мешать будете. А тот автоматчик нам действительно нужен. Как только мы начнем потрошить, все на милю вокруг наводнится слэшерами и алебардами. Тебе просто надо будет отстреливать их по мере появления.

Он был достаточно учтив и не добавил: «Только не застрели кого-нибудь из команды».

Подошла лодка, и мы с Мюреллом поменялись местами с Цезарио Вийера и еще одним охотником. Мюрелл занял место у пульта управления, а я взял автомат и проверил достаточно ли много запасных патронташей. Когда мы поднялись в воздух, я надел защитные очки, направил автомат в сторону от корабля и дал короткую очередь, чтобы убедиться, что с автоматом все в порядке. Потом я устроился поудобней, довольный тем, что мне не надо ползать по монстру.

Внизу начали долбить соленоидным молотком чешую и разрезать под ней кожу. Море стало волноваться, раскачивая корабль и монстра.

— Это очень опасная работа, — сказал Мюрелл. — Вы видели нашего наборщика Юлия — у него протез. Именно так он потерял ногу.

— Я не осуждаю их за то, что они хотят выжать за воск максимум денег.

Охотники распорили монстра до самого брюха и начали отделять большие ломти жира, они бросали их в сети, которые затем поднимали на борт и опускали в грузовые люки. Я смог понаблюдать эту картину около минуты и объяснить Мюреллу, что происходит. Вскоре появилась первая стая рыб-алебард. Обладая копьеподобным носом и очень острым гребнем, эта рыба является самым подходящим оружием разделки на Фенрисе. Я направил автомат на лидера и дал по нему секундную очередь и потом сразу еще одну по следующей рыбине. Потом я немного выждал, пока оставшиеся в живых собрались вместе и накинулись на своих мертвых, калеча друг друга, и дал залп, уничтожив большинство из них.

Через пару секунд появились слэшеры, сияя как раскаленная голубая сталь и размахивая когтистыми щупальцами, которые росли у них вокруг шеи. Я навел на них автомат. Они тот час же перестали размахивать своими щупальцами. Слэшеры — умницы, ты их убиваешь и до них сразу это доходит.

Вскоре вода вокруг корабля кишела подобными тварями. я должен был держать их подальше от охотников, работающих теперь по колено в воде, и в то же время не перебить всю команду, которую старался защитить. Мюрелл должен был, несмотря на усиливающийся ветер, удерживать лодку в нужной позиции. Каждый раз, когда я останавливался, чтобы сменить патронташ, следовал очередной натиск этих тварей. Счет за бое-

припасы для прикрытия операций по разделке монстра был одной из тех вещей, которые влияли на дороговизну содержания корабля-охотника. Дно океана в тех местах, где разделявали монстров, наверное, было покрыто ковром из гильз.

Наконец охотники закончили разделку. Все спустились вниз и задраили люки. Мы тоже задраили лодку и двинулись за «Явелином». Последнее, что я видел, были разбросанные в воде останки монстра и кишашие вокруг них слэшеры, алебарды и прочая морская нечисть.

Глава 10

MAYDAY, MAYDAY

Поставить лодку на стоянку внутри корабля, находясь в воздухе — хитрая работа и при самых благоприятных погодных условиях, а уж при ветре, который был в данный момент, это все равно, что пытаться протянуть иголку через бетономешалку. Мы погрузились вслед за «Явелином» и заняли место на стоянке под водой. Потом мы вынуждены были переждать в лодке, пока корабль поднимется на поверхность, спустит воду со стоянки и загерметизирует ее снова. Когда «Явелин» опустился на семьдесят саженей и лег на дно, мы разгерметизировали лодку и выбрались из нее.

Оставалась еще работа по упаковке воска, но это могло подождать. Все были грязные, усталые и голодные. Мы заняли очередь в душевую. Мылись по трое сразу. Наконец все собрались в комфортабельной кают-компании, под кормовой оружейной башней.

Комфортабельность в значительной степени заключалась в том, что каждый охотник мог найти себе место где сесть или мог передвигаться, не спотыкаясь о товарищей. Здесь имелся большой кофейник, и у каждого была миска для еды и чашка. В связи с тем, что на корабле-охотнике не существует четкого распорядка дня, в кают-компании всегда есть горячая пища, все едят, как и спят, когда есть время. Монстр был убит, разделан, корабль отдыхает на дне — это единственный случай, когда вся команда может собраться вместе.

Все, конечно, обсуждали охоту, воск и подсчитывали, сколько можно за него выручить при цене восемьдесят сентисолов за фунт.

— Я посчитал, у нас около четырнадцати тонн вос-

ка, — сказал Рамон Левелин, проверявший воск, который опускали в хранилище. Он произвел в уме кое-какие математические операции и прибавил, — скажем, двадцать две тысячи солов.

Потом он взял бумагу и карандаш и продолжал расчеты. К моему удивлению, он подсчитал долю Мюрелла и мою.

— Эй, мы действительно хотим, чтобы они рассчитались с нами? — шепнул я Мюреллу. — Мы ведь присоединились к ним, чтобы просто прогуляться.

— Я не хочу этих денег, — ответил он. — Эти люди нуждаются в каждом соле, который они зарабатывают.

Как впрочем и я, ведь мне не платит какая-нибудь солидная компания с Земли и у меня нет своего счета в банке. Как бы там ни было, я отправился в море на «Явелине» не зарабатывать деньги, а журналист должен быть очень щепетилен, когда ему предоставляется возможность заработать какие-то деньги на стороне. Это не причинит никакого вреда при теперешнем состоянии дел, подумал я, но, если превратить это в практику, все может закончиться раскрашиванием новостей, подыгрыванием фаворитам и всевозможными убийственными историями, не существующими на самом деле. Мы и так практикуем подобные вещи, например, замалчивание истории с гусеничной улиткой на космодроме и участие в ней Биша Вэра, а потасовки, которые «никогда не случаются» в местных барах?

— Мы только гости, — сказал я. — Здесь мы не на работе.

— Но вы, черт возьми, работали, — возмутился Джо Кивельсон. — Может, вы и пришли на корабль, как гости, но теперь вы оба члены команды. Я никогда не видел такого точного выстрела — Уолт расправился с монстром, как с цыпленком на разделочной доске, и он отлично поработал, прикрывая нас во время разделки. Но Уолт не смог бы этого сделать, если бы мистер Мюрелл не удерживал лодку, а в такую погоду это тоже не простая работа...

— Хорошо. Давайте поговорим об этом, когда вернемся в порт, — сказал я. — Мы собираемся возвращаться или попробуем достать еще одного монстра?

— Не знаю, — ответил Джо. — Если мы продолжаем охоту, придется переждать, пока стихнет ветер, но к этому времени станет уже довольно холодно.

— Чем дольше мы находимся в море, тем дороже нам

обходится монстр, — сказал Абдула Монахан — инженер. — Эти расходы уменьшают долю каждого.

— Сказать правду, мне не терпится вернуться обратно, — сказал Джо Кивельсон. — Я хочу посмотреть, что происходит в Порт Сандоре.

— И я тоже, — поддержал Мюрелл. — Я хочу подыскать помещение, открыть офис и заняться делом. Когда прилетает «Мыс Канаверэл»? В первый раз я хочу отправить сразу большую партию товара.

— О, не в ближайшие четыре часа, это точно, — ответил я. — Космические корабли стараются пропустить предзакатные и предрассветные штормы на Фенрисе, при сильном ветре совсем не просто посадить корабль.

— Ну, значит, времени будет предостаточно, — сказал Мюрелл. — Воск, который вы не сдали Кооперации, плюс тот, который охотники заберут обратно... но мне надо сделать еще очень много...

— Да, — согласился я, — для начала увернуться от пули.

— О, я не думаю, что возникнут какие-то проблемы, — сказал Мюрелл. — Этот парень, Равик, растерял всю свою обойму.

Он собрался продолжить, но не успел добавить и слова, как где-то грохнул взрыв. Весь корабль дернулся, как пушка при отдаче, и мы все попадали в кучу. «Явелин» накренился на правый борт. Было много криков, кричали в основном те, кто обварился кофе, и тот охотник, который вспомнил о боеприпасах.

— Боеприпасы на корме, ты, болван, — рявкнул на него Джо Кивельсон, поднимаясь на ноги. — Всем оставаться на месте, я проверю, в чем там дело.

Он открыл дверь, быстро захлопнул ее обратно и закрыл на засов.

— Видимо, впереди разорвало корпус, вода прибывает, бьет струей из люка машинного отделения, как гейзер, — сказал он. — Рамон, посмотри, что там на лодочной стоянке. Всем остальным следовать за ним, прихватите всю еду и теплую одежду, какую только можно. Мы покидаем корабль.

Джо стоял в дверном проходе, подталкивая людей или наоборот, придерживая их, чтобы не толпились, и приговаривал:

— Спокойно. Не толкайтесь. Все выйдем.

Проходя мимо маленького камбуза, я увидел двух

охотников, вытаскивающих упаковки с продуктами. Ничего особенного не происходило, и я спокойно продвигался к стоянке, на ходу натягивая на себя немыслимое количество одежды.

Дюмон открыл люк лодки, я бросил туда свой багаж и прыгнул сам, следом за мной полетел тюк с одеждой, потом появился Том. Последним спустился Джо Кивельсон, он прихватил с собой судовой журнал и прочее.

— Вода бьет из всех щелей, — сказал он. — Наверное, у «Явелина» оторвало всю переднюю часть.

— Ну, теперь мы знаем, что произошло с «Клэймром» Саймона Мак-Грегора, — больше для себя, чем для остальных, сказал я.

Джо и пулеметчик Ганс Корни достали ракету из ящика, отцепили гарпун и установили взрывное устройство в боевое зарядное отделение. Джо на секунду остановился и кивнул в мою сторону:

— Я тоже так думаю. Ну-ка, все взялись за что-нибудь покрепче. Мы выходим.

Я знал, что за этим последует и из всех сил вцепился в поручни, так, будто это была когда-то утерянная и теперь вновь обретенная возлюбленная. Мюрелл ничего не подозревал, но у него было достаточно смекалки, чтобы точно имитировать тех, кто был в курсе того, что происходит. Мюрелл крепко схватил поручни с другой стороны.

Выпустили ракету. В первое мгновение ничего не произошло, я сказал Мюреллу, чтобы он не выпускал поручни. Через секунду взорвался шлюз, и вода под огромным давлением ударила о лодку. Прошло еще немного времени, давление выровнялось, и мы через пробоину вышли наружу. Лодка прошла над «Явелином», сделала круг и вернулась обратно. Корабль лежал на дне, на четверть погруженный в тину. Вся передняя часть с левого борта отсутствовала. Джо Кивельсон достал квадратный ящик, который он прихватил с судовым журналом, немного с ним повозился и выбросил за борт. Это был радио-локатор. Иногда охотникам везло, и они за один выход в море добывали воска больше, чем мог вместить корабль, тогда они упаковывали добычу, привязывали якорь и опускали на дно, там же оставляли и радио-локатор. Он способен посылать сигнал и имя корабля в течение двух лет.

— Ты действительно думаешь, что это диверсия? — спросил меня Мюрелл. Взорвать корабль с шестнадцатью

охотниками на борту, кажется, это было нечто неординарное для него. Возможно, это так и было относительно этики бизнеса на Земле. — Может, это силовой блок?

— Нет, не может быть. Но даже если бы одна такая штуковина взорвалась — испарились бы весь корабль и вода на четверть кубической мили вокруг. Нет, это была старомодная химическая взрывчатка провинциального производства.

— Равик? — это был риторический вопрос.

— Вы знаете, как легко ему будет дышаться без вас и Кивельсона, а тут такой шанс избавиться сразу от обоих, — все на борту прислушивались к этому разговору, и я продолжал: — Что вы знаете об этом парне — Эле Девисе?

— Утром, после собрания, он некоторое время был один на борту, — сказал Абдула Монахан.

— И он исчез во время заварухи в Зале Охотников, — добавил Том. — А когда он здесь появился, на нем не было ни единой царапины. Думаю, ему бы сильно досталось, если бы его не считали своим люди Равика.

— Нам надо бы с ним повидаться, когда вернемся, — сказал кто-то сладким голосом.

— Если вернемся, — сказал Рамон Левелин. — Для этого нам придется здорово попотеть.

— У нас есть лодка, — сказал Ганс Корни. — Она немного переполнена, но думаю, мы сможем добраться до Порт Сандора.

— Надеюсь, сможем, — сказал Эйб Клиффорд — штурман. — Попробуем подняться, Джо?

— Да, посмотрим, как она поведет себя наверху, — ответил капитан.

Поднимаясь, на глубине тридцати саженей мы прошли мимо монстра. Он вытянул шею и пошел на нас. Монахан поставил лодку в почти вертикальное положение и, вынося из двигателей все, что можно, мы пробкой вылетели из воды.

Ветер бил и швырял лодку, как мячик для пинг-понга, прошло несколько секунд, надо сказать, очень неприятных, прежде чем Монахан сумел восстановить хотя бы подобие контроля. Охотники выражались не самым лучшим образом, у нескольких из них из носа текла кровь. Монахан пытался развернуть лодку против ветра. По всей панели управления мигали красные лампочки. Абдула опустил лодку чуть ниже, и некоторое время мы летели, как пуля, подгоняемые ветром. Постепенно Аб-

Абдула опускал лодку все ниже и ниже, и мы снова ушли под воду.

— Вот такие дела, — сказал Джо Кивельсон, когда мы вновь оказались в подводной тиши. — Пока не стихнет ветер, нам придется оставаться под водой. Никому не делать лишних движений и не вдыхать воздух больше необходимого. Нам надо беречь кислород.

— Разве лодка не оборудована электролитовыми жабрами? — спросил Мюрелл.

— Оборудована, но они вырабатывают кислород максимум на шесть человек. Нас на борту шестнадцать.

— На какое время нам хватит кислорода? — спросил я.

— Приблизительно на восемь часов. Если мы будем плыть в Порт Сандор под водой, это займет пятьдесят часов. Ветер потихоньку начнет стихать, только часов через двадцать.

— Мы можем двинуться на юг, к Земле Германа Рейха, — сказал Эйб Клиффорд, штурман. — Дай-ка я просчитаю...

Он достал линейку, блокнот и карандаш, расположился спина к спине с пилотом, поближе к свету. Все наблюдали за ним в полной тишине, которая неожиданно была нарушена рыком Джо Кивельсона:

— Дюмонт! Ты зажигаешь эту трубку и я тут же скармливаю ее тебе.

Старина Пит Дюмонт выхватил изо рта трубку, и быстро сунул зажигалку в карман.

— Черт! Джо, я просто не подумал... — начал было он.

— Хорошо, дай-ка мне ее, — Джо положил трубку в ящик под картами. — В следующий раз, когда ты не думаешь, у тебя не будет ее под рукой.

Через некоторое время Эйб Клиффорд оторвался от блокнота.

— Я не смог получить точных координат «Явелина», где-то примерно через двадцать пять градусов восточной долготы и двадцать градусов южной широты. Наши координаты не удалось получить вообще, кроме того, что мы где-то в районе тридцати градусов южной широты. Сигналы локатора идут точно с севера, северо-востока от нас. Если мы дадим задний ход и так и будем идти, мы придем в залив Санцери Земли Германа Рейха. Если мы туда доберемся, все будет в порядке. Мы окажемся с подветренной стороны гор Хэкса и сможем время от времени

менять кислород, а когда ветер стихнет мы спокойно движемся домой.

Затем Джо, Абдула и Эйб начали обсуждать, с какой скоростью лодка сможет преодолеть это расстояние под водой. Результаты не ободряли.

— Похоже, нам предстоит десятичасовое путешествие под водой, — сказал Джо. — Это на два часа дольше, чем нам бы хотелось, а жабры не дадут кислорода больше, чем они дают сейчас. Мы просто должны использовать его как можно меньше. Всем лечь и ничего не делать, чтобы не затрачивать энергию. Я займусь радиоприемником, посмотрим, может, удастся выйти с кем-нибудь на связь.

Надеяться не грех, — подумал я. Эти приемники используют на лодках для связи с кораблем во время разведки. Он может работать в радиусе сто миль. Корабли-охотники никогда не работают так близко друг от друга. Конечно, есть надежда, что какой-нибудь корабль лег на дно в пределах слышимости. Итак, Эйб взял управление в свои руки и держал лодку так, чтобы сигналы радиолокатора с «Явелина» шли точно сзади. А Джо Кивельсон начал передавать:

— Mayday, Mayday, Mayday... Вызывает капитан «Явелина» Кивельсон. Мой корабль потерпел крушение, взрыв в машинном отделении. Сейчас вся команда на лодке-разведчике, мы идем в залив Санцери по курсу к югу, юго-западу от места катастрофы. Мы не можем назвать наших точных координат. Сигнал локатора идет с «Явелина». Вызываю все корабли, вызываю Mayday.

Джо перестал передавать. Кроме случайного треска в приемнике ничего не было слышно. Джо начал передавать снова.

Я свернулся калачиком, стараясь держать ноги подальше от чьего-нибудь лица, а лицо подальше от чьих-нибудь ног. Кто-то начал молиться, еще кто-то попросил его помолчать и не расходовать зря кислород. Я старался уснуть, это единственное практичное действие в данной ситуации. Должно быть, я в этом преуспел. Когда я снова проснулся, Джо Кивельсон раздраженно продолжал:

— Mayday, Mayday, Mayday, Mayday...

Глава 11
ТЕМНОТА И ХОЛОД

Когда я проснулся в следующий раз, Том Кивельсон передавал все то же заклинание, а его отец спал. Охотник, который до этого молился, начал молиться снова, но никого уже не волновало, как он растрчивает кислород. Это была молитва теософиста о Проводнике Души, я вспомнил, что Цезарио Вийера был теософист. Может, Проводник Душ и существует в действительности. Если да, нас, наверное, скоро найдут. Я понял, что мне совершенно безразлично, как это произойдет, и списал это на нехватку кислорода. Глен Мюрелл прервал монотонные призывы о помощи и молитву:

— Если мы останемся здесь еще час — с нами конечно, — сказал он. — Держу пари, что это так.

Спорщиков среди нас не оказалось. Джо Кивельсон открыл глаза и осмотрелся.

— Мы никого не вызвали по радиосвязи, — продолжил Мюрелл. — Это означает, что в течение часа нас никто не найдет. Я прав?

— Да, наверное, где-то в этих пределах, — допустил Джо.

— Как далеко от берега мы сейчас находимся?

— Радар не улавливает ничего, кроме стай рыб, — ответил Эйб Клиффорд. — Единственное, что я знаю, мы сейчас в заливе Санцери.

— Хорошо, почему же тогда нам не всплыть? — продолжал Мюрелл. — Один из тысячи, что нам повезет, но если мы останемся здесь, у нас не останется ни одного шанса.

— Что вы думаете? — обратился ко всем Джо. — Мне кажется, Мюрелл правильно говорит.

— Смерти нет, — сказал Цезарио. — Смерть — это переход в иное состояние, и снова жизнь. Мне все равно, что вы решите.

— А что нам терять? — спросил кто-то еще. — Мы давно играем в кредит.

— Отлично. Мы всплываем, — сказал капитан. — Всем держаться крепче.

Мы разбудили всех, кто продолжал спать, кроме трех охотников, которые были без сознания. Этим мы завернули в одеяла и брезент, как младенцев, и привязали их покрепче. Мы проверили, чтобы ничего не болталось в

лодке, и привязали, и пристегнули все, что нашли. Потом Абдула направил лодку вверх и выжал максимум из двигателей. Как раз когда мы начали подниматься, я услышал голос Цезарио:

— Тем, кто хочет встретиться со мной после реинкарнации, могу сказать только одно — я не перевоплощусь снова в Фенрисе!

Передние огни освещали путь только на пятьдесят-шестьдесят футов впереди. Я видел, как слэшеры, алебарды и прочая нечисть в спешке убирались с нашего пути. Затем мы вертикально вышли на поверхность.

Все повторилось заново, только на этот раз Абдула не пытался бороться, а просто держал курс вверх. Лодку начало раскручивать. Думаю, многие из нас теряли сознание, я-то точно. Наконец, больше благодаря везению, чем приложенным усилиям, Абдула смог развернуть лодку по ветру. Некоторое время мы летели более или менее спокойно, но потом лодку опять начало раскручивать вокруг оси. С места, где я сам себя привязал, была видна панель управления, в переднем иллюминаторе я увидел скалы, напоминающие оскал монстра, я закрыл глаза и стал ждать прихода Проводников Душ.

В течение нескольких секунд, которые тянулись как полчаса, никто из них не появился, я снова открыл глаза. Горы были теперь и впереди и справа. Интересно, когда отец узнает о том, что с нами случилось? Цезарио снова стал молиться, к нему присоединился Абдула, который вдруг вспомнил, что воспитывался как мусульманин. Надеюсь, он не пытался молиться в сторону Мекки, даже если предположить, что он знал, где она располагается относительно Фенриса. Это меня рассмешило, и я подумал, что сейчас самое подходящее время смеяться над чем угодно. Наше положение было настолько хреновым, что все, что бы не произошло, было бы просто смешным. Я продолжал смеяться, когда заметил, что мы медленно снижаемся и идем задним ходом. Очевидно, Абдула, переставший к этому времени молиться, смог каким-то образом восстановить хоть какой-то контроль над лодкой и удержать ее против ветра. Все будет нормально, если сила ветра останется постоянной, и, как только я об этом подумал, лодку опять подбросило и закрутило, и я увидел отвесную скалу в заднем иллюминаторе.

В следующий момент я увидел, что от скалы отделя-

ются камни и валуны и летят в нарушение всех законов гравитации, затем до меня дошло, что это уровень приземления, и мы опускаемся вверх тормашками. Это продолжалось несколько секунд, потом лодка ударилась кормой о землю, подскочила и ударилась снова. Я потерял сознание от третьего удара.

Когда я пришел в себя, я свисал с борта лодки, который теперь был ее потолком, внешние и внутренние огни не горели. Джо Кивельсон держал фонарь, пока Эйб Клиффорд и Глен Мюрелл пытались отвязать меня и спустить вниз. Воздух был свежий и очень холодный.

— Эй, да мы уже внизу! — сказал я так, что можно было подумать, кроме меня об этом никто не знает. — Кто-нибудь еще жив?

— Насколько мне известно, все, — ответил Джо. — Кажется, я сломал руку.

Тут я заметил, что он держал руку крепко прижатой к телу. Мюрелл сильно поранил голову и пока работал, все время вытирал рукавом кровь.

Когда они спустили меня вниз, я осмотрелся. Кто-то освещал фонариком корму, которая была практически вся разбита. Это чудо, что не взорвался контейнер с ракетами, но еще большее чудо — что все остались живы, хотя чудом было бы и если бы остался в живых хоть один из нас. Мы нашли два фонаря, которые можно было зажечь, и привели в чувство тех, кто был без сознания. У одного охотника была сломана нога, еще у одного — кисть, а Абдула Монахан пришел к выводу, что у него сломаны два ребра. У остальных все было на месте, но все были в синяках и ранах. У меня болело буквально все. Мы нашли работающий обогреватель и включили его. Том и я с помощью брезента кое-как закрыли пробоины в корме. После того, как Мюрелл и Цезарио закончили вправлять кости, накладывать шины и перевязывать ребра Абдулы, они налили в чайник немного воды из одной из канистр и стали готовить кофе. Пит Дюмонт отыскал свою трубку и закурил, Джо Кивельсон закурил свою.

— Хорошо, где мы находимся? — спросил кто-то Эйба Клиффорда.

Штурман тряхнул головой:

— Радио разбито, то же самое с локатором и навигационным оборудованием. Я могу смело утверждать, что мы находимся на северном побережье Земли Германа Рейха.

Рассмеялись все, кроме Мюрелла. Я вынужден был объяснить ему, что Земля Германа Рейха — антарктический континент Фенриса и других берегов уже быть не может.

— Я бы сказал, мы прилично удалились на запад от Залива Санцери, — рискнул предположить Цезарио Вийера. — Мы не можем быть в восточной стороне, нас несло на запад. Думаю, мы как минимум в пятистах милях от него.

— Не обманывай себя, Цезарио, — сказал ему Джо Кивельсон. — Нас подняло турбулентным потоком вверх и несло на восток. Алтиметр пытался снимать показания, но половину полета просто не мог этого сделать. Мы не знаем, где мы сейчас. Я принимаю заявление Эйба.

— Мы в устье какого-то фиорда, — сказал Том. — Мне кажется, он разветвляется рогатиной, и мы находимся наверху слева, не берусь утверждать это точно.

— Не могу найти ничего подобного по карте, — сказал через некоторое время Эйб Клиффорд.

Джо Кивельсон чертыхнулся:

— Эйб, ты прекрасно знаешь, как «скрупулезно» составлялись карты этого побережья.

— Какой нам сейчас толк от того, что мы узнаем, где мы находимся? — спросил я. — Радио разбито, мы не сможем никому передать наши координаты.

— Может, нам удастся привести в порядок двигатели и, когда ветер стихнет, снова поднять лодку в воздух, — сказал Монахан. — Я, пожалуй, осмотрю их, интересно, как сильно они пострадали?

— С дырой вместо кормы? — спросил Ганс Крони. — Мы не пройдем и сотни миль, как каждый из нас станет холодной ствола пистолета.

— Мы залепим дыры мокрым снегом и позволим ему замерзнуть вместо нас, — предложил я. — До того, как стихнет ветер, выпадет достаточно снега.

Джо Кивельсон посмотрел на меня.

— Это дело, — сказал он. — Когда ты сможешь начать осматривать двигатели, Абдула?

— Прямо сейчас, но мне нужен помощник. Вы так меня всего замотали, что я вряд ли справлюсь в одиночку.

— Думаю, мы должны разделиться на две группы и разведать все вокруг, — сказал Рамон Левелин. — Нам необходимо найти более подходящее место для стоянки,

чем эта лодка, не у всех достаточно теплой одежды, и у нас есть пострадавшие. Одного обогревателя недостаточно, часов через семьдесят мы все перемерзнем до смерти, сидя вокруг него.

Кто-то выразил надежду на то, что мы сможем найти пещеру.

— Сомневаюсь в этом, — сказал Левелин. — Однажды я был в этих местах в составе исследовательской экспедиции. Здесь полно камней вулканической породы, в основном, гранит и совсем мало пещер. Но вполне возможно, что мы сможем здесь, неподалеку найти какое-нибудь натуральное укрытие, или что-нибудь, из чего можно сделать укрытие. У нас есть два подъемника мощностью полтонны каждый, с их помощью можно построить что-нибудь из камней. Давайте разделимся, одну группу поведу я, ты, Эйб, поведешь другую. Одна группа пойдет вверх по фиорду, другая — вниз.

Мы выбрали из охотников тех, у кого было побольше теплой одежды и тех, кто не особенно сильно пострадал при посадке, и разделились на две группы. Том хотел присоединиться к нам, но Абдула настоял на том, чтобы он остался и помог с проверкой двигателей. Наконец шестеро из нас — Левелин, Мюрелл, Эйб Клиффорд, старый Пит Дюмонт, я и еще один охотник вышли из лодки на свежий воздух. У нас было два переносных прожектора — на лодках-разведчиках всегда много снаряжения — один из них взял Левелин, другой — Клиффорд. Начался снег, ветер нес его прямо на нас в ущелье, где мы приземлились. Между скал протекал ручей, после дождей, которые прошли до темноты, он превратился в настоящую реку, камни по ее берегам были одеты льдом. Мы только глянули в ее сторону и покачали головами. Наши исследования обойдутся без пересечения этой речушки. Мы постояли некоторое время, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь чертов снегопад, и разошлись в разные стороны. Эйб Клиффорд, Дюмонт и еще один охотник пошли вверх по течению, а Рамон Левелин, Глен Мюрелл и я — вниз.

Через несколько сот ярдов ниже по течению река переходила в водопад высотой пятьдесят футов. Мы спустились рядом с ним и обнаружили, что дальше ущелье расширяется. Это был берег моря, вернее то, что было берегом тысячи лет назад. Земля Германа Рейха уходила под воду восточным полушарием и поднималась из воды с за-

падной стороны. Мы свернули в сторону от реки, ветер усилился и дул уже не в лицо, а слева. Вершина горы оказалась справа от нас, впереди и по бокам слышался рев моря. Том был прав, сказав, что фиорд похож на рогатину.

Вокруг вразброс росли деревья, а когда мы обошли вершину горы, перед нами открылась еще одна долина.

Деревья на Фенрисе, как и все остальное, значительно отличаются от всего аналогичного на нормальных планетах. Они не высокие, самые большие не выше пятнадцати футов, но они достигают шести-восьми футов в толщину. Все ветви растут в разные стороны из верхушки ствола и напоминают мне изображения медузы, которые мне доводилось видеть. Внешне кора у них твердая, как камень, под ней находится еще одна кора, мягкая и губчатая, она становится все мягче ближе к середине, а затем идет сверхтвердая сердцевина толщиной примерно фута в два.

— Ну вот, теперь мы можем развести огонь, — сказал Мюрелл, разглядывая деревья.

— И как вы собираетесь их рубить, с помощью ножей? — поинтересовался я.

— У нас на лодке есть резак, — сказал Левелин. — Мы можем разделить их на тысячапудовые куски и переправить в лагерь на подъемниках. Губчатую кору можно пропитать водой, дать замерзнуть и соорудить из этого подходящую хижину, — он поглядел вокруг, насколько это позволял снегопад. — Это, пожалуй, неплохое место для лагеря.

Пожалуй, нет, — подумал я. Если мы собираемся работать на лодке, то нет. Мне также совсем не хотелось пробовать перетащить через водопад Доминика со сломанной ногой. Я ничего не сказал, лучше подождать, пока вернемся назад, здесь слишком холодно и ветренно для споров, и потом мы не знаем, может, Эйб и другие нашли что-нибудь более подходящее вверх по течению.

Глава 12

РАБОТА ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Мы отсутствовали около двух часов. Абдула с помощниками сняли с двигателей защитные пластины и с их помощью забаррикадировали пробоины в корме. Обогреватель поддерживал теплую температуру воздуха внутри

лодки, не такую «теплую», как снаружи, но определенно комфортную. Абдула, Том и Ганс Корни осматривали преобразователи, которые на мой, не очень профессиональный взгляд, представляли собой безнадежное мессиво.

В передней части лодки тоже происходила кое-какая работа. Цезарио Вийера отыскал небольшой портативный радиоприемник, который был не в таком уж безнадежном состоянии, и разобрал его на части. Мне показалось, что эта работа может оказаться более эффективной, чем другие, и я пробрался с Цезарио через груды деталей от двигателей. Это был не совсем радиоприемник. Он мог работать в радиусе не более ста миль, по крайней мере, он не мог посылать сигналы дальше этого расстояния.

— Это все, что у нас есть? — спросил я, разглядывая приемник, он был такого же типа, как мой репортерский, за исключением того, что он не записывал.

— Есть еще обычный корабельный приемник, но он разбит вдребезги. Я подумал, может, удастся собрать что-нибудь попроще из этих двух калек.

Мы в «Тайме» использовали достаточное количество радиоаппаратуры, и у меня имелся кое-какой опыт работы с ней. Я начал разбирать на части большой приемник и тут вспомнил о радиолокаторе и притащил его сюда же. Основная проблема была в том, что все внутренности этой аппаратуры были настолько миниатюрные, что инструмент часовых дел мастера и то был бы великоват для работы с ними, в нашем же распоряжении был только обычный набор инструментов, годный для работы оружейника.

Пока мы ломали голову над разбитой радиоаппаратурой, Рамон Левелин рассказывал остальным, что нам удалось обнаружить во время экспедиции. Джо Кивельсон отрицательно покачал головой.

— Это слишком далеко от лодки. Мы не можем все время таскаться туда и обратно, чтобы продолжать работу с двигателями. Нам надо нарубить там деревья и переправить их сюда на подъемниках. А насчет использования губчатой коры для постройки укрытия, я думаю — это неплохая идея. Но давайте построим хижину здесь.

— Ладно. Могу я прямо сейчас взять людей и начать валить деревья? — спросил помощник капитана.

— Нет, подождем, пока вернется Эйб, посмотрим, что ему удалось обнаружить вверх по течению.

Том, который в это время продолжал возиться с преобразователями, сказал:

— Мне кажется, мы можем забыть о двигателях. Это заводская работа. Нужны запчасти, а у нас здесь нет ничего, что могло бы пойти двигателям на пользу.

Это было как раз то, о чем я думал. Том знал о двигателях гораздо больше меня, и я хотел услышать его точку зрения в подтверждение моей собственной.

— Том, взгляни на этот хлам, — сказал я. — Может, ты сможешь помочь нам.

Он подошел поближе, посмотрел над чем мы работаем, и сказал:

— Вам нужна лупа. Подождите, может, я что-нибудь найду.

Потом он залез в один из ящиков, порылся в нем, вытащил оттуда бинокль, вернулся к нам, присел рядом и стал разбирать бинокль на части. Том достал две линзы из объектива и таким образом у нас появилась пара великолепных увеличительных стекол.

Это нам очень помогло, но иметь возможность видеть, то надо и делать, и иметь инструмент, чтобы это делать, — не совсем одно и то же. Том нашел набор для шитья, наждак и начал делать из иголок миниатюрные отвертки.

Вскоре вернулись Эйб Клиффорд, Пит Дюмонт и еще один охотник. Они сразу столпились возле обогревателя и кофейника. Немного отогревшись, Эйб сказал:

— Полмили вверх по течению — небольшой водопад. Обойти его сверху или снизу не представляет особенного труда, земля вокруг такая, что можно предположить, что когда-то там было озеро. Ветер там не такой сильный, а все дно или чем это еще там было, заросло деревьями. Это было бы хорошим местом для лагеря, если бы это было не так далеко от лодки.

— Насколько сложно будет нарубить деревья прямо там и переправить их сюда? — спросил Джо, собираясь объяснить, что у него на уме.

— Ну, это запросто. Думаю, что это будет гораздо легче, чем с того места, что нашел Рамон.

— Я тоже так думаю, — согласился старший помощник. — Перетаскивать через этот водопад вниз по стволу гораздо сложнее, чем перекинуть его через во-

допад сверху. — Он начал застегивать на себе парку. — Ну что, взяли резак, подъемники и — вперед.

— Подожди, сейчас я немного согреюсь, и пойду с вами, — сказал Эйб. Потом он подошел к тому месту, где Цезарио со мной и Томом ковырялись с радиоаппаратурой. Разглядывая крошечные отвертки и прочие инструменты, сделанные Томом, Эйб одобрительно пощелкал языком.

— Беру свои слова обратно, Рамон, — произнес он. — Я больше пригожусь здесь. Вы уже разобрали что-нибудь из радионавигационной аппаратуры? — обратился он к нам.

Я встал.

— Ты займешься этим вместо меня, а я пойду поработаю инструментом дровосека, — сказал я.

Том тоже захотел пойти со мной, но Эйб велел ему продолжать заниматься инструментами. Пит Дюмонт сказал, что он проводит нас, а Мюрелл высказал желание пойти вместе с нами. Произошел небольшой обмен одеждой, мы взяли прожектор, резак, два подъемника и отправились вверх по течению реки.

Водопад оказался чуть выше того, что мы обнаружили внизу, но обойти его было гораздо легче, тем более, что в нашем распоряжении были подъемники. Самые серьезные трудности и самые большие опасности нес с собой ветер.

Хотя, когда мы поднялись наверх, он не был так силен. Пройдя двести ярдов по узкому ущелью, мы вскоре вышли на довольно широкое место, о котором рассказывал Эйб как о бывшем дне озера. Вокруг нас, насколько позволял видеть свет от наших прожекторов, росли приземистые деревья со змеевидными ветвями, торчащими в разные стороны из их верхушек.

Мы сразу начали с тех, что стояли ближе к нам. Срезали свисающие вниз ветви и занялись стволом. Работали по очереди. Остальные прыгали в это время вокруг, пытаясь согреться. Первый ствол весил почти полторы тонны, даже после того, как срезали все ветви. Мы с трудом смогли поднять один конец ствола с помощью двух подъемников. Губчатая масса, которая переходила из коры в сердцевину, была два фута толщиной. Мы разрезали ее на плиты для постройки хижины. Твердая сердцевина дает прекрасный огонь. Ветки нас не волновали, здесь было более чем достаточно крепкой древесины.

Мы повалили восемь деревьев, распилили их на плиты и сложили штабелями. Только, когда мы решили закончить работу, стало ясно, насколько мы все устали и перемерзли. Двое из нас отвозили деревья к водопаду и опускали их вниз, остальные встречали их там и разрезали на плиты. Если бы у нас был хотя бы еще один резак и еще парочка подъемников! Если бы у нас была хоть одна лодка на ходу...

Когда мы вернулись к лодке, все, кто не был покалечен и имел достаточно теплой одежды, чтобы отойти от обогревателя, вышли из лодки к нам на помощь. Первым делом мы с помощью дугового факела разожгли огонь, а затем стали строить хижину напротив лодки. Работали все, кроме Доминика Сильверстейна. Даже Эйб и Цезарио бросили возиться с приемником, а Джо Кивельсон и охотник со сломанной кистью также помогали нам, каждый одной здоровой рукой. К этому времени востер стих, а снег пошел еще плотнее. Мы делали из внешней коры деревьев лопаты и, хотя они быстро ломались, засыпали снегом постросенные стены хижины. Я потерял счет времени. И вот наконец мы закончили некое подобие хижины с очагом. Там было тепло, уютно и — самое главное — всем хватало места.

Нам надо было продолжать рубить деревья, очень скоро наступит такой холод, что будет не только невозможно работать, но и курсировать между деревьями и лагерем. Снег наконец перестал идти, небо очистилось, и мы увидели звезды. Это не сделало нас счастливей. Пока небо было закрыто тучами, тепло хоть как-то удерживалось, теперь же оно просто улетучивалось в космос.

Река встала, водопад тоже целиком замерз. С одной стороны, это было нам на руку, мы просто скидывали стволы вниз и некоторые из них скользили еще ярдов двести вниз по реке. Но холод стал нас постепенно донимать. На резке стволов работало только пять человек: Цезарио, старый Пит Дюотн, Эйб Клиффорд и я. Мы были самыми маленькими и следовательно, могли надеть на себя больше теплой одежды. Именно поэтому, пока мы могли передвигаться, мы не имели права останавливаться. Если бы огонь погас, все перемерзли бы до смерти за считанные секунды.

У Эйба Клиффорда наконец заработал приемник, Эйб надеялся, что он сможет посылать сигналы в радиусе пятисот миль. Охотники, сменяя друг друга, непереста-

вая передавали Mayday. Кажется, именно Биш Вэр объяснил мне когда-то, что Mayday не имеет ничего общего с календарным днем, следующим после последнего дня апреля. На древнефранцузском языке Земли это звучало как m'aidez, что означает «помогите мне». Интересно, подумал я, а как там Биш? Признаюсь, я не был оптимистом, думая о нем.

Цезарио, Эйб и я работали у водопада, мы не отвлекались ни на что, кроме твердой, долгогорящей сердцевины. Я распрямился на минутку и посмотрел на небо. Три спутника Фенриса освещали все вокруг, как днем. Сверкающий снег и замерзший водопад были просто великолепны.

Я повернулся к Цезарио:

— Посмотри, ты все это потеряешь, если в следующий раз родишься не на Фенрисе, — сказал я. — Это, и еще самые длинные рассветы и закаты, и...

Я не успел продолжить список уникальных сторон жизни на Фенрисе, потому что со стороны лодки вдруг послышались автоматные очереди, одна короткая, вторая и еще, и еще...

Глава 13 СИГНАЛЬНЫЙ ОГОНЬ

Мы все разом заорали:

— Стреляют! Автоматы! — кричали так, будто должны были объяснить друг другу, что это было.

— Кто-то на них напал? — предположил Цезарио.

— Да здесь некому на них нападать, — сказал Эйб. — Все опасные и неопасные твари закопались на ночь в землю — готов поспорить, они просто расщепляют древесину.

Вполне возможно. Одной короткой очередью можно сбить всю мягкую кору и добраться до сердцевины. Но почему они не пользуются резакон? Он сейчас в лодке.

— Нам лучше пойти и узнать, в чем дело, — настаивал Цезарио. — Может, возникли какие-то проблемы.

Никто из нас не был вооружен, нам и в голову не приходило, что может понадобиться оружие. На Фенрисе достаточно много опасных наземных животных, но все они на сверхжаркий и сверххолодный периоды зарываются в норы и впадают в почти каталептическую спячку. Может, какая-нибудь тварь забила в

камни неподалеку от лагеря и проснулась от тепла нашего костра?

Мы спокойно обходились без прожекторов, спутники прекрасно освещали дорогу. Нам не хотелось, чтобы нас превратили в пыль огнем семимиллиметрового автомата, поэтому, увидев лагерь, мы сразу начали орать во все горло. Как только охотники увидели нас, они прекратили стрелять и тоже начали орать дурными голосами. Наконец мы начали различать слова.

— Скорей сюда! У нас есть связь!

Мы вломились в хижину. Все столпились у верхнего люка лодки, который теперь служил дверью. Эйб продирался сквозь охотников, а за ними — условный рефлекс репортера — быть в центре событий. Я даже поймал себя на том, что, проталкиваясь мимо Абдулы, я выкрикнул:

— Пресса!

Как только мы оказались внутри, я спросил:

— Что случилось? — и увидел, что Джо Кивельсон уступает место у приемника Эйбу. — С кем вы вышли на связь?

— Махатма, «Адский наездник», — сказал он. — Сигнал очень тихий, но четкий. Они пытаются разобрать, в каком мы направлении. Нас ищет около дюжины кораблей: «Адский наездник», «Пеквуд», «Бульдог», «Буйная Герта»...

— Как они узнали? — поинтересовался я. — Кто-нибудь засек наши позывные, пока мы шли под водой?

Эйб Клиффорд передавал по радио:

— Нет. Конечно, нет. Мы понятия не имеем, где у черта на рогах мы находимся. Вся навигационная аппаратура разбита вдребезги.

— Ну хорошо, вы можете сориентироваться по звездам, Эйб? — кажется, это был голос Фенбрега, слышимость была почти нулевая.

— Конечно, можем. Если вы находитесь в радиусе работы нашего самодельного приемника, то звезды говорят, что мы находимся там же, где и вы, — ответил ему Эйб. — Послушай, наш прожектор направлен вертикально вверх. Вам его видно?

— При всех этих спутниках? Мы можем находиться в полумиле от вас и не увидеть.

— Мы будем стрелять из автоматов, — сказал штурман.

— Я знаю. Я слышал стрельбу по радио. У вас есть

ракеты? Может, вы выпустите одну, и мы сможем засечь ее?

— Эй! Вот это идея! Ганс, у нас есть еще одна ракета?

Корни сказал, что есть и, прихватив с собой еще одного охотника, пошел за ней в лодку. Я повторил свой вопрос Кивельсону.

— Нет. Твой отец пытался выйти на нас по видеосвязи. Это, наверное, было после того, как мы покинули корабль. Он не получил ответа и сделал общий вызов кораблей. Ближе всех был Нип Спацони, он поймал сигнал локатора и обнаружил «Явелин» с разорванным шлюзом и пустой лодочной стоянкой. После этого все приступили к вашим поискам.

Фейнберг сказал, что он вызвал по тревоге остальные корабли. Если «Адский наездник» — единственный корабль, с которым мы держали связь, то, если ракету не увидят с «Наездника», значит, ее не увидит никто. Видимо, эта же мысль пришла в голову Эйбу Клиффорду.

— Ты говоришь, вы растянулись вдоль всего побережья. Остальные корабли к востоку или к западу от вас?

— К западу, насколько я знаю.

— Значит, мы восточнее вас. Где вы сейчас находитесь?

— Около пятисот миль восточнее залива Санцери.

Это означало, что мы находились, по крайней мере, в тысяче милях восточнее залива.

Снаружи послышались какие-то крики, потом я различил голос Ганса Корни:

— Ракета готова к вертикальному запуску.

Десять секунд, девять, восемь... три, два, один, ракета пошла!

Клиффорд повторил по радио:

— Ракета пошла! — и когда она взорвалась на приличной высоте, спросил: — Вы видели ее?

— Нет, ничего не видели, — ответил ему Фейнберг.

— Эй, я знаю, что они увидят! — воскликнул Том. — Если мы зажжем все эти деревья!

— Неплохая идея. Слушай, Махатма, у нас здесь целый лес, на плато, выше лагеря. Если мы подожжем его, вы увидите?

— Почему нет? Даже при этом чертовом тусклом свете... Подожди минутку, я вызову другие корабли.

Том натянул теплую одежду, Цезарио прихватил ду-

говой факел, и мы втроем выскочили из хижины. Мы поспешили к водопаду по проторенной тропе, освободили подъемники от бревен и поднялись с их помощью на плато.

До этого, когда мы валили деревья, ветви нас не волновали, и мы просто разбрасывали их в стороны. Теперь мы собрали их в кучи возле деревьев, так, чтобы ветер, который еще не совсем стих, помог деревьям разгореться быстрей, и поджигали дугowym факелом. Вскоре все ветки горели, а потом занялась и кора деревьев. Жар от огня стал причинять некоторые неудобства, хотя температура воздуха была около минус девяноста градусов по Фаренгейту.

Цезарио работал с факелом. Когда все ветки уже горели, он стал поджигать сами деревья. Как только загоралось одно дерево, он сразу перебежал к другому.

— Этот парень настоящий пиротехнический маньяк, — сказал мне Том, вытирая со лба пот рукавом парки отца, которая была надета поверх его собственной.

— Так и есть, — Цезарио нашел время для ответа. — Ты знаешь, кем я был пятьдесят реинкарнаций назад? Нероном, предавшим Рим огню.

Теософисты никогда не стесняются подшучивать над собственной религией таким образом. Они так смотрят на вещи — ничто не может быть достаточно хорошим, если над этим нельзя посмеяться.

— А помнишь работенку, которую я проделал в Москве чуть позже?

Не знаю, имел ли Цезарио действительно какой-то астральный опыт, но сейчас он проделывал эту работенку отлично.

Мы еще немного подождали невдалеке, убедились, что огонь охватил деревья с обеих сторон реки. Вверх поднимались огромные клубы дыма, подсвеченные огнем, а там, где огонь не подсвечивал дым, он расходился в воздухе черными облаками. Если наши спасатели их не заметят, у них не будет никаких оправданий. Наконец мы двинулись обратно.

Когда мы оказались в пределах слышимости от лагеря, до нас долетели возбужденные крики. Все охотники прыгали вокруг хижины и кричали:

— Они заметили! Они нас заметили!

Лодка тоже была полна голосов, они неслись из приемника:

— «Пеквуд» для «Буйной герты», мы тоже видим огонь, как раз с левого борта от нас... Да, «Бульдог», видим ваши бегущие огни, мы точно позади вас... «Слэшер» «Пеквуду» — вас не видим, дайте сигнальную ракету...

Я протолкался к приемнику:

— Это Уолтер Бойд, представитель «Таймс» с потерпевшими с «Явелина», — сказал я. — Есть у кого-нибудь аудио-видеоаппаратура, чтобы я смог сделать пару картинок для своей редакции.

Мое заявление вызвало общий смех среди операторов приближающихся кораблей.

— У нас есть такая штукавина, Уолт, — услышал я голос Оскара Фуджисавы. — Я иду впереди на разведчике «Пеквуда», прихватчу ее с собой.

— Спасибо, Оскар, — сказал я и потом спросил: — Ты видел Биша Вэра, когда вы покидали порт?

— Еще как видел! — ответил мне Оскар. — Можете поблагодарить его за то, что мы отправились на ваши поиски. Расскажу, когда увидимся...

Глава 14

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Лодка-разведчик с «Пеквуда» пришла через полчаса с той стороны устья, откуда поднимались языки пламени и клубы черного дыма. Она сделала круг над нашей лодкой, хижиной и столпившимися около них охотниками. Я увидел Оскара на месте пулеметчика, целившегося в нас видеокамерой. Он снял кусок, как мы прыгаем, кричим, хохочем и машем руками, затем лодка развернулась и пошла на посадку. Мы все побежали к лодке, все, кроме Доминика со сломанной ногой и еще двух охотников, у которых не было достаточно одежды, чтобы отойти от огня. Когда люк лодки открылся, я услышал голос Оскара:

— А теперь я передаю камеру Уолту Бойду, корреспонденту «Таймс» в рядах потерпевших с «Явелина».

Появившись из люка, он передал мне камеру, за ним вылезал пулеметчик, я снял их и то, как лодка оторвалась от земли и полетела на запад, чтобы привести сюда корабли. Потом я закрыл камеру и спросил Оскара:

— Что ты там говорил о Бише Вэре? Он был первый, кто начал поиски?

— Точно так, — сказал Оскар. — Часов через тридцать после того, как вы покинули порт, он собрал кое-какую информацию, которая навела его на мысль, что на «Явелине» произошла диверсия. Он пошел к твоему отцу, тот связался со мной, ведь Мохандос Фейнберг и я еще были в порту, а потом стал вызывать «Явелин» по видеосвязи. Когда ответа не последовало, твой отец передал общий вызов всем кораблям-охотникам. Нип Скациони отправился на поиски в то место, где, как он предполагал, вы охотились. Поймал сигнал вашего локатора, обнаружил на дне «Явелин» с оторванным носом и открытой стоянкой без лодки. Мы все посчитали, что вы на лодке направлялись на юг, именно там мы и начали поиски.

— Хорошо, а Биш Вэр (что я услышал последнее) мертвецки пьян, — сказал Джо Кивельсон.

— А-а, это просто игра, — сказал Оскар. — Надо было одурачить городскую полицию и всех, кто захотел быть одураченным. Это так здорово сработало, что он смог завалиться на вечеринку, которую устроил Стив Равик после собрания. Именно там он умудрился разнюхать, что у Равика имеется шпион на борту «Явелина». Следующие двадцать часов или около того он раскручивал эту версию и вышел на вашего Девиса, потянувшего спину. Биш разузнал, чем именно занимался Девис на корабле, после чего пришел к выводу, что какая бы диверсия не была, это связано с двигателями. А что, кстати, произошло?

Двое из нас, перебивая друг друга, рассказали ему о том, что случилось. Оскар кивал.

— Об этом и подумал Нип Спациони, когда увидел ваш корабль. Ну, хорошо, потом Биш переговорил с твоим отцом и со мной, а потом твой отец вызвал Нипа.

Было заметно, что Джо Кивельсон прямо страдает от того, что он обязан жизнью Бишу Вэру.

— Хорошо еще, что этого пьяницу кто-то послушал, — недовольно сказал Джо. — Я бы не стал.

— Да, я думаю, ты бы не послушал, — сказал ему Оскар не самым приятным голосом. — Я считаю, что он проделал очень сложную работу детектива.

Я кивнул головой и вдруг неожиданно меня поразила еще одна идея из Идей по Реформации Биша Вэра. Работа детектива — вот что это будет. В Порт Сандоре появится частное детективное агентство. Может, мне удастся уговорить его открыть подобную контору. Это может за-

интересовать Биша. У него полно связей, он ловко управляет с пистолетом, если он наймет парочку крутых, но честных граждан, которые тоже умеют обращаться с оружием и организуют что-нибудь типа Бюро по защите и расследованию, это будет очень нужное начинание и вдобавок отвлечет его от мыслей о том, от чего до этого он отвлекается белдурским медовым ромом. Если бы он оставался трезвым хотя бы пятьдесят процентов времени — это было бы пятьдесят процентов успеха.

Рамон Левелин поинтересовался, как поживает Эл Девис.

— У нас не было времени на всяких Элов Девисов, — ответил Оскар. — Как только Биш вычислил, что произошло на борту «Явелина», мы поняли, что вам нужна помощь и получить ее вы должны быстро. Биш присмотрит за Элом, пока мы не вернемся.

— Это да, если только не напьется и не забудет, — зло сказал Джо.

Все, даже Том, раздраженно посмотрели на него.

— Пожалуй, надо бы узнать, что именно он пьет, и купить тебе целый кувшин, Джо, — сказал ему пулеметчик Оскара.

«Адский наездник», который был к нам ближе всех, когда засекли наши позывные, появился первым. После некоторых маневров он приземлился в ущелье, из корабля появились Мохандос, человек восемь из его команды с импровизированными носилками и кучей одеял. Мы подняли на борт Доминика, а Абдула и охотник со сломанной кистью поднялись сами. За «Наездником» шли еще корабли, и мы решили подождать. Джо Кивельсону, пожалуй, следовало бы подняться на борт «Наездника», чтобы осмотрели его руку, но капитан уходит последним, и он остался.

Оскар сказал, что он заберет Тома, Джо, Глена Мюрелла и меня на «Пеквуде». Я был рад этому обстоятельству. Оскар, его помощник и штурман — все трое холостяки — и они часто устраивают на «Пеквуде» вечеринки, когда не охотятся. Так что «Пеквуд» более комфортабельный корабль, чем какой-либо другой. Джо решил оставить лодку как есть, он собирался провести работы по поднятию «Явелина», спасательный корабль сможет и здесь все подобрать.

— Хорошо, только вот что, — сказал Оскар, — прихватите этот пулемет и прочее мелкое оружие. Сдается

мне, в Порт Сандоре в ближайшие двадцать часов будет немного жарковато.

Я и сам начинал об этом задумываться. Охотники с «Адского наездника», люди Коркскру Финнегана с «Буйной Герты» и Нипа Спацони с «Бульдога» — все говорили о том, что надо что-то делать со Стивом Равиком. У Стива был неплохой ход — взрыв на «Явелине», но не сработало, и теперь было похоже, что та бомба покончит с ним самим.

Вряд ли это будет похоже на легкую прогулку. У Стива есть своя банда, и он может рассчитывать на двадцать-тридцать человек полицейских Мортон Холстока, а если они вступят в борьбу, это будет еще труднее. И к тому же, они вместе, а корабли-охотники возвращаются по одному. Интересно, головорезы Равика-Холстока попробуют остановить охотников в порту или концентрируются в Зале Охотников и Муниципалитете с тем, чтобы выдержать осаду. Наверняка я знал только одно — до того, как все кончится, в Порт Сандоре будет очень много стрельбы.

Наконец все потерпевшие, кроме Оскара, Джо, Тома, Мюрелла и меня были подобраны тем или другим кораблем. «Пеквуд», круживший все это время на высоте пяти тысяч футов, приземлился около нашего лагеря, и мы поднялись на борт. Боевая рубка на «Пеквуде» была раза в два длиннее, чем на обычном корабле-охотнике. Здесь стояли два дивана и много легких стульев. Также здесь имелись большой комбинатор видов и коммуникационный экран, я поспешил к последнему. И вызвал «Таймс».

Отец подошел сразу же, как только я закончил набирать комбинацию. Он был в рубашке, без халата и вооружен пистолетом. Наверное, на нас стоило посмотреть, но в конце концов отец был на волосок от того, чтобы остаться без семьи, а я был на волосок от смерти. После проявлений буйного восторга по поводу счастливого воссоединения, я спросил отца об обстановке в Порт Сандоре. Он покачал головой:

— Ничего хорошего, Уолт. Слух о том, что на «Явелин» подбросили бомбу обошел весь город, и все догадываются, чьих рук это дело. Мы еще не выражали ничьих точек зрения, мы ждали подтверждения.

— Включай запись, — сказал я. — Я расскажу тебе все, что мне известно.

Отец кивнул, протянул руку за пределы экрана и

снова кивнул. Я начал с охоты на монстра, дошел до того, как корабль лег на дно. Все собрались после разделки в кают-компании, а затем произошел взрыв. Потом я рассказал о том, что мы увидели, покинув корабль и сделав круг над «Явелином».

— Состояние корпуса корабля говорит о том, что взрывное устройство было заложено в машинном отделении, — закончил я.

— У нас имеется несколько кадров «Явелина» на дне, отснятых капитаном Спацони, — сказал отец. — Капитан Кортланд, шеф полиции космодрома, считает, что это ни что иное, как фугасная бомба. Ты считаешь, несчастный случай исключен?

— Да, конечно. В это время в машинном отделении не было ни души. Корабль лежал на дне, вся команда находилась в кают-компании.

— Хорошо, достаточно, — сказал отец. — Мы приведем это как решающее и убедительное доказательство диверсии, — на этом он отключил запись. — Могу я теперь узнать, как вы покинули корабль и оказались на Земле Германа Рейха? — отец протянул руку вперед и опять включил запись.

Я коротко описал, как мы проводили время на лодке, посадку и крушение, лагерь, то, как мы рубили и сплавляли деревья и то, как мы ремонтировали приемник. Потом Джо Кивельсон сказал несколько слов, за ним Том и Глен Мюрелл. Я собирался сказать пару слов в заключение, присел рядом на диван, откинулся на спинку и расслабился.

Следующее мое воспоминание — помощник Оскара Фуджисавы трясет меня за плечо.

— Уже виден Порт Сандор, — сказал он мне.

Я что-то пробормотал ему в ответ, сел и увидел, что кто-то укрыл меня одеялом. Том Кивельсон все еще спал на диване напротив меня, также укрытый одеялом. Стрелка на часах над панелью управления показывала восемь Г.С. часов. Джо Кивельсона нигде не было видно, а Оскар и Глен Мюрелл пили кофе. Я подошел к лобовому иллюминатору, впереди на горизонте поднималось алое зарево.

И это тоже потеряет Цезарио, если следующая его реинкарнация произойдет за пределами Фенриса. В действительности, в этом не было ничего особенного, просто сырой, теплый воздух, поднимающийся из главных городских вентиляционных установок, приходил в жидкое

состояние и замерзал при первой встрече с холодным воздухом и был подсвечен снизу прожекторами. Я понаблюдал эту картину еще чуть-чуть, сделал себе чашку кофе, а когда закончил с ним, подошел к экрану.

Он все еще был настроен на «Таймс», перед ним сидел Мохандос Фейнберг и курил одну из своих черных сигар, за пояс у него был заткнут десятимиллиметровый Стерберг.

— А вы, ребята, порядком поотстали, — сказал он. — Я всегда думал, что «Пеквуд» — самый быстрый корабль. Мы прибыли сюда три часа назад.

— Кто еще?

— Коркскру и кое-кто из его людей сейчас здесь, в «Таймс». «Бульдог» и «Слэшер» только-только приземлились. Некоторые корабли из тех, что были дальше всех к западу и не добрались до вашего лагеря, уже давно в порту. У нас здесь собрание. Мы организовываем Комитет Бдительности Порт Сандора и новую Кооперацию Охотников.

Глава 15 БДИТЕЛЬНЫЕ

Когда «Пеквуд» всплыл под крышей города, я понял — что-то готовится. В порту было около двадцати кораблей, в доках или на плаву. На берегу собралось множество людей в корабельной одежде, они стояли группами, возбужденно разговаривали, время от времени переходили от одной группы к другой. Все были вооружены не только ножами и пистолетами, как обычно, но и тяжелыми ружьями и автоматами. Внизу слева началась небольшая суматоха, через толпу, прокладывая себе путь, дюжина охотников тащила за собой пятидесятимиллиметровую корабельную пушку на антигравитационной тележке. Мне это начинало не нравиться, а Глену Мюреллу, который только очнулся от дремоты, все это нравилось еще меньше. Он прилетел на Фенрис договариваться о закупках воска, а не участвовать в гражданской войне, мне это тоже было ни к чему. Избавление от Равика, Холстока и Белшера должно было принести порядок и согласие в Порт Сандор, но боевые действия не несут городу ни того ни другого.

Может, мне стоило прикинуться глухонемым и не делать никаких заявлений по поводу того, что произошло

на «Явелине», не переговорив до этого с отцом с глазу на глаз. Я отбросил эту мысль. С той минуты, как отец безуспешно пытался выйти на связь с «Явелином», а потом передал общий вызов по всей эскадре кораблей-охотников, никто не сомневался в том, что именно произошло. Слишком уж это было похоже на исчезновение «Клэймора», после которого Равик стал президентом Кооперации.

Порт Сандор уже давно был во власти Стива Равика. Охотники просто не хотели терпеть его и дальше.

Джо Кивельсон ворчал, недовольный тем, что у него была сломана рука, это означало, что когда начнется заваруха, он сможет размахивать только одним кулаком и, соответственно, получит в два раза меньше удовольствия. Одна из причин, почему Джо некудышный стрелок — он просто не любил пистолеты, это слишком безличное оружие для него. Оскар Фуджисава так не считал, он достал из ящика стола специальный пистолет Объединенной Полиции Марса и две запасные обоймы к нему. Внизу, на главной палубе пулеметчик раздавал оружие, были слышны препирательства, каждый хотел, чтобы ему выдали топор, но на всех не хватало. Оскар вышел из рубки и заговорил, повышая голос:

— Эй, внизу, прекратить споры. Все остаетесь на корабле. Я отправляюсь в «Таймс». Как только сойду с «Пеквуда», отведете его во внутренний канал. Не пускать на борт никого, в ком не уверены.

— Так вот, куда мы собираемся? — спросил Джо Кивельсон.

— Конечно. Это самое безопасное место для мистера Мюрелла, а я хочу точно знать, что здесь происходит.

— Вам нет нужды сдавать меня на хранение, — запротестовал Мюрелл. — Я сам могу о себе позаботиться.

Знаменитые «последние слова», — подумал я.

— Безусловно, но и мы должны быть абсолютно уверены, — сказал ему Оскар. — Именно сейчас вы — Самый Необходимый Человек на Фенрисе. Если у нас не будет представителя «Экзотик Органикс» — Равик выиграл войну.

Оскар, Мюрелл, Джо Кивельсон, Том и я спустились в лодку и поднялись на Второй Нижний Уровень. Мы пролетели пару кварталов, состоящих из баров, кафе, танцзалов, магазинов и лавочек торговцев снаряжением. Оскар провел лодку через район хранилищ, осторожно

обойдя Зал Охотников и Муниципалитет, подъехал к стоянке «Таймс».

Около «Таймс» толпилось много народу, в основном, служащие и достаточно много женщин. Почти все они были снаружи на улице или на стоянке. Это была не просто беспорядочная толпа, я заметил, что у людей автоматы и ружья. Когда мы въезжали на стоянку, они узнали лодку с «Пеквуда» и столпились внизу, было достаточно сложно припарковать лодку и никого при этом не задавить. Все были дружески настроены, слишком дружески, чтобы мы могли чувствовать себя комфортно.

Оскар выставил вперед Джо Кивельсона так, чтобы видно было, чтош у того сломана рука, и начал выкрикивать:

— Пожалуйста, дайте дорогу. Этот человек — пострадавший. Пожалуйста, не толпитесь, с нами пострадавший человек.

Толпа начала расступаться, и откуда-то сзади я услышал:

— Джо Кивельсон, он был ранен, они вытащили его оттуда, ему нужна помощь...

От этого замечания у Джо на лбу надулись голубые вены, и он начал издавать какие-то звуки.

— О, он действительно серьезно пострадал, вы только послушайте его!

Когда мы поднялись в редакторскую, возле лифта нас встречали отец, Биш и еще несколько человек. Биш был одет, как обычно — черный консервативный костюм, галстук заколот булавкой с натуральным опалом. Отец накинул халат, у Юлия было два пистолета и нож. В редакторской толпилось много людей: корабельные офицеры, торговцы, служащие. Среди них я заметил банкира Сигурда Нгоцори, профессора Хартзенбоха, вооружившегося пистолетом, священника Дзен-буддиста, у которого определено было что-то под кимоно. Все с энтузиазмом нас поприветствовали, мы обменялись рукопожатиями. Я обратил внимание, что Джо Кивельсон чувствовал себя не очень уютно, пожимая руку Бишу Вэру. Тот факт, что Биш первый начал поиски «Явелина» и тем самым спас наши жизни, не повлиял на Джо. Он и сейчас считал, что Биш — старый пьяница, от которого мало толку. Джо было трудно в чем-нибудь переубедить.

Когда все направились в редакторскую комнату, я отвел Биша в сторону.

— Как тебе это удалось? — спросил я.

Биш усмехнулся:

— Дело нехитрое. Просто повертелся в нужном месте, заказал кое-кому выпивку. Весь секрет наемников Равика в том, что они продажные. Они сделают все, что угодно, если оплатишь их выпивку. А пока мой дядюшка платежеспособен, мне есть чем оплатить выпивку. За пять лет, которые я провел в этом райском уголке Галактики, мне удалось узнать много удивительных вещей о Стиве Равике.

— Ладно, но ведь вряд ли кто-нибудь болтался в баре у Мартина Джо или у Одноглазого Свенсона, хвастаясь, что подложил бомбу на «Явелин».

— Примерно так и было, — сказал Биш. — Ты не поверишь, насколько люди бывают беспечны. Например, мне стало известно, что у Равика есть шпионы в командах-охотниках. Я много раз пытался предупредить капитанов, но кроме Фуджисавы и Коркскру никто не захотел меня слушать. Не то, что они не могли подумать такое о Равике, они просто не могли поверить, что в их команде есть предатель. Этот Девис уже давно был мне подозрителен, я поговорил о нем с Рамоном Левелином, но тот просто пропустил все мимо ушей. Ну, например, Девис всегда тратил гораздо больше денег, чем ему позволяла его доля в доходе «Явелина». Он любит показуху, часто заказывает выпивку на всех и корчит из себя босса. Спisyвал все на везенье в карты, но сколько я не видел его за игрой, он всегда проигрывал. Я знал об этом воске, который мы видели, когда прилетел Мюрелл, но я все-таки думал, что его придерживают, чтобы выжать из Белшера и Равика побольше денег. Потом мой приятель, с которым я разговаривал на «Пинемюнд», сказал мне, что ему показалось, что Мюрелл кажется, в торговле воском разбирается гораздо больше, чем в литературе, затем последовало собрание, и все, что случилось после него. Я начал сопоставлять. Потом завалился на вечеринку в Зале Охотников, услышал еще кое-что и картина начала проясняться.

Часов через тридцать после того, как «Явелин» вышел в море, я заскочил в «Седьмое Небо», кто, ты думаешь, заказывал выпивку на всех? Эл Девис. Я позволил ему угостить и меня, и он принялся рассказывать мне байку о том, как потянул спину. Танцы начались чуть

позже, когда Эл отплясывал, мне показалось, что со спиной у него все в порядке. А потом у Одноглазого Свенсона я услышал, как два типа заключают пари о том, что «Явелин» никогда не вернется в порт.

Я знал, как развивались дальше события. Если бы не Биш Вэр, мы так и сидели бы вокруг костра на Земле Германа Рейха, потом стало бы слишком холодно, чтобы рубить деревья, и мы бы все до одного перемерзли. Я сказал об этом Бишу, но тот только отмахнулся и предложил присоединиться к остальным.

— А где сейчас Эл Девис? — спросил я. — С ним хочет потолковать довольно много народу.

— Да, я знаю. Сначала я хотел взять его, пока он способен говорить, но, когда твой отец начал вызывать «Явелин», он просто исчез из поля зрения.

— А! — я провел пальцем по горлу. Биш медленно покачал головой.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Пока что в этом нет необходимости. Такие вещи расхолаживают. Я уверен, что Эла нет в Зале Охотников, он прячется где-то в другом месте.

Когда мы присоединились к остальным, Джо Кивельсон как раз заканчивал рассказывать о том, что произошло на борту «Явелина», и все обсуждал, что надо сделать со Стивом Равиком. Довольно странно, но больше всех жаждали крови Банкир и профессор. Хотя может, это и не так странно. Они очень хорошо знали, во что превратил Порт Сандор Стив Равик, и это задевало их не меньше, чем охотников. Кажется, из всех присутствующих только мой отец и Биш не горели желанием сию же минуту отправляться в Зал Охотников и перерезать всех, кто там есть, а затем то же самое проделать и в здании Муниципалитета.

— Вот что я скажу! — кричал Джо Кивельсон. — Надо очистить эти две крысиные норы. На побережье около тысячи охотников. И посмотрите, как много людей здесь в городе хотят в этом помочь. У нас достаточно людей, чтобы проглотить Зал целиком.

— Тебе он покажется не очень съедобным, — сказал ему Биш. — У Равика в распоряжении около тридцати своих головорезов и человек двадцать из городской полиции. У него как минимум четыре пятидесятимиллиметровых пушки на посадочной площадке наверху, полдюжины тяжелых автоматов и в два раза больше обычных семимиллиметровых.

— Биш прав, — сказал кто-то. — Они забаррикадировали стоянку внизу и перекрыли два первых этажа. Вокруг много наших людей, но никто не сможет туда пробраться. Вокруг много наших людей, но никто не сможет туда пробраться. Если мы попытаемся проникнуть в Зал, погибнет уйма народу.

— Ты хочешь сказать, что лучше сидеть здесь, чесать языками и ничего не предпринимать? — возразил Джо.

— Мы собираемся что-нибудь предпринять, Джо, — сказал ему мой отец. — Но сначала мы должны обсудить, что именно мы будем делать и как, иначе неизвестно, кто кого проглотит.

— Ладно, но мы должны принять решение очень быстро, — сказал Мохандос Ганди Фейнберг.

— А как обстоят дела в Муниципалитете? — спросил Оскар Фуджисава. — Ты говоришь, что у Равика в Зале пятнадцать-двадцать полицейских, а где остальные?

— В здании Муниципалитета, — сказал Биш. Там окопался Холсток. Пытается изобразить, что ничего необычного не происходит.

— Хорошо. Туда надо направиться первым делом, — сказал Оскар. — Взять человек двести, надеть много шума, выбить несколько окон и долго скандировать: «Холстока — к стенке!» Он быстро отзовет своих полицейских из Зала, чтобы прикрыть собственную задницу. Мы же в это время можем попробовать предпринять быструю атаку на Зал Охотников.

— Пока идет демонстрация, наши главные силы должны быть сосредоточены именно там, — возразил Коркскру Финнеган. — Мы не должны позволить уйти Равику.

— Меня не волнует, уйдет он или нет, — сказал Оскар, я не хочу крови Равика, я хочу избавить от него Кооперацию, и, если он сейчас уйдет, он никогда уже не вернется.

— Он вам нужен, и нужен живым, — сказал Биш Вэр. — В банке на Земле у Равика что-то около четырех миллионов солов. И каждый миллисол украден на этой планете через Кооперацию. Если вы прикончите его, у вас будет бесконечно много времени для попыток получить эти деньги обратно.

Это заставило задуматься капитанов, даже Джо Кивельсон наморщил лоб, когда Биш напомнил ему во сколько обойдутся работы по спасению «Явелина». Си-

гурд Нгоцори с минуту что-то подсчитывал про себя, но все-таки, если повесят Равика, «Точность и Доверие» не потратит на это ни сола.

— Это не мое дело, — сказал Глен Мюрелл. — Но я бизнесмен и наблюдать казнь, которая обошлась в четыре миллиона, для меня это слишком.

— Четыре миллиона, — сказал Биш, — и до конца жизни каждый из вас не сможет ответить на вопрос были ли это справедливый суд или просто убийство.

Буддистский священник пораженно посмотрел на Биша. В конце концов он был единственным духовным лицом среди нас и должен был первым подумать об этом, но вместо него это сделал Биш, — епископ-кривляка.

— Я думаю, это хорошая мысль, — сказал отец. — Не собирать у Зала Охотников людей больше, чем необходимо. Мы ведь не хотим, чтобы полицейские побоялись покинуть Зал, когда Холсток призовет их на помощь.

Биш встал:

— Пока суть да дело, не посмотреть ли мне, что можно сделать в Зале Охотников, — сказал он. — Я гляну, нельзя ли туда пробраться с Первого или Второго Нижних Уровней. Уолт, у тебя еще имеется этот хитрый газовый балончик?

Я кивнул. Внешне эта штука выглядела как обычная карманная зажигалка размером чуть больше средней, такая может быть у любого пацана, болтающегося по Порт Сандору. Он и работал как зажигалка до тех пор, пока ты не нажимал сбоку на небольшую кнопочку, тогда вместо огня он распылял газ. Одним нажатием можно сбить с ног здорового мужчину. Можно сбить и степную корову Заратустры. Когда-то я купил эту «зажигалку» у человека с «Мыса Кановэрэл», мне всегда казалось, что она украдена на Земле. Это была довольно дорогая вещь, но не мог же я махнуть на велосипеде за шестьсот пятьдесят световых лет, чтобы узнать кому принадлежит эта «зажигалка». Один из аптекарей Порт Сандора подзаправил мою «зажигалку», и хотя я еще ни разу не использовал ее, с ней было очень удобно бывать в разных местах по работе, она ведь не наносит внешних повреждений, как, например, пистолет.

— Да, он внизу, у меня в комнате, сейчас я принесу, — сказал я.

— Будь осторожен, Биш, — сказал отец, — эти бандиты пристрелят тебя сразу, как только увидят.

— Кого, меня? — Биш покачнулся в сторону стола и ухватился за него. — Кт-то ж-же это захочет меня обидеть? Я старый добрый Б-б-биш Вэр... Ст-т-тарина Биш-ш-ш! Его никто не обидит, он всем приятель, — он отошел от стола, наткнулся на стул, опрокинул его и загорланил песню: — Подите-ка сюда, вы, суперкосмонавты, послушайте, я расскажу вам о Ниффельгейме, зараженным фтором, это Ад среди планет.

Я произвольно захлопал. Это было великолепно. Биш трезвый играл Биша пьяного, а это не всякий сможет. Потом он поднял стул и сел на него:

— Где вы выставили посты вокруг Зала, и как мне через них пройти? — спросил он. — Мне не хочется, чтобы кто-нибудь из своих разрядил в меня обойму.

Нип Спацони взял карандаш, блокнот и набросал план.

— Это Второй Нижний Уровень, — сказал он. — Здесь у нас машина и два человека, охраняют подходы. Здесь у нас лодка, три человека и пулемет. Здесь джип. Теперь на Первом Нижнем Уровне — у нас две лодки, здесь и здесь. Пароль — «Экзотик», отзыв «Органикс», — он улыбнулся Мюреллу. — Комплимент для вашей Компании.

— Хорошо. Мне нужна бутылка ликера, надо освежить дыхание и, может, мне захочется кого-нибудь угостить. Если я смогу проникнуть внутрь, нет разговоров о том, что я сделаю дальше. Мимо двух спящих охранников может пройти целая армия.

Братишка, подумал я, если Бишу это удастся, никто в Порт Сандоре уже не сможет смотреть на него свысока, даже Джо Кивельсон. Я снова стал обдумывать идею о детективном агентстве, интересно, может, Бишу понадобится молодой напарник? «Биш и Бойд» — Планетарное детективное агентство...

Мы вместе спустились ниже этажом, я дал ему газовую «зажигалку» и бутылку медового рома. Я немного сомневался насчет последней, Биш это заметил и рассмеялся:

— Не волнуйся, Уолт, — сказал он. — Это исключительно для защитной окраски и запаха. Обещаю, что буду очень экономен.

Мы пожали друг другу руки, стараясь сделать это как можно проще. Биш направился к лифту, а я пошел на-

верх. Ко времени моего возвращения Комитет Бдительности Порт Сандора разделился на части. Первая выстроилась в круговую (в ширину), а вторая, поменьше, сгрудилась вокруг стола, обсуждая стратегию и тактику (там были отец, Сигурд Нгоцори, Реверенд, Нип и Махатма).

— Хорошо, нам лучше вернуться в доки, пока не началась заваруха, — сказал Коркскру. — Ни один из охотников не последует ни за кем, кроме своего капитана.

— Нам нужен человек, за которым бы пошли люди из города, — сказал Оскар. — Им безразличны приказы капитана охотников. Может быть, ты, Сигурд?

Банкир покачал головой:

— Ральф Бойд — вот тот, кто нам нужен, — сказал он.

— Ральф нужен здесь, — сказал Оскар. — Нам необходим центр управления операцией, демонстрация против Холстока и нападение на Зал Охотников должны быть скоординированы.

— У нас около ста пятидесяти человек, и у всех найдется чем вооружиться, — сказал кто-то. Я осмотрелся вокруг, это был Кашмир Огхаурлиан из «Верфи Родригес и Огхаурлиан», — они пойдут за мной, но я не так уж известен в городе.

— Эй, профессор Хартзенбох, — сказал Мохандос Фейнберг, — вы выглядите вполне респектабельно. Вы когда-нибудь были предводителем линчевателей?

Все зазсмеялись и, к его чести, расхохотался и сам профессор.

— У меня большой опыт работы с детьми, — сказал он. — Дети-дикари, как и линчеватели. То, что подходит к одному, подходит и к другому. Да, я согласен.

— Отлично, — сказал отец. — Я буду кем-то вроде начальника штаба. Оскар, ты, Джо, Коркску и другие — вы сами решите, кто из вас будет руководить всеми охотниками. Кашмир, вы будете командовать своими рабочими и остальными служащими верфи и т. д. Сигурд, вы, Реверенд и профессор Хатрзенбох соберете в городе всех, кого сможете. Теперь мы должны решить, какие силы нам потребуются, чтобы напугать Холстока, а какие для атаки на Зал Охотников.

— Мне кажется, нам следует немного подождать, посмотрим, что сможет сделать Биш Вэр, — сказал Оскар. — Соберем вместе наших людей, решим, кто, где,

как расположится, но отложим решительные действия на некоторое время. Если Бишу удастся пробраться в Зал, возможно, нам тогда не понадобится демонстрация у Муниципалитета.

Джо Кивельсон начал было что-то говорить, но его коллеги так посмотрели на него, что он сразу умолк. Отец прикидывал, какое у нас в распоряжении количество пулеметов, автоматов, транспортных средств, когда началась пожарная тревога.

Глава 16

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Сирена выла тридцать секунд, удаляясь и приближаясь, вой доносился отовсюду — с Главного Городского Уровня и четырех Уровней ниже. Все, что имелось на такой случай в Порт Сандоре — это добровольные организации или, точнее, дезорганизации пожарников, которые состояли из представителей шести компаний, враждующих друг с другом. Это лучшее, что может быть в Порт Сандоре, если бы мы доверились городскому правительству, у нас бы вообще не было бы никакой защиты от огня. Благодаря добровольным организациям пожарников у нас была центральная система пожарной тревоги, с ней была связана редакция «Таймс».

Сирена умолкла, раздались четыре резких свистка из четвертого отделения и еще четыре более пронзительных с Нижнего Уровня. На мгновение наступила тишина, а затем сразу поднялся крик среди капитанов охотников. Пожар был как раз в том месте, где охотники держали воск незарегистрированный Кооперацией.

— Заткнитесь все! — взревел мой отец, я никогда раньше не слышал, чтобы он так повышал голос. — Заткнитесь и слушайте!

— Четвертое отделение, Нижний Уровень, — передавали по системе пожарного оповещения, — горит воск, воск не принадлежит Кооперации. Огонь в опасной близости от склада боеприпасов и точно под деревообрабатывающим заводом на втором Нижнем Уровне. Повторяю — горит воск, не использовать воду и химические огнетушители!

Половина служащих из Комитета Бдительности принадлежали к добровольным организациям пожарников, они сразу умчались к своим станциям. Буддистский свя-

щенник и два доктора — вместе с ними. Оставшиеся, в основном это были охотники, стояли вокруг стола и смотрели друг на друга.

Оскар Фуджисава зло рассмеялся:

— У меня была отличная идея насчет диверсии, — сказал он. — Единственная сложность в том, что Равику она пришла в голову чуть раньше.

— Ты думаешь, это Равик? — начал отец и рассмеялся еще злее, чем Оскар. — Ну и кретин же я, если задаю такие вопросы.

Я начал собирать свое снаряжение еще, когда только началось обсуждение демонстрации у Муниципалитета и атаки Зала Охотников. Я решил отправиться на джипе, который снабжен тяжелой аудио-видеоаппаратурой, на случай, если мне придется покинуть машину, я взял с собой более легкую аппаратуру, такую же, как у Оскара на разведчике «Пеквуда». В связи с тем, что события разворачивались таким образом, что вряд ли кто-то будет принимать всерьез права мирного населения и военных репортеров, я прихватил с собой семимиллиметровый Стенберг. Увидев это, отец явно огорчился.

— Лучше оставь его, Уолт, — сказал он. — Ты ведь не собираешься вступать в перестрелки.

Логично, — подумал я. Если ты к чему-нибудь не готовишься, то это и не случится (этот ход мыслей не нов). Многие так думали. Насколько я помню Старую историю Земли — целые правительства рассуждали подобным образом, все они более не существуют.

— Ты знаешь, сколько ползучих тварей на Нижнем Уровне. Если нет, спроси мистера Мюрелла, одна из них отправила его в госпиталь.

С этим отец не мог не согласиться. В заброшенных секциях Нижнего Уровня большой ассортимент гусеничных улиток и тому подобного, жара и огонь расшевелият их, и они начнут передвигаться по всему Уровню. Устроив пожар, Равик попытается сделать все возможное, чтобы его не потушили быстро. В этом деле у него будет предостаточно ползучих компаньонов.

— Хорошо, но если начнется стрельба, держись в стороне. Твоя работа — получать новости, а не разыгрывать героя в перестрелках. Я не герой, именно поэтому я дожил до шестидесяти. И я не знаком ни с одним героем моего возраста.

Тут была моя очередь кивнуть головой, возразить было нечего. Я пробормотал что-то о том, что новости именно добывают, а не делают, проверил свой Стерберг, повесил через плечо приемник и взял облегченный комплект аппаратуры.

Джо и Том Кивельсоны отправились собирать команду «Явелина» для борьбы с огнем. Атака Муниципалитета и Зала Охотников откладывалась, но никто об этом не забыл. Отец, Оскар и профессор Хартзенбох остались в редакции и распределяли силы по наблюдению за обоими зданиями. Мюрелл решил поехать со мной, мы спустились на стоянку и сели в джип. На бродвее Уровня Главного Города не было ни души, все спустились на Нижний Уровень. Мы начали спускаться по первой попавшейся шахте и тут же попали в пробку. Мы зависли над оборудованием, отправляемым с первого Нижнего Уровня, в основном это были манипуляторы и тому подобное. Не было видно ни одного полицейского, зато было полно добровольцев, которые тщетно пытались руководить движением. Я отснял несколько кадров, чтобы напомнить той части публики, которая нуждается в напоминании, о том, что наше правительство неспособно ничего предпринять в случае опасности. Несколько машин, автоцистерн и насосов с надписью Добровольная Пожарная Организация №3 изменили направление движения и поехали в сторону города.

— Если они знают другой путь вниз, может, нам лучше последовать за ними, — предложил Мюрелл.

— Они не поедут вниз, они направляются на Деревообрабатывающий завод, на случай, если огонь перекинется на Верхний Уровень, — сказал я. — Такое оборудование не используют для тушения воска.

— Почему нет?

Я посмотрел на него.

— Я думал, ваша работа связана с воском, — сказал я.

— Да, но я не химик, и я ничего не знаю о том, как горит воск. Все, что я знаю, это то, как его используют и каким он пользуется спросом.

— Ну, вы слышали об этих громадных молекулах? — спросил я. — У них есть все, кроме кухонной раковины, включая достаточное количество кислорода, чтобы поддерживать огонь в воде или вакууме. Кислорода не достаточно для того, чтобы воск взорвался как порох, но до-

статочно, чтобы с огнем не могли справиться огнетушители. Вода не то, что бесполезна, она только ухудшает ситуацию.

Мюрелл заинтересовался, почему.

— Горящий воск — жидкий. Температура плавления — двести пятьдесят градусов по Цельсию. Воск возгорается при семистах пятидесяти градусах по Цельсию. У воска нет температуры кипения, если это не температура возгорания. Тушить воск водой это все равно, что лить воду в расплавленный металл, огонь будет распространяться еще быстрее. — Но если температура плавления ниже температуры возгорания, воск должен был бы растечься прежде, чем он загорелся?

— Обычно так и бывает. Именно поэтому я и считаю, что это диверсия, думаю, кто-то подбросил термоконцентратную бомбу. Воск начал плавиться и гореть одновременно. В любом случае — упаковки горят снизу. Если огонь начался оттуда, воск сверху будет плавиться и потечет вниз, поддерживая огонь, если же огонь начался сверху, горящий воск потечет вниз и загорится тот, что снизу.

— Черт возьми, так как же вы собираетесь тушить пожар? — спросил Мюрелл.

— Тушить никто не собирается. Надо отделить еще не охваченные огнем упаковки, постараться сбить огонь и дать ему выгореть. Это все, что можно сделать.

Все это мы кричали друг другу на ухо, вокруг стоял невыносимый шум, крики и проклятия смешивались с воем сирен и звоном колоколов. Я заметил небольшое пространство в пробке вертикального движения, опустил туда джип и тут же вспомнил, что джип служебный, и я имею право использовать сирену. Я добавил се вой ко всеобщему гвалту и опустил на один уровень. Здесь скопилось несколько больших манипуляторов, они пытались проложить себе дорогу, размахивая во все стороны крючьями, клещами и толкателями. Я два раза симитировал своей сиреной кота, которого тянули за хвост, и пристроился в ряд манипуляторов.

На бродвее Нижнего Уровня царила ужасная суматоха. Мы оказались как раз между двух массивных преобразователей энергии с городской энергетической станции. Улица была еще уже, чем на Верхнем Уровне, и была окружена стенами высотой до потолка. Я поднял джип как можно выше, мы почти задевали головами потолок.

Мюрелл, который видел раньше, как надо обращаться с моей аппаратурой, взялся за камеру и отснял несколько кадров, пока я дуюм за дюймом пробивался вперед. Вокруг стоял такой страшный шум, что мы и не пытались говорить друг с другом.

Наконец, благодаря наглости и безрассудству, мне удалось продвинуться на джипе на несколько сот ярдов вперед. Посмотрев вниз, я увидел огромный кран, длина стрелы которого была около пятидесяти футов. Впереди кран был защищен большим листом пуленепробиваемой стали. На кране красовалась эмблема Кооперации, но три человека, управлявшие им, были похожи на рабочих верфи. Я ничего не понимал... Эта штуковина была построена специально для работы с горящим воском, она и еще два таких же крана хранились на Втором Нижнем Уровне под Залом Охотников. Интересно, может, Бишу удалось найти путь в Зал снизу. Трудно поверить, что Равик направил технику на борьбу с пожаром, который сам заказал.

Я опустил джип на несколько футов, вежливо пискнул сиреной и обратился к рабочим, управляющих краном:

— Откуда взялась эта штуковина?

— Зал Охотников. Прислал Стив Равик. Два крана уже около огня. Если нам в этой суতোлке не дадут дорогу... — дальнейшие замечания рабочего не подходят для публикаций в таком семейном журнале, как «Таймс».

Я опять поднял повыше джип и увидел, в чем дело. Это была подводная землечерпалка с побережья, ее обычно использовали для очистки от песка мест стоянки судов и внутреннего канала. Не удивительно, что возникла пробка, интересно, как они собираются провезти ее на окраину города? Я отснял несколько кадров и вышел на связь с редакцией. Ответил Юлий Кубанов.

— Вы получаете все, что я посылаю? — спросил я.

— Да. А что это за громадина впереди, одна из портовых землечерпалок?

— Точно. А вот посмотри-ка сюда, — я навел камеру на кран. — Рабочие, похоже из компании «Родригес и Огхаурлиан», но они говорят, что кран прислал Равик. Вы знаете что-нибудь об этом?

— Эй, Ральф! Что это тут Уолт передаст об оборуду-

довании, которое якобы послал Равик для тушения воска? — прокричал Юлий.

Подошел отец.

— Это не Равик, это Холсток. Он реквизирует оборудование Кооперации. Звонил мне, спрашивал, кого можно послать за краном, чтобы подручные Равика на начали палить из пулеметов. Кашмир Огхаурлиан послал своих людей.

Впереди, кажется, освободилась дорога, землечерпалку потянули вперед, и все двинулись следом.

— Я понял, — сказал я. — Холсток готов выкинуть Равика с корабля. До него дошло, что Стив — мертвый индеец, и он не хочет лезть за ним в духовку.

— Уолт, можешь ты хоть когда-нибудь поверить, что человек способен совершить порядочный поступок, хотя бы один раз в жизни?

— Конечно, могу. Порядочному человеку. Таких много в Порт Сандоре, но Морт Холсток не из их числа. В старые добрые времена один политик на Земле любил говорить в таких случаях: «Посмотрим послушной список».

— Хорошо, послушной список Морта, действительно, не впечатляет, это правда, — признал отец. — Как я понимаю, Мортон сейчас на месте пожара. Не плюй ему в лицо, если встретитесь.

— Не буду, — пообещал я. — Я очень разборчив и не плюю куда попало.

Видимо, у Муниципалитета сейчас тоже жарко, — подумал я. Может, Морт боится, что на Фенрис опять начнут стекаться люди, и, не дай бог, будут выборы.

К этому времени я обошел землечерпалку, проехал мимо зданий атомной энергостанции и выехал на открытое пространство. Впереди были видны электрические огни. Навстречу ехали грузовики и подъемники, перевозящие боеприпасы в безопасное место. Потом мы увидели огромный черный гриб дыма, поднимающийся под потолок. Огни впереди стали ярче, до нас доходил смешанный шум из воя сирен, гула работающих машин и криков людей.

И еще была невыносимая вонь.

В Порт Сандоре было достаточно источников неприятных запахов, но городская вентиляция справлялась со своей работой, и запахи не распространялись дальше положенных им пределов. Завод по переработке сточных вод и деревообрабатывающий завод не имели ничего об-

щего с цветочными клумбами. Но самая ужасная вонь на Фенрисе была от горящего воска. К счастью, он загорался не так часто.

Глава 17 ГОРЯЩИЙ ВОСК

Когда мы выбрались из пробки, я мог сам заняться камерой. Упаковки воска были сложены штабелями двадцати футов высотой, так что над ними еще оставалось тридцать футов свободного пространства. Но секция, где хранился воск, была слишком тесной, кроме всего прочего, здесь были еще дополнительные колонны, поддерживающие потолок под деревообрабатывающим заводом. Штабеля не были изолированы друг от друга, и огонь мог распространяться по всему воску. Людей и техники здесь было гораздо больше, чем могло вместить пространство. Мы облетели толпу по кругу и приземлились в сравнительно свободном месте, откуда я смог бы снимать, как пожарники стаскивают вниз упаковки воска, загружают их на антигравитационные подъемники и оттягивают их от огня. Еще не было очень жарко и пожарники работали незащищенными, в любом случае, они работали не так близко к огню, который, тем не менее, распространялся очень быстро. Землечерпалка и бронированные краны еще не были задействованы.

Я сделал круг по часовой стрелке, увертываясь от платформ и грузовиков, увозящих воск в безопасное место. Они отвозили его в секцию, через которую я несколько минут назад провел свой джип, и складывали прямо на груды минеральных удобрений.

Операцией руководили из импровизированного штаба, который расположился на месте, только что освобожденном от боеприпасов. Женщины-операторы сидели возле двух экранов и радиоприемника. Я узнал одну из своих школьных учительниц, жену Джо Кивельсона, подружку Оскара Фуджисава и секретаршу Сигурда Нгоцори. Чуть дальше располагалась также импровизированная кухня. Я опустил джип, мы с Мюреллом вышли и прошли в штаб. Джо Кивельсон был главным.

Я, кажется, уже говорил, и не раз, что Джо обладает не самым мощным интеллектом на Фенрисе. У нас есть много голосов и получше, но Джо никогда не теряет

своей индивидуальности, что бы ни случилось. Он сидел на пустом ящике и курил одну из черных сигар Мохандоса Фрейнберга. Обычно Джо курил трубку, но с сигарой меньше возни для временно оставшегося без руки мужчины. Перед ним, как школьник перед учителем, стоял Морт Холсток.

— Но, Джо, они просто не дадут! — ныл Морт. — Я разговаривал с мистером Фиеши. Он сказал, что знает, что это экстренный случай, но существует директива, строго запрещающая использовать территорию космодрома для складирования чего-либо, кроме грузов с только что прибывшего корабля или грузов приготовленных к отправке.

— О чем это вы? — спросил Мюрелл.

— Фиеши не дает нам разместить этот воск на территории космодрома, — сказал Джо. — Мы должны его где-то поместить. Раз уж мы взялись за это дело, нам нужно много места, чтобы сбить огонь. Мы должны раскидать эти упаковки подальше друг от друга, чтобы огонь не переходил с одной на другую.

— Хорошо, а почему нельзя использовать территорию космодрома? — поинтересовался Мюрелл. — Это груз для следующего корабля. Я отправляю его для «Экзотик Органикс» в Буэнос-Айрес, — он повернулся к Джо. — Все упаковки отмаркированы так, что можно понять, кому они принадлежат?

— Да, так и есть. Мы сможем подсчитать потери и утрясти все при расчетах.

— Отлично. Выделите мне машину, пусть кто-нибудь отвезет меня на космодром. Позвоните туда, скажите, что я еду. Я сам переговорю с Фиеши.

— Марта! — крикнул Джо своей жене. — Машину и водителя, быстро! А потом свяжи меня с космодромом, мне нужен Фиеши или мистер Мэнсур.

Не прошло и двух минут, как пришла машина и Мюрелла увезли на космодром, а Джо уже разговаривал с кем-то из служащих космодрома. Я позвонил в редакцию и передал отцу, что Мюрелл покупает воск сразу, как только его вытащат из огня по цене восемьдесят сентисолов за фунт. Отец сказал, что передаст эту новость немедленно. Потом я поговорил с Холстоком, и на этот раз он не пытался намекать мне о моем возрасте. Довольно лицемерно я сказал, что он поступил просто замечательно, прислав технику от Кооперации. Подозреваю, это звучало так, будто я был мэром Порта Сандора, а Хол-

сток — семнадцатилетний пацан, который совершил поступок, неожиданный для своего возраста. Если и так, Холсток этого не заметил. Сейчас он с большой симпатией относился к любому представителю прессы. Я спросил его, где Равик.

— Мистер Равик в Зале Охотников, — сказал он. — Он посчитал неразумным появляться сейчас на публике, — какое понимание момента! Существуют определенные настроения против него из-за ошибочного мнения о его ответственности за то, что случилось на «Явелине». Конечно, это абсолютная ложь. Мистер Равик никак с этим не связан. Его и близко не было у «Явелина».

— А где Эл Девис? — спросил я.

— Кто? Боюсь, я не знаю такого человека.

После того, как Холсток уехал на своем огромном черном воздушном лимузине, Джо Кивельсон коротко хохотнул.

— Надо было мне сказать ему, где Эл Девис, — сказал он. — Нет, пожалуй, нет. Это религиозный вопрос, а я не обсуждаю религию. Я быстро выключил радио.

— Кто достал его? — спросил я.

Джо назвал по имени двух охотников.

— Это случилось здесь. Здесь было шесть охранников, у них был джип с пулеметом. Где-то час назад сюда въехал грузовик, в кабине было два человека в корабельной форме. Они сказали, что Пьер Кералай только что вернулся с охоты с полным хранилищем воска, и что они везут его прямо из доков, и куда им можно его разгрузить? Ну, ребята, охраняющие воск, поверили в это. После того, как «Адский Наездник» связался с нами, Пьер увел свой корабль в Залив Сумерек и за это время они могли достать монстра. Ну, ребята сказали, что с другой стороны еще есть место, грузовик поднялся в воздух и стал пересекать секцию, когда они были ближе к центру один из них бросил термоконцентратную бомбу. Но за грузовиком, чтобы показать место для складирования воска, шел джип, в котором были два охотника и пулемет. Как только раздался взрыв, один из охотников схватился за пулемет и поймал грузовик в прицел. Он дал только одну очередь по кабине, и грузовик врезался в колонну фундамента.

Передав пожарную тревогу, они пошли смотреть, кто был в грузовике. Оба человека были убиты. Один из них — Эл Девис.

— Жаль, — сказал я. — Я так хотел записать его признание. Где сейчас этот грузовик?

Джо показал в сторону горящего воска.

— Прямо с той стороны. Его охраняют два человека. Трупы еще там. Мы решили, пока ничего не трогать. Необходимо тщательное расследование. У нас должны быть на руках факты на случай, если Холсток начнет дело против охранников.

Интересно, как ему это удастся. По любому из законов Федерации, если человек убит при совершении им уголовного преступления, а взрыв бомбы или поджог квалифицируются именно как уголовные преступления, он просто расплатился за содеянное, и никто не несет наказания за его убийство. Хотя, конечно, такая мелочь, как законность, занимает последнее место в списке проблем, волнующих Холстока.

— Пойду, сниму эту картину, — сказал я, включил приемник и наговорил всю историю.

Отец уже знал о случившемся через Центр пожарной безопасности, но ему не сообщили, что один из поджигателей был Эл Девис. Как и я, он очень сожалел о случившемся. Сам Девис — не потеря, но живой и способный говорить он помог бы нам доказать причастность Стива Равика к взрыву на «Явелине». Я отключил связь и забрался в джип.

Пожарники уже близко подобрались к очагу пожара. Не было никакой возможности провести джип верхом или справа от пожара. Там скопилось по меньшей мере пятьсот человек и масса техники, все работали, как сумасшедшие, оттаскивая еще не загоревшийся воск. Большие манипуляторы захватывали, как могли пяти-соткилограммовые упаковки, отвозили их в сторону, грузили на грузовики или просто бросали на мешки с удобрениями к джипам и другим машинам, крючьями цепляли упаковки, оттаскивали воск подальше от огня, возвращались и все начинали снова. Как только стаскивали упаковку вниз человек, работающий на ручном подъемнике, таком же, как мы использовали для доставки древесины на Земле Германа Рейха, подхватывал ее и увозил в сторону.

С этой стороны прилагались главные усилия по тушению пожара. На подъемниках подвезли большие вентиляторы, видимо, стратегия заключалась в том, чтобы оттащить воск в одну сторону, затем установить вентиляторы и сдувать жар и дым в другую. Таким образом, с этой

стороны сможет работать больше людей и больше воска удастся спасти.

Я начал объезжать горящий воск слева по часовой стрелке, но вскоре понял, что лучше бы я этого не делал. По направлению к космодрому тянулась длинная стена высотой до потолка, частично она служила опорой для завода, находящегося уровнем выше. Возле нее была огромная свалка различной старой техники и механизмов, сваленных здесь когда-то и давно забытых. Как раз напротив горел воск, волна жара и дыма заставила меня опустить джип.

Я оглядел свалку и решил, что мне, видимо, придется пробираться пешком. Я бегло описал ситуацию по радио и попытался связать эту свалку с постоянной нехваткой металла на Фенрисе. Потом я повесил через плечо камеру, взял в руку фонарик и стал пробираться через груды техники. Фонарик я взял в левую руку, не очень умно держать его в правой, если ты не левша, конечно.

Идти было не очень сложно. Большее время мне удавалось проходить между механизмами, чем перелезать через них. Я почувствовал какое-то движение за спиной, когда проходил между сломанным прессом с деревообрабатывающего завода и прохудившимся пятисотгаллоновым баком. Я очень порадовался, что не дал себя уболтать и прихватил с собой пистолет.

Эта была тварь размером с десятигаллоновый бочонок с толстым хвостом, передвигалась она с помощью шести плавников, вокруг рта у этой твари имелось шесть щупальцев, похожих на хобот слона в уменьшенном варианте, а вся пасть, чуть ли не по самую глотку была забита острыми зубами. У этого создания около дюжины имен, но чаще всего его зовут просто «мясорубка».

Мясорубка вечно голодна и жрет все, что движется. Ее совершенно не волновал тот факт, что я могу оказаться для нее несъедобным так же, как и вся флора и фауна Фенриса для меня. Мясорубка не увлекалась биохимией, она шла прямо на меня, вращая всеми своими щупальцами.

Я выхватил свой Стерберг сразу, как только услышал приближающиеся звуки. Я также помнил, что мой призмник включен и я должен комментировать все более или менее интересное, что происходит вокруг меня.

— А вот и мясорубка, идет прямо на меня, — про-

комментировал я не очень ровным голосом и тут же выстрелил в зубастую глотку. Поражая свою мишень, мне одновременно необходимо было уворачиваться от щупальцев. Мясорубка начала судорожно дергаться, я выстрелил еще раз, она резко дернулась и затихла.

— Теперь пойду, гляну на этот грузовик, — на этот раз сомнений не было — голос у меня дрожал. Грузовик, а с ним и Эл Девис с компаньоном закончили свое существование, встретившись с двухсотфутовым основанием колонны. При ударе грузовик наполовину сложился, как аккордеон, и соскользнул вниз. Насильственная смерть в Порт Сандоре не редкость. Я не люблю смотреть на результаты, но, как бы там ни было, это часть моей работы, на этот раз это было особенно неприятно.

На пустых ящиках сидели два охотника, охраняющие грузовик и его содержимое, курили и наблюдали тушение воска.

Я поменял полупустую обойму на новую и посветил вокруг себя фонариком. Это было бы глупо, по меньшей мере, излишне. Если на свалке была хотя бы одна мясорубка, можно смело заключать пари, что больше там никого не будет. Я нашел стальной десятифутовый прут и, подойдя к мясорубке, толкнул ее несколько раз. Она не подавала никаких признаков жизни, и я спокойно прошел мимо.

Я сел в джип и вернулся к тому месту, где Джо руководил всем, происходящим на пяти экранах, выкрикивая приказы, которые еще громче повторялись вокруг через громкоговорители. Стали вывозить технику от компании «Верфи и Доки Одина». Грузовики, отвозящие еще не загоревшийся воск, прихватывали с собой и снаряжение, например, маленькие подъемники, которые могли работать в непосредственной близости от огня.

Большое количество воска расплавилось до такого состояния, что его уже трудно было чем-нибудь подцепить, очень много упаковок полопалось от жара. То тут, то там в штабелях загорался воск. Я прошел по кругу вправо и стал снимать большой кран за работой, одновременно я пытался подсчитать в уме, сколько здесь было воска изначально и сколько удастся спасти. Каждая упаковка весила тысячу фунтов, за один раз кран поднимал две или три таких упаковки...

Я все еще ломал голову над подсчетами, когда справа от меня кто-то предупреждающе закричал. Полетели горящие брызги воска, кто-то закричал, я увидел, как подъехала скорая помощь. Видимо, один из штабелей рухнул и кого-то забрызгало воском. Я непроизвольно содрогнулся. Горящий воск хуже расплавленного свинца или напалма. Человека оттащили подальше от огня, и люди в асбестовых костюмах стали стаскивать с него горящую одежду. До того, как я добрался до места происшествия, его погрузили в скорую помощь и увезли. Надежда, что его довезут до госпиталя живым, была очень маленькая.

Справа опять раздались крики, рухнули еще два штабеля. Упаковки покатались вперед, мужчина, работающий рядом без машины, бегом рванулся в сторону, огонь взметнулся вверх, а затем фонтаном ударил снизу. Мне удалось все это заснять. Одновременно подъехали два крана и стали оттаскивать упаковки подальше от огня.

Потом я увидел управляющего «Доки и верфи Одина» Гvido Фиеша и подъехал к нему на джипе.

— Мистер Фиеша, — окликнул я. — Не могли бы вы уделить мне пару секунд и сказать несколько слов?

Он увидел меня и улыбнулся:

— Я просто подъехал посмотреть сколько еще воска удастся спасти, — сказал он. — На космодроме уже около тысячи тонн плюс те, что в пути, и вам еще наверняка удастся что-то спасти. Мы можем быть уверены, что спас товар на полтора миллиона солов, и, возможно, на три миллиона по новой цене.

— Это хорошие новости для всех на Фенрисе, — сказал я и мысленно добавил «за некоторым исключением».

Потом я спросил его, не слышал ли он чего-нибудь о пострадавшем человеке.

— Нет, я знаю, что произошло, скорая помощь ехала нам навстречу. Надеюсь, они успеют сделать все необходимое.

Штабеля начали рушиться одни за другим, и огонь быстро распространяться понизу. Через все громкоговорители гремел голос Джо Кивельсона:

— Всем отойти на безопасное расстояние! Включить вентиляторы! Начинаем с другой стороны!

ИЗМЕНА БИША ВЭРА

Я хотел узнать, кто именно пострадал, но Джо Кивельсон был слишком занят, чтобы отвечать на вопросы репортеров, он руководил следующим этапом борьбы с огнем. Я подошел к тому месту, где поджигатели встретили свою смерть, подобрался ближе к огню и снял расплывающийся горящий воск. На эту сторону перегнали много техники, в том числе три крана и землечерпалку. Пока я пробирался, вокруг установили вентиляторы и приготовились к их запуску. Прошла небольшая перекличка, все убедились, что в опасной зоне никого не осталось, и вентиляторы принялись за работу.

Это было похоже на горизонтальное извержение вулкана, горящий воск сдували на сто футов в сторого огороженное пустое пространство. Краны, манипуляторы, джипы и прочая техника хватала воск и оттаскивали от огня. Теперь, благодаря тому, что у них за спиной работали вентиляторы, пожарники могли работать ближе к огню, и сам огонь не распространялся так быстро. Спасли много воска, каждая вытащенная из огня упаковка по новой цене стоила восемьсот солов.

Наконец из огня вытащили все, что было можно, выключили вентиляторы, подъехала землечерпалка. Она подхватывала горящий воск, отвозила его чуть в сторону и разбрасывала по бетону. Я посчитал, что если до начала пожара здесь было воска на шесть-семь миллионов солов, то к моменту, когда пожарники вытаскивали из огня последнюю упаковку, удалось спасти чуть больше половины того, что было с начала.

Работа подходила к концу, только две землечерпалки перемещались туда-сюда и рассеивали огонь по бетону. Оставалось только наблюдать за тем, как догорает воск. Я посмотрел на часы. С тех пор, как мы услышали пожарную тревогу, прошло два часа. Я еще раз обвел камерой место действия, снял рабочих космодрома, увозящих последние упаковки воска. Потом я подвел джип к тому месту, где раздавали кофе и бутерброды и опустил его на землю. Может быть, думал я, «Межпланетные новости» заинтересуются отснятым мною материалом. Из этого могла бы получиться потрясающая программа — «Картинки из жизни на Фенрисе, Райский уголок Галактики».

Я заказал себе огромный сэндвич и чашку кофе, проверил, включен ли приемник и стал циркулировать между пожарниками, обсуждавшими недавнюю схватку с огнем. При тушении пожара все вели себя просто героически, но теперь каждый из них был слишком застенчив, чтобы признать это. Было много удачных острот в адрес Эла Девиса, почившего на пожаре, который сам и устроил. Я увидел Цезарио Вийсеру и присоединился к нему.

— Хватило тебе огня для полного удовольствия? — спросил я.

— Братишка, еще как! Хотя что-то подобное уже было на Земле Германа Рейха. Ты не видел здесь Тома?

— Нет, а ты?

— Я видел его где-то час назад на этой стороне, когда начали дуть вентиляторы, я уже был на стороне Эла Девиса, — он слегка присвистнул. — Вот это была заваруха!

Возле огня еще толпилось много народу, но это все были люди из города. Охотники собрались возле того места, откуда Джо Кивельсон руководил операцией. Мы доели наши сэндвичи и направились к ним. Судя по их голосам, они были настроены крайне резко.

— И не надо никаких глупостей, — говорил один из них, когда мы подошли. — Не надо искать никакой веревки, просто стреляй как только их увидишь.

Да, подумал я, два миллиона солов, потерянных в огне, значили для них не так уж мало. Я сказал что-то в этом роде.

— Это не из-за денег, — сказал мне другой охотник. — Это из-за Тома Кивельсона.

— А что с ним? — с тревогой спросил я.

— Ты разве не слышал? Его обрызгало горящим воском, — сказал охотник. — Вся спина была в огне, я даже не знаю, жив ли он сейчас.

Так вот кто так душераздирающе кричал, когда пожарник сдирал с него горящую одежду. Я пробился вперед к тому месту, где собрались Джо Кивельсон, Мохандос Фрейнберг, Коркскру Финнеган, Оскар Фуджисава и еще дюжина капитанов и старших офицеров.

— Джо, — сказал я. — Мне только что сказали о Томе. Ты узнал что-нибудь.

Джо обернулся.

— А, Уолт. Ну, насколько мы знаем, он жив. Он был жив, когда его доставили в госпиталь.

— Тот, который при космодроме? — я отстегнул ручной телефон и позвонил отцу.

Он слышал о том, что пострадал один человек, но не знал, кто именно. Он сказал, что сейчас же свяжется с госпиталем. Через несколько минут перезвонил.

— Том очень сильно обгорел. Пострадала вся спина. Они готовятся к пересадке тканей. Говорят, что его состояние очень тяжелое, но пять минут назад он был еще жив.

Я поблагодарил отца и повесил трубку. Когда я передал охотникам, что сообщил мне отец, все очень расстроились. Если сестра в госпитале говорит вам, что больной в тяжелом состоянии вместо заученных фраз типа «Все в порядке, как и ожидалось», значит, действительно все очень и очень серьезно. В наше время у того, кто успел добраться до госпиталя, есть шанс выбраться оттуда, но иногда все же пострадавшие умирали в госпитале, это были те самые «тяжелые случаи».

— Ну, здесь мы уже ничего не можем поделать, — глухо сказал Джо.

— Мы можем вышибить мозги тем ублюдкам, что начали этот пожар, — сказал Оскар Фуджисава. — Начнем прямо сейчас...

Оскара, как я уже говорил, больше других впечатлило замечание Биша Вэра о том, что линчевание Равика обойдется охотникам в четыре миллиона солов, но если они сохранят ему жизнь, после расследования, которое займет не один год, им удастся получить свои деньги из банка на Земле. Тут я понял, что с тех пор, как начался пожар, я ни разу не вспомнил о Бише. Я позвонил в редакцию. У отца тоже не было никаких известий от Биша.

— А что сейчас происходит у Зала Охотников? — спросил я.

— Там все тихо. Полиция покинула здание после того, как Холсток реквизирует технику. Они помогали рабочим верфи вывезти краны, а затем отправились к зданию Муниципалитета. Насколько мне известно, и Равик, и Белшер все еще в Зале Охотников. Я держу связь с охранниками на подступах к Залу. Если надо, я их вызову прямо сейчас.

Я передал это охотникам, все согласились.

— Нип Спацони и еще несколько охотников ведут из доков Вооруженных людей. Они устанавливают кордон

вокруг Зала, — сказал Оскар. — Твой отец, возможно, уже слышал, что они занимают позиции.

Отец, конечно же, уже слышал, он также передал, что связался со всеми постами на Первом и Втором Нижних Уровнях, все сообщают, что в Зале Охотников все тихо. Нет связи только с одним джипом на Втором Нижнем Уровне. Это всех встревожило.

— Это тот самый джип, с которого поступило сообщение, что прошел Биш, — сказал Мохандос Фрейберг. — Не случилось ли чего с ними обоими?

— Может, он вышел из джипа, — сказал Джо, — и пошел внутрь за Бишем.

— Странно, почему он не сообщил о своих намерениях, — сказал кто-то.

— Совсем не странно, — возразил я. — Эти приемники не защищены от перехватов. Возможно, он и не думал покидать пост, но раз уж так получилось, у него хватило ума не объявлять об этом по радио.

— Разумно, — сказал Оскар. — Но, что бы ни случилось, мы не сможем ничего предпринять, оставаясь здесь. Пора начинать действовать.

Он отошел в сторону и крикнул:

— «Пеквуд!» «Пеквуд»! Все к оружию!

Остальные капитаны тоже начали отделяться от толпы и расходиться в стороны, выкрикивая названия своих кораблей. Я поспешил к своему джипу и проверил аппаратуру. В большой камере уже оставалось не так много пленки, и я поменял ее на новую, этой хватит еще на пару часов. Я волновался о Томе и ничем не мог ему помочь, волновался и о Бише, и также ничем не мог ему помочь, у меня была работа, которую я должен был выполнять.

То, что сейчас назревало, можно было бы назвать началом первой Гражданской Войны на Фенрисе, хорошо, что я перед этим поменял пленку. Может, через много лет после сегодняшних событий, когда Фенрис займет достойное место в Федерации, этот день будут отмечать также, как День взятия Бастилии, четвертое июля или День Федерации. Может, через пару веков историки назовут меня самым важным источником информации об этих событиях и, если Цезарио прав в выборе религии, может, я буду одним из этих источников и буду ворчать: «Действительно ли этот Бойд такой уж надежный источник? В конце концов ему ведь в то время было только семнадцать лет...»

Наконец после долгих переключек и суеты Повстанческая армия пришла в движение. Мы все поднялись на Главный Городской Уровень и направились вниз по бродвею. Наконец мы дошли до кордонов, расставленных вокруг Зала Охотников. Они состояли в основном из рабочих порта, которые не участвовали в тушении пожара. Кажется, они сняли пушки и пулеметы с половины судов в порту и водрузили их на грузовики или импровизированные баррикады.

Никто, даже Джо Кивельсон, не хотел начинать операцию с массовой атаки Зала Охотников.

— Надо забросать бомбами это гнездо, — сказал он. — Если мы начнем штурм, мы потеряем половину наших людей еще на подходе. Один человек с пулеметом в хорошем укрытии может удержать двести атакующих на пустом месте.

— В Зале может быть Биш, — сказал я.

— Да, — подтвердил Оскар. — Но даже если это отбросить в сторону, нам зачем сжигать дотла дом, построенный на наши деньги.

— А как ты собираешься их взять? — поинтересовался Джо. — Отмени лобовую атаку и у Джо не останется тактических ходов.

— Вы останетесь здесь и будете отвлекать их, немного постреляйте по окнам. Я возьму дюжину человек и спущусь на Второй Нижний Уровень. Если мы ничего не придумаем, тогда мы тащим сюда пару упаковок во-ска и выкурим их оттуда.

Это, пожалуй, будет дороговато стоить, но, если учесть на какую сумму спалил воск Стив Равик, это даже справедливо — дать ему подышать дымом горящего воска. Я сказал, что нам не помешает пароль, если мы не хотим, чтобы нас не пристрелили свои же, неплохо было бы также знать комбинацию волн лодки-разведчика «Пеквуда», с которой Джо и Оскар собирались командовать операцией. Оскар взял десять-двенадцать человек, все сели в грузовик и направились на Второй Нижний Уровень, а я на джипе последовал за ними.

Обычно именно на Втором Нижнем Уровне хранилась вся техника и транспортные средства, теперь же, за исключением кузнечного горна, двух бочек горючесмазочных средств и нескольких листов стали, там практически ничего не было. Я вел свой джип под по-

толком и первым увидел человека, лежащего на листовой стали.

На нем была корабельная одежда, нож и пистолет — при нем. Сначала я подумал, что он мертв. Его осмотрели двое охотников.

— Газовый баллончик, — констатировал один из них.

Это был один из охранников Зала Охотников. Джипа поблизости не было.

Я начал волноваться. Похоже было, что его усыпили с помощью такой же штуки, как моя «зажигалка», на Фенрисе их не так много. Может, кто-нибудь взял баллончик у Биша, а взять его могли только у мертвого, им не нужны пленные.

Мы положили охотника на верстак, свернули мешок и положили ему под голову, и стали подниматься наверх по винтовой лестнице. Я не ожидал никаких неприятностей, но на всякий случай держал руку поближе к пистолету.

Первый Нижний Уровень в основном занимали складские помещения, здесь не было ни души. Поднимаясь еще выше, на Главный Городской Уровень мы услышали звуки автоматных очередей, доносящиеся снаружи. Ответного огня не было слышно. Я отстегнул ручной телефон.

— Мы внутри, — передал я. — Прекратите огонь, мы поднимаемся на автостоянку.

— Ладно. Похоже, на нас никто не обращает внимания, — ответил Джо Кивельсон.

Стрельба стихла. Мы поднялись на стоянку, она была полностью забаррикадирована, здесь было восемь пульметов, но внутри не было ни души.

— Мы поднимаемся, — передал я. Здесь пусто. Похоже, они сбежали.

— Я не уверен, — сказал Оскар. — Может, они все забились внутрь и ждут, когда мы выйдем на пустое место.

Возможно, хотя очень неправдоподобно, подумал я. Эскалатор был отключен, а мы не собирались устраивать никаких гипотетических засад, включая его. Потихоньку мы поднимались наверх, я достал пистолет, чтобы никто не подумал, что я здесь просто дурака валяю, в Общем Зале никого не было, двое из нас обследовали стойку бара — единственное место, где можно было укрыться. Мы стали подниматься на третий этаж.

Зал Собраний был пуст. В служебных комнатах тоже никого не было. Я осмотрел их все, ожидая в одной из них обнаружить тело Биша Вэра, а может, и еще кого. Я видел, как Биш расправился с гусеничной улиткой и не думаю, что он даст просто так пристрелить себя. Сейф в кабинете Равика был открыт, на полу валялись бумаги. Я сказал об этом Оскару, он осмотрел кабинет, после чего совершенно расслабился. Похоже, он и не ожидал здесь кого-нибудь обнаружить. Мы прошли дальше в аппартаменты Стива Равика. Охотники сыпали проклятьями, увидев все то пышное великолепие, которым окружил себя Равик за их счет.

Здесь, как и на верхней стоянке, никаких тел обнаружено не было. Я снова вышел на связь:

— Можете входить, — сказал я. — Здесь никого нет, кроме нас — Бдительных.

— А? — Джо не мог поверить в это. — Как они могли уйти?

— Через Второй Нижний Уровень, — сказал я и поведал Джо о спящем охраннике.

— Хорошо, оставайтесь там, мы идем.

Все собрались в Общем Зале. Два охотника пристроились с пивом возле бара, кто-то пустил по кругу коробку сигар из аппартаментов Равика. Внизу включили эскалатор, около двухсот охотников под предводительством Джо, стали подниматься наверх.

— Готов поспорить, Биша вы здесь тоже не обнаружили, — сказаал Джо.

— Боюсь, он взяли его, как заложника, — сказал Оскар. — Охранника отключили с помощью такого же баллончика, как у Биша.

— Ха! — воскликнул Джо. — Спорим, все было иначе. Их вывел Биш.

Тут началась дискуссия. Пока она продолжалась, я подошел к экрану связи, вызвал «Таймс» и рассказал обо всем отцу.

— Да, — сказал он. — Я так и думал. Несколько минут назад звонил Мюрелл с космодрома. Туда прибыл на машине Морт Холсток. Он слышал, как служащие космодрома говорили о том, что туда также приехали на джипе Равик и Лео Белшер. Они попросили полицию космодрома защитить их, и капитан Кортланд взял их под свою охрану.

Глава 19

МАСКИ СОРВАНЫ

Две или три секунды стояла мертвая тишина. Было бы слышно, если бы чихнул котенок. Потом началось. Сначала нечленораздельный рев, затем членораздельная, но непечатная речь. То, что звучало в этих стенах, когда в новостях передали интервью с Лео Белшером о новых ценах на воск, больше походило на собрание молящихся в сравнении с тем, что я слышал сейчас.

— Повтори, Ральф, — прорывал Оскар Фуджисава. Отец, должно быть, его не услышал. Было видно, что он что-то говорит, но я, как и Оскар, не умел читать по губам. Оскар повернулся к толпе и голосом, мощным как туманный гудок, крикнул:

— Всем заткнуться и слушать!

Те, что стояли поближе к нам, замолчали, остальные продолжали делиться впечатлениями. Оскар направил автомат в потолок и разрядил целую обойму.

— Двустам из вас заткнуться! Слушайте! — скомандовал он и снова повернулся к экрану. — Еще раз, Рафль. — О чем это ты толковал?

— Холсток прибыл на космодром полчасика назад, — сказал отец. — Он купил билет до Земли. Здесь Сигурд Нгоцори, он позвонил в банк, ему сообщили, что Холсток все снял со счета, около трех тысяч солов. Часть взял наличными, остальное чеками Банковского картеля. У Мюрелла есть информация о том, что Биш Вэр, Стив Равик и Лео Белшер прибыли на космодром раньше Холстока, где-то час назад. Он не видел их собственными глазами, но разговаривал со служащими космодрома, которые имели это удовольствие. Теперь Охотники, стоявшие ближе к экрану, окончательно разъярились и вошли в такой раж, что Оскару опять пришлось разрядить в потолок целую обойму.

— Хорошо. Возьмем их на космодроме, — сказал он. — Надо приготовить четыре веревки вместо трех.

— Вам придется пробиваться туда с боем, — сказал мой отец. — «Доки и Верфи Одина» не позволят вам так просто забрать людей с территории космодрома. У них у всех есть билеты на корабль, и Фиеша возьмет их под свою защиту.

— Тогда мы рванесем этот чертов космодром на куски, — крикнул кто-то.

Оскар прикинул, надо ли ему опять тратить обойму для достижения тишины, и решил, что не стоит. Он смог заставить слышать себя не стреляя.

— Мы не собираемся делать ничего подобного. Нам необходим космодром, чтобы выжить. Но мы возьмем Равика, Белшера и Холстока...

— И этого сукина сына Вэра! — добавил Джо Кивельсон.

— И Биша Вэра, — согласился Оскар. — Космодром охраняют только двадцать или тридцать полицейских, у нас же — три-четыре тысячи человек.

Три-четыре тысячи — конечно, только разболтанных охотников — против пятидесяти дисциплинированных, натасканных и хорошо организованных полицейских, в полиции космодрома служили только профессионалы... Я знал их капитана и лейтенантов. Раньше они служили в Регулярной Армии и теперь тренировали своих полицейских, как профессиональных военных.

— Держу пари — Биш все это время работал на Равика, — сказал Джо.

Не очень-то умно, даже для Джо Кивельсона.

— Зачем тогда ему понадобилось сообщать моему отцу, Оскару и Махатме о диверсии на «Явелине»? Это не принесло Равику никакой пользы.

— Я понял, — сказал Оскар. — Он всегда работал только на одного человека, на Биша Вэра. Когда Равик попал в переплет, Биш понял, что на этом можно подзаработать, если помочь Стиву выкарабкаться. Готов поспорить, когда он только здесь появился, у него на уме уже зрело нечто подобное. Вы заметили, ему было известно сколько денег перекачал Стив с Фенриса на свой банковский счет на Земле? Когда же Биш увидел, что одному Равику не выбраться из этой передраги, он понял, что у него может появиться еще один богатый дядюшка.

Я был ошеломлен новостями, услышанными от отца, больше, чем кто-либо другой. Самое страшное, что Оскар мог оказаться прав. Я никогда раньше об этом не думал. Я предполагал, что Биш, возможно, напился в стельку, попал в руки Равика и Белшера, те смогли каким-то образом узнать от него, как расставлены посты вокруг Зала Охотников и т. д.

Потом мне пришло в голову, что Биш решил избавиться Фенрис от Равика так, чтобы и тень вины за распра-

ву над Стивом не могла лечь на плечи охотников. Может, он стал предателем, чтобы спасти нас от самих себя?

Я повернулся к Оскару:

— А что вас так возбуждает? — спросил я. — Вы получили то, что хотели. Ты сам недавно признался, что тебе все равно, что будет с Равиком, лишь бы его не было в Кооперации. Отлично, его уже там нет.

— Я говорил это до пожара, — сказал Оскар. — Тогда мы еще не потеряли в огне воска на два миллиона солов и Том, наполовину обгоревший, не лежал в больнице, и нам не надо было подкидывать вверх монетку — жив он сейчас или нет.

— Да. Я-то думал — ты друг Тома, — упрекнул меня Джо.

Интересно, сколько кожи вырастет на спине у Тома от того, что Равик будет болтаться в петле? Я решил не спрашивать об этом Джо и повернулся к Оскару. Я процитировал ему кусок из «Моби Дика», название корабля Фуджисавы было взято из этой книги:

— Как много бочек китового жира принесет тебе твоя месть, капитан Ахаб? — спросил я. — Даже если ты отомстишь, на нашем рынке ты выручишь немного

Оскар зло посмотрел на меня, хотел что-то сказать, передумал и пожал плечами.

— Я знаю, Уолт, — сказал он. — Но нельзя измерять все бочками китового жира или упаковками воска.

Одно из абсолютно верных и абсолютно ничего не значащих замечаний. Моя работа — получать новости, а не делать их, интересно имеет ли это замечание хоть какое-нибудь значение?

После продолжительного мародерства в аппаратах Равика капитанам наконец удалось рассортировать толпу охотников. Как бы там ни было, кавалеристы прекратили грабить стан врага. Я много раз читал подобные истории в своих учебниках. Обычно, если враг не контратаковал, на худой конец у него было время для отступления. Занявшись делом, охотники собрали все пушки и пулеметы, имеющиеся в наличии в Зале Охотников, погрузили на антигравитационную технику и вывели на улицу. Теперь нас уже было около пяти тысяч человек, многие шли пешком. Вся толпа, марширующая по бродвею, уже гораздо больше походила на армию.

Так как грабеж — занятие недостойное репортера, я забрался в свой джип и первым двинулся вперед, вклю-

чив камеру. Я снимал шествие позади меня — иллюстрированное дополнение к учебнику по истории Фенриса, который издадут лет эдак через сто.

Мы никого не встретили, только на границе космодрома, как раз посередине между полом и потолком, висела боевая антигравитационная машина, две пятидесяти-миллиметровые пушки и ракетная установка были направлены в нашу сторону. На дороге стоял только один человек в оливково-зеленой униформе.

Я знал его, это был Ранит Сингх, второй помощник капитана Кортленда. Вместо каски он носил тюрбан и у него была черная борода, в сравнении с которой белая поросль на подбородке у Джо Кивельсона напоминал цыплячий пушок Тома. На поясе, помимо пистолетов, у Ранита висел кинжал, с которым не расстанется ни один сингх. У него также имелся радиопередатчик, Ранит поднял микрофон ко рту и из громкоговорителя на висящей вверху машине на нас обрушился его голос:

— Отлично. Вы прошли достаточно далеко. Первая машина, которая продвинется на сто ярдов вперед, будет уничтожена.

Один человек и одна боевая машина против пяти тысяч человек, вооруженных двадцатью пушками и ста пулеметами. Он продержится не дольше, чем пинта джина на похоронах. Единственное, что они успеют перед смертью, это превратить в пыль десять-пятнадцать наших машин и уничтожить пару сотен человек.

Толпа отличается от солдат, а наша Повстанческая армия все же оставалась толпой. Людям из толпы не нужна победа ценой собственной жизни, и им не понравится, если их товарищи будут продвигаться вперед по их собственным трупам. Солдаты — другое дело, надевая униформу, они сознают, что возможно наступит такой день, когда им придется встретить смерть в бою, и они были готовы к этому.

Я снял боевую машину и одинокого солдата в тюрбане, тоже неплохая иллюстрация к будущему учебнику истории, и стал медленно продвигаться вперед. Я старался ехать так, чтобы надпись «Таймс» на моем джипе была хорошо видна Раниту, и остановился ровно через сто ярдов. Я опустил джип, вышел из него, снял ремень с пистолетом, повесил его на рычаг управления и пошел вперед.

— Лейтенант Ранит, — сказал я, — я представляю «Таймс», мне необходимо попасть на территорию кос-

модрома по очень важному делу. Мне нужны факты, может быть, если я их получу, эти люди будут удовлетворены.

— Удовлетворимся, да еще как!..— проорал Джо Кивельсон у меня за спиной. — Нам нужны люди, устроившие пожар, во время которого пострадал мой сын!

— Это отец Тома Кивельсона? — спросил меня Сингх и, когда я кивнул, снова взялся за микрофон. — Капитан Кивельсон, ваш сын сейчас находится в нашем госпитале. Его жизнь вне опасности, повторяю, — его жизнь вне опасности. Люди, за которыми вы пришли, взяты под охрану. Если кто-нибудь из них виновен в каком-либо преступлении, и если вы выделите полномочных представителей для разговора с ними, вместо того, чтобы рваться всей толпой на космодром, они могут, я сказал, могут быть возвращены для суда. Но их не заберут отсюда силой до тех пор, пока я или кто-то из моих людей живы.

— Ну, это просто. Мы получим их после, — прокричал Джо Кивельсон.

— Кто-нибудь получит, но не вы, — сказал ему Ранит Сингх. — Ван Стин, уничтожишь эту лодку первой, если со стороны толпы последуют какие-либо действия.

— Есть, сэр. С удовольствием, сэр, — ответил кто-то из машины в воздухе.

Никто из Повстанческой Армии, если она еще оставалась таковой, не смог прокомментировать услышанное. Лейтенант Ранит повернулся в мою сторону.

— Мистер Бойд, — сказал он. Никаких похлопываний по плечу и напоминаний о моем возрасте. Ранит был человек с чувством собственного достоинства и уважал это чувство в других. — Если я разрешу вам пройти на территорию космодрома, вы сообщите этим людям только те факты, которые вам удалось получить?

— Лейтенант, «Таймс» всегда поступает таким образом, — сказал я. — Ну хорошо, почти всегда таким образом.

— Вы поверите тому, что сообщит вам репортер «Таймс»?

— Да, конечно, — это был Оскар Фуджисава.

— Я не поверю, — раздался голос Джо Кивельсона. — Он всегда выгораживает этого старого пьянчугу Биша Вэра.

— Лейтенант, это замечание, как и мое собственное,

я уберу из репортажа, — сказал я. — Вы разрешите капитану Кивельсону пройти со мной? И кому-нибудь еще, — я не сдержался и добавил, — чтобы они подтвердили, что он говорит правду.

Ранит быстро все просчитал в уме. Он не боялся умереть, мне кажется, он бы искренне удивился, если бы кто-то заговорил о страхе. Но сейчас его работа — защита беженцев от разъяренной толпы. Геройская смерть здесь никому не нужна. Если Ранит допустит на космодром маленькую делегацию охотников, это предотвратит бессмысленную атаку на космодром и сохранит не одну жизнь и довольно много боеприпасов.

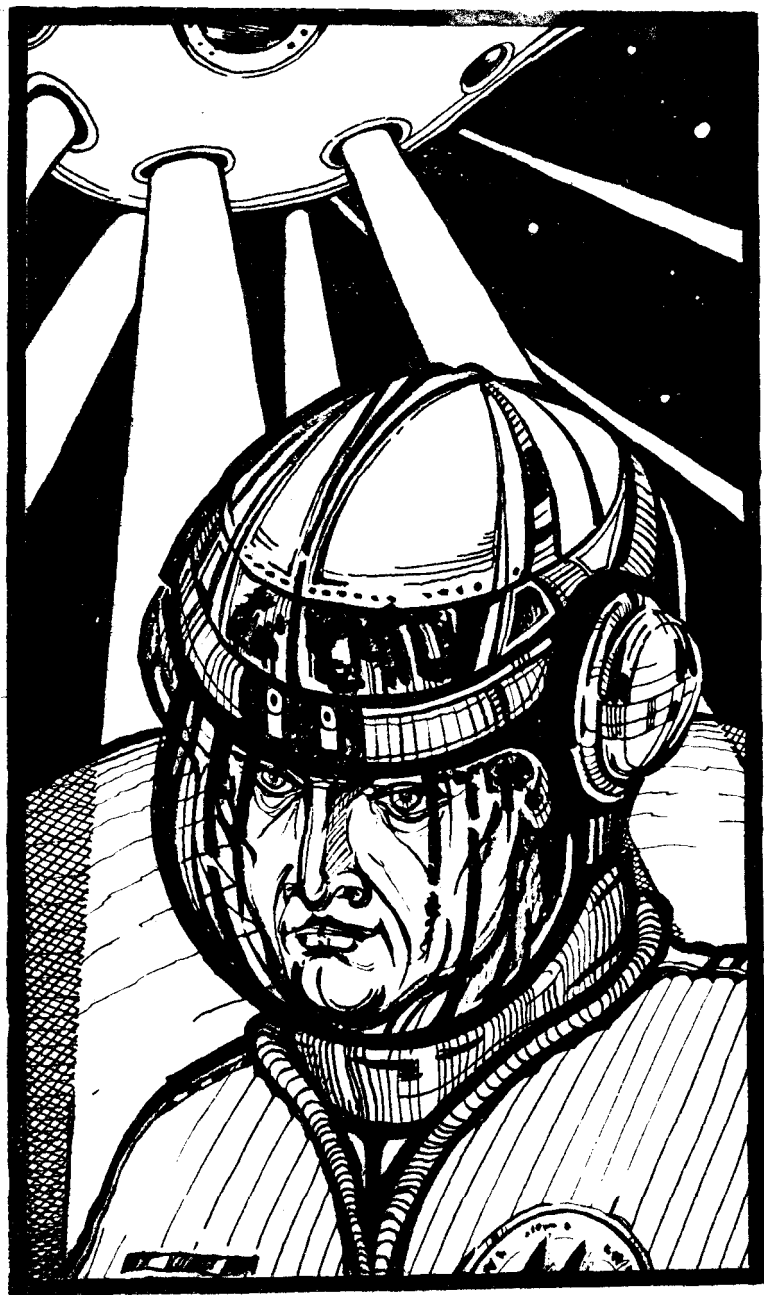
— Хорошо. Можете выбрать пять человек для сопровождения мистера Бойда, — сказал он. — Они не должны брать с собой оружия, могут оставить только то, что носят на ремне.

Религия Сингха не позволяла ему расставаться с кинжалом, но его решение не сделало меня счастливее. Уважение достоинства другого — прекрасное качество для офицера, но как и уважительное отношение репортера к фактам, чувства Ранита могли иногда терять свою добродетельность.

Машины у ворот начали опускаться, из них выскакивали охотники и собирались в кучу. Наконец они выбрали своих делегатов. Это были: Джо Кивельсон, Оскар Фуджисава, Кашмир Огхаурлиан, инженер с завода минеральных удобрений и Реверенд Хайрам Зилкер. Все, даже Зилкер были вооружены пистолетами, увидев это, я вернулся к джипу и взял свой Стерберг. Ранит Сингх отключил свой громкоговоритель и переговорил с кем-то по рации. Через какое-то время в воздухе появился оливково-зеленый лимузин, пилотируемый полицейским в униформе и шляпе. Он приземлился, забрал меня и делегатов и снова поднялся в воздух.

На служебной автостоянке нас встретил лейтенант полиции Крис Хантос, он был вооружен одним пистолетом, который был частью его униформы, вместо каски он носил берет. Переговорив с нами, Крис проводил нас в контору мистера Фиеши.

В служебных помещениях космодрома я был первый раз за последние двадцать часов. Огхаурлиан заглядывал сюда немного реже, остальные и вовсе никогда здесь не были и теперь с благоговением разглядывали сияющие зеркала, дымчатые светильники, толстые ковры и всякие блестящие штучки. Весь Порт Сандор

мог бы смотреться не хуже, подумал я. Мог бы, и наверное, будет, только через некоторое время.

Напротив стола мистера Фиеши полукругом были расставлены кресла. За столом сидело трое: капитан Кортланд, обладатель седых усов и четырех орденских планок на мундире; сам Фиеши, который успел переодеться и помыться с тех пор, как я его видел последний раз; и в центре, на почетном месте — Биш Вэр. Можно было подумать, что он председательствует в церковном суде.

Джо Кивельсон зарычал, как только увидел Биша.

— Вот он, этот грязный предатель... Он предал нас всех, не удивлюсь, если...

Биш посмотрел на Джо, как епископ на мальчика-хориста, оспаривающего доктрины церкви:

— Помолчи! — приказал он. — Я преследовал этого человека, которого вы зовете Равик, до самого Фенри-са, перебрался со всеми ханыгами этого Райского уголка и пять лет играл роль местного пьянчужки не для того, чтобы его у меня забрали и линчевали как раз после того, как я его арестовал. Моих пленников не линчуют.

— Да кто ты такой, черт возьми? — спросил Джо.

— Будьте добры, мистер Фиеши, объясните им, — сказал Биш.

— Мистер Вэр — специальный исполнительный агент Федерации Земли, — сказал Фиеши. — Капитан Кортланд и я знали об этом с самого начала, насколько мне известно, больше никто не был информирован.

После этого можно было бы услышать, как чихает комар.

Агенты Федерации специализировались по многим направлениям — военная разведка, полиция разных сортов, колониальная служба, агенты чартерных компаний. Но специальных агентов у Федерации было меньше, чем обжитых планет. Их ранг неофициально приравнивался к званию генерала армии или космического адмирала, у них были все привилегии членов парламента и подчинялись они только президенту Федерации. Все были наслышаны о специальных исполнительных агентах, но мало кто их видел или хотя бы знал человека, который видел.

И Биш — старина Биш, со всеми «на короткой ноге», — был один из них. А я старался сделать из него человека, пробовал исправить! Я даже думал, что если Биш

бросит пить, из него, возможно, получится хороший частный детектив! Интересно, какой оттенок приобрела моя физиономия? Я начал высматривать хоть какую-нибудь щелку в полу, чтобы незаметно туда просочиться...

Я должен был бы догадаться, что Биш пусть не специальный агент, но уж и не пьянчужка, это точно. Когда он не пил четыре часа и остался таким же пьяным, как и всегда. Именно таким же. А тот случай, когда он между делом подхватил падающую со стойки бара бутылку и поставил на место, ни один пьяный не смог бы этого сделать, алкоголь первым делом влияет на рефлексы. А то, как Биш подстрелил гусеничную улитку! Я видел пьяных, которые метко стреляют, но никто из них не может мгновенно выхватить пистолет из кобуры, тут нужна точная координация. А как он имитировал опьянение в редакции «Таймс»! Опытный актер, играющий давно заученную роль.

Конечно, Биш пил и пил много, но есть люди, чей организм сопротивляется алкоголю лучше, чем у других. Биш был как раз из этого разряда, если для прикрытия ему надо пить, это не значит, что он сопьется. Растягивая выпивку на весь день, Биш никогда не пил больше, чем было необходимо для поддержания образа. Что он пил, когда был в редакции со мной и с отцом? Фруктовую шипучку.

Ну, ладно, я хотя бы смог это осознать после того, как меня ткнули носом. Джо Кивельсон просто стоял с открытым ртом. Реверенд Зилкер тоже не мог закрыть свой, служащий верфи и инженер-химик не сказали ни слова, но явно были выбиты из седла. Оскар Фуджисава приложил все усилия, чтобы не выглядеть удивленным, он был одним из лучших игроков в покер в Порт Сандоре.

— Я так и думал, что это что-то вроде этого, — нагло заявил он. — Но Биш... Простите, мистер Вэр...

— Просто Биш, Оскар.

— Биш, что тебе потребовалось от Равика? — сказал Оскар. — За пять лет Федерация не прислала ни одного специалиста для расследования деятельности Равика в Кооперации.

— Да. Мы разыскиваем его уже очень давно. Пятнадцать лет я занимаюсь этим делом. Можно сказать, я сделал на нем карьеру. Настоящее имя Стива Равика — Антон Геррит.

Может, Биш ожидал, что мы вскочим со стульев и за-

кричим: «А! Знаменитый Антон Геррит! Наконец-то вы его взяли!» Этого не последовало, мы остались сидеть, переглядываясь и стараясь выудить из памяти что-нибудь, связанное с этим именем. Первым достиг успеха в этом деле Джо Кивельсон.

— Мне знакомо это имя, — сказал он. — Что-то связанное с Локи, да?

Да. Так и есть. Опять до меня дошло, когда факты сунули мне под нос.

— Порабощение Локи. Это? — просил я. — Я читал об этом, но, кажется, ничего не слышал о Геррите.

— Это была его работа. Те, кого взяли пятнадцать лет назад, так — мелкая рыбешка. Геррет — фигура номер один. Именно он виновен в порабощении двадцати или тридцати тысяч локианцев, мягких, безвредных, добродетельных людей. Большинство из них погибло на рудниках.

Неудивительно, что специальный исполнительный агент Федерации преследовал Геррета пятнадцать лет. Ты можешь прикончить собственную бабушку, ограбить банк, спалить дотла сиротский приют вместе с сиротами или совершить еще что-нибудь подобное же, но если тебе удалось сбежать с этой планеты, считай, что ты избежал наказания. Конечно, существует такое понятие, как выдача преступников, но кого это волнует, расстояния слишком велики, а связь между планетами осуществляется очень медленно.

Но порабощение — это не просто преступление. Федерация Земли — правительство всех разумных народов и всех рас, оно существует для всех. Конституция Федерации гарантирует всем равные права. Порабощение кого бы то ни было — это удар по основным устоям Федерации. Неудивительно, что они пятнадцать лет охотились за человеком, виновным в порабощении Локи.

— Геррет опередил нас на месяц. Когда мы выследили его на Бэлдуре, он опережал нас уже на год. Он ушел на пять лет вперед, когда мы узнали, что с Бэлдура он отправился на Один. Шесть лет назад, через девять лет после начала охоты, обладая кое-какой информацией, мы решили, что он, сев на корабль, направлявшийся с Одина на Землю, сойдет на одной из маршрутных остановках. Их всего шесть. Мы послали по одному человеку на каждую из шести планет. Этот приз я вытащил из шляпы. Прибыв на Фенрис, я уста-

новил контакт с мистером Фиеши. Оказалось, что человек, похожий на Геррета, прибыл сюда семь лет назад на корабле маршрута Один-Земля и называет себя Стив Равик. Конечно, он не был похож на фотографии Геррета, но то, что он делал косметическую операцию, я понял сразу, когда мне удалось получить отпечатки его пальцев.

Спецагент Вэр достал сигару, по привычке осмотрел ее с пьяной торжественностью и закурил. Потом он обратил внимание на зажигалку и отложил ее в сторону. Я подошел к столу и забрал свое оружие.

— Спасибо, Уолт. Если бы у меня не было этой штуки, вряд ли все прошло бы так гладко. На чем я остановился? Ах, да. Я получил отпечатки пальцев Равика-Геррета, они не совпали с теми, что были у нас в деле. Я послал запрос. Согласно ответу, который я получил через восемнадцать месяцев, Стив Равик был женщиной по имени Эрнестина Койон, которая умерла в госпитале в Париже-на-Бэлдуре четырнадцать лет назад.

— Но это невозможно, — взорвался Реверенд Зилкер.

— Стив Равик никакая не женщина, — сказал Джо.

— А меньше всего та, что умерла четырнадцать лет назад, — согласился Биш, — но отпечатки пальцев принадлежат Койон. Нищенка, умершая в общей палате большого госпиталя. Человек, которому необходимо изменить внешность и отпечатки пальцев, и у которого руки явно не мужских размеров. Плюс ко всему в штате госпиталя нашелся нечистый на руку хирург. Теперь понятно?

— Сейчас они делают то же самое со спиной Тома, — сказал я Джо. — Только нельзя вырастить отпечатки пальцев тем же способом, как ткань для пересадки кожи. Для этого требуются настоящая кожа с ладоней человека. Нищенка умерла в общей палате, после смерти ее тело отправили в какой-нибудь преобразователь энергии, — я на секунду задумался. — Вот откуда этот трюк с тушением сигареты о ладонь.

Биш поощрительно кивнул:

— Совершенно верно. Его ладони были также чувствительны, как подошва ботинка. Я обратил на это внимание. Ну, прошло шесть месяцев, еще два в ожидании рапортов с других планет и еще полгода и так далее, пока не прибыл последний «Пинемюнд» с Земли. Я наконец

получил последнее подтверждение через доктора Вадсона, ты помнишь его.

— Который, как ты предполагал, был в Афганистане, — произнес я, стараясь спасти хоть что-нибудь. Единственный человек, на которого я старался произвести впечатление — Уолт Бойд.

— Ты заметил? Беспечно с моей стороны, — пожурил себя Биш. — Он привез мне рапорт, в котором сообщалось, что хирург, служивший в то время в бэлдурском госпитале, установлен. Он не признает, что имел дело с преступником того или иного рода, но согласен принять участие в опознании, он сейчас направляется на Землю и может опознать по фотографии человека, которого оперировал четырнадцать лет назад. Его свидетельство и отпечатки пальцев Эрнестины Койон помогут установить личность Равика. Простого опознания достаточно, вина Равика доказана давно, а сейчас доказать, что Равик и Геррит — одно лицо не составляет большого труда.

— Почему вы не арестовали его сразу после того, как ты получил подтверждение через приятеля из Афганистана? — поинтересовался я.

— Хороший вопрос. Я сам себя спрашивал об этом, — сказал Биш. — Если бы я его арестовал, не было бы диверсии на «Явелине», не подожгли бы воск и Том бы не пострадал. Я послал своего человека, детектива колониальной полиции на Джимли. Это недалеко, и там имеется в распоряжении по крайней мере два миноносца. Он вернется на одном из них, возьмет Геррета и переправит его на Землю. Он должен прибыть примерно через двести пятьдесят часов. Я подумал, что будет безопаснее оставить на это время Геррета на свободе, здесь ему негде спрятаться. Чего я не понял тогда, так это какую бомбу представлял из себя мистер Мюрелл. Все совершенно изменилось. В конце концов я был поставлен перед выбором — помочь Геррету бежать из Зала Охотников или позволить линчевать его до того, как я успел его арестовать, — он повернулся к Джо Кивельсону. — Так как вы не знали всего этого, я не обижаюсь на все те эпитеты, которыми вы меня наградили...

— Откуда мне было знать... — начал Джо.

— Вот именно. Вы бы слышали, что мне наговорили Геррест и Белшер, насколько я знаю у последнего настоящее имя, когда они вышли из джила, и ребята капитана

Кортланда тут же надели на них наручники. Это шокировало даже такого старого грешника, как я.

Мы еще долго говорили обо всем происшедшем. Бишу удалось проникнуть в Зал Охотников как раз, когда Эл Девис с компаньоном по приказу Равика подожгли воск. Вся банда собиралась бежать из Зала как только поднимется тревога и все отвлекутся на борьбу с огнем. Биш отключил охранника и вывел их через Второй Нижний Уровень, привел их на космодром, где их уже ожидала полиция.

Когда я получил всю возможную информацию, я позвонил в «Таймс». Приемник не выключался все это время. Я был рад, что отец был поражен не меньше меня, узнав кто такой Биш Вэр. Он был не склонен напоминать о затеянной мною компании по исправлению Биша, но я был счастлив, что мне не представилось случая поделиться с ним идеей о детективном агентстве. Это было бы совершенно излишним.

— А что будет с Белшером и Холстоком? — спросил отец.

— Белшера отправят на Землю вместе с Равиком, т. е. Геррстом. В деле о воске он был замешан именно с той стороны и расследование должно происходить там. Биш убежден, что в этом деле замешан кто-то из «Капстад». Холсток — вопрос исключительно местного значения.

— Я об этом и думаю, со всеми этими перелетами мы еще очень долго не сможем поставить «тридцать» под этой историей.

— Ну, мы можем поставить «тридцать» под историей Стива Равика.

Тут меня осенило. История Равика закончилась. История правления рэкетира в Кооперации Охотников закончилась. Но история Антона Геррита — это совсем другое дело. Это новость для всей Федерации — конец пятнадцатилетней охоты на преступника, известного во всей Галактике. И у кого в руках эта история? У единственного репортера — асса Порт Сандора — Уолтера Бойда.

— Да, — сказал я. — История Равика кончилась, но у нас есть еще история Антона Геррета, и я собираюсь заняться ею прямо сейчас.

Тома Кивельсона поместили в отдельную палату госпиталя при космодроме. Когда я вошел, он сидел в кресле весь обложенный пневматическими подушками с подносом с завтраком на коленях. Том был очень бледен и, как мне показалось, сбросил несколько килограммов. Одной рукой он мог двигать совершенно свободно, но они настолько его всего забинтовали, что вторая рука была свободна только до локтя. Том так сконцентрировался на том, что было на подносе, что не поднял головы, когда я вошел, посчитав, что это опять сестра, доктор или кто-нибудь в этом роде.

— Вы дадите мне сигарету и чашку кофе, когда я закончу со всем этим? — спросил он.

— Ну, кофе не знаю, но мои сигареты в твоём распоряжении, — сказал я.

Том поднял голову и присвистнул:

— Уолт! Как ты проник сюда? Я думал до обеда, они точно ко мне никого не пустят.

— Сила прессы, — сказал я. — Блеф, лесть и шантаж. Что они здесь с тобой делают?

— Кошмар. Посмотри, что на завтрак. Я думал, мы были ограничены в еде на Земле Германа Рейха. Как отец?

— С ним все в порядке. Шину сняли, но повязку ему еще придется поносить.

— Счастливчик, может передвигаться на своих двоих и, держу пари, не голодает. Кстати, о еде. Я чувствую себя каннибалом, питающимся искусственным мясом. У меня вся спина — искусственное мясо, — Том набил рот тем, что ему принесли, и, не проглотив, спросил: — Я пропустил повешение Равика?

Я был поражен:

— Никто из персонала тебе ничего не сообщал?

— Ха, они даже не говорят мне точного времени, боясь потревожить.

Я рассказал ему все. Сначала о том, кто был на самом деле Биш Вэр, потом о Стиве Равике. Некоторое время Том сидел с открытым ртом, потом набил его чем-то из тарелки и сказал:

— Продолжай. Как все было?

Я рассказал ему, как Биш провел Геррета и Белшера

через Второй Нижний Уровень и доставил на космодром, где их уже ждали люди Кортланда.

— Геррета отправят на Землю, а оттуда — на Локи. Они хотят, чтобы коренные жители Локи увидели, что грозит землянину, нарушившему закон Земли, продемонстрировать им, что наши законы существуют не только для нашей защиты. Белшера тоже отправят на Землю. Было также собрание капитанов кораблей охотников, они решили забрать воск из Кооперации и продать его Мюреллу, но, тем не менее, все единогласно решили сохранить членов в Кооперации, все понимают, что это необходимо, чтобы вернуть деньги Геррета и Белшера. Оскар Фуджисава и Цезарио Вийера отбывают на «Мысе Канаверэл», чтобы утрясти это дело и подать петицию о переклассификации Фенриса. Оскар вернется следующим кораблем, а Цезарио останется на Земле в качестве представителя Кооперации. Я думаю, там они с Линдой и поженятся.

— Здорово. Они останутся на Земле, ты представляешь, Цезарио, для этого не понадобится отдавать богу душу и перевоплощаться.

Том прикончил свой завтрак, я избавил его от подноса, и поставив его под кресло, отыскал пепельницу, достал свою «зажигалку» и прикурил две сигареты для нас обоих. Том с сомнением наблюдал за тем, как я прикуриваю, видимо, ожидая, что я нажму не на ту кнопку и тут же отключусь на пару часов. Я поведал ему о том, как Биш воспользовался этой штуковиной.

— Готов поспорить до того, как стало известно, кто он такой и что он сделал на самом деле, многие хотели посмотреть, как он болтается в петле. Что мой отец теперь думает о Бише?

— Биш Вэр — великий человек, спаситель Фенриса, — сказал я. — Он непревзойденно играл свою роль все эти годы. Твой отец признает, что Биш смог даже его обвести вокруг пальца.

— Оскар Фуджиава наверняка все знал с самого начала.

— Ну, Оскар честно признал, что он подозревал что-то в этом роде, но он не считал себя вправе вмешиваться в это дело.

Том расхохотался, а потом поинтересовался, собираются ли вздернуть Марта Холстока:

— Надеюсь, они подождут, пока я выберусь отсюда.

— Ты знаешь, представители компании «Доки и вер-

фи Одина» заявили, что он является политическим беженцем. Они выделили нам двух своих бухгалтеров, чтобы те проверили всю финансовую документацию на предмет нарушения закона и, что я узнал! В Порт Сан-доре не существует никакой финансовой документации. Мы даже не имеем права снять с его счета наличность — ты тысячи солов, так как возможно, что он откладывал эти деньги со своей зарплаты в пять тысяч солов в год. Он тоже направляется на Землю на «Мысе Канаверэл».

— Получается, у нас вообще нет правительства!

— А когда оно у нас было?

— Да, но...

— Сейчас оно у нас есть. Временная диктатура. Биш Вэр — диктатор. Фиеши одолжил ему Ранита Сингха и его людей. Первым делом Биш собрал городских полицейских и казначея и отправил их на космодром. Фиеши заставил Холстока приобрести им билеты. Так что никаких неофициальных повешений, это планета теперь подчиняется букве закона.

В палату вошла медсестра. Она не одобрила ни моего присутствия, ни курения Тома.

— Вы еще не завтракали? — спросила она Тома.

Том простодушно посмотрел на нее и сказал:

— Нет, я как раз жду, когда принесут что-нибудь поесть.

— Хорошо, я все сделаю, — сказала сестра. — Я думала, вам уже приносили завтрак.

Она направилась к двери, но потом вернулась, начала суетиться с подушками и обнаружила поднос на полу.

— Так вы все-таки завтракали, — уличила она Тома.

Том с невинным видом посмотрел на нее:

— А, вы имете в виду эти образцы? Да, мне они понравились, можете принести их всех, а заодно ростбиф побольше и пюре. Да, а мороженое будет?

Хорошая попытка, жаль, что не сработало.

— Не волнуйся, Том, — сказал я. — Я попрошу своего адвоката, и он вытащит тебя отсюда, а потом мы отвезем тебя ко мне и миссис Лейден попотчует тебя как надо.

Медсестра презрительно фыркнула, она явно считала, что кем бы ни была миссис Лейден, она ничего не понимает в научно-обоснованных диетах.

Когда я вернулся в редакцию, отец и Юлий завтракали. Они как раз закончили редактировать материалы. Я сообщил Юлию о том, что жизнь Тома Кивельсона, сына капитана Кивельсона, одного из членов экипажа «Явелина», пострадавшего на пожаре, сейчас находится вне всякой опасности. Отец успел поместить это в первый ряд новостей.

А новостей было предостаточно. Миноносец «Саймон Боливар», направляющийся с Джимли на Фенрис за пресловутым Антоном Герретом, вышел из гиперкосмоса и с ним уже было возможно связаться по радио. Отец переговорил с капитаном и детективом Макбрайдом, они поделились с ним последними межпланетными новостями для нашей печати. На Фенрис с «Саймона Боливара» пришла лодка, сам корабль остался на орбите. Детектив Макбрайд, он же доктор Вадсон, собирался остаться на Фенрисе, чтобы восстановить нормальную работу полиции.

В Зале Охотников было обнаружено много доказательств мошеннической деятельности Лео Белшера и Геррета-Равика. Оказалось возможным вернуть существенные суммы с их банковских счетов на Земле. Агент Гонцало Вэр, кажется, фамилия у него была настоящая, но то, что стояло перед ней, менялось время от времени, обнародовал несколько дополнительных правил и указов. Большинство головорезов, которые должны были держать под контролем Кооперацию, были осуждены за бродяжничество и отправлены на работы по уборке города. В барах на побережье было много шума, преданная паства Биша была потрясена, когда узнала, кем оказался ее епископ.

Было много планов о регистрации избирателей, организации выборов, местная фирма получила заказ на изготовление машин для голосования. Не думаю, что на Фенрисе когда-нибудь были подобные машины.

— Командир «Боливара» пообещал, что возьмет твой материал на Землю и проследит за тем, чтобы он попал в Межпланетные Новости, — сказал мне отец, когда мы готовили материал к передаче. — «Боливар» достигнет Земли на двести часов раньше «Мыса Канаверэл». Межпланетные Новости будут рады получить твой материал, им редко удастся получить подобные истории первыми, а это большая история.

— Я не имею права на исключительное авторство, — сказал я. — Ты проработал над этим не меньше меня.

— Нет, — возразил отец. — Я знаю, что делаю.

Закончив работу, я вспомнил, что после завтрака ничего не ел и пошел вниз к холодильнику. Отец присоединился ко мне и, пока я сочинял что-нибудь перекусить, набил заново свою трубку, налил себе чашку кофе, сел к столу и закурил.

— Ты знаешь, Уолт, я много думал последнее время, — начал он.

О-о! подумал я. Когда отец начинает разговор подобным образом, всем надо готовиться к немедленному погружению.

— Нам всем пришлось много думать последнее время, — согласился я.

— Да. Ты знаешь, меня хотят избрать мэром Порт Сандора.

Я молча кивнул и дожевывал бутерброд. Что ж, это было очень разумно. Отец честный, скрупулезный, щепетильный человек, он чувствует настроение людей, иногда даже слишком. Его способности не вызывают сомнений. Существует определенный антагонизм между охотниками, работниками порта и городскими служащими. Отца уважают и ему доверяют все три стороны.

— Ты возьмешься за это? — спросил я.

— Предполагаю, что я буду обязан, если меня действительно захотят избрать.

Да, это прибавит мне работы. Отец, конечно, будучи мэром, сможет уделять «Таймс» определенное внимание, но не так, как сейчас.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил я.

— Это то, о чем ты думал, — сказал он. — Я долго об этом думал, практически с тех пор, как здесь все стало меняться. Я думаю, тебе надо еще поучиться.

Это меня рассмешило.

— Что? Обратно к Хартсенбоху? — спросил я. — Теперь я могу поучить его большему, чем он меня.

— Сомневаюсь, Уолт. Может, профессор и девица в брюках, но он очень образованный человек. Но я и не думал об этом. Я думал о том, что тебе надо получить образование на Земле.

— Что? — на секунду я забыл о еде. — Давай не будем дурачиться.

— Я не шучу. Это слишком серьезно.

— Ну хорошо. Подумай еще разок, отец. Образование на Земле стоит денег, денег стоит и дорога до Земли.

— У нас есть немного денег. Может, даже больше, чем ты думаешь, Уолт. Если дела пойдут лучше, мы сможем получить больше заказов на рекламу. Ты неплохо зарабатываешь на своем последнем материале, который я отошлю с «Боливаром», но это безусловно не все. Фенрис еще долго будет упоминаться в новостях. Именно поэтому я настоял на твоём исключительном авторстве, — трубка у отца потухла, и он в тишине набил ее заново и закурил. — Все деньги, что я потрачу на твоё образование, хорошее вложение капитала. «Таймс» вернет деньги обратно.

— Хорошо, но есть и другая проблема. Что будет с «Таймс»? Если ты станешь мэром, тебе не удастся делать для редакции то, что ты делал раньше, да еще выполнять мою работу.

— Ну, может, тебя шокирует эта идея, но мы можем взять кого-нибудь на твоё место.

— Назови хоть одно имя, — вызывающе сказал я.

— Ну Лилиан Арназ, из библиотеки, она всегда интересовалась журналистской работой, — начал отец.

— Девчонка! — крикнул я. — Ты хоть представляешь, в каких местах мне приходится бывать, чтобы сделать всего один репортаж.

— Да, мне всегда не нравилась эта необходимость. Но сейчас многие из них закрываются, а другие изменяют свой образ. И потом, она будет не единственным репортером. Не хотелось бы тебя захваливать, но ты делал в редакции работу, которую обычно выполняют, как минимум, три человека. Когда вернешься с Земли, ты найдешь здесь солидную команду репортеров.

— А кем же буду я? — поинтересовался я.

— Редактором, — сказал отец. — Я уйду в отставку и посвящу себя политике. Если Фенрис будет развиваться, как я предполагаю, «Таймс» потребуются редактор с хорошим образованием.

Я продолжал есть, это извиняло мое молчание. Отец был прав, я понимал это. Но учеба на Земле... это займет как минимум четыре года, может, пять, и еще год на дорогу в оба конца.

— Уолт, это не обязательно решать сию секунду, — сказал отец. — Ты не отправляешься на Землю с Равиком и Белшером. Да, кстати, ты говорил с Бишем? Ему

будет неприятно, если ты не сможешь с ним попроситься.

Если честно, я избегал Биша, и не потому, что знал, как он сейчас занят. Моя физиономия пылала, как горящий воск монстров, каждый раз, когда я вспоминал о том, как собирался сделать из Биша человека, я даже не знал, что ему сказать при встрече. Теперь он был для меня совершенно другим, будто тот старина Биш, которого я знал и любил несмотря ни на что, умер, а его место занял незнакомец.

Но все-таки я пошел в Муниципалитет. Здание смотрелось по-новому. Стены выскребли, на полу не было ни одного окурка, стадо прихлебателей и лентяев выгнали, некоторых посадили в тюрьму и направили на работы. Я заглянул в пару кабинетов, везде люди занимались делом. На службе оставили несколько старых полицейских, но теперь они были в вычищенной и выглаженной форме, все гладко выбриты, мне показалось, что двум или даже трем из них нравится выглядеть подобным образом.

Девушка, занимающая место секретаря мэра Порт Сандора, сказала мне, что Биш сейчас принимает делегацию торговцев с окраин города. Они, кажется, одобряют реформы, но, по их мнению, они охватили только несколько кварталов в центре Порт Сандора. Они протестуют против новых санитарных правил. Потом секретарь позвонила Бишу и сообщила мне, что он сможет принять меня через несколько минут. Я услышал, как торговцы уходят через другую дверь кабинета, один из них говорил:

— Да, это как раз то, о чем мы мечтали. Теперь, когда это получилось, кажется, тяжеловато. Что ж, надо привыкать.

Когда я вошел, Биш встал из-за стола, и мы пожали друг другу руки. Он выглядел также, как Биш, которого я знал, костюм был тот же.

— Рад, что ты заскочил, Уолт. Присаживайся. Как дела в «Таймс»?

— Думаю, ты в курсе. Задал ты нам работенку.

— Да, еще очень много чего надо сделать, а времени катастрофически мало. Кажется, я это уже где-то слышал.

— Ты возвращаешься на Землю на «Саймоне Боливаре»?

— Что ты! Аллах запрещает! Однажды я путешест-

вовал на миноносце, поверь, одного раза достаточно на всю оставшуюся жизнь. Думаю, я не смогу улететь и на «Мысе Канаверэл», воспользуюсь «Пинемюндом», когда он будет проходить через Фенрис. Хорошо, что Макбрайд, он же доктор Вадсон, решил остановиться здесь, это большая помощь. Не знаю, что бы я делал без Ранита Сингха.

— Но этого не будет, пока «Мыс Канаверэл» не вернется с Земли.

— Да. Поэтому я жду. Не для публикаций, Уолт, я не хочу распускать преждевременные слухи, за которыми может последовать разочарование, но я рекомендовал незамедлительно произвести переклассификацию Фенриса в планету третьего класса и, возможно, на «Мысе Канаверэл» прибудет человек из Колониальной Службы. Постоянный представитель, я надеюсь.

— Видел сегодня утром Тома Кивельсона, — сказал я. — Кажется, он очень быстро идет на поправку.

— Кто-нибудь из персонала говорил с тобой?

Я покачал головой, Биш выругался.

— Хотел бы я, чтобы военная разведка была на таком уровне, — сказал он. — Том очень серьезно пострадал. Он, конечно, не будет калекой или что-нибудь в этом роде, но я сомневаюсь, что он сможет когда-нибудь вернуться к работе на корабле-охотнике.

— Ему придется начать новую жизнь, Джо собирает-ся послать его учиться на Землю. Джо считает, что это его собственная идея, на самом деле это я ему предложил.

— Отец тоже хочет отправить меня учиться на Землю.

— Отлично. Прекрасная идея. Том отправляется со мной на «Пинемюнде», почему бы тебе не присоединиться к нам?

— Это было бы здорово, Биш, но я просто не могу.

— Почему нет?

— Если отец согласится, его изберут мэром Порт Сандора. Он не сможет совмещать эти две работы.

— У него и там и там будут помощники.

— Да, но... Понимаешь, учеба займет несколько лет, а я не могу жертвовать временем. Не сейчас.

— Шесть лет. У тебя будет время в пути, чтобы поднатыскаться к экзаменам, сейчас не нужны никакие бумаги, их интересуют только твои знания. Отучишься че-

тыре года в колледже, год в аспирантуре и получишь образование, которое тебе необходимо.

— Но, Биш, я могу его получить и здесь, в библиотеке, — сказал я. У нас есть микрофильмы со всеми книгами от начала веков.

— Да, и ты состаришься, не дочитав одной четвертой одного банка фильмов. Ты знаешь, какие книги нужны для твоего образования, а о каких не стоит беспокоиться? Или какие надо читать в первую очередь, чтобы ты смог понять следующее? Это то, что тебе смогут дать на Земле. Инструменты, необходимые для самообразования, сейчас у тебя их нет.

Я обдумал все, что сказал Биш. Конечно, это разумно. Я не раз сталкивался с проблемами, о которых говорил Биш, стараясь получить нужную мне информацию, я читал книги, зачастую дублирующие друг друга, иногда было трудно понять содержание, так как до этого не прочел нужной книги. Конечно, Биш прав, нет никаких сомнений. Но шесть лет! Я сказал это вслух и добавил:

— Я не могу терять время, мне нужно заниматься делом.

— Ты будешь заниматься делом, и будешь делать его лучше, потратив эти шесть лет. Тебе еще нет восемнадцати, шесть лет — это треть всей твоей прошедшей жизни. Неудивительно, что тебе кажется, что это очень долго. Ты неправильно рассуждаешь, попробуй соотнести этот срок с тем, что у тебя впереди, и ты увидишь, что это очень мало, у тебя впереди как минимум шестьдесят лет, шесть лет учебы — это одна десятая того, что в твоём распоряжении. Мне было пятьдесят, когда я прибыл на эту планету — «Ошибку Создателя». Скажем, впереди у меня было двадцать лет, я провел одну четвертую этого времени, изображая здесь никчемного пьяницу. Это мне надо было бы торопиться и стенать о потерянном времени, а не тебе. Мне следовало бы послать эту планету как можно дальше, подняться на борт «Боливара» и отправиться...

— Ты знаешь, я думал, тебе нравится Фенрис.

— Нет. Если бы я был пьющим, эта планета сделала бы из меня алкоголика. Когда ты вернешься обратно, тебе будет всего двадцать четыре года, впереди вся жизнь, а в твоей голове будет масса полезных вещей, которые помогут тебе получить от жизни очень многое.

На космодроме нас с Бишем и Томом провожала огромная толпа людей. Собрались они, конечно, в основном из-за Биша. Если по возвращении с Земли я не найду здесь памятника Бишу, значит, на этой планете нет места благодарности. За вечер до этого был устроен большой банкет и мне показалось, что Биш был немного пьян, хотя никто не может быть уверен, может, это просто последствия его бывшей роли. Теперь все столпились вокруг нас в большой гостиной «Пинемюнда». Был Джо Кивельсон с женой, пришли также мой отец, Юлий и миссис Лейден, которая теперь очень тепло относилась к Бишу и принесла с собой какую-то коробочку для нас, которую мы можем открыть только после выхода в гиперкосмос. Пришла Лириан Арназ, мы договорились обмениваться пленками, я пришлю ей записи с советами, необходимыми для работы, она будет присылать мне последние новости из «Таймс». Глен Мюрелл совсем недавно открыл свой офис и теперь ворчал что-то о том, что на «Мысе Канаверэл» прибыл человек из «Интерстеллар Импорт-Экспорт» и, если конкуренция станет жестче, он будет вынужден повышать закупочную цену на воск до одного сола за фунт. Пришла вся команда «Явелина», с которой мы провели немало приятных минут на Земле Германа Рейха и «ветераны гражданской войны», все, кроме Оскара и Цезарю, которые встретят нас уже на Земле.

Интересно, что это за планета, где становится темно, когда ты ложишься спать, светлеет, когда встаешь и все время можно находиться на поверхности? Интересно, как мне понравится колледж? Наверное, я встречу там людей со всей Федерации и узнаю много историй об их родных планетах.

Смогу ли я получить нужное мне образование? Впереди много лет, мне даже не представить, как это много, работа в редакции «Таймс»... смогу ли я узнать все необходимое для этой работы? Меня не оставляла идея об искусственном воске. Когда-нибудь нам придется заняться этой проблемой. Спрос на воск растет, а мы даже не знаем, как долго сможем удовлетворять его. Мы знаем, с какой скоростью мы уничтожаем монстров, но не знаем, как быстро они вырастают. Надо переговорить об этом с Томом, может, вдвоем мы здесь чего-нибудь достигнем или хотя бы заложим основу для тех, кто будет заниматься этой проблемой.

Провожаящие покинули корабль, и мы вдвоем оста-

лись в гостиной «Пинемюнда». В этом месте история началась, здесь она и закончилась. Биш говорит, что ни одна история не имеет конца. Он не прав. Истории умирают, и нет ничего более мертвого, чем устаревшая история. Но перед смертью они высиживают яйца, и из некоторых из них на свет появляются большие истории. Что произошло после того, как корабль в пылающем предзакатном зареве покинул Фенрис — это совсем другая история.

Я же рассказал историю о том, как охотники добились организации честной Кооперации, на Фенресе появилось достойное правительство, а Биш Вэр арестовал работорговца Антона Геррита.

К о н е ц

Гордон Р. ДИКСОН

ПРИРОЖДЕННЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Фантастический роман

Перевод с английского

ПРЕДИСЛОВИЕ

МОМЕНТЫ ИСТИНЫ ПОКРОВИТЕЛЯ ГАЛАКТИКИ

Донал Грин родился на Дорсае, маленькой планете, которая славилась хорошо обученными и бесстрашными солдатами-наемниками и которые были главным предметом экспорта. Ко дню совершеннолетия он был готов пуститься в путь к иным мирам и там создать себе имя. Но он задержался на мгновение, раздумывая над необычной, почти сверхъестественной силой, которая вела его к неизвестной судьбе.

Через шесть лет отчаянных подвигов Донал вновь ощутил эту неподдающуюся объяснению силу.

Но его время прошло. Великие миры обширной Галактики вели свою планетарную политику и теперь лагеря для военных были на краю фантастической и окончательной расплаты. И внезапно Донал узнал свою судьбу. Ибо он был среди звезд единственным человеком, который мог остановить механизм самоубийственной судьбы. Но чтобы сделать это, он должен был преодолеть невероятное и победить непобедимое.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Донал Грин с Дорсая. Его удивительная судьба заключалась в том, чтобы оказаться лицом к лицу с самим собой.

Уильям с Сеты. То, что составляло его величие, одновременно сделало его угрозой всему живущему.

Анна Марлевана, избранная из Культиса. Ей суждено было стать тигрицей для целей человеколюбия.

Хендрик Галт, маршал Фриленда. Известный во всей Галактике, он явился к юному выскочке за советом.

Ар-Делл Контор с Нептуна. Заключив договор с дьяволом, он увидел спасительный пункт договора в бутылке.

Ли. Он сделал себя верным последователем истинного лидера.

Часть первая

КАДЕТ

Юноша был странным. Он хорошо знал это. Много раз он слышал, как старшие — мать, отец, дядя, офицеры в Академии — говорили об этом друг с другом, многозначительно покачивая головами. Он успел привыкнуть к этим разговорам за короткие восемнадцать лет жизни. Теперь, уединившись и миновав пустые взлетные поля в долгих желтоватых сумерках, перед ожидавшим его торжеством по случаю окончания Академии, перед возвращением домой, он вынужден был признать собственную странность — и не только в глазах других, но и в собственном мнении.

«Странный парень, — услышал он однажды в разговоре начальника Академии с преподавателем математики, — никогда не знаешь, чего от него ждать...».

Возвращаясь домой, к семье, он по-прежнему не знал пути, который выберет. Они, наверное, наполовину убеждены в том, что он выберет отказ от Ухода. Почему? Он никогда не давал им повода для сомнений. Он был дорсайцем, с планеты Дорсай, его мать была из семьи Кенвик, а отец — Грин. Обе эти фамилии были так стары, что их происхождение терялось в предыстории материнской планеты. Храбрость его была несомненной, слово — верным. Донал лучше всех занимался в своем классе. Каждая капля его крови, каждая его кость были наследием долгой линии профессиональных военных. Ни разу пятно бесчестия не касалось их семьи и никто не совершал поступка, которого пришлось бы стыдиться. И тем не менее они все-таки сомневались.

Донал подошел к ограде, окружавшей спортивную площадку с прыжковыми ямами, и облокотился на нее: плащ кадета старшего курса свисал с его плеч. В чем же проявляется эта моя странность — размышлял он в ярком свете заходящего солнца. Чем я отличаюсь от других?

Он попытался посмотреть на себя со стороны. Стройный юноша восемнадцати лет, по дорсайским стандартам высокий, но не гигант, сильный, но средней силы. Лицо его было лицом отца, резким и костлявым, с прямым носом, но без отцовской массивности в костях. Кожа была смуглой, как и у всех дорсайцев, а волосы прямые и черные. Только глаза неопределенного цвета, оттенки которого менялись от серого к зеленому, от зеленого к голубому, и отличали его от других членов семьи. Но разве цвет глаз сам по себе может создать репутацию странности?

Оставался характер. Он в полной мере унаследовал склонность к приступам холодной убийственной ярости, так характерным для дорсайцев, приступам, из-за которых ни один здравомыслящий человек не стал бы задевать дорсайца без достаточно уважительной причины. Но это как раз было общей особенностью дорсайцев, а уж если и сами дорсайцы считали Донала Грина странным, значит, была у него какая-то индивидуальная особенность.

Возможно, рассуждал Донал в косых лучах опускающегося солнца, это было то, что он даже в приступах ярости оставался расчетливым, всегда сохранял контроль над собой. И в этот момент вся его странность, вся его необычность обрушилась на него — он почувствовал таинственное освобождение от телесной оболочки; такое уже случалось с ним с самого рождения.

Это происходило всегда, когда плечи его сгибались от усталости или какого-нибудь сильного чувства. Он вспомнил, как это случилось с ним на службе в церкви Академии, когда он был утомлен долгим днем, заполненным тяжелыми упражнениями и напряженными занятиями, и когда он почти терял сознание от голода. Тогда, также как и теперь, косые лучи опускающегося солнца падали сквозь большие окна на полированные стены с изображениями фрагментов известных битв. Он стоял в строю своих товарищей, между рядами твердых низких скамей — впереди младшие кадеты, позади офицеры — и слушал глубокие торжественные ноты службы.

Внезапно холод пробежал по его спине. Его полностью охватили какие-то чары. Далеко от него красные лучи умирающего дня заливали светом равнину. В небе черной точкой кружил ястреб. И сейчас, стоя у ограды, он почувствовал ту же стену, незримо отделявшую его

от мира. Населенные миры и их солнца возникли перед его мысленным взором. Донал слышал трубу, зовущую его к выполнению какой-то задачи, важнее которой нет ничего на свете. Он стоял на краю обрыва, и волны неизвестного лизали его ноги, и, как всегда, он хотел шагнуть вперед, в неведомое, но маленькая частица его самого удержала его от этого самоубийства и толкнула назад.

Затем, внезапно, — это всегда происходило внезапно — действие чар прекратилось и Донал вернулся в обычный мир.

МУЖЧИНА

Мужчины из семейства Ичана Кана сидели за длинным столом в большой затемненной комнате. Женщины и дети по традиции уже покинули места за столом, а мужчины остались выпить и поговорить. Однако присутствовали не все, но если бы за столом собрались все мужчины семейства, это было бы настоящим чудом. Из шестнадцати взрослых мужчин девять несли службу среди звезд, один лежал в госпитале на Форейли после хирургической операции, а самый старший, двоюродный дед Донала — Камал, лежал при смерти в собственной комнате с кислородной подушкой у носа со слабым запахом сирени, который напоминал ему его жену с Кары, уже сорок лет как покойную. За столом сидело пятеро мужчин, и одним из них, начиная с сегодняшнего дня, был Донал.

Остальными, пришедшими поздравить его с совершеннолетием, были: Ичан — его отец, Мор — его старший брат, находящийся в отпуске и прилетевший с Содружество, его дяди-близнецы Ян и Кейси. Они сидели у конца стола во главе с Ичаном, слева — два младших брата.

— В мое время там были хорошие офицеры, — говорил Ичан. Он наклонился, чтобы наполнить стакан Донала, и тот машинально протянул его, внимательно слушая отца.

— Все фрилендеры, — сказал Ян, наиболее мрачный из близнецов, — склонны устанавливать жесткую дисциплину, и почти никто не осмеливается нарушить ее...

— Я слышал, что их теперь много на Дорсасе, — сказал Кор, сидевший справа от Донала.

Слева ему ответил глубокий голос Ичана:

— Они набирают гвардейцев. Я знаю об этом. Сэйона из Культиса хотел бы иметь образцовых телохранителей, но они окажутся совсем не готовыми к настоящей войне среди звезд.

— А тем временем, — подхватил Кейси с улыбкой, внезапно осветившей его темное лицо, — ничего не происходит. В мирное время солдаты ходят недовольные. Войска разошлись на маленькие группы, и всем в качестве украшения нужны дорсайцы.

— Верно, — подтвердил Ичан, кивнув головой.

Донал рассеянно хлебнул из стакана, и разведенное виски обожгло ему кончик языка и горло. На лбу у него выступили капли пота, однако он не обратил на это никакого внимания, задумавшись над тем, что услышал. Ведь все это говорилось ради него, и он прекрасно понимал это. Теперь он мужчина, и никто больше не будет ему указывать, что и как нужно делать. Где служить, он выберет сам, а родственники могли лишь помочь ему своими знаниями, своим опытом сделать этот выбор правильным.

— ...мне никогда не нравилась гарнизонная служба, — продолжал между тем Ичан. — Работа наемника — тренироваться, содержать в исправности оружие и воевать тоже не всем нравится, даже на Дорсае. Но ведь не все на Дорсае Грины.

— Содружество сейчас... — начал было Мор и остановился, взглянув на отца: ему показалось, что он перебил его.

— Продолжай, — сказал Ичан, кивнув.

— Я только хотел сказать, что может найтись работа. Я слышал, что секты Ассоциации вступили в конфликт с Гармонией и там нужны телохранители.

— Они с радостью берут дорсайцев в личные телохранители, — сказал Ян, который, будучи немного старше Мора, не боялся показаться невежливым, — однако, это работа не для настоящего солдата.

— Искусство войны — чистое искусство, — сказал Ичан со своего места во главе стола. — Я никогда не доверял людям, любящим кровь, деньги и женщин.

— Женщины хороши на Маре и Культисе, — заметил Мор.

— Согласен, — весело подхватил Кейси. — Но все равно когда-то нужно возвращаться домой.

— Не всем удается это, — угрюмо сказал Ичан. —

Я сам дорсаец, я — Грин, но если бы наша маленькая планета нашла другой предмет для экспорта в чужие миры, а не кровь своих лучших сынов, я был бы доволен.

— Но разве ты сам остался, Ичан, — сказал Мор, — когда ты был молод и у тебя были обе ноги?

— Нет, Мор, — тяжело ответил Ичан. — Но есть и другие занятия, кроме войны, даже для дорсайца. — Он посмотрел на своего старшего сына. — Когда наши предки сто пятьдесят лет назад заселяли эту планету, они делали это вовсе не для того, чтобы производить солдат для восьми Систем. Они лишь хотели найти планету, где никто не мог распоряжаться судьбой другого человека без его согласия.

— И наша планета такова, — сурово сказал Ян.

— Да, она такова, — подтвердил Ичан. — Дорсай — свободная планета, где каждый человек может делать все, что хочет, если он не нарушает при этом прав других людей. Ни одна Система не может в этом сравниться с нами. Но цена, цена... — он покачал головой и вновь наполнил стакан.

— Это слишком тяжелый разговор для парня, который впервые отправляется из дома, — сказал Кейси. — В жизни есть достаточно прекрасного, даже в теперешней. Но, к сожалению, нам приходится воевать не ради удовольствия. Чем еще мы можем торговать? У нас есть только орехи и немного зерна. А возьмите, например, богатые новые миры, — Сету и Тау Кита, или еще более богатые старые планеты типа Фриленда или Нептуна, и, наконец, старушку Венеру. У них есть причины для беспокойства. Они готовы друг другу горло перерезать из-за лучших ученых, лучших специалистов, лучших медиков. Значит, больше работы для нас, и это хорошо.

— И все-таки Ичан прав, — пробормотал на это Ян. — Все они мечтают собрать наших людей в кучу и потом угрожать ею, как дубиной, остальным мирам. — Он наклонился над столом к Ичану, и в неярком свете столовой Донал увидел белый шрам, извивающийся по плечу, как змея, и исчезающий в пустоте рукава его куртки. — От этой опасности мы никогда не освободимся.

— Кстати, об Экзотике, — вежливо сказал Мор.

— Да, да, — ответил Кейси.

— Мара и Культис — интересные миры. Но не заблуждайся в их оценке, Донал. Они жестоки, несмотря на все их искусство, роскошь и украшения. Сами они воевать

не хотят, однако знают, как нужно нанимать солдат. Они многого достигли, и не только в искусстве. Я знавал когда-то одного из их ученых.

— Они честны, — сказал Ичан.

— Верно, — согласился Кейси. — Но это совсем другой мир. Если бы я родился на другой планете...

— А я бы все равно стал солдатом, — сказал Мор.

— Это ты теперь так думаешь, — ответил Кейси и глотнул из стакана. — Теперь ты думаешь так. Но сейчас, в год 2403, существует дикая цивилизация, расколовшаяся на дюжину различных культур, идущих разными путями, а всего пятьсот лет назад обыкновенный человек даже и не мечтал покинуть Землю. И чем дальше мы идем, тем дальше мы отходим друг от друга.

— Но ведь венерианская группа впереди всех? — спросил Донал; его юношеская сдержанность исчезла в огне неразбавленного виски.

— Не думай так, — ответил Кейси, — единственная дорога в будущее — наука. Старая Венера, старый Марс, даже Нептун — их дни сочтены. Блейн — богатый и влиятельный старик, но и он не знает всех тех изобретений и усовершенствований, что были сделаны на Марсе, Культисе, Содружестве и Сете. Никогда ничего не предпринимайте с первого взгляда, молодые, обязательно бросьте второй взгляд, особенно когда будете среди звезд: в девяти случаях из десяти первый взгляд приводит к ошибке.

— Слушайте его, мальчики, — сказал Ичан, добавив: — Ваш дядя Кейси мудр. Мне тоже хотелось бы дать вам такие же хорошие советы. Продолжай, Кейси.

— В мире ничто не остается постоянным, — сказал Кейси, и в этот момент виски ударило Доналу в голову: стол и темные, худощавые лица погрузились в полутьму, а голос Кейси долетал как бы издалека. — Все меняется, и мы должны постоянно иметь это в виду. То, что было справедливо вчера, завтра может оказаться неверным. Помните это и никогда не воспринимайте ничьи слова, даже мои, на веру, предварительно не проверив их. Мы размножились, как библейская саранча, и расселились среди звезд, разбившись на множество групп и идя каждый своим путем. Мы стремимся вперед, но куда? Мы все ускоряем свой бег, но что ждет нас впереди? У меня такое чувство, что мы стоим в преддверии чего-то огромного, отлич-

ного от прошлого, и, может быть, ужасного. Сейчас, как никогда, нужна осторожность.

— Я стану величайшим полководцем, — неожиданно воскликнул Донал, не в силах удержать громкие, но бессвязные слова. — Я покажу им! Они все увидят, каким может быть настоящий дорсаец!

Ему показалось, что все повернулись к нему, хотя лица их превратились в смутные пятна, кроме лица Кейси, которое по какому-то странному капризу было очень хорошо видно ему. Кейси глядел на него печальными, все понимающими глазами. Донал почувствовал на плече руку отца.

— Все, пора, — сказал отец.

— Вы увидите... — начал было Донал. Но все уже встали и, подняв стаканы, повернулись к Ичану, который подал Доналу его стакан.

— Чтоб мы все встретились вновь, — сказал отец.

Они выпили стоя.

Остатки виски, безвкусные как вода, прошли по языку и горлу, и на мгновение все прояснилось, Донал вновь увидел стоящих рядом с ним высоких мужчин. Они были высокими даже по дорсайским меркам: его брат Мор был выше Донала на полголовы, хотя и стоял среди остальных как подросток. И тут Донал почувствовал к ним огромную жалость и нежность, как если бы он был взрослым, а они — детьми, нуждающимися в его защите. Он было открыл рот, собираясь сказать как он их любит и как всегда будет заботиться о них, но тут туман сомкнулся вокруг него и Донал смутно почувствовал, что его ведут в комнату.

НАЕМНИК-1

Расправив плечи под узким гражданским пиджаком, Донал посмотрел на себя в зеркале, висевшем на стене его маленькой комнаты и увидел нечто незнакомое. Три морские недели весьма сильно изменили его. Не то, чтобы он изменился — изменилась его самооценка. Он не узнавал не только свой костюм — куртку испанского стиля, узкую рубашку и узкие брюки, заправленные в сапоги, такого же черного цвета, как и весь костюм — не узнавал он и свое тело. К такой переоценке привели его встречи с обитателями других миров. Относительно низкий их рост сделал его высоким, их мягкость сделала его

жестким, а их нетренированные тела заставили его ощутить силу и уверенность в себе.

Направляясь с Дорсая к Арктуру в окружении других пассажиров-дорсайцев, Донал не замечал этого постепенного изменения. Только в обширном космическом вокзале Нептуна, окруженный шумными толпами, он ощутил эту перемену, и теперь, пересев на другой корабль и приближаясь к Содружеству, он оказался на огромном лайнере, где, вероятно, кроме него не было ни одного дорсайца. Донал глядел на себя в зеркало и чувствовал себя повзрослевшим.

Он вышел из каюты, двери которой захлопнулись за ним, и повернул направо по узкому коридору с металлическими стенками, шел и вдыхал пыль, поднимающуюся от ковра, по которому прошли тысячи ног. В тишине Донал миновал комнату отдыха и через тяжелую дверь, захлопнувшуюся за ним, прошел в коридор соседней секции.

Остановившись у перехода между секциями поперечного коридора, шедшего направо к умывальнику, он чуть было не столкнулся со стройной высокой девушкой в коротком платье простого и несколько устаревшего покроя, стоявшей у питьевого фонтанчика.

Она с настороженным видом отпрянула в коридор, ведущий к женской умывальной комнате. Несколько мгновений они, застыв на месте, изучающе глядели друг на друга.

— Прошу прощения, — сказал Донал и сделал два шага дальше, но неожиданно какое-то внезапное побуждение заставило его изменить свои планы: он повернул обратно.

— Разрешите, — попросил он.

— О, пожалуйста, — она вновь отодвинулась от питьевого фонтанчика.

Донал наклонился, чтобы напиться. Подняв голову, он взглянул ей прямо в глаза и понял, что заставило его вернуться. Девушка казалась сильно напуганной: какое-то необычное чувство, таящее в себе темный океан неистового, заставило его вернуться к ней.

Теперь, вблизи он получше рассмотрел ее. Она была старше, чем показалось ему вначале: вероятно, ей шел третий десяток. Но какое-то выражение незрелости в ее глазах намекало, что она достигнет полного расцвета своей красоты несколько позже, чем другие женщины. А пока что ее нельзя было назвать краси-

вой, скорее — хорошенькой... Волосы ее светло-каштанового цвета были покрыты тонкой сеткой; ее широко раскрытые глаза были такого чисто-зеленого цвета, что, уловив ее удивленный взгляд, вызванный своим внезапным приближением, Донал позабыл все остальные цвета. Ее нос был прямой и ровный, рот — несколько великоват, подбородок крепкий; и вообще, в ее лице все было настолько совершенно и гармонично, что производило впечатление статуи, созданной талантливым скульптором.

— Что?! — спросила девушка, задержав дыхание, и он заметил, что она отпрянула при его приближении.

Донал улыбнулся. Мысли галопом понеслись в его голове, и то, что он произнес, было совершенно неожиданным даже для него самого.

— Расскажите мне все, — попросил ее Донал.

— Вам? — произнесла она. Рукой девушка схватилась за горло под высоким воротником платья, потом, прежде чем она вновь заговорила, Донал понял, что она немного успокоилась. — О, — сказала она, — понимаю.

— Что понимаете? — несколько резковато спросил Донал. Он бессознательно принял тон, которым привык разговаривать с кадетами младших курсов за несколько последних лет. — Если вы расскажете мне, что вас беспокоит, я постараюсь помочь вам.

— Рассказать вам? — она беспомощно огляделась, как бы ожидая, не появится ли еще кто-нибудь. — Откуда я знаю, что вы тот, за кого себя выдаете?

Донал постарался обуздать свои мчащиеся галопом мысли и оценить положение. Обдумав ее слова, он усмотрел в них какое-то несоответствие.

— Я не говорил вам, кто я такой, — ответил он. — Я вообще — никто. Просто проходя мимо, увидел что вы сильно встревожены и решил предложить вам помощь.

— Помощь? — глаза ее расширились, а лицо внезапно побледнело. — О, нет... — пробормотала она и попробовала обойти его. — Пожалуйста, позвольте мне уйти. Ну пожалуйста!

Он стоял неподвижно.

— Вы готовы принять помощь от человека, подобного мне, если только он удостоверит свою личность, — сказал Донал. — Вы должны рассказать мне все.

Его слова удержали девушку. Она упрямо произнесла:

— Я ничего не скажу вам.

✓

— Кроме того, — иронически заметил он, — вы ждали здесь кого-то, кто мог бы помочь вам. Вы не знали этого человека в лицо, знали только, что это должен быть мужчина. И в то же время, вы не слишком уверены в его добросовестности, однако очень боитесь утратить его. — Услышав резкие нотки в своем голосе, он постарался несколько смягчить тон. — Вы очень испуганы и не знаете, что делать дальше. Все это можно определить с помощью наблюдательности и логики.

Но она уже полностью овладела собой.

— Вы уйдете с моей дороги? — спокойно спросила она.

— Логика подсказывает также, что то, что вы собираетесь предпринять, незаконно.

Она сникла от этих слов так, как будто он ударил ее и, повернувшись к стене, закрыла лицо руками.

— Кто вы — обреченно спросила девушка. — Они послали вас схватить меня?

— Я уже говорил, — ответил Донал с легким оттенком раздражения. — Я всего лишь пассажир, случайно проходивший мимо и предложивший свою помощь.

— Я не верю вам, — сказала она, по-прежнему пряча свое лицо. — Если вы на самом деле никто... если никто не посылал вас... вы разрешите мне уйти. И забудьте, что видели меня.

— В этом мало смысла, — проговорил Донал. — Прекрасно видно, что вы нуждаетесь в помощи. Я могу оказать вам ее. — Я — профессиональный военный. Дорсаец.

— А! — ответила она. Напряжение оставило ее. Она выпрямилась и взглянула на него. В ее взгляде Донал увидел нечто, похожее на презрение. — Один из этих...

— Да, — ответил он, нахмурившись. — А что вы имели в виду, когда говорили об этих?

— Понимаю, — ответила она. — Вы — наемник.

— Предпочитаю термин «профессиональный солдат», — ответил он в свою очередь с оттенком презрения.

— Значит, — сказала она, — вас можно нанять.

Донал внезапно почувствовал, как в нем поднимается холодный гнев. Он слегка наклонил голову и отступил, освобождая ей дорогу.

— Я ошибся, — сказал он и повернулся с явным намерением уйти.

— Нет, подождите, — попросила девушка. — Те-

перь, когда я знаю, кто вы, у меня нет причин отказываться от вашей помощи.

— Конечно, нет, — ответил он.

Сунув руку за вырез своего облегающего платья, она извлекла маленький прямоугольник с печатным текстом и протянула его Доналу.

— Это нужно уничтожить, — сказала девушка. — Я заплачу вам. Сколько вы берете по обычным расценкам? — Глаза ее расширились от ужаса, когда он расправил клочок и начал читать. — Что вы делаете, вас не просили читать это! Как вы смеете?!

Она попыталась выхватить клочок, но Донал удержал ее одной рукой. Взгляд его не отрывался от текста. Глаза расширились от удивления при виде ее факсимильного портрета.

— Анна Марлевана, — сказал он, — избранная из Культиса.

— Ну да, — воскликнула она. — И что из этого?

— Только то, — сказал Донал, — что вам следовало бы быть более разумной.

Она открыла рот:

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что вы — глупейшая из женщин, с которыми мне приходилось встречаться, — сказал он, положив листок в карман. — Я об этом позабочусь.

— Правда? — на мгновение лицо ее прояснилось, но потом вновь стало встревоженным. — Мне это не нравится. Вообще, вы мне не нравитесь.

— Понравлюсь, — ответил Донал, — когда узнаете меня получше. — Он повернулся, открыл дверь, через которую вошел сюда несколько минут назад.

— Но... постойте, — догнал его голос, — а где я смогу найти вас, когда вы справитесь с этим? И сколько я должна заплатить?

Он отпустил дверь, которая сразу же захлопнулась, оборвав ее вопрос.

Пройдя через всю секцию, Донал оказался у дверей своей каюты. Зайдя внутрь и закрыв за собой дверь, он более внимательно разглядел полученный клочок. Это было ни что иное, как пятилетний контракт, по которому Анна Марлевана обязывалась находиться в свите принца Уильяма, президента торговой планеты Сета — единственного обитаемого мира звезды Тау Кита. Контракт был весьма выгодным, так как предусматривал лишь постоянное сопровождение принца во

всех поездках и заседаниях. Однако не либеральность контракта удивила Донала — избранных из Культиса трудно было привлечь к любой работе, кроме самой утонченной и интеллектуально-изысканной — а факт, что она просила уничтожить контракт. Кража контракта у владельца — достаточно серьезное преступление, нарушение контракта — еще серьезнее, но уничтожение контракта... Это на любой планете влекло за собой смертную казнь. Он подумал, что девушка, вероятно, сошла с ума.

Но в этом и заключалась ирония судьбы — будучи избранной из Культиса, она могла быть безумной не более, чем обезьяна могла превратиться в слона. Наоборот, будучи продуктом тщательного генетического отбора на протяжении многих поколений на планете, достигшей чудес в развитии науки, она должна была быть совершенно нормальной! И действительно, при первом знакомстве с девушкой Донал не заметил в ней ничего ненормального, за исключением этой самоубийственной глупости. Очевидно, ситуация в которой оказалась девушка, заставила ее так поступить.

Донал задумчиво крутил контракт. Анна не понимала, что делала, когда просила его уничтожить этот листок. Это было единое целое, даже слова и подписи были неразрывной частью единой гигантской молекулы, которая была почти неуничтожима и не могла быть изменена или испорчена никакими средствами. В то же время Донал был уверен, что на борту не найдется ничего, чем можно было бы разорвать, сжечь, растворить или каким-то иным способом уничтожить этот листок. Единственным его законным обладателем был принц Уильям.

Расправив свой штатский пиджак, Донал вышел из каюты и через длинные коридоры ряда секций направился к главному залу отдыха. В узком проходе у входа в зал толпились одетые к обеду пассажиры: взглянув поверх их голов, Донал увидел стол и среди сидевших за ним эту девушку, Анну Марлевану.

Остальные, сидевшие за столом, были: исключительно красивый молодой человек — офицер-фрилендер, что было видно по его форме; неопрятный молодой человек, такой же рослый, как и офицер, но без воинских регалий, он полулежал в своем кресле; художавый, приятного вида человек средних лет с серыми волосами. Пятый, сидевший за столом, несомненно,

был дорсайцем — массивный пожилой человек в форме фрилендского маршала. Вид этого последнего и побудил Донала к внезапному действию. Пробившись сквозь толпу, загораживающую вход, он направился прямо к этому столу. Подойдя, он протянул сжатый кулак маршалу-дорсайцу.

— Здравствуйте, сэр, — сказал Донал. — Я надеялся увидеть вас до старта корабля, но на это не было времени. У меня к вам письмо от моего отца, Ичана Кана Грина... Я — его второй сын, Донал.

Голубые глаза дорсайца, холодные как вода в зимней речке, уперлись в Донала. На несколько мгновений установилось напряженное молчание: маршал, казалось, колебался, что ему предпочесть — дорсайский патриотизм вместе с любопытством или возмущение наглостью Донала.

Затем маршал крепко пожал протянутый кулак Донала.

— Значит, он все еще помнит Хендрика Галта? — улыбнулся маршал. — Я уже много лет ничего не слышал об Ичане.

Донал почувствовал, как холодок возбуждения пробежал по его спине. Единственный, с кем бы он хотел завязать знакомство, даже путем обмана, был Хендрик Галт, первый маршал Фриленда.

— Он шлет вам свой привет, сэр, — сказал Донал. — И... может быть, я принесу вам письмо после обеда, и вы сможете прочесть его.

— Конечно, — ответил маршал, — я расположился в каюте 19.

Донал продолжал стоять. Продолжать разговор дальше было трудно, но спасение пришло — впрочем, Донал на это и рассчитывал — с дальнего конца стола.

— Возможно, — сказал человек с серыми волосами мягким и вежливым голосом, — наш юный друг согласится пообедать с нами, прежде чем вы уведете его в свою каюту, Хендрик?

— Это будет для меня честью, — быстро ответил Донал.

Донал придвинул себе кресло и сел, вежливо кивнув остальным, сидящим за столом. Глаза девушки встретились с его взглядом. Выражение их было суровым, они сверкнули, как изумруды в скале.

— Анна Марлевана, — сказал Хендрик Галт, знакомя Донала с сидящими за столом, — а джентльмен, пригласивший вас, — Уильям из Сеты, принц и президент правительства.

— Вы оказываете мне честь, — пробормотал Донал, кланяясь.

— ...это мой адъютант Хьюго Киллиен.

Донал и офицер-фрилендер кивнули друг другу.

— ...и Ар-Делл Монтор с Нептуна.

Развалившийся в кресле молодой человек вяло махнул рукой в знак приветствия. Его глаза, черные, особенно по контрасту со светлыми бровями и такого же цвета белыми волосами, на мгновение прояснились, взгляд стал резким, пронизывающим, но мгновение спустя он вновь откинулся в кресле и погрузился в равнодушную неподвижность.

— Ар-Делл, — с усмешкой заметил Галт, — готовится к выпускным экзаменам на Нептуне. Его занятие — социальная динамика.

— Конечно, — пробормотал нептунянин голосом, похожим на что-то среднее между фырканием и смехом. — Конечно, да-да, конечно, — он поднял тяжелый стакан и погрузил нос в золотистое содержимое.

— Ар-Делл, — сказал седовласый Уильям тоном мягкого упрека.

Ар-Делл поднял свое бледное испитое лицо, взглянул на Уильяма, снова то ли фыркнул, то ли рассмеялся и опять погрузился в бокал.

— Вы уже завербовались куда-нибудь, Донал? — спросил фрилендер, поворачиваясь к Доналу.

— Вы — настоящий дорсаец, — с улыбкой сказал Уильям со своего места за дальним концом стола, рядом с Анной, — всегда готовы к действию.

— Вы льстите мне, сэр, — сказал Донал. — Ведь возможность проявить себя чаще всего встречается на поле битвы, а не в гарнизонной службе, при прочих равных условиях.

— Вы слишком скромны, — заметил Уильям.

— Несомненно, — сказала вдруг Анна, — до удивления скромны.

Уильям вопросительно взглянул на девушку.

— Анна, постарайтесь сдержать свое высокомерное

презрение к этому приятному молодому человеку. Я уверен, что и Хендрик, и Хьюго согласны с ним.

— О, они, конечно, согласятся, — ответила Анна, бросая на них взгляд. — Конечно, согласятся.

— Что ж, — со вздохом заметил Уильям, — и мы должны многое прощать избранным. Что касается меня, то я должен признать, что я в достаточной мере мужчина и достаточно дикарь, чтобы любить сражения... А... вот и еда, впрочем.

Наполненные до краев тарелки появились на поверхности стола перед каждым, кроме Донала.

— Сделайте заказ сами, — сказал Уильям. И, пока Донал нажимал кнопку коммуникатора перед собой, делая заказ, остальные взяли ложки и принялись за еду.

— ...отец Донала был вашим товарищем по школе? — спросил Уильям, когда был утолен первый голод.

— Он был моим ближайшим другом, — ответил маршал.

— О, — сказал Уильям, осторожно беря на вилку кусок нежного белого мяса. — Я завидую вам, дорсайцам, в этом. Ваша профессия позволяет вам не смешивать дружеские отношения и эмоциональный контакт с повседневной деятельностью. В сфере коммерции, — он махнул тонкой загорелой рукой, — никакая дружба невозможна.

— Возможно, это зависит и от человека, — ответил маршал. — Не все дорсайцы — солдаты, ты — принц, и не все жители Сеты — предприниматели.

— Я знаю это, — сказал Уильям. Взгляд его обратился к Доналу. — Что скажете вы, Донал? Вы — простой наемник, или у вас есть еще какие-нибудь стремления?

Это был прямой вопрос, хотя и задан был довольно деликатно. Донал решил, что искренность, слегка приправленная корыстолюбием, будет наиболее верным тоном ответа.

— Конечно, мне хочется стать известным, — сказал он, смущенно улыбаясь, затем добавил: — и богатым.

Донал уловил намек на легкое облачко на лице Галта. Но пока ему было не до этого. Сейчас у него было более важное дело. Немного позже он сможет выяснить причину недовольства маршала. Теперь же главное для него — поддержка возникшего к нему интереса Уильяма.

— Очень интересно, — вежливо сказал Уильям. — И как вы собираетесь достичь этого приятного состояния?

— Я надеюсь набраться опыта в чужих мирах, — ответил Донал. — В конце концов мне удастся проявить себя.

— Боже, и это все? — спросил фрилендер и засмеялся, приглашая остальных присоединиться к нему.

Уильям, однако, не засмеялся, хотя Анна присоединила свою презрительную усмешку к смеху адъютанта, а Ар-Делл фыркнул.

— Не будьте таким злым, Хьюго, — сказал Уильям. — Мне нравится позиция Донала. Когда я был молодым, у меня было такое же настроение. — Он улыбнулся Доналу. — После разговора с Хендриком вы должны поговорить со мной. Мне нравятся люди с большими притязаниями.

Донал и Галт шли по узкому коридору друг за другом. Скрытый за широкими плечами солдата, Донал с удивлением услышал:

— Ну, что вы о них думаете?

— Сэр, — сказал Донал. Колеблясь, он выбрал наиболее безопасный предмет для разговора. — Я несколько удивлен девушкой.

— Анна? — спросил Галт, останавливаясь у двери с номером 19.

— Я думал, избранные из Культиса должны... — Донал запнулся, подыскивая необходимое слово, — должны... лучше держать себя в руках.

— Она совершенно здорова, нормальна и очень умна, но все это лишь возможности, — грубовато заметил маршал. — А чего же вы ожидали?

Открыв дверь, он пропустил Донала, вошел сам и отпустил дверь, которая сразу же захлопнулась за ним. Он повернулся, лицо его стало жестким, а в голосе зазвучали резкие нотки.

— Ну, а теперь, — резко бросил он, — что это за письмо?

Донал глубоко вздохнул. В течение всего обеда он пытался разгадать характер Галта, и теперь все зависело от того, как маршал воспримет его честный ответ.

— Никакого письма нет, сэр, — отвечал он. — И мне кажется, что мой отец никогда в жизни не встречал вас.

— Я тоже так считаю, — ответил Галт. — Тогда для

чего все это? — Он пересек свою каюту, достал что-то из ящика, и Донал с изумлением увидел, что маршал набирает табаком древнюю трубку.

— Это из-за Анны, сэр, — сказал он. — Никого глупее в своей жизни я не встречал. — И тут он кратко, но исчерпывающе, рассказал о происшествии в коридоре. Галт слушал, сидя на краю стола и пуская кольца дыма, которые тут же уносились вентиляционной системой.

— Понятно, — сказал он, когда Донал закончил. — Согласен с вами: она глупо поступила. Но почему вы вели себя как последний идиот?

— Я, сэр? — Донал искренне удивился.

— Конечно, вы, — ответил Галт, доставая трубку из рта. — Кто вы такой, чтобы, только что выйдя из школы, совать свой нос в межпланетные контракты? И что вы собираетесь теперь делать?

— Ничего, — ответил Донал. — Я только хотел смягчить нелепую и опасную ситуацию, в которой оказалась девушка. Я не собирался ссориться с Уильямом — он, очевидно, настоящий дьявол.

Трубка выпала из разжавшихся челюстей Галта, и он вынужден был удержать ее от падения одной рукой. Он с удивлением взглянул на Донала.

— Кто сказал вам это? — спросил он.

— Никто, — ответил Донал. — Но ведь это так?

Галт положил трубку на стол и встал.

— Но это вовсе не очевидно для 99 процентов населения миров, — возразил он. — Что сделало это очевидным для вас?

— О любом человеке, — сказал Донал, — можно судить по тому, какими людьми он себя окружает. А свита Уильяма состоит из сломленных и разбитых людей.

Маршал фыркнул:

— Вы имете в виду меня?

— Конечно, нет, — ответил Донал. — В конце концов, вы — дорсаец.

Напряжение спало с Галта. Он угрюмо улыбнулся, вновь разжег трубку и затянулся.

— Ваша гордость нашим общим происхождением действует весьма успокаивающе, — сказал он. — Продолжайте. Значит, только поэтому вы определили характер Уильяма?

— О, конечно, нет, — ответил Донал. — Но подумайте сами, ведь избранная из Культиса пытается порвать

с ним. А инстинкты избранных являются врожденными. А Уильям кажется таким блестящим человеком, что затмевает и Анну, и этого Монтора с Нептуна, у которого, кажется, гораздо больше ума, чем у Уильяма и всех остальных.

— Значит, по этому блеску вы распознали дьявола?

— Вовсе нет, — терпеливо объяснил Донал. — Но имея такие блестящие интеллектуальные способности, человек обычно сильнее склонен к добру или злу, чем средняя личность. Если он склоняется ко злу, то может очень хорошо скрывать это даже от окружающих его людей. Но тогда ему приходится изображать доброго человека, особенно для вновь прибывших. Однако будь он действительно добрым, ему не нужно было бы так настойчиво демонстрировать это.

Галт извлек трубку из рта и издал протяжный свист. Он уставился на Донала.

— Вы случайно родом не с Экзотики? — спросил он.

— Нет, сэр, — сказал Донал. — Моя мать была родом с Мары, как и мать моей матери.

— Это умение, — Галт задумчиво ковырялся толстыми пальцами в трубке, — это умение... — повторил он задумчиво, — читать характеры вы унаследовали от матери или это ваше собственное достижение?

— Не знаю, сэр, — ответил Донал. — Мне кажется, что любой пришел бы к такому же выводу после минутного размышления.

— Но большинство из нас на это не способно, — сказал Галт. — Садитесь, Донал. Я рад вас видеть.

Они уселись в кресла друг против друга. Галт вновь принялся за трубку.

— Теперь слушайте, — почти шепотом произнес он. — Вы — самый странный юнец из всех, до сих пор встречавшихся мне. Просто ума не приложу, что и делать с вами. Если бы вы были моим сыном, я отправил бы вас в карантин, а затем домой, и раньше, чем через десять лет не выпустил бы вас к звездам, — он нетерпеливо поднял руку, заставляя умолкнуть уже открывшего было рот Донала. — Да, я знаю, вы уже мужчина, и никто не может отправить вас вопреки вашему желанию. Но тот образ действий, который вы избрали со мной, имел лишь один шанс из тысячи на успех. Послушайте, мальчик, вы же ничего, почти ничего не знаете о мирах, кроме своего Дорсая.

— Почему же? — ответил Донал. — Существует 14

планетарных правительств, не считая анархических организаций земли Дунина и Коби...

— Правительство, черт возьми! — грубо прервал его Галт. — Забудьте эти глупости! Правительства в XXV веке — это всего лишь механизмы. Главное — это люди, контролирующие эти механизмы. Плейн на Венере, Све Холман на Земле, Элдест Брайт на Гармонии и Сейона из Культиса на Экзотике.

— Ну, а генерал Комал..? — начал Донал.

— Ничто! — резко оборвал его Галт. — Как может дорсаец значить что-нибудь, когда каждая, даже самая маленькая область Дорсая зубами и когтями цепляется за свою независимость? Нет, я говорю о людях, которые правят звездами... Одних я уже назвал, есть и другие. — Он глубоко вздохнул. — Теперь, как вы думаете, какое же место среди них занимает наш торговый принц и президент правительства Сеты?

— Наверное, он равен им?

— Наконец-то, — сказал Галт. — Наконец-то. Пусть вас не вводит в заблуждение, что он передвигается на обычном пассажирском корабле в сопровождении лишь этой девушки из Культиса. Он — владелец корабля, капитана экипажа, да и половины пассажиров.

— А вы и ваш адъютант? — несколько резче спросил Донал.

Лицо Галта на мгновение застыло, затем вновь ослабилось.

— Честный вопрос, — пробормотал он. — Однако вам следовало бы более интересоваться вещами, касающимися вас. Но я отвечаю. Я — первый маршал Фриленда, но все еще дорсаец, я — наемник, как и все, и ничего более. Мы наняли пять дивизий для Первой Диссидентской Церкви на Гармонии, и я направляюсь проверить их подготовку и снаряжение. Контракт заключен через посредничество Сеты. Отсюда и Уильям.

— А адъютант? — настаивал Донал.

— Что вам до него? — спросил Галт. — Он — фрилендер, профессионал, неплохой малый. Он будет командовать частью наших сил, когда мы двинемся к Гармонии.

— Давно ли он с вами?

— Уже два года.

— И он действительно хороший профессионал?

— Конечно, черт возьми! Иначе бы он не был моим адъютантом. Почему вы так расспрашиваете о нем?

— Он вызывает у меня нехорошее предчувствие, — сказал Донал. — Но сформулировать его я пока не могу.

Галт засмеялся.

— В вас сказывается характер ваших маранских предков, — сказал он. — Под каждой веткой видите змею? Верьте моему слову: Хьюго — солдат честный, может, ему несколько не хватает вкуса, но и только.

— Приходится согласиться с вами, — пробормотал Донал. — Но я прервал вас, когда вы что-то хотели сказать об Уильяме.

— Да, — сказал Галт и нахмурился. — Я скажу коротко и ясно. Девушка — не ваше дело. И Уильям — тоже. Оставьте их... Если у меня появится возможность, я найду для вас...

— Благодарю вас, — сказал Донал. — Но мне кажется, что Уильям сделает мне предложение.

— Клянусь адом, парень! — воскликнул Галт спустя секунду. — Почему вы так думаете?

— Еще одно мое предчувствие, — сказал он. — Оно несомненно основано на наследии моих маранских предков. — Он встал. — Благодарю вас, сэр, за предложение и предупреждение. — Он протянул сжатый кулак. — Смогу ли я вновь поговорить с вами, если понадобится?

Галт тоже встал и машинально сжал протянутый кулак.

— В любое время, — сказал он. — Но будь я проклят, если понимаю вас.

Донал взглянул на него с внезапно возникшей мыслью.

— Скажите, сэр, — спросил он, — я кажусь вам странным?

— Станным! — повторил тот. — Станным, как... — и он напряг свое воображение. — Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— Меня часто так называли, — ответил Донал. — Может, они и были правы.

Затем он повернулся и вышел из каюты.

НАЕМНИК-3

Возвращаясь по коридорам в носовую часть корабля, Донал с тоской думал о странном злом духе, который делал его столь отличным от остальных людей. Он надеялся забыть о нем, как забыл о кадетском мундире. Но дух

этот остался с ним, все еще громоздясь у него на плечах. Так было всегда. То, что казалось ему таким ясным, для остальных было скрытым и запутанным. Он походил на незнакомца, идущего по городу, пути обитателей которого различны. Их язык беден, и он не может выразить того, что Донал видит среди них. Они говорят: «враг» и «друг», «сильный» и «слабый», «они» и «мы». Люди эти строят тысячи произвольных классификаций и различий, которых Донал не может понять, так как видит, что различие между этими людьми ничтожно. Однако, вести себя с ними нужно так, как будто они индивидуумы и всегда нужно сохранять терпение.

Вновь завернув в большой зал отдыха, Донал обнаружил, как и ожидал, юного нептунианина Ар-Делла Монтора, развалившегося в кресле у бара. По-видимому, он сидел здесь с тех пор, как были убраны обеденные столы. В зале было несколько небольших групп пассажиров, занятых выпивкой, но никто из них не подходил к Монтору. Донал направился прямо к нему. Монтор, не двигаясь, поднял глаза от своего бокала и следил за приближением Донала.

— Разрешите? — спросил Донал.

Монтор ответил неуверенно и замедленно, как будто выпитое мешало ему говорить.

— Мне приятно поговорить с вами, — его пальцы замерли на кнопках набора заказов. — Что будете пить?

— Дорсайское виски, — сказал Донал.

Монтор нажал кнопку. Через мгновение на поверхности стола появился полный бокал.

Донал поднял его и осторожно пригубил. Он хорошо познакомился с действием алкоголя в ту ночь, когда отмечал свое совершеннолетие. Взглянув на Монтора, он заметил, что нептунианин смотрит на него необычно ясным, трезвым и пронизательным взглядом...

— Вы моложе меня и даже выглядите моложе, — сказал Ар-Делл. — Как вы думаете, сколько мне лет?

Донал внимательно посмотрел на него. Лицо Монтора, несмотря на выражение усталости и пресыщенности, было лицом юноши, только-только достигшим возраста возмужания, хотя этому выражению молодости противоречили растрепанные волосы и безвольная поза.

— Четверть стандартного столетия, — сказал Донал.

— Тридцать три абсолютных года, — поправил Ар-

Делл. — До 29 лет я был школьником, монахом. Вы, наверное, думаете, что я слишком много пью?

— По-моему, в этом нет никакого сомнения, — ответил Донал.

— Согласен с вами, — сказал Ар-Делл с одним из своих внезапных полуфырканий-полусмешков. — Согласен с вами. В этом нет сомнений. Пожалуй, это единственная вещь в этой богом проклятой вселенной, в которой нельзя усомниться. Но мне хотелось поговорить с вами о другом.

— А о чем же? — Донал вновь отхлебнул из бокала.

— О храбрости, — сказал Ар-Делл, пристально глядя на него. — Вы храбры?

— Это необходимое качество солдата, — заметил Донал. — Но почему вы меня об этом спрашиваете?

— И никаких сомнений?

Ар-Делл покрутил напиток в своем стакане и отпил.

— У вас нет тайного страха, что в нужный момент у вас вдруг ослабеют ноги, забьется сильнее сердце, вы повернетесь и побежите?

— Конечно, я не повернусь и не побегу, — сказал Донал. — В конце концов, я — дорсаец. А что касается моих чувств, то единственное, что могу сказать: я никогда не испытывал ничего подобного из того, что вы описали. И даже если бы я...

Над их головами мелодично ударил колокол, прерывая Донала.

— Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут, — прозвучал голос. — Временной сдвиг через стандартный час и двенадцать минут. Советуем пассажирам для лучшего самочувствия принять лекарство и провести временной сдвиг во сне.

— Вы уже проглотили таблетку? — спросил Ар-Делл.

— Еще нет, — ответил Донал.

— Но вы сделаете это?

— Конечно, — Донал с удивлением взглянул на собеседника. — Почему нет?

— Не является ли прием медикаментов с целью избежать неудобств временного сдвига формой трусости? — спросил Ар-Делл.

— Глупости, — ответил Донал. — Это все равно, что назвать трусостью надевание одежды, чтобы согреться или же утоление голода, чтобы просто не умереть голо-

дной смертью. Одно — вопрос удобства, другое — вопрос... — Он на секунду задумался. — Вопрос долга.

— Храбрость — ваш долг?

— Невзирая на то, что тебе хочется сейчас. Да, — ответил Донал.

— Да, — задумчиво протянул Ар-Делл, — Да. — Повторил он, поставил пустой бокал на бар и нажал кнопку. — Думаю, что вы действительно храбры, — сказал он, следя, как исчезает пустой бокал и появляется полный.

— Я — дорсаец, — сказал Донал.

— Ах, избавьте меня от восхваления вашего происхождения! — резко сказал Ар-Делл и схватил вновь наполненный бокал. Когда он повернулся к Доналу, лицо его было искажено. — Иногда нужна гораздо большая храбрость. И если дело только в происхождении... — Внезапно замолчав, он наклонился к Доналу. — Послушайте, — прошептал он, — я — трус.

— Вы в этом уверены? — спокойно спросил Донал. — Откуда вы это знаете?

— Я болезненно труслив, — шептал Ар-Делл. — Я боюсь Вселенной. Что вы знаете о математике социальной динамики?

— Математическая система, дающая предсказания? — спросил Донал. — Мое образование лежит в несколько ином направлении.

— Нет, нет! — раздраженно ответил Ар-Делл. — Я говорю о статистике социальных анализов в их экстраполяции на долгие сроки с расчетом увеличения народонаселения. — Он еще более понизил голос. — Они дают точную параллель со статистикой теории вероятности.

— Мне очень жаль, — сказал Донал, — но для меня это ничего не значит.

Ар-Делл схватил руку Донала своей неожиданно сильной рукой.

— Вы не понимаете? — пробормотал он. — Но возможна вероятность любого события, и в том числе всеобщего разрушения. Оно придет, потому что оно возможно. Смотрите, наша социальная организация увеличивается в размерах, соответственно возрастает и возможность разрушения. В конце концов, мы уничтожим сами себя. Другого исхода не дано. Вселенная — слишком ненадежный костюм для нас. Она позволяет нам расти слишком быстро, но когда мы дорастем до критической массы, — он щелкнул пальцами, — тогда — конец!

— Ну, это проблема далекого будущего, — сказал Донал. А потом, не понимая, почему его собеседник так встревожен, мягко добавил: — Однако, почему это так сильно беспокоит вас?

— Неужели вы не понимаете? — спросил Ар-Делл. — Если вдруг все исчезнет, будто его никогда и не было, то в чем тогда смысл нашего существования? Я не имею в виду вещи, созданные нами, они и так скоро исчезнут. Или знания... Это лишь слабое отражение того, что можно прочесть в открытой книге природы. Я имею в виду то, чего не было в природе, что вы принесли в нее. Это любовь, доброта, храбрость...

— Значит, из-за этого вы так много пьете? — мягко спросил Донал, высвобождая свою руку.

— Я пью потому, что я трус, — сказал Ар-Делл. — Я все время ощущаю эту ненормальность во Вселенной. Алкоголь помогает мне на время забыть. Поэтому я и пью. Я нахожу храбрость на дне бутылки, а храбрость нужна и для того, чтобы перенести временной сдвиг, не прибегая к медикаментам.

— Но зачем? — спросил Донал, пытаясь скрыть улыбку. — Зачем вам это?

— Я гляжу в лицо хоть небольшой, но опасности. — Ар-Делл смотрел на него своими темными глазами. — Когда-нибудь такой временной сдвиг будет последним, нас разорвет на мельчайшие клочки. И я встречу это в ясном сознании.

Донал покачал головой.

— Вы не понимаете, — сказал Ар-Делл, откидываясь в своем кресле. — Если бы у меня была работа, алкоголь был бы не нужен. Но сейчас нет работы. Вот с вами совсем другое дело. Вы получили работу, вы храбры. Думаю, я смог бы... ну, да ладно. Храбрость ведь не продается другим людям.

— Вы направляетесь на Гармонию? — спросил Донал.

— Куда идет мой принц, туда и я, — сказал Ар-Делл, вновь издав полуфырканье-полусмешок. — Когда-нибудь вы прочтете мой контракт. — Он вновь повернулся к бару. — Еще виски?

— Нет, — сказал Донал. — Простите.

— Увидимся позже, — пробормотал Ар-Делл, делая очередной заказ.

— Да, — сказал Донал. — Пока...

— Пока, — и Ар-Делл взял полный бокал с бара.

Над головами вновь прозвучал колокол и голос напомнил, что до временного сдвига осталось семнадцать минут. Донал вышел.

Через полчаса, еще раз изучив в своей каюте контр-акт Анны, Донал стоял у двери каюты Уильяма, принца и президента правительства Сеты. Нажав кнопку, он ждал.

— Да, — слышался голос Уильяма.

— Донал Грин, сэр, — сказал Донал. — Если вы не заняты...

— О, конечно, Донал, входите.

Дверь открылась, и Донал вошел.

Уильям сидел в кресле перед небольшим письменным столом. В руках он держал папку с бумагами. На столе был укреплен небольшой портативный автоматический секретарь. Единственная лампа, горевшая на столе, освещала серые волосы Уильяма. Донал заколебался, услышав, как за спиной захлопнулась дверь.

— Присаживайтесь куда-нибудь, — сказал Уильям, не отрывая глаз от бумаг. Пальцы его мелькали на клавишах секретаря. — Я сейчас закончу.

Донал огляделся, увидел в полутьме каюты кресло и сел. Уильям в течение нескольких минут продолжал просматривать бумаги, делая при помощи автосекретаря заметки.

Наконец, он отбросил бумаги в сторону и, нажав кнопку, убрал стол в стену. Единственная лампа погасла, но зато вспыхнуло общее освещение каюты. Донал зажмурился от внезапно вспыхнувшего яркого света. Уильям улыбнулся.

— А теперь займемся вашим делом, — сказал он.

Донал моргнул, привыкая к свету, посмотрел на Уильяма и снова моргнул.

— Сэр, — сказал он.

— Я думаю, мы не будем тратить время на лишние разговоры, — все еще сохраняя любезный тон, сказал Уильям. — Ворвавшись к нам, когда мы сидели за столом, вы явно желали встречи с кем-то из нас. Маршал? Вряд ли, ваши дорсайские обычаи заставили бы избрать другой способ обращения к нему. Наверняка, это не Хьюго, и тем более не Ар-Делл. Остается Анна, она достаточно хороша, вы достаточно молоды для какой-нибудь подобной глупости... но, думаю, не в нынешних условиях. — Уильям щелкнул пальцами и усмехнулся. — Остаюсь я.

Донал от неожиданности привстал с кресла.

— Нет, нет, — Уильям жестом приказал ему сидеть, — было бы глупо уходить теперь, после стольких хлопот об этой встрече. — Голос его стал резким. — Садитесь!

Донал подчинился.

— Почему вы хотели меня видеть? — спросил Уильям.

Донал пожал плечами, затем произнес:

— Хорошо, если вы позволите мне быть откровенным... то, я думаю, что смогу быть вам полезен.

— Если вы думаете, что будете мне полезным, опустошая мою казну или пользуясь моим влиянием, тогда уходите.

— Случилось так, что я оказался обладателем вещи, принадлежащей вам.

Уильям, не говоря ни слова, протянул руку. После секундного колебания Донал извлек из кармана контракт Анны и протянул его принцу. Уильям взял лист, развернул его и взглянул. Потом осторожно положил на стол.

— Она попросила меня помочь ей избавиться от этого, — сказал Донал. — Она хотела нанять меня, чтобы я уничтожил контракт, и, очевидно, не знала, как трудно это сделать.

— Но вы взялись за это дело, — сказал Уильям.

— Я ничего не обещал, — ответил Донал.

— И вы с самого начала решили вернуть контракт мне?

— Я считаю, — сказал Донал, что это ваша собственность.

— О, конечно, — сказал Уильям. Некоторое время он с улыбкой рассматривал Донала. — Вы, безусловно, понимаете, — сказал он наконец, — что я не поверил ни одному вашему слову. Более того, я уверен, что вы сами украли контракт, а затем, испугавшись содеянного, выдумали эту неправдоподобную историю и решили вернуть его мне. Достаточно одного моего слова, и капитан корабля с готовностью арестует вас и будет держать в заключении до прибытия на Гармонию.

Донал почувствовал, как спина покрывается холодным потом.

— Избранная из Культиса — не солдат под присягой — сказал он. — Она...

— Нет необходимости вмешивать в это дело Анну, —

сказал Уильям. — Все может быть решено и без нее. Мои показания против ваших.

Донал промолчал. Уильям опять улыбнулся.

— Так вы оказались не только корыстолюбивым, но и глупым, — сказал он.

— Сэр... — вырвалось из уст Донала.

Уильям равнодушно отмахнулся.

— Приберегите свой дорсайский гнев для тех, на кого он произведет впечатление. Я уверен, что вы не осмелитесь напасть на меня. Если бы вы отличались от обычных дорсайцев... но вы такой же, как и все: корыстолюбивый и глупый. А теперь, установив эти бесспорные факты, мы можем перейти к делу.

Он посмотрел на Донала. Тот молчал.

— Тогда начнем, — продолжал Уильям. — Вы пришли ко мне, надеясь, что я сумею вас использовать. В этом вы не ошиблись. Анна, конечно, неразумная девушка, но для ее собственной пользы, а также и для моей, так как я ее наниматель, я хотел бы избавить ее от лишних осложнений. Один раз она доверилась вам. Это может повториться. Если она еще раз обратится к вам, не разочаровывайте ее. А чтобы сделать вас более пригодным для этого, — Уильям улыбнулся и добавил с некоторой долей усмешки, — я думаю, что смогу найти для вас место командира отряда под началом Хьюго Киллиена, когда мы достигнем Гармонии. Для того, чтобы ваша военная карьера шла рука об руку с выполнением других моих поручений.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Донал.

Откуда-то донесся звук колокола.

— А временной сдвиг будет через пять минут, — Уильям достал из стола маленький серебряный ящичек и открыл его.

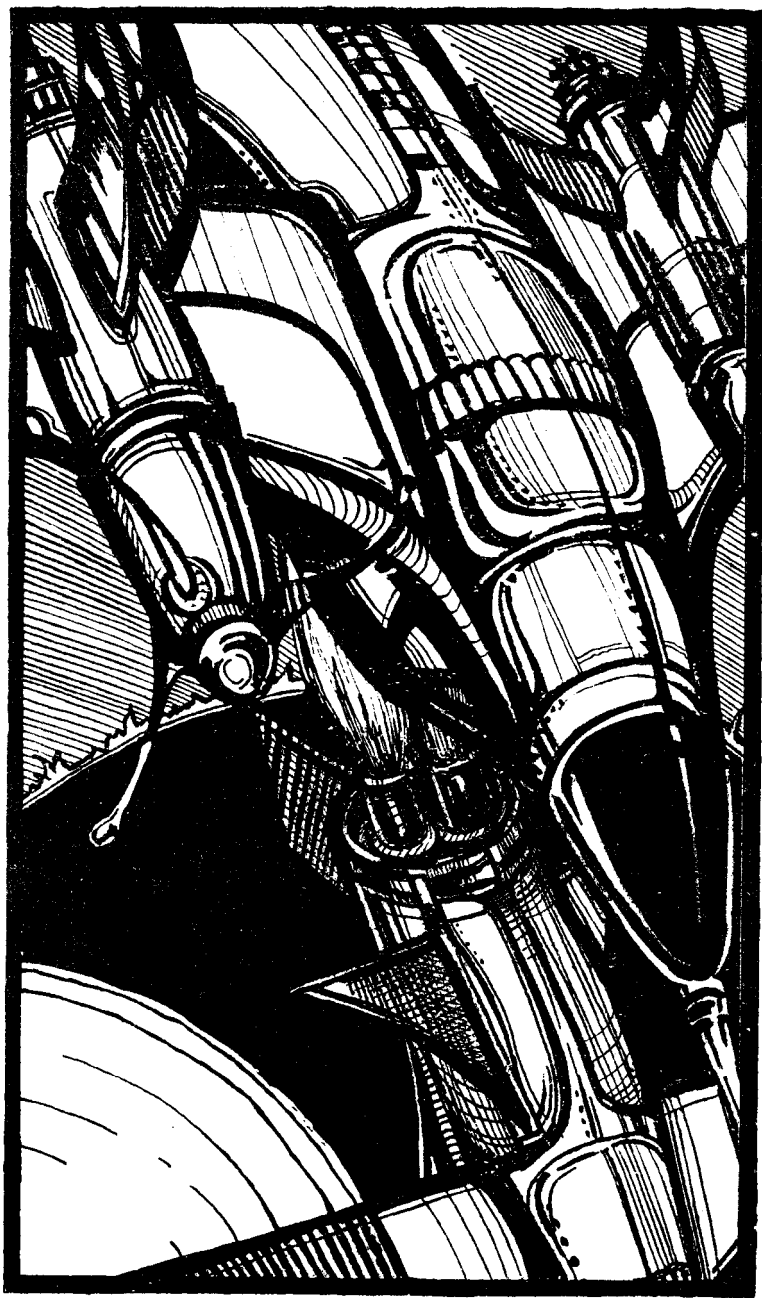
— Вы уже приняли таблетки? Пожалуйста.

Он протянул ящичек Доналу.

— Благодарю вас, сэр, — вежливо сказал Донал. — Я уже принял.

— Тогда, — сказал Уильям, беря в рот белую таблетку и ставя ящичек на место, — тогда все.

Склонив голову, Донал вышел. Остановившись на мгновение, чтобы принять собственную таблетку, он направился в свою каюту. По дороге он заглянул в корабельную библиотеку и взял информационную катушку о Первой Диссидентской Церкви на Гармонии. Это на не-

которое время задержало его, и временной сдвиг застал его в коридоре одной из секций.

Все предыдущие временные сдвиги, начиная с того момента, как он оставил Дорсай, Донал проспал под действием снотворного. Он, конечно, знал, что при этом происходит, ведь был подготовлен к этому годами учения. Вдобавок, и на этот раз он принял необходимый препарат, предупрежденный, что последует временной сдвиг. В конце концов, интервал, когда отсутствует время — неощутимо мал. И все-таки, когда это случилось, только какая-то маленькая часть его запомнила, как он, разорванный на клочки, на крошечные частички, был собран вновь в другой точке пространства на расстоянии многих световых лет от исходной. Воспоминание об этом, а не сам временной сдвиг, заставило Донала пошатнуться, и когда он, пришел в себя, то направился дальше, в свою каюту. А это воспоминание навсегда осталось с ним.

Он продолжил путь по коридорам, но, как оказалось, испытания дня на этом не закончились.

Едва Донал дошел до конца одной из секций, как из поперечного коридора вышла Анна. Ее зеленые глаза гневно сверкали.

— Вы видели его, — выкрикнула она, преграждая ему путь.

— Видел?... А, Уильяма, — сказал он.

— Не отпирайтесь.

— А зачем? — Донал с удивлением поглядел на нее. — В этом нет ничего секретного.

— О, — воскликнула она. — Вы позаботились о нем? Что вы с ним сделали?

— Отдал владельцу, конечно, — сказал Донал. — Это было самое разумное.

Внезапно Анна так побледнела, что он подошел поближе, чтобы подхватить ее, если она вдруг упадет в обморок. Но она оказалась сильной. Глаза ее выражали гнев и ужас.

— О, — выдохнула Анна. — Вы... предатель. Вы — обманщик.

И прежде, чем Донал успел обратиться к ее здравому смыслу, надеясь, что она выслушает его объяснения — Анна повернулась и побежала по коридору туда, откуда пришел Донал.

Тяжело вздохнув, Донал продолжил путь. Коридоры, как следствие временного сдвига, были пусты. Проходя

мимо одной из кают, он услышал доносившиеся изнутри звуки: кого-то тошнило. Подняв голову и взглянув на номер, он понял, что это каюта Ар-Делла.

Там, внутри, нептунианин без медикаментов, без спецподготовки вел свой одинокий бой со Вселенной.

КОМАНДИР ОТРЯДА-1

— Все в порядке, джентльмены, — сказал Хьюго Киллиен.

Он стоял, самоуверенный и производящий внушительное впечатление, в своем манящего цвета мундире, кончики пальцев его правой руки упирались в прозрачную крышку планшета с картой.

— Если вы соберетесь у карты... — сказал он.

Пятеро командиров отрядов придвинулись, и шестеро мужчин образовали над планшетом тесную группу. Неприятный свет с затененного потолка смешивался с подсветкой карты снизу. Донал, взглянув на причудливо освещенные лица окружающих, почувствовал, что они находятся в каком-то отделении ада, о котором так красноречиво говорил представитель Первой Диссидентской Церкви за несколько часов до этого военного совета.

— ...наша позиция — здесь, — продолжал Хьюго. — как ваш комендант, я могу уверить вас, что наша позиция очень устойчива, а предполагаемое продвижение ни в коей мере не нарушит Кодекса Наемников. Теперь, — продолжал он более резко, — как видите, мы занимаем участок в пять километров по фронту и три километра в глубину между этими двумя хребтами. Вторая команда Объединенных Войск-176 справа от нас, Четвертая — слева. Второй и Четвертой командам приказано поддерживать нас с флангов, мы же двинем вперед шестьдесятю процентами нашего состава и овладеем маленьким городом под названием Вера-Придет-На-Помощь, который находится здесь...

Его указательный палец замер в соответствующей точке карты.

— ...приблизительно в четырех километрах от нашей теперешней позиции. Мы задействуем три наших отряда из пяти: Скуака, Уайта и Грина. Каждый отряд проделает свой путь в отдельности. У каждого командира будет своя карта. Первые 1200 метров ваш путь будет пролегать через лес. Затем придется пересечь реку, метров

сорок шириной, и как уверяют разведчики, максимальной глубиной — метр двадцать. Это означает, что ее можно перейти вброд. На противоположной стороне реки — лес, постепенно редющий, тянущийся почти до самого города. Выступаем через двадцать минут. Через час наступит рассвет, и я бы хотел, чтобы к этому времени все три отряда уже были на том берегу. Есть вопросы?

— Каковы вражеские силы на этом участке? — спросил Скуак, — низкорослый, коренастый кассиданин, похожий на монгола, но на самом деле эскимос по происхождению. — Какое мы можем встретить сопротивление?

— Разведчики говорят, что возможны только патрули. Возможно, в самом городе стоит небольшой отряд, — Хьюго оглядел лица командиров. — Какие еще вопросы?

— У меня вопрос, — сказал Донал, изучая карту. — Кто этот некомпетентный в военном деле человек, который отдал приказ наступать лишь шестьюдесятью процентами сил?

Атмосфера в помещении внезапно стала напряженной. Донал взглянул в лицо Хьюго.

— Так случилось, — сказал, сдерживая себя, комендант, — что это мое предложение штабу, Грин. Вероятно, вы забыли об этом, но надеюсь, что другие командиры помнят, что это всего лишь демонстративная кампания, — мы должны показать Первой Диссидентской Церкви, что нас наняли не зря.

— Но это вряд ли согласуется с тем риском, которому подвергнутся четыреста пятьдесят человек, — не двигаясь, сказал Донал.

— Грин, — сказал Хьюго, — вы самый младший из командиров, а я — комендант. Вы должны знать, что я ничего не обязан вам объяснять. Однако, чтобы успокоить вас, скажу: по сведениям разведчиков перед вами нет крупных сил противника.

— Но тогда, — настаивал Донал, — почему мы упускаем такую возможность? Надо двигаться вперед всем.

Хьюго раздраженно вздохнул:

— Определенно, вам следует дать урок стратегии. Вы злоупотребляете правом подвергать сомнению решения Штаба, правом, предоставленным вам Кодексом. Но, чтобы положить этому конец, скажу, что есть причина, по которой мы не используем все свои силы. Наш главный удар наносится именно на этом участке. Если мы сейчас двинем вперед все свои силы, войска Объединенной Ортодоксальной Церкви немедленно усилят сопро-

тивление. А двигаясь небольшим отрядом, мы все время создаем вакуум перед фронтом. И как только мы овладеем городом, Вторая и Четвертая команды подойдут ближе, и мы окажемся в позиции, с которой сможем отразить любой удар. Я ответил вам?

— Только частично, — сказал Донал. — Я...

— Боже, дай мне терпение, — выкрикнул фрилендер. — У меня за плечами пять кампаний. Я много раз вытаскивал голову из петли. Но я оставляю эту должность, пусть шлют другого коменданта. Довольно. Вы, я и Скуак возглавим наступление отрядов. Теперь вы удовлетворены?

Ответить на это было, конечно, нечего. В знак подчинения Донал наклонил голову, и совет закончился. Возвращаясь к своему отряду в сопровождении Скуака, Донал чувствовал себя настолько неуверенно, что задал вопрос кассиданину:

— Как вы думаете, я напрасно расспрашивал его?

— Да нет, — ответил Скуак, — это его обязанность. Он должен твердо знать, что делает.

На этом они расстались и каждый направился к своим людям.

Возвратившись к своему отряду, Донал увидел, что его командиры уже собрали людей. Они стояли, выстроившись в три шеренги по пятьдесят человек в каждой, со старшими и младшими командирами групп во главе каждого отряда. Старший командир Первой группы, высокий худой сетаинский ветеран по имени Морфи, сопровождал Донала, когда тот обходил ряды, инспектируя людей.

Это хорошие солдаты, думал Донал, проходя вдоль рядов. Хорошо тренированные и закаленные в боях, хотя их и нельзя было назвать отборными: Элдерс, глава Первой Диссидентской Церкви, выбрал их наугад, Уильям оговорил лишь право выбора офицеров. Солдаты были вооружены пружинными ружьями, и в дополнение к ним, пистолетами и ножами. Оружие как оружие. Любой головорез в закоулках старался иметь все более и более современное оружие, но в современной войне главная задача состоит в том, чтобы не дать противнику пустить его оружие в ход. Химическое и радиационное оружие легко было пустить в ход на большом расстоянии, а пружинное ружье с его ленточным магазином на пять тысяч патронов, с его компактным прочным неметаллическим механизмом, способно было с не-

изменной аккуратностью поражать цель на расстоянии в тысячу метров.

И, тем не менее, думал Донал, проходя в предрассветной полутьме по рядам, даже пружинное ружье вскоре станет неприменимым. Очевидно, пехотинцы скоро вернутся к ножу и короткому стальному мечу. И исход битвы будет зависеть от искусства отдельного солдата. Ибо рано или поздно, независимо от того, какое фантастическое оружие будет изобретено, необходимо будет захватить территорию противника, а это способны сделать лишь пехотинцы, такие, как эти люди, стоящие рядами.

Донал встал перед строем.

— Отдыхайте, ребята, — сказал он. — Но держитесь рядами. Все командиры групп — за мной!

Он отошел на такое расстояние, чтобы солдаты не слышали его; командиры групп следовали за ним. Они кружком присели на корточки; Донал передал им приказ Штаба, полученный от Хьюго, а также каждому передал карту.

— Есть вопросы? — спросил он, как недавно спрашивал Хьюго у своих командиров отрядов.

Вопросов не было. Они ждали продолжения. Он, в свою очередь, осматривал лица людей, от которых зависело выполнение приказа.

У него была возможность хорошо узнать их за три недели, предшествовавшие этому утру. Шестеро, которым он смотрел в лицо, в миниатюре представляли все разнообразие мнений, встретивших в отряде его назначение. Из ста пятидесяти человек, находившихся под его командованием, некоторые сомневались в нем из-за его молодости и отсутствия военного опыта. Большинство же было довольно его назначением, так как военная репутация дорсайцев была очень высока. И лишь немногие, очень немногие, принадлежали к тому типу людей, которые автоматически сопротивляются всем, кто внезапно возвышается над ними. К этому типу и относился старший командир Третьей группы, бывший шахтер из Коби по имени Ли. Даже сейчас, сидя на корточках в кружке, на пороге действий, он встречал взгляд Донала с выражением вызова: щетина его черных волос топорщилась в полутьме, а челюсти были крепко сжаты. Находясь в подчинении, такие люди причиняют множество хлопот. Донал решил изменить свое первоначальное намерение передвигаться вместе с Третьей группой.

— Мы разобьемся на группы по двадцать пять человек в каждой, — сказал он, — в каждой должен быть старший или младший командир. Двигаться отдельно, но если вдруг наткнемся на вражеский патруль, объединимся. Ясно?

Они кивнули. Им было ясно.

— Морфи, — сказал Донал, обращаясь к худому старшему командиру группы. — Я хочу, чтобы вы пошли со старшим командиром Ли, который будет находиться в тылу. Ли со своей половиной группы расположится перед вами. Чессен, — он взглянул на старшего командира Второй группы, — вы и Золта займете третью и четвертую позиции с тыла. Я хочу, чтобы вы лично находились в четвертой позиции. Суки, вы, как младший командир Первой группы, будете идти впереди Чессена и справа от меня. Я поведу оставшуюся часть Первой группы.

— Как насчет связи? — спросил Ли.

— Ручная сигнализация. Голос. И все. Я не разрешаю группам сближаться для установления связи. Между группами должен быть интервал как минимум в двадцать метров. — Донал вновь оглядел собравшихся. — Наша задача состоит в том, чтобы подобраться к этому маленькому городу как можно тише и спокойнее. Вступайте в бой, только в том случае, если на вас нападут.

— А говорили, что нас ожидает воскресная прогулка, — заметил Ли.

— Я не оперирую лагерными слухами, — решительно ответил Донал. — Однако мы примем все меры предосторожности. Вы, командиры групп, отвечаете мне за полную экипировку людей, включая медикаменты.

Ли зевнул. Это не был знак вызова.

— Хорошо, — сказал Донал, — идите назад, к своим людям.

Совещание завершилось. Через несколько минут еле слышимый свист передавался от группы к группе: они начали движение. Рассвет еще не наступил, но вершины деревьев уже стали отчетливо выступать на фоне неба.

Первые тысячу двести метров через лес, пройденные с величайшей предосторожностью, напоминали то, о чем говорил Ли, — воскресную прогулку. Когда Донал во главе половины Первой группы вышел на берег реки, это впечатление начало укрепляться.

— Выслать разведчиков, — приказал он.

Два человека скользнули в воду и, держа оружие над головами, пересекли ее ровную поверхность, добрались

до противоположного берега. Помахав ружьями, они дали знак, что все спокойно, и Донал повел оставшихся через реку.

Пересбравшись на противоположный берег, он выслал разведчиков в трех направлениях — вперед и вдоль берега в обе стороны. Здесь Донал подождал, пока Суки со своими людьми перейдет реку. Вскоре разведчики вернулись, не обнаружив противника. Донал построил своих людей в редкую цепь и дал команду двигаться дальше.

День быстро разгорался. Они продвигались пятидесятиметровыми перебежками, высылая вперед разведчиков и двигаясь дальше только тогда, когда разведчики сообщали об отсутствии противника. Перебежка за перебежкой, а противника все не было.

Спустя час, когда огромный оранжевый диск Е-Эпсилона поднялся над горизонтом, Донал смотрел сквозь кусты на маленький молчаливый поселок, обнесенный забором.

Спустя еще минут сорок три группы Третьего отряда Объединенных Войск-176 быстро покинули городок Вера-Придет-На-Помощь. В нем они не обнаружили ни одного жителя.

КОМАНДИР ОТРЯДА-2

Имя командира отряда Грина было опорочено.

Третья команда, или вернее, та ее часть, которая покидала улицы городка, не делала даже попыток скрывать это от него. Если бы Донал показал, что чувствует их оценку, то возможно, что они выразили бы ее яснее. Однако в его совершенном равнодушии к их мнению было нечто, заставившее их сдерживать свое презрение. И, тем не менее, сто пятьдесят человек, дошедшие до городка в полном снаряжении и с соблюдением величайшей осторожности, и триста остальных солдат, проделавших путь гораздо легче и быстрее, были едины в оценке своего нового командира, и в их глазах эта оценка Донала упала до низшей точки. Ибо единственная вещь, которую ветераны ненавидят больше, чем потеть без необходимости в гарнизоне — это потеть без необходимости в поле. Ведь говорили же, что это будет воскресная прогулка. И это действительно была воскресная прогулка, но только не для тех, кто имел несчастье оказаться под командовани-

ем зеленого дорсайца по имени Грин. Его люди были весьма недовольны.

В сумерках, когда лучи садящегося Е-Эпсилона едва пробивались сквозь густые ветви местного потомка земного хвойного дерева, завезенного на эту планету с Земли при колонизации, прибыл гонец от Хьюго. Командант находился на командном пункте, что располагался рядом с покинутым городом. Гонец разыскал Донала, сидевшего верхом на упавшей балке и разглядывавшего карту местности.

— Известие из Штаба, — сказал гонец, присаживаясь на корточки у балки.

— Встаньте, — спокойно сказал Донал. Гонец встал. — Что за известие?

— Вторая и Третья команды останутся на месте до завтрашнего утра, — громко сказал гонец.

— Известие принято, — ответил Донал, отправляя посланца. Гонец повернулся и заторопился дальше.

Оставшись один, Донал продолжал изучать карту, пока позволял дневной свет. Когда же совсем стемнело, он отложил ее, извлек из кармана маленький свисток и вызвал к себе ближайшего старшего командира группы.

Через мгновение на фоне тускло освещенного неба вырисовалась высокая тощая фигура.

— Морфи, сэр. Вызывали? — слышался голос старшего командира группы.

— Да, — ответил Донал. — Часовые расставлены?

— Да, сэр, — ответил без энтузиазма Морфи.

— Хорошо. Пусть все время будут настороже. А теперь, Морфи...

— Да, сэр?

— Кто в отряде лучше всех распознает запахи?

— Запахи, сэр?

Донал молча ждал ответа. Наконец Морфи медленно и задумчиво сказал:

— Наверное, Ли, сэр. Он вырос в шахтах. А там необходимо хорошее обоняние. Это шахты на Коби, командир.

— Я знаю, о чем вы говорите, — сухо ответил Донал. — Вызовите сюда Ли.

Морфи извлек свой свисток и вызвал старшего командира Третьей группы. Они подождали.

— Он в лагере? — через некоторое время спросил Донал. — Я приказал, чтобы никто не выходил за посты и чтобы все были в пределах слышимости свистка.

— Да, сэр, — сказал Морфи. — Он сейчас придет. Ли знает приказ. Эти свистки весьма мало отличаются друг от друга, и нужна практика, чтобы научиться различать их, сэр.

— Командир группы, — сказал Донал, — я буду весьма признателен вам, если в дальнейшем вы не станете объяснять мне то, что я и так хорошо знаю.

— Да, сэр, — покорно ответил Морфи.

В полутьме возникла еще одна тень.

— В чем дело, Морфи? — слышался голос Ли.

— Вас вызвал я, — заговорил Донал, прежде чем старший командир группы смог ответить. — Морфи сказал, что вы хорошо различаете запахи.

— Очень хорошо, — ответил Ли.

— Сэр.

— Очень хорошо, сэр.

— Отлично, — сказал Донал. — Взгляните оба на карту. Быстрее. Я посвечу вам. — Он зажег небольшой фонарик, прикрывая его рукой. Карта была расстелена на балке перед ними. — Три километра отсюда. Вы знаете, что там?

— Небольшая долина, — сказал Морфи. — Наши посты в стороне от нее.

— Мы отправляемся туда, сейчас же — сказал Донал, и, погасив фонарь, он встал с балки.

— Мы... Мы, сэр? — услышал он голос Ли.

— Мы пойдем туда втроем, — и Донал осторожно двинулся вперед во тьме.

Идя по лесу, он с удовольствием убедился, что командиры движутся так же осторожно и бесшумно, как он. Медленно, соблюдая осторожность, они прошли около мили. Здесь все трое почувствовали, что дорога пошла в гору.

— Ползком, — спокойно сказал Донал.

Они легли на животы и стали медленно и бесшумно подниматься. Подъем занял добрых полчаса. Но, в конце концов, они оказались рядом друг с другом на краю обрыва. Они лежали и молча смотрели в темноту открывшейся перед ними долины. Донал тронул Ли за плечо, и, когда тот повернулся, Донал дотронулся до своего носа, и, указав на долину, сделал энергичный вдох. Ли повернул лицо к долине и в течение нескольких минут лежал, внешне ничего не делая. Через некоторое время он повернул лицо к Доналу и кивнул. Тот поманил командиров с обрыва.

Донал ничего не спрашивал, а спутники ничего не говорили, пока не оказались на безопасном расстоянии, за своими постами. Тогда Донал обратился к Ли:

— Ну, Ли, что вы почувствовали?

Ли колебался. В его голосе, когда он, наконец, ответил, чувствовалось удивление.

— Не знаю, сэр, — ответил он. — Но, по-моему, что-то кислое... Такого запаха я не помню.

— Это все, что вы можете сказать? «Что-то кислое»?

— Да, сэр, — ответил Ли. — У меня хорошее обоняние, командир, в самом деле хорошее, — голос его звучал воинственно, — но ничего подобного я до сих пор не ощущал. Я вспомнил бы.

— Кто-нибудь из вас бывал на этой планете раньше?

— Нет, — ответил Ли.

— Нет, сэр, — повторил Морфи.

— Понятно, — сказал Донал.

Они вернулись к той самой балке, с которой он встал три часа назад.

— Это все. Благодарю вас, командиры групп. — проговорил и вновь сел на балку, а эти двое, немного поколебавшись, исчезли.

Оставшись один, Донал вновь склонился над картой и некоторое время сидел в задумчивости, а потом, подозревая Морфи, сказал, что отправляется на командный пункт.

Командный пункт располагался в затемненном помещении. Внутри спал ординарец, у освещенной карты сидел Скуак.

— Где комендант? — спросил вошедший Донал.

— Отправился спать три часа назад, — ответил Скуак. — У вас к нему какое-то дело? Он оставил меня дежурить.

— Где он расположился?

— В десяти метрах отсюда, в кустарнике. Но что случилось? Вы хотите разбудить его сейчас?

— Может, он уже проснулся, — сказал Донал и вышел.

Выйдя из командного пункта, он осторожно двинулся в направлении, указанном ему Скуаком. Здесь, прикрепленный к двум деревьям, висел полевой гамак, в нем сквозь верхнюю накидку смутно вырисовывались очертания человеческой фигуры. Но едва Донал протянул руку и дотронулся до плеча спящего, то сразу же понял, что коменданта здесь нет. В гамаке лежал лишь пустой костюм. Сдерживая участившееся дыхание, Донал повернул

обратно. Пройдя мимо командного пункта, он направился к городу, но неожиданно был остановлен часовым.

— Извините, командир, — сказал часовой, — приказ коменданта. Никому не разрешается уходить в город. Даже ему самому, — сказал он. — Там ловушки.

— Спасибо, — ответил Донал. Повернувшись, он скрылся во тьме. Но, отойдя немного в сторону, повернул обратно, осторожно миновал посты и приблизился к домам города. Маленькая, но очень яркая луна, которую жители Гармонии называли Оком Господа, только что взошла, и всюду появились серебряные и черные тени. Укрываясь в темных местах, Донал начал тщательно обыскивать город, дом за домом и здание за зданием.

Это было утомительное занятие, так как все нужно было проделать в тишине. Спустя почти четыре часа он нашел то, что искал.

В центре небольшого освещенного луной и лишенного крыши строения стоял Хьюго Киллиен. В своем маскировочном военном мундире он выглядел весьма внушительно. Рядом с ним, почти в его объятиях — Анна, избранная из Культиса. Позади них, мерцая под действием поляризующей установки, стояла маленькая летающая платформа, которая, несомненно, должна была обеспечить ее появление.

— Любимая, — говорил Хьюго. Голос его был так тих, что едва долетал до скорчившегося за полуразрушенной стеной Донала. — Любимая, вы должны верить мне. Вместе мы можем остановить его: но вы должны разрешить мне вмешаться в это. Его власть огромна.

— Знаю, знаю, — Анна прервала его, заламывая руки. — Однако каждый день ожидания увеличивает опасность для нас, Хьюго. Бедный Хьюго, — она протянула руку и погладила его по щеке, — это я вовлекла вас в это.

— Вовлекли? Меня? — Хьюго сдержанно рассмеялся. — Я вступил на этот путь с открытыми глазами. — Он попытался прижать ее к себе. — Ради вас...

— Сейчас не время, — она мягко остановила его. — И потом, вы это делаете вовсе не из-за меня. Из-за Культиса. Дело не во мне, — с яростью сказала она, — он не получит под свою власть мою землю.

— Конечно, ради Культиса, — ответил Хьюго. — Но Культис — это вы, Анна. Вы — это все, что я люблю на Экзотике, но разве вы не видите, что все основано ишь на ваших подозрениях? Вы думаете, что он дей-

ствует против Сэйоны, но это же не значит, что он действует против Культиса вообще.

— Но что же мне делать? — воскликнула она. — Я не могу действовать против него теми же методами. Я не могу обманывать, лгать и посылать шпионов, тем более, что мой контракт все еще у него. Я вообще не могу этого сделать. Вот что значит быть избранной. — Она сжала кулаки. — Я в ловушке у собственного мозга, у собственного тела. — Неожиданно Анна снова повернулась к нему: — Но когда я впервые заговорила с вами два месяца назад, вы ответили, что это очевидно.

— Я ошибался, — успокаивающим тоном произнес Хьюго. — Кое-что привлекло мое внимание, но, во всяком случае, я был неправ. У меня ведь тоже есть принципы, моя Анна. Может, они не достигают уровня вашей психологической блокады, но я тоже знаю, что такое честь и право.

— Да, я знаю, знаю, Хьюго, — она была вся раскаяние, — но я в отчаянии. Я не знаю...

— Если бы он только предпринял что-нибудь против вас лично...

— Против меня? — она фыркнула. — Он не посмеет. Я — избранная из Культиса. А кроме того, это было бы глупо, — добавила она с тем же здравым смыслом, о котором в ней Донал и не подозревал. — Этим он бы ничего не добился, а только встревожил бы Культис.

— Не знаю, — Хьюго нахмурился. — Он — мужчина. Когда я лишь подумую...

— О, Хьюго, — она внезапно хихикнула, как школьница. — Не будьте таким смешным.

— Смешным? — он был оскорблен.

— Я не хотела обидеть вас, Хьюго. Перестаньте смотреть сломом, которого пчела ужалила в хобот. Об этом нечего и говорить. Он слишком рассудителен для... — она вновь хихикнула, потом вздохнула. — Нет, вам нужно бороться с его разумом, а не с сердцем.

— А о моем сердце вы не заботитесь? — он задал этот вопрос каким-то осевшим голосом.

Она глядела в землю.

— Хьюго, вы мне нравитесь... — сказала она. — Но вы не понимаете. Избранная из Культиса — это... это символ.

— Вы хотите сказать, что не можете.

— Нет, нет, не это, — Анна быстро взглянула на него. — Я не могу не любить, Хьюго. Но если я вовлечена

во что-то, пусть даже незначительное, но имеющее отношение к Культису, я не могу... понимаете?

— Я понимаю, что я солдат, — сказал он. — И я никогда не знаю, будет ли у меня завтрашний день.

— Я понимаю, — ответила она, — и они посылают вас с такими опасными заданиями.

— Дорогая, маленькая Анна, — торопливо начал он, — как мало вы знаете, что это значит, — быть солдатом. Я добровольно избрал свой путь.

— Добровольно? — Анна вопросительно посмотрела.

— Чтобы искать опасности, чтобы найти возможность самоутвердиться, — горячо отвечал он. — Создать себе такое имя, чтобы все среди звезд знали, что я достоин избранной из Культиса.

— О, Хьюго, — воскликнула она с энтузиазмом, — если бы вы только могли... Если бы вы прославились... Тогда мы победили бы его.

Он поглядел на нее с таким обескураженным видом, что Донал в своем укрытии чуть не расхохотался.

— Неужели вы будете всегда говорить о политике? — воскликнул он.

Но Донал уже отвернулся от них. Не было смысла слушать разговор дальше. Стараясь не шуметь, он отошел на безопасное расстояние, а затем пошел быстро, не заботясь о соблюдении тишины. Короткая ночь северного континента Гармонии уже сменялась рассветом. Донал добрался до расположения своего отряда. Один из часовых окликнул его:

— Стой! Стой и назови... сэр.

— Идем со мной! — скомандовал Донал. — В каком направлении расположена Третья группа?

— Здесь, сэр, — часовой прошел вперед, указывая дорогу.

Дойдя до нужного места, Донал извлек свисток и вызвал Ли.

— Какого..? — послышался сонный голос откуда-то вблизи. Гамак раскрылся, и бывший шахтер вывалился на землю. — Какого дьявола... сэр!?

Донал обеими руками повернул его голову в сторону вражеской территории, откуда дул утренний ветерок.

— Нюхайте, — приказал он.

Ли замигал, ухватил нос в кулак и сдержал зевок. Он глубоко вздохнул, наполняя легкие, ноздри его расширились, — неожиданно вся сонливость слетела с него.

— Тот же самый запах, сэр, — сказал он, поворачиваясь к Доналу. — Только сильнее.

— Хорошо, — Донал повернулся к часовому: — Передайте приказ старшим командирам Первой и Второй групп: пусть они посадят своих людей на деревья, достаточно высоко, и чтобы никто не зевал и не слезал.

— На деревья, сэр?

— Действуйте. Через десять минут каждый должен быть в дюжине метров от земли, со всем оружием, — часовой повернулся, чтобы выполнить приказ, а Донал добавил: — Если успеете, отправляйтесь к командному пункту и передайте им то же самое, если не успеете, взбирайтесь сами на дерево, понятно?

— Да, сэр.

— Выполняйте.

Донал принялся будить солдат Третьей группы и загонять их на деревья. В десять минут этого сделать не удалось. Прошло не менее двадцати минут, пока все оказались на деревьях. Группа же дорсайских школьников, несмотря на крепкий сон, выполнила бы это в четыре раза быстрее. Тем не менее, думал Донал, устраиваясь на ветке, они успели вовремя, а это было главным.

Донал, подобно другим, не остановился на высоте двадцать метров. Машинально, выгоняя солдат из гамаков, он заметил самое высокое дерево в окрестности лагеря, на него он и взобрался и с его вершины смог осматривать окрестности. Прикрыв глаза от восходящего солнца, он рассматривал вражескую территорию.

— Что нам делать теперь? — донесся до него чей-то обиженный голос.

Донал, отняв ладонь от глаз, наклонил голову.

— Старший командир группы, Ли, — сказал он, негромким голосом, но так, чтобы слышали все, — вы обязаны застрелить каждого, кто откроет рот без моего или вашего разрешения. Это приказ.

Он вновь поднял голову и в воцарившейся тишине принялся осматривать из-под десницы местность.

Секрет наблюдения — в терпении. Он ничего не видел, но продолжал сидеть, глядя на все в целом. Через несколько минут краем глаза Донал уловил какое-то слабое движение. Он не пытался отыскать его вновь, а продолжал изучать всю территорию. И постепенно, как в каком-то фильме, он увидел фигурки, что вырастали из-под земли. Вскоре Донал убедился, что видит людей, пе-

ребегающих от укрытия к укрытию, множество людей, приближающихся к лагерю.

Он вновь наклонил голову среди ветвей.

— Не стрелять, пока не услышите мой свисток, — сказал он негромко. — Сохранять спокойствие, не разговаривать.

Он услышал, что словно ветерок прошумел в ветвях — это его приказ передавали всем солдатам Третьей группы. А также, как он надеялся, Первой и Второй.

Маленькие фигурки продолжали приближаться. Тайком глядя на них сквозь листву, он заметил маленький черный крест, пришитый к правому плечу мундира каждого. Это были не наемники. Это были местные отборные войска Объединенной Ортодоксальной Церкви, прекрасные солдаты и дикие фанатики в то же время. И в этот момент нападающие поднялись во весь рост, разразились дикими криками и воплями, и весь этот шум смешался со звуками выстрелов пружинных ружей, рвавших в клочья воздух, деревья и человеческую плоть.

Они двигались не к деревьям, на которых укрылись люди Донала, а атаковали лагерь, где находились их товарищи. Донал сдерживал своих людей сколько мог и даже на несколько секунд дольше, потом, прижав свисток к губам, дунул в него — свист разнесся из одного конца лагеря в другой.

Его люди открыли яростный огонь с деревьев. Через несколько мгновений на земле воцарилось дикое смятение. Очень трудно было определить, откуда ведется стрельба из пружинного ружья. Около пяти минут нападающим солдатам казалось, что по ним стреляют из какого-то подземного укрытия. Они безжалостно убивали всех, кого видели перед собой, но когда поняли свою ошибку, было уже поздно. По их редющим рядам был сосредоточен огонь полутора сотен ружей. И хотя искусство стрельбы было лишь удовлетворительным по дорсайским меркам, кроме одного случая, оно было достаточным для выполнения задачи. Меньше чем через сорок минут после того, как Донал начал будить своих солдат, сражение было закончено.

Третья группа спустилась на землю, и один из первых спустившихся — солдат по имени Кеннебак — спокойно поднял ружье на плечо и выстрелом перебил горло ортодоксала, корчившегося на земле поблизости.

— Прекратить, — резко скомандовал Донал. Голос его разнесся по всей территории, — наемник ненавидит

бессмысленные убийства. Не его дело резать людей, его дело — выигрывать сражения.

Больше не раздалось ни одного выстрела. Этот факт свидетельствовал о резком изменении мнения Третьей команды относительно своего нового командира по имени Грин.

По приказу Донала были собраны раненые с обеих сторон, серьезно раненым оказали немедленную помощь. Все атакующие солдаты были уничтожены. Но потери не ограничивались лишь одной стороной: из трехсот человек, подвергшихся нападению на земле, три четверти, включая командира Скуака, были убиты.

— Приготовиться к отходу, — приказал Донал, и в этот момент человек, стоявший перед ним, повернул голову и посмотрел на что-то позади Донала. Донал повернулся. Из города с пистолетом в руке выходил комендант Киллиен. В молчании, не двигаясь, уцелевшие солдаты трех команд ждали его приближения. Он взглянул на них, затем на Донала. Ускорив шаг, он остановился в нескольких шагах от молодого дорсайца.

— Ну, командир, — сказал он, — что случилось? Докладывайте.

Донал не ответил. Он поднял руку и указал на Хьюго.

— Солдаты, — приказал он двум ближайшим к Хьюго наемникам, — арестуйте этого человека. Приказываю держать его под арестом до немедленного военно-полевого суда в соответствии со статьей четвертой Кодекса Наемников.

ВЕТЕРАН

После прибытия в город, устроившись в гостинице, Донал с аннулированным контрактом в кармане спустился на два этажа, чтобы нанести визит маршалу Хендрику Галту. Посетив маршала и завершив все дела, он отправился со вторым визитом в другой отель.

Несмотря на свой сильный характер, он чувствовал некоторую слабость в коленях, сообщая свое имя дверному роботу. Большинство людей простило бы ему эту слабость. Ибо Уильям, принц Сеты, был одной из тех личностей, с которыми самый вздорный человек не стал бы ссориться даже в своем доме, а Донал, несмотря на весь свой военный опыт, был всего лишь молодым человеком.

Дверной робот пригласил его войти, и Донал, приняв самое спокойное и независимое выражение лица, прошел через анфиладу комнат.

Уильям, как и в предыдущий раз, когда Донал видел его, работал за письменным столом. Это не было хвастовством и не делалось напоказ, как решило бы большинство людей. Редко кто из людей был так занят хоть раз в году, как Уильям — ежедневно своими бесчисленными делами. Донал подошел к столу и наклонил голову в знак приветствия.

Уильям взглянул на него.

— Поражаюсь, снова видя вас здесь, — сказал он.

— В самом деле, сэр?

Уильям с полминуты молча разглядывал его.

— Я не часто ошибаюсь, — сказал он. — Но мне, возможно, следует утешить себя тем, что когда я делаю ошибки, они, как правило, словно по волшебству, оборачиваются крупнейшими моими успехами. Каким нечеловеческим оружием снабдили вы себя, молодой человек, что осмелились вновь появиться у меня?

— Быть может, это оружие называется общественным мнением, — ответил Донал. — Я кое-чего достиг в глазах солдат. У меня теперь есть имя.

— Да, — сказал Уильям. — Мне знаком этот род оружия по собственному опыту.

— Кроме того, — сказал Донал, — вы послали за мной.

— Да, — и тут без всякого предупреждения лицо Уильяма вдруг приобрело такое свирепое выражение, какого Донал никогда не видел. — Как вы посмели? — злобно спросил принц. — Как вы только посмели?

— Сэр, — ответил Донал с деревянным неподвижным лицом. — У меня не было выбора.

— Не было выбора... Приходите ко мне и имеете наглость заявлять, что у вас не было выбора?

— Да, сэр, — ответил Донал.

Уильям встал быстрым гибким движением. Наклонившись над столом, он глядел в лицо Доналу, глаза его были совсем рядом с глазами юного дорсайца.

— Я приказал вам исполнять лишь мои приказы, и ничего больше, — холодно сказал принц. — А вы — показной герой, вы все испортили.

— Сэр?

— Что «сэр»? Вы — умственно отсталый из лесной

глуши. Вы глупец. Кто велел вам вмешиваться в дела Хьюго Киллиена?

— Сэр, — повторил Донал, — у меня не было выбора.

— Как это — не было выбора?

— Моя команда — это команда наемников, — ответил Донал, не двигая ни одним мускулом лица. — Коммендант Киллиен заверил нас в безопасности в соответствии с Кодексом Наемников. Однако его уверения оказались неправдой, и к тому же он бросил свой отряд на произвол судьбы на вражеской территории. Он повинен в смерти половины своих людей. Как старший после него по званию офицер, я был обязан арестовать его и отдать под суд.

— И суд состоялся тут же, на месте?

— Так предписывает Кодекс, сэр, — Донал помолчал, а затем произнес: — Я сожалею, но его пришлось расстрелять. Военно-полевой суд не дал мне выбора.

— Опять, — сказал Уильям. — Не дал выбора. Грин, межзвездное пространство не для тех, кто не умеет делать выбора. — Он резко повернулся, обошел стол и сел. — Ладно, — холодно, но уже овладев собой, сказал он. — Идите.

Донал повернулся и пошел к выходу.

— Оставьте свой адрес дверному роботу, — бросил Уильям вдогонку. — Я подыщу для вас должность на какой-нибудь другой планете.

— Сожалею, сэр... — произнес Донал. Уильям вопросительно посмотрел на него. — Я думал, что вы перестанете заботиться о моем будущем, к тому же маршал Галт уже нашел для меня должность.

Уильям некоторое время продолжал смотреть на него. Глаза его были холодными, как зрачки василиска.

— Так, — наконец, медленно сказал он. — Что ж, Грин, мы с вами еще встретимся.

— Я надеюсь на это, — ответил Донал.

Он вышел. Но даже закрыв за собой дверь, ему казалось, Уильям смотрит ему вслед.

Оставался последний визит, после чего его дела на этой планете можно было бы считать законченными. Выбрав нужное направление, Донал спустился на один этаж.

Дверной робот пригласил его войти. Ар-Делл, как всегда неопрятный, с блестящими от выпитого глазами, встретил его на полпути от входа.

— Увы, — сказал Ар-Делл, когда Донал объяснил ему, чего хочет. — Анна не хочет вас видеть. — Он пожал плечами, глядя на Донала, глаза его вроде бы прояснились. В них появилось печальное и доброе выражение, тут же сменившееся горькой усмешкой. — Но это не понравится старой мисс. Я скажу ей.

— Я хочу сказать ей кое-что, что она должна знать, — сказал Донал.

— Ладно, подождите, — Ар-Делл вышел.

Вернулся он минут через пятнадцать.

— Поднимайтесь, — сказал он. — Комната 1890. — Донал направился к двери. — Кто бы мог подумать, — печально сказал нептунианин. — Я хотел бы еще раз встретиться с вами.

— Мы еще встретимся, — улыбнулся Донал.

— Да, — согласился Ар-Делл, проницательно глядя на Донала. — Обязательно встретимся.

Донал вышел и поднялся в комнату 1890. Дверной робот пригласил его войти. Анна, стройная и суровая, в одном из своих длинных платьев с высоким воротником, ждала его.

— Ну, — сказала она.

Донал печально посмотрел на нее.

— Вы меня ненавидите? — спросил он.

— Вы убили его! — выкрикнула девушка.

— Да, конечно, — хотя Донал и сдерживался, но раздражение, которое она вызывала в нем, прорвалось. — Я сделал это для вашего же блага.

— Для моего блага?

Он извлек из кармана маленький магнитофон. Но аппарат, к его удивлению, не работал: что-то испортилось.

— Послушайте, — сказал он, — вы прекрасно подготовлены к генетическим образам тренировкой, вы — избранная, но не больше. Неужели вы не понимаете, что межзвездные интриги не для вас?

— Межзвездные... О чем вы?

— О, наберитесь хоть немного терпения, — устало сказал он. — Уильям — ваш враг. Вы это хорошо понимаете, но не понимаете почему, хотя вам кажется, что это не так. И даже я в этом ошибался. Однако вы не сможете обыграть Уильяма в его игре, играйте свою собственную. Будьте избранной из Культиса. Как избранная, вы неприкосновенны.

— Если вам нечего сказать больше...

— Ладно, — он шагнул вперед. — Тогда слушайте.

Уильям пытался скомпрометировать вас. Киллиен был его орудием...

— Как вы смеете? — выкрикнула она.

— Как я смею? — устало повторил он. — Есть ли хоть один человек в этом межзвездном мире безумцев, который не сказал бы мне эту фразу? Я смею потому, что это правда.

— Хьюго, — почти кричала она, — был честным человеком. Солдатом и джентльменом. А не...

— Не наемником? — спросил Донал. — Но он был им.

— Он был офицером, настоящим офицером, — надменно промолвила она. — В этом разница.

— Нет никакой разницы, — покачал головой Донал. — Вы не понимаете, что наемник — это вовсе не оскорбление. Ну, не в этом дело. Киллиен был хуже, чем любое слово, которым вы, по ошибке, можете назвать меня. Он был дурак.

— О... — Анна отвернулась.

Он схватил ее за локоть и развернул к себе. Она удивилась. Ей и в голову не приходило, что он может быть так силен. Сознание своей физической беспомощности заставило ее замолчать.

— Слушайте правду, — сказал он. — Уильям выставил вас как дорогую награду перед глазами Киллиена. Он вселил в Хьюго глупую надежду, что он сможет получить вас — избранную из Культиса. Уильям дал вам возможность посещать Хьюго ночью в городке Вера-Придет-На-Помощь. Да, — ответил он на ее жест, — я знал это, я видел вас там с ним. Уильям уверил Хьюго, что тот встретит вас; точно так же он убедил ортодоксалов, что их атака будет удачной.

— Я не верю... — начала было девушка.

— Не будьте вы так наивны, — грубо прервал ее Донал. — Иначе как отборные войска ортодоксалов напали бы на лагерь именно в тот момент, когда Хьюго там не было? Да и кто, кроме этих фанатиков, был бы способен не оставить ни одного живого человека в лагере? Предполагалось, что в живых останется только один человек — Хьюго Киллиен. Вернувшись, он получит вас в награду за свой подвиг. Вот видите, чего стоит ваше доброе мнение?

— Хьюго не мог...

— Мог, — прервал опять Донал. — Я сказал, что он был дураком. Дураком, но сравнительно хорошим

солдатом. А Уильяму ничего другого и не нужно было. Он знал, что Хьюго достаточно глуп, чтобы пойти на встречу с вами, и достаточно хороший солдат, чтобы остаться в живых, когда весь его отряд будет уничтожен. Как я и говорил, он вернулся бы один — и вернулся бы героем.

— Но как вы предвидели это, — воскликнула она. — В чем ваш секрет? У вас что, была прямая связь с лагерем ортодоксалов?

— Все было ясно из ситуации: отряд брошен на произвол судьбы, комендант глупейшим образом отправился на любовное свидание; в таких условиях что-то вроде внезапного нападения неизбежно. И я просто спросил себя, какой род войск может быть использован и как их можно обнаружить. Войска ортодоксалов питаются только местными растениями, приготовленными по туземному способу. Запах этой пищи пропитал их одежду. Любый ветеран войны с Гармонией сумел бы обнаружить их тем же способом.

— Если бы его нос был достаточно чувствителен, если бы он знал, где искать...

— Было только одно возможное место...

— Все равно, — холодно сказала она. — Дело не в этом. — Внезапно она закричала яростно: — Дело в том, что Хьюго был невиновен. Вы сами это признали. Он был, даже если согласиться с вами, всего лишь глуп. А вы убили его.

Донал устало вздохнул.

— Преступление, за которое был расстрелян комендант Киллиен, заключалось в том, что он бросил своих людей на произвол судьбы на вражеской территории. За это он поплатился жизнью.

— Убийца! — вновь закричала Анна. — Уходите!

— Но, — начал Донал, изумленно глядя на нее, — я ведь только что все объяснил...

— Вы ничего не объяснили, — холодно, как бы издаleка произнесла она. — Я ничего не слышала, кроме нагромождений лжи, лжи о человеке, чьи сапоги вы недостойны были даже чистить. Вы уйдете сами или мне вызвать охрану?

— Вы не верите?.. — он глядел на нее широко раскрытыми глазами.

— Уходите, — девушка отвернулась от него.

Словно в тумане, Донал повернулся, дошел до двери

и вышел в коридор, схватившись за голову, как человек, который хотел бы проснуться от кошмара.

Что за проклятье тяготеет над ним? Она ведь не лгала — она не способна на это. Она выслушала его объяснения, и эти объяснения для нее ничего не значили. Все было так очевидно, так ясно — махинации Уильяма и глупость Киллиена. Однако она не увидела этого, даже когда Донал указал ей. Она. Избранная из Культиса.

Почему? Почему?? Почему же?!

Раздираемый сомнениями и одиночеством, Донал направился к отелю Галта.

Часть вторая

АДЪЮТАНТ

Они встретились в кабинете маршала Галта в его доме на Фриленде: огромные размеры зала, высота сводчатых потолков подавляли присутствующих, когда они втроем собрались у письменного стола.

— Капитан Ллудров, это мой адъютант, командир моего Голубого Патруля.

— Вы оказываете мне честь, сэр, — сказал Донал, наклоня голову.

— Рад познакомиться с вами, Грин, — ответил Ллудров. Это был низкорослый, плотный человек лет сорока, темнокожий, с черными глазами.

— Доналу можно доверять всю необходимую информацию, — сказал Галт. — Итак, что сообщают разведчики?

— Нет сомнений в том, что они планируют экспедиционную высадку на Ориенте, — Ллудров повернулся к столу и нажал кнопку. Поверхность стола стала прозрачной и через нее появилась карта системы Сириуса. — Здесь находимся мы, — сказал он, указывая на планету Фриленд. — Здесь — Новая Земля, — его палец двинулся к другой планете, такой же как Фриленд. — А вот здесь — Ориенте, — палец уперся в небольшую планету вблизи звезды, — в этой позиции они находились по отношению друг к другу двенадцать дней назад. Видите, солнце будет находиться между нашими планетами, а также между каждой из наших планет и Ориенте. Они не могли избрать более выгодной тактической ситуации.

Галт что-то пробурчал, глядя в карту. Донал с любопытством смотрел на Ллудрова. Акцент выдавал в нем уроженца Новой Земли, и, тем не менее, он находился на высоком посту в вооруженных силах Фриленда. Конечно, эти две сирийские планеты были естественными союзниками, находясь на стороне старушки Земли, про-

тив группы Марс-Нептун-Кассида. Но именно потому, что они были так близки, между ними существовало соперничество, и офицер одной планеты быстрее продвигался бы по службе у себя на родине, а не на другой планете.

— Не нравится мне все это, — сказал наконец Галт. — Это какая-то шутка, причем, очень глупая. Люди с их планеты вынуждены будут носить респираторы. И какую пользу они получают от этого плацдарма, даже если захватят его? Ориенте слишком близка к солнцу, чтобы ее колонизировать, иначе мы сами давно бы колонизировали ее.

— Возможно, — спокойно сказал Ллудров, — они собираются организовать оттуда наступление на обе наши планеты?

— Нет, нет, — голос Галта был резким и раздраженным. Его массивное лицо склонилось над картой. — Это также нелепо, как и попытка колонизировать Ориенте. Они не смогут создать там базу и снабжать ее так, чтобы напасть оттуда на две большие планеты с хорошо вооруженными армиями и развитой промышленностью. Вообще, завоевать цивилизованную планету невозможно. Это аксиома.

— Однако, она тоже может оказаться неверна, — заметил Донал.

— Что? — недоуменно спросил Галт. — А, это вы, Донал? Не вмешивайтесь. По-моему, — продолжал он, обращаясь к Ллудрову, — это ни что иное, как жизненное упражнение, вы знаете, что я имею в виду?

Ллудров кивнул. Донал машинально тоже кивнул. Ни один главный штаб на планетах не соглашался на жизненные упражнения, и в то же время все военные люди их признавали. Это были небольшие стычки, главным образом, врукопашную, либо для того, чтобы проверить подготовку войск, либо чтобы дать понюхать пороху войскам, долго стоявшим в бездействии на постоянных базах. Галт, один из немногих старших командиров своего времени, всегда выступал против таких операций не только в теории, но и на практике. Он считал более честным просто распустить войско, как в нынешней ситуации на Гармонии, когда войска проявляют признаки утомления. Донал соглашался с ним, хотя всегда существовала опасность, что распущенные на время войска забудут кому служат и предадутся грабежам. — А что вы думаете об этом? — спросил Галт командира патруля.

— Не знаю, сэр, — ответил Ллудров. — Мне кажется, это единственное разумное истолкование.

— Дело в том, — вновь вмешался Донал, — что когда человек недооценивает реальную опасность, случаются самые неразумные вещи. Отсюда следует, что...

— Донал, — сухо прервал его Галт, — вы всего лишь мой адъютант, а не военный советник.

— Однако... — настаивал Донал, но маршал прервал его не терпящим возражения тоном:

— Достаточно.

— Слушаюсь, сэр, — покорно ответил Донал.

— Ну что ж, — сказал Галт, обращаясь к Ллудрову, — отнесемся к этому, как к посланной небом возможности разбить одну или две армии Нептуно-Кассиданского флота и вооруженных сил. Возвращайтесь в Патруль и ждите дальнейших указаний.

Ллудров наклонил голову и собрался уходить, когда раздался характерный свист воздуха открывающейся пневматической двери и звук приближающихся шагов по полированному полу. Все повернулись и увидели высокую, поразительно красивую женщину с рыжими волосами.

— Эльвин, — сказал Галт.

— Я не помешала? — спросила красавица. — Я не знала, что у вас посетители.

— Расс, — сказал Галт, — вы знакомы с моей племянницей Эльвин Рай? Эльвин, это командир голубого Патруля, Расс Ллудров.

— Глубоко польщен, — сказал Ллудров, едва заметно кланяясь.

— О, мы встречались, во всяком случае, я вас где-то видела, — она протянула ему руку, а потом повернулась к Доналу. — Донал, пойдемте со мной рыбачить.

— Сожалею, — ответил Донал, — но меня удерживают мои обязанности.

— Нет, нет, — Галт махнул своей большой рукой. — В данный момент ничего важного. Идите, если хотите.

— Тогда я к вашим услугам, — поклонился Донал.

— Что за холодное отношение? — она повернулась к Ллудрову. — Я уверена, что командир Патруля не будет так долго колебаться.

Ллудров поклонился.

— Я не колеблюсь никогда, если дело касается вас, Рай.

— Вот, — девушка повернулась к Доналу, — вот вам образец. Вы должны научиться вести себя подобным образом и говорить так же.

— Если позволит служба, — ответил Донал.

— Ах, Донал, — она сжала руки, — вы безнадежны. И все же — идите.

Она повернулась и пошла, а молодой дорсаец последовал за ней.

Ли, тот самый Ли, который командовал Третьей группой, ждал его.

— А, командир группы, — приветствовал его Донал, пожимая руку, — что привело вас сюда?

— Вы, сэр, — ответил Ли. Он глядел в глаза Доналу с еле уловимым вызовом, это выражение его лица Донал понимал с самого начала. — Нужен ли вам ординарец?

Донал некоторое время молча смотрел на него.

— Но почему?

— Я получил на руки свой контракт, когда нас выпустили после этой истории с Киллиеном, — сказал Ли. — Если хотите знать, я кутил. Это мой крест. Без мундира я алкоголик. В мундире я чувствую себя лучше, но рано или поздно все равно вступаю с кем-нибудь в стычку... Я долго не мог понять, что мне нужно. Но наконец понял — я хочу служить вам.

— Вы печально выглядите, — сказал Донал.

— Я все могу сделать, даже брошу пить. И платить мне нужно совсем немного. Взгляните на мой контракт. Если возьмете меня, я буду настоящим солдатом. Я не пью, когда у меня есть работа. И я умею кое-что. Вот, поглядите...

Он по-дружески протянул руку, как бы для рукопожатия, но неожиданно в ней блеснул нож.

— Это трюк убийц из предместий, — улыбнулся Донал. — И вы так собираетесь служить со мной?

— С вами — нет, — нож исчез. — Потому, что я хочу служить у вас. У меня странный характер, комендант: мне нужна опора. Мне нужен указатель пути, как обычным людям нужна пища, питье, дом, друзья. Это все отражено в психологическом разделе моего контракта, можете посмотреть.

— Если вы это говорите, зачем же мне смотреть? — возразил Донал. — Но что с вами?

— Я нахожусь на грани сумасшествия, — с ничего не

выражающим лицом говорил Ли. — И это неизлечимо. Я родился с этой особенностью. Врачи сказали, что у меня нет представления о плохом и хорошем, я не могу руководствоваться абстрактными правилами. Доктор, проверявший меня, когда я впервые заключал контракт, сказал, что мне все время нужен рядом живой Бог. Если вы прикажете перерезать горло первому встречному, я сделаю это. Скажете, чтобы я перерезал горло себе — тоже сделаю.

— Это звучит не привлекательно.

— Я говорю правду. Я не могу сказать вам многого. Я похож на штык, который все время ищет свою винтовку, теперь я нашел ее, можете мне верить. Но возьмите меня на испытание, на пять лет, на десять, на весь остаток моей жизни, только не прогоняйте. — Ли полуобернулся и указал рукой на дверь. — За ней для меня ад, комендант, а здесь — здесь все; о, небеса.

— Не знаю, — медленно начал Донал, — смогу ли я взять на себя такую ответственность.

— Никакой ответственности, — глаза Ли сверкнули. И Донал внезапно понял, что Ли страшно напуган: он боится отказа. — Испытайте меня. Только прикажите. Что угодно: лечь на пол и лаять; отрубить себе левую руку... Как только мне приделают новую, я тут же буду ждать ваших приказаний... — Нож снова сверкнул в его руке. — Попробуете?

— Прекратите! — выпалил Донал. — Ладно, я беру ваш контракт. Мой номер наверху, третья дверь справа. Идите туда и ждите меня.

Ли кивнул. Не произнеся ни слова благодарности, он просто повернулся и вышел. Донал задумчиво покачал головой. Он ощущал почти физическую тяжесть на плечах. Все еще качая головой, он направился в библиотеку.

ОФИЦЕР СВЯЗИ

— Добро пожаловать на борт, — сказал младший капитан, когда Донал преодолел газовый барьер приемной камеры. Младшему капитану шел четвертый десяток. Это был черноволосый человек, выглядевший так, словно всю жизнь занимался легкой атлетикой. — Я — Эллин Клей Андерсен.

— Донал Грин, — отсалютовал в ответ Донал.

Затем они обменялись рукопожатием.

— У вас есть корабельный опыт? — спросил Андерсен.

— Восемнадцатидневный тренировочный рейс на Дорсае, — ответил Донал. — Командование и вооружение, но ничего из области техники.

— Командование и вооружение, — повторил младший капитан, — они не сложны на кораблях класса ЧЖ. Вы будете старшим после меня офицером и, если что-нибудь случится, — он сделал ритуальный жест, дотронувшись до белой, покрытой пластиком стены, — я вовсе не хочу, чтобы что-нибудь произошло. Мой старший выпутается отовсюду. Но вы должны быть готовы помочь нам, если что-нибудь произойдет.

— Конечно, — ответил Донал.

— Хотите ознакомиться с кораблем?

— Благодарю вас.

Войдя в свою каюту, Донал застал там Ли, распаковавшего свой багаж, включая подвесной гамак, так как единственная койка здесь предназначалась Доналу.

— Все в порядке? — спросил Донал.

— Все в порядке, — ответил Ли. Он по-прежнему хронически забывал добавлять слово «сэр», но Донал, имевший собственный опыт общения с людьми, которые требуют буквального исполнения приказаний и требований, решил на этом не настаивать. — Вы оформили мой контракт?

— У меня не было на это времени, — сказал Донал. — И вообще, это нельзя сделать за день. Вы ведь знаете об этом.

— Нет, — ответил Ли. — Я всегда просто отдавал свой контракт. А потом, когда подходил к концу срок службы, получал его обратно вместе с деньгами.

— Обычно оформление занимает несколько недель или даже месяцев, — сказал Донал.

Он объяснил, что контракт является собственностью планеты, с которой происходит его владелец, и поэтому оформление осуществляется при участии правительства как нанимателя, так и нанимаемого. При этом каждое правительство заботится о собственной выгоде, о том, чтобы поддержать определенное «контрактное равновесие», позволяющее этой планете нанимать тех специалистов, в которых она нуждается в данный момент, и хотя Донал был частным лицом-нанимателем, и мог бы сам оплатить контракт Ли, тем не менее, наем Ли осуществ-

лялся с согласия правительства Дорсая, точно так же, как планеты Коби, с которой был родом Ли.

— Это в значительной степени простая формальность, — заверил его Донал. — Я имею право нанять вас, так как у меня звание коменданта. И наем официально зарегистрирован. Значит, ваше правительство не может уже теперь отозвать вас для выполнения какой-нибудь специальной службы.

Ли кивнул и лишь этим выразил облегчение.

— Вызов, — внезапно послышался голос из коммуникатора в стене каюты. — Вызывается штабной офицер связи Грин. Немедленно явитесь на флагманский корабль.

Донал предупредил Ли, чтобы тот не вмешивался в дела экипажа, и вышел.

Флагманский корабль флота, состоявшего из Красного и Зеленого Патрулей Космических Вооруженных Сил Фриленда, подобный кораблю класса ЧЖ, только что покинутому Доналом, находился на стационарной орбите Ориенте. Прошло почти сорок минут, пока Донал добрался до него. Войдя в приемную камеру, он сообщил свое имя и звание, ему дали сопровождающего, который провел его через весь корабль в каюту для совещаний.

В каюте находилось около двадцати офицеров связи всех званий, от унтер-офицера до помощника командира Патруля. Все они сидели, глядя на возвышение. Сразу же после прихода Донала — он, очевидно, был последним из пришедших, — вошел капитан флагманского корабля в сопровождении командира Голубого Патруля Ллудрова.

— Внимание, джентльмены, — сказал капитан, и в помещении наступила тишина. — Местная ситуация такова, — он взмахнул рукой, и стена за ним растаяла, открыв искусное изображение предстоящего сражения. В черном пространстве плыла Ориенте, окруженная множеством кораблей разного класса. Размеры кораблей были значительно увеличены, чтобы сделать их видимыми рядом с планетой, диаметр которой составлял примерно две трети диаметра Марса. Самые большие из кораблей, относящиеся к патрульному классу — длинные цилиндры, предназначенные для межзвездных сообщений — располагались на орбите всего от восьми тысяч до пяти-сот километров над поверхностью планеты, и их движе-

ние окружало Ориенте мерцающей паутиной. Облако кораблей меньших классов — ВЧЖС, А (подкласс) девять курьерских кораблей, артиллерийских платформ, а также одноместные и двухместные лодки класса «Комар» — держались ближе к планете, погружаясь в ее атмосферу.

— Мы считаем, — сказал капитан, — что враг на большой скорости и с внезапным торможением выйдет из временного сдвига здесь... — Облако атакующих кораблей внезапно возникло из ниоткуда в полумиллионе километров ближе к солнцу. Они быстро приближались к планете, увеличиваясь в видимых размерах. Приблизившись, корабли расположились на круговых орбитах. Два флота встретились, и индивидуальные движения отдельных кораблей стало трудно различать. Атакующий флот прорвался сквозь строй защитников к планете, неожиданно выбросив тучу крошечных предметов. Это были десантные отряды. Они двинулись к планете, подвергаясь атакам маленьких кораблей, а в это время большинство атакующих кораблей с Нептуна и Кассиды начали исчезать, как гаснущие свечи: они переходили во временной сдвиг, который должен был переправить их на расстояние нескольких световых лет от места сражения.

Для хорошо тренированного профессионального восприятия Донала это была прекрасная картина, и в то же время ложная. Ни одно сражение не происходило и не будет происходить с такой балетной грацией и равновесием. Это была только предполагаемая картина, и она никогда не совпадала с действительностью из-за неизбежных приказов, индивидуальных колебаний, взаимного непонимания, недооценки противника, навигационных ошибок, вызывающих столкновения или стрельбу по собственным кораблям. В предстоящей битве за Ориенте будут хорошие действия и плохие, мудрые решения и глупые, но все это не имело особого значения. Важен был лишь результат.

— ...итак, джентльмены, — продолжал капитан, — вот так это представляет себе Штаб. Ваша задача, ваша личная задача, как представителей Штаба, наблюдать. Мы хотим знать все, что вы увидите, все, что сможете обнаружить, все, о чем сможете догадаться. И, конечно, — он несколько замаялся и добавил с кривой усмешкой, — конечно, больше всего мы заинтересованы в пленнике.

Ответом на это был общий смех: все собравшиеся знали, насколько мала вероятность захвата пленного на

разбитом корабле при скоростях и условиях космической схватки, даже если и удастся его отыскать.

— Это все, — сказал капитан.

Связные офицеры встали и направились к выходу.

— Минутку, Грин.

Донал обернулся. Это был голос Ллудрова. Командир Патруля спустился с возвышения и приближался к нему. Донал пошел навстречу.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Ллудров. — Подождем, пока все выйдут.

Они стояли в молчании, пока не вышел последний офицер связи, а за ним и сам капитан.

— Да, сэр? — сказал Донал.

— Меня заинтересовало то, что вы сказали, вернее, собирались сказать. Когда мы с маршалом Галтом обсуждали предстоящую битву на Ориенте, помните? Что вы тогда имели в виду?

— Ничего особенного, сэр, — ответил Донал. — Штаб и маршал, несомненно, знают, что делают.

— Может, вы заметили что-то такое, чему мы не придали значения?

Донал колебался.

— Нет, сэр. Я знаю о планах противника не более, чем остальные. Просто... — Донал поглядел в темное лицо офицера, размышляя о том, стоит ли продолжать. После происшествия с Анной он остерегался рассказывать о своих внезапных соображениях. — Возможно, это просто предчувствия.

— У нас у всех есть предчувствия, — с ноткой нетерпения сказал Ллудров. — Как бы вы поступили на нашем месте?

— На вашем месте? — сказал Донал, отбросив колебания. — Я бы напал на Нептун.

У Ллудрова отвисла челюсть. Он с изумлением смотрел на Донала.

— Клянусь небом, — сказал он наконец. — Сейчас не время для шуток. Разве вы не знаете, что нельзя захватить цивилизованную планету?

Донал позволил себе слегка вздохнуть. Он сделал попытку объяснить то, что ему самому было совершенно непонятно.

— Я помню: об этом говорил маршал, — начал он. — Это один из тех афоризмов, которые я со временем собираюсь опровергнуть. Однако, я имел в виду вовсе не это. Я не сказал, что мы должны захватить Нептун — только

напасть на него. Полагаю, что нептуниане также чтут афоризмы, как и мы. Видя, что мы пытаемся совершить невозможное, они подумают, что мы способны сделать это возможным. По их реакции мы сможем узнать многое, включая и то, что они собираются сделать с Ориенте.

Изумление на лице Ллудрова постепенно сменилось хмурым выражением.

— Всякий, кто попытается атаковать Нептун, понесет фантастические потери, — начал он.

— Только если атака будет настоящей, — прервал его Донал. — А ведь атака эта ложная. Наша задача не в том, чтобы подвергать свои корабли подлинной опасности, а в том, чтобы нарушить вражескую стратегию неожиданным фактором.

— И все же, — сказал Ллудров, — даже демонстрируя ложную атаку, нападающие подвергаются опасности быть уничтоженными.

— Дайте мне дюжину кораблей... — начал Донал, но в этот момент Ллудров замигал, как человек, просыпающийся от глубокого сна.

— Дать вам... — сказал он, улыбаясь. — Нет, нет, комендант, мы рассуждали чисто теоретически. Штаб никогда не даст согласия на такую дикую незапланированную игру, а у меня нет права самому отдать такой приказ. И даже если бы я решился, разве мог бы я доверить командование юноше, имеющему лишь небольшой полевой опыт и никогда в жизни не командовавшему кораблем. — Он покачал головой. — Нет, Грин... Однако я согласен, что ваша идея интересна. Я еще подумаю над ней.

— Значит ли это, что?..

— Ничего не значит. Нельзя нарушать операцию, долго и тщательно планируемую нашим Штабом, — он широко улыбался. — Кроме того, это навеки погубило бы мою репутацию. И все же мысль хороша, Грин. У вас стратегическое мышление. Я включу этот факт в свой отчет маршалу.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Донал.

— Возвращайтесь на корабль.

— До свидания, сэр.

Донал отдал честь и вышел. Оставшись один, Ллудров еще некоторое время, улыбаясь, размышлял о чем-то, потом занялся своими делами.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КАПИТАНА

Говорят, что космическую схватку можно выиграть лишь в непосредственном столкновении, размышлял Донал. Это был один из тех образцов афоризмов, которые он собирался опровергнуть при первой же возможности. Однако, стоя у экрана контрольного глаза в главной рубке ЦЧЖ и ожидая появления космических кораблей противника, он вынужден был согласиться, что с такого расстояния это выглядело бы правдой. Во всяком случае, это могло оказаться правдой, если противник будет оказывать сопротивление.

Ну, а если противник не будет защищаться? Если он предпримет нечто совершенно необычное?

— Контакт через шестьдесят секунд. Контакт через шестьдесят секунд, — заговорил коммуникатор у него над головой.

— Всем приготовиться, — спокойно сказал Андерсен в микрофон, стоящий перед ним. Он сидел рядом с первым и вторым офицерами, дублировавшими его действия, в кресле «дантиста» у противоположной стены, наблюдая за обстановкой не на экране, как Донал, а по показаниям приборов. И тем не менее, его представление о происходящем было более полным. Громоздкий в своем жизнеобеспечивающем скафандре Донал медленно уселся в кресло, поставленное перед экраном специально для него и пристегнул себя к креслу. В случае, если корабль разлетится на куски, он сумеет продержаться в кресле. При удачном стечении обстоятельств он выдержит на орбите вокруг Ориенте часов сорок или пятьдесят, если этому, конечно, не помешает дюжина непредвиденных факторов.

Он успел устроиться в кресле, прежде чем состоялся контакт. Напоследок Донал огляделся: его удивило невозмутимое спокойствие, царившее в этой уютной и хорошо освещенной каюте, находившейся на пороге жестокой битвы и возможного уничтожения. Больше ни о чем подумать он не успел. Корабли вражеского флота вступили в контакт, и Донал не отрывал взгляда от экрана.

Приказы указывали, что нужно беспокоить противника, но не приближаться к нему. А предварительная оценка потерь для нападающих составляла процентов двадцать, а для обороняющихся — пять. Однако эти подсчеты не имели смысла. Они вовсе не означали, что погибнут или будут ранены двадцать или пять процентов

людей. Нет. В космическом сражении это означало, что один корабль из двадцати и один из пяти будут уничтожены вместе с экипажем.

Оборонявшиеся выстроились в три линии. Первая состояла из легких кораблей. Их задача — задерживать наступающего противника до тех пор, пока большие корабли не сравняют с ним скорость и не смогут пустить в ход оружие. Вторая линия — большие корабли на стационарных орбитах. Наконец, была еще одна линия малых кораблей, вооруженных специальными средствами на случай, если нападающие выбросят на планету десант. Донал в ЦЧЖ находился в первой линии.

Никакого предупреждения не было. Битва началась внезапно. В момент контакта орудия ЦЧЖ открыли огонь. Потом...

Потом все было кончено.

Донал моргнул и открыл глаза, стараясь вспомнить, что произошло. Он ничего не помнил. Каюта, в которой он лежал, была расколота, будто огромным топором. Через тускло освещенную щель виднелся ряд офицерских кают. Красная, не зависящая от корабельной сети, лампа трагично мерцала над головой, указывая, что в каюте нет воздуха. Экран перекосялся, но все еще продолжал работать. Через прозрачный щиток шлема Донал видел уменьшающиеся огни: вражеские корабли направлялись к Ориенте. Он приподнялся в кресле и повернул голову к контрольному щиту.

Двое, несомненно, были мертвы. То, что раскололо каюту, ударило прямо в них. Погибли Андерсен и третий офицер. Коа Бени была жива, но по ее вялым и судорожным движениям Донал понял, что она тяжело ранена. И ничего нельзя было для нее сделать. Без воздуха в каюте они все были пленниками своих скафандров.

Тренированное тело Донала начало действовать раньше, чем он успел подумать об этом. Он обнаружил, что расстегивает ремни, прикреплявшие его к креслу. Пошатываясь, он побрел через каюту, отвел в сторону мешавшую ему голову Андерсена и нажал кнопку межкорабельной связи.

— ПЧЖ 1-29, — сказал он. — ПЧЖ 1-29, — он повторял до тех пор, пока экран перед ним не засветился и в нем появился кто-то в шлеме с бескровным, как у мертвеца, лицом.

— К-Л, — сказал этот человек. — 23?

— Это означало: «Можете ли вы двигаться?»

Донал взглянул на щит. К его удивлению, удар не затронул приборов. Они работали.

— 29, — кратко ответил он.

— К-40, — сказал его собеседник и исчез.

Донал убрал палец с кнопки связи. К-40 означало: «Действуйте в соответствии с предварительным приказом».

Значит, ПЧЖ должен сблизиться с Ориенте и начать уничтожение десантных групп противника. Донал подумал, что теперь придется выполнить невеселую работу: убрать мертвых и умирающих из их кресел у пульта.

Перемещая Коа Бени более осторожно, чем других, он заметил, что она без сознания. У нее не было видимых повреждений, но удар все же задел ее, хоть и частично. Скафандр ее оказался невредимым. Донал подумал, что она, возможно, еще выживет.

Сев в кресло капитана, он вызвал орудийный пост и остальные посты экипажа.

— Докладывайте, — приказал он.

Ответили орудийный пост и еще пять из оставшихся восьми.

— Мы идем к планете, — сказал Донал, — все пригодные к работе должны заняться ремонтом и подачей воздуха в контрольную рубку. Сбор в кают-компанию.

Наступила небольшая пауза. Затем донесся чей-то голос:

— Старший артиллерист Ордовья, — я — старший артиллерист Ордовья из выживших членов экипажа. Я говорю с капитаном?

— Старший артиллерист Ордовья. Я — офицер Грин, исполняю обязанности капитана. Ваши офицеры погибли. Как старший по званию, принимаю команду на себя. Исполняйте приказ.

— Слушаюсь, сэр, — голос замолк.

Донал стал вспоминать сведения о вождении корабля. Он направил ПЧЖ в сторону Ориенте и проверил показания приборов. Через некоторое время он заметил, что свет красной лампочки тускнеет, до него через наушники шлема донесся свист, сначала слабый, но постепенно усиливающийся. Его скафандр утратил свою негибкость.

Через некоторое время кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, он увидел бледного человека с откинутым шлемом.

— Пробойна заделана, сэр, — доложил он. — Я — Ордовья.

Донал расстегнул шлем и откинул его назад, с наслаждением вдыхая воздух.

— Посмотрите, что с первым офицером, — приказал он. — Вызовите медика.

— Медик погиб. Но есть установка для замораживания.

— Тогда заморозьте ее, и пусть все вернутся на свои посты. Через двадцать минут мы открываем огонь.

Ордовья вышел. Донал вновь повернулся к контрольному щиту, осторожно управляя ПЧЖ и принимая все меры предосторожности... В принципе, он знал, как управлять кораблем, но никто лучше его не понимал, как далеко ему до настоящего пилота или капитана. Он напоминал человека, получившего полдюжины уроков верховой езды: он знает, что нужно делать, но пока ничего не делает автоматически. Там, где Андерсену достаточно было бросить взгляд и немедленно начать действовать, Доналу приходилось прочитывать показания всех приборов и осмысливать их, прежде чем принимать решение.

Поэтому они очень поздно подошли к границе атмосферы Ориенте. Но все же еще не все десантные группы противника сумели попасть на планету. Донал искал на щите кнопку противопехотных устройств и нажал ее.

Донал отыскал Ллудрова в его каюте, которая была немного больше, чем каюта Донала на ПЧЖ.

— Хорошо, — сказал Ллудров, вставая из-за стола навстречу Доналу. Он подождал, пока выйдет провожатый, и протянул Доналу темную руку. — Как ваш корабль добрался сюда? — спросил он.

— Своим ходом, — ответил Донал. — Удар пришелся на контрольную рубку. Все офицеры убиты.

— Все офицеры? — Ллудров пристально посмотрел на него. — Вы?..

— Я принял командование на себя. Но ничего особенного делать не пришлось. Мы лишь использовали противопехотные устройства.

— Дело не в этом, — сказал Ллудров. — Так значит, в заключительной части сражения вы исполняли обязанности капитана?

— Да.

— Отлично. Это лучше, чем я надеялся. А теперь, —

сказал Ллудров, — поговорим вот о чем. Готовы ли вы подставить себя под удар?

— Я готов попробовать, — ответил Донал.

Он посмотрел на маленького, почти уродливого командира Патруля и понял, что тот нравится ему. Покинув Дорсай, он уже начал отвыкать от подобной прямоты.

— Хорошо, если вы согласны, я тоже подставляю себя под удар, — Ллудров взглянул на дверь каюты, она была плотно закрыта. — Я нарушу распоряжение службы безопасности и отправлю вас в экспедицию вопреки приказанию Штаба.

— Службы безопасности? — повторил Донал, чувствуя неприятный холодок за плечами.

— Да, мы теперь знаем, что скрывается за этой высадкой Нептуна-Кассиды на Ориенте... Вы знаете Ориенте?

— Изучал, конечно, — сказал Донал, еще в школе и частично, когда прибыл на Фриленд. Температура около 78 градусов, скалы, пустыни, и нечто вроде кактусовых джунглей. Нет больших водных поверхностей, в атмосфере слишком много двуокиси углерода.

— Верно, — сказал Ллудров. — Они высадили там десант, и мы не можем уничтожить его. Мы думали, что это всего лишь жизненное упражнение и ожидали, что они через несколько дней или недель уберутся. Но, к сожалению, мы ошиблись.

— Ошиблись?

— Мы раскрыли причины их высадки на эту планету. Это совсем не то, что мы думали.

— Но ведь прошло всего четыре часа с момента высадки. Что можно было узнать за это время?

— Они использовали это время, и результаты налицо. При помощи излучения нового вида они производят взрывы из множества излучателей, быстро перемещаются и снова взрывают. А их взрывы затрагивают Сириус. Мы отметили увеличение солнечной активности. — Он замолчал и посмотрел на Донала, как бы ожидая комментариев.

Донал обдумывал положение.

— Погодные изменения? — спросил он наконец.

— Вот именно, — энергично ответил Ллудров, как будто Донал был учеником, неожиданно ответившим верно. — Метеорологи считают, что это серьезная угроза. И мы уже знаем их цену за устранение этой угрозы. Они требуют изменения торговых отношений с Новой Землей.

Донал кивнул. Он не удивился, услышав, что между воюющими планетами поддерживаются торговые отношения. Это было нормальной формой межзвездного существования. А приливы и отливы специалистов на договорных базах были кровообращением цивилизации. Планета, которая попыталась бы обходиться своими силами, была бы отброшена в развитии на много лет назад и, в конце концов, вынуждена была бы покупать специалистов по баснословным ценам. Развитие означало торговлю специалистами, а это означало контракты. И каждая планета старалась добиться для себя наилучших условий.

— Они требуют свободной торговли и большого коммисионного вознаграждения.

Донал пристально посмотрел на него. Открытая торговля контрактами, помимо воли людей, была начата около пятидесяти лет назад. Она означала спекуляцию человеческими жизнями. Она уничтожала последние обрывки независимости и безопасности личности и приравнивала его к домашнему скоту или скобяному товару, который можно было продать любому, кто больше заплатит. Дорсай вместе с Экзотикой, Марой и Культисом всегда боролись против такой торговли. Однако для таких планет, как Нептун и Кассида, входивших в венерианскую группу, а отчасти для Содружества и Коби, свободная торговля была бы очень удобным орудием в руках правящих группировок, для миров же типа Фриленда она была бы ударом.

— Понятно, — сказал Донал.

— У нас три возможности, — сказал Ллудров. — Во-первых, принять их условия, во-вторых, страдать от изменений погоды, пока не удастся собрать силы и изгнать их с Ориенте. Или же, наконец, заплатить какое-то количество жизней, но попытаться немедленно освободить Ориенте. Мое мнение: нужно начинать игру — это, конечно, мое мнение, а вовсе не Штаба. Они вообще ничего не знают об этом замысле. И не узнают. Пока. Вы согласны осуществить свой замысел атаки Нептуна?

— С удовольствием, — быстро ответил Донал, глаза его засверкали.

— Приберегите свой энтузиазм, пока не дослушаете до конца, — сухо сказал Ллудров. — Нептун постоянно стерегут 90 кораблей первого класса, я же смогу дать вам лишь пять.

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА-2

— Пять, — повторил Донал. Он почувствовал холодок, пробежавший по коже. После первого разговора с Ллудровым он более тщательно обдумывал предполагаемую экспедицию. По плану в его небольшой флот должно входить тридцать кораблей первого класса, построенных треугольником и разбитых на три отряда по десять кораблей в каждом.

— Как вы понимаете, — объяснил Ллудров, — это вовсе не все корабли, которыми я сейчас располагаю; даже с учетом потерь у меня в Голубом Патруле более семидесяти кораблей. Но я даю лишь те, с капитанами которых у меня лично хорошие отношения, и которые вызвались добровольцами, не испугавшись наказания Штаба по возвращении. Иначе я не дал бы вам и этих кораблей. — Он взглянул на Донала. — Ну, что ж, я знаю: это невозможно, забудем об этом разговоре.

— Я могу рассчитывать на их подчинение, сэр? — спросил Донал.

— Это единственное, что я могу вам гарантировать.

— Тогда придется импровизировать, — сказал Донал. — Я отправлюсь с ними, оценю ситуацию и тогда приму решение.

— Значит, решено?

— Решено.

— Тогда... — Ллудров встал и через весь корабль повел Донала к люку. Через люк они перешли в маленький курьерский корабль, ожидавший их; он доставит их на корабль первого класса за пятнадцать минут.

Войдя в большую, освещенную сложными и многочисленными приборами, контрольную рубку корабля, Донал увидел пять старших капитанов, ожидавших его. Ллудров обменялся салютом с седовласым властным человеком, ответившим на приветствие от имени всех остальных капитанов.

— Капитан Ваннерман, — сказал Ллудров, знакомя его с Доналом, — капитан Грин.

Донал поразился своему быстрому повышению. Раздумывая о более важных вещах, он забыл, что такое повышение было необходимо. Вряд ли можно поставить связного офицера с сухопутным званием коменданта командовать капитанами космических кораблей первого класса.

— Джентльмены, — сказал Ллудров, обращаясь к

собравшимся капитанам. — Ваши пять кораблей образуют новый Патрульный отряд. Ваш новый командир — капитан Грин. Вы отправитесь в разведывательную экспедицию в центр вражеской территории и выполните там определенную работу. Особо должен подчеркнуть, что капитану Грину предоставлены чрезвычайные полномочия. Вы обязаны беспрекословно выполнять любой его приказ. Есть ли у вас вопросы ко мне пока я не передал командование?

Пятеро капитанов молчали.

— Отлично, — Ллудров провел Донала вдоль линии. — Капитан Грин. Это капитан Ассейни.

— Польщен, — сказал Донал, пожимая руку.

— Капитан Коул.

— Польщен.

— Капитан Сукая-Мандез.

— К вашим услугам, капитан.

— Капитан Эл Мен.

— Польщен, — кивнул Донал. На него глядел тридцатипятилетний дорсаец с лицом, покрытым шрамами. — Мне кажется, что я знаю вашу семью, капитан. Южный континент, что вблизи Тамплина, верно?

— Вблизи Бриджворта, сэр, — ответил Эл Мен. — Я слышал о Гринах.

Донал двинулся дальше.

— И капитан Рус.

— Польщен.

— Ну что ж, — сказал Ллудров, делая шаг в сторону. — Передаю командование в ваши руки, капитан Грин. Вам дополнительно потребуется какое-либо оружие, специальное вооружение?

— Торпеды, сэр, — ответил Донал.

— Я прикажу отделу вооружения снабдить вас торпедами, — сказал Ллудров и ушел.

Через пять часов пять кораблей специального Патрульного отряда, погрузив несколько сотен торпед, вышли в глубокий космос. По желанию Донала они оставили базу как можно быстрее, чтобы никто не мог отменить приказ об экспедиции. Вместе с торпедами на борт явился Ли: Донал помнил, что его ординарец остался на борту ПЧЖ. Ли прошел через схватку удачно, он лежал, прижавшись к своему гамаку, в наиболее пострадавшей секции корабля. Донал проинструктировал его.

— Я хочу, чтобы вы все время находились со мной, — сказал он. — Я сомневаюсь, чтобы вы мне пона-

добились, но если это потребуется, вы должны быть рядом.

— Я буду рядом, — ответил Ли безо всякого выражения.

Они разговаривали в каюте командира Патруля, предоставленной Доналу. Донал отправился в контрольную рубку корабля, Ли последовал за ним. Войдя в этот главный центр корабля, Донал обнаружил, что все три корабельных офицера под наблюдением Ваннермана рассчитывают временной сдвиг.

— Сэр, — сказал Ваннерман, когда Донал вошел.

Глядя на него, Донал вспомнил своего преподавателя математики в школе; внезапно и болезненно он ощутил собственную молодость.

— Все готово к сдвигу? — поинтересовался Донал.

— Через пару минут все будет готово. Поскольку вы не дали указаний на особый расчет, компьютер рассчитал кратчайший путь. Мы проделали обычные расчеты, чтобы избежать столкновения с каким-либо объектом. Прыжок на четыре светогода, сэр.

— Хорошо, — сказал Донал. — Идемте со мной, Ваннерман.

Он направился к большому сложному контрольному глазу, занимающему центр контрольной рубки, и нажал кнопку. На экране появилось изображение, переданное из корабельной библиотеки. Освещенное лучами звезды типа ЖО, в пространстве плыла бледно-зеленая планета с двумя спутниками.

— Апельсин и две косточки, — сказал Ваннерман, который, как уроженец лишенного спутников Фриленда, не любил естественных лун.

— Да, — сказал Донал. — Нептун. — Он посмотрел на Ваннермана. — Как близко мы сможем подойти к нему?

— Сэр? — переспросил Ваннерман, глядя прямо на него. Донал встретил его взгляд. Ваннерман вновь перевел глаза на экран.

— Мы сможем подойти так близко, как пожелаете, сэр, — ответил он. — Оказавшись после прыжка в глубоком космосе, мы остановимся и точно определим наше положение. Ну, а точное положение на всех цивилизованных планетах уже определено. Чтобы выйти в безопасное удаление от кораблей защиты...

— Я не спрашиваю вас о безопасном удалении от ко-

раблей защиты, — спокойно сказал Донал. — Я спрашиваю: как близко?

Ваннерман вновь посмотрел на него. Лицо его не побледнело, но в глазах появилось какое-то печальное выражение. Несколько секунд он глядел на Донала.

— Как близко? — повторил он. — На два диаметра планеты.

— Благодарю вас, капитан, — сказал Донал.

— Сдвиг через десять секунд, — послышался голос первого офицера. Начался отсчет: девять секунд, восемь, семь, шесть, пять... две, одна.

Наступил временной сдвиг.

— Да, — сказал Донал, как будто ничто не прерывало их разговора, — отсюда, из этой пустоты, мы должны все подготовить для маневра и тренироваться в нем. Пригласите капитанов на совещание.

Ваннерман подошел к контрольному щиту и нажал кнопку вызова. Через пятнадцать минут, отпустив всех младших офицеров, капитаны собрались в контрольной рубке флагманского корабля, и Донал объяснил им свой замысел.

— Для всех, — сказал он, — наш Патруль отправился в разведку. На самом деле мы должны изобразить нападение на Нептун.

Он подождал немного, чтобы смысл его слов дошел до них, потом продолжил объяснение.

Они создадут модель планеты при помощи имеющегося на корабле оборудования. Потом приблизятся к планете, изображающей Нептун, разными способами и с разных направлений: вначале один корабль, потом два вместе, потом серия одиночных кораблей и так далее. Они должны, появившись у планеты, выпустить одну или две торпеды и немедленно вновь перейти во временной сдвиг. У жителей планеты должно создаться впечатление, что атакует целый флот, стремящийся охватить разрывами торпед поверхность планеты.

При этом торпеды предназначены не для разрушения кораблей защиты и не для взрывов на поверхности. Они должны создать впечатление переносчика особой радиации или вещества, которое постепенно окутает планету.

Выходы из временного сдвига должны быть рассчитаны таким образом, чтобы благодаря постоянным возвращениям пяти кораблей, создалось впечатление атаки большого флота.

— У кого есть возражения или замечания? — спросил, закончив объяснения, Донал.

За группой капитанов он видел Ли, прислонившегося к стене контрольной рубки и глядевшего на капитанов своими ничего не выражающими глазами.

На некоторое время наступила пауза. Первым медленно заговорил Ваннерман, как бы взявший на себя обязанность говорить от имени всей команды.

— Сэр, — сказал он, — каковы шансы столкновения с кораблями защиты?

— Они велики, я знаю, — сказал Донал. — Особенно с кораблями защиты. Но мы постараемся избежать этого.

— Разрешите спросить: сколько возвращений нам придется сделать?

— Сколько сможем, — Донал окинул взглядом собравшихся, — я хочу, чтобы вы поняли меня, джентльмены. Мы примем все доступные нам меры, чтобы избежать столкновения и гибели кораблей. Но если это и случится, нужно рискнуть ради своего долга.

— А на сколько возвращений рассчитываете вы сами, капитан?

— Мне кажется, что для того, чтобы создать иллюзию нападения большого флота, мы должны заниматься непрерывными возвращениями и бомбардировкой в течение двух часов.

— Два часа? — сказал Ваннерман. Негромкий ропот раздался среди собравшихся. — Сэр, — продолжил Ваннерман, — даже если на одно возвращение положить пять минут, то это означает, что каждый корабль в течение часа должен появиться у планеты дважды. Из-за случайностей и возможного нападения противника это число следует удвоить. Значит, корабль за час должен испытать восемь временных сдвигов, а за два часа — шестнадцать. Сэр, даже если мы напичкаем свои экипажи медикаментами по уши, никто этого не выдержит.

— Вы знаете кого-нибудь, кто пытался это сделать, капитан? — спросил Донал.

— Но, сэр... — начал Ваннерман.

— Откуда же вы знаете, что это невозможно? — Донал не стал ждать ответа. — И мы должны это сделать. Наша задача будет заключаться лишь в том, чтобы управлять кораблем и выпускать по две торпеды. Это легче, чем участвовать в сражениях, и не требует никаких усилий со стороны экипажа.

— Труй, Дорсай, — пробормотал изуродованный Эл Мен. Донал с благодарностью взглянул на него за оказанную поддержку.

— Кто еще будет говорить? — резко спросил Донал.

Послышалось негромкое, но выразительное бормотание, капитаны молчали.

— Хорошо, сказал Донал. — Тогда немедленно приступайте к подготовке. Вы свободны, джентльмены. Он подождал, пока капитаны четырех кораблей покинут контрольную рубку. — Хорошо накормите экипаж и дайте людям как следует отдохнуть, — сказал он, обращаясь к Ваннерману. — И отдохните сами. И пошлите, пожалуйста, два обеда в мою комнату.

Донал повернулся и вышел из рубки, за ним, как тень, последовал Ли. Кобианин молчал, пока они не оказались в своей каюте, потом проворчал:

— Что он хотел сказать, обвиняя вас в трусости?

— В трусости? — Донал удивленно обернулся.

— Трус, труй, что-то такое он сказал...

— А... — Донал улыбнулся. — Это не оскорбление. Наоборот, это была поддержка. Он сказал: «Труй, Дорсай». Это значит: «Да здравствует Дорсай».

КОМАНДИР ПАТРУЛЬНОГО ОТРЯДА-2

Нептун этого никогда не забудет.

Над второй после Венеры в техническом развитии планетой — некоторые уверяли даже, что она первая — над планетой с огромными материальными богатствами, с огромными запасами знаний, над планетой, самодовольно созерцающей свой космический флот, над этой планетой появилась тень захватчиков. Жители планеты под защитой девяноста кораблей на стационарных орбитах были, кажется, убеждены в своей полной безопасности, но неожиданно в небе над ними корабли вражеского флота начали бомбардировку планеты, но чем?

Нет, такого Нептун никогда не сможет позабыть.

А для людей в пяти кораблях начался счет возвращения. Первое их появление над планетой напоминало лишь обычное упражнение. Все девяноста кораблей защиты были здесь, так же как и масса мелких кораблей. Они, вернее, большинство из них, так как некоторые из них находились на противоположной стороне планеты, отразились в приборах фрилендских кораблей. И это бы-

ло все. Даже вторичное появление прошло безо всяких препятствий. Однако, когда корабль Донала начал готовиться к третьему возвращению, Нептун загудел, как встревоженный улей.

Пот стекал с лица Донала, когда они вновь появились в пространстве вблизи Нептуна. И не только нервное возбуждение вызвало его. Физическая встряска от пяти временных сдвигов отразилась на состоянии всех членов экипажа. В момент появления последовал сильный толчок, стены контрольной рубки задрожали, но корабль продолжал действовать.

Он выпустил две торпеды и исчез в безопасности шестого временного сдвига.

— Повреждения? — спросил Донал и был поражен, услышав свой собственный хриплый голос. Он сглотнул и повторил более обычным голосом: — Повреждения?

— Повреждений нет, — отозвался офицер от контрольного щита. — Был близкий разрыв.

Донал поднял глаза на экран. Появился второй корабль. За ним третий. Четвертый. И пятый.

— Все сначала, — резко приказал Донал.

Короткий двухминутный отдых, и вновь болезненное состояние временного сдвига.

Неожиданно на экране, в увеличенном виде, Донал увидел два нептунинских корабля, приближавшихся к ним: один ниже и ближе к поверхности планеты, второй — в одной плоскости с ними.

— Защитный... — начал было Донал, но орудия корабля не дождались его приказа. Компьютеры мгновенно рассчитали залп. Ближайший к ним нептунинский корабль вдруг раскололся, как воздушный шар, и начал падать.

— Временной сдвиг.

Каюта плыла перед затуманенным взором Донала, он чувствовал приступ тошноты и тут же услышал, как кто-то рвет у контрольного щита. Он напряг все свои силы, борясь с предательской слабостью.

«Ты это предвидел, ты все это предвидел», — твердил он себе, как заклинание. Каюта прекратила вращение, тошнота слегка отступила.

— Время, — это слабый голос Ваннермана.

Донал моргнул и постарался сосредоточиться на экране. Резкий запах собственного пота ударил ему в ноздри,

а может, вся комната пропиталась запахом пота всех присутствующих.

На экране он видел, как один за другим появлялись корабли. Вот и последний, пятый.

— Повторить, — хрипло приказал он. — На этот раз опустимся ниже.

От контрольного щита донесся сдавленный звук, похожий на рыдание, но Донал даже не повернул головы.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

Мерцание планеты внизу. Резкий толчок. Еще один.

ОПЯТЬ ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

Контрольная рубка вся в тумане. Нет, это муть в глазах. Заставить себя смотреть. И не поддаваться слабости.

— Повреждения?

Нет ответа.

— Повреждения?

— Небольшая пробоина в кормовой части. Уже загерметизирована.

— Повторить.

— Капитан, — это голос Ваннермана. — Мы не можем больше. Один из наших кораблей...

Взгляд на экран... Прекратить дрожь. Да, один исчез.

— Который?

— Я думаю, — задыхаясь, произнес Ваннерман, — это Мандез.

— Повторить.

— Капитан, вы не можете...

— Тогда давайте мне связь со всеми.

Пауза.

— Вы меня слышите? Связь со всеми.

— Вы на связи, капитан, — раздался чей-то другой голос.

— Говорит капитан Грин.

Кваканье и сипение. Неужели это действительно говорит он?

— Я вызываю добровольцев, нужно еще одно возвращение. Только добровольцев. Кто согласен?

Долгая пауза.

— Труй, Дорсай.

— Труй, Эл Мен. Кто еще?

— Сэр, остальные два не отвечают, — это Ваннерман.

Взгляд на экран. Сосредоточиться. Верно. Два корабля выходят из строя.

— Значит, остаются два, Ваннерман?

— Как прикажете, сэр.

— Возвращаемся.

Пауза.

ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

Качающаяся планета, удар. Подступает чернота. Прочь ее.

— Уберите ее.

Пауза.

— Ваннерман?

Слабый ответ:

— Да, сэр...

ВРЕМЕННОЙ СДВИГ.

ТЕМНОТА...

— Встать.

Чей-то насмешливый и резкий шелот в ушах Донала. Лежа с закрытыми глазами, он удивился, недоумевая, кто бы это мог быть. Он услышал этот приказ вновь, потом еще раз. Медленно Донал начал понимать, что это его собственный приказ самому себе.

Он с трудом открыл глаза. В контрольной рубке мертвая тишина. На экране в полном увеличении видны три маленькие черточки — корабли, далеко разлетевшиеся друг от друга. Негнущимися пальцами Донал начал отстегивать застёжки, крепившие его к креслу. Одна за другой они поддались. Он медленно сполз с кресла и опустился на колени.

Покачиваясь, испытывая сильное головокружение, он встал на ноги. Повернувшись к пяти креслам контрольного пульта, Донал направился к ним.

В четырех креслах находились Ваннерман и его три офицера — все без сознания. Лицо Ваннермана было молочно-белым. Он, казалось, не дышал.

В пятом кресле на привязных ремнях висел Ли. Его

глаза были широко открыты, он следил за приближением Донала, с уголка рта стекала струйка крови. Видимо, Ли, как попавшее в западню животное, пытался просто разорвать ремни и подбежать к Доналу. Когда Донал подошел к нему, Ли попытался заговорить, но смог произнести лишь несколько нечленораздельных звуков, и кровь сильнее побежала из рта.

Наконец ему удалось выговорить:

— Вы не пострадали?

— Нет, — просипел Донал. — Посидите спокойно с минуту. Что с вашим ртом?

— Язык, — пробормотал Ли. — Я в порядке.

Донал расстегнул привязные ремни, и руки его раскрыли рот Ли. Ему понадобилось немало силы, чтобы сделать это. Еще немного крови и Донал увидел: язык Ли посередине был сильно поврежден.

— Не разговаривайте, — приказал Донал. — Не трогайте язык, пускай немного заживет.

Ли кивнул безо всякого выражения и начал выбираться из кресла. Пока он это делал, Донал успел расстегнуть ремни в кресле третьего офицера. Он извлек его и положил на пол. Донал не ощутил биения сердца. Он начал делать искусственное дыхание, но при первых же усилиях у него закружилась голова, и он был вынужден остановиться. Медленно выпрямившись, он стал освобождать Ваннермана.

— Помогите второму, если сможете, — сказал он Ли. Тот, пошатнувшись, выпрямился и занялся вторым офицером.

Вдвоем они положили вместе трех фрилендеров и сняли с них шлемы. Ваннерман и второй офицер начали приходить в себя, и Донал решил попытаться вновь сделать искусственное дыхание третьему. Но, дотронувшись, почувствовал, что тело уже остывает.

Тогда он занялся первым офицером, все еще находившимся без сознания. Через некоторое время первый офицер начал дышать — глубже и спокойнее, глаза его открылись. Однако по его взгляду было видно, что он не понимает, где находится и не узнает окружающих.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Донал Ваннермана.

Фрилендский капитан попытался приподняться на локте. Донал помог ему, а затем вместе с Ли они посадили Ваннермана в кресло и помогли встать на ноги.

Глаза Ваннермана, едва он открыл их, устремились

на контрольный щит. Сразу же, ни слова не говоря, он наклонился к щиту и нажал кнопку.

— Все корабельные секции, — прохрипел он в микрофон. — Докладывайте.

Ответа не было.

— Докладывайте, — повторил он. Указательный палец его дотронулся до другой кнопки, и тревожный металлический звон прозвучал на корабле. Он прекратился, и из усилителя донесся слабый голос:

— Докладывает четвертая оружейная секция, сэр...

Нападение на Нептун завершилось.

ГЕРОЙ

Сириус садился, маленький яркий диск белого карлика, который жители Фриленда и Новой Земли называют множеством различных имен, бросил на стену спальни Донала зайчика. Донал сел, окунувшись в двойной свет, надел спортивные штаны и принялся разбирать множество посланий, пришедших на его имя со времени их рейда на Нептун.

Он погрузился в это занятие и ни на что не обращал внимания до тех пор, пока Ли не положил руку ему на плечо, коричневое от загара.

— Пора одеваться на прием, — сказал кобианин. В руках у него был серый мундир — брюки и китель во фрилендском стиле. На мундире не было ни одного знака отличия.

— У меня для вас несколько новостей. Прежде всего, ОНА здесь.

Донал нахмурился, надевая мундир. Эльвин решила, что должна заботиться о нем после его возвращения из госпиталя, где он лечился от последствий набега на Нептун. Она была убеждена, что он все еще страдает от сверхдозы временных сдвигов, через которые все они прошли. Мнение медиков и самого Донала было противоположным, но она настаивала на своем с такой энергией, что Донал иногда ощущал желание вновь испытать временной сдвиг. Но хмурое выражение исчезло с его лица.

— Я думаю, что скоро этому наступит конец, — сказал он. — Что еще?

— Этот Уильям из Сеты, которым вы так интересовались, — ответил Ли. — Будет на приеме.

Донал резко повернул голову. Однако Ли просто про-

должал свое сообщение. Лицо его было лишено даже тех слабых следов экспрессии, которые Донал научился в нем различать за последние недели.

— Кто сказал вам, что я интересуюсь Уильямом? — спросил он.

— Вы всегда прислушиваетесь к разговорам о нем, — ответил Ли. — Мне не следовало упоминать о нем?

— Нет, все равно, — сказал Донал. — Вы и в будущем должны рассказывать о нем все, чего я не знаю. Но я не знал, что вы так наблюдательны.

Ли пожал плечами. Он держал китель, который надсвал Донал.

— Откуда он прибыл? — спросил Донал.

— С Венеры. С ним нептунианин, длинный молодой пьяница по имени Монтор и девушка — одна из особых людей с Экзотики.

— Избранная из Культиса?

— Да-да.

— Что они здесь делают?

— Уильям ведет переговоры на высшем уровне, — сказал Ли. — Как же он может не быть на вашем приеме?

Донал вновь нахмурился. Он умудрился забыть, что это в его честь сегодня вечером собираются несколько сот наиболее известных людей планеты. Да, не ожидал он, что из него сделают своеобразное шоу. Социальные правила делали невежливым простое любопытство. Но косвенное... Теоретически, вы оказываете честь человеку, пользуясь его гостеприимством. А так как Донал очень мало желал проявлять гостеприимство, эту роль за него исполнял маршал. Тем не менее, это был тот случай, когда Доналу приходилось действовать вопреки своему желанию.

Отбросив эти мысли, Донал вновь вернулся к Уильяму. Если только он на Фриленде, немислимо, чтобы он не получил приглашения и также трудно представить, что он бы отказался от приглашения. Так что все естественно. Возможно, подумал Донал с необычной для его возраста усталостью, что я воюю с тенями. Но даже в момент зарождения этой мысли он знал, что она неверна. Это сказала ему его странность. Теперь более ощутимая, чем физическая встряска, полученная им во время нептунианского сражения от многочисленных временных сдвигов. То, что раньше было туманным и расплывчатым, теперь начало материализовываться и обретать

сложный рисунок с Уильямом в центре, и рисунок этот совсем не нравился Доналу.

— Рассказывайте мне все, что узнаете об Уильяме, — попросил Донал.

— Хорошо, — ответил Ли. — И о нептунянинах?

— Да, и о девушке с Экзотики.

Закончив одеваться, Донал прошел через защитный проход в кабинет маршала. Там была Эльвин, а с нею и маршалом — гости: Уильям и Анна.

— Я не помешал? — спросил Донал.

— Входите, Донал, — позвал Галт, когда тот заколебался у входа. — Вы, конечно, помните Уильяма и Анну?

— Я не смог бы забыть, — ответил Донал, подходя и пожимая руку. Улыбка Уильяма была теплой, рукопожатие — крепким, рука Анны, напротив, была холодной, а улыбка — неестественной. Донал заметил, что Эльвин внимательно за ним следит, и в нем появилось какое-то слабое предчувствие.

— Я ведь говорил, что мы увидимся, — заметил Уильям. — Должен извиниться перед вами, Донал. Я явно недооценил ваш гений.

— Вовсе не гений, — сказал Донал.

— Не скромничайте, — настаивал Уильям. — Скромность — удел маленьких людей. — Он открыто улыбнулся. — Конечно, вы понимаете, что этот набег на Нептун сделал вас сверхновой звездой на нашем военном горизонте.

— Я должен следить, чтобы ваша лесть не вскружила мне голову, принц, — Донал сказал это с тайным смыслом. Первая же ремарка Уильяма заставила его почувствовать себя свободно. Не волки среди людей смущали Донала и приводили его в замешательство, а те, кто от природы был создан для обмана и интриг, однако и они теперь были ясны Доналу. Возможно, подумал он, в этом причина, почему ему всегда легче иметь дело с мужчинами, чем с женщинами: мужчины меньше склонны к самообману. Но тут его внимание привлекли слова Анны:

— Вы скромны, — сказала она, но два красных пятна на обычно бледном лице и недружелюбные глаза противоречили словам.

— Возможно, — сказал он, как можно легкомысленнее, — это потому, что я не вижу ничего особенного в том, что совершил. Любой сделал бы то же самое, и вообще, со мной там было несколько сот человек.

— О, но ведь идея-то была ваша, — вмешалась Эльвин.

Донал засмеялся.

— Верно, — сказал он, — вот именно за идею я и обязан расплачиваться.

— Ну что ж, — сказал Галт, видя что разговор принимает нежелательный оборот, — пора присоединиться к гостям, мой Донал. Вы идете?

— Я сейчас приду, — спокойно ответил Донал.

— Поищите мне чего-нибудь выпить, лучше всего дорсайского виски, — обратился он к Ли.

Ли повернулся и вышел из комнаты. Вернулся он через несколько секунд со стаканом в форме тюльпана — там было не меньше децилитра бронзового виски. Донал сделал глоток и ощутил в горле огонь.

— Что-нибудь новенькое узнали об Уильяме? — Донал отдал стакан Ли.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ничего удивительного, — пробормотал на это Донал и нахмурился. — Видели ли вы Ар-Делла, нептунинина, прибывшего вместе с Уильямом?

Ли кивнул.

— Можете показать, где его найти?

Ли вновь кивнул. Он провел Донала по террасе, потом вниз и открыл дверь библиотеки. Здесь, в одной из маленьких загорожек для чтения, Донал и обнаружил Ар-Делла с бутылкой и несколькими книгами.

— Спасибо, Ли, — сказал Донал.

Тот повернулся и ушел.

Донал сел напротив Ар-Делла и его бутылки.

— Приветствую вас, — сказал, взглянув на него, Донал.

— Приветствую и вас, — ответил Ар-Делл. Он был лишь слегка пьян по своим стандартам. — Я надеялся, что смогу поговорить с вами.

— Почему же вы не пришли ко мне? — спросил Донал.

— Нельзя, — Ар-Делл наполнил свой стакан и искал другой, но обнаружил лишь вазу с маленькими местными разновидностями лилий. Цветы он бросил на стол, наполнил вазу и вежливо протянул ее Доналу.

— Спасибо, не нужно, — сказал Донал.

— Все равно, держите. Мне не нравится пить в присутствии непьющего человека. А с выпивкой легче по-

нять друг друга, — он взглянул на Донала с одним из своих всхлипов-усмешек. — Он опять за старое.

— А, Уильям?

— Кто же еще? — Ар-Делл глотнул. — Он что-то собирается делать с Протектором Блейном? — пьяно покачал головой Ар-Делл. — Это человек ученый. Стоит нас всех вместе взятых. Не могу видеть, как он обводит Блейна вокруг пальца... и тем не менее...

— К сожалению, — сказал Донал, — все мы связаны своими контрактами. А в этом деле Уильям разбирается лучше всех.

— Но ведь иногда он совершает бессмысленные поступки, — Ар-Делл повертел стакан. — Возьмите меня. Почему он не хочет, чтобы я погиб? Но он не хочет этого, — хихикнул Ар-Делл. — Я недавно испугал его.

— Вы? — удивился Донал. — Каким образом?

Ар-Делл шелкнул пальцами по стакану.

— Этим. Он боится, что я убью себя. И он, очевидно, этого не хочет.

— Но чего же он хочет в дальнейшем? — спросил Донал. — Чего он, вообще, хочет?

— Кто знает? Бизнес. Больше бизнеса. И контракты. Большие контракты. Соглашения со всеми правительствами, палец в каждом горшке меда. Таков наш Уильям.

— Да, — сказал Донал, отодвигая кресло и вставая.

— Посидите, — сказал Ар-Делл. — Поговорим еще. Вы никогда не сидите больше нескольких секунд. Клянусь миром, вы единственный человек среди звезд, с которым я могу разговаривать.

— Мне очень жаль, — сказал Донал, — но сейчас у меня другие дела. Я надеюсь, что настанет такой день, когда мы сможем спокойно посидеть и поговорить.

— Сомневаюсь, — ответил Ар-Делл, — сильно сомневаюсь.

Когда Донал уходил, Ар-Делл задумчиво глядел на бутылку.

Донал отправился на поиски маршала, но неожиданно обнаружил Анну. Девушка стояла на маленьком балконе и смотрела вниз, в зал, со странным выражением — смесью усталости и страстного ожидания чего-то.

Донал подошел, она обернулась, услышав шаги. Выражение ее глаз изменилось.

— Это опять вы, — сказала она отнюдь не доброжелательным тоном.

— Да, — резко ответил Донал. — Я рассчитывал

отыскать вас позже, но сейчас слишком хорошая возможность для разговора, чтобы упустить ее.

— Слишком хорошая?..

— Я имею в виду то, что вы одна... Я могу говорить с вами конфиденциально, — с нетерпением добавил он.

Она покачала головой.

— Нам не о чем говорить.

— Не болтайте глупостей, — сказал Донал. — Конечно, есть о чем, если только вы не перестали бороться с Уильямом.

— Нет! — слово резко вылетело из ее уст, глаза вспыхнули. — Кто вы такой? — яростно воскликнула она. — Кто вам дал право заниматься моими делами?

— Обе мои бабушки родом с Мары, — сказал он. — Возможно, поэтому я чувствую ответственность за вас.

— Не верю, — выпалила Анна. — Вы не можете быть связаны с Марой. Вы... — она запнулась, подыскивая слово.

— Да? — он угрюмо улыбнулся. — Кто я?

— Вы — насмешник, — с триумфом воскликнула она, найдя, наконец, слово, которое в ее интерпретации могло задеть его.

Он был задет и рассержен, но постарался справиться со своим гневом. Девушка обладала способностью пробивать его защиту, добираясь до самого глубокого уровня, чего никогда не смог бы сделать человек типа Уильяма.

— Дело не в этом, — сказал Донал. — Мой вопрос касается вас с Уильямом. Последний раз, когда мы виделись, я посоветовал вам не вмешиваться в его интриги. Последовали ли вы этому совету?

— Я не обязана отвечать вам на этот вопрос и не буду.

— Значит, — произнес он неожиданно уверенно, — вы не прекратили. Рад узнать об этом. — Он повернулся, чтобы уйти. — Теперь я вас оставляю.

— Подождите минутку, — воскликнула Анна. Донал вновь повернулся к ней. — Я делаю это не ради вас, — сказала она.

— Что делаете?

К его удивлению, она опустила глаза.

— Случилось так, что ваши мысли совпали с моими.

— О, у меня просто здравый смысл, — возразил Донал.

— Он продолжал свои интриги... а я прикована к нему на следующие десять лет.

— Оставьте это мне, — сказал он.

Девушка открыла рот.

— Вы... — ее удивление было так велико, что слово выдало ее слабость и усталость.

— Я позабочусь об этом.

— Вы позаботитесь, — насмешливо воскликнула она. На этот раз слово было произнесено по-другому. — Вы будете сопротивляться такому человеку, как Уильям... — она внезапно оборвала себя и отвернулась. — О, — с гневом сказала она, — я не знаю, почему я слушаю вас так, как будто вы говорите искренне... а ведь я знаю, что вы за человек...

— Вы ничего не знаете, — вновь раздражаясь, ответил Донал. — Я кое-что совершил с тех пор.

— Да, — сказала она, — вы расстреляли человека и бомбардировали планету.

— До свидания, — устало сказал он и отвернулся.

Донал прошел через множество помещений и разыскал, наконец, маршала, в его кабинете, на этот раз одного.

— Можно войти, сэр? — сказал он от двери.

— В чем дело, мальчик? — спросил маршал. Он поднял свою тяжелую голову и внимательно посмотрел на Донала. — Что случилось?

— Множество происшествий, — ответил Донал. Он поставил кресло против стола Галта и сел в него. — Могу я спросить: Уильям явился сюда вечером с намерением заключить с вами какую-нибудь сделку?

— Спросить можете, — ответил Галт, кладя обе руки на стол, — но я не знаю, смогу ли я вам ответить.

— Конечно, вы можете не отвечать, — сказал Донал, — но я должен сказать вам, что, по моему мнению, крайне неразумно заключать сейчас какую бы то ни было сделку с Сетой и, в особенности, с Уильямом.

— А откуда же взялось у вас такое мнение? — спросил Галт с заметной иронией.

Донал колебался.

— Сэр, — сказал он чуть погодя. — Вынужден напомнить вам, что я был прав на Гармонии, прав относительно Нептуна, и могу оказаться прав и сейчас.

Маршал вынужден был проглотить эту пилюлю. Донал напомнил, что он дважды был прав, а Галт дважды ошибался: во-первых, в оценке Хьюго Киллиена, как ответственного офицера, во-вторых, в оценке причин, по которым нептуниане захватили Ориенте. Но если мар-

шал был в достаточной степени дорсайцем, чтобы испытать чувство гордости и самоуверенности, он был в то же время по-дорсайски правдив.

— Хорошо, — согласился он. — Уильям явился сюда с предложением. Он хочет забрать у нас часть наших наземных войск, не для определенной кампании, а для передачи их другому нанимателю. Они останутся нашими войсками. Я был против, так как это повысило бы цены на контракты, и в случае, если бы нам пришлось нанимать новые войска, мы бы понесли убытки. Я не понимаю, что за этим кроется и в чем его выгода: очевидно, он хочет получить хорошо обученные войска, которые не способны ему предоставить другая планета. Уильям умеет добиваться своего, а сравнительно малая гравитация на Сете не повредит нашим войскам. — Он извлек из ящика стола трубку и начал набивать ее. — А какие у вас возражения?

— Уверены ли вы, что войска не будут переданы тому, кто не использует их против вас же? — спросил Донал.

Толстые пальцы Галта остановились, не довершив начатое.

— Мы можем потребовать гарантий.

— Но насколько надежны гарантии в таком случае? — спросил Донал. — Человек, который дает вам эти гарантии — Уильям — сам не двинет против вас войска. И, если вдруг обнаружится, что фрилендские войска напали на фрилендскую территорию, то у вас будут гарантии, но не будет территории.

Галт нахмурился.

— Я все еще не вижу, — сказал он, — в чем тут выгода для Уильяма.

— Возможно, — ответил Донал, — возникла ситуация, когда ему важно столкнуть фрилендские войска с фрилендцами, даже рискуя нарушить гарантии.

— Как это возможно?

Донал колебался, говорить ли о своих подозрениях. Потом решил, что для маршала они недостаточно обоснованы, а если он выскажет их, то это только ослабит его аргументацию.

— Не знаю, — ответил он. — Однако, я считаю, что неразумно было бы не учитывать и такую возможность.

Галт фыркнул, и пальцы его вновь принялись набивать трубку.

— Вы не сможете заставить его отказаться от этого

замысла, не сможете убедить Штаб и правительство отказать ему.

— Я и не предполагал, что вы откажете ему прямо, — сказал Донал. — Но вы можете поколебать мнение Штаба и правительства. Скажите, что в данный момент вы не считаете возможным даже минимально ослаблять фрилендскую армию. Ваша военная репутация, достаточно убедительная, подкрепит это.

— Да, — сказал Галт, разжигая трубку, — я думаю, что последую вашему совету. Знаете, Донал, я хотел бы, чтобы вы оставались моим адъютантом, и чтобы я всегда мог узнать ваше мнение.

Донал вздрогнул.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но я хотел бы перейти в другое место... если вы освободите меня.

Густые брови Галта сдвинулись, образовав сплошную линию жестких волос. Он крепко сжал трубку.

— Честолюбие? — спросил он.

— Частично, — ответил Донал, — а частично я буду свободнее противостоять Уильяму, как независимый человек.

Галт бросил на него долгий пронизательный взгляд.

— Ради всего святого, — сказал он, — что это за кровная месть Уильяму?

— Я боюсь его, — ответил Донал.

— Оставьте его в покое, и он оставит вас. Это слишком крупная добыча для вас.

Галт оборвал свою речь, сунул трубку опять в рот и выпустил огромное облако дыма.

— Боюсь, — печально сказал Донал, — что среди звезд появились такие люди, которые никого не оставят в покое. — Он выпрямился в кресле. — Вы аннулируете мой контракт, сэр?

— Я никогда не держу людей против их желания, — проворчал маршал. — Разве лишь в случае крайней необходимости. Куда же вы думаете направиться?

— Мне сделали несколько предложений, — ответил Донал. — Я собираюсь принять одно из них — от Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации. Их вождь, Элдер, предложил мне пост главнокомандующего.

— Элдер Брайт? Он разогнал всех командиров, имеющих хотя бы намеки на независимость.

— Я знаю, — сказал Донал. — Но меня это, в некотором роде, даже устраивает. Это укрепит мою репутацию.

— Но... — Галт медленно встал. — Всегда размышляешь?

— Вы правы, — печально ответил Донал. — Я родился, вероятно, с особым устройством мозга.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-1

Стуча каблуками по черному полу обширного кабинета главнокомандующего силами обороны Гармонии, адъютант приблизился к столу Донала.

— Специальное, срочное, личное, сэр, — он положил сигнальную ленту на темную поверхность обычного коммуникатора, стоявшего на столе.

— Спасибо, — сказал Донал и знаком отпустил адъютанта. Он сломал печать на ленте, вставил ее в коммуникатор и, подождав, пока выйдет адъютант, нажал кнопку.

Из коммуникатора послышался низкий голос отца:

— Донал, сын мой. Мы рады были получить твою ленту и услышать о твоих успехах. Никто из нашей семьи за последние пять поколений не добивался такого успеха за столь короткое время. Мы все гордимся тобой и ждем новых известий...

Но я говорю с тобой из-за печального события. Твой дядя Кейси около месяца назад был убит в столице Святой Марии Блаувейне членом одной из местных террористических организаций, находящихся в оппозиции к правительству. Ян, который был офицером в той же самой части, позже отыскал штаб-квартиру этой группы и собственноручно убил трех террористов. Но это не вернуло нам Кейси. Он был нашим общим любимцем, и мы тяжело переживаем его гибель.

Но большие опасения вызывает у нас Ян. Он привез тело Кейси домой, не пожелав хоронить его на Святой Марии. Теперь он уже несколько недель дома. Ты знаешь, он всегда был более мрачным из близнецов и, казалось, Кейси забрал себе всю ясность и веселость, предназначавшуюся обоим. Твоя мать говорит, что теперь, утратив своего доброго ангела, Ян перешел на сторону сил зла, которые всегда имели на него влияние.

Как ты знаешь, я всегда считал, что члены одной семьи не должны служить вместе в части или гарнизоне, чтобы родственные чувства не мешали исполнению долга. Но твоя мать считает, что нельзя сейчас оставлять Яна в темноте и отчаянии: он должен вернуться к актив-

ной деятельности. Она просит меня передать тебе се просьбу: найти для Яна место в твоём штабе, где бы ты мог приглядывать за ним. Я знаю, это будет для вас обоих довольно трудно — ему придется подчиняться тебе. Но твоя мать считает, что это лучше, чем его теперешнее положение.

Ян не выразил желания вернуться к активной деятельности, но если я поговорю с ним, как глава семейства, он согласится. Твой брат Мор успешно служит на Венере и недавно получил звание коменданта. Мать просит тебя написать ему, сам он, возможно, не решается писать тебе, так как ты очень многого достиг за короткое время, а сам он — нет, хотя он и старший брат.

Шлем тебе свою любовь,
Ичан.

Донал вздохнул. Казалось, все стремятся к нему. Вначале Ли. Потом этот изувеченный Эл Мен, который упросил Донала взять его с собой, когда тот покидал Фриленд. А теперь и Ян. Что ж, Ян — хороший офицер, хотя, очевидно, смерть брата принесла ему горе. Донал легко найдет ему место.

Донал нажал кнопку и повернул голову к маленькому микрофону.

— Ичан Кан Грин, Гринхаус, Южный район, Кантон Форали, Дорсай, — произнес он. — Рад был получить твоё послание. Ты знаешь, я всегда любил Кейси, и понятно, что я сейчас чувствую. Пусть Ян приезжает. Я буду рад видеть его в своём штабе, сказать по правде, он мне очень нужен. Большинство офицеров, что подчиняются мне, как главнокомандующему, так запуганы этим Элдером, что предпочитают ничего не делать. Я знаю, что по этому поводу о Яне не придется беспокоиться. Если он возьмёт под контроль программу тренировки войск, я буду спокоен. А потом я смогу дать ему пост либо в Штабе, либо в Патруле. Скажи маме, что я напишу Морю, но письмо будет очень коротким: я сейчас занят по уши. Здесь есть хорошие офицеры, но они так запуганы, что теперь не желают сделать и шага без моего приказа.

Всем домашним мой привет,
Донал.

Глава Объединенного правительства Дружественных планет Содружество-Гармонии и Ассоциации имел свою свиту из офицеров в Правительственном Центре, в полусотне метров от военного штаба. Это не было случайностью. Элдер Брайт был воинственным человеком и хотел, чтобы истинные Церкви Господа имели сильную армию. Он работал за своим столом, но встал, когда вошел Донал.

Он устремился навстречу Доналу, высокий, стройный человек, одетый исключительно в черное, широкоплечий с бицепсами борца и глазами Торквемады, этого светила инквизиции в средневековой Испании.

— Да будет на вас благословение господа, — сказал он. — Кто подписал приказ о покупке дополнительных решеток временного сдвига для кораблей низших классов?

— Я, — ответил Донал.

— Вы тратите деньги, как воду. Церковная десятина, десятая часть церковной десятины церквей наших бедных планет — вот все, чем располагает наше правительство. И как вы думаете, много ли мы можем истратить на прихоти и фантазии?

— Война, сэр, — сказал Донал, — имеет мало общего с прихотями и фантазиями.

— Но зачем запасные решетки? — выпалил Брайт. — Разве они ржавеют в космосе? Разве среди звезд их может сдуть ветром?

— Я хочу изменить внешний вид кораблей: из шарообразных превратить их в цилиндрические. Я возьму с собой корабли всех трех классов. Когда они выйдут в космос, все они должны выглядеть как корабли первого класса.

— Но зачем?

— Наше нападение на Зомбри не может быть абсолютной неожиданностью, — терпеливо объяснил Донал. — Мира и Культис встревожены и следят за всеми объектами, уязвимыми с военной точки зрения. Разрешите, сэр... — Он прошел мимо Брайта к письменному столу и нажал несколько кнопок. Схематическое изображение системы Прочиона возникло на одной из стен кабинета, причем сама звезда находилась слева. Указывая, Донал читал названия планет по порядку слева направо: Коби, Культис, Мара, Святая Мария. — Подобную груп-

пу близко расположенных и пригодных для жизни планет мы вряд ли отыщем в ближайшее время, в ближайшие десять поколений. А рядом с этими мирами проходит орбита этого сбегавшего спутника Зомбри, его эксцентрическая орбита проходит между Марой и Святой Марией.

— Вы меня учите? — резко спросил Брайт.

— Да, — ответил Донал. — Мой опыт подсказывает, что люди часто не замечают вещей, которые когда-то знали, и считают, что знают и сейчас. Зомбри необитаема и слишком мала для колонизации. Но она существует как троянский конь, не хватает только ахейцев, чтобы нарушить мир в Прочионе...

— Мы это уже обсуждали, — опять прервал его Брайт.

— И продолжим обсуждение, — вежливо проговорил Донал. — Если только вы будете выяснять причины каждого моего приказа. Как я уже сказал, Зомбри — это троянский конь в городе. К несчастью, мы не можем доставить туда людей тайком. Зато мы можем воспользоваться силой и высадиться, пока на Экзотике не встревожатся. И, следовательно, наша высадка должна быть как можно более внушительной и быстрой. Мы должны высадиться без сопротивления, несмотря на то, что регулярные войска Экзотики, несомненно, охраняют Зомбри. Наилучший способ достичь этого — продемонстрировать подавляющее преимущество в силах так, чтобы местный командующий решил, что попытка помешать нам была бы глупостью. А лучший способ продемонстрировать свою силу — это предъявить вдвое больше кораблей первого класса, нежели у нас есть. Вот зачем запасные решетки.

Донал замолчал, вновь подошел к столу и нажал кнопку. Изображение исчезло.

— Хорошо, — сказал Брайт тоном, в котором высокомерия не убавилось. — Я разрешаю исполнить ваш приказ.

— Возможно, — сказал Донал, — вы одобрите и другой мой приказ — убрать охрану совести с моих кораблей и соединений.

— Ересь... — начал было Брайт.

— Это меня не касается, — сказал Донал. — Моя работа заключается в том, чтобы люди были готовы к действиям. Под моим командованием около шестидесяти национальных войск: их моральное состояние подо-

рвано, в частности, судами за ересь, ведь, в среднем, суды совершаются трижды в неделю.

— Это дело церкви, — сказал Брайт. — Вы хотите еще о чем-нибудь спросить меня?

— Да, — ответил Донал. — Я заказывал шахтное оборудование, но не получил его.

— Это чрезмерное требование, — ответил Брайт. — На Зомбри ничего не нужно будет копать, кроме командного пункта.

Донал в течение нескольких секунд глядел на этого, одетого в черное человека. Его белое лицо и белые руки — единственные открытые части тела — казались неестественными, как будто на нем была маска и перчатки, а под ними скрывалось черное и чуждое существо.

— Мы должны понимать друг друга, — сказал Донал. — Я не могу отправлять людей на верную смерть — наемники ли они, или ваши национальные войска. Но чего же вы хотите достичь этим выступлением против Экзотики?

— Они угрожают нам, — ответил Брайт. — Они хуже еретиков. Они — легионы сатаны и отступники господ. — Глаза его заблестели, как льдинки под лучами солнца. — Мы должны воздвигнуть башню, чтобы они не могли напасть на нас без предупреждения. Тогда мы будем жить в безопасности.

— Хорошо, — сказал Донал. — Я создам вам вашу башню. А вы будете давать людей и вооружение, которое мне понадобится, без вопросов и отлагательств. Кстати, эти ваши колебания в одобрении моих приказов означают, что мы вынуждены будем выступать на десять-пятнадцать процентов слабее, чем я ожидал.

— Что? — Брайт сдвинул свои черные брови. — У вас еще два месяца до условного дня выступления.

— Условный день, — сказал Донал, — пусть остается для вражеской разведки. Мы выступим через две недели.

— Две недели? — Брайт удивленно посмотрел на него. — Вы не сможете подготовиться за две недели.

— Я искренне надеюсь, что Колмейн и Генеральный Штаб Мары и Культиса согласны с вами, — ответил Донал. — У них лучшие полевые и космические силы среди звезд.

— Как? — лицо Брайта потемнело от гнева. — Вы осмеливаетесь утверждать, что мы слабее?

— Смотреть лучше в лицо фактам, чем поражению, —

слегка устало ответил на это Донал. — Да, Элдер, наши силы значительно слабее. Поэтому я больше рассчитываю на внезапность, чем на подготовку.

— Солдаты Церкви — самые храбрые во Вселенной, — воскликнул Брайт. — Они вооружены оружием правдивости и никогда не отступят.

— Это объясняет их большие потери, постоянную необходимость в новобранцах и общий низкий уровень подготовленности, — напомнил ему Донал. — Готовность умереть в битве — необходимое качество солдата. Войска наемников лишены местного патриотизма, но в то же время гораздо пригоднее для военных действий. Итак, буду ли я встречать в дальнейшем противодействие своим приказам?

Брайт колебался. Выражение фанатизма на его лице смягчилось, сменяясь задумчивостью. Когда он заговорил вновь, голос его был холодным и деловитым:

— Во всем, кроме охраны совести, — ответил он. — Их действия, в конце концов, распространяются лишь на членов наших церквей. — Он повернулся и направился к своему столу. — Кроме того, вы могли заметить, что существуют некоторые различия в догмах разных церквей. Присутствие охраны совести делает наших людей менее склонными к спорам друг с другом, а это, как я понимаю, повышает воинскую дисциплину.

— Что ж, ладно, — кратко ответил Донал. Он уже собирался уходить. — Кстати, Элдер, — вдруг повернулся он, — насчет настоящего дня выступления через две недели. Это должно оставаться тайной, я должен быть уверен, что об этом знают только два человека, и это останется между нами до самого часа выступления.

Брайт поднял голову.

— Кто же второй? — резко спросил он.

— Вы, сэр, — ответил Донал. — Я только что принял решение о настоящем дне высадки.

Около минуты они глядели друг на друга.

— Да будет с вами Господь, — холодно сказал Брайт.

Донал с этим и ушел.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-2

Колмейн, о котором говорил Донал, был командующим лучшими наземными и космическими силами среди звезд. Экзотика — планеты Мара и Культис — была не в

состоянии обеспечить свои армии, но в то же время была достаточно мудрой, чтобы нанимать лучших военных специалистов. Колмейн был одним из лучших военачальников своего времени наряду с Галтом из Фриленда, Каналом — с Дорсая, Исаком — с Венеры и высшим командиром планеты Сета, где было постоянное местожительство Уильяма. У Колмейна существовали свои заботы (включая сюда и молодую жену, не обращавшую на него внимания) и недостатки (он был игроком), но тем не менее, он располагал мощным мозгом, помещавшимся в его черепе, и не менее мощной разведывательной службой, штаб которой находился на его командной базе на Маре.

Поэтому он знал, что планеты Содружество и Гармония, а также Ассоциация готовятся к высадке на Зомбри, спустя три недели после принятия этого решения. Его шпионы своевременно сообщили ему об условном дне выступления: и вот сейчас он разрабатывал план достойной встречи пришельцев.

Главной составной частью плана было создание укрепленных пунктов на Зомбри. Нападающие обнаружат, что прыгнули в осиное гнездо. В то же время корабли Экзотики должны быть настороже и в непосредственной близости от спутника. Как только поверхность Зомбри превратится в поле военных действий, корабли Экзотики нападут на флот захватчиков. Атакующие окажутся между двух огней: их высадившиеся войска не смогут окопаться, а их корабли лишатся поддержки снизу, в то время как корабли Экзотики будут прикрыты огнем замаскированных тяжелых орудий.

Разработка плана приближалась к концу, на командной базе на Маре Колмейн вместе со своим штабом дорабатывал последние детали. Но тут неожиданно возникла помеха в лице адъютанта, который торопливо вошел в зал совещаний, даже не спросив разрешения.

— В чем дело? — проворчал Колмейн, поднимая от карты смуглое, все еще красивое лицо, чтобы принести ему, шестидесятилетнему, компенсацию за недостаточное внимание жены со стороны других женщин.

— Сэр, — сказал адъютант. — Зомбри атакована...

— Что?.. — Колмейн вскочил на ноги, остальные члены штаба тоже.

— Около двухсот кораблей, сэр. Только что получено сообщение. — его голос слегка дрожал, ему едва ли исполнилось двадцать лет. — Наши люди на Зомбри обороняются имеющимися силами...

— Обороняются? — Колмейн грозно шагнул в сторону адъютанта, как будто тот был виновен в случившемся. — Они что, высадили десант?

— Они приземлились, сэр.

— Сколько?

— Не знаю, сэр,

— Баранья башка!.. Сколько кораблей выбросили десант?

— Нисколько, сэр. Они все приземлились.

— Все?!

На несколько секунд в огромном зале совещаний воцарилось молчание.

— Вы хотите сказать, — выкрикнул, наконец, Колмейн, — что на Зомбри опустили двести кораблей первого класса?

— Да, сэр, — голос адъютанта превратился чуть ли не в писк. — Они отбросили наши войска и окапываются...

Закончить фразу он не сумел. Колмейн взглянул на своих военных советников и командиров Патрулей.

— Ад и проклятие, — проревел он. — Разведка!..

— Сэр! — промолвил огромного роста офицер-фрилендер.

— Ваше мнение?

— Сэр, — замялся офицер, — не понимаю, как это могло произойти. Последние сообщения получены с Гармонии три дня назад...

— К черту последние сообщения. Через пять часов все корабли и все люди должны быть готовы к выходу в космос. Через десять часов все патрульные корабли, где бы они ни находились, должны соединиться с основным флотом и двинуться на Зомбри. Действуйте.

Генеральный штаб Экзотики начал действовать.

Выполнить приказ Колмейна в такое короткое время было невозможно, и то, что он все-таки был выполнен и через десять часов флот из четырехсот кораблей разных классов с полным комплектом вооружения выступил к Зомбри, было своего рода чудом военного дела.

Колмейн и офицеры его штаба разглядывали на контрольном экране плывущий внизу спутник. Еще три часа назад они получили доклад о сопротивлении. Теперь тишина на Зомбри красноречиво свидетельствовала об окончании военных действий. А наблюдение обнаружило на поверхности спутника около ста пятидесяти шахтных входов.

— Мы высадимся, — сказал Колмейн, — высадимся все и вышвырнем их со спутника. — Он посмотрел на своих офицеров. — Возражения?

— Сэр, — сказал командир Голубого Патруля, — может быть, нам подождать на орбите?

— И не думайте, — с иронией ответил Колмейн. — Они не стали бы окапываться в нашей системе, если бы у них не было достаточных запасов, и ожиданием мы ничего не добьемся. — Он покачал головой. — Время действовать, джентльмены, прежде чем они закрепятся окончательно. Все корабли вниз, даже те, на которых нет войск. Мы используем их как наземные огневые точки.

Члены штаба отсалютовали и принялись выполнять приказ.

Флот Экзотики опускался на Зомбри, как саранча на фруктовый сад. Колмейн, расхаживая по контрольной рубке флагманского корабля, опускавшегося вместе с другими, улыбался, слушая сообщение о том, как очищаются опорные пункты противника, как сдаются ему только что окопавшиеся корабли противника и как начинают окапываться корабли Экзотики. Укрепления захватчиков падали, как карточные домики, и мнение Колмейна об их командире — очень высокое при первом сообщении о нападении — начало изменяться. Одно дело — смелая игра, совсем другое дело — игра глупая. Из морального состояния и степени подготовки войск Содружества следовало, что они вообще вряд ли могли рассчитывать на успех... Этот Грин должен был больше внимания уделять подготовке людей и меньше — разработке драматических высадок. Но чего же можно было ожидать от юного командира, впервые в жизни получившего столь высокий пост.

Колмейн наслаждался предвкушением несомненной победы, когда его внезапно грубо прервали. Из коммуникатора глубокого космоса раздалось неожиданное гудение, и два офицера в рубке одновременно доложили:

— Сэр, вас вызывает какой-то неизвестный.

— Сэр, корабли над нами.

Колмейн, следивший за поверхностью Зомбри через контрольный экран, нажал переключатель: искатель прибора, описав круг, устремился к звездам, и на экране при полном увеличении появилось изображение корабля первого класса с гербом Содружества. А позади корабля, на орбите вокруг Зомбри, были видны и другие.

— Кто это? — выкрикнул Колмейн, обращаясь к офицеру, сообщившему о неожиданном вызове.

— Сэр, — недоверчиво ответил офицер, — он говорит, что он — главнокомандующий силами Содружества.

— Что? — Колмейн вскочил на ноги у контрольного экрана. Стенной экран засветился и там появилось изображение стройного юного дорсайца со странными, неопределенного цвета, глазами.

— Грин, — выкрикнул Колмейн, — что это за имитация флота, которым вы хотите напугать меня?

— Посмотрите, командующий, внимательно, — ответил молодой человек. — Имитация закопана на поверхности спутника. Там мои корабли низших классов. Иначе разве вам удалось бы так легко справиться с ними? А у меня корабли первого класса — сто восемьдесят три корабля.

Колмейн нажал переключатель и взглянул на экран. Затем обернулся к офицерам у контрольного пункта.

— Докладывайте.

Но офицеры были заняты. Поступали подтверждения. Захваченные корабли были низшего класса с дополнительными решетками временного сдвига, у них было меньше оружия и они были слабее. Колмейн вновь включил экран. Донал сидел в той же позе, ожидая его.

— Через десять минут мы будем наверху и встретимся, — пообещал сквозь зубы Колмейн.

— Мне казалось, что у вас больше здравого смысла, командующий, — ответил с экрана Донал. — Ваши корабли не окопались. И никто не прикроет их, когда они будут взлетать. Мы можем уничтожить вас на взлете, а можем разнести на куски, пока вы на поверхности. У вас нет оборудования для того, чтобы закрепиться по-настоящему. Я хорошо информирован о вашем поспешном взлете. — Он помолчал. — Предлагаю вам прибыть для обсуждения условий сдачи.

Колмейн молча стоял, глядя на экран. Но другого выхода у него не было. Он не был бы командующим такого масштаба, если бы не понял этого. Он неохотно кивнул:

— Сейчас прилечу, — сказал он, выключая экран. Плечи его поникли, он отправился к маленькому курьерскому кораблю, пришвартованному к флагману для его личных нужд.

— Клянусь Богом, — были его первые слова при встрече с Грином на борту флагмана Содружества. — Вы уничтожили меня. После этого я был бы счастлив,

если бы мне поручили командование отрядом из пяти кораблей.

Он был недалеко от истины.

Донал вернулся на Гармонию два дня спустя. Даже самые угрюмые фанатики встретили его с триумфом, когда он проезжал по улицам к Правительственному центру. Но когда Грин явился для доклада к Элдеру Брайту, его ждал совсем другой прием.

Глава Объединенного Совета Церквей Гармонии и Ассоциации угрюмо глядел на входящего Донала, все еще одетого в комбинезон поверх мундира, который он торопливо надел в космопорту, так как платформа, на которой Донал двигался по улице, была открытой, чтобы восторженная толпа видела своего героя, а на Гармонии было необычайно холодно.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Донал, приветствуя Брайта и двух других членов Совета, сидевших рядом с Брайтом за столом. Эти двое не ответили, Брайт кивнул, и три вооруженных солдата его личной охраны вышли, прикрыв за собой дверь.

— Итак, вы вернулись, — сказал Брайт.

Донал улыбнулся.

— Вы ожидали, что я отправлюсь куда-нибудь в другое место? — спросил он.

— Сейчас не время для шуток, — огромный кулак Брайта ударил по столу. — Как вы объясните свое возмутительное поведение?

— Вы не в своем уме, Элдер, — голос Донала звучал резко, и трое присутствующих не ожидали этого. — О чем вы говорите?

Брайт встал. Теперь, широкоплечий и мощный, с фигурой кулачного бойца, он более чем когда-либо напоминал Торквемаду.

— Вы вернулись обратно, — медленно и жестко сказал он. — И делаете вид, что не знаете, как предали нас.

— Предал? Вас? — Донал смотрел на него, вдумываясь в злое утверждение. — Как это я предал вас?

— Мы послали вас выполнять определенное задание.

— Да, и я его выполнил, — сухо сказал Донал. — Вы хотели сторожевую башню над безбожниками. Вы хотели иметь на Зомбри установку для постоянного наблюдения за Экзотикой. Вы помните, что несколько дней назад я еще раз спрашивал, чего вы хотите. Вы совершенно определенно высказали мне свои пожелания. Я их выполнил.

— Вы — отродье сатаны, — выкрикнул Брайт, вне-

запно утратив самоконтроль, — неужели это все, что мы хотели? Вы думаете, что помощники господа стали бы колебаться на пороге безбожников? — Он повернулся и нагнулся над столом. — Они были в вашей власти и вы выпросили у них только невооруженную наблюдательную станцию на бесплодной луне. Вы держали их за горло и никого не убили, а ваш долг был стереть их в порошок, до последнего корабля, до последнего человека... — он замолчал, и Донал услышал, как во внезапной тишине лязгнули его зубы. — Сколько они заплатили вам? — злобно и презрительно спросил Брайт.

Донал спокойно выпрямился.

— Будем считать, — спокойно сказал он, — что последних слов я не слышал. А что касается вашего вопроса относительно наблюдательной станции, то это было все, что вы хотели. Почему я не убил их? Бессмысленное убийство — не мое дело. Не стал бы я бесполезно рисковать своими людьми ради бессмысленного убийства. — Он холодно посмотрел Брайту в лицо. — Вы должны были бы быть честнее со мной, Элдер, и прямо сказать, чего вы хотите. Уничтожения мощи Экзотики, не так ли?

— Да, — ответил Брайт.

— Вам никогда не приходило в голову, — продолжал Донал, — что я слишком хороший командир, чтобы браться за выполнение этой задачи? Я думаю, — он взглянул на остальных членов Совета, — что вы подозревались на своей же mine. — Помолчав и слегка улынувшись, он обратился к Брайту. — С тактической точки зрения было бы крайне неразумно для Содружества уменьшать мощь Мары и Культиса. Позвольте дать вам маленький урок, так...

— Вам лучше позаботиться о более правдоподобном ответе, — прервал его Брайт. — Иначе вы будете обвинены в предательстве интересов ваших нанимателей.

— Не может быть! — Донал громко рассмеялся.

Брайт отвернулся от него и пересек комнату. Он стукнул в дверь, которая распахнулась, пропустив трех вооруженных солдат. Указывая пальцем на Донала, Брайт сказал:

— Арестуйте этого изменника.

Охранники сделали шаг к Доналу, но прежде чем они успели извлечь оружие, три голубых луча пересекли их путь. Все трое упали.

Как человек, оглушенный внезапным ударом, Брайт

смотрел на тела своих гвардейцев, а потом, подняв голову, увидел что Донал прячет в кобуру свое оружие.

— Вы думаете, что я настолько глуп, чтобы явиться сюда безоружным? — спросил он. — Вы думали, что я позволю себя арестовать? — Донал покачал головой. — Я просто спасаю вас от самих себя. Да, — сказал он, глядя на их ошеломленные лица. Жестом он указал на открытое окно в дальнем конце зала. Звуки праздничного торжества доносил оттуда вечерний ветер. — Сорок процентов ваших лучших войск — наемники. Наемники же ценят командира, который выигрывает сражения, не жертвуя их жизнью. Как вы думаете, какой была бы их реакция, если бы меня обвинили в измене и казнили, — он замолчал, чтобы его мысль дошла до них. — Подумайте об этом, джентльмены.

Он застегнул китель и угрюмо посмотрел на мертвых гвардейцев, потом вновь повернулся к членам Совета.

— Это достаточная плата для расторжения контракта, — сказал он. — Поищите себе другого главнокомандующего.

Он повернулся и направился к двери. Брайт крикнул ему вслед:

— Отправляйтесь к ним. К безбожникам с Мары и Культиса.

Донал помолчал, потом обернулся и благодарно наклонил голову.

— Благодарю вас, джентльмены, — сказал он. — Но запомните, что это было ваше предложение...

Часть третья

МАРАНИН НАПОЛОВИНУ

Здесь должно было состояться его свидание с Сэйной. Поднимаясь по широким ступеням сооружения, в котором жил наиболее известный человек двух планет Экзотики, Донал по мере своего продвижения приходил в удивление все больше и больше.

Пройдя дальше, он встретил высокую сероглазую женщину и объяснил причину своего появления.

— Идите направо, — сказала женщина, показывая жестом. — Там вы найдете его.

Это было весьма странное место.

Донал прошел по освещенному солнцем коридору и попал в сад, с множеством прудов с разноцветными рыбками, и, наконец, оказался в небольшом, залитом солнцем дворике. В тени, создаваемой низкой каменной стеной, на небольшом участке дерна, сидел высокий человек неопределенного возраста, одетый в свободный костюм синего цвета.

Донал спустился по трем каменным ступенькам, пересек дворик, потом поднялся по трем ступенькам и остановился возле высокого человека.

— Сэр, — сказал он, — я — Донал Грин.

Высокий человек жестом предложил ему сесть рядом.

— Если предпочитаете сидеть на стене — пожалуйста, — он улыбнулся. — Сидеть, скрестив ноги, еще не значит соглашаться с чем-либо.

— Верно, сэр, — ответил Донал и сел, скрестив ноги.

— Ну вот и хорошо, — сказал высокий человек, погрузившись в раздумья.

Донал в ожидании расслабился. Ощущение покоя медленно входило в него. Казалось, это место создано для размышлений. И Донал не сомневался, что оно действительно создано для этой цели. Сидя в удобной позе, он позволил своему мозгу свободно размышлять, и ниче-

го удивительного, что мысль его обратилась к человеку, сидевшему рядом.

Сэйона Связующий — об этом человеке Донал узнал еще в школе — был самым выдающимся человеком Экзотики. Так называли две планеты, населенные странными людьми, некоторые из них доходили до того, что вообще перестали быть людьми. Это соображение было отчасти юмористическим, а отчасти — основанным лишь на подозрении. На самом же деле они были людьми.

Они видоизменили свой организм. Их исследования шли в области психологии и ее ответвлений, а также в той области биологии, которую можно было назвать генной селекцией и плановым воспроизводством потомства. С этим было связано немало мистического. Жители Экзотики открыто поклонялись Богу, но в то же время не совершали никаких обрядов. У них был собственный принцип — невмешательство. Единственное воздействие, которое они признавали, это — убеждение. Но все эти рассуждения не уменьшили их способности постоять за себя. Они считали, что не могут применять насилие к другим людям, но и другим нельзя было позволять применять насилие. В войнах и в делах, благодаря наемникам и посредникам, они умело отстаивали свои интересы.

Но тут Донал вернулся к мысли о Сэйоне Связующем и о его месте в культуре Экзотики. Этот человек был одним из своеобразных вознаграждений людей Экзотики за их особый путь развития. Он был непосредственной частью их эмоциональной жизни, воплощенной в виде отдельной личности. Подобие Анны, которая при всей ее нормальности и женственности была на Экзотике их лучшим произведением искусства, которому они поклонялись. Главное же заключалось в способностях, которые были выработаны у нее.

Аналогично — и Сэйона Связующий. И опять в смысле, который могли понять только жители Экзотики, Сэйона, в буквальном смысле, был связью между двумя мирами, связью во плоти и крови... В нем заключалась способность всеобщего понимания, всеобщего примирения, выражения общности всех людей.

Донал, внезапно спохватившись, осознал, что Сэйона говорил с ним. Он говорил уже некоторое время, говорил спокойно, а слова его Донал пропустил сквозь мозг, как воду сквозь пальцы. Но то, что он успел услышать и понять полностью, вернуло его к реальности.

— Нет, — ответил Донал, — я думаю, что это обыч-

ная процедура, которой вы подвергаете каждого командира, прежде чем нанять его.

Сэйона рассмеялся.

— Проводить каждого командира через эти тесты? — проговорил он. — Нет, нет. Тогда мы никогда не смогли бы нанять нужного нам человека.

— Но мне нравятся эти тесты, — сказал Донал.

— Я знаю, — Сэйона кивнул. — Тест — это форма конкуренции, а вы по натуре — борец. Нет, когда нам нужен военный, мы оцениваем лишь его воинские качества — это все.

— Но тогда почему такое исключение в случае со мной? — спросил Донал, глядя на собеседника.

Сэйона ответил ему твердым взглядом светло-коричневых глаз.

— Вы заинтересованы, — ответил Сэйона. — Дело в ваших предках. Вы наполовину маранин, и именно ваши маранские гены заинтересовали нас. У вас удивительные способности!

— Могу ли я спросить, в чем же состоят мои главные способности? — с любопытством спросил Донал.

— К сожалению, нет. Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Сэйона. — Да и мой ответ был бы для вас бессмысленным, сейчас вы еще не владеете тем, что необходимо для понимания. Поэтому-то я и хотел поговорить с вами. Я интересуюсь вашим мировоззрением.

— Мировоззрением? — Донал засмеялся. — Я — дорсаец.

— Каждый, в том числе и дорсаец, каждое живое существо имеет свое мировоззрение — листок травы, птица, ребенок. Индивидуальное мировоззрение совершенно необходимо, это — краеугольный камень, на котором мы основываем свое существование. К тому же, вы — частично дорсаец. А что скажет ваша другая часть?

Донал нахмурился.

— Я не уверен, что моя другая часть что-либо скажет. Я — солдат, наемник. У меня есть работа. И я хотел бы всегда выполнять ее наилучшим образом.

— Но кроме этого... — настаивал Сэйона.

— Что ж, кроме этого, — Донал помолчал и еще больше нахмурился, — кроме этого, я хотел бы, чтобы все было в порядке.

— Вы сказали, что хотите, чтобы все было в порядке. Вы не сказали, что вам это просто нравится, — Сэйона

выжидательно посмотрел на него. — Вы не видите в этом разницы?

— Что? А, — Донал засмеялся. — Я думаю, это высказалась моя вторая половина. Если точнее говорить, то я хотел бы сделать так, чтобы все было в порядке.

— Да, — сказал Сэйона, и Донал не понял, одобряет он сказанное или не согласен с ним. — Вы — исполнитель.

— Кто-то должен им быть, — сказал Донал, добавив: — Возьмите цивилизованные планеты, — он внезапно оборвал себя.

— Продолжайте, — сказал Сэйона.

— Я хотел сказать: возьмем цивилизацию. Подумать только, как мало времени прошло с момента создания первого космического корабля. Четыреста лет? Пятьсот? Что-то около этого. А посмотрите, как мы распространились.

— И что же?

— Мне это нравится, — сказал Донал. — Это и эффективно и опасно. Какой смысл в техническом совершенствовании, если мы все еще разбиты на множество групп, и каждый живет только своим умом, надеясь только на себя. Это — не прогресс.

— Вы хотите, чтобы был прогресс?

Донал взглянул на него.

— А вы разве нет?

— Конечно, — сказал Сэйона. — Определенный вид прогресса. Мой тип. А каков ваш?

Донал улыбнулся.

— Вы хотите услышать? Вы правы. У меня действительно есть мировоззрение. Вы в самом деле хотите услышать?

— Да.

— Хорошо, — Донал взглянул на маленький, залитый солнцем сад. — Каждый человек — орудие в своих собственных руках. И все человечество — орудие в своих руках. Величайшее удовлетворение приходит к нам не как награда за работу, оно — сама работа. И величайшая наша задача — совершенствовать этот инструмент, самих себя, чтобы еще лучше выполнять работу. — Он взглянул на Сэйону. — Что вы об этом думаете?

— Я думал об этом, — ответил тот. — И мой собственный взгляд отличен, конечно. Человек для меня — не исполнительный механизм, а воспринимающий. Я бы

сказал, что главная задача индивидуума — не столько делать, сколько быть. Главное — понять себя.

— Нирвана в противоположность Валгалле, — сказал Донал, слегка угрюмо улыбаясь. — Благодарю, я предпочитаю Валгаллу.

— Вы уверены? — спросил Сэйона. — Вы совершенно уверены, что вам не нужна Нирвана?

— Совершенно уверен.

— Жаль, — печально возразил Сэйона, — а мы так надеялись...

— Надеялись?

— Дело в ваших способностях, — сказал Сэйона, поднимая палец, — в ваших великих способностях. Они могут развиваться лишь в одном направлении, в том, которое вы выберете сами. Но у вас свобода выбора. Ваше место здесь.

— Вместе с вами?

— В других мирах не знают, что мы открыли за последние сто лет. И мы лишь начали свою работу. Перед нами огромные задачи развития человечества, человеческих способностей.

— А у меня есть такие способности?

— Да, — ответил Сэйона. — Частично, как результат вашего маранского происхождения, и частично — просто в результате счастливого расположения генов. Это пока вне наших знаний и понимания. Конечно, вам бы пришлось переучиваться. Та часть вашего характера, которая господствует сейчас, должна быть согласована с той частью, которую мы считаем главной.

Донал покачал головой.

— У вас была компенсация, — печально сказал Сэйона, — для вас стало бы возможным то, о чем вы сейчас даже не подозреваете. Знаете ли вы, что относитесь к тому типу людей, которые могут ходить по воздуху, если поверят в это?

Донал рассмеялся.

— Я совершенно серьезен. Попробуйте когда-нибудь проверить.

— Я не могу поверить в то, во что не верю инстинктивно, — сказал Донал. — Я — солдат.

— Вы — необычайный солдат, — пробормотал Сэйона. — Солдат, полный сострадания, причудливых фантазий и снов наяву. Человек одинокий, который старается быть похожим на всех, но для которого человечество — это конгломерат странных чуждых созданий, чьи прихот-

ливые пути он не может понять, хотя понимает в то же самое время очень хорошо.

Он взглянул на внезапно застывшее лицо Донала.

— Ваши тесты очень эффективны, — сказал Донал.

— Да, — согласился Сэйона, — но не смотрите на меня так. Мы не можем использовать их как оружие, не можем к чему-либо принудить вас. Это разрушило бы все ваши способности. Мы можем только предложить вам. — Он помолчал. — Я могу на основе наших знаний уверить вас, что, приняв наше предложение, вы будете счастливы.

— А если не приму?

— Вы — сильный человек, — сказал он, вздохнув. — Сила влечет за собой ответственность, а за ответственность нужно платить счастьем.

— Могу лишь сказать, что я всю жизнь работаю, чтобы быть счастливым. — Донал встал. — Благодарю за ваше предложение. Я ценю то высокое мнение обо мне, которое в нем содержится.

— Сказать бабочке, что она — бабочка и не должна ползать по земле — не значит высоко оценить ее, — сказал Сэйона.

Донал вежливо наклонил голову.

— До свидания, — сказал он.

Повернувшись, он отошел на несколько шагов к каменным ступеням, чтобы спуститься по ним и пересечь дворик.

— Донал, — голос Сэйоны остановил его. Он повернулся и увидел, что Связующий глядит на него со странным выражением. — Я (он подчеркнул слово «я») верю, что вы можете ходить по воздуху.

Донал удивленно посмотрел на него, но выражение лица собеседника не изменилось. Донал повернулся и ступил на землю. К его величайшему удивлению нога встретила опору в воздухе, в восьми дюймах над твердостью. Не понимая, что делает, Донал поставил вторую ногу вперед на ничто. Он сделал шаг, другой. Ничем не поддерживаемый, он прошел через весь дворик и ступил на противоположную верхнюю ступень.

Найдя наиболее надежную опору, он обернулся. Связующий по-прежнему смотрел на него, но выражение его лица было невозможно разгадать. Донал вышел из дворика.

Задумчиво вернулся он в свою квартиру в Портсмуте, в этом маранском городе, где находился главный штаб

Экзотики. Пока он добирался, тропическая ночь быстро накрыла город, но мягкий свет, шедший от стен и крыш зданий, затмил сияние звезд. И свет этот проникал в спальню Донала.

Стоя посреди спальни и собираясь приняться за завтрак — он опять забыл сегодня поесть — Донал нахмурился. Взглянув наверх, на мягко закруглявшийся купол потолка, в высшей точке достигавшего двенадцати футов высоты, он вновь нахмурился. И поискал что-то на письменном столе, пока не нашел катушку с распечатанной сигнальной лентой. Держа ее в одной руке, он взглянул на потолок и сделал шаг вверх.

Его нога нашла опору в воздухе. Медленно, шаг за шагом, опираясь на ничто, он поднимался к потолку. Раскрыв капсулу, он извлек ленту и прикрепил ее к потолку. Несколько секунд он висел в воздухе, глядя на ленту.

— Нелепость, — произнес он и немедленно почувствовал, что падает. Инстинктивно собрав свое натренированное тело, он перевернулся в воздухе и, опустившись на руки и ноги, мгновенно встал. Невредимый, Донал взглянул на потолок. Капсула все еще висела там.

Неожиданно он негромко засмеялся в пустоту пространства:

— Нет, нет, я — дорсаец...

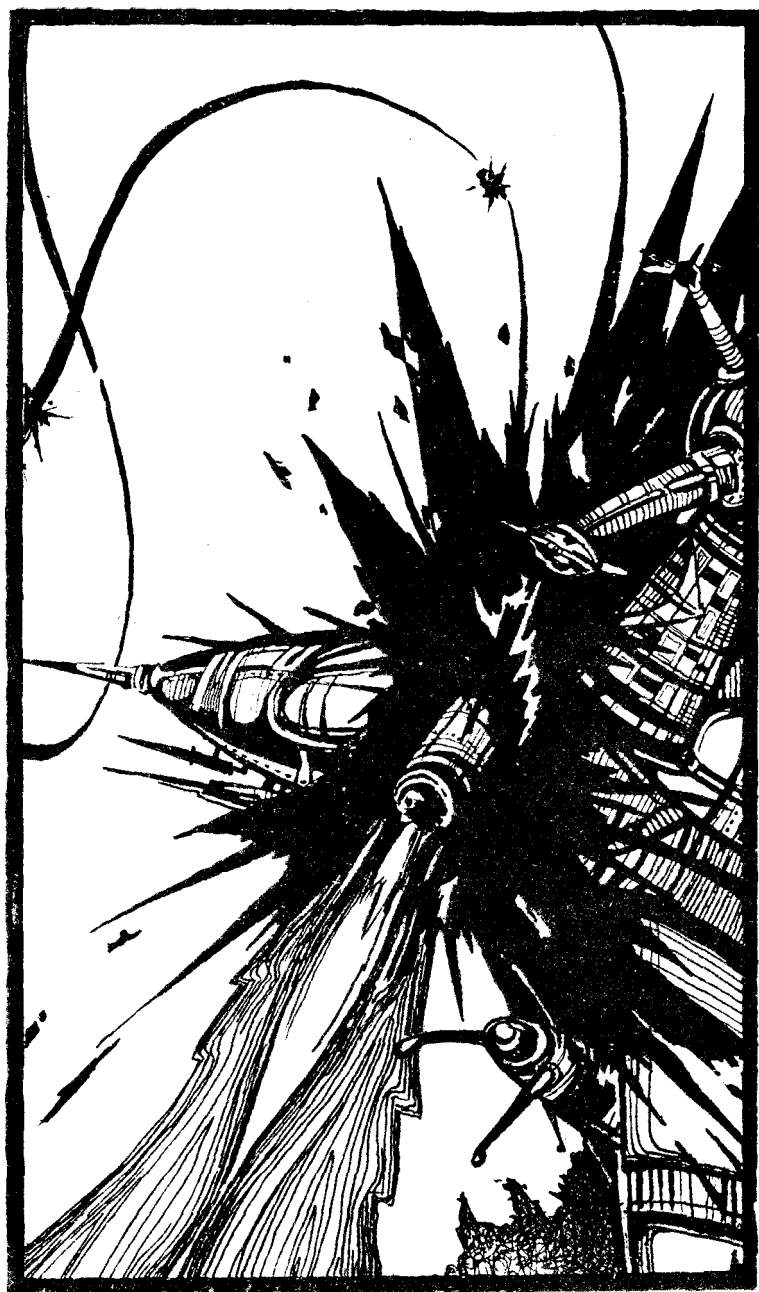
ПРОТЕКТОР-1

Командующий полевыми войсками Ян Грин, холодный, мрачный человек, явился в личный штаб Протектора Прочиона с секретной сигнальной лентой, зажатой в огромном кулаке. В трех внешних помещениях никто не преградил ему путь. Но у входа в кабинет Протектора его личный секретарь — девушка в зелено-золотом мундире — попыталась помешать ему, говоря, что Протектор приказал не беспокоить его. Ян взглянул на нее и, протянув руку, распахнул дверь.

В кабинете он застал Донала, стоящего возле прозрачной стены, освещенной лучами Прочиона разнообразных желтых оттенков.

Глубоко задумавшись, Протектор глядел на Портсмут. В последние дни его все чаще и чаще заставляли в такой позе. При звуке шагов Донал поднял голову.

— Да?

— Они захватили Новую Землю, — ответил Ян и протянул сигнальную ленту. — Личное секретное донесение от Галта.

Донал взял ленту автоматически: вторая, глубоко спрятанная часть его характера все еще господствовала над его мозгом. Прошедшие шесть лет изменили его внешность и манеры, но еще больше они изменили его внутренний мир. Шесть лет командования, шесть лет оценок положений и принятия решений сблизили его внешний мир с внутренним, — этот темный бездонный океан неизвестного, таившийся в нем самом. Он научился вступать в перемирие со своей второй сущностью, странностью, пряча ее от остальных, но используя ее как оружие при необходимости. А теперь это известие, принесенное Яном, произвело лишь рябь на поверхности океана. Постепенно усиливаясь, эта дрожь и побудила его к действию.

Протектор Проциона, ответственный теперь не только за оборону планет Экзотики, но и за две меньшие планеты системы — Святую Марию и Коби — он должен был действовать и ради себя. Того, что ему предстояло, он не собирался избегать. Наоборот, Донал приветствовал действие.

— Понятно, — пробормотал он. Потом сказал, обращаясь к Яну. — Галту нужна помощь. Ты сможешь подготовить войска к отправке?

Ян кивнул и вышел, такой же холодный и мрачный.

Оставшись в одиночестве, Донал не торопился вскрывать сигнальную ленту. Он не помнил, о чем он думал, когда вошел Ян, но ведь он навел Донала на новые мысли. Последние дни Ян, казалось, чувствовал себя хорошо — лучше, чем можно было ожидать. Он жил в одиночестве, не сближаясь с другими, равными ему по званию, командующими и отказываясь посетить Дорсай даже на короткое время, чтобы повидаться с семьей, он полностью отдался своим обязанностям по обучению полевых войск и прекрасно выполнял их. Кроме этого, он шел своим особым путем.

Донал вздохнул. Раздумывая над этим, он видел, что никто из тех людей, которые сгруппировались вокруг него, не сближаются теперь с ним из-за высокого поста, занимаемого им, или из-за его громкой славы. Это Ян, пришедший, потому что его послала семья. Это Ли, нашедший в нем поддержку, которой ему так недоставало, и следовавший за ним всегда, когда он не был еще Протек-

тором Проциона. Это Ллудров, нынешний помощник Донала в штабе, пришедший не по своей воле, а по настоянию жены. Ибо Ллудров женился на Эльвин Рай, племяннице Галта, которая продолжала интересоваться Доналом, даже выйдя замуж. Это Колмейн, — ему Донал предоставил место в своем штабе, где он прекрасно проявлял свои способности. Наконец, это Галт, связанный с ним не просто воинской дружбой. Галт, никогда не имевший сына, видел его в Донале.

И — в противоположность всем остальным, кого Донал хотел бы больше всего иметь на своей стороне — Мор, которого гордость заставляла уходить как можно дальше от преуспевающего младшего брата. В конце концов, Мор отправился на Венеру, где на открытом рынке, процветавшем на этой технологической планете, его контракт купила Сета, и теперь он был на положении врага Донала, по другую сторону враждующих сил, которые неизбежно должны были вступить в конфликт.

Донал оборвал свои мысли. Состояние депрессии, ранее часто посещавшее его, теперь бывало реже, — в результате его упорной работы над собой. Он распечатал сигнальную ленту Галта.

Донал! К этому времени ты получишь сообщение о Новой Земле. Государственный переворот, приведший к власти правительство Кирли, был осуществлен войсками, предоставленными Сетой. Я никогда не перестану благодарить тебя за совет, благодаря которому мы не передали свои войска Уильяму. Однако сейчас положение тревожное. Мы подвергаемся атаке изнутри — у нас тоже много сторонников открытой покупки и продажи контрактов. Одна за другой планеты попадают в руки бизнесменов, худший из которых — Уильям. Пожалуйста, предоставь нам полевые войска в возможно большем количестве.

На Венере собирается Общая Планетная дискуссия по поводу признания правительства Новой Земли. Они достаточно мудры, чтобы не приглашать тебя, поэтому прилетай обязательно. Я тоже буду там: нуждаюсь в тебе, поэтому прилетай, даже если других причин для этого нет.

Хендрик Галт, маршал Фриленда.

Донал кивнул сам себе. Но он не начал немедленно действовать. Там, где Галт был поражен внезапным от-

крытием, Донал увидел лишь подтверждение своих давних предчувствий.

Шестьдесят населенных пунктов восьми звездных систем, от Солнца до Альтаира, зависели от торговли умами. Правда заключалась в том, что человечество шагнуло слишком далеко, и каждая планета не могла позволить себе развивать все области науки и техники. Зачем содержать тысячи средних медицинских училищ повсюду, если можно иметь пять высших, выпускать медиков высшей квалификации и торговать ими с другими планетами, где они могли бы обучать других. Преимущества такой системы были огромными, число искусственных специалистов ограничено, больше того, прогресс шел быстрее, если все специалисты в одной области тесно соприкасались друг с другом.

Система казалась высоко практичной. Донал был одним из немногих людей, ясно видевших ее недостатки.

Спорным вопросом торговли контрактами было следующее: насколько искусный специалист является индивидуальностью со своими правами, и насколько он является собственностью нанимателя. Если он — индивидуальность, торговля между мирами превращалась в серию индивидуальных сделок, и тогда общество с трудом может соблюдать общие интересы. Если специалист — собственность нанимателя, это открывает широкие возможности для обогащения дельцов — покупателей и продавцов людей, которые смотрят на специалистов лишь как на живой товар, нечто вроде скота, из которого нужно извлекать максимальную прибыль.

Планеты все еще не решили этот вопрос. «Закрытые» общества, подобные обществам технологических планет венерианской группы — самой Венеры, Нептуна, Кассиды и фантастических планет Гармонии и Ассоциации, а также Коби, управляемой анонимным тайным преступным обществом — эти планеты всегда предпочитали смотреть на специалистов, скорее, как на собственность, чем на индивидуумов. «Свободные» общества — республиканские планеты Старая Земля, Марс, планеты Экзотики — Мара и Культис, индивидуалистическое общество Дорсая — склонялись, скорее, на сторону индивидуальности...

Было несколько планет, занимавших промежуточные позиции, и планеты с сильной центральной властью, типа Фриленда и Новой Земли, купеческая Сета, демократическая теократия Святой Марии, и малонаселенная

планета рыбаков Дескиин, управляемая объединением под названием Корбел.

Среди «закрытых» обществ рынок контрактов существовал уже много лет. На этих мирах вы можете быть проданы без вашего ведома другому нанимателю, даже на другую планету. Преимущество такой торговли очевидно: правительство может легко контролировать торговлю, следя за своими целями и выгодами. При этом правительства легко перскупали лучших специалистов «свободных» обществ. Хотя соглашение между планетами существовало, но «закрытые» общества всегда умудрялись урвать львиную долю талантов.

Это было почвой для неизбежного конфликта, который назревал уже пятьдесят лет и должен был решить вопрос о жизненной потребности современной цивилизации — умах ее специалистов. И вот, думал Донал, стоя у прозрачной стены, этот конфликт виден. Он начался уже тогда, когда Донал вступил на борт корабля, где встретился с Галтом, Уильямом и Анной. Уже тогда битва началась, и его в этой битве ждала своя особая роль.

Он подошел к столу, нажал кнопку и произнес в микрофон:

— Командиров всех родов войск и штаба ко мне, немедленно. Совещание на высшем уровне.

Убрав руку с панели, он сел за стол. Предстояло много дел.

ПРОТЕКТОР-2

Прибыв через пять дней в Холистад, столицу Венеры, Донал немедленно отправился разыскивать Галта в правительственном отеле.

— У меня много дел, — сказал он, обменявшись рукопожатием со старым маршалом и сядя рядом с ним. — Иначе я прилетел бы раньше. Вы выглядите усталым.

Маршал Фриленда действительно похудел. Кожа на его лице натянулась, глаза помутнели от усталости.

— Политика, политика... — ответил Галт. — Это не мое дело. Она утомляет людей. Давай выпьем?

— Спасибо, не хочу, — ответил Донал.

— Ну, а я выпью. Только закурю трубку, не возражайте?

— Я никогда не возражал, но вы никогда меня раньше и не спрашивали.

— Да, — Галт не то закашлялся, не то засмеялся: он начал набивать трубку своими дрожащими руками. — Черт бы побрал эти дела. По правде говоря, я готов уйти в отставку, но как можно сейчас уйти. Ты получил мое сообщение, сколько полевых войск сможешь ты мне выделить?

— Скажем, двадцать тысяч первоклассных солдат, — Галт поднялся. — Не беспокойтесь, — улыбнулся Донал, — они будут прибывать мелкими группами, чтобы создать впечатление, что их, по меньшей мере, в пять раз больше.

Галт одобрительно кивнул.

— Я знал, что ты придумаешь что-нибудь такое, — сказал он. — Нам понадобится твой мозг на этой конференции. Официально мы собрались здесь, чтобы выработать общее отношение к новому правительству Новой Земли, но ты знаешь, что здесь имеется в виду на самом деле?

— Догадываюсь, — ответил Донал. — Открытый рынок.

— Верно, — Галт разжег трубку и с наслаждением затянулся. — Положение изменилось: теперь Новая Земля примкнула к венерианской группе, а мы под давлением внутренних сил склоняемся на сторону противников открытого рынка. Мы могли бы просто подсчитать соотношение сил по головам, сидя за столом, но дело не в этом. У них есть Уильям и этот белоголовый дьявол Блейн. — Он пристально взглянул на Донала. — Ты знаком с ним?

— Мы с ним никогда не встречались. Это мое первое посещение Венеры, — ответил Донал.

— Это — акула, — с чувством сказал Галт. — Я хотел бы видеть, как они однажды столкнутся лбами с Уильямом. Может, они сожрут друг друга и очистят Вселенную. Что ж... И относительно твоего статуса здесь.

— Официально я послан Сэйной Связующим как наблюдатель.

— Тогда все в порядке. Нам не трудно перевести тебя из наблюдателя в делегаты. По правде говоря, я уже принял для этого меры. Мы ждали только твоего приезда, — Галт выпустил большое облако дыма и смотрел на Донала сквозь него. — Как ты насчет этого, Донал? Что ты об этом думаешь? Что произойдет на конференции?

— Я не уверен, — ответил Донал, — но мне кажется, что кто-то совершил большую ошибку.

— Ошибку?

— Новая Земля, — объяснил Донал. — Это был неверный шаг — свергать правительство силой. Я думаю, что необходимо вернуть старое правительство.

Галт с удивлением посмотрел на Донала:

— Вернуть правительство? Ты хочешь сказать, что к власти вернется старое правительство? Кто же из нас вернет его?

— Я думаю, Уильям, — сказал Донал. — Это не его метод — действовать силой. Но можно поклясться, что он вернет старое правительство, и, если сделает это, то потребует за это хорошую цену.

Галт покачал головой.

— Не понимаю.

— Уильям сейчас в одном лагере с венерианской группой, — разъяснил Донал. — Но он не собирается помогать им просто так. Он преследует свои собственные цели, намеченные очень давно. Готов поклясться, что на конференции речь будет идти о двух вещах. О первой и о второй очередях. Первая очередь — это разговор об откритии рынка, а вторая — игра Уильяма.

Галт снова затаился.

— Не знаю, — сказал он задумчиво. — в отличие от тебя у меня нет сведений об Уильяме. А ты уверен, что не становишься пристрастным, когда речь заходит об Уильяме?

— Как я могу быть в этом уверен? — сухо сказал Донал. — Я думаю так об Уильяме, поскольку... — заколебался он, — если бы я был на его месте, то поступил бы именно так. — Он помолчал. — Переход Уильяма на конференции на нашу сторону заставил бы всех нас принять решение о возвращении старого правительства Новой Земли, не так ли?

— Да, пожалуй.

— Тогда Уильям добьется своего, — пожал плечами Донал, — перейдет в противоположный лагерь с компромиссным решением и позволит ситуации развиваться в нужном ему направлении.

— Ну что ж, — медленно сказал Галт, — это мне понятно. Но что же дальше? Чего же он хочет?

Донал покачал головой.

— Я не уверен, — сказал он осторожно, — я не знаю.

На этом они окончили свой частный разговор, и Галт повел Донала к другим делегатам конференции.

Собрание началось так, как это обычно бывает на подобных конференциях: с образования Групп любителей коктейля в залах Дворца Прожекта Блейна. Блейн, которого Доналу так интересно было увидеть, оказался плотным, хладнокровным беловолосым человеком, который внешне никак не соответствовал характеристике, данной ему Галтом.

— Ну, что вы о нем думаете? — пробормотал Галт, когда Блейн со своей женой, обходя гостей, удалился от них.

— Алмазный человек, — сказал Донал, — но мне кажется, сейчас его нечего бояться. — Донал заметил, как Галт улыбнулся. — Он сейчас слишком занят своими делами. И я предвижу, что скоро он вступит в борьбу.

— С Уильямом? — шепотом спросил Галт.

— С Уильямом.

Все это время они потихоньку приближались к Уильяму, сидевшему лицом к ним в конце зала и разговаривавшему с высокой стройной женщиной, стоящей к ним спиной. Когда Галт и Донал подошли, Уильям, прервав разговор, взглянул на них.

— А, маршал, — сказал он с улыбкой. — И Протектор?

Женщина обернулась, и Донал оказался лицом к лицу с Анной.

Если пять прошедших лет произвели изменения во внешности Донала, то на внешности Анны они отразились еще сильнее. Теперь ей было больше двадцати лет, и последние следы юношеской незрелости исчезли. Она сейчас блистала той редкой красотой, которая не блекнет с годами и которая не оставит ее даже в пожилом возрасте. Она очень похорошела с того времени, когда Донал в последний раз видел ее, стала весьма женственной. Зеленые глаза ее с неопределенным выражением смотрели на Донала с расстояния в несколько десятков сантиметров.

— С радостью вижу вас вновь, — сказал Донал, наклоня голову.

— Я тоже, — голос Анны дрогнул.

Донал поглядел на нее и произнес:

— Принц, я...

Уильям встал и обменялся рукопожатием с Доналом и Галтом.

— Польщен новой встречей с вами, Протектор, —

вежливо сказал он Доналу. — Полагаю, что маршал пригласил вас на конференцию. Для меня это очень кстати.

— Да, это весьма кстати для вас, — ответил Донал.

— Я люблю юных откровенных людей за столом конференции — не обижайтесь, Хендрик. Они обычно гораздо восприимчивее к новому.

— Я не собираюсь претендовать на что-нибудь иное. — Я — солдат, — ответил Галт.

— И это делает вас особенно опасным. Политиканы обычно чувствуют себя лучше с людьми, от которых они знают, чего ожидать. Честный человек — это всегда проклятие для дельцов.

— Жаль, — вмешалась Анна, — что их очень мало для того, чтобы проклянуть всех дельцов.

Она взглянула на Донала. Уильям улыбнулся.

— Избранная из Культиса вряд ли может иначе относиться к обычным смертным, — высказался он.

— Вы можете отправить меня на Экзотику в любой момент, — возразила она.

— Нет, нет, — Уильям, смеясь, покачал головой. — Человек такого типа как я чувствует себя хорошо только в окружении хороших людей, подобных вам. Я погружен в жестокую действительность — это моя жизнь, и я не хочу иной, но иногда для душевного отдыха нравится заглянуть через стены в монастырь, где наши величайшие из трагедий кажутся шипами розы.

— Не следует недооценивать розы, — сказал Донал. — Люди умирали из-за разницы в их цвете.

— Верно, — подтвердил Уильям. — Война Алой и Белой Розы, древняя Англия. Но этот конфликт, как и многие другие, возник из-за вопросов собственности. Войны никогда не возникают из-за абстрактных причин.

— Наоборот, — сказал Донал. — Войны происходят именно из-за абстрактных причин. Они развязываются людьми среднего и пожилого возраста, но ведет их молодежь. А молодежь нуждается в чем-то большем, чем политические и практические мотивы, что ведет к величайшей трагедии Вселенной — ведь, если вы погибаете в юности, с вами погибнет вся Вселенная.

— Что за необычные суждения со стороны профессионального солдата, — засмеялся Уильям. — Это напомнило мне, что я должен обсудить с вами кое-что. Я знаю, что вы считаете самым главным в армии подготовку полевых войск и добились в этом больших успехов. Это за-

интересовало меня. В чем ваш секрет, Протектор? Вы разрешите прислать наблюдателей?

— Никакого секрета нет, — сказал Донал. — Причина успеха заключена в одном человеке — полевом командире Яне Грине.

— А, это ваш дядя, — сказал Уильям. — Как вы думаете, не смог бы я перекупить его контракт?

— Боюсь, что нет, — ответил Донал.

— Что ж, мы еще поговорим об этом. Мой стакан совсем опустел, кто хочет со мной выпить?

— Нет, благодарю, — уронила Анна.

— Я тоже не хочу, — сказал Донал.

— Ну, а я выпью, — промолвил Галт.

— В таком случае, идемте, Галт, — Уильям обернулся к Галту. Они медленно пошли вдоль зала. Донал и Анна остались вдвоем.

— Итак, — сказал Донал, — вы все еще не изменили своего мнения обо мне?

— Нет.

— Это слишком для утонченного разума избранной из Культиса, — иронически сказал он.

— Я не сверхчеловек, — вспыхнула она, как будто в ней проснулся юношеский дух. — Нет, — сказала она уже более спокойно, — вероятно, в мире миллионы людей хуже вас, но вы корыстны. И этого я не могу забыть.

— Уильям перекупил ваше мнение, — сказал он.

— Во всяком случае, Уильям не выдает себя за человека, лучше чем он есть.

— Почему зло изобретательней добродетели? — удивился Донал. — Вы ошибаетесь. Уильям изображает из себя Демона, чтобы закрыть вам глаза на то, кем он действительно является. И вряд ли кто-нибудь взглянул в глубину его души.

— Да? — голос ее был презрительным. — И что же там, в глубине?

— Нечто большее, чем личное возвышение. Он живет, как монах, он не изыскивает личной выгоды из долгих часов работы и не заботится о том, что о нем думают.

— Как и вы...

— Я? Я забочусь о мнении людей, которых уважаю.

— Например?

— Например, о вашем мнении, — ответил он убежденно. — Хотя не знаю, почему.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Не говорите так, — воскликнула она.

— Не знаю, почему я вообще говорю с вами, — неожиданно с горечью ответил Донал и отошел.

Пройдя мимо гостей, он отправился в свою комнату и работал до утра. Даже ложась в постель, он не смог сразу уснуть — это он отнес за счет похмелья от выпитых коктейлей.

Его мозг пытался исследовать это изменение, но Донал не позволил.

ПРОТЕКТОР-3

— Настоящий тупик, — сказал Уильям. — Попробуйте моего мозельского.

— Нет, благодарю вас, — ответил Донал. Он принял приглашение пообедать с Уильямом в его апартаментах после утреннего заседания. Рыба была отличной, вино превосходным, а Донал, тем не менее, был осторожен, хотя ни о чем важном пока не говорилось.

— Вы разочаровываете меня, — сказал Уильям. — Я сам не очень увлекаюсь едой и питьем, но мне нравится смотреть, как наслаждаются другие. — Он поднял брови. — Вероятно, ваше обучение на Дорсае было спартанским?

— Отчасти, — ответил Донал. — Спартанским и немного провинциальным. Во всяком случае, я не раз раздражал Хендрика Галта неумением поддерживать разговор.

— Что ж, — сказал Уильям, — в этом ваш характер. Солдат любит действия, а политик — слова. Вы, очевидно, поняли, что проблема конференции решается не за ее общим столом — он жестом указал на пищу перед ним — а за маленьким тэт-а-тэт, наподобие нашего.

— Мне кажется, что такие тэт-а-тэт не слишком способствуют общему соглашению, — Донал глотнул вина из стакана.

— Верно, — ответил Уильям, — в сущности, никто не хочет вмешиваться во внутренние дела планет, и никакая планета не хочет вмешательства извне; как этот открытый рынок, вопреки воле людей. — Он покачал головой при виде улыбки Донала. — Нет, нет, я совершенно искренен. Большинство делегатов конференции хотели бы, чтобы проблема открытого рынка вообще не возникала.

— Я сохраняю свое прежнее мнение на этот счет, —

ответил Донал. — Но в любом случае мы должны прийти к какому-то решению. За или против нынешнего правительства Новой Земли, за или против открытого рынка.

— Может, существует компромиссное решение? — спросил Уильям.

— Что за компромисс?

— Существует лишь два пути сохранения мира в обществе — изнутри и извне. Почему бы не попробовать извне?

— Что вы имеете в виду?

— Очень просто, — сказал Уильям. — Разрешим всем иметь открытый рынок, но поставим его под наблюдение верховной межпланетной власти. Обеспечим ее достаточной силой, способной влиять на любое правительство, поставим во главе этой власти такого человека, чтобы правительство любой планеты подумало, прежде чем ссориться с ним. — Он взглянул на Донала. — Вам бы понравилась такая должность?

Донал удивленно посмотрел на него, поколебался и только после некоторого раздумья ответил:

— Я..? Человек, который будет командовать такими силами, должен быть... — Он запнулся, не найдя нужного слова.

— Конечно, должен быть, — согласился с ним Уильям.

Донал видел, что Уильям внимательно рассматривает его. Он спросил:

— Почему вы предлагаете это мне? Ведь есть так много старших командиров, людей с громкими именами.

— Вот потому-то я и обратился к вам, — без колебания ответил Уильям. — Их звезда заходит. Ваша — восходит. Где будут эти старики через двадцать лет? С другой стороны, вы... — он махнул рукой.

— Я, — сказал Донал. — Командующий...

— Назовем это верховным главнокомандующим, — поправил Уильям. — Должность есть, а вы — человек как раз для нее. Я подготовлю разработку межпланетного налога. Налог пойдет на содержание ваших сил и вам лично. Однако мы должны будем учредить особый орган в составе трех человек, который бы имел власть над вами. Мы не можем бесконтрольно предоставить вам такую власть над всеми.

— В таком случае, — нерешительно сказал Донал, — я лишусь своего поста в системе Прорциона...

— Боюсь, что так, — утвердительно кивнул Уиль-

ям, — вы должны отбросить всякие подозрения о том, что разделяете интересы какой-либо из конфликтующих сторон.

— Не знаю, — Донал по-прежнему колебался. — Я не могу утратить свой новый пост в такое время...

— Об этом нечего беспокоиться, — сказал Уильям.

— Но, — Донал все еще сомневался. — Принимая такой пост, я неизбежно обрету множество врагов. Если дела пойдут неважно, то мне некуда будет вернуться, никто не возьмет меня.

— Откровенно говоря, я разочарован в вас, Донал. Неужели вы совершенно не умеете заглядывать в будущее? — Тон Уильяма выдавал легкое нетерпение. — Разве вы не видите неизбежную тенденцию слияния всех планет под единой властью? Такая межпланетная организация неизбежно возникнет и обязательно со своими вооруженными силами.

— В любом случае, — сказал Донал, — я остаюсь лишь наемником. А я хочу владеть чем-нибудь. Планета — почему нет? Я в состоянии управлять планетой и защищать ее. — Он повернулся к Уильяму. — Я получу вашу поддержку?

Глаза Уильяма были жестки, как два камня. Он коротко засмеялся.

— Вы говорите прямо, — заметил он.

— Таков уж я есть, — с оттенком хвастовства сказал Донал. — Вы хотите, чтобы я принял участие в вашей затее. Вы хотите верховного командования. Очень хорошо. Тогда дайте мне одну планету, находящуюся под вашим контролем.

— А если я дам вам планету, — сказал Уильям, — то какую именно вы бы предпочли?

Донал облизнул губы.

— Например, Новую Землю.

Уильям засмеялся. Донал молча посмотрел на него.

— Мы так не договоримся, — сказал Донал и встал. — Благодарю вас за обед, — и, повернувшись, направился к выходу.

— Подождите, — Уильям встал.

— Я вновь недооценил вас, — сказал он. — Простите меня. — Он удержал Донала за руку. — Правда в том, что вы не любите меня. Конечно, я предлагаю вам стать чем-то большим, нежели просто наемным солдатом. Но все это в будущем, — он пожал плечами. — Я могу лишь пообещать вам то, что вы хотите.

— О, — сказал Донал, — мне нужно нечто большее, чем просто обещание. Вы дадите мне договор, предоставляющий мне власть над Новой Землей.

Уильям посмотрел на него и вновь рассмеялся.

— Донал, — сказал он, — простите... но что даст вам такой контракт? — он развел руками. — Когда Новая Земля будет моей, тогда и подпишем договор. Но теперь...

— Пока напишите его. Он будет служить мне определенной гарантией.

Уильям перестал смеяться. Его глаза сузились.

— Поставить мое имя на таком документе? Вы считаете меня дураком?

Донал слегка смутился, уловив враждебное презрение в голосе собеседника.

— Ну, тогда просто набросайте текст договора, — сказал он. — Можете не подписывать его. Но... в любом случае, у меня будет хоть что-нибудь.

— Вы получите что-нибудь, способное со временем поставить меня в затруднение, — сказал Уильям. — Вы понимаете, что я никогда не признаю этого — у нас с вами не было даже разговора на эту тему.

— И все же я буду чувствовать себя увереннее, — покорно сказал Донал. Уильям пожал плечами, не пытаясь скрыть презрения.

— Ну что ж, ладно, — сказал он, и через всю комнату прошел к письменному столу. Нажав кнопку, он сказал в микрофон:

— Стенографистку.

Позже, покинув помещение Уильяма с неподписанным контрактом в кармане, Донал вышел в коридор отеля и столкнулся с Анной, которая тоже, казалось, уходила.

— Вы откуда? — спросил он.

Она отвернулась от него.

— Не все ли равно, — выпалила Анна, но выражение ее лица, не способное что-либо скрывать, усилило подозрения Донала. Он схватил ее правую руку, сжатую в кулак. Она попыталась сопротивляться, но он легко разжал ее пальцы. В ее ладони оказался маленький подслушивающий аппарат.

— Вы остались глупышкой, — устало сказал он, отбрасывая ее руку. — Много ли вы узнали?

— Достаточно, чтобы мое мнение о вас укрепились.

— Сохраните это мнение до следующего заседания конференции.

И ушел. Она смотрела ему вслед, испытывая внезапную предательскую слабость, которую никак не могла объяснить.

Весь вечер она говорила себе, что у нее нет никакого желания присутствовать на следующем заседании конференции. Однако на следующее утро она разыскала Галта и попросила взять ее с собой в зал.

Маршал сказал, что, по требованию Уильяма, это заседание конференции будет закрытым, но, тем не менее, обещал ей сразу после окончания заседания рассказать обо всем. И ей пришлось смириться с этим.

Что же касается Галта, то он отправился на заседание и появился там через несколько минут после начала. Уильям высказывал предложение, которое заставило маршала Фрилленда насторожиться и прислушаться.

— ...будет утверждаться голосованием на нашей конференции, — говорил Уильям. — Естественно, — он улыбнулся, — наши правительства позже будут ратифицировать это предложение и соглашение. Но все мы знаем, что это лишь пустая формальность. Верховный контролирующий орган, регулирующий только торговлю и обмен контрактами вместе с открытым рынком, удовлетворит требования всех присутствующих. К тому же у нас не будет причин поддерживать новое правительство Новой Земли. Мы потребуем, чтобы к власти вернулось старое, законное правительство. И я уверен, что если мы выскажем это требование все вместе, теперешнее правительство Новой Земли вынуждено будет отступить. — Он улыбнулся всем сидящим за столом. — Я готов выслушать ваши возражения, джентльмены.

— Вы говорили, — произнес своим мягким голосом Прожект Блейн, — о вооруженных силах, которые должны поддерживать этот межпланетный орган. Такие вооруженные силы противоречили бы принципам независимости планет. Вряд ли мы одобрим существование таких сил, командир которых может занять враждебную нам позицию. Короче...

— Мы не признаем командира, если он не будет полностью разделять наши принципы, — прервал его Арден со Святой Марии.

Косматые брови Галта сдвинулись, придав его лицу хмурое выражение.

Слишком уж кстати столкнулись эти двое. Галт

взглянул на Донала, ожидая от него подтверждения своих подозрений, но тут голос Уильяма вновь привлек его внимание.

— Я понимаю вас, — сказал Уильям. — Однако я думаю, что у меня есть ответ на ваши возражения. Вышедших офицеров немного. Каждый из них связан с определенной группой, а это вызовет против него возражения со стороны остальных участников конференции. Мы нуждаемся в человеке, который был бы профессиональным военным, профессиональным солдатом. Пример такого человека, конечно же, наш дорсаец... — Он быстро взглянул на Галта, который уже успел нахмуриться, чтобы скрыть изумление. — Маршал Фриленда, благодаря своему опыту и авторитету, был бы нашим общим кандидатом, но... — Уильям покачал головой. — Но Сета понимает, что некоторые из вас будут возражать против кандидатуры маршала, так как он многие годы связан с Фрилендом. Поэтому мы предлагаем другого человека, молодого, лишь недавно появившегося на политической арене и не успевшего прочно связаться с какой-либо группой. Я имею в виду Протектора Проциона — Донала Грина.

Указав на Донала, он сел. Вновь раздался гул голосов, но Донал был уже на ногах. Он стоял, ожидая, пока все замолкнет.

— Я задержу ваше внимание не более, чем на минуту, — сказал он. — Я полностью согласен с компромиссным решением, предложенным принцем Уильямом. Ибо убежден, что должен быть сторожевой пес среди звезд, который убережет наш мир от больших неприятностей, — он помолчал и вновь оглядел всех собравшихся. — Я польщен предложением принца Уильяма и тем не менее вынужден отказаться из-за документа, попавшего мне в руки. Я убежден, что у собравшихся имеются с полдюжины документов аналогичного содержания. — Он опять замолчал, чтобы сказанное дошло до их сознания. — Итак, я отказываюсь от предложения. И покидаю конференцию в знак протеста против этого документа. Я могу принять такой пост только с чистыми руками и только добровольно. До свидания, джентльмены.

Он кивнул всем и направился к выходу. У выхода он остановился и извлек из кармана неподписанный, лишенный имен, договор, который накануне вручил ему Уильям.

— Кстати, — сказал Донал, — вот то, о чем я говорил. Возможно, это заинтересует вас?

Покинув зал, Донал направился не к себе, а в помещение Галта. Дверной робот предложил ему войти, он прошел в кабинет, который ожидал найти пустым. Однако за шахматным столом кто-то сидел. Это была Анна. Донал остановился и склонил голову.

— Простите, я хотел подождать Хендрика... Я это сделаю в другой комнате.

— Нет, — встала она, — я тоже жду его. Кончилось ли заседание?

— Еще нет.

Она нахмурилась, но прежде чем успела что-либо сказать, раздался звук шагов, и вошел Галт, казавшийся возбужденным.

Донал и Анна встали.

— Что случилось? — воскликнула она.

— А? Что? — внимание маршала было привлечено к Доналу, но тут он заметил Анну. — Он не рассказал, что произошло на конференции до его ухода?

— Нет, — она бросила сердитый взгляд на Донала.

Галт быстро рассказал ей все. Лицо Анны приобрело недовольное выражение. Она повернулась к Доналу, но прежде, чем она задала вопрос, Донал персбил ее.

— А после моего ухода?

— Вы бы только видели, — голос маршала был весел. — Они все вцепились друг другу в горло. Я чувствую себя на много лет моложе после такого зрелища. — Галт рассмеялся. — Кто предложил тебе этот договор? Уильям?

— Я ничего не говорил, — ответил Донал.

— Ну-ну, дело не в этом. Но ты только подумай, что случилось, чем все это кончилось.

— Они избрали меня верховным главнокомандующим, — сказал Донал.

— Но... — лицо Анны приобрело изумленное выражение. — Откуда ты знаешь?

Донал невесело улыбнулся. Прежде чем он успел ответить, раздался чей-то вскрик. Это была Анна, стоявшая с бледным и напряженным лицом.

— Я должна была заподозрить, — тихим и очень злым голосом сказала она. — Я должна была догадаться...

— Что? — спросил Галт, глядя на них по очереди.

Глаза Анны не отрывались от Донала.

— Так вот что вы имели в виду, говоря, чтобы я подождала сегодняшнего заседания, — продолжала она тем же голосом. — Вы думали, что эта... эта махинация изменит мое мнение?

Какая-то тень коснулась непроницаемых глаз Донала.

— Мне лучше знать, зачем это, — спокойно произнес он. — Если вы обдумаете, то необходимость этого...

— Спасибо, — прервала она. — Я и так по колено в грязи, — и повернулась к Галту, — Увидимся позже, Хендрик. — И ушла из комнаты.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-1

С организацией общего рынка, контролируемого Межпланетными силами под командованием Верховного Главнокомандующего Донала Грина, цивилизованное человечество наслаждалось непривычно продолжительным периодом мира: два года и девять месяцев и три дня абсолютного времени. Ранним утром четвертого дня Донал проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо.

— Что? — мгновенно проснувшись, спросил он.

— Сэр, — это был Ли. — Прибыл курьер. Он говорит, что его сообщение не может ждать.

Донал оделся и в предрассветных сумерках следом за Ли прошел через анфиладу комнат своей квартиры в Тоби-Сити на Кассиде и вышел в сад. Курьер ждал его.

— У меня сообщение для вас, — сказал курьер. — Я сам не знаю, что оно означает.

— Ничего, — прервал его Донал. — Давайте.

— Я должен сказать: «Серая крыса вышла из лабиринта и нажала белый рычаг».

— Понятно, — сказал Донал. — Спасибо.

— До свидания, — попрощался курьер и вышел в сопровождении Ли.

Когда Ли вернулся, то увидел, что Грин не один. С ним был его дядя, Ян Грин, одетый и полностью вооруженный. Донал так же прикреплял к талии оружейный пояс.

— Вооружайтесь, Ли, — сказал он, указывая на такой же оружейный пояс. — До рассвета еще два часа, а на рассвете придется пострелять. После этого я могу оказаться преступником, объявленным вне закона на всех планетах, кроме Дорсая, и вы вместе со мной.

— Ян, вы связались с Ллудровом? — спросил Донал.

— Да, — ответил Ян. — Он в глубоком космосе со всеми силами и сможет удержать их там неделю.

— Хорошо. Теперь пойдем.

Они вышли из здания к платформе, ожидавшей их у входа. И пока платформа мчалась на посадочное поле, Донал размышлял о том, какие изменения могут произойти в мире за семь дней абсолютного времени. Семь дней...

Космический корабль и атмосферный курьер ВЧЖ ожидали их. Передний люк открылся при их приближении, и оттуда вышел капитан с изуродованным шрамами лицом.

— Коби, капитан, — сказал Донал.

— Да, сэр, — капитан наклонился к задрасенному небольшой решеткой маленькому отверстию в стене. Контрольная рубка Коби, — сказал он. Дверь открылась и они прошли в кают-компанию. Вскоре из коридора выкатилась небольшая автоматическая платформа с кофе.

— Ян, это капитан Коруна Эл Мен. Кор, это мой дядя, Ян Грин.

— Дорсай, — приветствовал Ян, пожимая руку капитану.

— Дорсай, — ответил Эл Мен.

— Хорошо, — сказал Донал. Когда мы будем на Коби?

— Как минимум через восемнадцать часов, — ответил Эл Мен.

— Ладно, — сказал Донал. — Мне потребуется десять человек для участия в операции. И хороший офицер.

— Я, — предложил Эл Мен.

— Капитан, я... Что ж. Вы и еще десять человек, — Донал извлек из кармана какой-то чертеж. — Взгляните, этим нам нужно будет заняться.

Чертеж представлял собой план подземного помещения на Коби. Все население этой планеты проживало в подобных подземельях. На плане было изображено помещение из восемнадцати комнат, окруженных садом и двором, кроме того, проход по подземным путям обеспечивал внезапность нападения. Когда все были проинструктированы, Донал отдал чертеж Эл Мену, и тот отправился знакомить с планом своих людей. А Донал предложил Ли и Яну поспать.

— Мы вблизи планеты, Главнокомандующий, хотите ли услышать новости...

— Да, — сказал Донал.

— «... как нам только что сообщили, борьба разворачивается на следующих планетах: Венере, Кассиде, Новой Земле, Фриленде, Ассоциации, Гармонии и Святой Марии. Принц Уильям предложил использовать свои войска как полицейские силы при подавлении беспорядков. Мы передавали новости. Ждите нашего сообщения через пятнадцать минут».

— Хорошо, — сказал Донал. — Сколько до посадки?

— Около часа, — ответил Эл Мен. — У вас есть координаты пункта посадки?

Донал кивнул.

— Давайте пройдем в контрольную рубку, — предложил он капитану.

Они опустились на лишенную атмосферы планету прямо над люком одного из подземных транспортных туннелей.

— Отлично, — сказал Донал своему вооруженному отряду, собравшемуся в кают-компании. — Операция проводится добровольцами, и я даю вам еще одну возможность подумать и отказаться, не опасаясь последствий. — Все молчали. — Хорошо. Вот что нам предстоит. Вы пойдете со мной через грузовой люк до двери, ведущей в туннель. Никто не должен нас видеть. Понятно? — Он посмотрел в их лица. — Вперед!

Это был лабиринт туннелей настолько узких, что пройти мог только один человек, усеянных нишами, в которых помещалась сложная аппаратура. На стенах изредка висели лампы, в их холодном свете люди прошли по туннелю и оказались в саду. Впереди находились комнаты, освещенные мягким светом.

— Два человека остаются у входа, — прошептал Донал, — остальные — за мной.

Низко пригнувшись, они пробрались в чудесный сад к подножию широкой лестницы, ведущей на террасу.

— Три человека останутся здесь, — прошептал Донал.

Отряд тихо вступил в освещенные помещения. Они прошли через несколько комнат, никого не встретив. И вдруг, неожиданно оказались в засаде.

Члены экипажа хотели броситься на пол и открыть огонь, но не успели и были обожжены, но только не трое дорсайцев, которых отработанные рефлексy и специаль-

ные тренировки сделали непревзойденными солдатами. Они мгновенно среагировали и быстрее мысли оказались у стен, а затем и у дверей, успев захлопнуть их. Помещение погрузилось в темноту, и началась рукопашная схватка.

Устроивших засаду было восемь человек, но никто из них, даже вдвоем, не справился бы с одним дорсайцем, вдобавок у дорсайцев было важное преимущество: они инстинктивно узнавали друг друга в темноте и могли объединяться без обсуждений. Впечатление было такое, будто трое зрячих боролись с восемью слепцами.

Донал быстро справился со своими противниками и поспешил на помощь дяде. Ян, к удивлению, все еще не мог одолеть одного противника. Донал подошел ближе и понял почему. Противником Яна был дорсаец. Донал схватил его за одну руку, Ян — за другую, и тот, оказавшись между Доналом и его дядей, не смог больше сопротивляться.

— Труй Дорсай, — воскликнул Донал. — Сдавайся.

— Кому?

— Донал и Ян Грин, — сказал Ян.

— Польщен, — ответил дорсаец. — Хорд Ван Тарсел... Отпустите меня, у меня сломана рука.

Донал и Ян помогли Ван Тарселу встать на ноги. Подошел Эл Мен.

— Ван Тарсел — Эл Мен, — познакомил их Донал.

— Мы ищем спрятанного здесь человека, где найти его? — спросил Донал.

— Следуйте за мной, — сказал Ван Тарсел. И провел их до следующей двери. — Закрыта, — сказал он. — Тревога дошла и сюда.

— Прожжем ее.

Донал, Ян и Эл открыли огонь по двери, она раскалилась добела и начала плавиться. Ян ударом вышиб ее.

В дальнем углу комнаты стоял высокий человек в черном капюшоне, закрывавшем его лицо.

— Идемте, — приказал ему Донал.

Ссутулившись, человек подошел к ним. Обрато они пошли тем же путем и через пятнадцать минут были уже на ВЧЖ, который тотчас же отправился в глубокий космос.

Донал стоял в кают-компании возле одетого в капюшон человека, развалившегося в кресле.

— Джентльмены, — сказал Донал, — посмотрите на

главного помощника Уильяма. Вот человек, который вызвал ураган, бушующий сейчас в цивилизованном мире.

Он протянул руку к черному капюшону. Человек отпрянул, но Донал отбросил капюшон. Легкое восклицание удивления сорвалось с уст дорсайца.

— Так значит, вы продались ему? — спросил он.

Перед ними сидел Ар-Делл Монтор.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ-2

— Капитан, мы должны как можно скорее встретиться с флотом Ллудрова, — сказал Донал.

Они встретились с флотом за три дня до конца недели, после которой Ллудров должен был восстановить связь. Донал в сопровождении Яна вступил на борт флагманского корабля и принял командование.

— Есть новости? — был его первый вопрос Ллудрову при встрече.

Ллудров кратко пересказал, что благодаря покупке контрактов, сдаче в аренду, взятию на обучение, временной передаче командования и дюжины других бумажных манипуляций, Уильям держал под контролем действующие армии планет, где начались беспорядки. Теперь все, что ему необходимо, это высадка небольших отрядов с офицерами, имеющими соответствующие приказы.

— Совещание Штаба, — сказал Донал.

— Джентльмены, — произнес Донал, когда все собрались и расселись вокруг стола. — Я уверен, что ситуация вам всем известна. И все-таки хочу напомнить, что когда сражаешься с противником врукопашную, не следует бить туда, где он ожидает удара. Смысл успеха в том, чтобы ударить по противнику неожиданно и в незащищенное место.

Он встал.

— Уильям все последние годы уделял чрезвычайно большое внимание подготовке полевых войск. Я сделал то же самое, но с другой целью. — Немного помолчав, Донал продолжил: — Зачем все это было нужно, джентльмены? Мы должны опровергнуть древнее изречение и захватить цивилизованную планету, обладающую совершенной защитой и снабженную всем необходимым. Мы сделаем это, используя своих людей и корабли — они хо-

рошо подготовлены к выполнению этой задачи. Этой планетой будет сердце вражеских войск — Сета.

Это было слишком даже для старших офицеров. За столом раздался гул голосов. Но Донал не обратил на это никакого внимания.

— Мы захватим Сету в течение 24-х часов. Когда население планеты проснется, планета уже будет нашей. Детали операции — в этой папке, джентльмены. Можем ли мы заняться этим?

Они этим занялись. Это был великолепный образец военного планирования.

— Теперь, — сказал главнокомандующий, — когда все ознакомились с планом, идите и готовьте войска.

В короткий срок на планету высадились группы десантников, получивших различные задания. Каждая группа захватила одно военное сооружение, обезопасило полицейский отряд или гарнизон. Высадка производилась под покровом ночи.

Донал высадился с четвертой волной нападающих. Когда утром над планетой взошло солнце, огромный желтый диск, она уже была захвачена. Через два часа ординарец доложил, что обнаружен Уильям. Он находился в своей резиденции в Уайттауне.

— Я отправляюсь туда, — сказал Донал. Он оглянулся, его офицеры были заняты, а Ян находился где-то со своими войсками. Донал обернулся к Ли. — Идите со мной.

Они взяли четырехместную платформу и отправились в путь. Приземлившись в саду резиденции Уильяма, Донал оставил ординарца, а сам отправился в здание. Пройдя под аркой, он оказался в небольшой приемной лицом к лицу с Анной. Лицо ее было бледным, но она казалась спокойной.

— Где он? — спросил Донал.

Она указала на дверь в дальнем конце приемной.

— Закрыта, — предупредила она. — Он был там, когда началась высадка ваших людей. С тех пор его никто не видел. Я не смогла уйти.

— Да, — протянул Донал, осматривая дверь, — для него это было нелегко.

— Вы беспокоитесь о нем? — ее голос прозвучал неожиданно резко.

— Я беспокоюсь о каждом, — ответил он.

Донал подошел к двери и дотронулся до нее рукой.

Дверь открылась. Он ощутил внезапный внутренний холод.

В конце длинной комнаты у стола, заваленного бумагами, сидел Уильям. При виде входящего Донала он поднялся.

— Наконец-то вы здесь, — спокойно произнес он. — Это была хорошая операция. Мудрый ход. Признаю это. Я недооценивал вас с самой первой нашей встречи. И это я вынужден признать. Я побежден.

Донал подошел к столу и взглянул в спокойное лицо Уильяма.

— Сета под моим контролем, — сказал Донал. — Ваши экспедиционные войска на других планетах бездействуют, их контракты и бумаги ничего не стоят, без ваших приказов они ничего не станут делать.

Уильям посмотрел на Донала с таким любопытством, что тот насторожился.

— Вы нездоровы, — заметил Грин.

— Да, я нездоров, — согласился Уильям, устало потирая глаза. — Я слишком много работал в последнее время. Расчеты Монтора были верны. Я вас ненавижу. Ни одного человека в мире я не ненавижу так, как вас.

— Идемте, — сказал Донал. — Я отведу вас туда, где вам помогут.

— Нет, подождите, — Уильям отступил. Сначала я должен кое-что показать вам. Я понял, что всему наступил конец, как только получил сообщение о высадке ваших войск. Я ждал вас с тех пор десять часов. — Он неожиданно содрогнулся. — Долгое ожидание. Однако у меня было занятие.

Он прошел к двери у дальней стены и нажал кнопку.

— Взгляните...

Дверь скользнула в сторону. Донал взглянул. В небольшом помещении висел человек, которого с трудом можно было узнать по изуродованному лицу. Это был его брат — Мор...

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Проблески сознания вновь и вновь начинали возвращаться. Вновь и вновь они звали его из темных областей, где он блуждал. Но он до сих пор был занят, и вот только теперь, прислушиваясь к голосам — это были голоса Анны, Сэйоны и еще кого-то независимого...

Он неохотно прислушался к ним. Здесь был великий океан, в который он раньше не вслушивался.

— Донал, — это голос Сэйоны.

— Я здесь, — ответил он и открыл глаза.

Белые стены госпиталя с кроватью, на которой он лежал. Рядом сидели Анна, Сэйона и Галт. Чуть подальше стоял небольшой человек с усами и в белом халате — один из психиатров Экзотики.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал медик.

Донал взглянул на него, врач отвел глаза.

— Благодарю вас, доктор, вы меня вылечили, — с улыбкой сказал Донал.

— Я не лечил вас, — произнес врач, по-прежнему отводя глаза.

— Донал, — начал Сэйона незнакомым, слегка вопросительным тоном. Донал взглянул, и тот прикрыл глаза. Только Анна, когда он посмотрел на нее, взглянула на него с детской чистотой. — Не сейчас, Сэйона, — произнес Донал. — Где Уильям?

— Этажом ниже, Донал, — внезапно сказал Сэйона, — что вы с ним сделали?

— Я приказал ему страдать, — просто ответил Донал. — Я был неправ. Отведите меня к нему.

В палате лежал человек, которого было трудно узнать. Лицо его стало нечеловеческим от испытываемой боли, кожа обтянула кости, а глаза никого не узнавали.

— Уильям, — сказал Донал, подходя к кровати. — Все, что связано с Мором, забыто. Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Медленно напряжение на лице лежавшего слабело, глаза его остановились на Донале.

— Для вас найдется работа, — продолжал Донал.

Уильям глубоко вздохнул.

Донал убрал руку со лба. Глаза лежащего закрылись. Уильям заснул.

ДОНАЛ

...Человек отличался от других — пока лишь некоторые знали об этом. Необходимо найти способ, который послужил бы для этой репутации громоотводом, то есть сделал бы ее безвредной.

Донал услышал голос подходящей Анны.

— Здесь Сэйона, — сказала она. — Вы не хотите с ним поговорить?

— Немного погодя, — ответил Донал.

Он оторвался от своих мыслей и занялся той проблемой, о которой сейчас говорили Сэйона и Анна.

— ... он походил по залу, — звучал голос Сэйоны. — Сказал слово здесь, слово там, но после этого все оказалось в его руках.

— Я понимаю как это было, — ответила Анна. — Он сверкает среди костров, как атомный огонь. И слабое пламя костров тускнеет по сравнению с его огнем.

— И вы не жалеете?

— Жалеть? — ее счастливый смех разорвал его вопрос в клочья. — Какие сожаления? Что вы имеете в виду?

— Мне нужно кое-что рассказать вам, — сказал Сэйона. — Анна, что вы знаете об истории собственных генов?

— Я знаю о них все, — ответила она.

— Нет, — возразил Сэйона. — Вы знаете, что были выращены для определенной цели. — Он протянул старую сухую руку с видом человека, просящего о помощи. — Вы знаете, что стояло за расчетом Монтора? Угроза всему человечеству в целом. Человечество самовосстанавливается как единый организм, если его отдельные части погибают. Но если изменить условия существования всего человечества... Человечеством можно управлять, подвергая людей физическим и эмоциональным воздействиям. Увеличьте температуру в комнате и человек, находящийся в ней, снимет пиджак. В этом секрет власти Уильяма над людьми.

И такова была наука Монтора. Наши ученые на Экзотике тоже пришли к выводу, что человечеством можно и нужно управлять, но другим путем. Мы рассматривали человечество как объект, допускающий регулировку через своих представителей, через индивидуумов: все человечество изменяется, когда изменяются составляющие его люди. А ключом к этому изменению, как мы установили, является генный отбор — естественный, случайный, искусственный, контролируемый...

— Но так оно и есть, — сказала Анна.

— Нет, — Сэйона медленно покачал головой. — Мы ошибались, мы можем их лишь объяснить. Мы оказываемся в положении историка. Изменения в генах возможны лишь в минимальных дозах. Раса не может быть су-

щественно изменена изнутри: мы можем добиваться лишь тех свойств, о существовании которых знаем или догадываемся. И это отталкивает нас от тех генов, которые мы встретили, но не распознали, и, конечно, мы не можем работать с теми генами, о существовании которых даже не догадываемся. А нужны были совершенно новые гены. Новые комбинации генов.

Изменение расы изнутри — это замкнутый вопрос. Все, что мы можем делать, это развивать, стабилизировать и укреплять наследственность генов наших предков.

Уильям — вы, Анна, должны были знать это лучше, чем кто-либо другой, — принадлежал к небольшой группе людей, которые являются двигателями и победителями истории. Они не поддаются контролю. А сейчас я постараюсь сообщить вам нечто очень важное. Мы на Экзотике обратили на Уильяма внимание, когда ему не было еще и двадцати лет. И тогда было принято решение отобрать необходимые гены — в результате появились вы.

— Я? — она застыла, глядя на него.

— Вы, — Сэйона наклонил голову. — Разве вы никогда не задавали себе вопрос, почему вы так яростно сопротивлялись любому начинанию Уильяма? Или почему он так настойчиво держался за ваш контракт? Или почему мы на Культисе позволяли продолжаться таким несчастливым отношениям, почему продлевали контракт?

— Я... — Анна медленно покачала головой. — Я вижу... но не понимаю...

— Вы были задуманы, как дополнение к Уильяму в психическом смысле, — Сэйона вздохнул. — Его бесконтрольные действия должны были хотя бы отчасти контролироваться вашим присутствием. Ваш неизбежный брак с ним и был нашей целью — он-то привел бы, как мы надеялись, к смешению двух натур. Разумеется, результат этого брака был бы исключительным... так думали мы.

Она содрогнулась.

— Я никогда не вышла бы за него замуж.

— Вышли бы, — произнес Сэйона с новым вздохом. — Вы были предназначены — простите меня за это резкое слово — предназначены мужчине, возвышавшемуся над всеми в Галактике. — Напряжение слегка спало с Сэйоны, в глазах его сверкнул огонек. — И этого, моя дорогая, было очень трудно добиться. Мы использовали старейший и сильнейший из женских инстинктов — стремление принадлежать самому сильному самцу. А высшая цель женщины — рожать детей от такого самца.

— Но ведь есть Донал, — сказала она с просветленным лицом.

— Вот именно, — засмеялся Сэйона. — И поскольку сильнейший человек Галактики был определен нами неверно, вы отвергли Уильяма. На сцене появился Донал... Он разрушил все наши теории, все наши планы. Случайное сочетание генов, нечто недоступное нашему пониманию, поставило его выше Уильяма. Он — потомок долгой линии мыслителей, смешавшейся со столь же долгой линией деятелей.

Я не сумел понять этого, даже когда мы подвергли его тестам. Возможно, наши тесты не способны были определить это... Мы... мы этого не знаем. Если мы не сумели распознать талант, который способен принести огромную выгоду своей расе, значит, мы вообще на неверном пути.

— Однако почему вы считаете виновным себя? — спросила Анна.

— Ибо предполагалось, что эту сферу науки я знаю. Если кибернетик не сумеет определить, что у его товарища сломана кость, вряд ли кто-нибудь обвинит его в этом. Но если подобную ошибку допустит врач, то будет признан виновным и наказан.

Нашей обязанностью на Экзотике было распознать эту новую способность, новый талант, выделить и изучить. Может случиться так, что Донал обладает способностью, которую сам не может распознать. — Он взглянул на нее. — В этом вопросе и заключается смысл того, что я должен был спросить у вас. Вы ближе всех к Доналу: думаете ли вы, что у него есть нечто, отличное от других людей? Я имею в виду не просто его военный гений — это касается в большей или меньшей степени и других людей. Я имею в виду способности, совершенно чуждые другим людям?

Анна долго молчала, глядя куда-то в сторону. Затем вновь взглянула на Сэйону и сказала:

— Почему вы спрашиваете меня? Спросите его самого.

Дело в том, что она не знала ответа: она просто не могла объяснить, что она чувствует.

Сэйона пожал плечами.

— Я — глупец, и я не доверяю тому, что говорит мне весь мой опыт. Разве избранная из Культиса могла бы дать другой ответ? Но я боюсь его спрашивать. Все мои знания не уменьшают моего страха. Но вы правы, моя дорогая, я... я спрошу его.

Она подняла руку.

— Донал, — позвала она.

Он услышал ее голос с балкона, но не двинулся и не оторвал взгляда от звезд.

— Да, — ответил он.

Послышались шаги и голос Сэйоны.

— Донал...

— Простите, — произнес Донал, не оборачиваясь. — Я не хотел заставлять вас ждать. Но мне нужно было подумать.

— Все в порядке, — ответил Сэйона. — Мне отнюдь не хочется вас беспокоить. Я знаю, как вы были заняты в последние дни. Но у меня к вам есть один вопрос.

— Сверхчеловек ли я? — спросил Донал.

— Да, верно, — Сэйона засмеялся. — Кто-то уже задавал вам этот вопрос?

— Нет, — Донал тоже улыбнулся. — Но, мне кажется, еще зададут.

— Вы не должны обвинять спрашивающих, — серьезно сказал Сэйона. — В известном смысле вы, конечно, сверхчеловек.

— В каком это известном?

— О, — Сэйона сделал отвергающий жест рукой. — В смысле общих способностей, намного превосходящих уровень обычного человека. Но мой вопрос...

— Мне кажется, вы сами говорили, что название само по себе ничего не означает. Что вы имеете в виду, говоря «сверхчеловек»? И можно ли ответить на ваш вопрос, если то, на что навешивают ярлык, само по себе непонятно.

— Кто захотел бы быть сверхчеловеком? — продолжал Донал наполовину иронически, наполовину полупечально. — Кто хотел бы выращивать шестьдесят миллиардов детей? Кто сумел бы охватить столько? Подумайте об ответственности, которая на него ложится, он отказывает им в конфете или дает им ее, а потом видит, что они вынуждены обратиться к дантисту. И если ваш сверхчеловек действительно «сверх», то кто может заставить его вытирать шестьдесят миллиардов носов и готовить шестьдесят миллиардов порций манной каши? Разве не сможет ваш сверхчеловек найти что-либо более удовлетворяющее его самого?

— Да, — сказал Сэйона, — но я вовсе не думаю о чем-то столь неестественном. Мы теперь достаточно знаем о генетике, чтобы понять, что не может сразу возник-

нуть совершенно новый взгляд на человеческое бытие. Любое изменение происходит в форме изменения индивидуумов.

— Но что, если это изменение не распознаваемо? — спросил Донал. — Предположим, что у меня имеется способность видеть совершенно новый необычный цвет. Как я могу описать его, если вы не в состоянии увидеть его?

— О, все равно мы сумеем узнать, — ответил Сэйона.

— Но однако же вы сами не увидите его.

— Конечно, нет, — сказал Сэйона, — но это не так уж важно, если мы знаем, что это такое.

— Вы уверены? — настаивал Донал, — и что же вы получите, если узнаете, что такая способность существует?

— Конечно, ничего хорошего, — согласился Сэйона, — но с другой стороны, для него в этом нет ничего хорошего. Он, несомненно, не смог бы даже открыть эту способность. И эта мутация исчезла бы без продолжения.

— Я не согласен с вами, — возразил Донал. — Я и есть такой сверхчеловек, обладающий сверхзнанием — интуицией. Это мой единственный особый талант, но он превосходит все существующие способности людей.

Сэйона рассмеялся.

— По-моему, эта способность ничего хорошего вам не принесла, вы были даже неспособны обнаружить ее. Я так давно не применял сократовского метода в спорах, что не узнал его, даже когда он был применен против меня.

— Возможно, вы подсознательно сопротивляетесь признанию этой моей способности.

— Нет, нет, довольно, — сказал Сэйона. — Вы выиграли, Донал. В любом случае, спасибо за разговор. Ну, а теперь, не сможете ли вы мне сказать, в чем действительно секрет ваших успехов? — он улыбнулся.

— Я — человек интуиции, — ответил Донал.

— Конечно, — согласился Сэйона, — конечно, вы — человек интуиции. Но только интуиция не может... — он рассмеялся. — Что ж, благодарю вас, Донал... И спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — не оборачиваясь, ответил Донал. Он чувствовал рядом Анну.

— Спокойной ночи, — сказал Сэйона в зале.

— Спокойной ночи, — ответила Анна.

Шаги Сэйоны пропали в тишине. Донал не двигался.

— Только интуиция, — повторил он шепотом, — только...

Он поднял глаза к неизвестным звездам, как человек утром на прохладном от росы поле в начале долгой дневной работы, когда свободный вечер еще так далеко. Он видел то, что ни один человек — даже Анна — не мог видеть. Медленно он опустил голову и повернулся, и по мере того, как он поворачивался, это выражение исчезало с его лица. Как сказала Анна, он спрятал свой блеск от людей, чтобы не ослепить их. Он бросил последний взгляд в неизвестное, в будущую жизнь человека.

К о н е ц

Гордон Р. ДИКСОН

В О И Н

Фантастический рассказ

Перевод с английского

В О И Н

Из-за перегрузки Лонг-Айлендского космопорта посадка корабля с Фриленда задерживалась. На пустом бетонном поле у стены космопорта стояли два полицейских офицера. Поднятые воротники плащей плохо защищали от дождя, а укрыться поблизости было негде. Дождь сменился снегом, и по посадочному полю побежали волны поземки. И в это снежное месиво опускался космический корабль.

— Приземлились, — в голосе лейтенанта Манхэттенской полиции Тибурна не было слышно особой радости.

— Говорить с ним, наверное, лучше мне.

— Разумеется, это же твоя работа, — Бриген, офицер полиции космопорта, рассмеялся. — Я же просто представитель космопорта. Встречу его на своей территории, представлю тебя и «до свидания». Честно говоря, не понимаю, что это вы так разволновались. Черт с ним, с этим Кенебуком, с его миллионами и бандитами. Пусть бы этот боевик его прикончил, вам же спокойнее.

— Это еще большой вопрос, кто из них кого прикончит. Кенсбук тоже не ягненок, — озабоченно сказал Тибурн. — А мы постараемся вообще не допустить убийств.

Огромный, как гора, корабль возвышался посреди посадочной площадки. В нем открылся посадочный люк, и развернулся пассажирский трап. В толпе спускающихся пассажиров оба офицера сразу заметили нужного им человека.

— Ну и дылда, — вырвалось у Бригена, и он взглянул на Тибурна, как бы ища поддержки.

— Эти профессионалы с Дорсая все очень высокие, — Тибурн почти дрожал от холода и передергивал плечами. — Там генетически вывели касту воинов.

— Я слышал, что они высокие, но этот, кажется, просто великан, — Бриген почти оправдывался. Первые пассажиры уже заходили в космопорт, и офицеры поспешили навстречу невозмутимому дорсайцу. Они подошли

достаточно близко и откровенно разглядывали его. Воин был в штатском, но его манера держаться придавала и этой одежде вид формы. Тибурн не раз встречался с дорсайскими воинами и всегда отмечал их заметное сходство друг с другом, возможно, это было следствием генетических экспериментов.

Но этот не был похож на остальных. Словно он был не обычный живой человек, а только воин, рожденный для сражений. Полиция успела получить на него анкетные данные. Родился в Форели на Дорсае. Имеет брата-близнеца. В примечаниях сказано, что брат его уравновешен и общителен, а сам Ян замкнут и мрачноват.

И приближавшийся офицер вполне соответствовал этой характеристике.

Тибурну вспомнилась старая шутка о Дорсае. Говорили, что если бы его жители захотели завоевывать, то им не смог бы противостоять даже союз всех 13 миров. Тибурн никогда об этом не задумывался. Но офицер, шедший ему навстречу, заставлял почувствовать разницу между Землей и Дорсаем. Это человек, чья жизнь и смерть подчинены другим законам.

Тибурн отмахнулся от этих путаных мыслей. «Солдат как солдат, просто настоящий профессионал», — успокаивал он себя.

Ян поравнялся с ними, и офицеры шагнули ему навстречу.

— Господин командующий Ян Грин? — выступил вперед Бриген. — Я — Кай Бриген из полиции космопорта, а это Вальтер Тибурн из полиции Манхэттена. Не могли бы вы уделить нам несколько минут для разговора?

Ян Грин кивнул. Было заметно, что это его не волнует. Он спокойно последовал за полицейскими, слегка сдерживая шаг, чтобы не заставлять их бежать. Они обогнули здание космопорта и подошли к незаметной железной двери с надписью «Посторонним вход запрещен». Служебный лифт поднял их на верхние этажи. Весь путь проходил в молчании.

Ян сидел в кресле и спокойно и безразлично рассматривал сидящего напротив Тибурна и стоящего у стены Бригена. А Тибурн глаз не мог оторвать от тяжелых, массивных рук воина, лежащих на подлокотниках кресла. Они были даже красноречивее, чем замкнутое, каменное лицо.

— Господин командующий, — Тибурн наконец ре-

шил заговорить, — мы получили сведения, что вы прибыли на Землю для встречи с одним человеком. Это правда?

— Я должен навестить родственника моего погибшего офицера, — ответил Ян. Голос у него был более живой, чем лицо, хотя ему и не хватало выразительности.

Чувствовалось, что он привык скорее скрывать, чем выдавать чувства. Тибуρν подумал, что с этим человеком будет трудно.

— Это Джеймс Кенебук?

— Вероятно он, — ответил Ян. — У меня в армии был лейтенант Бриан Кенебук. Три месяца назад он погиб. Джеймс Кенебук — его старший брат.

— И вы наносите визиты семьям всех своих погибших офицеров? — недоверчиво спросил Тибуρν.

— Это мой долг. Особенно, если они погибли на боевом посту.

— Понятно, — Тибуρν почувствовал себя неловко и сменил тему разговора.

— Оружия вы, разумеется, не привезли?

Так же невозмутимо Ян ответил:

— Нет.

— Понимаю. Да это и не особенно важно, — Тибуρν снова взглянул на тяжелые спокойные руки, — я думаю, что вы сами очень опасное, а может, и смертельное оружие. Вы в курсе, что у нас на учете в полиции все профессиональные боксеры и каратисты?

Ян кивнул.

Тибуρν облизнул губы. Он чувствовал, что начинает злиться.

Черт бы побрал такую работу. И плевать мне на Кенебука и все его миллионы! Стоит из-за этого нервы трепать.

— Ладно, командир. Давайте говорить откровенно. Полиция Северного Фриленда сообщила нам, что вы обвиняете в смерти своего офицера его брата Джеймса Кенебука.

Ян молча слушал, изредка вскидывая глаза на говорившего.

— Мы хотели бы выслушать ваши объяснения, — Тибуρν повысил голос.

Ян продолжал молчать, повисла напряженная пауза.

— Лейтенант Бриан Кенебук, — раздался спокойный голос Яна, — был командиром отряда в 36 солдат. Не оценив ситуацию, он завел свой отряд в окружение. Вый-

ти оттуда и добраться до своих частей смогли только пятеро: он и четыре солдата. За это он предстал перед трибуналом. против него выдвинуто обвинение в безответственности и непродуманных действиях, в смерти людей. Все четыре уцелевших солдата дали показания против него. Вам известно о Кодексе Чести Наемников? Согласно ему, Бриан Кенебук был приговорен к расстрелу.

Ян был так спокоен и убедителен, что слушателям нечего было сказать. Долгая звенящая пауза заставила Тибуерна действовать.

— Непонятно, при чем здесь Джеймс Кенебук. Бриан отличился там у вас и был наказан по вашим законам. Если уж кого-то обвинять в этой смерти, то скорее вас и ваше командование. Вы же обвиняете того, кого там и близко не было. Джеймс Кенебук Землю не покидал.

— Вы знаете, — пояснил Ян, — что Бриан был его братом.

Тяжело и холодно прозвучало в тишине это спокойное утверждение. Тибуерн почувствовал, как сжимаются его пальцы.

Он набрал воздуха и заговорил, как на докладе начальству:

— Командир, мне вас, конечно, не понять. Вы, дорсайцы, — воины от природы, а я только землянин. Но я также полицейский Манхэттена, и я отвечаю за спокойствие и безопасность в этом округе. Джеймс Кенебук проживает здесь, и, следовательно, я отвечаю и за его безопасность.

Тибуерн вдруг почувствовал, что избегает встречаться глазами с Яном, и заставил себя взглянуть ему прямо в лицо. Ян был все так же спокоен.

— Я обязан предупредить вас, что нам известно о ваших планах. Из вполне достоверных источников мы знаем, что вы решили отомстить за смерть офицера Бриана Кенебука, убив его брата Джеймса Кенебука. Информация неофициальная, поэтому мы не можем задержать вас, пока вы соблюдаете наши законы. Здесь, командир, Земля, а не воюющая периферия.

Тибуерн умолк, ожидая, что Ян хоть как-то отреагирует. Но тот продолжал спокойно слушать.

— Ни Кодекс Чести Наемников, ни законы пограничных планет не имеют здесь юридической силы. Здесь свои законы, и они исключают самосуд. Как бы ни был

виноват человек, пока суд не вынесет ему приговор, его никто не смеет и пальцем тронуть. Нравится вам это или нет, но дело обстоит именно так.

Тибуρν снова взглянул в глаза гостя. Все то же спокойствие. Вздыхнув, он продолжал:

— Возможно, вы твердо решили убить Кенебука, не думая, чего это будет вам стоить. Тогда я бессилен.

Он снова замолчал, давая возможность возразить, но Ян был по-прежнему невозмутим.

— Я понимаю, что вы можете просто подойти к Кенебуку и убить его голыми руками, и вас никто не успеет остановить. Но я вас предупреждаю, что в этом случае вы будете немедленно арестованы. И ни я, ни суд не усомнятся в вашей виновности. Запомните, командир, на Земле убийство — это преступление, которое не остается безнаказанным!

— Я понимаю, — сказал Ян.

— Слава богу! — Тибуρν, наконец, услышал его голос и почувствовал себя увереннее, — вы трезво мыслящий человек, как все профессионалы. Я считал, что вы, дорсайцы, должны избегать смертельного риска. А убийство Кенебука — для вас риск, безусловно, смертельный. Подумайте над этим как следует.

Ян взглянул на полицейского, словно спрашивал, закончил ли тот свою проповедь.

— Минуточку! — Тибурну приходилось нелегко. Все, что было сказано до того, он тщательно обдумал и подготовил, но, честно говоря, не очень верил, что это подействует на дорсайца. — Командир, вы человек военный и, значит, должны быть реалистом. Понимаете ли вы, что все, что вы знаете и умеете, на Земле бессмысленно? А того, что вам могло бы помочь, у вас нет и вы беспомощны? А у Кенебука есть все! Прежде всего деньги, и немалые. Знакомства во всех слоях общества до самого дна. Здесь, на Земле, он родился и вырос. Он здесь свой, он знает все и умеет этим пользоваться.

Тибуρν внимательно посмотрел на собеседника, решая, стоит ли говорить дальше.

— Я надеюсь, вы меня поняли. Здесь, на Земле, вы можете просто исчезнуть, и никто не докажет, что в этом виноват Кенебук. А вот если с ним что-то случится, вам не миновать трибунала. Так что взвесьте все «за» и «против».

Ян был так же невозмутим. Ни одна мысль, ни одно

чувство не отразились на его спокойном лице. Если он и понял предостережение Тибурна, то это не было заметно.

— Благодарю вас, — Ян строго держался в рамках официальности. — Если вы закончили, то я бы хотел пойти устраиваться.

— Это все, командир, — Тибурн так и не понял, что из сказанного воспринял собеседник.

Как только за Яном закрылась дверь, Тибурн откинулся в кресле и закрыл глаза, стараясь избавиться от ощущения унижения.

Бриген чувствовал себя не лучше.

От вокзала Ян направился к стоянке такси и поехал в гостиницу «Джон Адамс». Он снял номер в том крыле здания, где останавливались приезжие, и запросил инфослужбу о местопребывании Джеймса Кенебука. Ему ответили, что тот проживает в этом же здании, в крыле для постоянных жильцов.

Ян отправил Кенебуку визитку с просьбой о встрече и заказал себе завтрак. Потом он занялся распаковкой багажа. Сигнал пневмопочты раздался как раз тогда, когда он вынимал маленькую запечатанную коробочку. На подносе пневмопочты лежала его визитная карточка, на обороте ее было написано:

«Приезжайте немедленно. К.». Тем временем Тибурн поднялся в комнату над номерами Кенебука и включил аппаратуру наблюдения за Яном. Как бы ни злился он на собственное бессилие, сейчас следовало сосредоточиться на получаемой информации. По закону он не имел пока права вмешиваться. Тибурн видел, как Ян прошел по коридору, застеленному мягким ковром, к лифту. Спустился на этаж. Задержался на минуту у толстой стеклянной двери, разделяющей номера приезжих и постоянных жильцов «Джона Адамса». Ян положил свою визитку с приглашением Кенебука под расположенный на двери монитор. С тихим шипением дверь раздвинулась. Ян быстро шагнул вперед к лифту. Он вышел из лифта на 30 этаже и оказался в холле, где его уже ждали трое мужчин, коренастые, крепкие (один из них, с тяжелой выпяченной челюстью, был даже выше Яна) и чертовски опасные. Тибурн, видевший их на экране телевизора, сразу узнал старых знакомых по полицейской картотеке. Это были асы подворотен. Наверняка Кенебук нанял их, как только узнал о приезде Яна. Их сила, как и умение

владеть любым оружием, делали их достаточно опасными. Не приходилось сомневаться, что они не раз проводили время за тюремной решеткой. Цепные псы, сливки Нью-Йорского дна. И с первого же своего шага на земле Яну приходилось противостоять им. Он на секунду замер. А дальше началось что-то странное. Эти трое словно окаменели. Тибурн видел, что они собирались обыскать Яна, когда нечто остановило их, как приморозило. Что-то изменилось в самой обстановке, и они это учуяли. Почувствовал это и Тибурн, хоть и видел все только по телевизору; почувствовал, сам не понимая, что. И только через некоторое время осознал ситуацию.

Изменился сам Ян. Он не шевелился и выглядел таким же терпеливо выжидающим, как и в бюро космопорта. Он и был таким до той самой минуты, когда, шагнув из лифта, оказался в окружении трех громил. Внешне Ян как будто совершенно спокойно ожидал их действий. Однако Тибурн мгновенно понял: любой, кто коснется дорсайца, — умрет. Одного прикосновения смертоносной руки будет вполне достаточно. Тибурн впервые так близко наблюдал влияние силы профессионала с Дорсая; силы настолько очевидной, что она не нуждалась в словах. Сам вид Яна таил угрозу. И если его окружали цепные псы, то сам он был диким волком. Пес, почти любой, проигрывая в бою, убегает или сдается. Волк же или побеждает, или умирает.

Когда стало ясно, что никто из встречающих не испытывает желания познакомиться с ним поближе, Ян сделал следующий шаг. Он спокойно прошел мимо громил, не задевая их, подошел к внутренней двери, нажал ручку и вошел.

Он оказался в салоне с огромным окном, залитым дождем. Огромный, как гимнастический зал, салон был полон людей. Дамы в богатых бальных платьях, парадно одетые мужчины. Кое-кто держал в руках бокалы. Воздух был пропитан сигаретным дымом, запахом духов и вина. Никто не обернулся на входящего Яна, но он чувствовал, что общее внимание сосредоточено на нем.

Он прошел через весь салон к окну, у которого стоял очень высокий мужчина. Он был атлетически сложен и, седовласый, скуластый, смотрелся совсем неплохо. На подходящего к нему Яна он смотрел с явным изумлением.

— Грин? — нервно спросил он. Голос был странный,

какой-то неуверенный. Он то отдавал чем-то блатным, то срывался на дискант капризного ребенка.

— Что с моими людьми, — он заставил себя пошутить, — ты, случаем, не проглотил их?

— Неважно, — четко проговорил Ян. — Ты Джеймс Кенебук? Вы с братом похожи.

Кенебук посмотрел в глаза дорсайца.

— Извините, — он отставил бокал на тут же появившийся поднос и, пройдя через толпу в холл, плотно прикрыл дверь. Во внезапно наступившей тишине отчетливо и громко долетал из-за двери его сердитый голос. Он вернулся в комнату красный от злости и снова обратился к Яну:

— Они должны были тебя встретить и предупредить меня.

Он замолчал, ожидая объяснений Яна, но тот молча разглядывал его. И под его взглядом Кенебук краснел все сильнее.

— Ну, — он решился, наконец, заговорить, — тебя, наверное, прислал Бриан? Что ты мне о нем скажешь? — и добавил, прежде чем Ян успел ответить. — Знаю, что он убит. Не стоило ехать с этим сообщением. Хотя мне приятно было бы услышать, что Бриан был отличным парнем, рискованным и смелым, что, скажем, просил не завязывать ему глаза перед расстрелом и что-то вообще такое...

— Нет, — Ян покачал головой, — героем он не был.

Кенебук как-то резко дернулся.

— И ты перся в такую даль, чтоб сказать это? Я думал, вы дружили...

— Я его не любил, — так же спокойно пояснил Ян. Кенебук в растерянности уставился на него.

— Что я могу сказать о Бриане? — продолжал Ян. — Его интересовали только слова, это нехорошо для солдата и еще хуже для офицера. Если бы до начала Фрилендской кампании у меня было время разобраться, я снял бы его с командования. По его вине мы потеряли тридцать два человека.

— Вот оно что, — Кенебук пристально посмотрел в глаза Яна, — значит, ты в этом винишь себя?

— Нет, — Ян ничего не добавил к этому отрицанию, но даже Тибурн, наблюдавший по телевизору, понял его.

— Так почему бы тебе не оставить все это в покое? Зачем нужно было сюда ехать? — Кенебук не понимал и опять начинал злиться.

— Из чувства долга.

Кенебук замер. Ян потянулся к карману, в котором могло быть оружие. Он двигался намеренно медленно, чтобы окончательно не перепугать Кенебука. В руках его оказалась маленький пакет.

— Это личные вещи Бриана.

Он положил пакет на столик возле Кенебука. Тот немедленно уставился на пакет. Кровь отлила от его щек, и лицо скоро стало блее седых волос. Он осторожно потянулся к пакету, словно боясь, что тот взорвется. И вдруг быстро схватил пакет. Потом поднял на Яна вопрошающий взгляд:

— Это здесь? — он подчеркнул слово «это».

— Это личные вещи Бриана, — повторил Ян.

— Да... спасибо, — с трудом произнес миллионер. Заметно было, как он старался держать себя в руках, но голос его не слушался. — Это все?

— Да, — подтвердил дорсаец.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— До свидания, — Ян повернулся и вышел. Громи-лы из холла исчезли, и Ян спокойно прошел к лифту.

Тибуρν опередил его, так как служебный лифт шел без остановок. Он встретил Яна в его комнате. Ян ничуть не удивился и прошел прямо к столику, на котором стояла бутылка дорсайского виски, принесенная в его отсутствие. Он налил себе бокал.

— Слава богу, все кончилось хорошо, — Тибуρν был доволен, — вы встретились, поговорили и оба остались живы. Когда вы теперь улетаете?

— Вы ошибаетесь, наш с ним разговор еще впереди. Выпьете немного?

— На службе не положено, — Тибуρν опять расстроился.

— Мне придется еще задержаться здесь, — спокойно продолжал дорсаец. Он плеснул виски во второй бокал и поднес его Тибурну. И против своего желания тот подчинился и взял выпивку. Ян подошел к огромному, во всю стену, окну.

За окном уже стемнело. Далеко внизу, у подножья небоскреба, светились огни города. По стеклу ползли тяжелые капли холодного дождя.

— Бросил бы ты все это, — Тибуρν снова принялся уговаривать. — Как ты не поймешь, что все это может

плохо кончиться. Для тебя оставаться здесь — значит искать смерти. Я еще раз повторяю, что здесь, в комплексе Манхэттена, беспомощен именно ты, а не Кенебук. И Кенебук, возможно, уже решил, что ему с тобой сделать.

— Нет, — ответил Ян, отворачиваясь от окна. — Он ничего не решит, пока не будет твердо уверен.

— Не будет уверен в чем? — Тибурн разозлился уже всерьез. — Послушайте, командир, мы здесь не в игрушечки играем. Не успели мы получить сведения, что вы собираетесь на Землю с визитом, как Кенебук обратился к нам с просьбой об охране. И не спрашивайте меня, откуда он об этом узнал, — я не знаю. Поймите, наконец, что он достаточно могущественен. И дело в даже не в его деньгах. От него можно всего ожидать — особенно вам. А мы... Хоть он и обратился к нам за помощью, мне кажется, он будет рад оставить нас в дураках. Вы помните этих красавчиков в холле?

— Да, — невозмутимо произнес Ян.

— Вот и славно. По крайней мере, поймите, что я вас не даром предупреждаю. И, может быть, даже забочусь я прежде всего о вас, поверьте. Могу добавить, что полиции очень давно известно, что Кенебук хотел избавиться от брата. Очень давно — когда Бриану было только 10 лет. Но, командир, честное слово, Бриан был многим лучше!

— Я это знаю, — сказал Ян, усаживаясь в кресло.

— Вот и хорошо, что знаете. А историю этой семейки вы тоже знаете? Дедушка Кенебук был тут знаменитостью в своем роде. Он умудрялся иметь касательство к любому крупному преступлению на восточном побережье. Из старинного и влиятельного гангстерского клана был этот дедушка. Папаша старательно отмывал деньги и успел все, что можно, вложить в легальный бизнес. Так что наследники Джеймс и Бриан получили капитал чистеньким. Такие законопослушные граждане, что даже за стоянку в неположенном месте не оштрафуете. Джеймсу в это время было двадцать, а Бриану исполнилось только десять. И после смерти отца ничто не напоминало о сомнительном прошлом. Хотя связи с кланом, несомненно, остались.

Ян потихоньку отхлебывал виски и слушал Тибурна с видимым интересом.

— Начинаете соображать? — настойчиво повторил Тибурн. — Так вот, по закону к Кенебуку не придаться. Но яблоко от яблони недалеко падает. Он родился в бан-

дитской семье и мыслит, как бандит. У них у всех врожденное отвращение к дележке — даже с родным братом. Убить Бриана он не мог, но постарался сломать его и устроил такую веселую жизнь, что мальчик сбежал из дому. А теперь и вообще погиб.

Ян утвердительно кивнул.

— Я думаю, вы согласны, — продолжал Тибурн, — что здесь Кенебук выиграл. Он добился своего — Бриан ушел из дому и завербовался в солдаты. А вот с вами ему связываться совсем не хочется. Да, командир, несмотря на свои миллионы и вздорный характер, это очень трезвый, разумный и сильный человек. Он понимает, что для борьбы с вами ему пришлось бы отказаться от всего, что он ценит: от женщин, виски, музыки. А зачем ему это? Бриан выбыл из игры. Он по глупости попал в окружение и погиб, что и требовалось Джеймсу. И этого уже никто не изменит. За Кенебука закон, деньги, связи и влияние. А против — вы, в одиночку. И вы рассчитываете в такой ситуации на победу?

— Я исполню свой долг, — ответил Ян. Он отпил еще глоток виски и машинально покрутил в пальцах бокал.

— И вы, офицер, должны это хорошо понимать. Так ли уж важен этот ваш долг? — воскликнул Тибурн.

Ян быстро взглянул ему в лицо и опять занялся своим бокалом.

— Самое важное — долг командира перед солдатами, — Ян говорил медленно, как что-то давно и глубоко продуманное. — Солдат целиком зависит от офицера и имеет право на полную заботу о себе. Офицера, забывшего об этом, судят, и это служит уроком остальным. Это справедливо, и такое положение дел создает взаимную ответственность, которую мы называем долгом.

Тибурн выглядел ошеломленным.

— И вы хотите восстановить справедливость во имя солдат, погибших по вине Бриана, — Тибурн только сейчас начал понимать, что руководило Яном, — для этого вы и пришли сюда?

— Да, — Ян утвердительно кивнул и отсалютовал бокалом.

— Но Кенебук штатский и не подчинен вашим законам.

Тут раздался звонок видеофона. Ян поставил пустой бокал и включил прием. Его широкие плечи полностью

загородили экран, но слышать Тибуρν мог все. Вызывал Джеймс Кенебук.

— Алло, Грин?

Пауза. Спокойный голос Яна:

— Я вас слушаю.

— Я сейчас один, — голос Кенебука казался резким и неестественным, — вечеринка кончилась, и я на досуге разобрал вещи Бриана.

Он умолк. Тибуρν всей кожей чувствовал какую-то недосказанность и нарастающее напряжение, которое Ян не спешил разрядить. Он выдержал хорошую паузу, прежде чем спросить:

— И что?

— Не принимай всерьез нашу первую встречу, — Кенебук почти извинялся, и только резкий тон совсем не соответствовал словам, — может, попробуем еще раз? Поднимайся ко мне, и поговорим о Бриане по-хорошему.

— Иду, — Ян кивнул и выключил экран.

— Стойте! — Тибуρν вскочил на ноги. — Вы не должны с ним встречаться!

— Почему? — Ян насмешливо улыбнулся. — Вы же видели — он сам пригласил меня.

Тибуρν сразу остыл.

— Да, конечно. Вы приглашены. А вы не подумали, зачем ему это нужно?

— Поговорить о Бриане. Сейчас он перебирал его вещи, и он один, и свободен.

— Но в этом пакете ничего интересного нет! Нам на таможене дали список: часы, бумажник, паспорт... Обычные вещи солдата.

— Да, ничего интересного, — согласился Ян, — поэтому он и хочет послушать меня.

— А что вы можете ему сказать?

— То, что он хочет от меня услышать.

Полицейский смотрел с нескрываемым удивлением.

— Джеймс всегда опасался Бриана, — терпеливо, как ребенку, начал объяснять Ян. — Ему казалось, что Бриан может стать более значительной личностью, чем он сам. Поэтому-то он и пытался сломать его, а когда это не удалось, решил просто убить.

— Но Джеймс не убивал брата!

— Вы уверены? — с усмешкой сказал Ян и подошел к двери.

Тибуρν сидел, как громом пораженный. Наконец,

справившись с собой, он рванулся к двери и положил руку на плечо дорсайца.

— Постойте, — он почти кричал. — Кенебук не станет встречаться с вами один на один. Эти трое бандюг — его постоянная охрана. Я уверен, что вас там ждет ловушка.

Ян осторожно, чтобы не обидеть, отстранил полицейского.

— Я тоже так думаю, — сказал он и вышел. Тибури замер в дверях и долго смотрел ему вслед. Только когда Ян исчез в лифте, он очнулся. Рванулся к служебному лифту, спеша включить аппаратуру наблюдения. В холле никого не было. Ян подошел к двери в салон и, так как она была приоткрыта, вошел без стука. На столах стояли неубранные бокалы и набитые окурками пепельницы. Кенебук сидел перед окном. Увидев дорсайца, он встал. Ян подходил все ближе и остановился в одном шаге от Кенебука. Он пристально вглядывался в лицо гостя, ожидая, что тот заговорит, но, так и не дождавшись, махнул рукой в сторону кресла, предложив сесть. Ян непринужденно устроился в кресле, и Кенебук вернулся на свое место.

— Выпьешь? — предложил Кенебук, кивнув на бутылку и стакан, стоящие на столе.

— Пакет, который вы мне передали, — медленно заговорил Кенебук потом, пристально глядя в глаза Яну, — содержал только личные вещи Бриана?

— А что еще там могло быть? — дорсаец, казалось, удивился.

Пальцы Кенебука вцепились в ножку бокала. Он казался удивленным и даже возмущенным. И вдруг неожиданно рассмеялся, сбрасывая напряжение, громко и вполне искренне.

— Вы не поняли, командир, — наконец выдохнул он. — Здесь я буду спрашивать, а вы отвечать. Итак, зачем ты сюда явился?

— Исполнить свой долг, — ответил Ян.

— Какой долг? — удивился Кенебук. — Кому и что ты должен?

Казалось, что он сейчас опять зальется смехом, но что-то удерживало его, и он притих. — Неужели ты должен Бриану? Ты же не был с ним связан.

— Как бы я к нему ни относился, я не забываю, что он был моим офицером.

— Так ли это важно — быть одним из твоих офицеров? Прежде всего он был моим братом!

— Нет, — так же спокойно возразил Ян, — когда речь идет о справедливости, родство не в счет.

— Какой справедливости? — Кенебук все-таки не удержался от смеха. — Ты приехал искать справедливости для Бриана?

— И для его погибших солдат...

— Тридцать два солдата, — Кенебук опять рассмеялся. — Эти тридцать два мертвеца. Но я не знал этих людей и не был с ними. Так что в их смерти не виновен ни сном, ни духом. Их подвел Бриан, он и поплатился за это. Ясно, что он со своим отрядом мог захватить штаб противника. И сразу получить всю славу и почести. — Кенебук снова ухмыльнулся. — И если это им не удалось, то, черт возьми, при чем здесь я?

— При том, что Бриан старался для тебя, — сказал Ян. — Он пошел на это, только чтобы доказать тебе, что он парень отчаянный.

— Я не виноват, что он так и не стал взрослым и до меня ему было, как до неба, — Кенебук поигрывал бокалом и вдруг выплеснул себе в рот все вино. И попытался опять улыбнуться.

— Он никогда бы не дорос до меня, — Кенебук все так же крутил бокал, — просто я не хотел подчеркивать, что сделан из другого теста, — он поднял на Грина совершенно пустой взгляд. — И ты запомни хорошенько, я — другой.

Ян не собирался отвечать. Кенебук уставился на него, меняясь в лице.

— Ты не веришь мне? — приознес он настойчиво. — Лучше скажи сразу, но верь, что я не похож на Бриана. Я же рискнул встретиться с тобой наедине.

— Да неужели?

Тибурн, наблюдавший все это на экране, впервые услышал в голосе Яна вполне человеческое удовлетворение.

— Здесь мы вдвоем, — Джеймс снова рассмеялся, но на этот раз в смехе явно слышалось бахвальство. — Разумеется, за стеной сидит моя охрана. В нашем деле стоит быть предусмотрительным. Ну, и еще небольшой сюрприз для тебя.

Он свистнул, и тут же к его ногам метнулось нечто, на первый взгляд казавшееся собакой. Черное металлическое создание очень быстро скользило на воздушной подушке.

Ян заинтересованно разглядывал его. На полу стояла металлическая коробка с двумя гибкими щупальцами. Дорсаец удивленно кивнул:

— Автомед.

— Точно, — подтвердил Кенебук, — с настройкой на меня. Как бы вторая линия обороны. Если ты справишься с моей охраной, со мной все равно ничего не случится. Даже если ты доберешься до меня, автомед успеет меня спасти. Так что на свои похороны я тебя не приглашаю. Тебе со мной не справиться. Лучше сдавайся сразу.

Кенебук снова рассмеялся и оттолкнул автомед:

— На место! — и машина тут же убралась назад под кресло.

— Теперь ты видел все, — объяснил Кенебук, — я хорошо подстраховался. И, думаю, вполне резонно. Ты профессионал, а значит, ты сильнее и опытнее меня. Следовательно, для того, чтобы выиграть у тебя, я должен был привлечь постороннюю силу, с которой тебе не справиться. И я сумел ее найти. Теперь в этом положении тебе ничего не сделать. Все. Ты выключен.

Он наконец оставил в покое свой бокал.

— Я не Бриан. Я доказал, что могу справиться и с тобой.

Грин молчал. Тибурн буквально впился в экран.

— Вот только захочешь ли ты? — вдруг усмехнулся Ян.

Кенебук вытаращил глаза. Кровь бросилась в голову, заливая щеки нервным румянцем.

— Ты что, издеваешься? Хочешь попробовать? — Джеймс вскочил на ноги и, уже не сдерживаясь, забегал по салону.

Тибурн ни секунды не сомневался, что разыгрывается ранее спланированный сценарий. Он не раз это видел: возмущение, эмоциональный всплеск — и адвокат толкует о «состоянии аффекта».

Но Грин об этом, конечно, знать не мог.

— Этот боевик вооружен? — спросил Тибурна техник, обслуживающий аппаратуру.

— Ему этого не надо.

— А вот у Кенебука оружие есть, — техник ткнул пальцем в подмышку Кенебука. — Там пистолет.

Тибурн сильнее стиснул и без того ноющие пальцы и грохнул кулаком по столу.

— Только этого не хватало!

Кенебук все еще орал. Вот он демонстративно подставил Яну спину:

— Ну, валяй, я даю тебе шанс. Дверь заперта, и здесь никого нет. Не веришь?

Он бросился к окну и убрал силовое поле. Дождь со снегом ворвался в комнату. Кенебук снова повернулся к Яну.

Тот стоял, не сделав ни одного движения. Концертный номер не удался. Надо было менять тактику.

— В чем же дело? — Кенебук и не думал скрывать насмешки. — Расхотелось? А может, ты, Грин, просто трусишь?

— Мы не закончили разговор о Бриане.

— Ну разумеется, о Бриане, — Кенебук уже не уступал в спокойствии Яну. — У него губа не дура — хотел стать таким, как я. Прямо из кожи лез, да ничего не вышло, — миллионер взглянул на Яна. — Вот и эту вашу операцию провалил. У него ничего не могло получиться. Типичный неудачник.

— Ему хорошо в этом помогли!

Кенебук дернулся в кресле.

— Я вас не понимаю! Что за помощь?

— Исключительно твоя, любящий братец, — голос Грина ударил, как хлыст. — Ты постарался сделать из него второго себя — так легче было предвидеть его реакции. Ты заранее готовился к большой игре, и у тебя всегда была своя команда. А Бриан был всегда один, и все шишки сыпались на него одного. Еще бы тебе не выиграть!

Кенебук с трудом перевел дыхание.

— Что за чушь ты несешь! — крикнул он. И только тут заметил, как внезапно сел его голос.

— Ты пытался довести его до самоубийства, — продолжал в том же тоне Грин, — но Бриан на это не способен. Он хорошо знал, что у него тоже есть права. Но больше всего ему хотелось добиться твоего признания. Он давно уже понял тебя и твои цели, но с детства осталось желание заслужить похвалу именно от тебя. Все понимал, и все-таки мечтал доказать, что он ничем не хуже тебя. До самого своего конца он играл в подстроенную тобой игру.

— Ну и что? — буркнул Кенебук. — Давай уж, рассказывай все до конца.

— Вот он и решил улететь с Земли и завербоваться в

солдаты. Не из патриотизма, как колонисты Ньютона, не потому, что был рожден для войны, как дорсайцы, и не в поисках приключений, как рудокопы с Кобы. Только чтобы доказать тебе, что ты в нем ошибся. Он выбрал такую сферу деятельности, где у тебя не было никакой власти. Он постоянно писал тебе обо всем и, наверное, в глубине души надеялся, что когда-нибудь ты встретишь его, как родного.

Кенебук с горящими глазами сидел в кресле и тяжело дышал.

— Но в твои планы это не входило, — терпеливо продолжал Ян. — Ты не замечал его писем и не отвечал ему. Наверное, ты ждал, что от одиночества он запсихует и на чем-нибудь сорвется. Но все сложилось совсем не так. Его заметили и стали продвигать по службе. И вот он уже офицер, командир отряда. Это тебя насторожило. Если так пойдет дальше, Бриан быстро займет видное положение. Этого ты допустить не мог.

Кенебук сидел молча, словно погруженный в транс.

Ян заканчивал свое обвинение:

— И ты решил действовать. В свой день рождения, как раз накануне той несчастной ночи, он получил поздравительную открытку, первую весточку от тебя. Вот, полюбуйся!

Ян вынул из кармана сложенную открытку. Похоже было, что ее сначала раздраженно скомкали, а потом пытались разглядить горячим утюгом. Ян развернул ее и сунул рисунок с текстом чуть не под нос Кенебуку. Тот взглянул и опустил глаза. На открытке был небрежно нарисован заяц с карабином и валявшимся под ногами шлемом.

Кенебук пристально посмотрел на Яна. Губы его дернулись, но вместо улыбки лицо скривила нервная гримаса.

— У тебя все? — спросил он.

— Еще нет. Кроме открытки... — Ян снова потянулся к карману.

— Хватит! Довольно! — завопил Кенебук. Неожиданно он вскочил на ноги, поставил кресло между собой и Яном и отступил к окну. Тут же в руке у него оказался пистолет, и он немедленно выстрелил. Ян не шелохнулся. Только вздрогнули мышцы, приняв в себя пулю.

Обыкновенный раненый человек в такой ситуации теряет сознание. А дорсайца ранение будто оживило. Он

поднялся с кресла и двинулся на Кенебука. Тот закричал и продолжал ошалело палить, отступая к окну.

— Сдохни! Исчезни! — вопил он, но дорсаец надвигался, неизбежный, как судьба. Пара пуль попала в него, но он только встряхивался, как попавший в воду пес. Кенебук уперся ногами в подоконник. Отступать дальше было некуда. Он затравленно озирался, не видя выхода. Патроны кончились. Завизжав, он швырнул бесполезный теперь пистолет в голову Яна и, неожиданно быстро повернувшись, выпрыгнул в окно. Его визг скоро затих, заглушенный ветром. Лететь ему предстояло 30 этажей.

Ян остановился. Его рука все еще сжимала то, что так испугало Кенебука. Мгновение он еще держался на ногах и вдруг тяжело рухнул на пол.

Когда, пробив потолок, Тибуρν и техник спустились в номер, они сразу увидели на ковре выпавшие из разжавшихся пальцев Грина вещи. Тюбик желтой краски и кисточка — символы трусости.

Через две недели после этих событий Тибуρν и Ян прощались там же, где встретились вначале, — у здания космопорта. Был такой же дождливый и холодный день, и дорсаец, еще не вполне здоровый, кутался в плащ.

— Но вы должны признать, — Тибуρν все продолжал их давний разговор, — что вы победили только благодаря счастливому случаю. Шансов справиться с Кенебуком и остаться живым у вас практически не было.

— Не согласен! — засмеялся Грин. — Здесь не было ни случая, ни удачи. Все произошло, как и было задумано.

В больнице он очень похудел, теперь его телесная мощь не так явно бросалась в глаза, зато тем заметнее стала жизненная сила, отличающая дорсайцев.

Тибуρν недоверчиво и удивленно посмотрел на Грина.

— Трудно поверить! Слишком сложное построение, могло посыпаться от любого толчка. Кенебук мог не отослать охрану, вы могли не взять эту открытку, он мог вообще поставить вместо себя профессионального убийцу...

Неожиданно он замолчал, словно его осенило какое-то новое соображение.

— Значит, готовя эту ловушку с открыткой, вы заранее знали, что останетесь с ним с глазу на глаз? Почему?

— Кенебуку не нужны были свидетели. Ему нужен

был поединок. Видимо, это его способ самоутверждения. А для меня это повседневная работа. Вы об этом забыли. И вы, и Кенебук были уверены, что в ваших условиях я буду беспомощен. Вот я и воспользовался вашей уверенностью.

— Но Кенебук вас пригласил сам. Он навязал вам свою игру, и вы ее приняли.

— Разумеется. Он должен был быть твердо уверен, что он хозяин положения: он у себя дома, он защищен, он может в любую минуту убить меня.

— Но это действительно так и было, — настаивал Тибуρν, — хозяином положения был он.

— Это только казалось. Он многого не знал и во многом сомневался. И выяснить все это хотел у меня. Прежде всего, его беспокоила открытка. Он хотел точно знать, есть ли она у меня с собой. Поэтому и затеял этот обыск в холле, но его люди трусили.

— Знаю, видел, — буркнул Тибуρν.

— А еще он хотел знать, понимаю ли я его роль в этой истории. Знаю ли, что только из-за этой его провокации Бриан нарушил приказ и повел людей на рискованную операцию. Он думал найти эту открытку в пакете с личными вещами Бриана и не нашел. Тогда решил организовать дело так, чтобы получить возможность отобрать у меня эту открытку и заставить рассказать все, что мне известно. Для него это было важно, потому что он-то знал, что сам толкнул Бриана на эту бредовую затею. То, что Бриана судили и расстреляли, особого значения не имело. В этом мире не принимают всерьез ни законов, ни судов. Но я мог сказать и доказать, что Бриан был смелее и сильнее своего старшего брата, а вот этого он допустить не мог. Поэтому выслушать меня он собирался без свидетелей и убрать тоже сам, своими руками.

— И это ему почти удалось, — закончил Тибуρν. — Еще бы немного...

— Но ведь там был автомед, — спокойно объяснил Ян. — Я не сомневался, что такой человек, как Кенебук, подстрахует на все случаи жизни.

Над космопортом прозвучал сигнал на посадку. Ян поднял свой чемоданчик.

— До свидания, лейтенант, — произнес он, подавая руку Тибурну.

— До свидания, командир. Но вы знаете, мне все-таки не верится. Значит, вы вот так, все понимая, созна-

тельно шли в эту ловушку? И были уверены в исходе поединка?

Ян уже направлялся к кораблю, стоявшему далеко на взлетном поле. И вдруг Тибуρν сорвался с места и, в два прыжка догнав дорсайца, схватил его за плечо. Ян резко повернулся.

— Подождите, — крикнул Тибуρν, — я, кажется, понял. Вы заранее знали, что он будет стрелять в вас и вполне может убить. И вы сознательно пошли на это в память тех тридцати двух убитых солдат, я прав? Наверное. Но просто в голове не укладывается, как человек может решиться на такое. Подобная выдержка не по силам никому, даже профессиональному солдату.

Ян задумчиво посмотрел на полицейского.

— Если говорить честно, то я не просто солдат, как вы это понимаете. Для вас солдат — это профессия, и только. Так же думал и Кенебук. Эта ошибка и погубила его. Он думал, что в непривычной обстановке, где нельзя применить свою выучку, я буду беспомощен. Но вы забыли, что я дорсаец, для меня война не профессия, а жизнь, для которой я рожден.

Тибуρν почувствовал легкий озноб.

— Так кто же вы все-таки?! — воскликнул он. Ян посмотрел ему в глаза своим спокойным отрешенным взглядом и тихо ответил:

— Я — созданный для боя воин с Дорсая.

Затем он повернулся и быстро пошел к кораблю. А Тибуρν долго еще видел его голову, плывущую над толпой пассажиров.

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный путь	5
Кто скорбит по Адонаю	7
Оборотень	33
Райский синдром	54
Метаморфоза	78
Смертельные годы	101
Элаан из Трои	132
В Альтернативную вселенную. Роман	163
Четырехдневная планета. Роман	259
Прирожденный полководец. Роман	409
Воин. Рассказ	549

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ
С Е Р И И:

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Френк ХЕРБЕРТ

ЗВЕЗДА ПОД БИЧОМ

А. Бертрам ЧАНДЛЕР

КОНТРАБАНДА ИЗ КОСМОСА

Ли БРЕККЕТ

БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МСТ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

РОМАНЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МАСТЕРА
ФАНТАСТИКИ

А. Д. Фостера

«ЧУЖОЙ»

«ДО ПОСЛЕДНЕЙ ТОЧКИ»

«ЧЕРНАЯ ДЫРА»

«ИЗВНЕ»

*Романы написаны на основе знаменитых
фильмов с триумфом обошедших экраны
всего мира*

*По вопросам оптовых закупок обращаться по адресу:
195279, Санкт-Петербург, Индустриальный пр., 38/1,
издательство «МСТ».*

Телефон: (812) 529-14-49, факс: (812) 529-14-51.

МСТ

1992

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МСТ

**В 1993 году в серии «Тайны Востока»
выйдут следующие романы:**

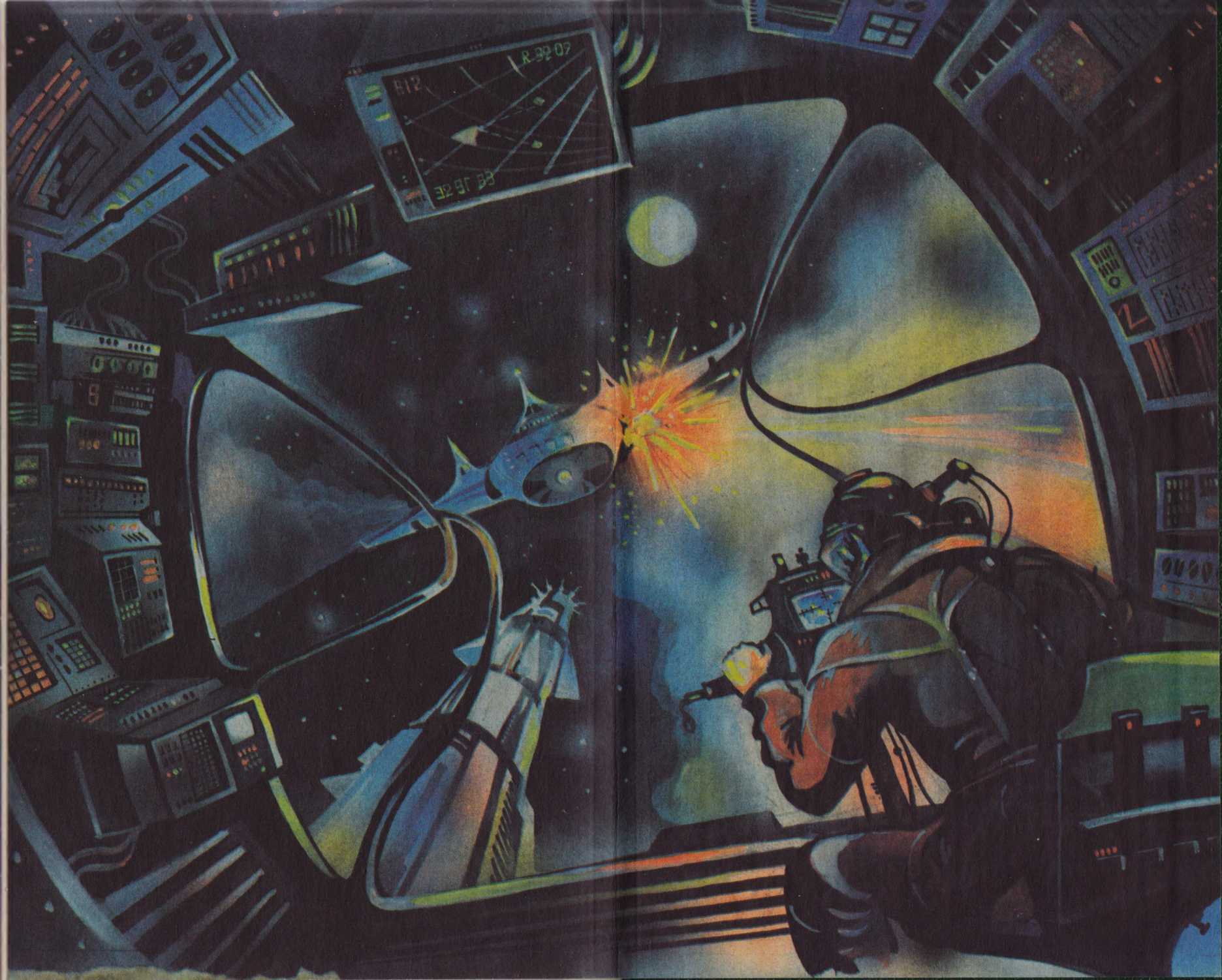
Эрик Ван Ластбадер

**НИНДЗЯ
МИКО (Женщина-ниндзя)
ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ
ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЦЕЛУЙ**

Лючия Сент-Клер Робсон

ДОРОГА ТОКАЙДО

А также в серию войдут другие, не менее зна-
менитые триллеры о Японии, Китае и других странах
Востока. Таинственные боевые искусства, самураи и
ниндзя в прошлом и настоящем...

ЭВЕРЭДНЬИ* ПУТЬ

...Корабль Клингона выстрелил. «Энтерпрайз» рванул в сторону и начал вращаться в ослепительном блеске пламени, отраженном от его поврежденных щитов...

«Звездный путь»

...Со стороны кормы раздалось короткое жужжание. Корабль слегка качнуло и за иллюминаторами не было больше ничего — ни странного корабля, ни вытянутой в форме большой линзы Галактики, ни звезд, ни туманностей...

«В Альтернативную Вселенную»

...«Явелин» быстро шел вверх, но все же медленнее монстра. Тот уже был на поверхности, в пятидесяти ярдах позади корабля. Он молотил по воде сорокафутовыми крыльями-плавниками, изогнув шею для удара...

«Четырехдневная планета»

...Никакого предупреждения не было. Битва началась внезапно. Орудия корабля, в котором находился Донал, открыли огонь. Потом...

«Прирожденный полководец»

ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ